

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Новосибирский государственный педагогический университет

На правах рукописи

ПЕРЕВОЗКИНА ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА

**СОДЕРЖАНИЕ И СПЕЦИФИКА РОЛЕВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ**

19.00.05 – Социальная психология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Новосибирск – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ	31
1.1. Теоретико-методологические подходы к пониманию социализации	31
1.2. Роль как особая категория социальной психологии.....	70
1.3. Содержание ролевой социализации в процессе формирования личности.....	79
Выводы по 1 главе.....	111
Глава 2. РОЛЕВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	115
2.1. Особенности ролевой социализации личности в подростковом возрасте и в период молодости.....	115
2.2. Проблемы ролевой социализации личности при интеграции в социальное пространство	141
Выводы по 2 главе.....	165
Глава 3. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РОЛЕВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ	170
3.1. Постановка проблемы исследования ролевой социализации как системного комплекса субстанционально-темпорального типа.....	170
3.2. Структура ролевой социализации личности	180
3.3. Функционирование и развитие ролевой социализации личности	243
Выводы по 3 главе.....	280
Глава 4. ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ И СПЕЦИФИКИ РОЛЕВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ	288
4.1. Дизайн исследования ролевой социализации личности	288

4.2. Концептуально-методологическое обоснование методики «Калейдоскоп» для изучения социально-ролевого профиля личности	296
4.3. Исследование структуры ролевой социализации молодежи	332
4.4. Ролевая специфика формирования личности	423
Выводы по 4 главе	490
Глава 5. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ СУБСТАНЦИОНАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНОЙ СИСТЕМНОСТИ РОЛЕВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ	504
5.1. Закономерности содержания ролевой социализации личности как системного комплекса субстанционального типа	504
5.2. Специфика ролевой социализации в ее темпоральной системности	529
Выводы по 5 главе	554
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	562
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	581
ПРИЛОЖЕНИЯ	643

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы исследования определяется потребностью в осуществлении научного анализа проблемы ролевой социализации, которая является магистральным путем формирования личности. Ролевая социализация выступает одним из основополагающих процессов развития, становления и совершенствования личности. В силу приведенных аргументов решение проблемы ролевой социализации заключается в том, что ее следует признать важнейшим моментом в разработке фундаментальной проблемы личности. Действительно ролевая социализация предполагает соотношение индивидуального и общественного, единичного и коллективного. В этом уникальном взаимодействии рождается неповторимое личностное своеобразие, выводящее каждого субъекта социальных отношений на качественно новую ступень развития. Поэтому особый вес приобретает научный анализ ролевой социализации личности, ее специфики и содержания, содействующих развитию фундаментальных представлений в социальной психологии и психологии личности, что имеет несомненно важное методологическое значение.

Современное общество вступило в эпоху сложно организованных знаний и систем, которые включают многомерные, гетерогенные представления о реальности, что предполагает использование новых методологических приемов. Расширение научных знаний детерминировало трансформацию понимания ролевой социализации, которая затрагивает интересы социологии, культурологии, психологии личности и социальной психологии. Сложность конструкта ролевой социализации определяется объединением различных систем, таких как общество, культура, личность и пр. В свою очередь, эти системы характеризуются многоуровневостью, гетерогенностью и поливариативностью. Это требует реализации оригинальных решений, применения новых приемов и средств научного познания, адекватных вызовам современной науки.

Не менее очевидным в данном вопросе является существующее понимание двустороннего характера социализации как результата и как процесса, что усложняет решение научной задачи. В этой связи исследователями оба аспекта изучаются практически изолировано друг от друга. Данное обстоятельство обнаруживает существенную концептуальную неполноту, сложившуюся в социально-психологической теории социализации личности. Вместе с тем игнорирование концептуальных синтезов временной и структурной организации лишает исследование ролевой социализации одного из главных планов изучения этой проблемы. В связи с этим особую актуальность приобретает учет комплексной субстанционально-темпоральной организации ролевой социализации, что содействует парадигмальной разработке проблемы личности, детализации ее методологии и предметных областей.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Интерес к проблеме социализации существует в социологии в той или иной форме с исходного момента формирования ее как науки, который актуализировали в своих работах М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Конт, Р. Линтон и др. Основные теоретические представления о сущности социализации были заложены в трудах представителей биогенетического направления А. Гезелла, Э. Геккеля, Ч. Дарвина, С. Холла. Начало направлению, постулирующему обусловленность социализации индивида культурными нормами положили работы Р. Бенедикт, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Сросса, М. Мид. Проблему непостоянства и трансформации общества поставили представители теории конфликта (К. Боулдинг, Р. Дарендорф, Л. Козер). Значительный теоретический вклад в разработку проблемы социализации в контексте ролевого подхода внесли сторонники символического интеракционизма, осуществившие разворот на процесс взаимодействия между людьми (Г. Блумер, Э. Гоффман, Ч. Кули, М. Кун, Р. Линтон, Дж. Мид, Т. Парсонс, Г. Стоун и др.). Подход к социализации как к противостоянию социума и индивида был заложен в психоаналитическом направлении А. Адлером, М. Кляйн, Л. Сонди, З. Фрейдом, Э. Фроммом, К. Хорни, Э. Эриксоном, К.Г. Юнгом и пр. Представители бихевиорального

направления (А. Бандура, Д. Доллард, Н. Миллер, Б. Скиннер и др.) рассматривали в качестве основного фактора социализации окружение личности. Когнитивное направление определило социализацию как контроль своего поведения согласно социальным требованиям (Дж. Брунер, Л. Кольберг, Ж. Пиаже, Л. Фестингер). В отечественной научной школе осуществлена разработка теоретико-методологического исследования формирования личности в процессе ее активного включения в общество (Г.М. Андреева, А.В. Карпов, И.С. Кон, Т.Д. Марцинковская, Б.Д. Парыгин, Р.М. Шамионов, В.А. Ядов и др.).

Несмотря на значительный пласт научных трудов, посвященных исследованиям социализации личности и определению места и значения роли, в настоящий момент в науке не получены однозначные ответы относительно структуры социализации, количества ролей и механизмов их освоения, а также взаимодействия культуры, социума и личности. Кроме того, необходимо отметить, что именно междисциплинарный характер проблемы ролевой социализации порождает определенные препятствия в создании целостной концепции. В рамках различных наук и подходов рассматриваются отдельные стороны указанного феномена при отсутствии методологической рефлексии. Так имеются противоречивые суждения в определении вклада индивидуальных качеств личности, культурно закрепленных стереотипов, субъективного опыта личности в интернализации и исполнении роли в процессе социализации индивида. Это характеризует фиксацию научного объяснения ролевой социализации на аналитической стадии. Структурные образующие ролевой социализации рассматриваются как уже сложившиеся, а социально-психологический акт исследуется формально-динамически. Более того, включение в ролевую социализацию нескольких разнокачественных систем, в сущности, определяет саму постановку проблемы, т.к. имманентно предполагает понимание ролевой социализации как многомерного и полифункционального процесса апеллирующего к системам субстанционального и темпорального типа.

Решение этой проблемы видится в обращении к системному подходу, позволяющему раскрыть многомерность исследуемой действительности и вместе

с тем направленному на установление целостности и единства изучаемого явления. Именно в рамках системного подхода возможен синтез многообразных источников и детерминант, характеризующихся многоуровневостью, многоплановостью и поливариативностью. Однако рассмотрение ролевой социализации как системы в строгом смысле слова приводит к методологическому тупику, т.к. нивелирует такие основные характеристики системы, как целостность, структурность, объектность и пр. Действительно, применительно к ролевой социализации мы имеем дело не с одним объектом или системой, а со многими. При таком подходе понятие целостности становится условным, а сама система трансформируется в системный комплекс. В этой связи ролевую социализацию необходимо рассматривать через призму метасистемного подхода, отражающего наличие взаимодействия систем в рамках системного комплекса, имеющего открытый характер. Следовательно, использование постнеклассических вариантов системного подхода (комплексирование систем и метасистемный подход) разворачивает предметное поле в совершенно другое измерение, задавая ролевой социализации более широкий контекст.

Согласно метасистемному подходу ролевая социализация может быть представлена в виде системного комплекса субстанционально-темпорального типа, синтезирующего несколько гетерогенных систем: личность, социум, культура и их взаимодействие, в котором роль выступает в качестве решающего фактора. Такая постановка проблемы предполагает, что в рамках ее диахронической экспликации ролевая социализация может быть воплощена в виде системного комплекса, включающего в себя системы, которые взаимодействуют и переходят друг в друга. В этой связи ролевая социализация может быть объективирована в виде транстемпоральной системности, представляющей взаимопереходы от синхроничной к диахроничной формам. Необходимо подчеркнуть, что процессуальная системность представляет саму суть, содержание и бытие ролевой социализации личности. В такой постановке исследовательский процесс реализуется в качестве живого диалога индивида с обществом, а не безликим добыванием «объективной» информации о процессе

социализации. Именно в контексте определения ролевой социализации как открытого системного комплекса допустимо объединение разнородных явлений – соотнесение индивидуальных свойств личности и интернализации роли как социокультурного явления, определение субстанциональной и темпоральной организации. Таким образом, первостепенное значение приобретает переход анализа проблемы ролевой социализации на новый метасистемный уровень научного осмысления, включающий порождение концептуальных синтезов более высокого порядка.

Наряду с этим важность проблемы ролевой социализации обуславливается ее существенным значением в создании благоприятных условий жизнедеятельности субъекта и прогнозирования его поведения. Качественные изменения окружающей среды, информационная турбулентность, реформации в системе образования и профессиональной сфере оказали существенное влияние на факторы и механизмы ролевой социализации личности, усилили процессы социальной дифференциации. Современная личность характеризуется ролевой мультивариативностью, противоречиями между социальными ожиданиями, собственными представлениями о роли и реальным ее исполнением, конфликтом в реализации нескольких ролей и пр. Таким образом, преодоление трудностей методологического и практического характера определяют научную, методологическую, практическую и социальную актуальность выбранной темы.

Цель исследования – разработка социально-психологической концепции ролевой социализации личности, основывающейся на постнеклассических вариантах системной парадигмы.

Задачи исследования:

1. Проанализировать современные зарубежные и отечественные исследования по проблеме ролевой социализации и наметить перспективы преобразования основной парадигмы с аналитической и системной на постнеклассическую метасистемную.

2. Теоретически обосновать и эмпирически апробировать ролевую социализацию личности как многомерный и полифункциональный системный комплекс, интегрирующий несколько разнокачественных систем.

3. Выделить уровни, структурные категории и базовые закономерности их взаимодействия в контексте ролевой социализации личности как многокомпонентного и полифункционального системного комплекса.

4. Выявить критерии, позволяющие дифференцировать основные роли в контексте организации социализации личности как системного комплекса.

5. Рассмотреть специфику и закономерности транстемпоральных форм функционирования и динамики системных структур в системном комплексе ролевой социализации.

6. Установить закономерности генезиса ролевой социализации при интеграции личности в социальное пространство.

7. Разработать диагностику и инструментально-методическое сопровождение ролевой социализации личности как системного комплекса.

Объект исследования – ролевая социализация личности.

Предмет исследования – закономерности ролевой социализации в процессе формирования личности.

Общая гипотеза исследования: метасистемный подход является достаточным средством для раскрытия ролевой социализации личности в виде системного комплекса с учетом взаимодействия входящих в нее системных образований и особенностей их трансформации.

Частные гипотезы:

1. Ролевая социализация может быть представлена в виде системного комплекса, относящегося к специфическим субстанциональному и темпоральному типам.

2. Содержание структурной организации ролевой социализации личности включает пять основных уровней (элементный, компонентный, субсистемный, системный и метасистемный), которые представляют весь диапазон возможных

форм онтологического модуля системного комплекса как автономной целостности.

3. Ролевая социализация как системный комплекс особого, темпорального типа воплощает основные атрибуты системной формы и включает в себя инвариант структурных уровней, эксплицирующих транстемпоральную специфику.

Методологическую базу исследования составляют:

– системный и метасистемный подход (Б.Г. Ананьев, П.К. Анохин, В.П. Кузьмин, А.В. Карпов, Б.Ф. Ломов, Б.Н. Рыжов, Л. фон Бергаланфи, И.В. Блауберг и пр.), согласно которому ролевая социализация может быть представлена как системный комплекс, включающий совокупность взаимосвязанных систем;

– концептуальные представления о ролевой природе социализации, объясняющие социализацию как символично-ролевое освоение (И.С. Кон, Г. Блумер, И. Гоффман, М. Кун, Ч. Кули, Р. Линтон, Дж. Мид, Я. Морено, Т. Парсонс, Т. Сарбин, Г. Стоун и др.);

– принцип детерминизма (С.Л. Рубинштейн, А.В. Петровский, В.А. Ядов, и др.), который лег в основу описания механизмов детерминации социализации личности, предполагающего протекание процесса социализации под воздействием внешних детерминантов, таких как социально-культурные факторы, социальные агенты, а также внутренних детерминантов (мотивационные образования и пр.), которые определяют условия жизнедеятельности субъекта в различных сферах жизнедеятельности;

– принцип субъектности (Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн и др.), конкретизируемый через понимание человека как активного члена общества, осуществляющего целенаправленную деятельность по созданию собственной личности и уникальной ролевой структуры в соответствии со своими мотивами, потребностями и направленностью и пр.;

– принцип развития, системогенеза и метасистемогенеза (Л.С. Выготский, А.В. Карпов, Б.Ф. Ломов, В.Д. Шадриков, Г. Спенсер, С. Холл и др.), раскрывающий особенности стадильности системного комплекса ролевой социализации и освоения ролей посредством включения в социальные отношения и воспроизводства этих отношений в системе семейных, межличностных, профессиональных и интимно-сексуальных сфер в процессе формирования личности;

– принцип единства сознания и деятельности (Г.М. Андреева, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.), отражающий активное взаимодействие субъекта с социальным окружением посредством деятельности и общения, в результате которого индивид присваивает социальные роли, нормы, опыт, интернализирует и интегрирует их в уникальную ролевую структуру, переводит во внутренний план сознания, где они находят свое идеальное воплощение.

Теоретической основой исследования выступили работы российских и зарубежных исследователей.

Теоретические положения об обусловленности социального поведения культурно закрепленными бессознательными стереотипами (М. Вебер, П.П. Горностай, Э. Дюркгейм, Е.Ю. Зарубко, М. Кляйн, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, С.А. Маленко, М. Мид, Л. Сонди, З. Фрейд, К.Г. Юнг и др.).

Социально-психологические концепции активности субъекта (Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, И.С. Кон, Б.Д. Парыгин, С.Л. Рубинштейн, А.В. Петровский, О.А. Тихомандрицкая, Р.М. Шамионов В.А. Ядов и др.).

Основные идеи диахронического функционирования личности (М.В. Григорьева, А.В. Карпов, О.В. Лукьянов, О.С. Разумовский, Р.М. Шамионов, Дж. Фрейзер, P van Geert, S. Marriott, D. Carter, S.A. Rahim, J. Broome, A.R. Pruss, D.M. Kovacs, O. Magidor, L. Ferrero, D. McConnell, D.B. Clark, T. Nakajima и др.).

Результаты теоретических и эмпирических исследований проблем ролевой социализации при интеграции личности в социальное пространство:

- влияние ролевой модели семьи на интернализацию ролей и социализацию личности (О.О. Андронникова, О.А. Овсяник, Л.В. Попова, М.В. Сапоровская, И.А. Федосеева, J. Macfie, M.H. Buckingham, M.J. Cox, R.M. Hershberg, R.M. Houts, S.K. Johnson, J.R. King, N.L. Mcelwain, S.L. Morris, S. Suzuki, M.V. Weiner, и др.);

- освоение профессиональной роли в процессе формирования личности (А.А. Дергач, П.А. Кисляков, Л.Н. Коган, Н.В. Козлова, Т.В. Кудрявцев, О.А. Любичская, А.К. Маркова, С.Ф. Мурашко, Н.С. Пряжников, N. Burdess, M.A. Griffin, M. Neale, C. Orpen, D.E. Super и др.);

- ролевые искажения в интимно-сексуальной сфере (Н.В. Дмитриева, Е.Н. Загоруйко, Н.В. Кулагина, Ц.П. Короленко, M.T. Allison, J. Anthrop, G.E. Good, K.D. Hearn, S. Holme,s J.L. Kornreich, R.F. Plante, J.M. O'Neil, L.F. O'Sullivan, G. Rodriguez, J. Spurlock, D.D. Waskul, J. Weidman O.S. Winter Y. Hueyan и др.);

- анализ последствий ролевого конфликта (П.П. Горноста́й, О.А. Овсяник, О.В. Рубцова, М.В. Сапоровская, L. Coser, S.C. Currall, R. Darendorf, R.A. Fridman, K. Jaskyte, S.T. Tidd, J.C. Tsai, и др.).

Методы исследования.

Для проверки гипотез, решения поставленных задач и реализации цели исследования применялся комплекс дополняющих друг друга методов.

Общенаучные методы использовались для получения информации по изучаемой проблеме и содержали концептуальное моделирование, проблемологический анализ, прогнозирование, обобщение, сравнение и систематизацию теоретических и эмпирических данных по проблеме ролевой социализации личности.

Эмпирические методы:

- специально разработанная анкета, состоящая из 40 вопросов (открытого и закрытого типа), направленная на количественную и качественную оценку социализации и взаимоотношения с группой индивида (Ф. Прюс в адаптации И.А. Мавриной и Ю.М. Перевозкиной);

- опросники для изучения социализации личности: «Опросник профессиональной дезадаптации» (ОПД) О.Н. Родина, «Оценка состояния адаптированности личности» (ОСАДА), «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ) А. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche, автор адаптации – М.В. Соколова; «Шкала социального самоконтроля» М. Снайдера (ШСС), «Шкала социальной фрустрированности» (ШСФ) Л.И. Вассермана, «Диагностика социально-психологической адаптированности» (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонда, автор адаптации – Т.В. Снегирева; «Социализированность личности учащегося» М.И. Рожков (СЛУ), «Экспресс-диагностика уровня социальной изолированности личности» (УСИЛ) Д. Рассела и М. Фергюссона;

- опросники для изучения личностных параметров: «Краткий личностный опросник» (КЛО) Дж. Баррета, «Диагностика межличностных отношений» (ДМО) Т. Лири, «Мотивация аффилиации» А. Меграбяна в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова, «Рисунок человека» К. Маховер;

- методики для изучения ролевой социализации: «Методика исследования ролевых паттернов отношения к Другому взрослого человека» (МИРП) Ю.В. Александрова, «Измерение локуса ролевого конфликта» (ЛРК) П.П. Горностая, «Семейные роли и распределение ролей в семье» (РРС) Ю.Г. Алешиной, Л.Я. Гозмана, Г.М. Дубовской. Особое место в исследовании занимала проективная методика «Калейдоскоп», специально разработанная для комплексного исследования ролевой структуры личности (Ю.М. Перевозкина, Л.В. Паньшина, О.О. Андронникова, Н.В. Дмитриева, патент № 2625284 зарегистрирован от 12 июля 2017 г.).

Метод качественного анализа, позволяющий раскрыть полученные данные целостно (в их взаимной связи друг с другом) и эмпирически доказать и проинтерпретировать вскрытые в теории содержание и специфические закономерности системной организации ролевой социализации личности.

Методы математико-статистической обработки – частотный анализ, корреляционный анализ (коэффициент r-Спирмена), анализ сопряженности χ^2 -Пирсона, χ^2 -Мак-Немара и ϕ -Пирсона, критерий t-Стьюдента для зависимых и

независимых групп, критерий проверки нормальности распределения d-Колмагорова-Смирнова, критерий апостериорных сравнений t-Шеффе, критерий Levena для установления однородности дисперсий, иерархический кластерный анализ (метод полной связи), эксплораторный факторный анализ (метод основных компонентов с вращением «Varimax»), многофакторный дисперсионный анализ (MANOVA), множественный регрессионный анализ (пошаговая регрессия), многомерное шкалирование, метод структурно-психологического анализа, включающий расчет коэффициента r-Спирмена и метод экспресс- χ^2 (А.В. Карпов и А.А. Карпов), метод структурного моделирования RMSEA.

Диагностика осуществлялась через компьютерную программу «Psychometric Expert –8 » и бланковым методом. Полученные результаты были обработаны с использованием программы STATISTICA Advanced+QC 10 for Windows Ru.

Эмпирическая база исследования.

В качестве испытуемых вступили учащиеся 8–11 классов, студенты и курсанты 1–3 курсов (N=1287). Из них 210 кадетов в возрасте от 14 до 16 лет (134 мальчика и 76 девочек), учащиеся Сибирского кадетского корпуса и Сибирского авиационного кадетского корпуса г. Новосибирска; 186 школьников в возрасте от 14 до 16 лет (114 девочек и 72 мальчика); учащиеся МБОУ СОШ № 165 и № 189 г. Новосибирска; 491 студент НГПУ в возрасте от 17 до 25 лет (400 девушек и 91 юноша); 400 курсантов Новосибирского высшего военного командного училища в возрасте от 17 до 25 лет.

Этапы исследования. Исследование проводилось с 2010 по 2018 годы и состояло из трех этапов, в течение которых был обоснован комплекс методов и методик:

- на первом этапе (2010–2014 гг.) осуществлялся теоретический анализ научной литературы, систематизировались существующие теории и подходы к проблеме социализации и культурно закрепленным стереотипам поведения в ролевом подходе; производилась постановка и обоснование проблемы, уточнялись концептуальные положения и методологические принципы

системного подхода, разрабатывался понятийный аппарат, формулировались гипотезы, цели и задачи исследования;

- второй этап (2014–2017 гг.) включал построение теоретической концепции ролевой социализации личности как системного комплекса, выделение критериев оценки эффективности и структурных компонентов, подбор диагностического инструментария, разработку методики для диагностики ролевой социализации личности и ее апробацию, создание техник ролевого сопровождения личности с нарушенной социализацией, формирование программы исследования;

- на третьем этапе (2017–2019 гг.) производились эмпирические исследования на разных выборках, реализация программы ролевого сопровождения нарушенной социализации личности, оценка ее эффективности, обобщающий анализ полученных данных и соотнесение их с целью и гипотезами исследования, формулирование выводов, описание хода и результатов исследования в публикациях, диссертации и автореферате, разработка и внедрение программ дисциплин в учебный план бакалавриата и магистратуры.

Надежность, достоверность и обоснованность выводов и результатов исследования обеспечивалась: всесторонним критическим анализом данных, имеющихся в отечественных и зарубежных источниках по проблеме социализации и ролевой социализации личности; адекватностью научного аппарата целям и задачам работы (соотнесением теоретических положений о ролевой социализации как системном комплексе субстанционально-темпорального типа с результатами эмпирического исследования); применением комплекса апробированных методов и методик, адекватных психологической сущности изучаемого феномена ролевой социализации личности; значительным объемом, продолжительностью и планомерностью эмпирических исследований, репрезентативностью выборок; использованием обширного математико-статистического аппарата обработки данных в соответствии с целью и задачами исследования; методологической обоснованностью выводов исследования.

Научная новизна исследования.

Впервые системный подход реализован по отношению к феномену ролевой социализации в одной из его современных постнеклассических версий метасистемного подхода. Это позволило ввести и теоретически обосновать ролевую социализацию личности как сложный, многоуровневый, многокомпонентный системный комплекс субстанционально-темпорального типа, выступающий результатом объединения ряда других разнокачественных системных образований. Попытка реализации системного подхода вскрывает необходимость изменения классической методологии системности в его постнеклассическую версию системного комплекса, предполагающего взаимодействие трех систем (социум, культура и личность), их взаимосвязей и особенностей трансформаций.

Установлена специфика ролевой социализации как системного комплекса субстанционального и темпорального типа. В своем обобщенном виде это предполагало, что структурная организация ролевой социализации соотносится с ее процессуальной формой. Реализация положений системного подхода к анализу ролевой социализации как специфического системного комплекса субстанционально-темпорального типа показала, что в ней воплощены основные атрибуты системной формы. Данное обстоятельство вскрывает факт существования общесистемного критерия дискриминатора уровневой дифференциации, а качественная определенность субстанциональной и временной системности соответствует основному значению этого критерия. Субстанционально-темпоральная форма ролевой социализации включает в себя системный инвариант, состоящий из пяти базовых уровней (элементный, компонентный, субсистемный, общесистемный и метасистемный), эксплицирующих иерархический принцип.

Содержательная составляющая структурной организации ролевой социализации личности как системного комплекса включает пять основных уровней, испытывающих детерминацию со стороны социума и оказывающих влияние на ролевую социализацию личности. Элементный уровень состоит из

социокультурных ожиданий наряду с другими известными. Компонентный уровень образуется из ролей, относящихся к мезоуровню. Субсистемный уровень включает сферы жизнедеятельности в социальном пространстве. Системный уровень соответствует личности как системному образованию с ее мотивационными образованиями наряду с другими известными параметрами. Метасистемный уровень позволяет выйти за пределы развернутости системы не только в процессуальном статусе, но и в конкретных формах социальной реальности. Это отражается в интеграции всех систем, входящих в системный комплекс, и взаимодетерминации социальных ролей, социокультурных ожиданий, сфер и мотивационных образований личности. В этой связи системный комплекс может рассматриваться не в качестве монообразования, а как образование распределённого типа, формирующееся в результате взаимодействия ряда гетерогенных систем.

Определена иерархия соподчиняющихся неспецифических и специфических качеств ролевой социализации, заключающаяся в том, что рассмотрение системных образований «социум», «культура» и «личность» в полисистемном поле интегрального узла вскрывает как собственную специфику этих систем, так и их специфическое качество, приобретаемое в системном комплексе. Так, на элементном уровне происходит отрицание общего качества системы ролевой социализации личности. Это проявляется в аспекте социокультурных ожиданий, обуславливающих чувствительность к ролям. Компонентный уровень включает стереотипные ролевые модели социального функционирования. Они, образуя ролевой тезаурус личности, выступают регуляторами ролевого поведения. На субсистемном уровне локализуются основные сферы социализации, осуществляющие организацию ролей в ролевые композиции. На общесистемном уровне ведущую роль в структурной организации ролевой социализации играет личность как сверхчувствительное качество с ее мотивационными образованиями. Специфическими характеристиками личности выступают индивидуально-функциональные свойства, а неспецифическими – включенность в социально-ролевые отношения. На метасистемном уровне происходит интеграция всех

структурных компонентов системного комплекса, осуществляется взаимодействие ролевых компонентов, социокультурных ожиданий и мотивационных образований личности в различных сферах. Таким образом, гетерогенные системы обретают черты полисистемного бытия, т. е. именно надсистемной формы организации ролевой социализации.

Установлено, что с позиции метасистемного подхода становится возможным более полное объяснение ролевой социализации как системного комплекса временного типа, обладающего таким специфическим качеством, как транстемпоральность. Суть этого качества сводится к тому, что ролевая социализация испытывает на себе взаимодействие и взаимопереходы синхроничности и диахроничности. Подобное временное структурирование предполагает сначала дифференциацию исходного целого (ролевой социализации на экспектации, ролевые модели, сферы и мотивационные образования личности), а затем – их генерирование. В другом качестве транстемпоральность реализуется в виде согласования или рассогласования внутренних ресурсов личности и требований среды. Это предполагает, что происходит временная организация жизнедеятельности личности, которая тесно связана с темпоральной организацией социума.

Показано, что в основе функционирования ролевой социализации личности как полифункционального системного комплекса лежит способность к изменению внутрисистемных связей при сохранении компонентного состава и общего единства системы, что свидетельствует о ее вариативности. Функциональные закономерности, детерминирующие вариативность и динамичность ролевой социализации, базируются на принципах сменной детерминации и потенциальной неограниченности – личность создает уникальный для каждой жизненной сферы ролевой тезаурус, потенциальную возможность, которая включается в зависимости от мотивационного образования и актуальной ситуации. В этом особом качестве реализуется главная возможность системного комплекса, заключающаяся в распределении своего функционального ресурса вдоль временного континуума.

Раскрыто, что развитие ролевой социализации в процессе формирования личности обнаруживает качественно-количественное своеобразие ее структурной организации с учетом возрастных периодов (от подросткового – к периоду молодости). Продемонстрированы индикаторы и механизмы ролевой социализации, на основании которых возможно изучение уровней организации компонентов ролевой социализации в процессе формирования личности. Генезис иерархической структуры ролевой социализации личности транслируется как поэтапное развитие указанных уровней посредством механизмов ролевой социализации (инкультурации, имитации, адаптации, индивидуализации и интеграции).

Установлена совокупность новых закономерностей и эффектов ролевой социализации личности, наиболее важными из них являются следующие:

- принцип увеличивающейся интеграции, раскрывающий синергетические эффекты интегративного плана;

- принцип потенциальной неограниченности, согласно которому каждая отдельная социальная ситуация предполагает приспособление к конкретным условиям и требует от субъекта актуализации одной из имеющихся в его арсенале ролевых моделей поведения;

- принцип сменной детерминации, раскрывающий способность системного комплекса к генерированию какого-либо результата и к использованию его в качестве условия своего функционирования;

- принцип целевой детерминации – обусловленность ролевой социализации единой целью;

- эффекты супераддитивности, свидетельствующие об интегрированности ролевой социализации как системного комплекса;

- зависимость типа «оптимум», которая отражает эффекты гиперорганизованности систем, когда потенциал входящих в системный комплекс ролевых компонентов снижает его адаптивность.

Впервые в работе представлено принципиально новое рассмотрение ролевой социализации личности (выступающей частным случаем социализации

личности) с позиции одной из версий постнеклассического системного подхода – метасистемного. Это открывает возможности для развития нового научного направления социальной психологии. В соответствии с основными положениями представленной концепции субстанционально-темпоральной системности ролевой социализации личности разработана авторская методика, предназначенная для диагностики ролевой структуры личности, что расширяет диапазон исследовательских возможностей в области психодиагностики ролевой социализации личности.

Основываясь на концептуальных положениях субстанционально-темпорального системного комплексирования ролевой социализации, представлено ролевое сопровождение личности с неуспешной социализацией. Доказано, что разработанная программа сопровождения социально-ролевого функционирования личности, направленная на нивелирование личностных и социальных рисков, будет эффективной, если учитывать транстемпоральную специфику ролевой структуры и особенности взаимодействия компонентов системного комплекса. Программа сопровождения предоставляет возможности для решения задачи личностью по достижению ролевой определенности, ролевой гибкости посредством расширения ролевого репертуара и осознания актуального мотивационного образования в пяти сферах жизнедеятельности субъекта.

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем.

Результаты исследования вносят вклад в дальнейшее развитие идей социализации как многокомпонентного, полифункционального социально-психологического феномена. Это содействует преодолению проблемы соотношения субъективного и объективного в интернализации и исполнения роли в частности и социализации личности в целом, а также способствует формированию системной методологии в социально-психологическом познании.

Концептуальный потенциал системного подхода расширен за счет конструктивной реализации системного комплекса ролевой социализации, принадлежащего к субстанционально-темпоральному типу. Применение постнеклассического варианта системного подхода (метасистемного) в разработке

ролевой социализации личности дает возможность эксплицировать структурно-временные закономерности, установить специфику функционирования системных структур и их динамику в рамках системного комплекса. Это позволяет решить одну из ключевых проблем в психологии личности – определение структуры ролевой социализации и ее функционирование.

Представленная структурная организация ролевой социализации устанавливает ее интегральные и трансвременные свойства, раскрывающие ее качественную специфичность в норме и при сложностях социализации. Это позволяет расширить границы применимости системной методологии организации психических образований на область социализации личности.

Впервые получена возможность теоретически обоснованно исследовать трансвременную специфику ролевой социализации. Это предполагает целостное изучение системного комплекса в его структурной и процессуальной формах. Подобное временное структурирование эксплицирует временную организацию жизнедеятельности личности, которая тесно связана с временной организацией социума. С этих позиций расширяются и детализируются представления социальной психологии о социализации как о субстанционально-временном явлении.

Описание качественного своеобразия ролевой социализации личности, базирующееся на постнеклассическом, метасистемном варианте системного подхода, способствует выходу с предтеоретического на теоретический уровень анализа феномена социализации, установлению структурной организации, принципов и механизмов ролевой социализации как системного комплекса. Это содействует созданию обобщающей концепции субстанционально-временной системности ролевых структур в контексте социального функционирования личности.

В результате реализации ролевого сопровождения личности с неуспешной социализацией показано влияние диахронического и синхронического эффектов функциональной организации ролевой социализации на успешную социализацию субъекта. Такое влияние достигается посредством соблюдения этапов

функциональной организации, включения задач по достижению ролевой определенности, ролевой гибкости, расширения ролевого репертуара в пяти сферах жизнедеятельности и установления интегрированности ролевой структуры личности, что обогащает теоретический базис социальной психологии.

Практическая значимость результатов исследования.

Разработанная концепция ролевой социализации личности, базирующаяся на постнеклассическом варианте системного подхода (метасистемном), может быть использована в качестве основы для оптимизации процесса регулирования социального функционирования в процессе формирования личности во всех сферах жизнедеятельности индивида (личностной, семейной, неформальных контактов, профессиональной, интимно-сексуальной).

Выявленные особенности и закономерности содержания ролевой социализации личности позволяют спрогнозировать социальные риски на социально-психологическом уровне.

Разработанная и апробированная в соответствии с положениями ролевой социализации методика «Калейдоскоп» позволяет осуществлять качественную и количественную оценку ролевого профиля личности в пяти сферах жизнедеятельности, а также выявляет нарушения социализации в виде ролевой инкогерентности, ролевого конфликта, деструктивной направленности, ролевой ригидности.

Предложенное ролевое сопровождение личности с неуспешной социализацией положительно зарекомендовало себя применительно к лицам с нарушенной ролевой социализацией, что свидетельствует об обоснованности положений и открывает перспективы для дальнейших научно-практических исследований в области социально-психологического сопровождения личности с неуспешной социализацией.

Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе в системе высшего и дополнительного образования для создания новых ролевых техник и игр в групповом и индивидуальном сопровождении личности. По материалам исследования автором разработаны и включены дисциплины в

учебную программу академической магистратуры и бакалавриата в ФГБОУ ВО «НГПУ».

Основные положения, выносимые на защиту

1. Метасистемный подход как один из вариантов постнеклассической системной методологии является достаточным основанием для решения проблемы ролевой социализации в процессе формирования личности. Это обусловлено рядом имеющихся противоречий и трудностей, таких как преобладание эмпирических исследований над теоретическими, предпочтение дескриптивного и аналитического описания исследуемого феномена и несовершенство самого системного подхода. Вместе с тем трансформация системной парадигмы в ее постнеклассическую версию – метасистемную – оказывается достаточным основанием для перехода от аналитической стадии к системной. Это обеспечивает конструктивную разработку концепции ролевой социализации личности.

2. В соответствии с реализуемым принципом системного комплексирования ролевая социализация представляет системный комплекс распределённого типа, формирующийся в результате взаимодействия ряда гетерогенных систем. В своем обобщенном виде это предполагает, что структурная организация ролевой социализации соотносится с ее процессуальной организацией. Последняя характеризуется тем, что представляет собой системный комплекс не только в субстанциональном плане, но и в его диахронической форме, предполагающей обмен информацией между системами. Признание такого взаимодействия между отдельными системными образованиями «личность», «культура» и «социум» позволяет нам констатировать их открытость и нелинейность. Это дает возможность изучить синтез разнопорядковых аспектов действительности и установить их соотношения, детерминанты и динамическую структуру взаимодействия.

3. Реализация постнеклассического варианта системного подхода к феномену ролевой социализации позволила установить, что субстанционально-темпоральная форма ролевой социализации включает в себя системный

инвариант, состоящий из пяти базовых уровней: элементного, компонентного, субсистемного, общесистемного и метасистемного. Указанные уровни эксплицируют иерархический принцип, следовательно, функционирование ролевой социализации структурируется и упорядочивается. В результате этого она приобретает черты системной организации субстанционально-временного типа. На элементном уровне эксплицируется одномоментная представленность социокультурных ожиданий, представляющих социокультурный базис для ролевой социализации как системного комплекса. Компонентный уровень реализуется в виде последовательности из ролевых моделей, отражающих качественную специфичность системного комплекса. На субсистемном уровне образуются определенные кластеры (сферы жизнедеятельности личности), объединяющие в частные композиции ролевые модели. Субсистемный уровень предполагает опосредованное следование экспектаций и ролевых моделей в основных жизненных сферах социализации. На общесистемном уровне представлена личность как социальное качество индивида. На этом уровне происходит комплексование функциональных образований субсистемного уровня, обеспечивающее целевую детерминацию ролевого поведения. И, наконец, на метасистемном уровне осуществляется функциональное взаимодействие всех системных образований, носящее характер структурной детерминации. На этом уровне происходит синхронизация и интеграция всех структурных компонентов в уникальную ролевую композицию.

4. Особое место в иерархии структурной организации ролевой социализации занимает категория ролевых моделей, выступающих носителями качественной специфичности целого и располагающихся на компонентном уровне. Будучи диссипативным и многомерным системным комплексом, ролевая социализация содержит традиции, ритуалы, прототипы, архетипы, которые складываются в ролевые модели социального взаимодействия. Эти начальные условия социального существования противостоят энтропии и задают социальному функционированию личности определенный порядок. Основные роли являют собой идеальные модели поведения, выступающие ориентиром для

личности. Роли диктуют порядок взаимоотношений и поведения, создавая репликацию ролевой модели внутри самого индивида, что отражает когерентность субъекта социальным реалиям.

5. Все ролевое многообразие можно свести к 10 базовым ролевым моделям, опосредующим интеракции и социальное функционирование в основных сферах жизнедеятельности человека. Эти роли апеллируют к мезоуровню, предполагающему взаимодействие между микро- и макроуровнями и сферами жизнедеятельности личности. Потенциал организации ролей мезоуровня определяется взаимодействием двух противоположных тенденций – дифференциацией (диахрония) и интеграцией (синхрония). Диахронический процесс ролевой социализации предполагает различение ролевых компонентов. Особой формой дифференциации может выступить распад структурной целостности ролевого пространства и разрушение системных качеств ролевой социализации личности. Дифференциации ролевой структуры противостоит интеграция, которая имеет место, если в структуре ролевых моделей личности, относящихся к мезоуровню, сформировались устойчивые ролевые комплексы, обладающие специфической инфраструктурой. Деструктивной формой синхронии ролевых взаимоотношений мезоуровня является объединение всех ролевых моделей в единый ролевой комплекс, что свидетельствует о расширении ролевого пространства, но без учета реальных связей между ролевыми моделями и вне понимания их социокультурных ожиданий.

6. Согласно системному подходу, ролевые модели могут быть представлены во всей их многомерности и целостности на основе критериев-дифференциаторов, позволяющих определить качественное своеобразие социально-ролевого функционирования личности. Критериальный ряд признаков включает индивидуалистичность-социальность, активность-пассивность, спонтанность-традиционность. Указанные критерии-дифференциаторы в совокупности определяют необходимое разнообразие ролей мезоуровня и реализуют качественную определенность и универсальность ролевой социализации личности. Универсальность основных ролей, относящихся к мезоуровню,

выражается в наполнении роли ожиданиями, являющимися социально и культурно закрепленными. Второй аспект универсальности заключается в том, что такие роли, изначально выступая как заданные, могут воплощаться в любую другую роль микроуровня в зависимости от сферы жизнедеятельности человека. Кроме того, роли мезоуровня отражают традиционные жизненные сценарии, которые охватывают последовательное продвижение индивида по лестнице жизни.

7. Особенности взаимодействия на метасистемном уровне носят характер взаимодействия и сопровождаются качественными трансформациями всей ролевой структуры личности. Эти изменения являются именно структурными, а не локальными, и определяют различия в индивидуальной мере развития. Структурные ролевые эффекты играют в мотивационных процессах, участвующих в социализации субъекта, определяющую роль. Ролевая социализация личности выходит за пределы простой совокупности ролей, т. к. выступает следствием и результатом структурных, интегративных эффектов. Такое взаимодействие компонентов приводит к возникновению новых качественных особенностей и характеристик – к недопустимости редукции интегративного целого (ролевой социализации) до суммы входящих в нее компонентов (отдельных ролей, социокультурных ожиданий, социальных сфер и мотивационных образований личности).

8. Ролевая социализация личности является самоорганизующейся системой распределённого типа, подчиняется принципу «потенциальной неограниченности», который предусматривает, что чем более содержательным и гетерогенным будет являться состав компонентов в ролевой структуре личности, тем в большей степени ролевая социализация личности будет соответствовать ситуационному принципу. Иначе говоря, из всего неограниченного состава ролей некоторые ролевые компоненты, обуславливающие более эффективное достижение цели, переводятся в актуальное состояние. В то же время все остальные компоненты остаются в латентном или потенциальном состоянии.

Таким образом, общее пространство ролевой социализации делится на актуальное и латентное.

9. Онтологический принцип иерархичности проясняет диалектику выстраивания иерархии (профиля) базовых мотивов, основных ролевых моделей в каждой из пяти жизненных сфер. Действие принципа иерархичности приводит к доминированию одних элементов структуры личности над другими, направляет распределение энергии личности. Это конкретно проявляется во внутриролевой дифференциации, которая диктует выстраивание своеобразной иерархической структуры, состоящей из ролевых моделей их социокультурных ожиданий и мотивов, удовлетворяемых при реализации конкретной роли в определенной жизненной сфере. Иерархия ролевой структуры состоит из актуальной, потенциальной, резервной и отвергаемой ролевых моделей, связанных с реализацией актуального мотивационного образования в определенной жизненной сфере.

10. Применение постнеклассического метасистемного варианта системного подхода к ролевой социализации личности позволяет рассмотреть ее как сложный и гетерогенный системный комплекс, обладающий таким специфическим качеством, как транстемпоральность. Суть этого качества сводится к тому, что ролевая социализация испытывает на себе взаимодействие и взаимопереходы синхроничности и диахроничности. Переход от диахронического к синхроническому состоянию системного комплекса осуществляется в зависимости от уровня ролевой социализации. При этом функциональные особенности каждого уровня имеют принципиальные отличия, которые достигаются за счет полифункциональности ролевой социализации. Личность создает уникальный для каждой жизненной сферы ролевой тезаурус, потенциальную возможность, которая включается в зависимости от мотивационного образования и актуальной ситуации. Иначе говоря, раскрывается направленность ролевого поведения в конкретной ситуации. В данном случае реализуется главная возможность системного комплекса, заключающаяся в распределении своего функционального ресурса вдоль временного континуума. В

этом особом качестве продемонстрирована специфическая способность ролевой социализации как системы процессуального типа.

11. Обосновано положение, согласно которому генезис выявленной иерархической структуры ролевой социализации личности предусматривает поэтапное развитие уровней системного комплекса. В каждом из них с наибольшей полнотой воплощается какой-либо из механизмов ролевой социализации. Элементный уровень – механизм инкультурации (включение индивида в культурное пространство символов и образов, связанных с ролью). Компонентный уровень – механизм имитации (дискретное усвоение некоторых элементов ролевой модели). Субсистемный уровень – механизм адаптации (соответствие общественным ожиданиям, нормам и правилам относительно реализуемой роли). Системный уровень – механизм индивидуализации (индивидуальное наполнение роли). Метасистемный уровень – механизм интеграции (гармоничное взаимодействие между собственными представлениями о роли и общественными ожиданиями). Прохождение уровней и соответствующих им пяти механизмов ролевой социализации реализуется в процессе формирования личности. На каждом возрастном этапе наиболее актуален один из механизмов, который не утрачивает своей активности на протяжении всей жизни человека, проявляясь в большей или меньшей степени в зависимости от социального опыта субъекта.

12. Конструктивность основных теоретико-методологических положений представляемой ролевой социализации личности с позиции постнеклассического метасистемного варианта системного подхода проявляется в том, что на ее основе стало возможным получить обширные эмпирические данные относительно социально-ролевого функционирования личности. Обнаружено, что ролевые компоненты и механизмы могут выступать надежными индикаторами нарушенной социализации личности. Блокирование механизмов ролевой социализации, идентичность субъекта к инкогерентной (несогласованной с полом и возрастом) актуальной ролевой модели, наличие ролевого конфликта, дезорганизация и деструкция ролевой структуры могут оказывать как

интегрированное, так и дезинтегрированное влияние, детерминируя неадекватное восприятие своей социальной роли и неуспешную социализацию, что соответствует состоянию диахронии. В то же время согласованность социальных взаимодействий включает приведение в состояние равновесия внутренних ресурсов личности и требований среды. Это объективно требует их синхронизации. Такая временная организация предполагает распределение ресурса системного комплекса по нескольким направлениям (общество, культура и личность). Соответственно, интеграция все более обобщающихся компонентов является достаточной для осуществления конечной цели ее функционирования. В этом проявляется критерий транстемпорального существования системного комплекса, которым выступает преодоление рассогласования между ролевыми моделями, мотивационными образованиями и ожиданиями.

Апробация и внедрение теоретических положений и результатов исследования осуществлялось в следующих формах. Доклады на международных научно-практических конференциях: «Теория и практика педагогической науки в современном мире: традиции, проблемы, инновации» (г. Новокузнецк, 2010, 2011); «Наука без границ» (г. Екатеринбург, 2010); Научное творчество XXI века (г. Красноярск, 2010); «Молодежь Сибири – науке России» (г. Красноярск, 2011); «Интеллект. Культура. Образование» (г. Новосибирск, г. Омск 2011, 2012, 2018); «Социокультурные проблемы современного человека» (г. Новосибирск, 2018, 2019); «Наука и современность – 2010» (г. Новосибирск, 2010), «Society. Health. Welfare» (г. Рига, 2018). Доклады на всероссийских научно-практических конференциях с международным участием: «Клиническая психология: Итоги. Проблемы. Перспективы» (г. Санкт-Петербург, 2010); «Актуальные проблемы психологии и педагогики: диагностика, превенция, коррекция» (г. Новосибирск, 2016); «Развитие человека в современном мире» (г. Новосибирск 2012, 2013, 2014, 2015, 2016). Доклады на всероссийских научно-практических конференциях: «Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических и технологических условиях» (г. Саратов, 2010); «Эффективность

модернизации образования: методология, опыт, перспективы» (г. Новосибирск, 2010).

Результаты диссертации отражены в 70 печатных работах, из них 4 монографии (2 в соавторстве), 6 – в журналах, индексируемых в базе данных Scopus; 22 – в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК, 4 патентах на изобретение. Диссертация обсуждена и одобрена на заседании кафедры практической и специальной психологии НГПУ, а также на методологическом семинаре при Совете по защите диссертаций Д 999.051.02 при ГБОУ ПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К.Д. Ушинского» и рекомендована к защите.

Материалы исследования использованы в учебном процессе в системе высшего образования. Автором разработана и включена учебная программа «Консультативная работа с ролевыми образами лиц с ограниченными возможностями здоровья» в общие профессиональные образовательные программы академического бакалавриата и академической магистратуры в ФГБОУ ВО «НГПУ».

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, 5 глав, заключения, 63 таблиц, 58 рисунков, списка использованной литературы, включающего 634 источника, из них 251 на иностранном языке. Общий объем работы составил 676 с.

Глава 1. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

1.1. Теоретико-методологические подходы к пониманию социализации

Необходимо отметить, что, несмотря на всю кажущуюся очевидность социализации, большинство ученых указывают на проблемное поле данного явления. Перед социальной психологией стоит цель достичь понимания становления индивидуума в социальном пространстве, определения факторов и механизмов, влияющих на социализацию.

Проблема социализации традиционно является ключевой для социальных и психологических теорий, которые с различных сторон пытаются объяснить это явление. В современной социальной психологии так много путаницы относительно феномена социализации именно потому, что теоретиков интересуют разные аспекты данного явления. Так, еще в прошлом веке И. В. Кон [161] заметил, что сам термин «социализация» имеет несколько трактовок в отечественной психологии, которые зачастую рассматриваются как синонимы: развитие личности, воспитание. В современной психологической науке к этим терминам добавляется еще один – индивидуализация, который то противопоставляется социализации (как уникальное разворачивание сущностного начала человека в отличие от его вхождения в общество и «потери себя») [329; 366–367], то рассматривается как параллельное явление, без которого невозможно определять становление человека как субъекта общественных отношений [13; 162; 363]. Представленные противоречия демонстрируют диалектичность феномена социализации, в котором взаимодействуют и взаимообуславливают друг друга социализация и индивидуализация, адаптация, усвоение норм, активное включение и преобразование социокультурной среды и т. д. Еще одна опасность состоит в том, что теории социализации строятся на узком понимании этого процесса, апеллируя только к одной из его сторон. Тогда как данное явление

представляется многомерным, сложным и противоречивым, что обуславливает необходимость его изучения в рамках разных методологических парадигм. Следовательно, при изучении социализации открывается проблемное поле, которое требует критического и всестороннего рассмотрения. Для более полного и всестороннего понимания социализации представляется важным анализ теоретических подходов и направлений.

1. Биогенетический подход

Конец позапрошлого века подарил социальной психологии подход к поиску биологических и генетических обоснований вхождения индивидуумов в социальную среду. Почти все представители этого подхода признают биологические детерминанты социализации индивида, но при этом по-разному оценивают их роль. Они считают, что вхождение отдельного человека в социум задано на генетическом уровне. Теоретические основания биогенетического направления были заложены в трудах Ч. Дарвина и Э. Геккеля. В работе Ч. Дарвина [89] утверждается наследственный характер свойств организма, стадийность и изменчивость организмов во взаимодействии друг с другом и с окружающей средой. Э. Геккель [70] считает, что в индивидуальном развитии организма (филогенез) осуществляется воспроизведение основных этапов эволюции.

Зародился этот подход в Америке, где С. Холл [474] (под влиянием идей Ч. Дарвина и Э. Геккеля) открыл закон рекапитуляции, перенеся положения об эмбриональном развитии человеческого плода на развитие его психики. Таким образом, ученый постулировал идею повторения в психическом развитии индивида стадий эволюции человечества, трактуя невозможность отклонения от заданной программы. С. Холл был примечателен тем, что он первый начал говорить о необходимости воспитания в школе.

Одновременно с С. Холлом сходный взгляд на социализацию как биогенетическую данность разрабатывает А. Гезелл. Под сильным влиянием идей С. Холла он проводил многочисленные исследования на детях, животных, в том числе исследовал детей-маугли [462]. В ходе своих экспериментов автор

предложил спиралевидную модель социализации, согласно которой человеческие способности возникают сами собой как результат созревания индивида, но не под влиянием обучения. При этом на разных этапах определенные формы поведения могут повторяться (собираательство в детстве повторяется коллекционированием у подростков).

Представители биогенетического подхода ввели следующие положения:

- социализация человека является запрограммированным процессом, который определяется биогенетическими факторами;
- для реализации биогенетической программы социального развития важны социокультурные условия;
- социализация представляет собой последовательность конкретных этапов, переход на которые есть «скачок» в развитии.

Однако G. W. Allport [387], A. R. Lindesmith, A. Strauss [523], Т. Шибутани [352], С. Л. Рубинштейн [300] и др. критикуют биогенетические теории, отмечая их концентрированность на детском возрасте, тогда как социализация взрослого человека имеет совершенно иной характер. Тем не менее, необходимо отметить огромный вклад биогенетического подхода в социальную психологию в виде акцентирования внимания на процессе воспитания, понимания психологии ребенка, этапов и механизмов его социализации.

2. Социальные теории

В противовес одностороннему подходу представителей биогенетического направления возникает ряд теоретических подходов, предполагающих изучение и объяснение общественной жизни. Собственно социологическое направление исследует процессы взаимовлияния индивидов и общества, а также характера и механизмов воздействия различных социальных институтов на формирование и развитие социализации субъектов. В рамках данного подхода можно выделить несколько школ, отличающихся друг от друга представленными механизмами социализации и уровнями анализа социальной реальности.

Структурно-функциональный подход

Данное направление сформировалось на основе идей О. Конта, Э. Дюркгейма, Г. Спенсера. Э. Дюркгейм [102], критикуя биологический редукционизм, рассматривал общество как надындивидуальную реальность, основанную на коллективных представлениях (право, религия, мораль и т. п.). Автор основывался на позитивистской концепции О. Конта и философских воззрениях Г. Спенсера относительно понимания общества как органического целого, включающего функциональные части в виде социальных институтов. Критикуя некоторые положения теоретических воззрений О. Конта и Г. Спенсера на понимание социологии как науки, Э. Дюркгейм предложил рассматривать общество как целостную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов (социальные институты: государство, экономика, образование, семья, религия и т. д.), находящихся друг с другом в функциональных отношениях. Взаимообусловленность состоит в том, что трансформация одного института вызывает изменения в других институтах, а также в обществе в целом. Наблюдаемые последствия этих изменений, дающие возможность осуществить адаптацию и корректирование систем, являются функцией. В свою очередь дисфункция вызывает негативные последствия [544]. С точки зрения структурно-функционального подхода, большинству членов общества свойственны идентичные представления, ценности и убеждения, что служит фундаментом стабильности и социальной интеграции. Выступая против психологического направления, апеллирующего к индивидуальной психике, Э. Дюркгейм [102] считал, что коллективные феномены существуют в виде «вещи в себе» безотносительно к индивидуальной психике. Автор вводит идею о коллективном сознании, которое обусловлено солидарностью индивидов. По мнению социолога, коллективное сознание характерно для всех форм человеческого общества, однако для архаических обществ оно представляет полное растворение индивидуумов в коллективных представлениях, тогда как в развитых социальных системах основано на автономии индивидов. В контексте настоящей работы необходимо отметить важность постулата Э. Дюркгейма о коллективных

представлениях, общих для большинства индивидов, которые впоследствии трансформировались в теории К. Г. Юнга в коллективное бессознательное.

Э. Дюркгейм повторил ошибки биогенетического подхода, редуцировав все явления к общественным, отвергая индивидуально-психические факторы. Так, автор, анализируя явление самоубийства, считал, что оно опосредовано социально-нормативной интеграцией общества – отсутствие эффективных норм, сдерживающих человеческие потребности, создает ситуацию, способствующую суицидальным намерениям личности. Не вдаваясь в подробное обсуждение теорий самоубийства, укажем, что существуют различные факторы риска суицида: психологические (высокая тревожность, неадекватная самооценка, конфликтность в межличностных отношениях, смысловой вакуум и т. д.); социальные (кризисная ситуация, слабая или отсутствие сети социальной поддержки, неумение формировать связи с другими людьми, «конгатиозность» или желание подражать другому суициду и т. д.); психопатологические (депрессивный, шизофренический синдромы, биполярное расстройство, алкоголизм и т. д.) [168].

В целом необходимо отметить, что вклад структурно-функционального подхода в рассмотрение социализации заключается в том, что он дает общую картину социальной жизни в конкретный период. В этом случае мы получаем статичный образ, без понимания самих процессов социальных изменений. Данный подход, функционируя на макросоциальном уровне, не раскрывает проблемы взаимоотношения между индивидами. Как отмечает Т. В. Костяк [170], Э. Дюркгейм, переоценивая роль воспитания, игнорирует личностные особенности, способности, индивидуально-динамические характеристики, полагая, что в результате влияния общества возникает совершенно новый тип человека – «социальный», не зависящий от биологических и психологических признаков. При этом социальное как бы надстраивается над индивидуальным, не угнетая заданные природой возможности субъекта, а задавая рамки его вхождения в социум в виде дифференциации труда, общественных функций и институтов.

Теория социального антропологизма

Культурно-антропологические исследования, выполненные Р. Бенедикт и М. Мид, положили начало направлению, постулирующему обусловленность социализации индивида культурными нормами, ценностями, воплощенными в мифах, ритуалах, обычаях, традициях и пр. Социальная антропология рассматривает социализацию в контексте культурного детерминизма и культурного релятивизма, однако различая понятия социализации (социальное научение вообще) и инкультурации (enculturation) – действительный процесс научения в конкретной культуре [230]. В процессе анализа молодежной культуры самоанского народа М. Мид пришла к пониманию трех видов культур:

- постфигуративный (культура с медленными трансформациями, жизнь старшего поколения выступает моделью жизни молодого поколения, социализация определяется трансляцией знаний от взрослых к детям);
- кофигуративный (получение детьми и взрослыми знаний преимущественно от своих сверстников, старшие по-прежнему определяют тип кофигурации, в то же время молодежь руководствуется поведением сверстников);
- префигуративный (самостоятельная добыча информации детьми через электронные источники и передача знаний от детей к взрослым).

Однако Д. Фриман [457] критикует описанные М. Мид процессы и институты социализации, отмечая поверхностный характер наблюдения этнографа.

В рамках этнической антропологии можно обозначить ряд исследований, занимающихся изучением воздействия общества на социализацию человека. Отталкиваясь от «коллективных представлений» Э. Дюркгейма, К. Леви-Стросс и Л. Леви-Брюль рассматривали вопросы о сходстве и многообразии индивидов и групп внутри человеческого рода, о природном и социальном многообразии людей. Л. Леви-Брюль [192] считал, что архаическое мышление существенно отличается от мышления современного человека. Для первого актуально действие закона сопричастности, связанного с коллективными формами. Для второго вида

мышления характерен закон причинности. К. Леви-Стросс [194], также занимаясь описанием представлений об устройстве мира в первобытном мышлении, рассматривал миф как структуру элементов, а совокупности мифов, существующих в таких обществах, как знаковые моделирующие (семиотические) системы. Одно и то же объединение индивидов всегда имеет отношение к различным культурным системам: всеобщей, континентальной, национальной, провинциальной, местной и т. д.; семейной, профессиональной, конфессиональной, политической и т. д. Автор убедительно показал, что семейно-родовые отношения в клане, опосредующие социализацию индивида, в свою очередь обусловлены мифологической структурой. Понимая структурную антропологию как науку, занимающуюся исследованием социальных отношений с использованием моделей, К. Леви-Стросс пишет о социальной структуре, состоящей из повторяющихся конфигураций (танец, ритуал и т. д.). В социальной структуре автор выделяет четыре уровня: социологию родства, социологию экономики, социологию лингвистики и социологию фенотипов. Взаимосвязи и коммуникации как между уровнями, так и внутри уровня осуществляются посредством личностей, символов, ценностей, знаков, игр и правил. Таким образом, К. Леви-Стросс вслед за Э. Дюркгеймом раскрыл важность религиозных явлений, показав их как составную часть социальной структуры. Автор также попытался выйти на создание обобщенной модели общества, связывая между собой семейные отношения, экономические, лингвистические и генетически закрепленные бессознательные конфигурации. Вклад К. Леви-Стросса в науку является бесценным, он перевернул классический взгляд на антропологию, создав собственное направление – структурную антропологию, считая, что исследовать необходимо отношения между семьями. Тяготая к строгому статистическому анализу, К. Леви-Стросс отказывается от анализа социальных ролей в силу их множественности и обращается к знакам и символам, которые можно подвергать математическому анализу. К сожалению, автор не определил четких взаимоотношений между структурными элементами в своей социальной модели, а

попытки автора создать обобщенную социальную структуру не нашли своей дальнейшей реализации.

Антропологический взгляд на социализацию личности прослеживается и в трудах психологов. Так, один из тезисов социальной антропологии о том, что общечеловеческие ценности равны «правильным» индивидуальным ценностям, был взят на вооружение В. Франклом и использован в его логотерапии. Социальный антропологизм в современной трактовке ставит акцент на «самости» индивида. При этом понятие «трансценденция» обретает некоторую специфичную окраску – выход за пределы реального, существующего, индивидуального бытия. Свобода воли трактуется в социальной антропологии как способность человека взять ответственность за реализацию своего бытия в общечеловеческом пространстве. Иначе говоря, каждый отдельный субъект реализуется как индивидуальность только включением его в общечеловеческое пространство. При этом важно отметить, что уникальность личности не стирается, а эксплицируется в другом человеке. Происходит взаимопроникновение индивидов друг в друга через понимание и принятие, как основа общечеловеческого единства. Эта идея проходит красной линией в отечественной психологии. Так, в частности, С. Л. Рубинштейн [299; 300] вводит принцип взаимопроникновения всеобщего и единичного. Следовательно, представители социальной антропологии попытались неформально соединить индивидуализацию и социализацию.

Итак, подводя итоги в рамках антропологического подхода в рассмотрении социализации можно констатировать, что основные тезисы данного подхода состоят в следующем:

- дифференциация человеческих сущностей есть продукт различных культур. Интегрированные в личности социокультурные элементы (ритуалы, символы, знаки и т.д.) выступают для индивида стандартом его психологических проявлений (чувства, мысли, действия). В результате у субъектов формируется чувство принадлежности к данной социокультурной общности;

- социокультурные условия задают вектор развития ребенка, иначе говоря, социализация обусловлена только внешними условиями, к которым адаптируется индивид, а передача социокультурных элементов имеет своей целью именно обеспечение адаптации человека к внешней среде;
- культуры отличаются по способу трансляции знаний и собственно процессов социализации, что заставляет усомниться в универсальности возрастных этапов развития для всех культур.

Теория конфликта

В отличие от структурно-функционального подхода, определяющего общество в виде статичной структуры, представители теории конфликта предполагают, что общество подвержено постоянным изменениям. Наиболее известными сторонниками данного направления являются Л. Козер, Р. Дарендорф и К. Боулдинг, которые подчеркивают непостоянство общества, беспорядок и нестабильность, сосредотачиваясь на процессах, непрерывно трансформирующих общественную жизнь. Согласно Л. Козеру [433] (концепция позитивно-функционального конфликта), внутри общества существует социальный конфликт, который сводится к борьбе за статус, ресурс, власть, ценности, что, безусловно, вызывает напряженность между членами общества. Такой конфликт между группами, по мнению автора, будет способствовать внутригрупповой солидарности и сохранению группы. Жестокость и нетерпимость к внешним «врагам» группы обратно пропорциональна размеру группы – чем больше группа, тем более она лояльна к внешнему окружению. Желая создать общесоциологическую теорию, Л. Козер потерпел фиаско, его концепция недолго господствовала. Р. Дарендорф [442] подхватил идею конфликта и предложил конфликтную модель общества, получившую более широкое признание, в отличие от концепции позитивно-функционального конфликта. Автор высказал точку зрения о неравенстве социальных позиций членов общества, обуславливающих дифференциацию интересов, что, в свою очередь, вызывает конфликты и структурные изменения в самом обществе. Вопрос о конфликтной

природе человека поднял американский социолог К. Боулдинг [407], считая, что все конфликты имеют общую структуру. Автор выделял три вида конфликта по типу конфликтующих сторон: личностные; организационные; групповые. Кроме того, он предлагал рассматривать две характеристики конфликта: статистическая (анализируются противоборствующие стороны и отношения между ними); динамическая (реакции и интересы конфликтующих сторон на внешние стимулы). В данном случае К. Боулдинг, используя знаменитую формулу бихевиористов «стимул–реакция», отталкивается от стереотипных реакций человека в понимании сущности социального конфликта. Резюмируя, можно перечислить основные тезисы теории конфликта:

- общество стратифицировано и в каждый момент переживает социальный конфликт;
- социальный конфликт членов общества детерминирован психологической неудовлетворенностью членов общества, возникающей из несовпадения между ожиданиями, притязаниями и тем, что предлагает общество; ресурсами, социальными позициями, ценностями и пр.;
- социальный конфликт постоянен и повсеместен, каждый элемент общества, конфликтуя с другими элементами, вызывает структурные изменения общества, следовательно, особенности социальных условий непрерывно меняются, делая процесс социального развития индивида принципиально не завершаемым;
- межгрупповые конфликты способствуют формированию групповой сплоченности и сохранению группы и имеют обратную зависимость с размером группы – чем меньше группа, тем более она агрессивна к внешнему окружению.

Конфликтогенный подход, рассматривая социализацию как процесс преодоления социальных конфликтов, делает акцент на изучении социальных трансформаций, освещая конфликтность, нестабильность и постоянную изменяемость общества. В то же время недостатком данного направления

являются сложности при описании структурных элементов общества и его аспектов: интеграции и стабильности.

Интеракционистские теории

Теоретический вклад в разработку проблемы социализации внесли сторонники символического интеракционизма (Ч. Кули, Дж. Мид, М. Кун, Г. Блумер и др.). Они, как и все предыдущие представители социального подхода, придерживались мнения, что человек является исключительно социальным существом, но в отличие от функционалистов и конфликтологов интересовались микроасpekтами социальной жизни. Рассмотрение природы социализации интеракционистами также входило в противоречие с взглядами представителей биогенетического подхода, утверждающими наличие биологических предпосылок социализации у человека. Тогда как сторонники символического интеракционизма утверждали обратное: отсутствие у человека врожденных моделей поведения социального взаимодействия, при этом они вводят символ как некую единицу социальной реальности. С точки зрения Дж. Мид, ребенок, взаимодействуя с окружающими его людьми, приобретает систему символического понимания мира. Участвуя во множественных интеракциях в процессе социализации, субъект взаимодействия постоянно подтверждает, уточняет и изменяет свои символические значения. Символ (др. греч. σύμβολον – («условный) знак, сигнал») – это знак или изображение какого-либо предмета или объекта для обозначения его качества. Немецкий философ Э. Кассирер [141] считал, что в культуре неизменно присутствует символическое мышление, которое наряду с рациональностью делает человека человеком и открывает ему путь к цивилизации. Итальянский мыслитель и прозаик У. Эко [450] трактует символ как текстуальную модальность, не имеющую конечного смысла. Между тем, развивает свою мысль автор, символ ограничен контекстом, что приводит текст к конечному числу интерпретаций, тогда как вне рамок контекста символ открыт бесконечным значениям. Р. Барт [34], французский семиотик, предполагал, что любое культурно-значимое явление представляет собой речевое высказывание, дискурс, состоящий из латентных смыслов, которые не могут

непосредственно актуализироваться в сознании, но требуют расшифровки или «чтения». Таким образом, вхождение человека в социальную среду предполагает освоение символической реальности и формирование своей смысловой системы в результате социального взаимодействия, являющегося стержнем личности. Важными характеристиками символа в рамках теории символического интеракционизма выступают:

1) многозначность – символ имеет многообразие смыслов, или потенциальных интерпретаций, при отсутствии единственного значения, он выступает как многозначный, до бесконечности развертывающий смыслы образ;

2) контекстуальность – единственное значение создается в контексте употребления символа, что предполагает не только формирование смысла, но и самого контекста, в силу его зависимости от интерпретатора;

3) событийность – символ связан с социально и культурно определяемым поведением носителей культуры.

Кроме построения смысловой картины мира Ч. Кули [183] в контексте социализации представляет теорию «зеркального Я». В процессе множественных интеракций каждый индивид формирует собственное «Я», выходя за свои пределы в виртуальный мир другого человека. Иначе говоря, чтобы построить собственный образ или регулировать свое поведение, субъекту необходимо взглянуть на себя глазами других, глядясь в них, как в зеркало. Ч. Кули называет этот феномен социальной самостью, которая появляется на основе реакций других людей, наблюдаемых индивидом, с которыми он вступает в контакт. С точки зрения Ч. Кули, у личности столько социальных самостей, сколько существует лиц и групп, о мнении которых он заботится, при этом большое значение имеет группа, составляющая ближайшее окружение, в которой складываются неформальные и доверительные отношения. Социальная самость включает в себя три подструктуры: 1) представление о том, «каким я кажусь другому человеку», 2) представление о том, «как этот другой оценивает мой образ», 3) вытекающее из этого специфическое «чувство» гордости или унижения. Дж. Мид выделяет в социальной самости две части: социальная (*Me*) –

соотнесение себя с внешним миром, своего рода «рефлексивное Я»; бессознательная (*I*) – желания, интуиция, инстинкты и импульсивные реакции на поведение значимых других («импульсивное Я»).

Дж. Мид [229], следуя теории «зеркального Я», отмечает, что для понимания смыслов собственного поведения индивид должен использовать тот же зеркальный механизм и прийти к принятию социально объективной установки. Иначе говоря, субъект реагирует на свои реакции, «войдя» в роль другого, принимая точку зрения с этой позиции как авторитетную и тем самым расширяя собственный опыт. Собственно смыслы и значения определенных действий усваиваются индивидом в процессе взаимодействия, отмечает Г. Блумер [404]. Схожие смысловые наполнения в поведении индивида могут аккумулироваться в виде роли, которую Дж. Мид [229] представляет в виде общественных ожиданий, касающихся поведения субъекта. В контексте ролевого поведения автор указывает, что социализация, в своем общем виде, отражает ролевое усвоение. В этом контексте личность состоит из ролевого набора, реализуемого в интеракциях [228]. Эти роли выстраиваются в ролевой профиль личности, оказывая влияние на все поведение субъекта. Следовательно, согласно Дж. Миду, роль интегрирует в себе социальные функции.

В качестве наиболее общих положений символического интеракционизма можно выделить следующие:

- Субъект осваивает мир через символические значения, которые приобретаются в ходе социализации в результате участия во множественных интеракциях, заставляющих индивида постоянно подтверждать, уточнять и изменять системы своих символических значений.
- Личность включает набор ролей, обретаемых в процессе интеракций и состоящих из системы экспектаций символической природы.
- Процесс социализации предполагает усвоение ролей и формирование ролевого репертуара таким образом, чтобы индивид был способен проиграть в собственном сознании роль значимого другого. Багаж

социальных интеракций со многими Другими проявляется в создании у ребенка способности ориентироваться на коллективные правила поведения, приводя в результате к формированию образа «обобщенного Другого», олицетворяющего социальные нормы. В некоторых подходах последняя идея реализуется через презентации о существовании на каждом возрастном этапе специфичной конфигурации статуса и ролей.

- В результате социализации происходит формирование социальной самости (*Self*), которая имеет социальную природу и возникает из приобретенной во взаимодействии способности зеркального отражения себя в Другом.
- Социальная самость или «зеркальное я» состоит из трех элементов:
 - 1) представление индивида о том, как его воспринимают другие;
 - 2) представление индивида о том, как другие реагируют на него в соответствии с этим восприятием;
 - 3) реакция субъекта, связанная с данными представлениями.
- Становление социальной самости детерминировано двумя процессами: принятием роли значимого Другого (*play*) и представлением обобщенного Другого (*game*). В процессе социализации в контексте актуализации *game* происходит усвоение социальных установок и контроля. Самость включает две части: социальная (*Me*) – соотнесение себя с внешним миром и осознание себя со стороны значимых других; бессознательная (*I*) – желания, интуиция, инстинкты, импульсивные реакции личности на воздействия других людей и общества в целом.

Оценивая теорию символического интеракционизма, необходимо отметить его разворот на процессы взаимодействия между людьми, в результате которого формируются социальные нормы, установки и, в конечном счете, сознание субъекта. Огромная заслуга данного подхода в том, что он обращает внимание на личность, ведущую общественный образ жизни, наделенную способностью мыслить, оценивать, рефлексировать, оперировать символами. В контексте исследуемой в данной работе проблемы особую значимость приобретают

представления интеракционистов о человеке как об активном члене общества, структурирующем собственное поведение, а не пассивно реагирующем на внешние ограничения и нормативы.

Несмотря на преимущества теории символического интеракционизма, у нее есть и слабые стороны. Критические замечания относятся к акцентированию ситуативных и эпизодических моментов, нахождению на микросубъективном уровне в анализе социализации и игнорированию макросоциальных структур. Оппозиционные подходы ставят им во внимание упорядоченную структуру общества, ограничивающую свободу выбора личностей, в результате чего может возникнуть напряжение и конфликт. Последователи теории символического интеракционизма, стараясь преодолеть эти критические замечания, пытались объединить макро- и микроуровни в понимании социализации. Одно из направлений (Чикагская школа), представителями которого являются Г. Блумер, Т. Шибутани, А. Стросс, сконцентрированы на изменчивости процесса социализации и субъекта и, как следствие, его творческом преобразовании окружающего социального мира в зависимости от рождающихся во взаимодействии новых значений и смыслов, отрицая формально-статистические методы и предпочитая качественные методы: изучение документов, интервью, наблюдение [46]. Взаимодействие между импульсивным Я (активно противостоящим социуму) и рефлексивным Я приводит к конструированию поведения индивида в каждой конкретной интеракции. В этой связи социальные установки личности носят нестабильный характер, а отсюда следует сложность определения факторов, обуславливающих поведение индивида. Поэтому, как считает Г. Блумер [46], социализацию личности можно только объяснить, но невозможно предсказать.

Представители другого направления (Айовская школа), во главе которого стоят М. Кун, Т. Партленд, Б. Мельцер, обращают внимание на макроструктуры социализации – социальные институты. Критикуя ненаучные методы Чикагского ответвления интеракционистского подхода, М. Кун [514] ставит в приоритет исследование законов функционирования социальной структуры, изучение

бессознательных процессов социальной жизни, потребностей, намерений, ожиданий. Рассматривая личность как набор социальных установок, детерминированных интернализированными ролями, М. Кун, считает возможным диагностировать самооценку субъекта и его поведение на основании референтной группы ролевых установок. Таким образом, приоритеты двух школ символического интеракционизма использовали различные области анализа в концепции Дж. Мида – изменчивости и стабильности социальной реальности.

В работах ученых третьего постмодернистского, или драматургического, направления интеракционизма И. Гоффмана, Г. Стоуна, Г. Беккера, Э. Лемерта осуществляется попытка объединить стабильность и динамику социального мира. Оставляя категорию интеракций на основных позициях, сторонники данного подхода погружают ее в конфликтную, нестабильную среду, что обуславливает уязвимость социальной самости. Содержание социального процесса определяет изменчивое и многоликое Я, а идея социальной обусловленности Self в данном подходе представлена через множественную идентичность личности, являющуюся центральной в теории драматизма И. Гоффмана. В теоретической системе И. Гоффмана [83] применяются заимствованные из драматургии понятия: маска, сцена, роль, социальное действие. Социализация представляет адаптацию к определенной ситуации посредством «надевания маски», обеспечивающей наибольшую выгоду от данной интеракции. Так происходит социальное действие в рамках определенного сценария, заданного социальной системой. Однако в концепции И. Гоффмана теряется индивидуальное Я (самость – в терминах К. Г. Юнга), под множеством масок становясь расчлененным и многоликим. Проблема заключается в том, что в этом случае мы ограничены ритуализированными интеракциями, не носящими общезначимый или системный характер, на что указывает и сам автор драматической теории, которая в итоге лишается возможности быть универсальной. Вместе с тем Г.М. Андреева, Н. Н. Богомолова, Л. А. Петровская [13] подчеркивают реальность «множественной личности» И. Гоффмана, которая соответствует природе социальных взаимоотношений, отчуждающих субъекта от собственного бытия.

Более того, последние исследования (см. напр., [305]) доказывают, что личность стремится к умножению ролевого разнообразия, используя механизм мультипликации социальных ролей. Данная мультипликация является следствием развития технологий виртуального взаимодействия в условиях информационной цивилизации.

Как отмечают Г.М. Андреева с соавторами [13], современные концепции в рамках теории символического интеракционизма обладают рядом достоинств и недостатков, свойственных в целом подходу Дж. Мида. В качестве научных положений, внесших значительный вклад в теорию социализации личности, авторы называют все тот же интерес к факторам формирования индивида во взаимодействии с другими людьми, подчеркивая активность и творческую созидательность личности. В минус ставятся то же игнорирование социальных институтов, социально-экономических условий и содержание предметной деятельности субъектов. Также авторы указывают на неопределенность и сложность в операционализации используемых понятий Чикагской школы, критикуя также и Айвовскую школу относительно механистичности и упрощенности попыток компенсации данного недостатка.

Психологические теории

Психоаналитические теории

Подход к социализации в психоанализе как процессу усмирения сексуальных и агрессивных бессознательных порывов был заложен в работах З. Фрейда, который впервые экспериментальным путем исследовал бессознательное. Будучи практикующим врачом и работая с душевнобольными, психотерапевт обратил внимание на то, что неосознаваемые переживания могут становиться причиной нервно-психических заболеваний. Наблюдение за пациентами, применение гипноза (основоположником дифференциации сознания и бессознательного методом гипноза стал Ж. Шарко) позволили З. Фрейду прийти к пониманию структуры психики человека. Автор предложил трехкомпонентную

модель психики. В структуре психики З. Фрейд [329] выделяет три компонента: Супер-эго, Эго и Ид (см. рисунок 1).

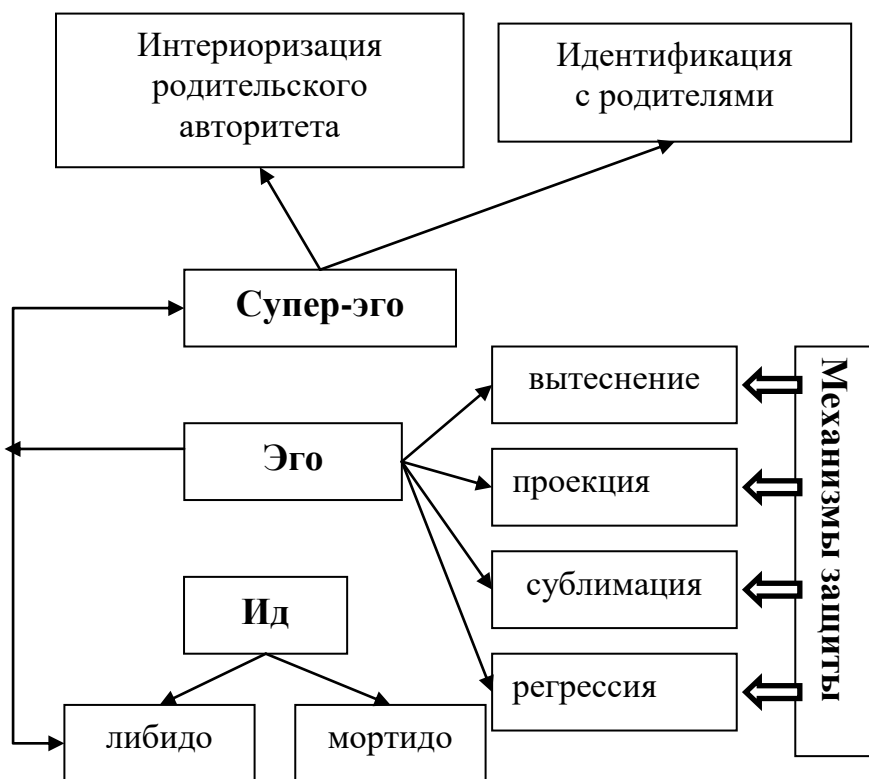

Рисунок 1. Социализация по З. Фрейду

Собственно бессознательному отведена наиболее непривлекательная роль: Ид – это вместилище всех низменных животных импульсов, желаний и влечений человека, а также двух психических энергий – либидо (энергия удовольствия, наслаждения) и мортидо (энергия смерти). Эти природные потребности подавляются обществом и его представителями – непосредственными родителями ребенка – (Супер-эго), что приводит к конфликту этих двух структур в виде невротических реакций. Функцию уравнивания двух противоборствующих сторон выполняет в теории З. Фрейда сознание (Эго), которое посредством различных механизмов психологических защит пытается нивелировать конфликт. Таким образом, суть предложенной схемы сводится к тому, что сумма опыта человека подразделяется на: 1) содержания, осознаваемые им в текущий момент времени, 2) архив воспоминаний, к которым индивид в любой момент может обратиться и 3) «законсервированное» хранилище, в повседневной жизни

недоступное своему обладателю. Собственная социализация, по мнению психоаналитика, представляет блокирование, трансформацию или видоизменение бессознательных тенденций личности посредством механизмов психологических защит, при этом личность находится в бесконечном конфликте с обществом.

З. Фрейд предполагает, что некоторые ключевые бессознательные компоненты личности носят надиндивидуальный характер (явления тотемизма и табу, описанные в его одноименной работе «Тотем и табу» [330]). Эта идея универсальных для той или иной культуры или семьи (рода) элементов была развита последователями З. Фрейда (в рамках аналитической психологии К. Г. Юнга, судьбоанализа Л. Сонди, в небольшой степени – теории объектных отношений М. Кляйн).

К. Г. Юнг [366–373] более широко подошел к проблеме бессознательного, в отличие от З. Фрейда. Автор в процессе изучения мифов пришел к выводу о существовании коллективного и личного бессознательного. В этой связи в концепции К. Г. Юнга вырисовывается уже не один элемент бессознательного, а два, которые противопоставляются сознанию (см. рисунок 2). По мнению К. Г. Юнга [372], субъектом управляет не только сознательный центр Эго. Помимо Эго в психике присутствует и бессознательное, причем сознание выходит из бессознательного, образуясь на его почве, как «дерево вырастает из земли». Процесс социализации, с точки зрения автора, заключается в проигрывании определенных социальных ролей.

При этом индивид, вступая во взаимодействие с окружающими людьми, «надевает на себя маски», с которыми он может идентифицировать себя. С точки зрения автора аналитической психологии, происходит отождествление с Персоной – социальным архетипом. Такое отождествление, считает К. Г. Юнг, является опасным для индивидуализации человека, когда он перестает замечать себя, транслируя ригидное поведение. В этом случае страдает уникальное начало индивида – Самость. Для противодействия социальным нормам и правилам включается еще одна фигура – Тень, которая состоит из социально неприемлемых качеств и может транслировать образы из коллективного бессознательного,

которое, как утверждает К. Г. Юнг, является общим для всех и состоит из универсальных единиц, называемых архетипами. Архетипы, или изначальные образы, напоминают собой инстинкты, иными словами являются запрограммированным действием, благодаря которому облегчается процесс социализации.

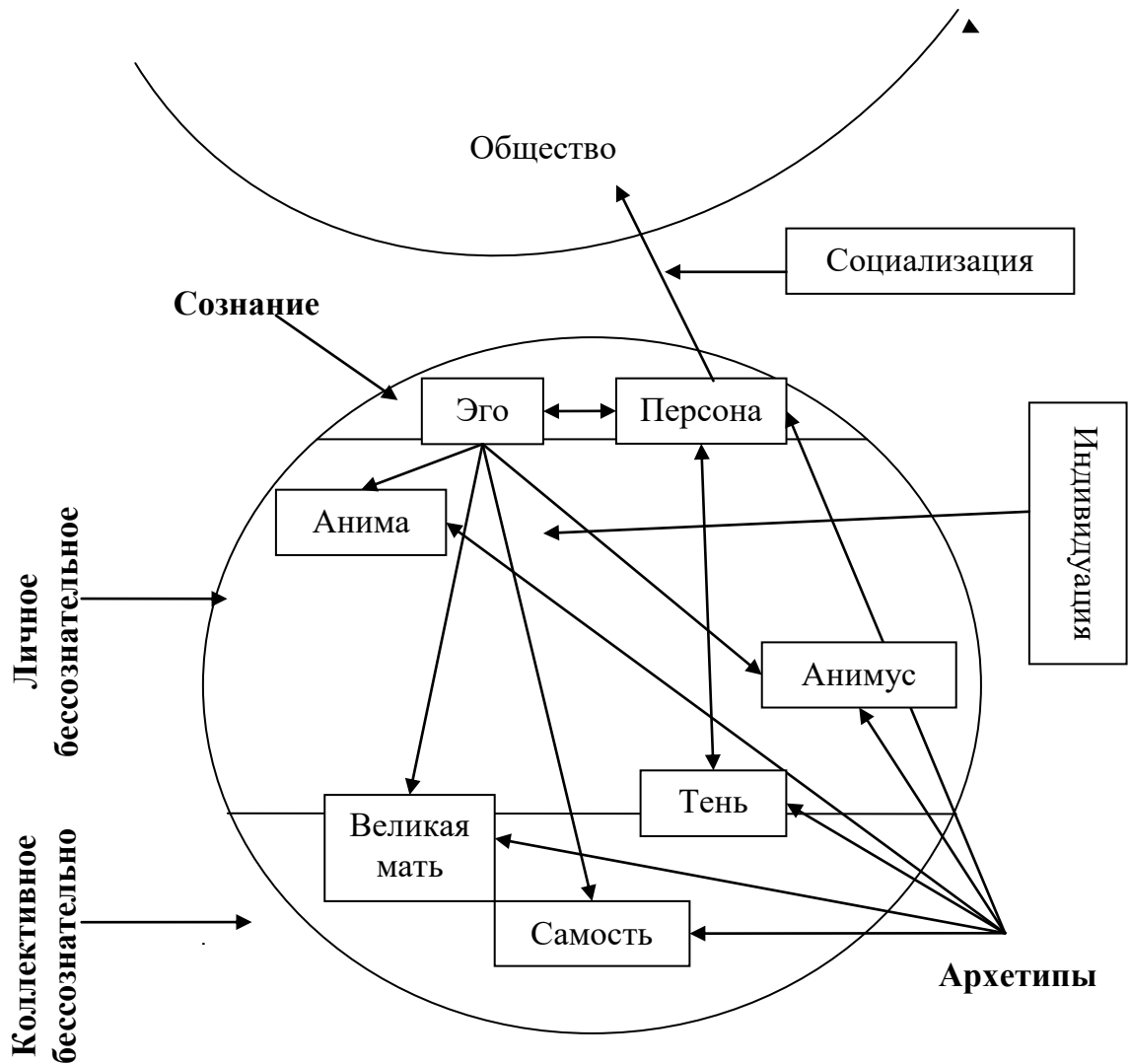

Рисунок 2. Процесс индивидуации и социализации по К. Г. Юнгу

Сознание и бессознательное, с точки зрения К. Г. Юнга [366–373], находятся в компенсаторных отношениях друг с другом. Цель индивида заключается в том, чтобы постоянно расширять область сознания, «снимая» слой за слоем личное бессознательное и таким способом освобождаясь от коллективного бессознательного, обретая уникальность. Автор аналитической психологии назвал это процессом индивидуации, являющимся процессом

самопознания, движения к целостности. Он считал, что у каждого человека существует врожденное стремление к целостности. Целью индивидуации является освобождение Самости и установление динамичной связи между Эго и Самостью. «Самость, – писал К. Г. Юнг, – это цель нашей жизни, так как она и есть наиболее полное выражение пророческого сочетания, которое мы называем индивидуальностью» [370, с. 173]. Таким образом, в контексте аналитической концепции общество через коллективное бессознательное влияет на субъекта, стараясь нейтрализовать его индивидуальную природу. В этом случае происходит конфликт между социализацией и индивидуализацией, а сам процесс социализации обусловлен глубинными психологическими структурами.

В поздних работах неопрейдистов Эго определяется роль как основной инстанции, позволяющей адаптироваться субъекту к окружающему социальному пространству. Например, в концепции Э. Эриксона [363] основная задача социализации сводится к достижению идентичности, которую автор рассматривает как процесс, устанавливающий синтез двух идентичностей – социальной и личностной, формируемых в течение всей жизни человека. Социальная идентичность представлена в виде личностного образования, включающего внутреннюю согласованность субъекта с групповыми нормами, идеалами и стандартами. В отличие от социальной идентичности, являющейся результатом социализации, личностная идентичность (показатель индивидуализации человека) отражает осознание неизменности собственной экзистенции независимо от роли и ситуации. Сложность заключается в определении равновесия между этими двумя идентичностями, что приводит субъекта к кризисному состоянию, которых Э. Эриксон выделил восемь. В кризисном состоянии происходит пересмотр отношений между индивидом и социумом, и в результате личность либо приспосабливается к групповым нормам, либо замыкается на себе.

Давая критическую оценку психоаналитическим концепциям, М. М. Кончаловская [163] отмечает, что, несмотря на примат биологической природы в концепции З. Фрейда, многие его последователи придавали значение

социальным факторам в развитии личности. В целом представители психоаналитического подхода противопоставляли субъекта и общество, но большинство из них не представляло возможным гармоничное взаимодействие процессов социализации и индивидуализации. В этом, обращает внимание И. С. Кон [161], есть корень ошибки психоанализа, грубое упрощение изменчивых и дифференцированных отношений между социальным Супер-эго и асоциальным Ид.

Теории социального научения

Представители этого направления Б. Скиннер, А. Бандура, Н. Миллер, Д. Доллард и др. подходили к проблеме социализации, основываясь на формировании личности окружением. С их точки зрения, различные поведенческие формы приобретаются посредством научения, носящего в бихевиористском направлении основополагающий характер. Вместе с тем, как указывает Г. М. Андреева с соавторами [13], бихевиоральное направление разделяется на два подхода: оперантное научение представлено позицией Б. Скиннера и его последователей; медиаторная линия развития связана с А. Бандурой, Н. Миллером, Д. Доллардом и пр. В своих трудах Б. Ф. Скиннер [594] убедительно доказывает, что именно посредством влияния окружающей среды через подкрепляющие механизмы осуществляется социализация индивида. Как отмечает Н. В. Голубева [77], с точки зрения бихевиорального подхода социализация представляет опыт в виде моделей поведения, который субъект приобретает на протяжении всей жизни.

При этом Ф. Б. Скиннер делает акцент на оперантном научении, представляемом в виде контроля своих реакций на основе вероятностного предсказания последствий этого поведения. По мнению автора, при положительном подкреплении вероятность повторения операнта (поведение, следующее за подкреплением) усиливается.

Представители второго направления предпочитают сочетать лабораторный эксперимент с полевым исследованием, объектом которых выступают преимущественно животные (А. Бандура) [341]. Скиннеровскую схему они

заменяют на S–r–s–R, разделяя стимулы на внутренние (s – медиатор) и внешние (S). Г. М. Андреева с соавторами [13] обращает внимание на введение такого понятия как дискриминативный стимул – стимул, прямо не вызывающий реакцию, но сигнализирующий организму о ней. Процесс дискриминации, с точки зрения бихевиористов, позволяет различать отличающиеся стимулы. Противоположным дискриминации выступает процесс генерализации, предполагающий манифестацию одной и той же реакции на подобные стимулы. При этом оба процесса рассматриваются как значимые для социализации субъекта.

Обобщая вышеописанное, необходимо отметить, что представители социального научения опираются на следующие положения.

- Социализация включает в себя реализацию определенных моделей поведения, освоенных индивидом в результате наблюдения за окружающими людьми и их реакцией на эти модели (подкрепление).
- Одним из вариантов подкрепления выступает самоподкрепление. Иначе говоря, возможны ситуации, имеющие ценностную значимость для субъекта, в которых он самостоятельно подкрепляет себя (хвалит или ругает).
- Важными операциями в процессе социализации выступают генерализация (дача одинаковой реакции на схожие стимулы) и дифференциация (разные реакции на отличающиеся стимулы).

Бихевиоральный подход к рассмотрению социализации дает развернутую картину относительно процесса обучения индивида. В рамках данного направления при понимании человеческого поведения основываются на единообразии и повторяемости элементов, составляющих в совокупности социальные феномены. Сторонники теории социального научения концентрируют свое внимание на микроуровне, считая необходимым изучение реального поведения отдельного индивида, группы, общности (социальной, культурной, профессиональной и пр.). Важным достижением этого подхода является их приверженность объективному измерению и эксперименту. Бихевиористы

считают верными лишь факты, которые либо экспериментально подтверждены, либо получены с помощью математически формализованных методов естественных наук. При этом они настаивают на вынесении за скобки всего, что невозможно наблюдать объективно (мотивацию, ценности, морально-этические ориентации и т. д.), ставя во главу угла фактологическое исследование.

Необходимо отметить, что при всей разработанности исследовательского аппарата бихевиоризм оказался не способен обнаружить и раскрыть процесс социализации во всем его многообразии. В попытках ответить на вопрос о социализации индивида, приверженцы бихевиористского подхода концентрируются на условиях окружения, стимулах, ответственных за приобретение социальных навыков. Критические замечания относятся к более сложной опосредованности человеческого поведения по сравнению с животными, разрыву между объективными событиями и субъективной репрезентацией своего поведения и его последствий. Оставаясь лишь на почве эмпирических фактов, нивелируя ценности, культурные нормы, внутренние диспозиции субъекта и т. д., невозможно раскрыть подлинное содержание социальных феноменов.

Когнитивные теории

В противовес теориям поведенческого направления возникают подходы, полагающие, что в основе социализации субъекта лежат когнитивные процессы. По данным, приводимым в работе Г. М. Андреевой с соавторами [13], приверженцы когнитивного подхода к проблеме социализации представляют одну треть всех исследований. Источником теории когнитивного опосредования процесса социализации послужила концепция развития Ж. Пиаже [280], согласно которой окружающий мир не может быть познан непосредственно, а только при помощи логических операций. Последние, в свою очередь, представляют когнитивную концепцию мира, подлежащую проверке в виде действий в окружающей среде. На каждом этапе развития индивида происходит формирование новых когнитивных процессов. Г. М. Андреева с соавторами, анализируя когнитивные подходы в понимании социализации, отмечает разрозненность позиций представителей указанного направления, тем не менее,

авторы определяют общую линию этих теорий. Для большинства приверженцев ментального объяснения социализации человека характерно следующее понимание: «впечатления индивида о мире организуются в некоторые связанные интерпретации, в результате чего образуются различные идеи, верования, ожидания, аттитюды, которые и выступают регуляторами социального поведения» [15, с. 82]. Следовательно, социализация целиком зависит от организованных систем, понятий, имагинаций и других ментальных образований, объединение которых в структурированную схему вынуждает субъекта отнести их к определенному классу феноменов. Это требует от индивида активизации когнитивных процессов, в этой связи под пристальным вниманием у приверженцев когнитивного направления находятся такие явления как аттитюд, перцепция, аттракция и т. д.

Как было показано выше, начало когнитивному направлению в становлении индивида в обществе было положено исследованиями французского ученого Ж. Пиаже. Взяв на вооружение взгляды на социализацию своего соотечественника Э. Дюркгейма, Ж. Пиаже включает это понятие в качестве основных в свою теоретическую систему. При этом автор считал необходимым дифференцировать два понятия – «социальный» (трансляция общекультурных норм и ценностей от взрослого к ребенку) и «социализированный» (координация собственной точки зрения на феномены со взглядами окружающих) [281]. Социальные отношения имеют для ребенка характер принуждения, и в этой связи, по мнению Ж. Пиаже, ребенок с самого начала социален. С другой стороны, понимая под социализацией процесс адаптации к окружающей среде, ученый определяет равноценное взаимодействие ребенка с другими людьми (чаще всего сверстниками), говоря о сотрудничестве и кооперации. Именно социализация, по мнению автора, обеспечивает децентрацию – переход к объективной позиции от эгоцентризма, тем самым происходит качественный скачок в ментальном развитии ребенка [279]. Только отношения со сверстниками, позволяющие ребенку почувствовать себя равным, осуществлять дискуссию, конструктивно отстаивать свою точку зрения, способность к кооперации и сотрудничеству,

приводят к осознанию им своей субъективности. Открыв закон децентрации, описывающий психическое развитие ребенка, Ж. Пиаже утверждает, что именно он составляет суть процесса социализации.

Эти идеи получили развитие в работах Дж. Брунера, который, добавив научные достижения гештальтпсихологов в области перцепции, создал теорию перцептивных гипотез. В общих чертах смысл этой теории состоит в том, что ребенок, овладевая понятийным мышлением, определяет в предметах окружающего мира значимые качества, которые позволяют ему отнести эти предметы к той или иной категории. Интеллект, с точки зрения Дж. Брунера [416], выступает результатом усвоения ребенком символов, знаков, способов и пр., помогающих ему решать задачи относительно окружающего мира. Эти идеи были зафиксированы ученым в программе «New Look» («Новый взгляд») и легли в основу социализации. В дальнейшем исследование возможностей интеллекта в социальном взаимодействии были продолжены в работах Дж. Гилфорда, который предложил способ объективного изучения социального интеллекта (сам термин был введен еще Э. Торндайком).

Понимание социализации как процесса сопоставления своего мнения с мнением окружающих было использовано в теории когнитивного диссонанса. Автор этой теории Л. Фестингер [327] предположил, что взаимодействие между людьми и постижение социальной реальности осуществляется через сравнение собственного мнения с мнением других людей, если оно совпадает, то достигается консенсус и напряжение исчезает, в случае несовпадения возникает когнитивный диссонанс, сопровождающийся напряжением. В этой связи индивид стремится к уменьшению напряжения. Ученый выделяет две переменные, имеющие большое значение для величины диссонанса: «1) количество когнитивных элементов, консонантных данному мнению; 2) количество людей, разделяющих данное мнение» [327, с. 224–225]. Как отмечает Г. М. Андреева с соавторами [13], теория Л. Фестингера носила интерперсональный характер и основывалась на сопоставлении знания о себе и знания о другом. Однако, как

отмечают авторы, она вызвала больше оппозиционных споров относительно интерпретации полученных результатов в других терминах.

Главное критическое замечание касалось противоречивости и неоднозначности мотивирующей функции когнитивного диссонанса. Как уже было отмечено, в различных изложениях теории речь идет о разных вещах: то о мотивирующем значении диссонанса для поведения, то о мотивирующем его значении для перестройки когнитивной системы. Следовательно, ограниченность предложенной модели задается указанным фактом. Изолированность элементов модели препятствует ее сопряжению с другими элементами когнитивной структуры. В целом необходимо отметить, что общая ограниченность теорий когнитивного диссонанса заключается в сосредоточенности только на когнитивных структурах при игнорировании более широкой области социальных условий существования индивида.

Еще одним представителем когнитивного направления в социализации является Л. Кольберг, придававший большое значение содержанию и механизмам нравственного развития ребенка в процессе его вхождения в социум. В своей концепции автор понимает социализацию как процесс овладения нормами и правилами межличностного взаимодействия и контроль своего поведения согласно социальным требованиям [509]. Освоение этих требований, с точки зрения Л. Кольберга, зависит от когнитивного развития индивида и его способности к эмпатии. Используя общую для всех когнитивистов схему, автор определял социальное развитие как пассивное усвоение норм и требований взрослых в раннем периоде и сотрудничество между сверстниками в подростковом возрасте. В процессе социализации происходит самостоятельное овладение навыками морального поведения, являющимися результатом освоения социального опыта и совершения нравственного выбора.

Основные критические замечания концепции Л. Кольберга состоят в неоднозначности перехода от одной стадии нравственного развития к другой и их взаимосвязи с поведением субъекта в определенных ситуациях социального взаимодействия. Кроме того, как отмечает в своей статье Т. П. Авдулова [2],

ученым была переосмыслена роль педагога в моральном развитии от сократовского посредника до носителя ценностей и норм.

В целом к критическим замечаниям когнитивного подхода относятся сосредоточенность на когнитивных процессах в обход эмоциональным, мотивационным и ценностным компонентам. Также Т. П. Авдулова [2] указывает на игнорирование влияния культурологических факторов, играющих важную роль в процессе социального становления индивида.

Отечественный подход к социализации

Понимание социализации в отечественной психологии происходило сквозь призму личности и ее развития. Крупный вклад в изучение процесса социализации личности внесли такие российские ученые, как Л. С. Выготский, Б. Д. Парыгин, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев, И. С. Кон, В. А. Ядов, Г. М. Андреева и др. Рассматривая психологию развития ребенка, Л. С. Выготский пишет о кризисах, возникающих на каждом возрастном этапе. Возрастные кризисы обусловлены несовпадением между психическим развитием ребенка и социальной ситуацией развития, под которой автор понимает «систему отношений между ребенком данного возраста и социальной действительностью» [66]. Таким образом, ученый постулирует вхождение ребенка в культурную среду посредством взаимодействия ребенка с ближайшим окружением, вводя понимание развития человека в контексте общественных отношений. Согласно Л. С. Выготскому, социализация детерминирует психическое развитие личности, которое происходит посредством присвоения (интериоризации) социальных, исторически сложившихся форм. В дальнейшем такое восприятие человека пронизывает всю отечественную социальную психологию. Так, В. А. Ядов [378] определяет предметом марксистской социологии общественные отношения, а саму социализацию как процесс идентификации, запускающий установки различного уровня: ситуативные, кросс-ситуативные и уровень высших диспозиций личности [377]. Активизированные диспозиции детерминируют социальное поведение в референтной группе и определяются В. А. Ядовым как глубинные потребности в признании, групповой защите и самореализации.

В. М. Бехтерев [44] рассматривал социализацию как отчуждение субъекта от своей внутренней сути, развивая те же мысли, что и представители гуманистической психологии. Фактически введенные В. М. Бехтеревым понятия индивида, индивидуальности и личности были развернуты в трудах Б. Г. Ананьева. Социализация и индивидуализация являются для Б. Г. Ананьева взаимообусловленными процессами. Вслед за В. М. Бехтеревым, определившим личность как субъект общественных отношений, Б. Г. Ананьев представляет общую структуру человека [11]. Влияние онтогенеза и филогенеза обуславливает развитие человека как индивида, т. е. целостную взаимосвязанную систему [197]. По сути, это биологическая основа, на которой надстраиваются личность, субъект деятельности и индивидуальность. С точки зрения А.Н. Леонтьева [198], личность образуется посредством вхождения в общественные отношения человека к миру. Иначе говоря, личность – система отношений человека, обусловленная его жизнью в социальном пространстве [11]. По мнению А. Н. Леонтьева [198], социализация начинается с рождения ребенка и опосредована деятельностью, т. е. манипуляциями с социально фиксированными предметами. В этом случае мы имеем дело с субъектом деятельности. И, наконец, индивидуальность – психологическая и социальная неповторимость, включающая единство и взаимосвязь индивида, личности и субъекта деятельности [11].

Б. Д. Парыгин [257] одним из первых среди отечественных психологов указал, что социализация является динамичным процессом, предполагающим активность самого субъекта в освоении общественных ценностей на протяжении всей жизни. Кроме того, автор указывает на многогранность процесса социализации человека, детерминированного не только социальным, но и биологическим самоопределением человека в ходе эволюции. Б. Д. Парыгин отмечал активность субъекта в качественном преобразовании окружающей действительности, его способность к овладению социальными ролями, нормами и правилами социальной жизни. Предлагая структурно-динамическую концепцию социализации, автор помещает в центр анализа личность и ее социальное общение. Как отмечают в своей статье А. Л. Журавлев и И. А. Мироненко [105],

Д. Б. Парыгин [257] рассматривает общение (первичное по отношению к деятельности) как основной фактор детерминации психической активности личности как социального существа. Представляя личность как основную категорию социальной психологии, Д. Б. Парыгин разработал две социально-психологических модели личности:

- статистическую, включающую три компонента: 1) общечеловеческий, 2) социально-специфический, 3) индивидуально-неповторимый;
- динамическую – психический настрой личности. Это интегральное структурное образование, которое характеризует тональность и степень предметной направленности психического состояния человека в данный период времени. Психический настрой личности представлен, с одной стороны, неосознанным эмоциональным фоном, что соответствует невербальному психическому состоянию, а с другой – осознанным умонастроением, что соответствует вербальному психическому состоянию.

Обе социально-психологические структуры личности могут быть в противоречивых отношениях, что проявляется в соотношении разных составляющих этих моделей. Считая одной из основных категорий социализации общение, Д. Б. Парыгин предложил структуру общения, включающую в себя три компонента:

- перцептивный – взаимное восприятие субъектов в процессе общения;
- коммуникативный – обмен информацией через вербальные или невербальные средства;
- интерактивный – взаимообусловленное влияние индивидов друг на друга.

В своей статье А. Л. Журавлев и И. А. Мироненко [105] отмечают существенный вклад Д. Б. Парыгина в развитие отечественной и мировой социальной психологии. Авторы указывают, что научные представления Д. Б. Парыгина о социально-психологической природе личности и его понимание значимости общения в социализации индивида являются значимой предпосылкой

развития социально-психологической теории и практики. А его трехкомпонентная модель общения широко распространилась в психологической науке.

Проблема соотношения личности и общества освещается в трудах выдающегося отечественного психолога И. С. Кона. Согласно исследованиям ученого, социализация есть усвоение индивидом социального опыта в процессе межличностного общения, в частности, усвоение символов и знаков. Эти продукты человеческого культурного пространства опосредуют мировосприятие субъекта, вызывая у него соответствующие чувства и установки [161]. Таким образом, И. С. Кон, следуя преобладающей в отечественной психологии парадигме, определяет, что человек становится личностью в процессе социализации, в центре которой автор ставит социальную роль. Последняя для включения в структуру личности должна быть интернализирована. В процессе индивидуального жизненного пути все интернализированные роли интегрируются субъектом в автономную целостную систему. При этом И. С. Кон обращает внимание на двойственный характер взаимодействия личности и социальных ролей – как роль способствует изменению личностных характеристик, так и индивидуальные особенности влияют на выбор той или иной роли и ее реализацию в интериндивидуальном взаимодействии. В свою очередь, результатом социальных интеракций является система мотивов, установок, ценностей и пр., составляющих основу внутренней композиции личности.

В центре внимания А. В. Петровского [278] находится влияние коллектива на личность, социализация которой происходит посредством ее интеграции в различные референтные группы, начиная с семьи, детского сада и заканчивая неформальными групповыми объединениями и трудовыми коллективами. Считая, что «каждая частная, специальная теория должна быть органической частью теории общей» [278, с. 141], выдающийся отечественный психолог остается верным теории деятельности. Автор, отмечая, что межличностные отношения в группе опосредованы совместной деятельностью, рассматривает коллектив как «субъект совместной социально обусловленной деятельности». Вхождение в новую социальную группу предполагает утрату индивидуальности и адаптацию к

групповым нормам и формам деятельности. Таким образом, по мнению А. В. Петровского, адаптация, индивидуализация и интеграция являются механизмами социализации.

Пытаясь преодолеть недостатки классических теорий социализации, современники, исследуя данный процесс, стараются дать комплексное его обоснование. Проводя философский анализ проблемы социализации личности, В. А. Зеленина [109] предлагает следующую модель. Социализация по биологической линии представляет преодоление приоритета телесно-биологической организации, по общественной линии – это формирование навыков социальной жизни, в культурном плане – выстраивание системы идеалов и ценностей, в экзистенциальном аспекте – осуществление свободы выбора.

Обобщая теоретический анализ отечественных подходов к проблеме социализации, отметим следующие позиции:

- основной линией во всей отечественной психологии проходит понимание личности как субъекта общественных отношений;
- общественные отношения реализуются в группах, имеющих специфическую деятельность;
- субъект, входя в группу, утрачивает собственную индивидуальность, адаптируясь к групповым ценностям, нормам и формам деятельности;
- личность не пассивно усваивает социальные нормы, а проявляет активность в качественном преобразовании окружающей действительности, в овладении социальными ролями, нормами и правилами социальной жизни, формами и видами деятельности.

Все перечисленные выше позиции представлены в определении социализации, которое дает Г. М. Андреева: «Социализация – это двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей, с другой стороны, процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей, за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду» [15, с. 267].

А. Г. Здравомыслов [108], давая оценку российской социологии, отмечает, что ее становление детерминировано в дореволюционном периоде философско-политическими дискуссиями и ориентацией на абстрактные идеи свободы и справедливости. Репрессивные действия относительно социологии как науки о буржуазном обществе вывели марксистскую идеологию на первые позиции в понимании проблемы социализации. Но при этом были попытки освоить западные теории, включив их элементы в собственное понимание социализации. В этой связи, как отмечает А. Г. Здравомыслов, настоящая ситуация социологического знания в России характеризуется «не только полипарадигмальностью, но и существованием анклавов французской, немецкой, американской, английской социологий в пространстве российской общественной мысли» [108, с. 201]. Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на использование в работах отечественных авторов зарубежных достижений в области познания социализации, теоретические и методологические модели социализации российских ученых имеют очевидную самооценку.

Таким образом, несмотря на многократные попытки социологов создать единую теорию социализации, до настоящего времени не существует концепции, объясняющей всю совокупность факторов социализации личности. Американский социолог Д. Ритцер [579] с целью классификации различных социальных явлений и установления между ними взаимосвязей, разработал интегральную модель социальной реальности (см. рисунок 3).

Модель социальной реальности состоит из двух осей: 1) континуум макро- и микроуровней; 2) объективный и субъективный уровни.

Первый континуум включает последовательность, начинающуюся от отдельных людей или членов конкретных коллективов, ассоциаций, групп и т. д., затем сами социальные группы, социальные институты, и наконец, общества и цивилизации. Один полюс континуума представляют индивидуальности, другой – абстрактные социальные целостности надиндивидуального типа (общества, культуры, цивилизации, общественно-экономические формации, социальные системы и т. д.) [613]. Второй континуум, не менее важный, составляют также два

уровня явлений. Один уровень предполагает явления с определенным существованием (так называемые «вещи в себе» в терминологии Э. Дюркгейма [102]) – объективный уровень (законы, общества, институты, социальные действия, модели поведения). Второй уровень – субъективный – относится больше к индивидуальному (умственные процессы, социальные установки, культурные нормы, ценностные ориентации и пр.) [579].

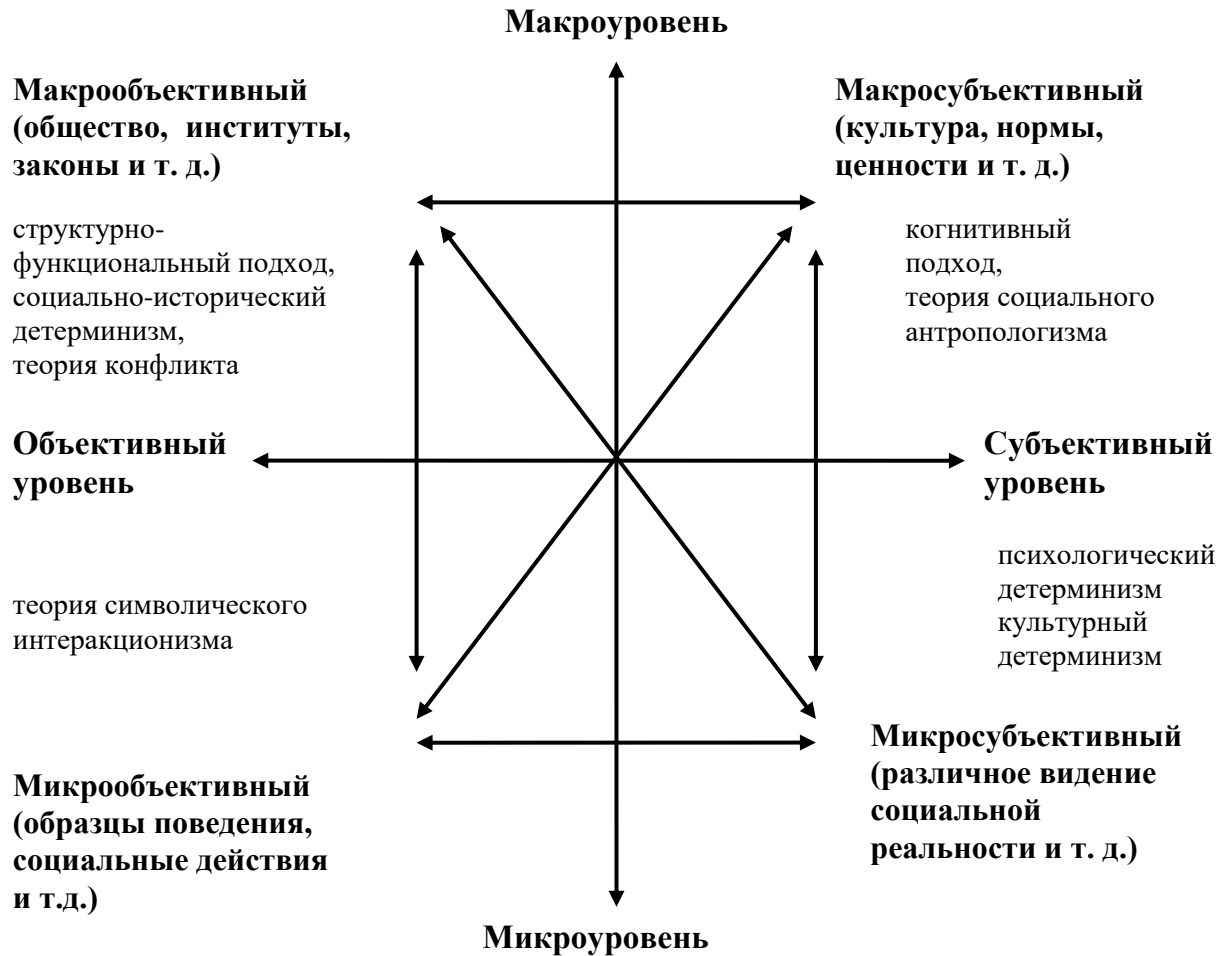

Рисунок 3. Интегральная модель социальной реальности по Д. Ритцеру

Интегральная модель социальной реальности Дж. Ритца включает в себя макрообъективные феномены (например, законы, бюрократия), макросубъективные структуры (например, ценности, нормы), микрообъективные явления (например, роли, образцы взаимодействия), микросубъективные факты (процесс конструирования социальной реальности). Несмотря на кажущуюся высокую объяснительную способность модели Дж. Ритца, она не лишена недостатков. Так, ряд явлений может быть сразу отнесен как к объективному

уровню, так и к субъективному. В модели Дж. Ритца также сложно развести теоретические подходы к пониманию и исследованию процесса социализации.

Анализ методологических положений западных классических теорий социализации, а также и отечественных, демонстрирует, что в них в той или иной форме разработаны положения о видах и формах взаимоотношений индивида и социума. Многообразие подходов к социализации представлено в таблице 1.

В зависимости от понимания социализации, авторы делают попытку рассмотреть многообразие подходов и методологические особенности познания социализации через детерминанты и уровни анализа. Классификация по ведущему детерминанту социализации показала, что для подавляющего большинства концепций социализации (за исключением биогенетического и когнитивного подходов) тезис о ведущей роли социального фактора является бесспорным. При этом различается влияние уровней социальной детерминации от межличностного взаимодействия до социокультурных факторов, оставаясь на разных уровнях анализа – от микросубъективного (биогенетический подход, теория социального научения) до макрообъективного (социально-исторический детерминизм, структурно-функциональный подход). Многообразие подходов к социализации демонстрирует, что сложившийся в социальной психологии понятийный аппарат не соответствует самой природе социализации, а исследователи фиксируют лишь его поверхностный слой.

Сравнительный анализ концепций социализации

Название подхода	Представители	Понимание социализации	Детерминанты	Уровень	Достижения	Критика
Биогенетический подход	С. Холл, А. Гезелл	Запрограммированный процесс	Биогенетические факторы	Микросубъективный	Акцентирование внимания на процессе воспитания и развитии ребенка	Концентрированность на детском возрасте
Структурно-функциональный подход	Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон	Интеграция общественных норм, посредством общественных функций и институтов	Социальные факторы	Макросубъективный	Дает общую картину социальной жизни в конкретный период	Игнорирование психологических и биологических факторов, представляет статичную картину социальной жизни
Теория социального антропологизма	Р. Бенедикт и М. Мид	Овладение культурными нормами, ценностями, воплощенными в мифах, ритуалах, обычаях, традициях и пр.	Культурные факторы	Макросубъективный	Обращает внимание на социокультурные факторы развития	Различие культур заставляет усомниться в универсальности возрастных этапов развития для всех культур

Продолжение таблицы 1

Название подхода	Представители	Понимание социализации	Детерминанты	Уровень	Достижения	Критика
Теория конфликта	Л. Козер, Р. Дарендорф и К. Боулдинг	Процесс преодоления социальных конфликтов	Социальные конфликты	Макрообъективный	Динамичность общества	Сложность при описании структурных элементов общества и его аспектов: интеграции и стабильности
Теория символического интеракционизма	Ч. Кули, Дж. Мид, М. Кун, Г. Блумер	Приобретение символического понимания мира, аккумулирующегося в виде системы ролей	Социальное взаимодействие и символы	Микрообъективный	Акцент на активности субъектов, на процессах взаимодействия	Центрирование на ситуативных и эпизодических моментах, игнорирование макросоциальных структур
Теория социального научения	Б. Скиннер, А. Бандура, Н. Миллер, Д. Доллард	Социальный опыт в виде моделей поведения	Социальное подкрепление	Микросубъективный	Дает развернутую картину процесса обучения индивида, используют эксперимент	Упрощение процесса социализации, игнорирование сложности человеческого поведения: ценностей, культурных норм, внутренних диспозиций субъекта и пр.

Название подхода	Представители	Понимание социализации	Детерминанты	Уровень	Достижения	Критика
Теория социального научения	Б. Скиннер, А. Бандура, Н. Миллер, Д. Доллард	Социальный опыт в виде моделей поведения	Социальное подкрепление	Микросубъективный	Дает развернутую картину процесса обучения индивида, используют эксперимент	Упрощение процесса социализации, игнорирование сложности человеческого поведения: ценностей, культурных норм, внутренних диспозиций субъекта и пр.
Когнитивный подход	Ж. Пиаже, Дж. Брунер, Дж. Гилфорд, Л. Фестингер, Л. Кольберг	Интеллектуальная организация восприятий мира, опосредующих социальное поведение	Интеллект	Макросубъективный	Открытие роли когнитивных процессов в социализации	Узость подхода, сосредоточенность на когнитивных процессах в обход эмоциональным, мотивационным и культурным факторам

Название подхода	Представители	Понимание социализации	Детерминанты	Уровень	Достижения	Критика
Социально-исторический детерминизм	Л.С. Выготский, Б.Д. Парыгин, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, И.С. Кон, В.А. Ядов, Г.М. Андреева	Вхождение в общественные отношения, опосредованные деятельностью, т. е. манипуляции с социально фиксированными предметами, активном преобразовании действительности	Деятельность и общение	Макрообъективный	Акцент на общественных отношениях и деятельности, активности субъекта	Чрезмерное влияние марксистской идеологии, примат общественного над индивидуальным, полипарадигмальность (анклав западных школ)

1.2. Роль как особая категория социальной психологии

В своей работе середины прошлого века И. С. Кон [161] акцентирует внимание на широком использовании понятия роли в западной социальной психологии и социологии. Так, с точки зрения социолога В. Биддла [414], существуют пять основных моделей теории ролей:

1. Теория функциональной роли, в которой рассматривается роль развития общих социальных норм для социального положения.

2. Символическая теория взаимоотношений, в которой рассматривается развитие ролей как результат индивидуальной интерпретации ответов на поведение.

3. Теория структурных ролей, в которой подчеркивается влияние общества, а не человека на роль, использует математические модели.

4. Теория организационной роли, в которой рассматривается развитие ролей в организациях.

5. Теория когнитивных ролей, рассматриваемая как взаимосвязь между ожиданиями и поведением.

Одним из первых, кто обозначил значимость такого явления, как роль в социализации индивида, был Дж. Мид. Обращая внимание на детские игры, в процессе которых ребенок играет различные роли, автор указывает на перенос освоения ролей (особенно это касается ролей родителей) в жизненное пространство ребенка [228]. В контексте ролевой теории Дж. Мида при понимании социализации происходит оперирование тремя понятиями: «роль», «статус» и «Я» (см. рисунок 4).

Несмотря на все недостатки, как справедливо заметил Г. Блумер [46], основные положения символического интеракционизма Дж. Мида, среди которых одной из важных позиций является теория ролей, настолько проницательны и глубоки, что представляют значимую часть научных знаний для понимания социальной жизни субъекта. Вместе с тем Дж. Мид не дал конкретного

определения роли, обсуждая ее только при развитии идеи принятия роли другого, а также осуществлял замену Я ролью. Однако его идеи ролевого детерминирования социализации получили дальнейшее развитие в работах многих ученых. Г. М. Андреева с соавторами со ссылкой на Дж. Хейса указывают, что в настоящее время, имеющиеся в науке направления ролевых теорий в науке можно разделить на две большие группы: структурализм и интеракционизм.

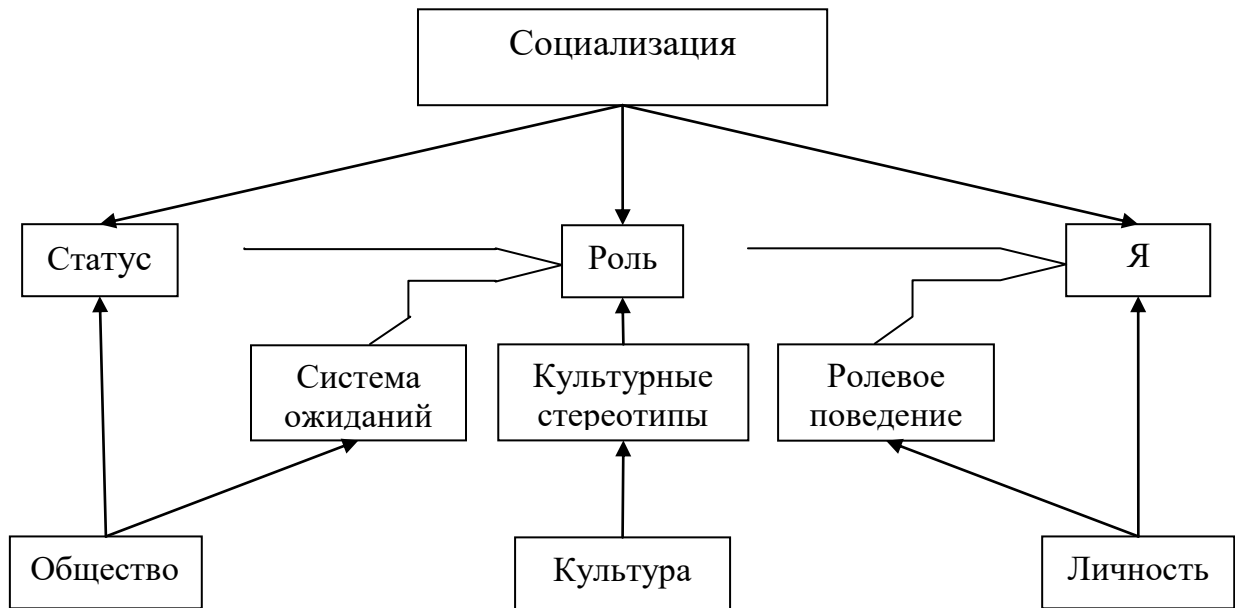

Рисунок 4. Ролевая концепция Дж. Мида

Роль является единицей культуры, которая содержит культурно-закрепленные стереотипы поведения. Тогда как общество продуцирует экспектации (ожидания) относительно конкретной роли, складывающиеся в определенную позицию (права и обязанности при реализации роли). И. Гофман [591], продолжая идеи символического интеракционизма об экспектациях, пишет о первичных рамках, выступающих в качестве центрального элемента культуры определенной социальной группы и обуславливающих восприятие индивидами определенных событий окружающей реальности. Существенное добавление в понимание экспектаций, с нашей точки зрения, вносит Т. Парсонс [8], включая в них сами ролевые ожидания и представления о них в контексте поведения другого человека. В результате взаимодействия Я индивида и роли субъект осуществляет ролевое поведение, а личность является суммой ролевых поведений, которые

индивид транслирует в процессе освоения ролей в течение всего жизненного пути. Интернализация роли, по мнению Дж. Мида, осуществляется через способность посмотреть на себя со стороны посредством речевого взаимодействия, что, с точки зрения автора, является центральным процессом в социализации личности. Входя во многие социальные группы, индивид через ролевое отождествление обретает идентичность с определенной группой.

Структуралисты – социологическое направление (М. Вебер, Н. Смелзер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.), в рамках которого разрабатывались проблемы взаимосвязи человека и общества и влияния общества на индивида с точки зрения объективных аспектов.

В теории эстафеты социальных норм и традиций Э. Дюркгейма [102] социальная роль представлена одним из социальных фактов, под которыми он понимал коллективные привычки, традиции, нормы, законы, ценности и т. д. Социальный факт, с точки зрения Э. Дюркгейма, подвержен объективизации и специфичен, поскольку имеет коллективное основание в результате объединенных действий субъектов.

В теории функциональной адаптации Т. Парсонса [255] категория роли является одним из четырех элементов социальной и культурной систем, в которые кроме норм и ценностей входят коллективные организации. Для каждой из четырех категорий в рамках функциональной парадигмы автор определяет функции:

- функция ценностей состоит в поддержании образца функционирования общественной системы;
- функция норм предполагает интеграцию, осуществляя содействие в выполнении ценностных обязательств;
- функция коллективной организации заключается в реальном достижении целей;
- функция роли есть адаптация, необходимая для выживания любой социальной системы в виде приспособления как к внутренней ситуации, так и к изменениям внешней среды.

Все четыре компонента в теории Т. Парсонса выступают в разных соотношениях при анализе социальной структуры, но при этом не выводимы друг из друга. Вариативная независимость для роли обусловлена социальным подобием профессиональных позиций, которые являются общими для многих типов коллективов, включением субъекта в сообщества в конкретной роли.

Т. Парсонс предложил четыре характеристики роли.

1. Масштаб. Роль может быть строго ограничена или размыта и зависеть от межличностных отношений.

2. Способ получения. Роли делятся на предписанные и достигаемые.

3. Формализация. Произвольная реализация ролевого поведения и в строго установленных рамках.

4. Мотивации. При выполнении роли могут реализовываться различные мотивы (личная прибыль, общественное благо и т. д.).

Следовательно, роль в теории Т. Парсонса [8] представлена как один из компонентов системы ценностных ориентаций индивида, апеллирующий к ожиданиям и связанный с ценностными стандартами межличностного взаимодействия. Таким образом, роль, по мнению Т. Парсонса, представляет структурно организованное действие в межличностных отношениях с партнером, нормативно регулируемое. Автор обращает внимание, что множественный характер ролей, интериоризированных индивидом, выступает главным постулатом социологической теории и должен постоянно иметься в виду. Что, по сути, составляет проблему в научном анализе ролей, которую ставят во внимание представителям символического интеракционизма (см. § 1.1). Таким образом, Т. Парсонс определяет роль в качестве адаптивного ресурса общества, который зависит от культурных, органических и физических возможностей. И. С. Кон [161] критикует Т. Парсонса за отсутствие дифференциации между объективными и субъективными процессами в усвоении роли.

Н. Смелзер [316] в своей теории социальных навыков подчеркивает важность социальной роли в процессе социализации. С точки зрения автора, социализация дает возможность общаться индивидам между собой и

способствует сохранению общества, формируя в новых субъектах коллектива общепринятые образцы поведения, идеалы и ценности посредством усвоения социальных ролей.

В теории ассоциативной и институциональной социализации М. Вебер [57], в отличие от других представителей социального направления, акцентирует внимание на индивиде как субъекте социализации, который наделяет смыслом все общественные институты, структуры и формы поведения. Этот субъективный смысл, мотив, реализуясь в соответствии с идеальным образом, имеющим всеобщий характер, по М. Веберу, и составляет суть социализации. Роль в теории ученого ассоциируется с идеальным типом – образец, идеальная модель поведения, представляющие логические конструкции. Согласованность социальных действий с идеальным образцом составляет процесс социализации индивида.

Давая оценку социологическому подходу к социальной роли, Г. М. Андреева с соавторами [13] резюмирует, что роль рассматривается в данном направлении как безличная и нормативная категория, ориентированная на выполнение социальной функции в рамках общественных норм.

В § 1.1 обсуждались основные школы в рамках символического интеракционизма. Различие в подходах в понимании социализации Чикагской и Айовской школ находит свое отражение и в их интерпретации категории роли. Г. Блумер [46], представитель Чикагской школы, не придает большого значения роли, считая ее лишь составляющей социальных действий.

В противоположность Чикагской школе М. Кун [185], представитель Айовской школы, отмечает важный вклад ролевых факторов в процессе социализации. Вслед за основателем символического интеракционизма М. Кун считает, что индивид, принимая роль другого, осуществляет свое поведение в референтных группах в соответствии с этой ролью. Свои постулаты представители Айовской школы доказывают на основе эмпирического исследования. Изучение самооценки посредством теста М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?» показали, что ролевые позиции были ведущими в

иерархии самооценок, на основании чего авторами был сделан вывод о значимости для личности социальных ролей [185]. В контексте реализации теста, авторы пришли к выводу о значимости ролевых позиций, установив варьирование расстояния между индивидуальными характеристиками и самооценкой ролевых позиций.

Как указывает Г. М. Андреева с соавторами [13], социально-психологический анализ категории роли имеет большое значение в социальной психологии. В этой связи, продолжают авторы, проблема социальной роли как категории социальной психологии насчитывает внушительное количество как эмпирических, так и теоретических исследований, причем не только интеракционистов, но и представителей других направлений. Такая популярность ролевых исследований объясняется оригинальностью подхода к исследованию социализации личности, отсутствующего в других теориях социальной психологии [15]. Наибольшей известностью в данной области пользуются работы ученых, занимающихся социально-психологической проблематикой, таких как Р. Линтон, Т. Сарбин, И. Гоффман, Р. Мертон, Э. Морено и др. Существенный вклад в понимание роли внес Р. Линтон. Социальный антрополог в своей статусно-ролевой концепции оперировал двумя понятиями при определении социализации индивида:

- статус – это место, занимаемое субъектом в общественном институте;
- роль – это динамическая составляющая статуса, то, что субъекту необходимо сделать для оправдания занимаемого им статуса, включающая в себя сумму культурных образцов поведения, связанных с определенным статусом [524].

Необходимо отметить, что R. Linton, в отличие от Дж. Мида, акцентировал социально-культурную природу ролевых ожиданий и их взаимосвязь с социальной позицией личности и с групповыми санкциями.

Подход к социализации как способу овладения социальными ролями присутствует у Я. Морено, понимающим под ролью окончательную кристаллизацию жизненных ситуаций человека, то есть специфической области

оперирования, которую индивид в свое время освоил [234]. Автор полагал, что эффективность социализации зависит от усвоения большого количества ролей. Ученый выделяет четыре основных ролевых категории, включающих в себя все многообразие человеческой активности [235]:

- соматические роли – детерминируемые физиологическими потребностями;
- психические роли – переживания, образующиеся в социальной матрице;
- социальные роли – традиционные роли, обусловленные структурой общественных отношений и институтами социализации;
- трансцендентные роли – способность человека выйти за пределы собственной личности.

Таким образом, в теории Я. Морено ролевое развитие выступает первичным по отношению к формированию Я-образа, являясь базисом развития личности.

Используя метафору театра, И. Гофман [83] проводит аналогию между общественной и театральной экзистенциями, акцентируя внимание на символических формах ролевого поведения. С точки зрения автора, человек представлен исключительно как носитель разнообразных ролей, которые заданы обществом. Следуя основным тезисам Дж. Мида, ученый также убежден, что при коррекции собственного поведения в целях создания наилучшего впечатления о себе субъект способен посмотреть на себя глазами обобщенного другого. Г. М. Андреева с соавторами [13] отмечают, что, несмотря на оригинальность подхода, И. Гофман не дает четкого определения роли, не связывает роли между собой и нивелирует личностные характеристики, содержание деятельности, социальные условия при интернализации роли.

Связывая теорию ролей с драматургией, Т. Сарбин [584] рассматривает роль в качестве реального действия в конкретной ситуации, а формирование идентичности обусловлено участием в межличностных драмах. Полученный ролевой опыт в процессе взаимодействия фиксируется в виде нарративов, сообразно которым будет строиться поведение индивида. Как указывает Т. Сарбин, драматическое участие включает в себя не только действие, субъектов

действия и их мотивы, но и сцены (места) – своеобразный фон общественной жизни. Иными словами, любое взаимодействие индивидов предполагает информацию о требованиях, предъявляемых к роли, восприятие ожиданий от себя и от роли и ситуативные требования, демонстрирующие способ действия конкретной роли в конкретных условиях. Кроме того, на успешность ролевого исполнения, по мнению автора, оказывает влияние согласие между Я-концепцией и ролью. Таким образом, Т. Сарбин не добавляет ничего значимого в теорию ролей в рамках интеракционистского направления, лишь переносит описание в драматургию.

Вопросу опосредованности ролями процесса социализации посвящены научные труды И. С. Кона [161], который указывает на центральную позицию роли в межличностном взаимодействии. С точки зрения И. С. Кона, роль – это «...функция, нормативно одобряемый образец поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию» [161, с. 71–72]. При этом автор обращает внимание на важность социальной роли в понимании личности, отмечая дуальность этого взаимодействия: с одной стороны, социальная структура личности производна от социальных ролей; с другой – социальные роли оказывают влияние на личностные качества индивида, образуя неповторимую индивидуальную комбинацию. Л. В. Мардахаев [219], понимая под ролью жизнедеятельность личности в системе норм, детерминирующих поведение в определенной социальной позиции, определяет связующие с ролью компоненты: социальный интерес → мотив → социальная роль. Именно социальный интерес, по мнению автора, лежит в основе мотивов, которые определяют социальные роли субъекта.

Среди современных ролевых теорий можно назвать теорию ролевого конфликта П. П. Горностая [79], отличающуюся оригинальностью подхода. Автор, обосновывая важность изучения ролевого поведения в социализации индивида, пишет о локусе ролевого конфликта, который обусловлен противоречивыми тенденциями: потребностью в ролевом научении и ролевой самореализации; оперируя двумя направленностями (экстернальностью и

интернальностью), определяет два вида ролевого конфликта. В случае ориентации на собственную Я-концепцию при реализации ролевого поведения, которое противоречит выполняемой роли, автор пишет об интернальном локусе ролевого конфликта. При ориентации на внешние ожидания относительно реализуемой роли без учета индивидуальных факторов говорится о внешнем конфликте, при этом подавляется Я-концепция. Дж. Монтгомери [549] приводит данные о взаимообусловленности самооценки субъекта, нормативов и ожиданий. Построив немонотонную логистическую модель, автор эмпирически доказал, что конфликт интересов возникает из-за противоречий между ролями, нормами и ограничениями. Дж. Монтгомери установил, что стабильная и адекватная Я-концепция обусловлена выбором действий на основе согласования норм и представлений о себе. Р. А. Фридман с соавторами [458] доказали, что индивиды с активизированным внутренним ролевым конфликтом не только сами переживают стресс, но и провоцируют стрессовые состояния у коллег. Не умаляя важность ролевого конфликта, отметим, что П. П. Горностай не дает четкого определения роли, оставаясь на позиции символического интеракционизма в ее понимании. Кроме того, сама идея ролевого конфликта далеко не нова [см., напр.: 161; 402; 585; 611]. Вместе с тем, важным достижением автора является обращение к глубинным, личностным факторам в формировании роли, акцентирование ролевого конфликта в изучении личности.

Независимо от недостатков, которые обозначаются в критическом анализе ролевых теорий, необходимо обратить внимание на активное использование категории роли в современных работах самых различных направлений. Из зарубежных современных исследований можно обозначить работы в профессиональной сфере – использование ролевой теории как основы для изучения факторов и механизмов формирования профессиональной роли [410]; использование объяснительной теории ролей на политической арене [619]. В западной социальной психологии активно используется еще один термин – «ролевая модель». Это человек, поведение, пример или успех которого имитируются или могут быть эмулированы другими людьми, особенно молодыми

людьми [255]. Термин «ролевая модель» приписывается социологу Р. К. Мертону [544], предположившему, что люди сравнивают себя с референтными субъектами с такой социальной ролью, к которой стремится индивид [545].

1.3. Содержание ролевой социализации в процессе формирования личности

Социализация индивида происходит в процессе формирования личности под воздействием ряда факторов. В частности, Т. Шибутани [352], описывая социализацию, определяет ее как процесс и как результат. Расширенная трактовка социализации принадлежит Л. В. Мардахаеву [219]. Автор предлагает рассматривать социализацию не только как процесс и результат, но и в качестве условия и проявления. В качестве процесса социализация понимается как эффективное включение индивидов в различные социальные группы, предполагающая социальное развитие и становление личности [15, 219, 238, 352]. Такое развитие, по мнению Л. В. Мардахаева [219], напрямую зависит от социокультурной среды, с которой взаимодействует индивид, и характера взаимоотношений с этой средой. В процессе становления личности происходит адаптация и самореализация субъекта, детерминированные индивидуальными возможностями личности. С точки зрения Г. М. Андреевой [15], социализация является двусторонним процессом, который, с одной стороны, предполагает присвоение общественного опыта посредством интеграции в социальную систему, а с другой – трансляцию и воспроизводство социальных знаний за счет активной деятельности в социальном пространстве. При этом происходит трансформация общественного опыта в собственные установки, ценности, ориентации. Результатом выступает способность принимать ответственность и контролировать собственные поступки в соответствии с конвенциональными нормами, характеризующая степень социального совершенства человека [15; 219; 238; 352]. Проблема оценки результативности социализации выступает в качестве одной из ключевых в социальной психологии, т. к. апеллирует к двум противоположным полюсам – индивидуализации – социализации [222].

Соответственно данной диспозиции критериями эффективной социализации выступают, с одной стороны, установки, стереотипы, роли, социальная адаптированность, конформность индивида, его социальная идентичность, с другой – степень независимости, уверенности и инициативности личности. Под проявлением Л. В. Мардахаев [219] понимает особую социальную реакцию индивида, обусловленную возрастом, уровнем социального развития. В качестве условия социализации предполагается наличие конкретного социального пространства, необходимого для естественного становления и развития личности. А. В. Мудриком [238] сформулированы три группы факторов социализации, которые он рассматривает как условия, в которых происходит социализация. К макрофакторам автор относит государство, общество, планету, мир в целом и т. д., детерминирующие общие законы развития и воспитания человека. Мезофакторы включают этнокультурные условия (этнос) и тип поселения (город, село), которые имеют специфические особенности, влияющие на формирование концепции личности и ее воспитания, особенности социального взаимодействия, некоторые нормы. Микрофакторы отражают институты социализации субъекта, с которыми он имеет непосредственное взаимодействие (это семья, школа, вуз, сверстники, трудовой коллектив, религиозные организации, СМИ и др.). Автор отмечает, что концепция личности и воспитания мезоуровня специфически преломляется в контексте микроуровня в семье, учебной и трудовой организации, группе сверстников и пр., а также на индивидуальном уровне через призму личностных особенностей и психодинамических характеристик, что отражает проявление индивидуализации.

Социализация, как любой процесс, представляет собой систему, которую следует рассматривать в единстве структурных и функциональных компонентов. Следуя за Г. М. Андреевой в выделении двух сторон социализации, определим, что при формировании личности происходит воздействие среды на индивида, осуществляемое через агентов социализации посредством различных механизмов социализации. В качестве первичных агентов принято рассматривать ближайшее окружение индивида, которое включает, прежде всего, членов семьи (родителей,

бабушек, дедушек, сиблингов и т. д.), сверстников и учителей. Среди вторичных объектов социализации выделяют средства массовой информации, культуру, образовательные учреждения, предприятия [15; 161; 238].

Как любой процесс, социализация личности характеризуется стадийностью его протекания. И. С. Кон [160] считает, что при определении стадий социализации необходимо опираться на уже существующие в обществе этапы развития личности, продолжительность которых распространяется на весь жизненный путь. Ряд исследователей предлагает ограничивать социализацию периодом взросления индивида [17], однако в работах Б. Д. Парыгина [257] отмечается ошибочность такого утверждения, при этом автор говорит о необходимости рассматривать социализацию как длительный процесс, охватывающий всю жизнедеятельность индивида. Анализируя проблему определения этапов социализации, необходимо отметить, что авторы называют разное количество этапов, тогда как фазы, имеющие предметный характер, по-разному проявляются на каждом этапе социализации, рассматриваются одни и те же.

С точки зрения Дж. Мида [228], социализацию можно условно разделить на три стадии: 1) имитация, копирование ребенком ролевой модели взрослого, реализуемого в манипуляциях с предметами; 2) ролевая игра – предполагает вкладывание определенного смысла в ролевое поведение и имитацию этих ролей в виде ролевой игры, в результате чего происходит ролевая интеграция, опосредующая формирование Я-индивида; 3) коллективная игра, предполагающая становление зеркального Я-субъекта (социальной идентичности) посредством осознания ролевых ожиданий группы. Н. В. Андреев [17] также ограничивает социализацию возрастными рамками детского, подросткового и юношеского возраста, выделяя в ней три периода: первичная социализация ребенка; социализация подростка (маргинальная или промежуточная); устойчивая, целостная социализация, осуществляемая при переходе от юношества к зрелости (период от 17–18 до 23–25 лет). Обобщая работы отечественных ученых по проблеме социализации, Г. М. Андреев предлагает в качестве

основания периодизации трудовую деятельность, базируясь на которой автор выделяет три стадии социализации: дотрудовая, трудовая и послетрудовая [15], при этом, опираясь на позицию И. С. Кона, определяет на каждом этапе доминирующее влияние различных агентов социализации.

Итак, на первой дотрудовой стадии происходит ранняя социализация ребенка и социализация подростка. Главным агентом социализации на данной стадии выступает семья, затем (по мере поступления в образовательные учреждения) включаются воспитатели и учителя, сверстники. Семья называется первичной и главной ячейкой социализации ребенка [15; 161]. Влияние семьи на социализацию личности является первостепенным, т. к. именно в семье происходит бессознательное усвоение той ролевой модели, которую впоследствии ребенок, будучи взрослым, станет транслировать в социальное пространство. Семья, по мнению С. С. Анисиной [21], является первой общностью людей, неким общественным архетипом, т. к. первобытные сообщества были скреплены именно семейными, родственными связями, которые хранили и передавали из поколения в поколение традиции, знания, установки, ценности и т. д. Именно в семье, с точки зрения Дж. Мида [228], осуществляется формирование и апробация основных ролевых моделей, которые интегрируются впоследствии в Я-индивида. В. Сатир [306] отмечает, что семья выступает уникальным социальным институтом, аккумулирующим личные и общественные интересы. По данным В. Сатир [306], Н. Л. Москвичевой [236], О. О. Андрониковой, Ю. М. Перевозкиной, Е. В. Ветерок [20] и др., дисфункциональная семейная ролевая модель оказывает влияние на возникновение нарушений в поведении детей, предоставляя почву для развития асоциального поведения личности. Л. В. Попова [285] на основе аналитического обзора выделила факторы, влияющие на формирование дезадаптивного поведения и нарушение социализации подростков, к которым автор относит условия воспитания, чрезмерность требований и ожиданий по отношению к ребенку, недостаток любви и общения с ребенком. В исследованиях J. Macfie, N. L. Mcelwain, R. M. Houts & M. J. Cox [526] доказано с высокой степенью

вероятности влияние реверсивной ролевой модели родителей на трансляцию ребенком этой роли уже в собственной семье (N=138). Под реверсивной ролью авторы понимают такое нарушение отношений, при котором родитель использует ребенка для удовлетворения своих потребностей в комфорте, воспитании, интимности или игре. Ребенок воспринимает эту ролевую модель и в будущем при взаимодействии с собственными детьми воспроизводит ту же реверсивную ролевую модель. Проведенное исследование J. R. King [505] еще в 80-х годах прошлого века убедительно доказало, что увеличение числа разводов и более высокие ставки повторного брака привели к увеличению доли семей с одним родителем и реструктурированными семьями. По данным автора, в результате изменения и скудности в ролевых моделях ухудшается эффективность социализации детей, потому что усложняется доступность сексуальной роли и моделей родительской роли.

Основными механизмами передачи социального опыта на дотрудовой стадии являются игра, воспитание и обучение [15]. Игра, с точки зрения как отечественных ученых (И. С. Кон, Д. Б. Эльконин и др.), так и зарубежных ученых (Дж. Мид, Ч. Кули и др.), обуславливает расширение ролевого репертуара ребенка пока еще без устойчивой идентификации и без систематизированной системы [161]. Роль, которую «берет» на себя ребенок, по словам Д. Б. Эльконина, перестраивает его действия, являясь «смысловым центром игры» [362, с. 217]. Именно через игру происходит освоение реальности [198; 197], становление самосознания посредством способности посмотреть на себя глазами «обобщенного другого» [228].

В исследованиях S. K. Johnson et al. [499] была показана высокая значимость ролевых моделей для подражания в развитии характера подростков. Авторы интервьюировали 220 подростков из Массачусетса и Коннектикута (средний возраст 13,4 лет), среди которых было 45 % англичан, 15 % испанцев, 11 % негроидной расы. В результате опроса 64,5 % подростков отметили, что имеют ролевую модель для подражания, и чаще всего это был член семьи. На втором месте после членов семьи следовали друзья и другие взрослые, среди

которых преимущественно упоминался учитель. Представляют интерес данные, приведенные авторами, о различиях трех типов моделей, которые демонстрируют, что при использовании респондентами ролевой модели одного из членов семьи отмечалось более высокое качество межличностных отношений и эффективная социализация в отличие от ролевой модели друга. Следствием этого исследования может быть, во-первых, утверждение о важной ролевой модели, транслируемой семьей, а во-вторых, утверждение о том, что значимой персоной в социализации личности выступает учитель, который не только обучает, но и воспитывает, прививая определенные ценности, нормы и моральные установки. В наших исследованиях [265] было доказано, что младшие школьники ассоциируют первого учителя с матерью, испытывая к нему глубокую эмоциональную привязанность, спокойствие и удовлетворение ($r=0,37$ при $p=0,05$). В диссертационной работе А. Ю. Агафонова [6] убедительно показано, что формирование Я-концепции и самоотношения подростков обусловлено оценочным отношением учителей и друзей. Полученные А. Ю. Агафоновым данные согласуются с теоретическим положением Д. Б. Эльконина [362] о ведущей деятельности, которой в подростковом возрасте выступает интимно-личностное общение со сверстниками. Отечественные исследователи [48; 200; 362 и др.] отмечают, что отношения в системе «семья–ребенок», выступая важными на протяжении младенчества и раннего детства, по мере развития ребенка отступают на задний план, а значимыми становятся взаимодействия со сверстниками. В общении со сверстниками, по мнению М. И. Лисиной [200], у ребенка появляется возможность сравнивать себя с равными себе. В контексте включения в коллективную игру происходит осознание ролевых ожиданий группы сверстников и интернализация комплекса норм и ролей для выработки устойчивой системы социальных ориентаций, установок, а также оценки и познания собственной идентичности подростка [165]. Как отмечает И. С. Кон [161], данный период характеризуется ролевым многообразием, т. к. связывается с постоянным выбором (партнер, профессия, ценности и др.), что может способствовать ролевому конфликту. Исследования К. Jaskyte [496] показали, что

различные тактики в освоении нового ролевого поведения студентами могут приводить как к снижению двусмысленности роли, так и к возникновению ролевого конфликта. Результаты Н. Gerardy et all. [461] демонстрируют, что подростки при успешном взаимодействии со сверстниками отличаются высокой интеграцией в группу и просоциальным поведением.

На данной стадии активно включены вторичные агенты социализации индивида – школа, вуз, средства массовой информации, культура, при этом два последних являются сквозными, влияя на социализацию личности на всех стадиях [159]. Согласно Г. М. Андреевой [15], школа увеличивает возможности ребенка в контексте взаимодействия и освоения новых ролей, т. к. кроме взрослых в поле общения ребенка попадают сверстники. А. М. La Greca & Н. М. Harrison [516], исследуя социальные статусы (57 % девочек, от 14 до 19 лет), доказали влияние положительной оценки дружбы и активных социальных связей со сверстниками на снижение социальной тревоги и депрессии. В то же время, повышенная тревожность и трудности в общении обуславливают актуализацию неадаптивных форм виктимного поведения [18; 19]. Согласно данным Н. М. Inderbitzen et all. [493], подростки (N=973), входящие в группу отвергаемых, отличаются повышенной тревожностью.

Г. М. Андреева отмечает относительность влияния такого института социализации, как вуз, отмечая, тем не менее, его значительное место среди агентов социализации. Проведенное М. К. Thevenin, J. W. Elliott & В. F. Bigelow [609] исследование на 587 студентах, обучающихся по курсам управления строительством в трех университетах, продемонстрировало, что присутствие наставников и успешных ролевых моделей могут влиять на профессиональное и академическое поведение. В целом 80,6 % студентов, ответственных за управление строительством, сообщили о наличии лица, оказавшего влияние на мотивацию ($p < 0,001$) к успешному выполнению и завершению строительства, а также высокую самооэффективность ($p < 0,001$). В большинстве случаев студенты отмечали, что в качестве успешной ролевой модели выступали члены семьи, которые дают вдохновение, и наставники, дающие советы и поддержку. Эти

данные не были бы столь впечатляющими, если бы не были подтверждены еще в ряде исследований. Так, подобное изучение влияния ролевой модели женщин-преподавателей высшей школы и женской семейной модели на успешность студентов было осуществлено J. van Mens-Verhulst, L. Woertman & L. Radtke [617]. Проведенный онлайн опрос 138 голландских студентов, обучающихся на факультете психологии, показал, что 20,5 % студентов отметили женскую ролевую модель педагога старшего возрастного диапазона как вдохновляющую, которая восхищала их, прежде всего качествами, связанными с работой педагога (компетентностью, властью). Всего 14,4 % студентов выбрали своей ролевой моделью молодых педагогов женщин. И незначительный процент учащихся идентифицировал мужчин-педагогов в качестве образцов для подражания, почти с той же частотой, что и женщин в семейном контексте, которые были связаны главным образом с такими качествами, как забота. На основании полученных данных авторы делают выводы о наличии «скрытой гендерной ролевой программы», которая способствует развитию личности учащихся, может способствовать социализации субъекта или нарушать ее. Подобное исследование гендерного архетипа педагога было проведено Ю. М. Перевозкиной с соавторами [253], в котором авторы на основе опроса студентов и сопоставительного анализа архетипических образов и образа педагога выявили, что профессионально личностные качества педагога имеют гендерный аспект. Знание предмета и компетентность отметили 27 % и 26 % студентов, при этом женщина-педагог более профессиональна в отличие от педагога мужского пола. Студенты в большинстве случаев (25 %) связывают образ педагога с архетипом Великой Матери (студенты женского пола), а 17 % ассоциирует с архетипом Мудрого Старца (студенты мужского пола), что позволило авторам сделать вывод о наличии архетипа Педагога, имеющего гендерный аспект с преобладающим фемининным началом.

Вместе с тем имеются исследования, демонстрирующие данные о незначимом влиянии роли учителя на социализацию учащихся. Так, например, P. Bricheno & M. Thornton [409] проводили изучение социально-экономического

статуса и качественные и количественные аспекты ролевой модели у учащихся двух начальных школ Англии (10–11 лет) и двух средних школ (14–16 лет), из них 197 мальчиков и 182 девочек. По результатам применения эксплораторного факторного анализа был сделан вывод о наличии ролевой модели у подростков, большинство которых определило в качестве образца для подражания близких родственников. Только 2,4 % всех учеников ссылались на учителя как на образец для подражания, что доказывало авторскую гипотезу об отсутствии у подростков склонности рассматривать учителей как значимую ролевую модель. При этом необходимо отметить, что в качестве ролевого образца учителя выступал преподаватель мужского пола. Из приведенных выше исследовательских данных напрашивается вывод о значимости женского образа для ролевой модели, по сравнению с мужским образцом для подражания. Несомненно, дальнейшие исследования смогут подтвердить или опровергнуть это объяснение.

На второй трудовой стадии, охватывающей весь период взрослости, происходит усвоение и воспроизводство социального опыта, а в качестве ведущего механизма передачи выступает труд [15]. Профессиональная социализация объединяет и профессиональное образование, и профессиональную деятельность индивида [148]. С точки зрения Е. А. Климова [148], профессия направлена на удовлетворение потребностей социума в определенных областях. Социализация на данной стадии предусматривает становление человека как субъекта деятельности [11] через развитие его профессиональной компетенции, через его способность вставать в определенную профессиональную позицию. Последнее понимается Е. А. Соколовым как построение профессиональной «Я-концепции», включающей «смысловые установки личности, направленные на себя как на субъекта деятельности» [317, с. 188].

Н. С. Пряжников [289] тесно связывает социализацию и трудовую деятельность человека, рассматривая его как социально-экономическую потребность индивида – как приобретение социального статуса субъектом и как условие его развития. Подхватывая тезис о развитии индивида в контексте профессиональной деятельности, Н. В. Козлова [155] предлагает не разделять

личностное и профессиональное становление, которое, по мнению автора, может быть достигнуто в случае проявления активности и самоорганизации субъекта. Проводя исследование профессионально-личностного становления индивида в системном подходе, Н. В. Козлова указывает на то, что социальные взаимодействия в профессиональной сфере оказывают влияние на самоорганизацию и социализацию личности в профессиональной сфере. Становление личности на профессиональной арене обусловлено взаимодействием средовых и субъективных факторов, в качестве которых выступают потребности, стремления, желания, реализующиеся в смыслах и ценностях индивида. Вместе с тем смысловые координаты личности берут свое начало в общекультурном понимании профессионального развития. Это обнаруживает влияние таких институтов социализации, как культура и трудовая деятельность. Трансформация социокультурных ценностей в аффективно-смысловую индивидуальную составляющую профессионального мира конкретного человека, по мнению Н. В. Козловой, представляет суть процесса профессионального становления, открывая тем самым пространство для реализации актуальных потребностей субъекта. Таким образом, автор проводит профессиональное развитие личности через призму категории смысла. Интерес к проблеме профессионального становления личности, вынесенный в заголовок диссертационного исследования, проявила О. А. Любицкая [209]. Рассматривая профессиональное становление через призму ценности и профессионального достоинства, автор описывает последний как один из критериев профессиональной успешности и социализации, как «существенный личностный фактор профессиональной истории человека» и отношения к себе как к профессионалу. Значимость индивидуальной составляющей при изучении ролевого конфликта в организации доказывает в своей работе С. Орпен [437]. Исследовав у 91 менеджера среднего звена три типа стресса (двусмысленность роли, ролевой конфликт, перегрузка роли) и три меры индивидуального напряжения, автор пришел к выводу, что отношения между ролевым конфликтом, физическим и психическим напряжением были достоверно положительными и выше среди лиц типа А, чем среди личностей типа В.

П. Мучински [240], включаясь в дискуссию о влиянии субъективных и средовых факторов на профессиональную социализацию, приводит в своей работе модель R. D. Arvey & T. J. Bouchard (см. рисунок 5).

Рисунок 5. Модель генетических и средовых переменных и их влияние на психологические конструкции [по 240]

Согласно Р. Арви и Т. Бушар, генетические различия между индивидами обуславливают целый ряд факторов в профессиональной сфере (от профессионального выбора до продолжительности трудовой жизни). На основании приведенных авторами доводов П. Мучински приходит к выводу о необходимости более внимательного подхода к изучению роли генетических факторов на трудовое поведение субъекта.

Л. Н. Коган называет трудовую стадию этапом социальной зрелости, под которой автор понимает согласованность личной и общественной жизни, общественных и личных интересов [154]. Такая согласованность предполагает наличие в обществе профессиональных эталонов (социально-одобряемые модели), а также моральных, правовых и социальных норм. К группе социально-одобряемых моделей относятся социальные роли – «нормативно-одобренный

образец поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию [161, с. 71–72].

Модель индивидуального восприятия ролей в организации и их трансформация по M. Neale & M. A. Griffin [560] содержит три компонента: предлагают модель индивидуального восприятия ролей и их трансформации в организации, основанную на трех компонентах: ролевые требования к индивиду; ролевые схемы, основывающихся общественных ожиданиях, относительно данной роли; ролевая специфика Я-компонента. Авторами доказывається, что на ролевую реализацию оказывают значимое влияние ролевые убеждения субъекта. Аналогичная позиция наблюдается у N. Burdess [417], который обосновывает положение, что реализация ролевого поведения личности в трудовом коллективе связана с тремя компонентами: (1) формальная организация; (2) набор ролей и (3) конкретное лицо. Несовпадение ролевых ожиданий и ролевой специфики Сэлф-компонента приводят к ролевому конфликту, который может быть нивелирован в условиях высокого управленческого потенциала и анализа информации [573]. В работе российского ученого С. Ф. Мурашко [239] также подтверждается важность Я-компонента и общественно закрепленных ожиданий относительно конкретной профессии. Рассматривая профессиональное Я как оценивание себя в качестве субъекта разнообразных деятельностей, автор убедительно доказывает, что уровень сформированности профессионального Я влияет на успешность включения в профессиональную общность. Таким образом, С. Ф. Мурашко определяет формирование профессионального Я как один из главных факторов овладения профессий, на развитие которого, в свою очередь, влияют усвоение субъектом профессиональных эталонов и ценностей, представляющих эмоционально насыщенные «представления-образцы», иначе говоря, профессиональные роли. Исследовав три группы государственных служащих со стажем от 1 до 9 лет (1 группа), от 10 до 19 лет (2 группа), от 20 лет и выше, автор пришел к выводу, что структурными компонентами профессионального Я выступают направленность, нравственно-моральные качества, эмоционально-волевые свойства, интеллектуальные характеристики, профессиональная

компетентность, ценностно-смысловые характеристики и др. Высокая смысловая наполненность профессионализма, согласно А. А. Деркачу [92], позволяет индивиду не только реализовывать собственные потребности, но и презентовать себя для других и для себя через решение профессиональных задач. Профессиональное становление субъекта, согласно автору, – это процесс структурно-динамического развития в профессиональном пространстве, в ходе которого формируются формы проявления профессиональной активности личности в соответствии с социальными и профессиональными требованиями.

Становление профессионала также относится учеными к жизненному пути человеку и в свою очередь подразделяется на стадии. Не будем приводить в данной работе все классификации профессионального становления личности, различие в которых объясняется приверженностью к тем или иным теоретическим взглядам авторов. Единственное, на что необходимо обратить внимание, – это то, что (так или иначе) все классификации в качестве одного из главных критериев выделяют ценностное переосмысление своей профессиональной деятельности (см. [603; 178; 221]). Приведем в качестве примера периодизацию Е. А. Климова [148]:

1. Стадия предыгры (от рождения до 3 лет). Предусматривает освоение высшими психическими функциями и простейшими правилами поведения, морально-нравственными нормами.

2. Стадия игры (от 3 до 6–8 лет). Происходит знакомство с конкретными профессиями через ролевую игру.

3. Стадия овладения учебной деятельностью (от 6–8 до 11–12 лет). Происходит развитие способности к самоконтролю и самостоятельному планированию своей деятельности.

4. Стадия «оптации» (от 11–12 до 14–18 лет). Осуществляется сознательный и ответственный выбор профессионального пути, выбор профессии.

5. Стадия адепта (старше 18 лет). Происходит профессиональное обучение и подготовка к будущей профессии.

6. Стадия адаптанта. Профессиональное знакомство, «вхождение» в профессию, после окончания профессионального обучения (от нескольких месяцев до 2–3 лет).

7. Стадия интернала. Осуществляется овладение профессией, включение в трудовой коллектив в качестве коллеги, работающего на оптимальном уровне.

8. Стадия мастера. Формирование навыков на профессиональном высоком уровне.

9. Стадия авторитета. Работник достиг наиболее высоких результатов на своем профессиональном поприще.

10. Стадия наставника. Отражает способность работника передавать свой опыт другим и является высшим уровнем работы любого специалиста.

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что в рамках понимания процесса социализации личности фиксируются только основные этапы формирования индивида, при этом игнорируется все многообразие индивидуально-неповторимого жизненного пути. Вместе с тем Т. В. Костяк [171] пишет об «индивидуальной форме социализации», предполагающей личностную активность, самореализацию и раскрытие возможностей индивидуальности в социальном контексте. Индивидуальная форма социализации, по мнению автора, проявляется в отношении к ценностям, нормам правилам поведения, которые транслируются обществом. В свою очередь, А. В. Петровский [278] уделяет особое внимание индивидуальности субъекта. По своим временным параметрам процесс развития субъекта в коллективе относится автором к периоду юности, при этом автор придерживается позиции, что вхождение личности в новую социальную группу предполагает утрату индивидуальности и адаптацию к групповым нормам и формам деятельности. Определяя адаптацию, индивидуализацию и интеграцию как фазы вхождения субъекта в социальное поле, с одной стороны, и как механизмы освоения социального пространства, с другой, А. В. Петровский дает им следующие характеристики:

- адаптация – присвоение социальных и деятельностных норм коллектива, группы, преодоление конфликта между собственными представлениями о роли и ожиданиями коллектива;
- индивидуализация – стремление найти что-либо для себя в коллективе;
- интеграция – гармоничное объединение собственных неповторимых устремлений, потребностей, умений и ролевых ожиданий коллектива.

Похожие механизмы социализации, но под другими названиями предлагает В. А. Зелянина [109], основываясь на трех способах взаимодействия личности и общества (межиндивидуальный, внутрииндивидуальный и надиндивидуальный). Проектирование – надиндивидуальный процесс формирования и развития мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер, обусловленных влиянием общества на личность, в результате которого образуется социальная адекватности индивида. Портретирование – внутрииндивидуальный процесс создания внутреннего мира личности, самооценки, самосознания, личностной идентичности, основанные на ценностных ориентациях. Корреспондирование – межиндивидуальный процесс социального обучения, включающий коммуникативные параметры, механизмы взаимосвязи и соответствия личности с социумом. Результатом является приобретение индивидом социальной идентичности, задающей коммуникативную и поведенческую схему субъекта. Необходимо отметить в качестве критического замечания, что выделенные В. А. Зеляниной механизмы социализации субъекта принципиально не отличаются от сформулированных А. В. Петровским и не приносят значимого дополнения в понимание процесса социализации. Вместе с тем, имеются работы, которые предлагают существенные детали в контексте процесса социализации. Так, например, проблема механизмов социализации затрагивается в работе Е. П. Белинской и О. А. Тихомандрицкой [38], которые, акцентируя многогранность процесса социализации, определяют ее грани, которые, с одной стороны, частично совпадают с механизмами освоения социального пространства А. В. Петровского, а с другой – являются эвристичными в контексте понимания влияния коллективного бессознательного:

- адаптация – функционирование человека в контексте социальных норм, способность находить баланс между своими ценностными ориентациями, потребностями и общественными ожиданиями;
- инкультурация – присвоение продуктов культуры, которые имманентно включают в себя нормативный образ человека, существующий на уровне индивидуального и коллективного сознания и определяющий особенности социализации человека;
- интернализация – присвоение ролевых моделей поведения и социальных значений (символов, норм, установок, ценностей, ролей и пр.);
- конструирование – формирование у субъекта образа или конструкта (в терминах Дж. Келли) мира, одной из составляющих которого является социальная идентичность личности.

Предложенные Е. П. Белинской и О. А. Тихомандрицкой механизмы выгодно отличаются от механизмов А. В. Петровского, т. к. выражают смысловые доминанты в анализе социализации и приобретают особую значимость в контексте исследуемой в работе проблемы ролевой социализации, поскольку анализируют механизмы присвоения коллективного социокультурного опыта. Вместе с тем отмечая продуктивность подходов к определению механизмов социализации, необходимо указать на два обстоятельства: механизм адаптации, по определению авторов, уже включает в себя механизм индивидуализации, т. к. идет речь о балансе между собственными установками и общественными нормами; не определена возрастная последовательность проявления механизмов социализации. В этой связи для преодоления данного противоречия, эклектируя оба подхода, будем говорить о четырех механизмах социализации.

Инкультурация – вхождение в культурное пространство символов, образов, повторяющихся стандартизированных форм и способов поведения, реализуемых в архетипических, мифологических структурах. Инкультурация, предполагающая вхождение ребенка в пространство культуры и постижение ее составляющих, основана на ритуале – «точке сборки» всех смысловых единиц мира, посредством упорядочивания «Хаоса» в «Космос» [382]. Этот механизм присвоения

социокультурного опыта выступает первичным, он актуализируется в раннем детстве, когда индивид в сказках сталкивается с архетипическими по своей сути образами, реконструирующими сценарии социального взаимодействия [188; 217; 248; 262; 272; 264; 366]. В процессе инкультурации ребенок проходит три стадии постижения символов: тактильную, игровую и утилитарную (логическую). Именно механизм инкультурации предполагает передачу информации через культурный код. Например, использование элементов культуры в образовательной практике кадетского воспитания включает подготовку к праздникам – создание культурного пространства, эксплуатирующего культурные коды воина, героя, защитника отечества, через принцип культурной трансмиссии «Делай, как я». Это развивает у кадетов этническое самосознание, патриотизм, способность постоять за свою семью и Родину. Инкультурация находит свое отражение в праздничной традиции, в фольклоре [382].

Адаптация предполагает узнавание и присвоение ребенком в возрасте 5–7 лет социальных и деятельностных норм коллектива, группы и общества в целом без их критического осмысления. В терминах А. Н. Леонтьева осуществляется первый манифест личности на сцену, когда ребенок обнаруживает для себя общественный мир, «социальную сущность своего бытия», реализуя его через ролевое поведение [158; 161; 228; 314].

Индивидуализация. Происходит открытие своего Я подростком, отличного от интериоризированных родительских ролей, установок, становление идентичности, самосознания, на которое одним из первых указал Л. С. Выготский [66]. У подростков появляется способность познать себя, собственные ценности, личностные особенности, потребности, интересы и пр., отличающие его от других людей, [66; 158; 160; 314; 319].

Интеграция, выступающая вершиной присвоения социальных норм, актуализируется наиболее явно у молодого человека, таким образом, что субъект из всех возможных образцов выбирает для себя и переносит во внутреннюю структуру наиболее подходящие. Происходит преодоление конфликта между собственными представлениями о роли и ожиданиями коллектива, которые

взаимосвязаны между собой, адекватные как для конкретной социальной ситуации, так и для его индивидуальных особенностей, потребностей и установок [222].

Важным дополнением, с нашей точки зрения, являются сформулированные в докторской диссертации А. А. Нестеровой [245] четыре механизма становления жизнеспособности личности, сопрягаемые с четырьмя категориями источников жизнеспособности: 1) механизм идентификации «Я принадлежу»¹; 2) механизм адаптации «У меня есть»; 3) механизм индивидуализации «Я есть»; 4) механизм интеграции «Я могу». Особенно значимыми являются выделенные автором барьеры социализации, способные блокировать и нарушать качественные характеристики механизмов. Барьерами идентификации являются внутренние ценностные конфликты, проблемы в социально-ролевом поведении, снижение мотивации и активности. При нарушении процесса адаптации появляются деструктивные коммуникативные установки, эгоизм, обидчивость. Барьерами индивидуализации выступают установки на конформность, отрицательное самоотношение, эмоциональная неустойчивость, снижение смысложизненных ценностей и уровня рефлексии, неконструктивные механизмы психологических защит (регрессия, реактивные образования. Блокировкой механизма интеграции выступают низкая жизненная включенность, снижение самоактуализации, пассивность жизненных стратегий. Ценность представленных концептуальных данных автора заключается в интеграции механизмов социализации с категориями и источниками жизнеспособности личности и барьерами их реализации, тогда как в большинстве исследований механизмы социализации рассматриваются как взятые в единстве совокупности различных факторов, посредством которых происходит воздействие на объекты социализации.

Заметим, что пик социализации приходится на период молодости – это период максимальной самореализации, в который происходит активное освоение всех сфер жизнедеятельности: осуществляется самореализация в семейной сфере

¹ Тождественен механизму инкультурации (Прим. автора).

(создание семьи), в профессиональной (выбор профессии и трудовая деятельность), в интимно-сексуальной (поиск партнера), в личностной (формируется образ Я, продолжает формироваться личность, обладающая устойчивой и осознанной системой ролей, ценностей и мотивов поведения) [222].

Г. М. Андреева, рассматривая три основных сферы социализации личности, указывает, что все они создают «расширяющуюся действительность», необходимую для процесса социализации личности, в процессе которой осваиваются новые роли, осмысливается их значимость для субъекта, что позволяет ему действовать, познавать и общаться, осваивая микросреду и социальные отношения.

- Деятельность – происходит освоение профессиональных, ролей позволяющих расширить деятельностно-ролевой репертуар личности.
- Самосознание – осуществляется становление Я-концепции индивида через социальное взаимодействие, происходит интернализация различных ролей в целостный и непротиворечивый образ, определяется идентичность. При этом, как отмечает А. В. Петровский [278], индивидуально-психическое в личности является социально-психологическим феноменом межличностных отношений, последние, в свою очередь, оказывают влияние на свойства личности. Исследования, проведенные Т. Д. Марцинковской [223] на группе детей и подростков, показали, что положительное отношение к нормам и социально значимым эталонам не только расширяет рамки социального пространства и ролевого репертуара субъекта, но и стимулирует положительное самоотношение и степень дифференцированности личностной идентичности.
- Общение предполагает углубление и расширение контактов, переход к диалогической интеракции, которая позволяет более точно воспринимать партнера и ориентироваться на него, что обеспечивает успешное взаимодействие в интимно-личностной сфере и как результат – создание семьи (см. рисунок б).

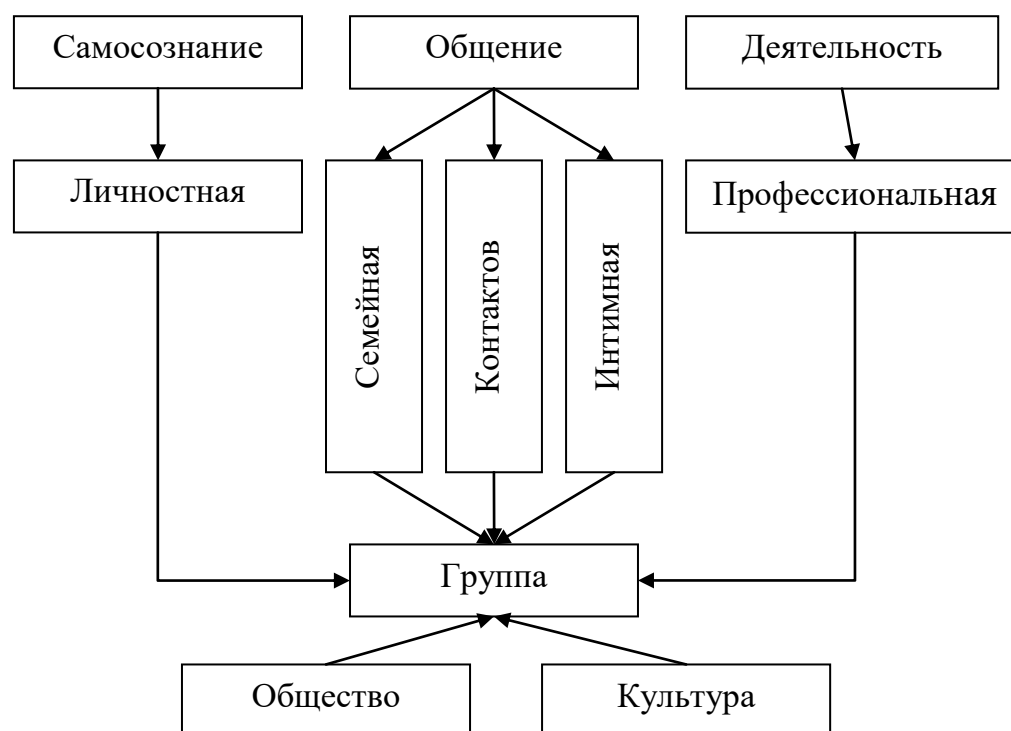

Рисунок 6. Сферы социализации в отечественном подходе

На необходимость учета сексуальности при исследовании успешной социализации личности указывают современные исследователи [624] J. L. Kornreich, K. D. Hearn, G. Rodriguez & L. F. O'Sullivan [510], изучив влияние старших сиблингов на сексуальную социализацию девочек (N=180) в возрасте от 12 до 14 лет, преимущественно из этнических меньшинств. Согласно полученным данным, у девочек, имеющих старших братьев, в большей степени была выражена ценность родительства; они имели более низкий уровень сексуальной чувствительности или интереса и сообщали о незначительных возрастных различиях между собой и их партнерами первого романтического поцелуя. На основании проведенного исследования авторы делают вывод о влиянии наличия старших братьев и сестер на ограничительное сексуальное познание и поведение у девочек. Социализация в интимной сфере обуславливает становление адекватной гендерной и сексуальной идентичности, не противоречащей индивидуальному восприятию личности. Под гендером понимаются социокультурные представления о мужском (маскулинность) или женском

(фемининность) поведении, психологических особенностях, соматических свойствах, предполагающих жестко фиксированные образы [121; 169]. Вместе с тем необходимо отметить, что в современном мире обнаруживает себя множественность взглядов и представлений на одно и то же явление или образ, так ряд авторов говорит о сложностях в разделении индивидов по двум полюсам [58; 121; 367; 372; 400]. Обсуждая вопрос соотношения маскулинности и фемининности, С. Бем [400] выделила, используя собственный тест, восемь полоролевых типов – четыре для мужчины и четыре для женщины (см. рисунок 7).

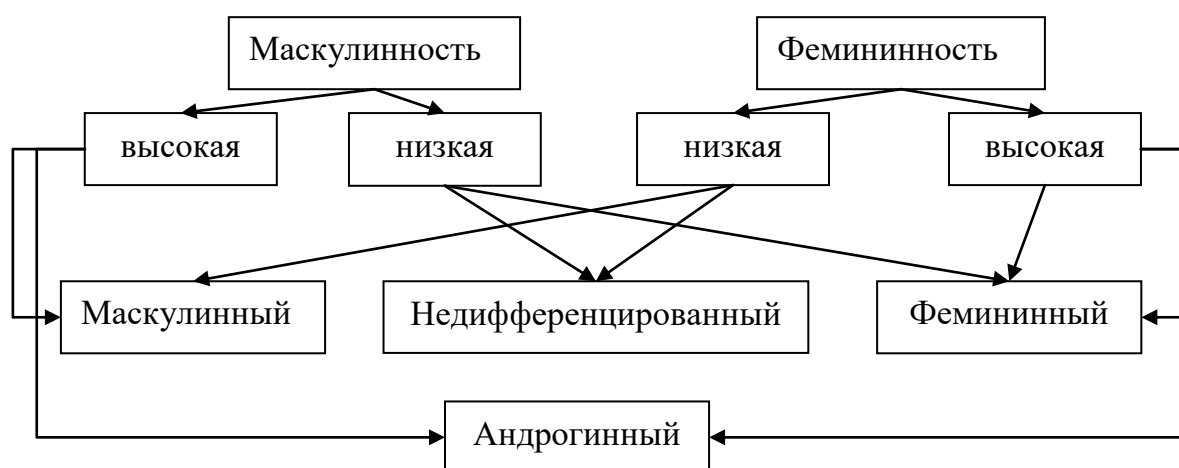

Рисунок 7. Полоролевые типы по С. Бем [400]

Согласно О. А. Овсянник [250], недифференцированный тип может выступать как разновидность андрогинного. Автор выделила особенности адаптации женщин с различным гендерным типом. Маскулинные женщины используют избегание и самоконтроль, фемининные – поиск социальной поддержки. Наиболее широкий диапазон адаптационных механизмов у андрогинных женщин, которые используют в своем поведении планирование решения проблем, поиск социальной поддержки и конфронтацию. По мнению Е. А. Шмелевой и П. А. Кислякова [354], просоциальные установки тесно связаны с полоролевой принадлежностью. Факторная структура просоциальных установок в женской выборке базируется на трех составляющих и апеллирует к альтруизму, социальной ответственности и событийности. В мужской группе просоциальные

установки связаны с патриотизмом, героизмом, гражданской позицией и солидарностью. С точки зрения J. Spurlock [599], которая исследовала роли у женщин, ролевая множественность и несовпадение ролей часто провоцируют конфликт и стресс у женщин. Феномен воспринимаемого и реального гендерного конфликта был изучен в работе J. Anthrop & M. T. Allison [390] на 133 спортсменках-старшеклассницах. Результаты применения χ^2 -Пирсона показали, что спортсмены в большей степени воспринимали гендерный конфликт с принятием роли женщины и роли женщины-спортсменки, чем его испытывали ($p < 0,01$). Тридцать два процента обследуемых ответили, что они мало или вообще не испытывают проблем с конфликтом ролей, 50 % испытывали незначительный конфликт, 17 % испытуемых ответили, что они воспринимают конфликт ролей как очень большую проблему. J. C. Weidman et al. [630] на выборке китайских студентов (мужчин и женщин), будущих инженеров, проводил исследование взаимосвязи между гендерным ролевым конфликтом, интернализацией профессиональной роли и волевыми намерениями в освоении профессиональной роли. В результате авторы обнаружили, что волевые намерения были в значительной степени связаны с гендерными ролевыми конфликтами и интернализацией профессиональной роли. Согласно Н. В. Кулагиной [181], гендерный конфликт профессиональной роли обусловлен выполнением субъектом роли не типичной для его пола и входящей в противоречие с его системой ценностей и смыслов. Это сопровождается негативными переживаниями, конфликтной самооценкой, личностной и профессиональной дезадаптацией. Решение проблемы гендерного ролевого конфликта с неполотипичной профессиональной ролью, по мнению автора, может быть осуществлено в контексте гендерных представлений. При наличии эгалитарных гендерных представлений субъект способен к личностной и профессиональной самореализации посредством преодоления гендерных барьеров. Тогда как гендерный ролевой конфликт профессиональной роли в большей степени представлен у индивидов с наличием традиционно-патриархальных представлений.

О'Нил с соавторами [565] выделяет шесть признаков гендерно-ролевого конфликта:

- 1) ущемление эмоциональности;
- 2) гомофобия;
- 3) потребность в контроле;
- 4) ограничение сексуальности;
- 5) навязчивая потребность в успехе;
- 6) ухудшение физического здоровья.

Ц. П. Короленко с коллегами [169] указывают на утрату общественно закрепленных ценностей и целей социальной жизни. Состояние аномии и дезориентации в базовых ценностях, свойственное современному обществу, в совокупности с трансляцией моделей удачных карьерных решений детерминируют предпочтение личных качеств и ценностей, соответствующих вызовам рыночной экономики, но при этом не учитывающих гендерные особенности.

Важным моментом на современном этапе развития общества выступает кризис гендерной идентичности как социокультурное явление, которое влечет за собой размытость и мозаичность гендера. В настоящее время активно обсуждаются проблемы так называемой трансгендерной идентичности. L. A. V. Mathers [536] описывает на основании опроса 99 цисгендеров эмоционально негативное восприятие индивидов с трансгендерной идентичностью. P. R. Miller [546] по результатам анкетирования взрослых американцев приводит данные об отвращении и авторитаризме по отношению к трансгендерам. В то же время имеются данные о позитивном отношении к таким людям. В своей работе S. Winter [627] демонстрирует, что значимым моментом для большинства трансгендеров явилось одобрительное отношение к их выбору. По словам участников опроса, 62,9 % матерей и 40,6 % отцов принимали или поощряли трансгендер своего ребенка с самых первых проявлений. По мнению 40,7 % респондентов, тайский народ в целом придерживался столь же благоприятного отношения к явлению трансгендеризма. Автор показал, что для

большинства тайских трансгендеров (MtF) причинами их трансгендера является биологические факторы (84 %). Друзья и карма были также названы как причинные факторы (50 % и 48,4 % соответственно). Родители, братья и сестры и другие родственники упоминались несколько реже (30,3 %, 24,1 % и 22,2 % соответственно). Таким образом, дискуссионные точки зрения относительно такого феномена, как трансгендер, демонстрируют, что современные требования к изучению проблемы гендерной идентичности диктуют необходимость пересмотра такого понятия, как гендер. В частности D. Joel et al. [497] исследовали лиц с «нормальной» гендерной идентичностью (мужчины N=570 и женщины N=1585) и обнаружили, что более 35 % респондентов ощущают себя как представителя другого пола (выражена гендерная дисфория). На основании чего авторы делают вывод о том, что нынешний взгляд на гендерную идентичность как двоичный и унитарный не отражает гендерную идентичность многих людей и призывают к новой концептуализации гендерной проблематики, которая связана с множественностью и гибкостью в понимании гендера.

Послетрудовая стадия социализации связывается с выходом на пенсию и пожилым возрастом. При этом прекращение трудовой активности пожилых людей может не снижать их социальную активность, которая имеет значение в воспроизводстве социального опыта [14]. Послетрудовая стадия социализации остается наиболее неразработанной и, по мнению Г. М. Андреевой [15], такой же спорной, как и проблема институтов социализации на данном этапе. R. C. Peck [572] указывает на три конфликта, которые необходимо различать в этот период: конфликт переоценки образа Я вне профессиональной роли; конфликт, связанный с разочарованием по поводу осознания старения тела и ухудшения физического здоровья; конфликт между желанием жить и примирением со смертью. Я. Стюарт-Гамильтон [320] приводит данные исследований, согласно которым с выходом на пенсию происходит ухудшение самочувствия, человек ощущает себя невостребованным и бесполезным. Результаты множественной регрессии относительно влияния пола и статуса (мужчины и женщины, вышедшие на пенсию, и домохозяйки) на самочувствие здоровья у испанских пенсионеров и

домохозяек на выборке из 1106 пожилых людей L. Pino-Domínguez et al. [574] показали, что мужчины, вышедшие на пенсию, сообщают о значительно более высоком статусе здоровья, чем домохозяйки. На основании реализованного исследования авторы делают вывод о том, что самочувствие состояния здоровья тесно связано с физическими, умственными и функциональными состояниями здоровья и досуга. С точки зрения С. F. Sharpley [592], на возникновение такого состояния влияет потеря работы, ухудшение здоровья и отношений, которые, как отмечает Я. Стюарт-Гамильтон [320], могут быть и не связанными с выходом на пенсию. Хотя, как утверждает автор со ссылкой на другие источники, некоторые пожилые люди с выходом на пенсию ощущают себя вполне благополучно. Согласно проведенному в конце прошлого века исследованию С. F. Sharpley & R. Layton [592], при выходе на пенсию (N=349 мужчин и N=385 женщин в возрасте от 44 до 90 лет в начале первых 5 лет после выхода на пенсию) мужчины сообщали о лучшем физическом здоровье, по сравнению с женщинами. Респонденты, вышедшие на пенсию по истечению трудового возраста, чувствовали себя лучше (менее тревожные и депрессивные), чем те, кто вышел на пенсию по состоянию здоровья. Кроме того, результаты показали, что на самоощущение психологического благополучия влияют постоянное образование и обучение. Более того, в исследовании G. Tora & E. Valero [612] было обнаружено, что удовлетворенность испанских пенсионеров (N=286), депрессия и стресс положительно коррелируют с психологической диспозицией относительно выхода на пенсию (положительные и отрицательные ожидания выхода на пенсию). Негативное влияние отрицательного восприятия собственного старения на развитие депрессивных симптомов у пожилых людей (N=3921) убедительно доказали J. Han & V. E. Richardson [480]. Я. Стюарт-Гамильтон [320] приводит данные нескольких исследований, в которых отмечается влияние вдовства на негативное переживание в послетрудовой период. Нивелирование отрицательных эмоциональных состояний от потери партнера в пожилом возрасте достигается за счет ожидаемости смерти, финансовой защищенности и зависит от половых различий – мужчины лучше адаптируются в подобных обстоятельствах. Кроме

того, важным фактором позитивного самоощущения является социальная поддержка как ближайшего окружения (семья, друзья), так и социальных служб.

Помимо трех этапов (дотрудового, трудового и послетрудового) в исследованиях выделяют такую стадию социализации, как ресоциализация. Основной пласт работ, посвященных проблеме ресоциализации, лежит в правовом поле в отношении личности, совершившей уголовно-наказуемое деяние. В этом контексте под ресоциализацией понимается процесс восстановления или приобретения социальных ценностей, норм, опыта, ролевых моделей, включающих основные элементы институциональных требований и устойчивость положительной социализации его личности [304]. В рамках диссертационного исследования Н. Е. Колесникова [156] доказывает, что ресоциализацию осужденных необходимо рассматривать как интегративное явление, отражающее несостоятельность личности. В это многокомпонентное образование, автор включает антиципационную несостоятельность, личностную деформированность, деструктивность социальных установок, неадекватность самооценки. Н. Е. Колесникова предлагает с целью ресоциализации осужденных проводить социально-психологическую работу в двух направлениях: 1) экстренная помощь осужденным (актуальная модель), ориентированная на развитие у осужденного жизненно важных умений, таких, как планирование, моделирование, оценки результатов деятельности; 2) превентивная деятельность психологов с заключенными предполагает формирование индивидуальности и обретения целостности личности. Отмечая путаницу в понятийном аппарате и отсутствие в теории уголовно-исполнительного права сущности понятия «ресоциализация осужденных», Ю. В. Баранов [33] предлагает рассматривать ресоциализацию осужденного как возобновление социализации лица, привития общественной роли с целью оптимальной адаптации к условиям жизни общества, с сохранением индивидуальности личности. Проблема ресоциализации, по мнению автора, обусловлена тем, что обретенная субъектом картина мира до лишения свободы после заключения кардинально меняется, т. к. почти все разделяют одну точку зрения. Осужденный, отмечает Ю. В. Баранов, как и любой другой человек,

непредсказуем, самостоятелен и свободен, потому необходимо утонченное правовое воздействие, которое бы в максимальной степени учитывало природу субъекта. В качестве такого воздействия, W. H. Maloney & R. J. Kelly [531], проанализировав опыт разных стран (Сицилия, Гонконг, Россия и Мексике), считают необходимым введение в учебную программу начальных и средних школ предмета, связанного с изучением права, чтобы противостоять влиянию криминальной жизни, которое по-прежнему романтизируется в сообществах. Авторы демонстрируют необходимость включения различных социальных институтов в борьбе с организованной преступностью, которые будут формировать культуру права посредством развития правовых норм, ролевых убеждений в принятии моральных и этических решений, нравственное воспитание.

В качестве оценки эффективности ресоциализации осужденного Ю. В. Баранов предлагает учитывать ряд факторов: отсутствие рецидива после освобождения, создание семьи, нахождение работы, получение образования или самообразование, отсутствие аддикции. Успешной ресоциализации, по мнению британского правительства, мешают отсутствие места жительства, поддержки семьи, образования, постоянного дохода, злоупотребление алкоголем и наркотиками, проблемы со здоровьем, деструктивные жизненные установки, внешний локус контроля, сложности во взаимодействии с окружающими, уязвимое финансовое положение [189].

Кроме ресоциализации осужденных Н. А. Голубева и Т. Д. Марцинковская [76] пишут о ресоциализации мигрантов, обусловленной сменой социокультурного окружения. В настоящее время глобальная миграция достигает рекордно высокого уровня, а группы мигрантов в Европе составляют все большую долю населения. Анализ данных Федеральной службы государственной статистики свидетельствует об устойчивой тенденции к увеличению численности мигрантов в Европейских странах (Германия, Франция и Финляндия), Соединенного Королевства (Великобритании). Так, с 2010 по 2014 год увеличилось количество мигрантов на 1 897 человек. В Казахстане данный

показатель составил 31 234 человека. Что касается России, то наблюдается значительный скачок волны миграции с 2010 по 2014 год на 386 855 человек. Последние события, произошедшие в странах Ближнего Востока, активизировали миграционную волну в Европу. С начала 2015 года в Европу по морю прибыло 250 тыс. нелегалов. В Швецию массово приезжают беженцы-подростки без родителей. Свыше 400 тысяч мигрантов подали прошение об убежище в ЕС с начала 2017 г. Германия ожидает наплыва более 750 тысяч беженцев в 2018 г. Общее количество мигрантов в Германии достигло 10,9 млн человек. Приведенные данные свидетельствуют о миграционном кризисе, являющимся крупнейшим со времен Второй мировой войны. На социально-психологическом уровне практически все мигранты испытывают высокий уровень стресса и оказываются в социальной изоляции, поскольку вынуждены приспосабливаться к новым формам экзистенции. M. Butler, N. Warfa, Y. Khatib & K. Bhui [418] провели всесторонний поиск медицинских и психиатрических баз данных эмпирических исследований с 1975 по июль 2012 года на предмет психических расстройств среди взрослых мигрантов. Авторы обнаружили, что из 18 рассмотренных исследований в одной трети была статистически значимо доказана взаимосвязь между миграцией и психическим расстройством (CMD). В качестве факторов, способствующих успешности процесса ресоциализации у мигрантов, авторы называют индивидуальные психологические ресурсы, социальную поддержку, процесс аккультурации, культурные вариации и время с момента переселения с высокой степенью вероятности. К перечисленным переменным эффективной ресоциализации мигрантов G. Ballantyne & L. Burke [395] добавляют цифровые технологии, помогающие иммигрантам держать связь с покинутой ими родиной. На основе полуструктурированного интервью авторы проанализировали траекторию жизненного курса мигрантов из Ирландии в Австралию на трех этапах: «выезд из дома», связанный с чувством дислокации из Ирландии и участием в местной ирландской «этнической деревне»; «нахождение дома», характеризующееся выходом из участия этнических общин под давлением семейных и трудовых обязанностей, и «возвращение домой», представленное в

виде желания вновь соединиться с родиной как локально, так и транснационально. Исследования показывали, что цифровые технологии обуславливают эффективную ресоциализацию мигрантов, усиливая их связи как с покинутой родиной, так и с вновь приобретенной.

Как отмечают Н. А. Голубева и Т. Д. Марцинковская [76], на современном этапе развития социальной психологии в понятие «ресоциализация» включается умение ориентироваться в непредвиденных социальных ситуациях в результате осознанной трансформации поведения субъекта в ситуации социального неуспеха. Е. Н. Волкова с коллегами [62] еще более широко предлагают трактовать понятие ресоциализации, которая характерна для современного человека в постоянно изменяющемся мире. В этом контексте можно рассматривать получение новых знаний в иной профессиональной области (переподготовка) и/или связанные с ними изменение условий труда в качестве профессиональной ресоциализации. Проводимое Z. P. Hart, V. D. Miller & J. R. Johnson [483] исследование привычек и коммуникационных отношений у сотрудников (N=72) в процессе организационной реструктуризации демонстрирует, что знание сотрудниками тактики реструктуризации организации способствует уменьшению неоднозначности роли и ролевого конфликта. Триггером профессиональной ресоциализации выступает кризис социальной идентичности индивида, отражающий его несоответствие желаемому профессиональному статусу [116]. Современный динамичный мир со значительными информационными потоками предъявляет высокие требования не столько к базовым профессиональным знаниям и умениям, сколько к способности быстро овладевать новыми знаниями и технологиями. В этой связи овладение профессиональной социализацией требует усердного продвижения индивида в освоении новых компетенций, гибкости и способности переучиваться, интернализации новой профессиональной роли. Обретенная в молодости профессия подвергается испытаниям в последующие годы на престижность, востребованность, творческий потенциал, субъективную значимость [92; 155; 239]. Обобщая понимание ресоциализации как одной из форм социализации,

отметим, что в основе запуска ресоциализации лежит какое-либо противоречие между социальными условиями и индивидуально-личностными инсталляциями. Такое противоречие, по словам Р. М. Шамионова [347], выступает базисом для прогресса одних процессов, функций и регресса для других.

Итак, выше проведенный анализ показал, что большинство авторов, рассматривая различные аспекты социализации в процессе формирования личности, сосредотачивается, как правило, на каком-то одном, не пытаясь объединить все остальные. В этой связи предлагаем предварительную интеграцию всех компонентов социализации в единую схему, отражающую содержание социализации (см. рисунок 8).

На рисунке представлены этапы социализации и основные компоненты социализации (социокультурные: социальные нормы, роли, социальные институты или агенты; индивидуально-личностные: жизненный мир, поведение, смысложизненные ценности, установки, мотивации, потребности), определены существенные взаимосвязи между ними (механизмы передачи: игра, обучение, труд, механизмы освоения: инкультурация, индивидуализация, адаптация, интеграция).

Таким образом, существует выраженная проблема, предполагающая анализ содержания ролевой социализации, включающая объединение перечисленных компонентов в единую систему. При этом существуют определенные трудности, т. к. на первый взгляд кажется, что все объекты социализации отражают различные стороны указанного процесса. Кроме того, проведя основательный теоретический анализ процесса социализации, необходимо отметить наличие парциальных теоретических и эмпирических изысканий относительно феномена социализации личности, при отсутствии целостной обобщающей концепции социализации. Это позволяет предположить, что при рассмотрении проблемы социализации большинство исследователей находятся на фактологическом уровне, а имеющиеся противоречивые данные, эклектизм и фрагментарность рассмотрения феномена социализации нивелируют возможность выхода с предтеоретического этапа исследования на собственно теоретический.

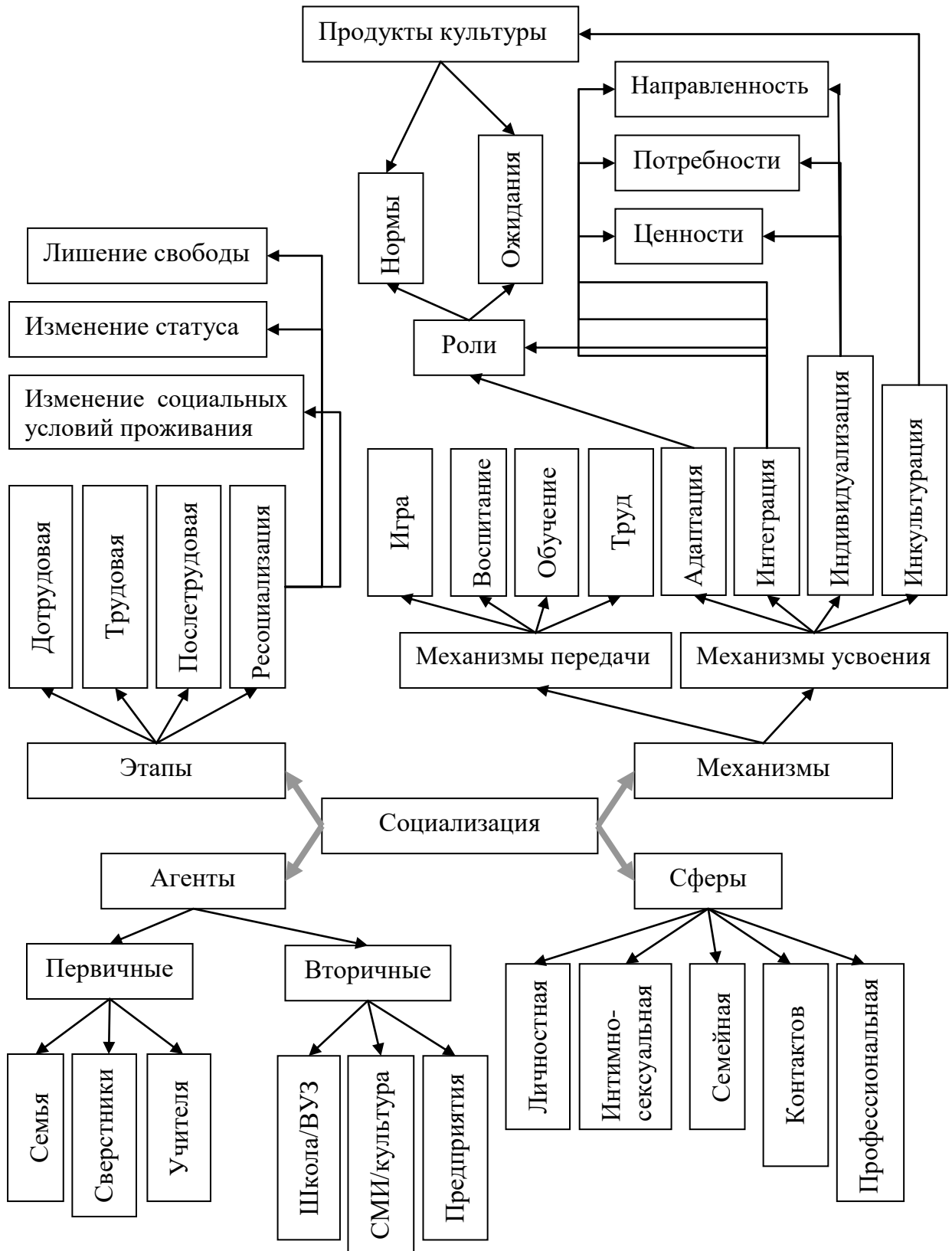

Рисунок 8. Интеграция компонентов социализации личности

Вместе с тем, как справедливо отмечает А. В. Карпов [135], для реализации теоретического этапа и основательного изучения объекта исследования

необходимо использовать системное рассмотрение предмета исследования: Такая постановка проблемы позволяет снять существующее парадоксальное противоречие между социальным и индивидуальным, т. к. в рамках системного подхода обеспечивается взаимодействие между частной системой и более общими системами [136]. Проведенный анализ показал, что социальное пространство может рассматриваться как система, в которую включается личность, посредством овладения нормами, правилами, ценностями, знаниями и пр., что позволяет ей успешно функционировать в социальном пространстве [227]. А. В. Карповым с коллегами [136] констатируется, что методология системности зашла в тупик и необходим критический пересмотр ее основных положений, а именно включение в теорию систем метасистемного уровня. А. В. Карповым [137] постулируется, что метасистемная организация, носящая универсальный характер, предполагает определенное взаимодействие между системами различного уровня. В этой связи, социальное пространство может быть представлено как метасистема. Кроме того, автором доказывается, что метасистемный уровень может существовать не только в экстрасистемном поле, но также и в интрасистемном, включаясь в него в качестве метасистемного уровня и обеспечивая проекцию объективного предмета в субъективный субстрат. Иначе говоря, объективное воплощается в личности в субъективные представления в виде отражаемого через метасистемный уровень, который включен в психику и обозначается как «опыт», «образ мира», «модель ситуации» и т. д., являясь родовым понятием для всех остальных.

Все эти представления имеют идеальную, а не материальную природу. Чем полнее и точнее будет представлено в психике отражение объективного содержания в субъективных репрезентациях, тем, с точки зрения автора, более адаптивен индивид. Здесь уместно привести принцип изоморфизма Л. М. Веккера [59], который предполагал, что субъективное отражение подразумевает кодирование пространственно-временных качеств объекта в субъективный образ, несущий в себе основные характеристики объекта. Именно такое понимание проблемы социализации и рассмотрение ее как системы позволит снять

противоречие между объективным и субъективным, между внешним и внутренним. Как справедливо заметил Р. М. Шамионов [348], социализация – это сложная система со сменными социокультурными и индивидуально-личностными основаниями, которые встраиваются в структуру субъекта, обуславливая его включение в общество.

Несмотря на очевидную важность категории роли в социализации, следует отметить несколько нерешенных проблем. Разнообразие ролевых дефиниций – понимание и определение роли различается в зависимости от теоретических направлений. Вместе с тем часть авторов, не отрицая существенного значения роли в социализации, не дает четких определений этому понятию. Критический анализ ролевой теории осуществляет в конце XX века J. Jackson [495], которая ставит под сомнение использование теории ролей, отмечая ряд недостатков: во-первых, чрезмерное использование в теории ролей социального соответствия; во-вторых, процесс социализации в теории ролей не является всеохватывающим; в-третьих, в теории ролей не достаточно изучено влияние агентов социализации. Учет критических замечаний позволит вывести теорию ролей на новый уровень в исследовании социализации личности.

Выводы по 1 главе

Резюмируя представленный в первой главе анализ подходов к пониманию социализации, отметим значительное число теорий, отличающихся друг от друга пониманием данного феномена. Анализ методологических положений отечественных и западных классических теорий социализации демонстрирует, что в них в той или иной форме разработаны положения о видах и формах взаимоотношений индивида и социума. В зависимости от понимания социализации, определения ее детерминантов авторы делают попытку рассмотреть многообразие подходов и методологические особенности познания социализации через его детерминанты и уровни анализа. Классификация по ведущему детерминанту социализации показала, что для подавляющего

большинства концепций социализации (за исключением биогенетического и когнитивного подходов) тезис о ведущей роли социального фактора является бесспорным. При этом различается влияние уровней социальной детерминации от межличностного взаимодействия до социокультурных факторов, оставаясь на отличающихся друг от друга уровнях анализа – от микросубъективного (биогенетический подход, теория социального научения) до макрообъективного (социально-исторический детерминизм, структурно-функциональный подход).

Методологическая рефлексия социализации является крайне сложной и запутанной проблемой, связанной с противоречивостью имеющихся знаний, высокой вариабельностью поведения индивида, многоаспектностью агентов и институтов социализации, трудностями в определении этапов процесса социализации. Несмотря на значительные расхождения в понимании социализации многие исследователи выделяют активность личности как важную детерминанту в освоении социального пространства, хотя более ранние концептуальные подходы все же останавливаются на обществе как источнике движущей силы. Такое противоречие снимается в случае понимания под социализацией не только и не столько усвоение норм и правил, но и интериоризацию общественных ролей, в которых общественные нормативы выступают не как абстракция, а как социальные ожидания, направленные на личность. Отечественные исследования в связи с приостановкой теоретических и эмпирических исследований в области социализации ориентируются на западные школы, но в тоже время теоретико-методологические открытия вскрывают их очевидную самоценность.

Понятие социализации является ключевым в социальной психологии. Вместе с тем необходимо отметить, что ввиду разнообразия подходов и многомерности самого процесса социализации непродуктивно будет пытаться найти всеобъемлющую дефиницию. В этом случае эффективным будет рассмотрение аспектов социализации у большинства авторов. При попытке обобщить многообразие понятий вскрываются различные стороны данного процесса. Динамическая сторона – активность личности в процессе

приспособления к меняющейся социальной среде. Нормативная сторона, предполагающая усвоение субъектом норм и правил, которые при интернализации становятся собственными элементами личности в качестве внутренних установок. Процессуальная сторона, раскрывающая социализацию как непрерывный процесс, реализующийся в течение всей жизни индивида. Поведенческая сторона межличностных интеракций между субъектами взаимодействия определяется как закрепление и реализация конкретного социального статуса и роли в глазах окружающих в соответствии с их ожиданиями.

Одним из важных положений разрабатываемой теории социализации является рассмотрение роли, выступающей важным элементом социальной и личностной систем одновременно, роль, с одной стороны, апеллирует к общественным ожиданиям и обусловлена социальными ситуациями, с другой – связана с ценностно-смысловыми установками личностями, ее мотивами и потребностями. Существующие ролевые теории описывают личность через социальные функции и образцы поведения – роли, обусловленные социальным статусом в определенной группе, а само освоение роли происходит под влиянием стимулирующего воздействия (ролевых ожиданий) со стороны значимых для индивида лиц в процессе интеракции.

Предварительным итогом анализа роли как категории социальной психологии можно обозначить понимание роли в трех аспектах: 1) в социологическом (предлагающем рассматривать роль как внешне заданную систему норм, поведенческих актов, ценностных установок и пр., обуславливающих социализацию индивида и способствующих сохранению общества); 2) в социально-психологическом (исследующем механизмы, закономерности восприятия, факторы усвоения групповых ролей индивидом и учет групповых ожидания в ролевом поведении субъекта); 3) в психологическом (занимающемся проблемами изучения внутренних, глубинных факторов формирования роли, влияние мотивации, потребностей и ценностных ориентаций субъекта, установок и направленности на становление внутренней роли и ее

влияния на ролевое поведение, что позволяет преодолеть односторонность ролевого подхода к исследованию личности).

В рамках понимания ролевой социализации личности фиксируются основные этапы формирования индивида, включающие дотрудовую, трудовую, послетрудовую стадии, а также такое явление, как ресоциализация. Анализируются социальные нормы, роли, социальные институты или агенты социализации, индивидуально-личностное наполнение социализации (жизненный мир, поведение, смысложизненные ценности, установки, мотивации, потребности). Рассматриваются механизмы передачи – игра, обучение, труд и механизмы освоения – инкультурация, индивидуализация, адаптация, интеграция, но при этом игнорируется наличие между ними существенных взаимосвязей и взаимодетерминаций, которые вскрываются посредством системного подхода. Такая постановка вопроса предполагает построение теории, направленной на раскрытие общих и частных закономерностей ролевой социализации личности. Именно такое понимание проблемы ролевой социализации и рассмотрение ее как системы позволит снять противоречие между объективным и субъективным, между внешним и внутренним.

Глава 2. РОЛЕВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

2.1. Особенности ролевой социализации личности в подростковом возрасте и в период молодости

Проблема социализации личности в период молодости и в подростковом возрасте затрагивается в работах отечественных (И. С. Кон, А. Г. Асмолов, Л. В. Шабанов, П. Н. Савин, В. И. Кабрин, Г. С. Кнабе и др.) и зарубежных исследователей (S. Worchel, J. A. Simpson, J. M. Light et al.), которые ставят целью рассмотрение социально-психологических аспектов молодежи как особой социально-возрастной группы. Еще в прошлом веке И. С. Кон [159] указывал на существование единой специфической группы, отличающейся в зависимости от социального слоя, но, тем не менее, образующей единую группу со специфичным образом жизни, субкультурой и ценностями. В современной науке молодежь все более осознается как специфическая социально-возрастная группа, находящаяся в становлении [67]. По мнению А. В. Петровского [278], молодость характеризуется специфической особенностью – это период интеграции субъекта в социальную среду, процесс развития личности в коллективах. Согласно приведенной в предыдущем параграфе модели социализации личности, включающей такие сферы жизнедеятельности личности, как личностная, межличностная, профессиональная и интимно-сексуальная, мы будем рассматривать проявление социальных характеристик и проблем социализации молодежи в каждой сфере. Е. И. Головаха [73] считает, что личностные характеристики, направленность, ценностные ориентации, цели и пр. определяют порядок предпочтения тех или иных сфер деятельности, направлений жизненного пути индивида. С другой стороны, автор указывает, что сферы жизнедеятельности субъекта, на которых человек предполагает сконцентрировать свои силы и энергию являются

последовательными ступенями субъективной регуляции жизнедеятельности личности молодого человека.

Как верно подчеркивают авторы, изучающие особенности развития молодежи, процесс становления в молодости отличается от процесса развития и становления личности в другие возрастные периоды. Одной из проблем при анализе молодежи как особой категории является вопрос о возрастных границах, которые, по мнению М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги [82], требуют иной сегментации для объективирования информации. Так, например, при исследовании экономическо-политических проблем необходимо рассматривать совершеннолетнюю молодежь, находящуюся в возрастных рамках 18-30 лет, включенную в трудовую деятельность. С другой стороны, как указывают авторы при акцентировании проблем профессиональной ориентации молодежи и их трудоустройства возрастные рамки значительно расширяются от 15 до 26 лет. При рассмотрении аспектов трудовой деятельности и образования семьи к анализу подключается возрастная группа 18–30 лет. Г. Крайг [173] предлагает рассматривать возрастные границы человека через призму трех составляющих. Биологический возраст – средняя вероятность продолжительность жизни человека. Социальный возраст – учет субъектом культурных норм. Психологический возраст – указывает на то, насколько человек адаптировался к требованиям среды, и предполагает развитие эмоциональной, мотивационной, когнитивной и поведенческой сфер. По мнению Б. Г. Ананьева, такая периодизация оправдана потому, что «возраст человека всегда есть конвергенция биологического, исторического и психологического времени» [11, с. 133]. Согласно Б. Г. Ананьеву, период молодости – это период овладения ролью взрослого человека, который включает в себя правовую зрелость, избирательные права, экономическую ответственность, вступление в брак, рождение ребенка, установление круга знакомств, связанных с общей работой, и т. д. [11]. Учитывая понимание Б. Г. Ананьевым возрастных задач молодежи и основываясь на интегральной модели социализации, определенной автором работы на основании теоретических и эмпирических исследований в § 1.2, необходимо включить все

аспекты возрастных границ в единый возрастной диапазон, поскольку перед нами стоит задача изучения процесса социализации личности во всех жизненных сферах (личностной, межличностной, профессиональной, интимно-сексуальной). Кроме того, еще одним основанием в определении возрастных границ социальной группы молодежь выступает «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 года № 1760-р, согласно которой к категории молодежи в России относятся граждане от 14 до 30 лет.

Современное поколение молодых людей (принято называть поколение «Z») характеризуется включением в цифровую среду с момента рождения. Это поколение, которое родилось в цифровом пространстве и не может представить себе мир без него, в итоге их экзистенция находится в двух мирах – реальном и виртуальном. М. Мид [230] подчеркивает, что основными особенностями этого поколения молодых людей является нахождение в информационном поле, когда они имеют доступ к знаниям всего мира – группам, классам, регионам, странам. Еще полвека назад были взрослые, опыт и знания которых был больше, чем опыт и знание любого молодого человека. По мнению Е. Н. Волковой с коллегами [62], современное молодое поколение обладает большей коммуникационной свободой, индивидуалистичностью и эмансипацией. Сегодняшнее объединение всех народов электронной коммуникативной сетью предоставляет общность опыта для молодых людей, основными чертами которых выступает гибкость, динамичность, ориентация на поисковую активность, постоянное обучение в современном быстро изменяющемся и непредсказуемом мире, быстрота мысли и реакции, интуитивное принятие решения [53]. В исследовании С. Tanti et al. [604] самооценки на молодежной выборке (15–24 года) было обнаружено, что чем старше испытуемые, тем более выражены у них социальная идентичность и личностная идентичность. В то же время авторы выявили трансформации в индивидуальном Я, которое становится социально ориентированным: сдвигается с семейной сферы к сверстникам. Проведя сравнительный анализ детерминантов становления идентичности молодого человека в прошлом столетии и современной

молодежи, Э. М. Дымов [101], указывает, что в традиционном социуме детерминантами идентичности выступали культурные герои, имеющие определенный и однозначный характер. В то же время современные реалии в виде средств массовой информации, социальных сетей, Интернета представляют неоднородную информацию, готовые мыслительные штампы. Это, по мнению автора, определяет особый подход к формированию идентичности молодого человека в условиях глобализации общества и социальной интеграции. Согласно П. А. Кислякову с соавторами [145], развитие просоциального поведения начинается с дошкольного возраста и продолжает развиваться вплоть до ранней взрослости. По мнению авторов, к современным нормам просоциального поведения относятся саморегуляция, патриотизм, сотрудничество, сочувствие. Отмечая наличие деформированной гражданской идентичности у современной молодежи, Е. А. Черных [336] выделил структурные компоненты гражданской идентичности: когнитивный (правовые знания принадлежности к определенной социальной общности); ценностно-смысловой и эмоциональный (оценка и принятия/непринятие своей принадлежности); деятельностный (гражданская активность и участие в социальной жизни). По данным автора, большинство представителей молодого поколения считают, что у них нет обязанностей перед страной. Согласно Т. В. Ивановой [114], у современных студентов технических вузов доминируют познавательно-профессиональные мотивы и мотивы общения. Кроме того, мотивационная сфера студентов в исследуемой выборке, в отличие от молодежи прошлого столетия, характеризуется мотивами патриотического характера (человеческая личность, духовные ценности, творческая реализация; будущее России, российского спорта и т. п.). Наши исследования совместно с И. А. Федосеевой [253; 264; 326] относительно представлений и формирований понятия «патриотизм» у современной учащейся молодежи (N=150) демонстрируют, что патриотизм неразрывно связан с Родиной во всех ее проявлениях: дом, город, край, страна, президент этой страны, символы государства и его защиты. Ведущее место в процессе становления патриотического сознания учащейся молодежи занимает характеристики,

связанные с героизмом и военной тематикой. Это позволило нам прийти к выводу о том, что сущность патриотизма в современных условиях может трактоваться как развитие чувства преданности, верности, чести и ответственности у современной молодежи, основанного на символах и ценностях своего народа, на образах связанных с его родным краем [326]. В этом контексте особенно значимым представляются данные Т. В. Ивановой [114], демонстрирующие, что составляющими компонентами структуры образа Я являются уверенность в собственных силах, собственная уникальность, активность и ответственность за свое будущее. Вместе с тем автором было обнаружено, что студенты, отличающиеся повышенной личностной и ситуативной тревожностью, наиболее выраженной у третьего курса и у девушек, имеют экстерналиальный локус контроля. Тогда как учащиеся с интернальным локусом контроля отличаются сниженной тревожностью и мотивацией на успех, которая увеличивается к старшим курсам. Результаты изучения влияния учебной мотивации на саморазвитие личности молодежи, показали, что в процессе обучения ответы студентов тяготеют к более структурированным и обобщенным категориям, а к выпускным курсам – к глобальным категориям, что отражает развитие всех сторон личности.

По мнению Г. Крайг [173], ход развития молодого человека определяется культурными и социальными ориентирами, при этом социальное и эмоциональное развитие смешивается с физическими изменениями, которые, согласно теоретическим и эмпирическим данным, претерпевают значительные изменения. О. И. Пименовой [282] в рамках диссертационного исследования установлено влияние глянцевого журнала на статусно-ролевую позицию, связанную с идентичностью к определенной социальной группе. Автором доказывается, что формирование социально-статусной идентичности предполагает выбор технологии ее конструирования под контекст идеальной социальной среды глянцевого журнала. Современные молодые люди, являющиеся постоянными читателями таких журналов, испытывают конфликт между идеальным образом успешного человека и отсутствием необходимых для

достижения этого идеала ресурсов. В наших исследованиях [93; 264] было доказано предпочтение молодыми людьми рекламы эксплуатирующей архетип, который выступает доминирующим в структуре личности студентов (N=140, возраст 19–25). Опасность влияния СМИ на образ Я, с точки зрения О. И. Пименовой [282], заключается в демонстрации ирреального мира глянцевыми журналами, которые становятся агентами социализации молодежи, принимая участие в усвоении социальных ролей и социокультурных норм высокостатусных групп общества. Это способствует исчезновению социальных и личностных ориентиров, формированию кризисов идентичности, которые представляются в номинальной форме, предполагающей включение индивида в группу только через визуальные характеристики. Визуальная презентация относится авторами к физическому Я, которое наиболее выражено у молодых людей [Р. Бернс, Э. Эриксон]. В контексте теории идентичности, восприятие и презентация физического Я включается в эго-идентичность на положительном полюсе и ролевого смещения – на отрицательном полюсе. Повышение самооценки у молодых людей (К. Harrison & V. Hefner) [482] было обусловлено демонстрацией ими собственных заретушированных фотографий с эффектом похудения. Проведенное Е. В. Буренковой и Д. В. Орловой [52] исследование образа Я девушек (N=55) показало, что для девушек 17-18 лет важным компонентом идентичности выступает внешний облик, который большинство девушек оценивают критично. В исследовании S. Spurr, L. Berry & K. Walker [600] установлено негативное воздействие СМИ на представление молодежи своего телесного Я, если существует стремление соответствовать западным стереотипам о внешнем виде. Американизация культурных потребностей и интересов современной молодежи под влиянием СМИ демонстрируется А. А. Рассединой [294]. Автор отмечает стереотипизацию молодежной культуры в противоположность индивидуализированности и отсутствию этнокультурной самоидентификации. В целом необходимо отметить, что телесные представления современной молодежи обусловлены их физиологическими преобразованиями – быстрый рост всего организма и половое созревание, тесно взаимосвязанные с

психическими и социальными факторами. Бурное половое созревание в ранней юности, обуславливающее физиологическую и психологическую перестройку всего организма и формирование сексуальности молодого человека, трансформируется под воздействием СМИ. Серия проведенных М. G. Durham [449] интервью с американскими девушками азиатского происхождения позволила установить, что сексуальность концептуализируется как локус культурной гибридизации. С точки зрения большинства сексологов [161; 176; 312], половое созревание представляет в современном обществе социальную проблему. Р. Крукс и К. Баур [176] указывают на конфликт между внутренними сексуальными потребностями подростков и социальными нормами (двойные стандарты по отношению к сексуальности юношей и девушек). По данным Г. Крайг [173], физическая сила, функционирование органов, скорость реакции и другие возможности человека достигают своего максимума между 25 и 30 годами. В этот период организм женщины сравнительно стабильно вырабатывает яйцеклетки, а после 38 лет овуляция быстро идет на убыль, что влияет на способность к деторождению женщины. У мужчин, как указывает автор, процесс воспроизведения и угасания половых клеток не так выражен, как у женщин, тем не менее, пик способности к воспроизведению потомства приходится именно на период молодости. Хотя нет универсального определения раннего начала сексуальной активности, зарубежные исследователи его классифицируют как половой акт в первые годы средней школы [498] или как половое сношение до достижения возраста юридического согласия [467]. Согласно И. С. Кону [157], кульминация половой активности у женщин приходится на 15–18 лет, а у мужчин на 17–19, что сопровождается напряжением, любопытством и стимулирует молодых людей к вступлению в сексуальный контакт. В ряде исследований показано, что сексуальная активность может начинаться раньше, чем это разрешено законом [123; 313; 508; 631]. Материалы проведенного исследования G. Martinez, С. E. Copen & J. C. Abma [534] демонстрируют, что 62 % американских студентов имели половой акт до ухода из школы.

По данным Всемирной организации здравоохранения (2015 г.), молодые люди могут инициировать сексуальные отношения до 14 лет [543]. С. Т. Halpern and A. A. Haydon [477] на выборке 1 400 респондентов 18-летнего возраста, используя бинарную логистическую регрессию показали, что только один из пяти подростков до 18 лет не имел никакого сексуального опыта. Более двух третей сообщили о вагинальном или оральном половом акте, но только около половины испытали оба вида сексуального поведения. Один из 10 респондентов отмечал опыт анального полового акта, хотя бы раз до достижения 18 лет. Среди причин, влияющих на сексуальную активность подростков, Р. Крукс и К. Баур [176] называют гормональную перестройку (гормоны усиливают привлекательность партнера), любопытство, готовность попробовать, привязанность к партнеру, желание выглядеть взрослым, влияние сверстников. Исследование респондентов мужского пола С. Т. Halpern et al. [478] демонстрируют, что прямой причинно-следственной связи между уровнями тестостерона и изменением сексуальной мотивации или поведения нет. Хотя в статье сообщается, что более высокий уровень тестостерона ассоциируется с более частыми сексуальными действиями у подростков мужского пола, но при этом отмечается, что частота посещения религиозных служб смягчает эффекты влияния тестостерона на половую активность. Напротив, J. R. Udry et al. [616], исследовав гормональные и социальные эффекты на сексуальное поведение подростков, пришли к выводу, что тестостерон оказывает непосредственное влияние на сексуальную мотивацию у юношей (N=102), при этом не зависит от социального фактора. E. A. Smith, J. R. Udry, N. M. Morris [596] обнаружили, что активное сексуальное поведение девушек положительно сказывается на повышении уровня половых гормонов, тестостерона и эстрогена. Напротив, у юношей половое физиологическое развитие, по данным W. A. Marshall and J. M. Tanner [532], независимо от возраста, было связано с большей сексуальной вовлеченностью. Аналогичные данные были обнаружены уже в современных исследованиях J. A. Graber & L. M. Sontag [470], которые пришли к выводу, что под влиянием гонадных гормонов сексуальность начинает развиваться более

полно в подростковом возрасте и в течение этого периода связана с изменениями самосознания и социального функционирования, особенно для девочек. В продольных исследованиях S. R. Moore et al. [551] и L. Vaams et al. [393] представлены данные, указывающие, что раннее физиологическое развитие (то есть раннее начало полового созревания) было связано с более ранней сексуальной активностью молодежи в возрасте 10,5–22,4 лет, особенно у девочек. J. Pringle et al. [575] изучали у молодежи в возрасте от 9–24 лет факторы, влияющие на начало сексуальной активности, критерием которой был первый коитус. Анализ 13 исследований, проведенных в течение 1981–2015 гг., позволил выделить им основные, хотя и перекрывающиеся, области: физиологическое развитие, (биохимические воздействия, гормональная активность, активность ферментов, нейротрансмиттеры и т. д.) и связанные с ними психосоциальные факторы (атипичная или патологическая физическая / психологическая / физиологическая направленность развития (расстройства питания, пристрастия, азартные игры или серьезные нарушения психического здоровья) на раннюю половую активность, подростковую беременность, инфекционные заболевания. На основании анализа авторы делают вывод о влиянии гормональных и гендерных факторов на сексуальную активность молодежи. На девушек оказывают большое влияние психосоциальные аспекты, в том числе взаимодействие со сверстниками, а юноши более склонны заниматься незащищенным сексом с большим количеством партнеров.

Гормональная перестройка организма обуславливает сексуальное желание, которое, в свою очередь, ориентировано на поиск партнера и формирование пары. Развитие личности во много зависит от того как сложится ее семейная жизнь, влияющая на духовную и психологическую составляющую. Следовательно, социальная задача в процессе формирования личности – создание семьи. Г. Крайг [173] описывает семейный цикл, характеризующийся рядом важных событий. Первое событие в этом цикле – отделение от родительской семьи и образование своей. Второе – оформление брака. Третье – рождение первого ребенка, или переход к родительству. Данный период является одним из основных точек в

семейной жизни, несущий за собой глобальные перемены для обоих супругов. Изменение идентичности и внутренней жизни, перераспределение ролей и перемены в супружеских отношениях, а также перемена в отношениях со старшим поколением. В то время как образование пары можно рассматривать в связи с понятием близости (Э. Эриксон), родительство эксплуатирует феномен генеративности (Э. Эриксон) – желание продолжить себя в детях. Родительство требует новых ролей и обязанностей – с появлением ребенка родители обретают совершенно другие роли матери и отца. За освоением этих ролей следует принятие ответственности не только за свою судьбу, но и за жизнь ребенка. Эти изменения, указывает Г. Крайг [149], как правило, происходят внезапно, оба родителя испытывают новые для себя чувства гордости и волнения, к которым примешивается чувство возросшей ответственности. Помимо этого, рождение ребенка приносит изменение в коммуникативные и сексуальные отношения между супругами, которые могут принимать проблемный характер. S. Hamid, R. Stephenson & B. Rubenson [479] исследовали ассоциации между участием молодых женщин в их брачных отношениях и их способность вести переговоры о принятии решений между мужем и женой о контрацепции и рождаемости (N=1 803 замужних молодых женщин в возрасте 15-24 лет). В построенной регрессионной модели ключевыми предикторами выступили право голоса в выборе супруга, встреча с супругом до брака, знакомство с семьей супруга, активная социальная роль и принятие решений в родительской семье. Авторы обнаружили статистически значимую связь ($p < 0,01$) между свободой принятия решений женщин в их родительском доме (переменная предиктор) и способностью принимать решения и вести переговоры с супругом о количестве детей в браке, о применении противозачаточных средств (переменная отклик). По мнению Г. Крайг, на каждой стадии семейного цикла супруги должны преодолевать трудности, возникающие в семейной системе, таким образом, «чтобы каждый из супругов мог остаться целостной и уважающей себя личностью» [173, с. 711]. Согласно теории Э. Эриксона [363], выделяющего психосоциальные стадии развития, главные проблемы молодости заключаются в

способности достижения идентичности и установления близости в противоположность изоляции и смещению ролей. Близость, по мнению автора, является решающим фактором в период молодости при установлении приносящих удовлетворение любовных отношений. Результаты сравнительного анализа, осуществленного С. В. Жолудевой [104], выявили достоверные различия в супружеских моделях между молодыми людьми разных возрастных групп. Для современной молодежи в поздней юности 17–21 год (N=147) характерно смещение ролевых установок, слабая дифференциация образа будущего супруга, который рассматривается как партнер для общения, не дифференцировано понимание собственной ролевой супружеской позиции, отсутствует доминирование мотивации к заключению брака. По данным Г. Крайг [173], 90 % молодых мужчин и женщин отметили, что их семейные роли и обязанности являются важным компонентом в определении себя. Тогда как респонденты в возрастном диапазоне от 21 до 40 лет (N=171) отличаются высоким уровнем психологической готовности к браку, четкими представлениями о супружеских отношениях, о партнере для создания семьи. По данным Б. Р. Осохеевой [251] в структуре современной молодой семьи отмечается профессиональная занятость супругов, имеющих небольшое количество детей, эгалитарную систему власти и интенсивное общение с друзьями. Согласно В. Л. Ситникову и Л. И. Доевой [96; 314], одной из ключевых проблем сохранения брака выступают ролевые ожидания супругов. Проведенное авторами исследование показало, что стаж семейной жизни влияет на качественную составляющую образа супруга. Для мужской выборки в образе супруги снижается роль телесного и эмоционального компонентов, а для женщин в образе супруга с течением времени значимость приобретает роль социального интеллекта и социальных качеств, в противоположность телесно-физическим характеристикам.

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует, что исследователи, занимающиеся проблемой современной семьи и брака, отмечают трансформацию современных брачно-семейных отношений, о которые еще в прошлом веке говорил в своих работах С. И. Голод [75], указывая на увеличение числа разводов

с одновременным снижением уровня рождаемости, что, по его мнению, напрямую детерминировано сменой исторического значения семьи. Трансформационными особенностями современной семьи являются смешение гендерных ролей в семье и в обществе целом, рационализация всех сфер жизнедеятельности человека, ориентация на финансово-экономическую составляющую семейной жизни, ослабление экономической зависимости женщины от мужчины, конфликты в совмещении нескольких ролей, увеличение притязаний к супругам [61; 199; 308]. Такое положение приводит к усложнению в поисках партнера, усиливаются гендерные конфликты. Как отмечают ученые, современная ситуация в России характеризуется в более позднем переходе к современной модели семьи с незарегистрированными официально отношениями, относительно большинства стран Европы [61; 199]. Согласно данным Всероссийской переписи населения за 2016 год, 34 % женщин от общего количества отметили, что состоят в браке, из них: 34 % – в незарегистрированном браке, 66 % – официально оформленные отношения; мужчины (38 % от общего количества) отметили, что состоят в браке, из них: 13 % – в незарегистрированном браке, 87 % – официально оформленные отношения [64]. По результатам исследования Ю. С. Воеводиной [61], структура ценностно-мотивационных установок респондентов, находящихся в незарегистрированных отношениях, характеризуется неопределенностью ролевой модели брака и супружеских ролей. В качестве личностных особенностей автор отмечает выраженность потребностей в свободных, не обремененных обязательствами отношениях, тревожность, чувство незащищенности и разочарования. Н. Н. Лидовская [199] выявила полоролевые особенности супругов в незарегистрированном браке, находясь в котором, женщины отличаются гибкостью семейных ролей при недостаточной их реализации, автономность, сниженную сексуальную удовлетворенность. Мужчины и женщины, находящиеся в незарегистрированном браке, обнаруживают рассогласование социальной активности и супружеских ролей и не удовлетворенность браком, в отличие от супругов с официально оформленными отношениями ($p < 0,05$). По мнению автора, это свидетельствует в пользу

зарегистрированного брака, повышающего качество супружеских отношений. На основании сравнительного и корреляционного анализа И. А. Челнокова [335] приходит к выводу, что выбор незарегистрированного брака, обусловлен как внешними (социальными) так и внутренними (психологическими) факторами. В качестве внутренних детерминантов гражданского брака выступают ценность собственного развития, активные социальные контакты, сопряженные с размытыми личностно-ролевыми границами, преобладание материально-эгоистических потребностей, независимость, ориентация на собственную перспективу, собственные силы, без учета партнера. Внешними детерминантами является родительская модель семьи – респонденты с избеганием официальной регистрации супружеских отношений достоверно чаще имеют родителей также с незарегистрированными отношениями ($p < 0,005$). Значимым фактором выступают конфликтные отношения с родителями, которые вызывают искажение ролевой модели семьи и супружеских взаимоотношений, в этой связи, гражданский брак становится наиболее приемлемой и психологически безопасной формой взаимоотношений между супругами. Аналогичные данные об увеличении индивидуалистических ориентаций приводит И. Н. Свинцов [308], отмечая сложность и противоречивость семейных ценностных ориентаций современной российской молодежи. По данным автора, современная молодежь в семейной сфере характеризуется снижением ответственности за сохранность семьи, гедонистической установкой на брак. Основными ценностями для большинства молодых людей, согласно проведенному Р. С. Юмагузиным [365] статистическому анализу, являются: достижение семейного счастья и благополучия (71,4 %); материальный достаток (75,2 %); взаимная любовь (57,1 %); взаимопонимание (39,3 %); стабильность семейной жизни (31,7 %). Полученные данные позволили автору утверждать, что главными факторами, способствующими успешной интеграции молодой семьи в общество, выступают наличие детей (85,7 %) и влияние родителей на супругов (28,6 %). Согласно Д. О. Бондаренкову [50], основным мотивом создания современной семьи у молодежи является комплементарность социальных ролей супругов, которая

обеспечивает эффективную социализацию, достижение более высоких целей и реализации планов. Тем не менее, автор не умаляет значимость современной молодой семьи, которая выступает в качестве своеобразной модели всех социальных связей и отношений, являясь особой фундаментальной группой общества, способной развиваться с опорой как на созидательные, так и на антисоциальные ценностные ориентации.

Рассматривая мотивацию брака, С. В. Ковалев [151] пишет о пяти главных мотивах: моральные соображения, любовь, близость, психологическая совместимость, морально-нравственные ценности, материальный расчет. Т. R. Hurt [491] в контексте исследования мотивов вступления в брак опросила 52 женатых чернокожих мужчины, по результатам качественного анализа автор выделила пять факторов, которые мотивировали мужчин на вступление в брак: характеристики жены; духовность; желание быть вместе; готовность жениться и поощрение окружающих. Кроме того, автором были определены пять основных барьеров для вступления в брак: потеря свободы; неодобрение друзей; опыт предыдущих отношений; финансовые затраты. Результаты исследования показали, что 44 % мужчин предпочли бы жениться в том же возрасте, если бы им снова пришлось сделать такой шаг, 30 % респондентов вступили бы в брак позже, а 23 % предпочли жениться ранее, 3 % мужчин не захотели бы снова жениться. Y. Wang & M. Kassam [623] доказали, что изменения, происходящие в современных социальных институтах брака и семьи, которые являются центральными в государстве Эмиратов, отражают изменение отношения к традиционным гендерным ролям и гендерным отношениям, которые тесно связаны с нормами и ценностями в обществе. На основе данных опроса авторами было обнаружено, что арабские эмираты с большей вероятностью соответствуют «традиционным» нормам в отношении семейных ролей и семейных ценностей, чем неарабские эмираты или арабские и азиатские экспатрианты, хотя женщины арабского эмирата демонстрируют более «современный» взгляд на семейные ценности, чем их мужчины.

Кроме перечисленных мотивов, как отмечает С. В. Ковалев [151], целью вступления в брак является нахождение своей идентичности в партнере, т. к. молодежь (как специфическая группа) в большей степени ориентирована на межличностное взаимодействие и общение со сверстниками [15; 158; 196200; 200; 362]. Учеба, уходя на второй план, может рассматриваться как средство завоевания авторитета у сверстников [48]. Влияние социальных статусов на дружеские и романтические отношения доказали А. М. La Greca & Н. М. Harrison [516], проведя исследование на молодежной выборке (N=421 в возрастном диапазоне от 14 до 19 лет). Подобные результаты были выявлены в исследовании Н. Gerardy et al [461], которые представили данные о взаимосвязи активного взаимодействия молодых людей со сверстниками и высокого уровня просоциального поведения, а также хорошей социальной интеграции в группу. Согласно D. L. Arugo [391], аспиранты (темнокожие женщины, обучающиеся в университетах с преобладанием белокожих студентов) отмечали хорошие взаимоотношения со сверстниками в качестве механизмов поддержки. На основании чего автор делает вывод о влиянии взаимодействия со сверстниками на общее благополучие девушек. Согласно исследованию И. С. Кона [158], большинство старшеклассников (54 %) отмечают важным элементом взаимоотношений уважение со стороны одноклассников, причем процент ощущающих это уважение увеличивается к старшим классам. В то же время автор указывает, что кроме класса подростки активно взаимодействуют во множестве других референтных неформальных групп. Е. В. Митягина [232] в диссертационном исследовании, осуществленном 10 лет назад, выделяет характерные признаки референтных групп молодежи (N=790, возраст 14–30 лет): престижность (значимость) для личности; эталонность группы в оценке себя и окружающих; высокая степень влияния; оказание помощи в реализации жизненных стратегий. Важно отметить, что такой признак, как эталонность, предполагает некую ролевую заданность группы в качестве ролевой модели, что особо ценно в рамках настоящего исследования. В соответствие с выделенными признаками автор предлагает классификацию референтных групп современной

молодежи, среди которых автор называет семью, ближайшее окружение, профессиональные группы и досуговые группы, что также отражает те жизненные сферы, которые были нами обозначены в § 1.2 при построении интегральной модели социализации. Е. В. Митягина обращает внимание на зависимость вступления молодежи в ту или иную группу от условий развития общества, политики государства и личностной направленности. Особенности прошлого века характеризуются выходом на социальную арену «крутых» и «новых русских», ориентированных на феномен «сильной личности». Согласно автору, десять лет назад на первый план (по степени влияния на молодежь) выходили семья, друзья и ближайшее окружение личности, в то же время утрачивают свое влияние такие группы, как педагоги, политики, священнослужители, военнослужащие и т. д. На основании проведенного диссертационного исследования (N=130) Н. В. Недорезова [244] говорит о важности такой характеристики, как толерантность в эффективном межличностном взаимодействии старшеклассников, на которую оказывают влияние как личностные особенности подростков, так и характер восприятия ситуации (дружелюбные или провоцирующие конфликт). Автор выделила молодежные группы с разным уровнем толерантности:

1) респонденты с высокой толерантностью, общительные, ответственные, ориентированы на социальные нормы, но при необходимости могут отстаивать собственные ценности;

2) респонденты с высокой интолерантностью, характеризуются соперничеством, уверенностью в собственной неповторимости;

3) чрезмерно терпимые, приспособляются в решении конфликтных ситуаций, лишены собственного мнения, эмоционально сдержаны, терпимы к физическому, психическому дискомфорту.

И. С. Кон [158] приводит эмпирические данные о преобладающих мотивах дружбы у подростков, среди которых наиболее важными выступают ожидание взаимопомощи, верности, сочувствующего понимания, которые увеличиваются к старшему возрасту (50 % девушки и 40 % юноши). По результатам исследования

автор делает вывод об уверенности в общении у юношей и девушек при взаимодействии с родителями и сверстниками своего пола. При этом у юношей с возрастом предпочтение друга своего пола увеличивается до 86 %, тогда как у девочек наблюдается обратная тенденция – к 10 классу 65 % девочек хотели бы дружить с мальчиком.

Понимая межличностное общение как основу социального функционирования индивида, зарубежные исследователи рассматривают его через призму интеракции [468; 542]. Согласно G. H. Mead [542], интеракции являются главной составляющей социализации и ролевого поведения. С точки зрения отечественного представителя ролевой теории И. С. Кона [161], в юношеском возрасте происходит активное освоение различных областей, деятельностей и взаимоотношений, что способствует расширению исполняемых субъектом ролей. П. В. Носовым [249] в рамках диссертационной работы было показано, что исполнение социальных ролей имеет конфликтную природу, с одной стороны, оно инициирует творческую активность субъекта, способствуя его самосовершенствованию, с другой – становится преградой гармоничного развития, ограничивая свободу индивида ролевыми рамками. В работе С. В. Амирхановой [9] было доказано, что становление основополагающих элементов идентичности современной молодежи, ценностей, ролей, идеалов обусловлено, прежде всего, семейным окружением и друзьями. Успешная идентификация на этих уровнях обеспечивает эффективность социальных взаимодействий. В контексте межличностного взаимодействия многие американские подростки, по данным S. K. Johnson et al. [499], используют друзей в качестве ролевой модели. Н. А. Лукиной [206] было установлено, что для современной молодежи средством освоения социальных ролей и развития межличностного общения выступает Интернет, который обогащает и способствует психологической адаптации личности молодого человека. Е. В. Кочетов [172] подчеркивает, что привлекательность массовой информации для современной молодежи состоит в предоставлении возможности расширения «жизненного пространства» посредством увеличения социального

взаимодействия и выхода индивида за пределы повседневно выполняемых ролей. В этом контексте Е. А. Сайкиным [305] развивается идея ролевой мультипликации, под которой автор понимает умножение социальных ролей в ролевом наборе индивида и его трансформацию в информационном обществе, подразумевающим включение индивида во множество социальных групп. Вследствие значительного расширения коммуникативного пространства за счет открытого доступа и легкости получения информации в межличностном взаимодействии современная молодежь, активно использующая информационные потоки, живет в большей степени в виртуальном мире, а характерными ее социальными особенностями являются открытость, гибкость, лабильность, реализуемые в свободе выбора и принятия на себя социальных ролей. В свою очередь, подчеркивает автор, способность исполнения желанных ролей в широком коммуникативном пространстве связана с высоким моральным и материальным вознаграждением, что собственно обуславливает многомерную ролевую структуру современной молодежи. Н. А. Лукина [206] выделила молодежную специфику интернет-общения: а) у юношей преобладает мотив развлечения, эгоистичный и агрессивный типы в межличностных отношениях; б) девушки характеризуются интересом к человеку, поиском и оказанием моральной и эмоциональной поддержки, подозрительным и дружелюбным типом межличностных отношений; в) молодежь, обучающаяся на технических специальностях, чаще реализует авторитарно-эгоистические типы общения и деловой мотив. Использование интернет-общения, с точки зрения автора, позволяет преодолеть коммуникативный дефицит анонимности, автономности, публичности. К. О. Черняева [339] отмечает парадоксальность во взаимодействии приватного и публичного интернет-пространства, с одной стороны, социальные сети, представляя субъекта, работают на публичность, с другой – обеспечивают приватность личности. Эта парадоксальность тесно связана с двумя функциями социальных сетей: явная функция предполагает устранение дефицита общения, поиск и образование новых знакомств и восстановление старых связей; латентная обеспечивает формирование собственного мира. Привлекательными факторами

для пользователей социальных сетей в интернет-общении выступают, по данным автора, новизна информации, обнародование этой информации, численность пользователей этой информации, поднимающая рейтинг ресурса. Согласно К. О. Черняевой, все эти факторы реализуют мотив власти, имеющий полипирамидальную структуру, заключающуюся в праве голоса, праве создавать и редактировать правила. Понимая под виртуальным общением коммуникативное взаимодействие субъектов посредством компьютера, позволяющее действовать с воображаемыми и реальными объектами, Э. А. Игнатъева [118] определила три типа виртуального собеседника: деловой, социально-направленный, зависимый. Виртуальные коммуникативные умения, по данным автора, отличаются способностью к принятию и пониманию цифровой информации, оценке партнера по общению на основе виртуального портрета, к самопрезентации. М. А. Логинова [201] выделяет адаптивные функции социальных сетей, в которые включены молодые люди, многоканальность, многоуровневое взаимодействие, информационная и структурная открытость. К. В. Wright et al. [629] обнаружили, что социальные сети типа Facebook оказывают значимое влияние на компьютерную компетенцию, повышенную удовлетворенность социальной поддержкой и снижение показателей депрессии у студентов колледжа (N=361). Авторы предложили теоретическую модель с использованием метода структурных уравнений, доказали ее статистическую значимость на соответствие реальности ($p < 0,05$). Они рассматривали влияние межличностных и социальных интегративных мотивов как экзогенных переменных.

Исследователями признается, что молодежь как особая социально-возрастная группа, обладая инновационным потенциалом, интегрируясь в социальную структуру, осуществляет не только воспроизводство, но расширение и преобразование социокультурного пространства, используя свой интеллектуальный потенциал, который в данном возрасте достигает пика [190]. А. Анастаси приводит данные о росте умственных способностей у испытуемых от 15 до 30 лет [12, с. 309]. Автор отмечает дискретность развития интеллектуальной деятельности: точность зрительного восприятия и способность к логическому

мышлению достигают своего пика к 14 годам и начинают снижаться после 24 лет, в то же время словарные способности растут вплоть до 30 лет и остаются практически без изменений. По данным Г. Крайг [173], молодой человек использует свои интеллектуальные способности, чтобы сделать карьеру и избрать стиль жизни, при этом автор называет это время периодом достижения. Согласно проведенному исследованию М. А. Donati et al. [446], у подростков с высоким текучим интеллектом при столкновении с явным контекстом принятия решения выражена высокая способность рассуждать в вероятностных терминах, что увеличивает выбор наиболее эффективного решения. Это время очень важно для когнитивного развития молодого человека, считает Г. Крайг [173], т. к. индивид применяет свои способности решать проблемы и принимать решения в контексте его плана жизни, которые тесно связаны у значительного количества молодых людей с их профессией. Профессиональная сфера является важной составляющей социальной ситуации развития. В процессе интеграции в профессиональное пространство обретается профессиональная идентичность, влияющая на формирование личности. Согласно Т. Н. Ивановой [117], на образовательные и профессиональные планы современной молодежи оказывает влияние эмоциональная оценка будущего, формируя социально-трудовую мобильность. Исследуя профессиональную социализацию курсантов вузов ГПС МЧС России (N=909), В. А. Шубин [360] отмечает влияние на этот процесс образовательной среды как института социализации. Автором доказывается, что основными эффективными признаками профессиональной социализации курсантов выступают: интерес к профессиональной сфере и готовность к обучению; осознанность профессионального выбора и обучения; соответствие диспозиций профессиональным требованиям; высокая профессиональная мотивация; успешное трудоустройство и профессиональная карьера.

Выбор профессионального пути, по мнению Г. Крайг [173], зависит от многих факторов. Среди таких факторов автор выделяет влияние семьи, которое приводит к формированию у детей установок, потребностей, интересов, проявляющихся впоследствии в выборе профессии. Кроме того, семья служит

моделью определенного образа жизни и является источником формирования важных жизненных ценностей и убеждений. С. А. Hoffner et al. [488] исследовали влияние телевидения и семьи на привлекательность будущей профессии у первокурсников колледжа. Полученные результаты показали, что оба фактора играют определенную роль в формировании ценностей и устремлений, связанных с будущей работой. Респонденты интернализировали внутренние и внешние ценности работы, которые они воспринимали от своих родителей (экономическая составляющая, удовлетворенность работой, творческая активность, самоактуализация). Вместе с тем, привлекательность будущей работы у студентов, которые наблюдали за своими любимыми персонажами телесериалов в профессиональной сфере, основывалась, главным образом, только на внешних ценностях будущей профессии (профессиональная успешность, легкость труда, высокая заработная плата). Проведенное В. А. Шубиным исследование [360] показало, что профессиональная социализация специалистов ГПС МЧС России (N=150) обусловлена тремя группами факторов:

- на макроуровне (фактор престижа профессии; фактор имиджа офицера МЧС; экономические факторы; СМИ, система военного образования);
- на микроуровне (семья и образовательные технологии в вузе; субкультура военного);
- на личностном уровне (профессиональная культура, военно-патриотические ценности; мотивация выбора профессии и продолжения службы).

В исследовании К. Jaskyte [496] на предмет профессиональной социализации социальных работников (N=210) было установлено, что индивидуальная, инвестиционная и фиксированная тактики руководства приводят к снижению двусмысленности профессиональной роли и ролевого конфликта у начинающих специалистов. Характерными особенностями в профессиональной социализации, согласно Л. В Мардахаеву [218], выступает профессиональная идентификация – становление личностной тождественности субъекта с его профессиональным назначением. Автор выделяет несколько видов

профессиональной идентификации в зависимости от уровня включенности индивида в профессиональную среду: профессиональная идентификация обучаемого и профессиональная идентификация специалиста.

Еще одной причиной, в результате которой молодой человек делает свой профессиональный выбор, является, по словам Г. Крайг [173], Я-концепция. Утверждая себя в профессии, которая отвечает сложившимся у индивида представлениям о себе, он тем самым самоактуализируется. По данным С. J. Morgan [553], на формирование профессиональной идентичности молодежи влияет их взаимное перекрестное сотрудничество. Автор исследовала 18 выпускников медицинских учреждений, являющихся специалистами из шести различных областей, которые разработали свою профессиональную практику в рабочих условиях, с пересечением профессиональных границ. Результаты показали, что такое профессиональное взаимодействие и гибкие рабочие отношения с представителями других профессий привели к укреплению профессиональной идентичности посредством расширения знаний и навыков практики, выходящих за рамки их отдельных профессий во время совместной работы. Разделяет мнение о важности Я-концепции в профессиональном становлении молодежи Е. А. Копыця [164], которая выявила структурные компоненты модели профессиональной социализации:

- мотивационно-ценностный – фактор социально-профессиональной адаптации, направленный на освоение норм, стандартов и ценностей профессионального сообщества;
- содержательный – ориентированный на профессиональное самоопределение и обеспечивающий становление организационной культуры молодого специалиста;
- технологический – предполагающий овладение профессионально значимыми качествами;
- рефлексивно-оценочный, позволяющий выявить самоактуализацию в профессиональной сфере и становление профессиональной Я-концепции.

Е. П. Ильин считает, что сознательный выбор профессии происходит с ориентацией на имеющиеся у него социальные ценности [120]. Вообще выбор профессии, по мнению автора, является довольно сложным и долгим мотивационным процессом. Он выделяет три группы причин, которые заставляют человека заниматься трудом. Первая – побуждения общественного характера, предполагающие осознание необходимости приносить пользу обществу. Вторая – нахождение источника дохода для удовлетворения материальных и духовных потребностей. Третья группа причин – удовлетворение потребности в самореализации, оправдание смысла своего существования, творческая реализация, уважение окружающих. Е. В. Кабачевская, отмечая необходимость формирования профессионального интереса кадет, демонстрирует сложности в определении этого феномена, который понимают и как направленность личности, и как осознанную потребность [124]. Утверждая, что интерес базируется на потребностях, но не сводим к ним, Е. В. Кабачевская [124] предлагает рассматривать в качестве факторов, определяющих развитие профессиональных мотивов личности: смысловой компонент (интерес к профессии и потребность в самореализации); адаптивный компонент (ценность и престижность профессии, материальное обеспечение); деятельностный компонент (осознание социальной значимости профессии и определение своего места в ней). Именно с последним компонентом, по нашему мнению, имманентно связана интернализация ролей. Изучение S. L. Dailey [440] приспособления новых сотрудников к нескольким ролям показало, что в случае, когда на производстве в короткие сроки вводят новичков на несколько разных рабочих мест, то процесс профессиональной социализации происходит менее эффективно. Сравнение профессиональной социализации сотрудников во время их первого и второго изменения рабочих мест показали, что социализация таких сотрудников статистически значимо ($p < 0,002$) отличается от опыта сотрудников, работающих на одном месте. На основании полученных данных автор предлагает учитывать контраст между ролью и организационной социализацией. В контексте ролевого подхода выполнено диссертационное исследование Н. В. Гусевой [88], направленное на

изучение профессионального самоопределения курсантов. Автор считает, что профессиональное становление включает соотношение профессиональной роли и индивидуальности. Автор утверждает, что между Я-образом и ролевым образом профессии курсанта существует значимая связь. Н. В. Гусева [88] обнаружила значимые различия в ролевой структуре курсантов в зависимости от курса обучения ($p < 0,05$). Ролевое пространство курсантов первого курса характеризуется актуализацией роли «оптимист», «подчиненный», «добросовестный ученик», «исполнитель». У курсантов на втором курсе выражены такие ролевые позиции, как «интеллектуал», «универсал», «стрелок», «делопроизводитель», «эксперт-криминалист», «должностное лицо», «психолог», «научный исследователь», «творец». Курсанты третьего курса демонстрируют актуализацию следующих ролей: «эксперт-криминалист»; «судья»; «бюститель порядка»; «правозащитник»; «стрелок»; «организатор»; «универсал». На четвертом курсе, по данным Н. В. Гусевой, учащимися освоено и принято большинство профессиональных ролей: «следак», «опер», «судья», «психолог», «правозащитник», «организатор», «должностное лицо». Таким образом, можно наблюдать развитие профессионально-ролевого самоопределения с первого по четвертый курс, когда курсант постепенно, в процессе обучения определяет свое место в профессиональной области. Т. И. Кармазин [129], отмечая важность изучения ролевого поведения, считает его основным компонентом развития личности.

Э. С. Чугунова [342] классифицировала типы профессиональной мотивации: доминантный тип (интерес к выбранной профессии); ситуативный (зависит от ситуации); конформистский (оказывают влияние окружающие). Изучение ценностных ориентаций, связанных с трудовой деятельностью представлено в исследовании Л. С. Бляхмана, А. Г. Здравомыслова и О. И. Шкаратана [47], установивших, значимую роль перспективы карьерного роста для молодежи. Акцент на жилищных условиях ставят рабочие в возрастном диапазоне от 21 до 30 лет. В. А. Ядовым и А. Г. Здравомысловым [375] продемонстрированы зависимость мотивации и стажа. Важными факторами для молодого рабочего до

30 лет, выступают продвижение по карьерной лестнице, рабочие старше 30 лет преобладает разнообразие труда, для трудящихся старшего возраста характерна ориентация на комфортные условия труда. Современные исследования временного контекста в рамках профессиональной социализации молодежи, проведенные K. S. Herrygers & S. M. B. Wieland [486], демонстрируют особенности профессиональной социализации молодых людей при неполной занятости. Авторами было выявлено влияние внешних вознаграждений, таких как зарплата и вербальное признание их работы, так и внутренних (уровень самооценки молодых людей). На основании проведенного исследования авторы утверждают, что организационная культура и отношения с руководителями были решающими для эффективной профессиональной социализации молодежи. По данным Е. П. Ильина [121], занятость женщин профессиональным трудом стремительно росла на протяжении всего XX в. На социальную адаптацию молодых женщин в определенных сферах занятости, оказывают влияние внутренние факторы, такие как направленность личности, а также особенности взаимоотношений коммуникативного, эмоционального и интеллектуального компонентов. К внешним факторам, способствующим эффективной профессиональной социализации женщин автор относит этнокультурные традиции полоролевого поведения, родительские сценарии воспитания, образование.

Согласно Б. Г. Ананьеву, психологическую природу развития человека необходимо рассматривать сквозь призму социального и жизненного опыта личности. Автор находит, что глубокие связи между различными функциями и процессами включены в общие социально-психологические структуры и зависят от степени развития личности, ее статуса и включенности в группу [10]. С точки зрения D. M. Hatmaker [484], включенность в группу, или организационная социализация, – это процесс, с помощью которого новые сотрудники осваивают знания, навыки и ценности, необходимые для того, чтобы стать членами организации. В исследовании P. E. Madlock & R. M. Chory [527] были рассмотрены взаимоотношения между организационной социализацией и

организационной приверженностью сотрудников, вовлеченностью в работу, неоднозначностью роли, отчуждением от работы. Участниками исследования выступили 318 работающих менее года молодых людей из различных организаций. Полученные результаты показали, что организационная социализация положительно предсказывала организационную приверженность и участие в работе, двусмысленность роли и отчуждение от работы. Было установлено, что респонденты с успешной организационной социализацией отличаются высокой организационной приверженностью и активностью в работе, низкой конфликтностью роли и отчуждением от работы. Влияние этнического фактора на процесс организационной социализации был доказан в исследовании зарубежных коллег. R. Claes et al. [426] сравнили профессиональную социализацию венгров (N=122) и румын (N=193) в Трансильвании, измеренную при помощи теста Organizational Socialization Inventory OSI (R. J. Taormina), включающего четыре шкалы: обучение, понимание, поддержка со стороны работников и перспективы на будущее. Кроме того, авторы изучали эффективность организационной социализации с точки зрения удовлетворенности работой на мировом рынке. Результаты исследования показали, что между венграми и румынами в отношении «понимания» и «будущих перспектив» не было обнаружено статистически значимых различий ($p > 0,05$). Факторы «обучение» и «поддержка со стороны рабочих» были оценены значимо ниже респондентами из Венгрии по сравнению с респондентами из Румынии ($p < 0,001$). Вместе с тем в обеих этнических группах «обучение» и «будущие перспективы» способствовали удовлетворенности работой на международном уровне. Кроме того, «понимание» было положительно связано с удовлетворенностью работой на международном уровне в выборке венгров. Не было обнаружено статистической связи между переменной «поддержка со стороны сотрудников» и удовлетворенностью работой на международном уровне.

2.2. Проблемы ролевой социализации личности при интеграции в социальное пространство

Подходя к анализу проблемы формирования личности в процессе ролевой социализации, можно отметить, что современная социальная ситуация для субъекта обрисовывается как высоко неопределенная, вследствие чего происходит размывание статусов и социальных границ. Т. А. Топеха [322] отмечает, что рыночные реформы привели к регрессу социально-гражданских ценностей и превалированию материальных ценностей («связи» и «деньги»). Поведение субъекта в подобных условиях характеризуется стратегиями, направленными на адаптацию и совладание с неопределенностью и жизненными трудностями. Делая акцент в изучении социализации на интеграции как на важном моменте включения личности в социальную реальность, необходимо отметить, что теоретические представления об интеграции в целом отражают ее междисциплинарный характер с учетом многоаспектности, вариативности и контекстуальности социального знания. Понятие интеграции выступает одним из важнейших в контексте социального развития и представлено неотъемлемой сущностью целевых установок как социальной группы и сообществ, так и отдельной личности. С одной стороны, интеграция рассматривается как состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое, с другой – как процесс, определяющий такое состояние [309]. А. Giddens and P. W. Sutton [463] раскрывают социальную интеграцию в аспекте процесса взаимодействия. Авторы выделяют системную интеграцию, составляющую взаимодействие групп, коллективов, и социальную, представляющую взаимодействие между субъектами действия. Согласно взглядам Т. Парсонса [255], центральным в процессе социальной интеграции выступает интернализация культуры того общества, к которому относится индивид, усваивая общие ценности или аксиологические паттерны в процессе взаимодействия со значимыми другими. Следование общезначимым нормам и правилам становится частью мотивационной структуры

индивида, его потребностью. Э. Дюркгейм подчеркивает специфичность характера социальной интеграции, так как его тенденции обусловлены конкретной социальной ситуацией, поведением окружающих и видом деятельности. При этом уровень социальной интеграции определяется степенью испытываемого субъектом чувства принадлежности к той или иной социальной группе на основе разделяемых норм, убеждений и ценностей. Вместе с тем Э. Дюркгейм [102] выделяет ряд патологических процессов, нарушающих целостность общества, в том числе состояние аномии, при котором нарушается взаимодействие, происходит распад норм, ценностей и т. д. В то же время ученый рассматривал девиации (представляющие возможность нормальной эволюции морали и права) как признак здорового общества.

Рассматривая молодежную субкультуру как значимую составляющую современного общества, исследователи обозначают тенденции к маргинализации молодежных групп, что усугубляется невозможностью предсказать «точки бифуркации» кризисными явлениями подросткового периода, наличием конфликтных взаимоотношений со значимыми взрослыми и т. д. [276; 277]. Вместе с тем в определении социально-психологической характеристики современной молодежи приводятся положения, допускающие разобщение индивидуальной картины мира с социальной картиной мира. Выстраивая интегральную периодизацию субъективной реальности, В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев относят период молодости к ступени индивидуализации, отмечая, что кризисный период юности (17–21 год) включает самоопределение и поиск своего места в социальном пространстве: «Центральной проблемой молодого человека является нахождение индивидуального, подлинно собственного отношения к социальной реальности, к своей культуре...» [315, с. 323]. В поисках индивидуальных способов самовыражения и самореализации молодые люди, создавая сложные субкультурные группы, реализуют бунтарские стремления в различных социальных сферах. Вероятность более сложного и длительного процесса социального становления молодежи обусловлена усложнением структуры общества в целом [150; 256; 345]. Проблемы социальной интеграции

молодежи в трансформирующемся обществе разрабатывались в работах отечественных исследователей (И. М. Ильинский, В. С. Магун, Т. Н. Кухтевич, В. А. Ядов, Г. М. Андреева и др.). Согласно Е. В. Змановской [111], оценка и регуляция социального поведения субъекта осуществляется через призму социально-нормативных критериев, представленных в конкретном обществе на современном этапе развития. В то же время трансформация социальной среды обуславливает изменение действующих в нем правил, установок и ценностей, что усложняет соподчиненность собственного поведения социальным нормам и ценностям. С. А. Гальцев [67] отмечает, что современная молодежь характеризуется тенденцией к увеличению и умножению различных девиаций, среди которых особое место занимают дезинтеграция и синдром деструктивности. Увеличение девиантных форм обусловлено рядом факторов. Оценка Н. J. Sung, D. L. Espelage, P. R. Sterzing [602] влияния неблагоприятных средовых условий (экология) на межличностные отношения со сверстниками у подростков в возрасте от 12 до 14 лет (коэффициент множественной иерархической логистической регрессии) показала, что наличие конфликтных взаимоотношений со сверстниками связано с неблагоприятными социально-демографическими условиями, восприятием школьной среды и области проживания как угрожающей и неблагоприятной. Е. В. Кочетов [172] указывает на наличие мировоззренческого вакуума в обществе, который выступает одним из негативных факторов социализации современной молодежи. В отсутствие идеалов и ценностей, утверждает автор, невозможно как личностное, так и профессиональное становление. Проведенное автором исследование продемонстрировало противоречивый характер социализации современной молодежи, которая направлена, с одной стороны, на поиск смысложизненных ценностей и нравственных идеалов, с другой – отрицает духовно-нравственные ценности общества, ориентирована на агрессию, преступность, наркотизацию, насилие и проституцию.

С точки зрения Е. Н. Волковой с соавторами [62], проблемы социализации современной личности обусловлены так называемой ускоренной социализацией,

которая характеризуется ранним освоением социальных ролей по сравнению с прошлым поколением: ранняя трудовая деятельность, ранняя девиация, раннее вступление в сексуально-интимные отношения. По данным Всемирной организации здравоохранения (2012 г.) [543], подростки и молодые люди могут столкнуться со многими рисками сексуального и репродуктивного здоровья, связанными с ранней незащищенной или нежелательной сексуальной деятельностью. Например, раннее начало сексуальной активности увеличивает время, в течение которого подростки подвергаются риску заражения, передаваемого половым путем, или незапланированной беременности. Также риски раннего начала сексуальной жизни могут быть связаны с беременностью, особенно если подростки и юноши не владеют или игнорируют информацию об использовании контрацепции. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (2015 г.), ежегодно около 21 миллиона девушек в возрасте от 15 до 19 лет и 2 миллиона девушек в возрасте до 15 лет беременеют в развивающихся регионах, примерно 16 миллионов девочек в возрасте от 15 до 19 лет и 2,5 миллиона девочек в возрасте до 16 лет ежегодно рожают в развивающихся регионах, осложнения во время беременности и родов являются основной причиной смерти девушек в возрасте от 15 до 19 лет во всем мире, каждый год около 3,9 миллиона девочек в возрасте от 15 до 19 лет подвергаются небезопасным абортам [608]. Материалы исследований L. Vaams et al. [393] отражают тот факт, что ранняя сексуальная активность у девочек может приводить к увеличению числа случаев инфекции или незапланированной беременности, что, согласно исследованиям B. Maswikwa, L. Richter, J. Kaufman & A. Nandi [535], увеличивает смертность. Как отмечают S. Girma & D. Paton [467], уровень подростковой беременности несколько ниже в странах с высоким и средним уровнем дохода.

По данным E. S. W. Feldstein et al. [453], фактором риска ранней половой жизни и употребления психоактивных веществ выступает нейронная активация. Проведя исследование взаимосвязи между ответами головного мозга и рисками в прошлом на 95 американских респондентах с высоким асоциальным риском (14–

18 лет, возраст $M=16,29$ года), авторы обнаружили отрицательную корреляцию между употреблением психоактивных веществ и ответами на мозг (особенно в левой нижней лобной извилине и правой изолированной оболочке) и положительную – между рискованным сексом и мозговыми ответами в правой нижней лобной извилине и левой средней затылочной извилиной во время реакции ингибирования ($p<0,001$). На основании полученных данных, авторы делают выводы о том, что рискованное сексуальное поведение или употребление психоактивных веществ связаны с нейронной активацией в головном мозгу, которая с трудом поддается в подростковом возрасте когнитивному контролю, а также их способности оценивать социальные последствия этого поведения. Это соответствует результатам S. J. Blakemore, and K. L. Mills [403], демонстрирующих особенности учета подростками социальных факторов при оценке рисков для здоровья. Среди сексуальных рисков можно отметить сексуальное насилие, которому подвергаются как девушки, так и юноши. Согласно данным П. И. Сидорова и Г. Б. Дерягина [312], проводившим обзор зарубежных исследований относительно сексуального насилия, возрастной диапазон жертв насилия в разных странах варьируется от 16 до 28 лет, это в основном девушки, являющиеся студентками университетов. В результате сплошного анализа 279 актов и заключений экспертов и анонимного опроса 614 студенток и 428 студентов (возрастной диапазон – 21–28 лет), проживающих в северных областях России, авторами было выявлено, что наиболее рискованный возраст – 14–17 лет, после чего риск начинает заметно снижаться. Самый криминогенный сезон – лето и (немногим в меньшей степени) весна и осень. Преступная активность насильственных действий приходилась на возраст 18–25 лет, 19 % составили несовершеннолетние, тогда как покушение на изнасилование в основном совершали 14–17-летние. Среди факторов риска авторы называют такие показатели, как низкое экономическое положение и образование. Сниженный социокультурный уровень, как считают R. Ballester-Arnal et al. [396], порождает неполноценность, психологические и сексуальные комплексы, в том числе формирование нездоровой сексуальной идентичности. По результатам

исследований авторы делают вывод о том, что сексуальные насильники имеют более низкий интеллект, низкий социокультурный статус, что обуславливает их социокультурную изоляцию и нарушение социализации.

Кроме физиологических аспектов рисков социализации молодежи, по данным зарубежных исследований, представляющих богатый фактический материал относительно проблем социализации личности, были выявлены психосоциальные факторы, которые предшествовали началу полового сношения подростков, употреблению алкоголя, делинквентности и школьным проблемам. В продольном исследовании M. Zimmer-Gembeck & M. Helfand [633] сексуального поведения подростков были обнаружены корреляционные связи между половым актом и возрастом, полом, этнической принадлежностью ($p < 0,001$). Кроме того, авторы установили, что начало полового акта подростка положительно коррелировало с депрессивными симптомами (особенно для девочек, характеризующихся ранней сексуальной активностью). M. Zimmer-Gembeck and M. Helfand [633] доказали, что молодые люди имели большое количество сексуальных партнеров в возрасте 16 лет, если они были более физиологически развиты (например, выглядели старше), чаще употребляли алкоголь. Для представителей мужского пола пик сексуальных партнеров приходится на возраст от 16 до 26 лет. В исследовании П. И. Сидорова и Г. Б. Дерягина [312] сообщается о незначительном превышении роста, как у жертв насилия, так и у насильников в отличие от условной нормы, но при этом авторы отмечают недостоверность различий. Значимые различия авторы получили по отношению к собственной бисексуальности (фемининность у насильников и маскулинность у жертв преступления), в сексуальном просвещении в семье и увлечении порнографией как жертвами, так и насильниками. Были обнаружены различия в снижении возрастного дебюта первого полового акта жертвами, употреблении спиртной и наркотической продукцией жертвами и насильниками ($p < 0,05$). На основании полученных данных П. И. Сидоров и Г. Б. Дерягин [312] делают вывод о влиянии на сексуальные девиации комплекса скрытых архаических потребностей, компенсации и доказательства «правильности» своей сексуальной идентичности,

компенсации в получении биологических и психологических удовольствий. В работах, касающихся сексуального поведения подростков, подчеркивается влияние различных гормональных профилей и связанных с ними гендерных различий. В статье S. R. Skinner et al. [595] также отмечается, что в дополнение к гормональным факторам девушки больше подвержены влиянию психосоциальных факторов, включая влияние сверстников, чем мужчины ($p < 0,05$). Авторы на значительной выборке подростков ($N=1\ 200$) в возрасте 17 лет обнаружили, что поведенческие проблемы (например, агрессивное и антисоциальное поведение) с 5-летнего возраста у мальчиков и 10-летнего у девочек были значительным фактором риска для вступления в половой контакт в раннем возрасте. По данным Е. И. Чураковой М. В. Сапоровской [344], женщин, пострадавших от секс-траффикинга, можно подразделить на четыре группы в зависимости от психоэмоционального статуса. В первую группу вошли девушки с обесцениванием себя и окружающих, но при этом имеющие положительное отношение к друзьям. Вторая группа характеризуется отрицательным отношением к сексу и мужчинам, но положительно относится к отцу и друзьям. Третью группу отличает отрицательное отношение к отцу при идеализации матери. В четвертую группу вошли девушки с негативным отношением как к ближайшему, так и к отдаленному социальному окружению. Д. В. Воронцов [63] в рамках диссертационного исследования установил, что мужчины с гомосексуальной полоролевой идентичностью ($N=60$, возраст $M=24$ года) ориентированы на процесс межличностного взаимодействия, тогда как мужчины с устойчивой гетеросексуальной идентичностью ($N=48$ в межличностном общении ориентированы на достижение результата ($p < 0,001$). Личностные диспозиции (эмоциональность, мягкость и гибкость) в сочетании с внутренней дисциплинированностью, склонностью к компромиссам и малой зависимостью от гендерных стереотипов определяют особенности паттернов межличностного общения и поведения у мужчин с гомосексуальной идентичностью, тогда как полоролевые диспозиции гетеросексуальных мужчин отличаются маскулинным набором социально-психологических черт (жесткость, практичность и

озабоченность), с ориентацией на гендерные стереотипы. На основании проведенного исследования автор пришел к выводу, что такая форма девиации, как гомосексуальный промискуитет, детерминируется страхом социальной изоляции, неподтверждением гомосексуальной идентичности, которая выражена в паттернах межличностного общения и поведения гомосексуалистов. Социально-психологическая дезадаптация является индикатором фрустрированных потребностей и служит средством решения психологических проблем в области межличностных и супружеских отношений гомосексуалистов. Вместе с тем необходимо отметить, что современная ситуация регистрации гомосексуальных браков в России и в мире различается, т. к. российский семейный кодекс не предусматривает регистрацию однополых браков в отличие от некоторых западных стран. Это, собственно говоря, создает проблему в понимании отношений между однополыми супругами со стороны общества и закона, когда последние пытаются зарегистрировать свои отношения в других странах.

Среди гетеросексуальных пар также немало проблем в семейной сфере. Неудачно сложившиеся взаимоотношения, как отмечают исследователи, занимающиеся вопросами брака и семьи [7, 199; 236; 306; 343], негативно влияют на личностное развитие. По данным Всероссийской переписи населения за 2016 год [64], 9,8 % женщин развелись официально и 1,8 % разорвали свои отношения с партнером в незарегистрированном браке. Мужчины, в отличие от женщин, оказались менее подвержены разводам, по данным статистики, 4,9 % прервали официальные отношения и 1,2 % разошлись в неофициальном браке. Результаты проведенного Л. Ф. Чукмаровой [343] исследования демонстрируют, что к основным мотивам развода (по сравнению с 1987 г.) в 2006 г. добавились такие факторы, как употребление психоактивных веществ и неоправдавшиеся полоролевые экспектации в семейных отношениях, полоролевая неадекватность, внебрачные связи, утрата чувств. Несмотря на то, что в настоящее время отношения мужчин и женщин в семье стали в большей степени равноправными, во многих случаях в худшем положении оказывается жена, особенно если она работает. По данным М. Е. Баскаковой [36], работающая женщина испытывает

ролевой конфликт, разрываясь между работой, детьми и супругом. Совокупность симптомов психической напряженности образует, так называемый синдром деловой женщины, сопровождающийся чувством вины. Проблемы молодой семьи обусловлены, с точки зрения Д. О. Бондаренкова [50], рядом разноуровневых факторов: глобальными социальной рационализацией; реформированием всех сфер общественной жизни в России; социально-экономическими кризисами современного российского общества. Отмечая трансформацию ценностей молодой семьи в России, автор указывает их зависимость от экранной культуры (клиповое сознание) и искусственной детрадиционализации (желание быть не похожими на своих родителей), что формирует негативный фон для создания молодой семьи. На основании обширных материалов исследования Н. А. Ростовская [298] утверждает, что на деструктивную трансформацию семейных ценностей оказывают влияние нравственные установки, интернет-среда, реклама, которые приводят к кризису идентичности, идеализации брачного поведения, искажению гендерных и супружеских ролей. Р. С. Юмагузиным [365] обсуждается влияние внешних факторов в современном трансформирующемся обществе на дезинтеграцию молодой семьи, что обуславливает возрастание тенденции распада и деформации этих семей. На увеличение уровня социальной интеграции, под которой автор понимает степень осознанной готовности к созданию семьи и к профессиональной деятельности, влияют социально-экономические условия Российского общества и изменения в гендерных ролях. По данным автора, удельный вес молодых мужчин, испытывающих тревогу по поводу их состоятельности в выполнении традиционной роли мужа как добытчика, возрастает. Молодые женщины стремятся в свою очередь активно реализовать себя в профессиональной сфере, но не уверены в стабильном заработке и желают видеть в будущем муже материальную опору. На социокультурную интеграцию молодой семьи, с точки зрения автора, кроме внешних факторов влияют и внутренние характеристики личности, выражающиеся в неспособности приспособливаться друг к другу, нежелании ограничивать собственную свободу, несовпадении интересов и увлечений

партнеров. Согласно Н. В. Кулагиной [181], гендерный конфликт профессиональной роли сопровождается негативными переживаниями, конфликтной самооценкой, личностной и профессиональной дезадаптацией. J. C. Weidman et al. [630] на выборке студентов (мужчин и женщин) китайских инженеров проводил исследование взаимосвязи между гендерным ролевым конфликтом, интернализацией профессиональной роли и волевыми намерениями в освоении профессиональной роли. В результате авторы обнаружили, что волевые намерения были в значительной степени связаны с гендерными ролевыми конфликтами и интернализацией профессиональной роли. Согласно исследованиям, проведенным X. Yang et al. [630], направленное упорство китайских студентов обусловлено гендерными ролевыми конфликтами и интернализацией профессиональной роли. Для студентов-мужчин конфликт гендерной роли и интернализация профессиональной роли были детерминированы упорством. По мнению И. В. Пресняковой-Осиповой [286], кризис современной семьи как ценности обусловлен не только социально-экономическими сложностями, но и изменением социально-ролевых установок. Проблемы социальной интеграции личности в условиях трансформации и кризиса российского общества затрагивает в своей диссертационной работе М. В. Науменко [242], отмечая кризис гендерной идентичности современного подростка. Автор фиксирует, что неопределенность социально-полового самоопределения подрастающего поколения обусловлена толерантным отношением к смене пола как на уровне государства, так и на мировом уровне. С точки зрения М. В. Науменко, делегитимизации традиционных гендерных ролей приобрела масштабы целого социального явления, оказывая серьезное влияние на зыбкость гендерной идентичности современных молодых людей. Автор рассматривает гендер как феномен, обусловленный как внешними социокультурными детерминантами (семья, система образования, СМИ, рынок труда, массовая культура и т.д.), так и внутренними – индивидуальные социально-психологические установки и мотивации. Согласно проведенному автором исследованию, гендерная идентичность подростков находится в зависимости от

гендера «значимого» родителя, от типа профессиональной деятельности «значимого» родителя. Фиксируя проблемы гендерной идентичности современной личности, автор указывает на серьезное противоречие между жестким разделением и трансляцией институтом семьи и средствами массовой информации маскулинности и феминности, а также размытой гендерной дифференциацией подростков. Согласно проведенному автором социологическому исследованию, большинство современных подростков обладает смешанным типом гендера – андрогинным. Причину такого противоречия М. В. Науменко видит в информационно-перенасыщенном социуме, что обуславливает, с одной стороны, увеличение роли массовых средств в освоении подростками полоролевых норм и моделей поведения, с другой – разрыв в межпоколенческих связях в семье. Причем многоаспектность современной массовой культуры формирует мозаичную гендерную роль молодежи. Г. Ф. Шакирова убедительно доказала, что внутриличностный гендерный ролевой конфликт не связан с полом и образованием. У женщин (N=292) гендерный конфликт распространяется на все сферы ($p < 0,01$), тогда как у мужчин образовывается в отдельных сферах: семейной (дети, дом) и профессиональной (работа). Проявление внутриличностного гендерного конфликта у мужчин увеличивается при ориентации на себя (завышенные притязания и требования к себе) и при низкой самоактуализации, а у женщин – при ориентации на успешную жизнь, высокой выраженности перфекционизма ($p < 0,05$). На основании полученных результатов Г. Ф. Шакирова делает вывод, что чувство вины за несоответствие гендерным стереотипам выступает механизмом внутриличностного гендерного ролевого конфликта. Т. Л. Крюковой и М. В. Сапоровской [177] показаны проблемы, связанные с ролевым конфликтом женщины-руководителя. Двойная занятость (работа и семья) порождает ролевою перегрузку и, как следствие, приводит к ролевым конфликтам. Ролевые конфликты и стрессовое состояние связаны, по мнению авторов, с традиционным восприятием двух разнонаправленных ролей женщины: семейная (статус замужней женщины), профессиональная (статус незамужней женщины).

Относительно полоролевого несоответствия еще в конце прошлого столетия рассуждали Ю. Е. Алешина и А. С. Воловин [7], которые сформулировали ряд проблем в становлении гендерной идентичности мужчины и женщины. Мужчины испытывают сложности в формировании гендерной идентичности вследствие изначальной погруженности в фемининную среду (общение с матерью в первые годы жизни традиционно составляет гораздо большее время, чем с отцом). Отсутствие инициации в подростковом возрасте, позволяющей восстановить маскулинное начало в мальчике, которая свойственна «примитивным» сообществам, приводит к полоролевому конфликту. По сравнению с мужчинами, особенности усвоения женской идентификации находятся в лучшем положении, т. к., по мнению авторов, «она с самого начала имеет соответствующую ее полу ролевую модель, поэтому ей в дальнейшем не придется отказываться от своей первичной идентификации с матерью. Врачи, воспитатели детского сада, учителя только помогут ей сформировать адекватный образ себя как женщины» [7, с. 77]. Тем не менее, Е. Ю. Алешина и А. С. Воловин, основываясь на исследованиях, указывают на наличие специфических проблем в отношениях девочки с матерью, которые имеют серьезные последствия для ее полоролевой социализации. К ним авторы относят симбиотические отношения с матерью, когда мать склонна воспринимать дочь как свое продолжение, и ребенок не воспринимает себя как отдельного субъекта. Влияние традиционных культурных образцов также не способствуют привлекательности женской роли. Многочисленные исследования литературы и телевизионных передач для детей, как отмечают авторы, показали, что наиболее важной характеристикой образа женщины является его незаметность. Таким образом, можно констатировать, что современное общество характеризуется проблемами в усвоении гендерных ролей: для мужской половины гендерная идентификация проходит в результате «дефеминизации»; для девушек, наоборот, фемининная роль в большинстве случаев представляется непривлекательной по сравнению с притягательным миром мужчин. Данное, по мнению В. И. Грошева [87], наглядно отражено в рекламе, где образ женщины приобретает все большую маскулинизацию с компенсаторной ненавистью к

мужчине, не переставая при этом желать разорвать симбиотические отношения с матерью. По нашим данным [93; 264], такая реклама в большей степени эксплуатирует архетипический образ Ведьмы. Применение многомерного шкалирования к восприятию рекламных роликов позволило нам установить, что одной из категориальных осей рекламы выступает ось «Принадлежность/Искушение», при этом на полюсе «Искушение» сконцентрированы рекламные ролики содержащие женский образ искусительницы (реклама женской бритвы «Венус», туалетной воды «Диор», «Гучи» и «Дики & Уайт»). Это позволило нам предположить, что в данных роликах могут быть задействован архетип Ведьмы, характеризующейся склонностью к манипуляции, следованию своим интересам, самостоятельностью, мистицизмом, сексуальной доминантностью.

В этой связи можно утверждать, что важным моментом на современном этапе развития общества выступает кризис гендерной идентичности как социокультурное явление, которое влечет за собой размытость и мозаичность гендера, подробно рассмотренные нами в § 1.2. И. В. Преснякова-Осипова [286] предлагает ряд социальных направлений, позволяющих оптимизировать аспекты жизнедеятельности семьи: привлечение к решению проблем семьи государственных, региональных, местных ресурсов; осуществление мониторинга ее самостоятельной жизнедеятельности (статус, материально-экономическое положение, физическое здоровье, уровень благополучия, социальные потребности); выстраивание социальной поддержки со стороны государственных структур в кризисной ситуации; повышение ценности семьи среди молодежи. Определяя семью как один из значимых факторов, обуславливающих успешную социальную идентичность современной молодежи, С. В. Амирханова [9] предполагает, что в условиях социальной травмы механизм формирования социальной идентичности включает цепочки последовательных социальных процессов:

- 1) социальная категоризация (структурирование социального пространства, характеризующегося в условиях травмы нарушением);

2) социальная адаптация (включает варианты преодоления травмы и ее последствий);

3) социальная номинация (происходит обозначение социальной позиции и сопряжение индивида с определенной социальной категорией);

4) социальная идентификация (субъект отождествляет себя с социальной позицией);

5) социальная идентичность (предполагает полное социальное отождествление).

Важно принять во внимание, что определенные С. В. Амирхановой механизмы социальной идентификации современной молодежи близки к механизмам социализации личности, описанные нами в § 1.2. Так, социальная категоризация тождественна инкультурации, предполагающей познание культурного наследия в виде символов, образов и оформление воспринятого материала в упорядоченное множество. Механизм социальной адаптации отражает усвоение социальных норм, ролей и социальных позиций и регуляцию собственного поведения в соответствии с ними. В качестве критического замечания отметим некоторую неопределенность в трех последующих механизмах, представленных С. В. Амирхановой. В частности все три механизма предполагают отождествление индивида с той или иной социальной позицией, и если последний механизм, название которого практически повторяет название четвертого, отличается от двух предыдущих, по всей видимости, степенью, то третий и четвертый можно дифференцировать только по названию, а по сути, они абсолютно идентичны. В этой связи можно усомниться в особой смысловой нагрузке трех последних механизмов, которые можно объединить в один – идентичности и присвоения личностью социальных позиций.

В период молодости, по мнению Г. Шихи [353], индивиды сталкиваются с вопросом, как удержаться в мире взрослых. Их волнуют проблемы, связанные не только с созданием семьи, но и со становлением профессионального пути. Центральными возрастными новообразованиями молодого человека принято считать семейные отношения и чувство профессиональной компетентности.

Перешагнув порог взрослости, многие молодые люди испытывают немалые трудности, пытаясь твердо встать на ноги в трудовой и семейной жизни. Успешное совмещение работы и семейных обязанностей – одна из главных проблем молодости. На выбор профессии влияет множество причин. Сознательный выбор профессии происходит с ориентацией на имеющиеся у человека социальные ценности. Фактом, препятствующим профессиональной социализации, по мнению Е. Н. Волковой с соавторами [62], выступает как ускоренная социализация, так и запаздывающая социализация, связанная с увеличением образовательного пути современной молодежи. Длительный образовательный маршрут приводит к инфантилизации молодежи, откладыванию усвоения роли взрослого человека (роль родителя, профессиональные роли и пр.), снижению самостоятельности и ответственности. Исследуя региональное состояние социально-трудовой мобильности современной молодежи, Т. Н. Иванова [117] в качестве особенностей называет доминирование социально-профессионального инфантилизма, конфликт между профессиональными планами молодежи, уровнем образования и требованиями рынка труда, несогласованностью профессионального выбора молодежи и выбором профессии, отсутствием профессионально-трудового опыта и ориентацией на заработную плату. Автором отмечается ряд проблем интеграции современной молодежи в профессиональную сферу, которые ограничивают социально-профессиональные роли молодежи. Среди таких проблем автор выделяет увеличение требований к профессиональным качествам трудящихся, приоритет при приеме на работу для кандидатов с опытом работы, снижение ценности высшего профессионального образования. Это приводит у молодежи к трудностям при реализации в желаемой профессии и устройства на работу с выгодными условиями, пренебрегая перспективами профессионального роста. В работе T. Pei-Lee et al. [573] рассматриваются многомерные и посреднические отношения между шестью методами управления качеством (TQM), ролевым конфликтом и неоднозначностью роли у 422 молодых сотрудников фирм, сертифицированных по ISO в Малайзии. Результаты моделирования структурных уравнений показали,

что более высокий уровень управления процессами и анализ информации приводят к более низкому уровню ролевого конфликта. С другой стороны, концентрация на качестве человеческих ресурсов актуализирует более высокий уровень ролевого конфликта. Стратегическое планирование отрицательно связано с неоднозначностью роли. Конкуренция и конфликт интересов с клиентами определяются как независимые переменные (экзогенные) и положительно связаны с неоднозначностью роли. Таким образом, в результате построения модели авторами установлено, что ролевой конфликт обусловлен такими взаимосвязанными переменными: сосредоточенность на человеческих ресурсах и двусмысленность роли; управление процессом и неоднозначность роли; анализ информации и неоднозначность роли. Н. В. Гусева [88] на основе проведенного исследования делает вывод, что на первом и втором курсе учащиеся характеризуются ролевым конфликтом в межличностных отношениях, тогда как курсанты последнего курса обучения демонстрируют ролевой конфликт в личностной сфере, который, по мнению Н. В. Гусевой, обусловлен потребностью в самостоятельности. Межличностный ролевой конфликт у военнослужащих, с позиции Е. Г. Баранова [32], отражает динамическое состояние ролевых взаимоотношений в ответ на неспецифический внешний стимул. С точки зрения автора, ролевой конфликт возникает в результате несоответствия ролевых взаимоотношений требованиям новой ситуации. Е. Г. Баранов выделяет три типа ролевых противоречий: функциональные и операциональные (возникают по поводу служебных задач) и внутриличностные. В своем диссертационном исследовании автором было выделены роли и описаны с позиции их конфликтности. Так, к низко конфликтным ролям автор относит роль «миротворца», «исполнителя», «лентяя» и «администратора». «Поборник справедливости», «проходимец», «пересмешник», «критик», «бунтарь» и «хранитель традиций» являются среднеконфликтными. Высококонфликтными ролями выступают «организатор», «генератор идей», «учитель», «мастер». Вызывает интерес, что в исследовании Т. И. Кармазина [129] спустя почти десять лет доказывается, что роли, отмеченные Е. Г. Барановым как

высококонтрастные, относятся к группе конструктивных ролей («организатор», «генератор идей», «учитель», «мастер»), к ним автор еще добавляет «белую ворону». Группу нейтральных ролей составили «исполнитель», «критик», «молчун», «весельчак», «собиратель оценок». А вот среди деструктивных ролей автор называет «дезорганизатора», «демагога», «пересмешника», «безразличного», «лентяя» и «козла отпущения». Таким образом, результаты двух исследований с интервалом в девять лет демонстрируют определенную несогласованность, которая возможно обусловлена как временным фактором, так и различием в выборках. Тем не менее, с нашей точки зрения, результаты исследования Т. И. Кармазина в большей степени отражают ролевые взаимоотношения военнослужащих.

Кризисные явления, выражающиеся в реформах, мировых угрозах террористического и экстремистского характера, обуславливают неустойчивость мировоззренческих установок современной молодежи, которые с легкостью вступают в различные группировки, носящие криминальный характер [605]. По мнению Ю. А. Парфенова [182], девиантное поведение современной молодежи выступает в качестве компенсации и защиты в условиях переживания критических ситуаций. Иначе говоря, в критической ситуации индивид характеризуется увеличением внутреннего напряжения, в результате происходит снижение установки на социально желаемое поведение, и субъект непроизвольно совершает действия неадаптивным способом. Следует отметить, что в группу риска попадает молодежь с проблемами в межличностных контактах. Факторами, усугубляющими трудности в межличностных отношениях, выступают конфликты с учителями [622], деструктивные взаимоотношения в семье [520; 593], злоупотребление психоактивных веществ [607], виктимизация личности [18; 516]. Высокой социальной тревогой, по данным Н. М. Inderbitzen, K. S. Walters & A. L. Bukowski [493], характеризуются учащиеся с отвергаемым социальным статусом (N=973), среди которых подчиненные отвергаемые учащиеся отличались статистически значимо более высокой социальной тревогой, чем агрессивные отвергаемые ученики. Применение множественной иерархической логистической

регрессии Н. J. Sung, D. L. Espelage, P. R. Sterzing [602] показало, что предикторами сложностей в обучении и конфликтных отношений со сверстниками выступают социально-демографические условия подростков (неблагоприятная школьная среда и место проживания, воспринимаемые как опасные). Согласно J. L. Terrion, M. Rocchi & S. O'Rielly [607], молодежь, оценивающая собственные дружеские отношения как низкие и непродуктивные, демонстрирует асоциальное поведение и злоупотребление психоактивными веществами.

В исследованиях С. Т. Halpern, С. Kaestle & D. Hallfors [476] было показано, что к факторам, усугубляющим риск молодежных девиаций, относится возраст партнера. В результате построения модели множественной регрессии на 4 000 подростков, авторы пришли к выводу, что хотя повышенная физическая зрелость связана с повышенным риском (с точки зрения употребления алкоголя, употребления психоактивных веществ, сексуального риска и т. д.), это также связано с наличием более взрослого (≥ 2 лет) романтического партнера, который еще больше повышал риск девиации, особенно для девушек. Эти данные показывают, что для нивелирования социально-рискованного поведения у молодежи необходимо учитывать гендерные аспекты и социальные факторы с точки зрения сроков и содержания социальных рисков. Е. В. Кочетов [172] на основании проведенного исследования (N=500) выявил ряд внешних факторов, влияющих на проблемы социализации современной молодежи: невостребованность таланта в обществе, низкий престиж профессионализма; агрессивный национализм; идейно-нравственный вакуум; рост политизации молодежных движений; экономический и политический кризис. По данным Т. А. Топеха [322], на дезадаптированность и проявление девиантных форм поведения у молодежи оказывают влияние факторы, включенные в систему «личность»: экстернальный локус контроля; отсутствие веры в справедливость; уход от проблем; эмоциональная неустойчивость и импульсивность. В то же время наличие друзей с просоциальным поведением, вера в справедливость,

доброжелательное отношение к людям и эмоциональная стабильность выступают факторами, препятствующими асоциализации личности молодого человека.

Кризис молодости, по мнению К. Н. Поливановой [283], характеризуется снижением или утратой интереса к прежней жизни. Основываясь на том, что в изучении жизненного пути личности необходимо ориентироваться на два аспекта (возрастной и индивидуально-психологический), Н. А. Логинова [202] считает, что именно последний в большей степени влияет на проявление кризисов. Индивидуальное психическое развитие, с точки зрения автора, осуществляется благодаря развитию индивидуальности посредством преодоления противоречий. Сложностью в социализации личности, по мнению Е. Н. Волкова с коллегами [62], является быстрая трансформация социализированной нормы, представляющей возможность успешной адаптации и включения в социальную среду. Множественность и быстрое изменение социальных норм приводят к кризисным явлениям, для решения которых личности необходима опора на внутренние ресурсы. Вместе с тем отсутствие внутренних ресурсов для разрешения кризиса, по мнению В. И. Слободчикова и Е. И. Исаева [315], может способствовать негативному развитию личности, включающего такие формы, как делинквентное и аддиктивное поведение и (как крайняя форма) суицид. Именно с подросткового периода, с точки зрения авторов, начинается статистика суицидов. По данным Всемирной организации здоровья [601], ежегодно около 800 000 человек умирают из-за самоубийства, т. е. один человек каждые 40 секунд. В России пиковое значение (41,4 самоубийств на 100 тыс.) было достигнуто в 1995 г., что в два раза превышало мировой уровень; затем кривая суицидальных исходов снижается, и по итогам 2010 г. уровень суицидов на 4,3 % ниже, чем в 2009 г. Однако стоит отметить, что данная статистика не касается молодежи, для которой риск суицидального поведения стабильно высок, самоубийство является второй ведущей причиной смерти среди 15–29-летних людей во всем мире. В России частота суицидов составляет 30,6 % для юношей и 8,5 % для девушек в возрасте 15–19 лет. Изучение самоубийств начинается несколько столетий назад и, возможно, является одним из самых сложных феноменов в социальных и

медицинских науках [102; 455; 463]. Современные исследования касаются причинно-следственных процессов и структурных различий по возрасту и полу, включая летальность методов самоубийства и гендерные различия [420]. Изучение различий в суицидальных попытках между мужчинами и женщинами в период тяжелой депрессии (N=100) L. Brådvik [408] демонстрирует, что мужчины-самоубийцы предприняли меньше попыток самоубийства, чем женщины во время последнего депрессивного эпизода до самоубийства (8 % против 37 %). Схожие данные были получены V. J. Callanan & M. Davis [420] (N=621) в графстве Саммит, штат Огайо, статистика с 1997–2006 гг. самоубийств 1997–2006 гг. была распределена по следующим факторам: пол, огнестрельное оружие, наркотики, повешение, брак. Результаты исследования показали, что по сравнению с женщинами женатые мужчины, употребляющие наркотики и находящиеся в депрессии, чаще совершают самоубийство. При этом женатые чаще совершают с помощью огнестрельного оружия, тогда как мужчины, не состоящие в браке, были склонны к повешению, а незамужние женщины с меньшей вероятностью совершали суицид через повешение, чем замужние женщины. D. Dorling & D. Gunnell [447] продемонстрировали на значительном объеме фактических данных, что суициды в англоязычной среде также обусловлены изменениями в социально-экономических условиях. По данным J. M. Bertolote & D. Wasserman [401], самый высокий уровень самоубийств, согласно аналитическому обзору, зафиксирован в Южной Корее (36,6 %), в развитых странах количество мужских самоубийств традиционно превосходят женские. В 2012 году самые высокие коэффициенты смертности среди мужчин и женщин (более 5) были обнаружены в Восточной Европе и самые низкие в Китае (до 1). Примечательно, что женщины в возрастной группе 15–29 лет имели самый высокий уровень самоубийств среди всех возрастных групп в Индии и Латинской Америке. В исследовании E. R. Dahlen & S. S. Canetto [439] были рассмотрены факторы, влияющие на суицидальное решение личности: пол, гендерная идентичность, персона способствующая суицидальному акту (разрыв отношений). Было доказано, что мужчины чаще принимают решение о суицидальном исходе,

чем женщины, которые чаще совершали суицидальные попытки при разрыве отношений с партнером. Кроме того, установлено, что андрогинные респонденты склонны к самоубийству независимо от отношений с партнером. Согласно проведенному А. А. Лучиной [208] исследованию, современная молодежь относится толерантно к суициду (22 % среди школьников и 44 % среди студентов и молодых специалистов в возрасте 23–25 лет), причем наиболее толерантны респонденты с пессимистичным отношением к жизни. Толерантность к суициду увеличивается среди респондентов, имевших суицидальный опыт (50 %), при этом студенты характеризуются сниженным суицидальным опытом и толерантностью к суицидальному поведению. Наиболее часто мысли и попытки суицидального поведения возникают у всех групп молодых людей (школьники – 68 %, студенты – 67 %, молодые специалисты – 51 %). В молодежной выборке достаточно высокий процент респондентов, сталкивающихся когда-либо в своей жизни с суицидентами (49 % – школьники, 37 % – студенты, 44 % – специалисты). Среди совершивших суицидальные попытки большинство респондентов имеют проблемы в общении, в семье, употребляют алкоголь, психоактивные вещества, большое количество времени проводят за компьютерными играми, испытывают сложности в самореализации, дезадаптированы. Автором обнаружены статистически значимые различия в детерминантах суицидального риска в зависимости от возраста молодых людей: 42 % школьников отметили конфликты в семье; 30 % студентов и молодых специалистов обозначают причиной суицидальной настроенности чувства дискомфорта, социальной и профессиональной неуспешности ($p < 0,001$). Проведенные нами совместно с Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриевой [168] теоретические исследования, охватывающие широкий спектр проблемы суицидального поведения личности, позволили нам выделить факторы риска суицида, к которым относятся повышенная тревожность, сниженная самооценка, физическое и психическое здоровье, сниженное чувство удовлетворенности жизнью в большинстве сфер жизнедеятельности человека, низкая социально-психологическая адаптация, отсутствие социальной поддержки, сложности в

установлении интимно-личностных отношений, булинг и пр. Научный анализ исследований показал, что постоянный длительно повторяющийся булинг делает человека не только более ранимым, но и предрасполагает к суициду и другим формам аддиктивного и делинквентного поведения. Для получения убедительных доказательств приведем ряд экспериментальных примеров, имеющих своим предметом изучение делинквентного поведения молодежи. На основании проведенного исследования взаимосвязи между виктимностью и выраженностью делинквентного поведения у латиноамериканской молодежи Z. T. McGee et al. [540] обнаружили, что виктимность, тревожность и депрессия обуславливают статистически чаще склонность к совершению правонарушений, употреблению кокаина, героина и алкоголя. Изучение делинквентного поведения в ряде исследований показало, что как усиленный, так и ослабленный родительский контроль способствует совершению правонарушений у подростков. Психологические особенности делинквентных подростков, по данным Н. А. Белевич [37], включают невротическую симптоматику, эмоциональную неуравновешенность, агрессивность, низкий показатель в коммуникативной сфере, низкий интегральный показатель самоотношения и высокое самообвинение, сниженный социальный интеллект, затруднения социального функционирования в социально полезной деятельности, в семейной сфере, в личностной сфере. В диссертационном исследовании В. В. Яковлева [379] было доказано, что для большинства осужденных характерно отсутствие целеполагания. У менее 30 % респондентов будущее выходит за грань освобождения. Нарушения представлений о своем жизненном пути отличаются снижением смысложизненных ориентаций, при этом в зависимости от специфики смысловой сферы осужденные подразделяются автором на три группы с различными тенденциями ресоциализации: с благоприятной, неопределенной и неблагоприятной. По данным С. Н. Панцырь и А. П. Новгородцевой [252], подростки с девиантным поведением характеризуются индивидуалистическим и эгоистическим отношением к сверстникам, при этом не осознают собственные внутренние конфликты. В связи с усилением тенденции к использованию моделей

употребления психоактивных веществ среди латиноамериканских подростков в последние годы потребность в исследованиях, которые определяют гендерно-специфические и культурно значимые защитные факторы, возрастает. Согласно проведенному D. Sanchez et al [582], исследованию на употребление психоактивных веществ у американских девушек (N=277) мексиканского происхождения оказывают влияние гендерные роли и этническая идентичность. Основываясь на результатах линейного регрессионного анализа, авторы пришли к выводу, что семейные, добродетельные/целомудренные и духовные отношения более выражены у девушек с высокой гендерной и этнической идентичностью и обратно связаны с употреблением психоактивных веществ. В ходе экспериментального исследования S. Kulis et al. [515] (60 юношей и 91 девушка мексиканско-американского происхождения в возрасте 13–18 лет) было обнаружено, что молодые люди с агрессивной мужественностью, независимо от пола, были более склонны к употреблению психоактивных веществ (алкоголь, сигареты, марихуана). Тогда как девушки с покорной женственностью также имели более высокий уровень употребления алкоголя. Полученные результаты позволили автору утверждать, что негативные гендерные роли (агрессивная мужественность и покорная женственность) выступают фактором риска в употреблении молодежи американцев мексиканского происхождения психоактивных веществ. M. H. Keung [504], исследовав взаимосвязь между полом, гендером и просоциальным и антисоциальным поведением у 505 китайских подростков в 7–12 классах, обнаружил, что юноши, имеющие высокую маскулинность, были более склонны к антисоциальному поведению, чем девушки ($p < 0,05$). В то же время ученый не обнаружил существенной гендерной разницы в просоциальном поведении, которое было положительно связано как с маскулинностью, так и с фемининностью. Гендерно-ролевая идентичность, соответствующая своему биологическому полу (например, женственность у девочек), была более характерна для прогнозирования просоциального поведения, чем гендерная ролевая идентичность, не соответствующая полу (например, женственность у мальчиков). Автором было доказано, что делинквентное

поведение наиболее низко выражено у феминных респондентов, чем в трех других гендерных группах: маскулинные, андрогинные и недифференцированные. Наиболее неблагоприятный прогноз имели респонденты с недифференцированной гендерной идентичностью, которые обнаружили тенденцию к антисоциальному поведению. Схожие исследования представлены в работах ряда ученых (D. Monk, L. A. Ricciardelli, 2003, D. Anderson, M. Hamilton, 2005), которые рассматривают полоролевой конфликт в качестве фактора, обуславливающего девиантное поведение в подростковом возрасте [389; 548]. Так, A. Hardy & D. Howitt предложили понятие «полоролевое смещение», которое было изучено у девушек, склонных к физической агрессии. На основании проведенного исследования авторы установили, что ориентация на маскулинный тип поведения детерминирована субъективной потребностью в защите наряду с желанием независимости [481].

С. А. Гальцев [67], утверждает, что трансформационные процессы российского общества оказывают противоречивое влияние на социализацию современной молодежи. С одной стороны, социальные инновационные реформы способствуют возникновению социально значимых качеств индивида, улучшающих его социальные результаты, формируют социальную готовность к быстро меняющейся социальной среде; с другой – трансформации российского общества, приводят (у части молодежи) к спутанности социальных ролей, к незаконным способам деятельности, к формированию агрессивного поведения.

Завершая анализ проблем интеграции современной личности в социальное пространство, приведем понимание смысложизненных установок Г. Шихи [353], которая считает, что самая актуальная тема двадцатилетних, делать то, что «должно», сильно зависящее от модели семьи, влияния культуры, предрассудков общества. При этом автор подчеркивает максимализм, присущий в молодости. При этом, указывает Г. Шихи, возможны две стратегии в поведении: субъект строит прочную безопасную структуру на будущее и готов принять на себя высокие обязательства, однако принятие уже готовой формы без ее анализа впоследствии приводит к чувству несвободы, ограничения; второй путь

противоположен первому – индивид начинает изучать и экспериментировать, сохраняя динамичную, легко обратимую структуру, при этом он мечется с одной работы на другую, меняет партнеров, растрчивая свои двадцать лет в затянувшемся переходном периоде. Таким образом, развитие личности молодого человека можно рассматривать в контексте трех систем, связанных с различными аспектами Я: личностной, семейной, неформальных контактов, профессиональной и интимно-сексуальной, которые предполагают формирование освоение социальных ролей. Перечисленные аспекты проходят сквозь призму выделенных Э. Эриксеном понятий: идентичности в противоположность смешению ролей и близости в противоположность изоляции и генеративности. Особое значение имеет выстраивание системы личных, нравственных, культурных, духовных ценностей, сопряженное с осознанием собственной уникальности и неповторимости и системы смыслов. Вообще сфера смыслов, считает А. Н. Леонтьев, – «это и есть сфера ценностей человека, личностных ценностей» [198, с. 451].

Выводы по 2 главе

Таким образом, изучение социализации и ролевой социализации, в частности, в процессе формирования личности, показало, что в гуманитарных науках проблемы ролевой социализации личности скорее намечены, чем глубоко проанализированы. И если раньше это связано было, прежде всего, с эмпирической неизученностью этих проблем, то сегодня обусловлено недостаточностью концептуальных разработок. Ролевая социализация личности и ее отдельные направления все еще находятся в поиске адекватных социально-психологических концепций.

Изучение социализации личности с позиции ролевого подхода позволяет прийти к выводу, что для современной молодежи характерны стремление к самовыражению и мотивация достижения, реализуемые в сферах жизнедеятельности: в профессиональной, интимно-сексуальной, в сфере

неформальных контактов и пр., интересы, лежащие в плоскости самоактуализации. Для многих людей период молодости – это период максимальной самореализации, в который происходит активное освоение всех сфер жизнедеятельности – осуществляется самореализация в семейной сфере (создание семьи), в профессиональной сфере (выбор профессии и трудовая деятельность), в интимно-сексуальной сфере (поиск партнера), в личностной сфере – формируется образ Я, рождается личность, обладающая устойчивой и осознанной системой ролей, ценностей и мотивов поведения.

В определении особенностей ролевой социализации личности, приводящих к проблемам интеграции в социальное пространство, можно отметить следующие тенденции: многообразие способов и видов социализации, противоречие между каналами социализации и воздействием социальных институтов, спутанность и мультипликация социальных ролей, их умножение в ролевом наборе индивида, включение индивида во множество социальных групп, расширение коммуникативного пространства за счет открытого доступа и легкости получения информации в виртуальном пространстве, обеспечивающих парадоксальность во взаимодействии приватного и публичного в интернет-среде. Кроме того, проблемы социализации современной личности обусловлены ускоренной социализацией, которая характеризуется ранним освоением социальных ролей по сравнению с прошлым поколением: ранней трудовой деятельностью, ранней девиацией, ранним вступлением в сексуально-интимные отношения. Наряду с ускоренной социализацией имеет место и запаздывающая социализация, связанная с увеличением образовательного пути современной личности. Длительный образовательный маршрут приводит к инфантилизации молодежи, откладыванию усвоения роли взрослого человека.

Рассмотрев теоретические и эмпирические труды, касающиеся особенностей ролевой социализации личности в профессиональной сфере, мы можем заключить, что адекватность профессионального самоопределения зависит от соотношения ролевого лика профессии в самосознании индивида и Я-образа, тогда как ролевая мультивариативность в профессиональной сфере обуславливает

сложности профессиональной социализации, проблемы в усвоении в должной мере профессиональных норм.

Ролевая социализация в интимной сфере обуславливает становление адекватной гендерной и сексуальной идентичности, не противоречащей индивидуальному восприятию личности, вместе с тем научные данные диктуют необходимость пересмотра взгляда на гендерную идентичность как двоичного и призывают к новой концептуализации гендерной проблематики, которая связана с множественностью и гибкостью в понимании гендера. В интимно-сексуальной сфере новое поколение ориентировано на перемены и новые впечатления при снижении влияния традиций и высокой сексуальной активности. К проблемам социализации в данной сфере можно отнести формирование сексуальности как локуса культурной гибридизации, ролевую множественность и несовпадение ролей, которые часто провоцируют конфликт и стресс у современной личности. К внутреннему ролевому конфликту относится противоречие между внутренними сексуальными потребностями и социальными нормами сексуальной роли. Многоаспектность современной массовой культуры формирует мозаичную гендерную роль.

Ролевая социализация в семейной сфере обусловлена ролевыми трансформациями. Происходит перераспределение ролей и перемены в отношениях с партнером, а также в отношениях со старшим поколением. Рождение ребенка требует новых ролей и связанных с ними обязанностей – супруги становятся матерью и отцом. Таким образом, семейные роли и обязанности являются важным компонентом в определении себя для современных молодых людей.

К проблемам в ролевой социализации личности в семейной сфере относятся смешение ролевых установок, слабая дифференциация образа будущего супруга, который рассматривается как партнер для общения, не дифференцировано понимание собственной ролевой супружеской позиции, отсутствует доминирование мотивации к заключению брака и рождению ребенка, искусственная детрадиционализация, блокирующая эффективную ролевую

модель семьи. Трансформационными особенностями современной семьи являются неопределенность ролевой модели брака и супружеских ролей, смешение гендерных ролей в семье и в обществе целом, рационализация всех сфер жизнедеятельности человека, ориентация на финансово-экономическую составляющую семейной жизни, ослабление экономической зависимости женщины от мужчины, конфликт в совмещении нескольких ролей, увеличение притязаний к супругам. К основным мотивам разводов относятся такие факторы, как не оправдавшиеся полоролевые экспектации в семейных отношениях, полоролевая неадекватность, внебрачные связи, утрата чувств.

В сфере неформальных контактов современная личность ориентирована на активное взаимодействие со сверстниками, которое тесно связано с высоким просоциальным поведением, а также хорошей социальной интеграцией в группу. Характерными признаками референтных для молодежи групп являются престижность, эталонность группы (ролевая модель группы) в оценке себя и окружающих; высокая степень влияния; оказание помощи в реализации жизненных стратегий. Наличие значимой ролевой модели родителя и сверстника своего пола обуславливает эффективность в межличностном взаимодействии индивида. Средством освоения социальных ролей и развития межличностного общения выступает Интернет, который обогащает и способствует психологической адаптации личности. Выход за пределы повседневно выполняемых ролей, их умножение в ролевом наборе индивида обусловлены трансформациями в информационном обществе, которые подразумевают включение субъекта во множество социальных групп. Расширение коммуникативного пространства за счет открытого доступа и легкости получения информации в межличностном взаимодействии обуславливает многомерную ролевую структуру современной молодежи.

В личностной сфере формируется устойчивая и осознанная система ролей, культурных и духовно-нравственных ориентиров. Однако исполнение социальных ролей имеет конфликтную природу, с одной стороны, оно инициирует творческую активность субъекта, способствуя его

самосовершенствованию, с другой – становится преградой гармоничного развития, ограничивая свободу индивида ролевыми рамками. Резюмируя противоречивый характер процесса социальной интеграции личности, необходимо подчеркнуть, что ролевая множественность в быстро изменяющемся социальном пространстве, с одной стороны, дает возможность творческого приспособления, а с другой – порождает ролевой конфликт в личностной сфере, усиливающийся в условиях социальной неустойчивости и кризисных явлений.

Таким образом, ролевая социализация личности представляет включенность субъекта в различные группы (профессиональные группы, семья, неформальные отношения с друзьями, сексуально-интимные отношения с партнером и т. д.), которые могут быть охарактеризованы как системы или сферы, состоящие из определенных социальных ролей. Последние в процессе социализации индивида могут быть встроены в структуру, содержание и функциональную организацию личности, в качестве ролей образуя социальное качество личности как таковое. Следовательно, личность может выступать уже как полиролевое образование, включающее в себя различные системы, раскрывающее ее качественную определенность, к тому же встраиваемая сама в эти системы. Иначе говоря, личность состоит из множества полисистем, репрезентированных в ней в виде основных ролей и их взаимодействия в сферах жизнедеятельности, в которые личность онтологически включена.

Глава 3. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РОЛЕВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

3.1. Постановка проблемы исследования ролевой социализации как системного комплекса субстанционально-темпорального типа

Цель настоящей главы заключается в определении субстанциональной и темпоральной системности ролевой социализации. Указанное в первую очередь предполагает изучение содержания ролевой социализации. Вместе с тем необходимо учитывать, что перед научным сообществом еще довольно остро стоит проблема преодоления извечного противостояния двух процессов – индивидуализации и социализации. Так, в отечественной социальной психологии осуществляются попытки решения этой научной проблемы. С точки зрения отечественного психолога И. С. Кона [161], понимание ролевого подхода от общества как системы, через дифференциацию социальных функций и ролей, приводит к человеку как социальному типу. «Личностная интеграция социальных ролей неповторима, индивидуальна и зависит от целого комплекса обстоятельств» [161, с. 75]. При этом Г. М. Андреева, отмечая активность субъекта в освоении ролей, говорит о преобразовании социального опыта в собственную структуру ценностей, установок и ориентаций. В таком контексте автором делается попытка преодолеть извечное противостояние двух процессов индивидуализации и социализации, которое активно постулируется в теоретических положениях западных школ. Однако и в том и в другом случае авторы не раскрывают механизмы ассимиляции ролей, особенностей их взаимодействия с личностными компонентами. Весьма трудным моментом является анализ детерминант ролевой социализации. Открытым остается вопрос о том, каким образом в процессе социализации происходит взаимопревращение причин и следствий. Заметим, что как в теоретических попытках нивелировать противостояние индивидуального и социального, так и в его эмпирических доказательствах возникают определенные сложности, и в этой связи становится необходимым выбор базового

методологического принципа, позволяющего объяснить и экспериментально доказать технологию преобразования социального опыта в индивидуальную мотивационно-ценностную структуру. Так, например, Е. М. Николаева [246] определяет социализацию как диахронический и синхронический процесс, представляющий интеграцию индивида в межсубъектное пространство и выход из него. Таким образом, перед нами встает извечная проблема преломления общего в единичном, являющаяся длительное время предметом исследования философии и психологии. Такая постановка вопроса предполагает построение теории, направленной на раскрытие общих и частных закономерностей социализации личности. Любая теория, с точки зрения А. В. Карпова [135], есть знание, которое удовлетворяет атрибутам системной организации. Еще в прошлом веке Б. Ф. Ломов [203] отмечал, что системный подход в изучении психического является инновационным и необходимым, т. к. человеческое бытие многослойно и многопланово. Следовательно, для раскрытия многообразия качеств личности и их места в процессе ее социализации необходимо изучение совокупности систем, образующих бытие человека. Целью такого исследования является рассмотрение феномена социализации и раскрытие закономерностей ее организации (см. § 1.2) через определение и систематизацию основных элементов этого феномена. Прежде всего, это касается выявления структуры ролевой социализации и предполагает целый ряд исследовательских процедур, касающихся установления компонентного состава ролевой социализации на основе критерия дифференциатора [130; 131]. Согласно этому критерию компоненты системы обладают как собственной специфичностью, так и качественной определенностью, реализуемой в системе. В соответствии с критерием выполняется одно из требований системности – иерархичность составляющих систему уровней. Иначе говоря, каждый последующий уровень представляется как синтез предыдущих. В этом контексте важно рассмотреть теорию функциональных систем и системогенеза П. К. Анохина [22]. Автор разработал ряд теоретических принципов и позиций, которые раскрывают особенности адаптации индивида к окружающей среде. Определяя организм в

качестве функциональной системы, П. К. Анохин полагает, что приспособление организма к среде обусловлено поэтапным и непрерывным созреванием функциональных компонентов. Используя сформулированный А. Н. Северцовым принцип гетерохронности, автор определяет, что активизация и включение функциональных компонентов происходит неравномерно как на уровне отдельных элементов внутри структурных образований, так и на межсистемном уровне. Согласно П. К. Анохину, системогенез, отражающий неравномерность развития, характеризуется постепенным усложнением функциональной системы – первоначально формируются наиболее простые элементы, а затем более сложные, которые, консолидируясь друг с другом, образуют полноценную функциональную систему.

Однако, согласно В. П. Кузьмину [180], рассмотрение социализации как системы в строгом смысле слова приводит к методологическому тупику, т. к. нивелирует такие основные характеристики системы, как целостность, структурность, объектность. А. В. Карпов [132] отмечает, что системный подход в его классическом варианте ставит акцент на автономности системы, рассматривая ее отдельно от среды. Вместе с тем В. П. Кузьмин [180] обращает внимание на особые открытые системы, отражающие явления взаимодействия, к которым относятся «личность и общество», «индивид и природа» и т. д. Действительно, применительно к ролевой социализации мы имеем дело не с одним объектом или системой, а со многими, при этом понятие целостности становится условным. В этой связи А. В. Карпов [132] отмечает, что системную концепцию необходимо дополнить метаподходом, отражающим наличие взаимодействия систем, т. е. систем с метасистемным уровнем (высшим уровнем, имеющим открытый характер). С точки зрения автора, в рамках метасистемного подхода при моделировании любого явления важно учитывать инвариантную совокупность методологических императивов – своеобразных этапов системного исследования:

1. Метасистемный аспект исследования – исследование включенности системы в более общую систему.

2. Структурный аспект – изучение структурной организации системы.

3. Функциональный аспект – раскрытие функциональной организации системы.

4. Генетический аспект – выявление закономерностей развития системы.

5. Интегративный аспект исследования – определение обобщенных свойств системы.

Именно эти аспекты, по мнению А. В. Карпова [131], являются базовыми в методологии системности. Кроме того, изучение феномена социализации с позиции системного подхода возможно как через онтологический аспект, который раскрывает само реальное существование ролей, так и через гносеологический, рассматривающий феномен как предмет психологического исследования [131]. В своей фундаментальной работе автор раскрывает особенности индивидуальных качеств личности как продукта социальных отношений. В этом контексте ролевая социализация личности может рассматриваться как частный аспект социализации личности. В этой связи приходится констатировать, что изучение ролей исключительно как гносеологического конструкта будет недостаточным, необходимо их рассмотрение совместно с личностью, ассимилирующей эти роли. Важно учитывать, что роли принадлежат к нескольким системам – социум, культура и личность. Иначе говоря, ролевая социализация сама по себе имеет сложное иерархическое строение, с компонентами и элементами, принадлежащими различным разнокачественным системам. С точки зрения В. П. Кузьмина [180], важнейшим определением живого организма будет понимание его в качестве «открытой системы», взаимодействующей с окружающей средой. Личность как определенное системное образование в контексте социализации является «включенной» в содержание тех или иных «парциальных измерений социализации», преобразуя социальный опыт в виде ролевых экспектаций в собственную структуру установок и ориентаций. Это, по мнению Б. Ф. Ломова [203], составляет одну из основных трудностей в исследовании психических явлений, которая состоит в том, что последние не образуют замкнутой системы и не существуют изолированно от других систем материального мира. Еще в середине прошлого века В. П. Кузьмин [180] отметил

необходимость использования системного подхода для гуманитарного знания, т. к. системное знание предполагает построение сложных систем, объединяющих многомерные гетерогенные представления о реальности. В этой связи перед нами встает вполне закономерный вопрос о возможности рассмотрения социализации через призму системного подхода, т. к. проведенное теоретическое исследование показывает разнородность, вариативность, многокомпонентность этого явления. Именно такое включение ролей в системный комплекс позволяет нивелировать проблему преломления социального в личном, которая присутствует у многих отечественных и зарубежных исследователей [13; 161; 240; 322; 366–374].

В то же время анализ эмпирических и теоретических работ, посвященных проблеме социализации, отражает тот факт, что исследователи вычленяют отдельные аспекты данного феномена в попытках раскрыть социализацию личности. И в этой связи открытыми остаются вопросы о причинно-следственных связях социализации индивида, о ее структурных компонентах и их взаимообусловленном влиянии, вопрос о закономерностях развития социализации личности, наконец, вопрос о механизме интеграции социального в индивидуальное пространство, и наоборот. Ответы на поставленные вопросы требуют применения методологии системной науки, т. к. последняя способствует объяснению закономерностей сложных многоуровневых и многомерных систем и их взаимодействия друг с другом. Согласно В. П. Кузьмину [180], основы системного знания, включающие соотношение целого и частей, несводимость целого к сумме частей, иерархические отношения и пр., обнаруживаются еще задолго до возникновения научного знания как такового. Сегодняшняя наука демонстрирует разнообразие представлений о системах, которые характеризуются различием их объективной природы (социальной, материальной, идеальной и т. д.). С точки зрения В. П. Кузьмина, исследователь, подходя к изучению какого-либо явления как определенной системы, должен учитывать закономерности, свойственные конкретной объективной реальности. По мнению А. В. Карпова [137], субъект ассимилирует социальный опыт (знания, нормы, роли и т. д.), трансформируя их в структуру личности как встроенное содержание. На

метасистемном уровне это содержание становится осознанным, оказывая влияние на социализацию индивида. В этой связи А. В. Карпов [131] поднимает один из наиболее принципиальных вопросов всей психологии – вопрос «осознанной саморегуляции». По отношению к ролевой социализации это предполагает активизацию роли в структуре личности в качестве регуляторного механизма, который обеспечивает конкретное ролевое поведение в социальном пространстве.

Таким образом, ассимиляция социального опыта рассматривается как формирование подобия социальной системы в системе личность, следовательно, происходит персонификация социальной системы в индивиде [137; 246]. Социализация, согласно Е. М. Николаевой [246], есть фрактальное движение, воплощающее человеческую потенциальность (потребность) в моменте актуальности (реализации роли), что позволяет человеку не только «вмонтироваться» в общественное пространство, но и создавать себя, изменяя себя и окружающий мир. В этом кроется противоречие процесса социализации, когда человек, выступая, с одной стороны, продуктом общества, с другой – является его оппонентом, включая в себе импульс воспроизведения и преобразования. Автор рассматривает такой переход как синергетическую трансформацию от причины к следствию, в которой между двумя системами существует имманентная и взаимоисключающая взаимосвязь. С точки зрения Е. М. Николаевой, социализация представляет диссипативную систему, функционирующую при постоянном обмене информацией между средой и личностью, что позволяет ей поддерживать низкую энтропию (упорядоченность). Диссипация означает переструктурирование информации таким образом, чтобы нужная информация ассимилировалась, а все лишнее поступало на нижележащие уровни или за пределы системы. Данный тезис согласуется с положениями А. В. Карпова [131; 137] о потенциальном и актуальном состоянии компонентов системы. Кроме того, роли, представляя собственно личностные образования, могут включаться, соединяться друг с другом, образуя кластеры. В этом контексте важно упомянуть обсуждаемое выше понимание рефлексивности психических процессов, когда некоторые роли не осознаются и переходят в бессознательные

уровни психики. Ряд ролей, напротив, становится осознаваемым, включаясь в содержание психического, и, в свою очередь, определяет уже само содержание личностных образований, конституируя их. Такая констатация приводит, с точки зрения А. В. Карпова [131], к одной из фундаментальных общенаучных проблем – соотношению системы и ее компонентов, где личность может выступать в качестве системы, а роли как ее компоненты. По мнению автора, необходим пересмотр общеизвестных отношений в теории систем, в которых рассматривается положение о включении компонентов в целое. Вместе с тем парадоксальность теории систем раскрывает такое понимание системы, в котором внешнележащая система встраивается в систему, становясь одновременно ее частью, подсистемой, при этом оставаясь по существу метасистемой. В свою очередь, система, в которую включается общая по отношению к ней система, сама начинает функционировать как эта система, не утрачивая своего системного свойства. Таким образом, в метасистемном подходе постулируется относительность системного и метасистемного статусов, когда реальность может быть одновременно и системой, и метасистемой, что отражает принцип дополнительности. Однако в ракурсе ролевой социализации необходимо констатировать разнопорядковость взаимодействующих систем, что в строгом смысле не позволяет выразить их единство через общее основание. Выходом из создавшегося теоретического и методологического «тупика» может быть рассмотрение ролевой социализации как предельно гетерогенного, многокачественного образования. По сути, ролевая социализация не является «истинной» системой, а выступает сложным и внутренне гетерогенным образованием – системным комплексом, синтезируя в себе ряд системных образований [134; 180]. Следовательно, если представить ролевую социализацию в виде системного комплекса, то можно со всей очевидностью предполагать, что она включает в себя несколько гетерогенных систем – личность, социум (социальные роли, социальные институты), культуру (традиции, символы, образы) – и их взаимодействие – субъект-объектные отношения как таковые. Объективная реальность, складывающаяся из всего социокультурного контекста,

и образует внешнюю по отношению к ролевой социализации личности сторону. Системы функционально встраиваются в системный комплекс, оказываясь представленными в его содержании и в его структурно-функциональной организации. В контексте ролевой социализации это может быть представлено в следующем ракурсе: основные роли в виде внешнеположенной по отношению к личности социокультурной реальности встраиваются в систему личности, реализуясь на определенном уровне как ее компоненты. Вместе с тем на метасистемном уровне они становятся регуляторами поведения личности в социальном пространстве. Следовательно, роли являются, с одной стороны, социальным продуктом, отражая объективную реальность; с другой – они встраиваясь в личность в виде информационных образований подготавливают субъекта к «возможным вариантам реального взаимодействия» [137, с. 186]. С этой позиции роли управляют всеми нижерасположенными уровнями системы. В этом виде роли получают статус детерминанты функциональной динамики. Такая трансформация из компонентного уровня к метасистемному обусловлена общей закономерностью, свойственной, по мнению А. В. Карпова и В. Д. Шадрикова [138], всем системам со встроенным метасистемным уровнем или системным комплексам.

Таким образом, адаптация теории систем и метасистем к социально-психологическим проблемам ролевой социализации личности объясняет диалектику объективного и субъективного: ролевая социализация представляется как противоречивое единство – вход в социокультурное пространство личности (присваиваются общественные нормы и правила), выход вовне в виде человеческой активности (трансляция усвоенных норм и правил), что составляет основу нескольких систем личности, культуры и социализации. Согласно Т. Парсонсу [255], социализация индивида проходит в контексте определенной культуры и социальной среды, имеющих универсальный характер для всех других членов данного общества и времени. В то же время автор обращает внимание, что сочетание всех систем социального окружения, культуры и личности уникально. Это положение Т. Парсонса в контексте ролевой социализации позволяет

говорить об индивидуальном построении ролевой композиции личности. Следовательно, ролевая социализация, представляемая в виде системного комплекса, демонстрирует свойство масштабной инвариантности, следуя которому социум и культура как целостное образование сворачивается и распределяется в другой системе – личности. Синтез этих гетерогенных систем приводит к новым качествам для системного комплекса, превышающим их простую аддитивность. Действительно, ролевая социализация выходит за пределы содержания входящих в нее систем и обладает новыми особенностями и закономерностями, которые могут стать предметом специального изучения системного комплекса. Системный комплекс, с точки зрения А. В. Карпова [134], – это не только гносеологическое средство изучения любой системы, но и основной онтологический модус ее существования. Реализуясь в нем, система обретает черты полисистемного бытия, т. е. именно надсистемной формы организации. Определение системного комплекса является более полным и более богатым по своему содержанию и, значит, обладает эвристическим потенциалом, который до настоящего времени остается недостаточно эксплицированным. В этой связи представляется необходимым рассмотреть активизацию качественно новых характеристик и закономерностей, возникающих в системном комплексе, к которому относится ролевая социализация. Этот аспект будет более подробно освещен в следующем параграфе.

Анализ социализации, осуществленный нами в § 1.2, вскрыл методологическую сложность данного явления, понимаемого и как процесс, и как результат, включающий институты, механизмы и этапы социализации. Соответственно, социализация в общем и ролевая социализация в частности могут быть представлены не только в виде результата или статического явления. Ролевая социализация, как было отмечено в § 1.3, является процессом. Существующее понимание двустороннего характера социализации как результата и как процесса усложняет решение научной задачи. Вместе с тем игнорирование временной организации социализации лишает исследование данного явления одного из главных планов изучения этой проблемы. В частности, и

отечественные, и зарубежные социальные психологи признают, что процессуальная сторона социализации может быть представлена в двух основных направлениях. Первое предполагает присвоение общественного опыта, символов, ролей и знаний через интеграцию в социум [228]. В этом случае говорят о ролевой социализации личности, которую рассматривают сквозь призму освоения ролей и ролевых ожиданий. Второе направление учитывает активную составляющую субъекта и включает в себя воспроизводство полученных социальных знаний и опыта посредством активной деятельности в социальной среде [15]. Оба направления предполагают сукцессивный ряд последовательных операций. Существующие в современной социальной психологии подходы (синергетический, системно-функциональный, метасистемный) предоставляют возможность рассмотреть ролевую социализацию в динамике. Такой разворот к темпоральному аспекту предусматривает понимание ролевой социализации как системного комплекса, принадлежащего к системам особого – темпорального – типа, которые конституируют собственное время, составляя основание «бытия систем во времени» [133].

«Процессуальная философия» обнаруживает интерес к категории времени, помещая в центр экзистенцию человека [485, 620]. Временное качество, по словам П. Тиллиха [610], вскрывает само бытие в его сущностной организации. Эксплицируя свою основную идею, автор считает, что бытие всегда находится в становлении и его нельзя рассматривать только статическими категориями. Основой человеческой активности, согласно Л.С. Рубинштейну [299], выступает ее способность изменять бытие, что является неотъемлемой составляющей социализации личности. С точки зрения О.В. Головашиной [74], социальная реальность состоит из перспективной взаимности социальных актов, автор считает, что темпоральность выступает решающим фактором для социализации индивида. По мнению L. Muzzetto [556], время имманентно связано с индивидом, действия которого в настоящем обусловлены как прошлым опытом, так и целеполаганием в будущем. Таким образом, как показывает небольшой экскурс в проблему процессуальности ролевой социализации, ее структурное содержание

должно быть дополнено темпоральной системностью, эксплицирующей организацию самого процесса функционирования системы.

Важно обратить внимание на еще одно обстоятельство – необходимость учета и соотнесения системных закономерностей структурно-содержательного плана и временную системность. Однако, как показывает теоретический анализ, рассмотрение социализации с позиции ее субстанциональности и темпоральности составляет одну из сложных задач. По нашему мнению, необходимо использовать важное методологическое положение, сформулированное А.В. Карповым [133]. Основная суть этого положения заключается в том, что базовые закономерности, принципы и механизмы инвариантно реплицируются в основных типах систем. В. П. Кузьмин [180] считает, что объемное знание о действительности можно получить только в единстве процессуальной и статистической форм. Иначе говоря, одним из главных вопросов данного исследования является вопрос о специфичности и общности закономерностей ролевой социализации как системного комплекса во временной и структурной экспликациях. Как специфицирующие уровни структуры воплощаются в ее временной организации? Теоретические изыскания, касающиеся этого аспекта ролевой социализации, и анализ временной системности как одного из базовых средств функциональной организации ролевой социализации требуют дополнительного обоснования, что и будет осуществлено ниже в § 3.3.

3.2. Структура ролевой социализации личности

Следуя принципу системогенеза, А. В. Карпов выделяет пять системообразующих уровней (см. рисунок 9), определение которых основано на критерии-дифференциаторе. Суть данного критерия состоит в том, что любая, многомерная и полифункциональная система содержит ряд иных системных образований характеризующихся собственной качественной определенностью и обладающих различной степенью сложности. Это, прежде всего, те «кирпичики», элементы из которых состоят компоненты системы, но утратившие качественную определенность целого. В свою очередь компоненты, представляемые как

простейшие образования, уже имеют качественную специфичность системы. На субсистемном уровне образуются определенные кластеры, объединяющие в частные композиции компоненты системы. Собственно общесистемный уровень, на котором процесс ролевой социализации представлен во всей ее структурной полноте и качественных характеристик. И наконец, в рамках метасистемного подхода определяется, что системы могут взаимодействовать между собой, встраиваясь друг в друга в виде компонентов системы, образуя системный комплекс или метасистему [131]. В составе этого системного комплекса любой феномен может существовать как онтологическое образование, а сам метасистемный уровень может быть функционально встроен в структурную организацию системы. Все пять уровней исчерпывают весь диапазон возможных форм бытия как автономной целостности, качественных проявлений системы в ее реальной многомерности.

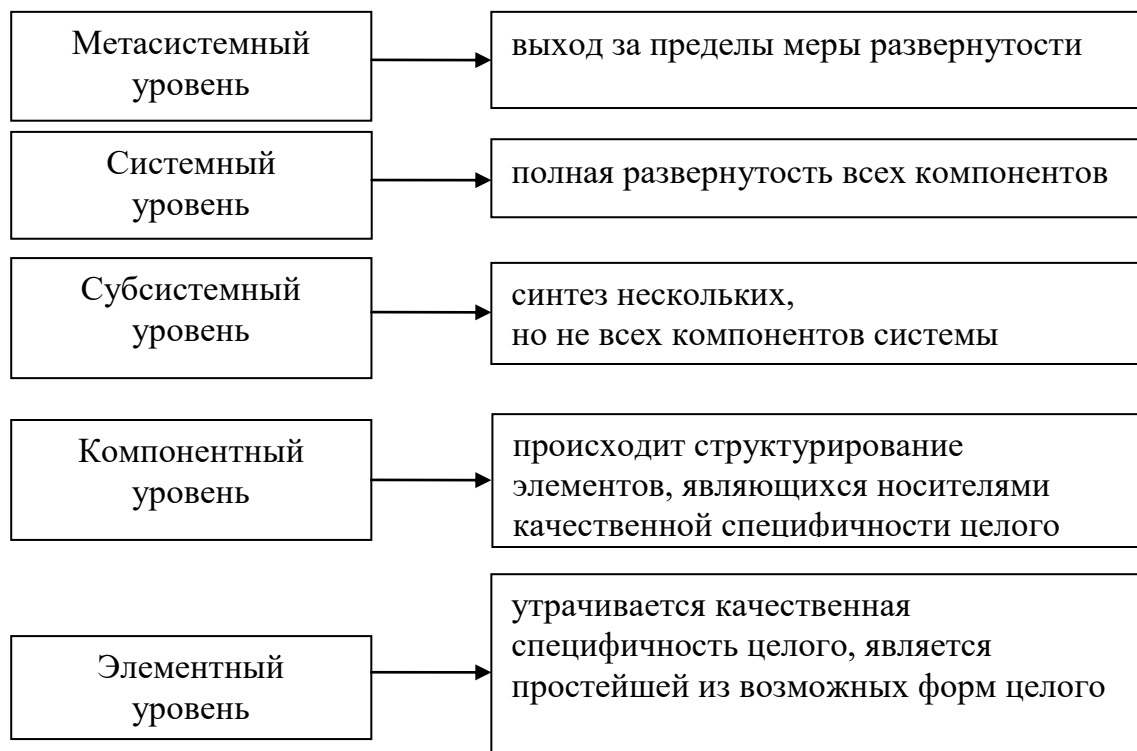

Рисунок 9. Уровни системы по А. В. Карпову [131]

Элементный уровень, согласно В. П. Кузьмину [180], фокусируется на исследовании отдельных качеств системы. Отметим, что, несмотря на кажущуюся простоту элементного уровня, выделение «кирпичиков» социализации сопряжено

с определенными трудностями. Известны неуспешные попытки в рамках различных подходов найти исходные элементы, из которых складывается социализация – это социальный опыт, социальные установки, социальные нормативы, социальные детерминанты и пр. [37; 38; 54; 67; 90; 108; 109; 116; 350]. Однако приходится констатировать, что многие из перечисленных элементов несут в себе качественное своеобразие системы как таковой. Вместе с тем, в контексте теории систем это должны быть относительно простые составляющие, которые еще не утратили качественную определенность системы социализации и выступающие базисом системы. Далее отметим, что, рассматривая ролевую социализацию как систему, с определенной долей очевидности можно предположить, что на компонентном уровне будут реализовываться роли, которые, безусловно, несут качественное своеобразие ролевой социализации, однако при декомпозиции они должны трансформироваться в такие элементы системы, которые утрачивают эту определенность. Итак, самый первый элементный уровень включает элементы, необходимые для существования системы и ее структурирования, но при этом не несущие качественного своеобразия системы, что вполне соответствует социокультурным ожиданиям, включающим знания, нормы, правила, права относительно определенного ролевого поведения и т. д. В процессе социализации посредством механизма инкультурации, предполагающего интеграцию индивида в культурное пространство символов и образов, происходит освоение норм, правил, знаний и т. д., обуславливающих успешное функционирование индивида в социальном пространстве [15; 161]. Это обеспечивает принадлежность личности к определенной культуре. Таким образом, можно утверждать, что социокультурные ожидания, наряду с другими известными факторами, необходимы для того, чтобы та или иная роль сложилась как качественно специфическая социальная реальность. Таким образом, они проявляются как необходимое, но еще недостаточное условие для становления той или иной качественной определенности системы ролевой социализации личности. Сами по себе они еще не являются социальной реальностью, но входя в состав ролевой социализации,

образуют ее базовый, исходный уровень. Действительно, определенные нормы, правила, знания относительно определенной модели поведения в заданной социальной ситуации образуют некую констелляцию, кластер, на основе которого и складывается конкретная ролевая модель, соотносящаяся с компонентным значением критерия дискриминатора. Следовательно, на базе социокультурных ожиданий разворачивается определенная ролевая модель, имеющая более высокий порядок сложности. Сами по себе социокультурные ожидания не являются социальным качеством, но непосредственно обуславливают целую систему поведенческого плана относительно определенной роли, выступающей уже отражением социальной реальности.

Таким образом, элементный уровень, трансформируясь в компонентный, воспроизводит новые качественные измерения социальной реальности. **Компонентный уровень** характеризуется наличием качественной специфики системы социализации, но при этом является простейшей формой. Согласно Е. М. Николаевой [247], будучи диссипативной системой, *социализация содержит начальные условия социального существования (традиции, ритуалы, прототипы, архетипы), которые противостоят энтропии и задают в системе определенный порядок.* В процессе эволюции социализация была сопряжена с ритуализированным вхождением в социум – посредством специально организованного ритуала происходила ассимиляция новой роли индивидом, приобретался новый статус [192; 193; 288]. При этом набор таких ролей являлся ограниченным. Такие культурные образцы выступают ориентиром для личности, задавая ей возможное направление и структурируя тем самым социальную среду. Они диктуют порядок взаимоотношений и ролевого поведения субъекту, создавая репликацию культурного образца внутри самого индивида. Принятие такого образца сравнивается Е. М. Николаевой [247] с «информированием» молекулы о состоянии системы в целом, что отражает когерентность субъекта социальным реалиям. Следуя положениям символического интеракционизма, И. С. Кон [161] связывает роль с конкретной позицией – субъект, занимающий определенную позицию, выполняет конкретную роль, обусловленную нормами и правами и

образцами поведения, закрепленными в культуре и апеллирующими к элементному уровню. Идея детерминации ролей культурно закрепленными образами транслируется в работах Э. Дюркгейма [102] в виде коллективных представлений, общих для большинства индивидов, которые впоследствии трансформируются в теории К. Г. Юнга [372] в коллективное бессознательное. И. Кант [127] отмечал существование трансцендентальных концептов, в которых заключены образы применения практического разума. Роль в теории М. Вебера [57] ассоциируется с идеальным типом – образец, идеальная модель поведения, представляющая логические конструкции. Наличие у современного человека отголосков архаического мышления, обусловленного коллективными формами в теории Л. Леви-Брюля [192]. Сопряженность между структурными компонентами семейных связей и мифологической структурой мы находим у К. Леви-Стросса [194]. В конце концов, доказательным является обращение интеракционистов к символам, представляющим культурно значимое явление, которое, по мнению многих авторов, апеллирует к бессознательному [34; 329; 370; 372]. К. Г. Юнг отмечает, что «существуют типы ситуаций и такие же типы фигур, которые все время повторяются и соотносятся со смыслом» [373, с. 115]. В терминах В. Н. Дружинина [98] при прохождении жизненного пути каждый человек проживает варианты жизни, которые либо он сам выбирает, отталкиваясь от своих личностных особенностей, либо они могут быть навязаны ему извне. Вариант жизни представляет психологическую характеристику индивидуального бытия, внутри которого формируется личность, приобретая типичные черты представителя конкретного варианта.

Перечисление ученых, упоминающих существование коллективных образов и идеальных форм, можно продолжать, обращаясь к древнему периоду существования человечества: платоновский мир идей, первоосновы мира Плотина, который впервые использует непосредственно термин «архетип», при этом понимая его как модели умопостигаемых первообразов и т. д. Среди современных авторов, обращающихся к феномену коллективных представлений, можно назвать, С. А. Маленко, П. П. Горностай, К. Ю. Зарубко и пр. В частности

в рамках проведенного диссертационного исследования С. А. Маленко [217] приводит доказательную базу, того, что древние представления в виде архетипических зафиксированы в виде образно-символических представлениях сначала в мифах, а потом в других культурных объектах. Согласно автору, именно эти представления, которые он называет вслед за К. Г. Юнгом архетипами, выступают сценариями коллективного и индивидуального взаимодействия. П. П. Горностай [80], обращаясь к бессознательной составляющей при описании ролевого конфликта, пишет об имманентной связи между личностью и ролью. Критикуя ролевые теории, объясняющие функционирование роли только внешними факторами, например, посредством экспектаций, транслируемых обществом, автор говорит о глубинных компонентах личности, имманентно связанных с ролями. В частности он приводит в качестве примера половую роль, имеющую, с точки зрения автора, архетипическую природу. Нарушение в интернализации половой роли обуславливают возникновение сексуальных девиаций, имеющих эндогенный характер. Автор идет дальше в своих обоснования, утверждая соответствие таких личностных образований, как Я-концепция или Я-идентичность ролевым структурам. Таким образом, беря на вооружение теорию Я. Морено о различной природе ролей, П. П. Горностай делает акцент на психологических или личностных ролях, обусловленных глубинными, архетипическими инвариантными структурами. Тем самым автор связывает роли с бессознательными компонентами индивида. С нашей точки зрения, архетипические инвариантные структуры довольно схожи с ролевыми моделями. В этом случае достаточно будет сказать, что понимание архетипов в юнгианской трактовке не имеет доказательств. В то же время использование понятия «архетип» как коллективного образа легко соотносится с теоретическими позициями Э. Дюркгейма, М. Вебера и др. Не вступая в дискуссию о генетической передаче архетипов, можно с точностью утверждать, что ролевые модели (или архетипы) закреплены в культуре и передаются в произведениях искусства, устном творчестве, мифах, сказках, СМИ и т. д. Наши исследования показали, что архетипическая составляющая имманентно включена в рекламные

образы [274]. В других наших трудах было доказано влияние личностных особенностей, эмоциональных состояний на восприятие мифологического образа [262]. Взаимобусловленность социализации личности и мифологических конструктов демонстрируется в работах отечественных мифологов, раскрывающих взаимоотношения мифа и социальных связей [60]. Хотя современники и подвергают критике мифологические концепции ученых прошлых веков, тем не менее, в их понимании возникновения мифа также лежит социально-психологический подход. Б. Н. Путилов [291] считает, что миф тесно связан с постоянно повторяющимися действиями и ситуациями, которые вербально закреплены. Согласно Е. М. Мелетинскому [226], миф является социальным явлением, и главная его функция состоит в том, чтобы приспособить человека к социуму.

Закономерная трансформация мифом в сказки, былины, рекламные сюжеты, кинопродукцию и т.д. обусловлена социальным контекстом. В то же время все эти произведения содержат одну и ту же инвариантную линию. В. Я. Пропп [288] считает, что такой инвариант представляет собой архаическое представление древнего человека об обществе. Именно такая составляющая, связанная с многообразием социальных форм, по мнению А. В. Чернышева [337], обеспечивает запоминаемость и законченность художественного образа.

Обусловленность сознания архетипическими образами была доказана в прямом и обратном эксперименте Е. Ю. Зарубко [106]. Автор на материале пяти основных категорий (Помощь, Агрессор–Жертва, Исцеление, Испытание, Убежище/Дом) убедительно продемонстрировала, представленность архетипических сценариев социального взаимодействия в обыденном сознании. Аналогичное понимание архетипических интеракций предлагает С. А. Маленко [217]. Напомним, что автор утверждает о существовании сценариев индивидуального и коллективного взаимодействия, которые обусловлены первичными имагинациями, в свою очередь последние тесно связаны с образно-символическими моделями развития сознания. Эти модели и воплощают мифологический смысл в сценариях взаимодействия, транслируя опыт предков.

Автор отмечает, что все множество содержаний сознания и деятельности может редуцироваться к нескольким моделям социального взаимодействия, имеющим архетипический характер и тяготеющим к основным мифологическим линиям. Похожее понимание архетипа мы находим у А. В. Лубовского [205], который рассматривает архетипы как нормативно-ценностные ориентации, модели поведения, обусловленные культурными трансформациями и сохранившие свою аксиологию в нормативно-ценностном пространстве современной культуры. И. П. Мостовая и А. П. Скорик [237] вводят понятие партикулярного архетипа, основанного на бытовой культуре социального взаимодействия, включающего в себя привычные бытовые отношения, социальные нормы, ценности, модели поведения личности.

Таким образом, очевидно существование инвариантных бессознательных детерминант, опосредующих социальное взаимодействие личности, пронизывающих человеческую жизнь и воплотившихся в базовых ролевых моделях. Значит, что социализация индивида обусловлена основными ролевыми моделями.

С точки зрения А. В. Карпова с соавторами [132], интегральные процессы необходимо изучать в диалектике общего, особенного и единичного, в контексте которой они, с одной стороны, обладают свойствами, характерными для всех процессов, а с другой – специфическими особенностями, позволяющими выделить их в отдельный класс. При этом необходимо учитывать множественность различных социальных ситуаций, а, следовательно, и ролей, которые активизируются в жизни индивида, включенного в социальное пространство. Индивид является частью всех социальных взаимодействий, активно пытается «определить ситуацию» (понять свою роль в ней); выбрать роль, которая является выгодной или привлекательной; реализовать эту роль; и убедить других поддержать эту роль [228]. Но в то же время для определения универсальных ролей, значимым шагом будет являться редукция всего многообразия социальных ситуаций к нескольким основным, позволяющим описать и предсказать поведение человека. Согласно М. Аргайлу [24],

представление о конкретных ролях предоставляет возможность субъекту эффективно взаимодействовать с окружающими людьми. Г. М. Андреева [15] приводит анализ существующих классификаций ролей, авторы которых, по ее мнению, используют для классификации случайные критерии без попыток свести их в единую систему. Так, Т. Sarbin, V. Allen [585] в качестве критерия полагают степень «включения» в роль, на основании которой выделяют семь разновидностей ролевой включенности: от нулевой до максимальной. Н. Н. Kelley, J. W. Thibaut [503] подразделяют роли на предписанные (заданные извне) и достигнутые, включаемые в структуру в результате каких-либо усилий со стороны личности. R. Linton [524] обосновывает иерархическую представленность роли в структуре личности: от доминирующей, активной роли до латентных ролей, используемых в редких случаях. Т. Шибутани [352] рассматривает классификацию ролей в контексте договоренности, выделяя конвенциальные (или формальные) роли, в рамках которых поведение является прописанным, и неформальные роли межличностного взаимодействия, поведение в рамках которых представляется спонтанным. Необходимо отметить, что все рассмотренные классификации, в некоторой степени перекрывают друг друга (например, конвенциальные и неформальные роли могут быть в структуре личности как активными, так и латентными), а с другой стороны, используют очень широкий контекст и, как отмечает Г. М. Андреева [15], случайные критерии без их системного объединения. В то же время существует принципиальная необходимость определения критериев, отвечающих принципам научности [131] и позволяющих дифференцировать все ролевое многообразие во всей их многомерности и целостности. Поскольку все существующие разновидности ролей очень сложно классифицировать по какому-то одному критерию, то нужно выделить критериальный ряд признаков, способных в совокупности определить необходимое разнообразие ролей.

Согласно Е. М. Николаевой [247], социализация личности характеризуется качественной определенностью уровней, находящихся в иерархических отношениях. В процессе социализации личность стремится к адаптации к

возникающим в ее жизни событиям. Понимаемая в качестве непрерывного процесса, социализация предполагает последовательное прохождение всех этапов жизненного цикла начинающегося с момента рождения до смерти [15; 247]. В виде стадий процесса социализации, имеющих качественную определенность, выделяют дотрудовую, трудовую и послетрудовую [15]. Л. В. Мардахаев [219] считает, что социализация человека должна опираться на возрастные возможности и особенности социализации личности. Автор предлагает разделить социализацию не на три этапа, как это принято в отечественной социальной психологии, а на четыре. Первый этап – детство (0–12 лет). Начинается формирование личности. На этом этапе закладывается фундамент социализации, основы гомеостаза, культурные образцы, базисные конструкты, обуславливающие успешность социализации и целостность личности [247]. На этом этапе индивид пассивен, а общество наоборот демонстрирует по отношению к нему активность. Второй этап – юность (15–23 года). Физиологические и психологические изменения влияют на ход и содержание социализации. Заканчивается формирование личности, начинается активное ролевое освоение в различных сферах [219]. Третья стадия (зрелость – 24–60 лет) – субъект проявляет социальную активность – сопряжена с активным освоением и реализацией ролей в реальной ситуации, а не в игровой или учебной форме. Взрослая жизнь характеризуется наибольшей социальной активностью во всех сферах жизнедеятельности. Доминирует регулятивно-контролирующий (нормы, предписания) и морально-материальные факторы. И наконец, на последней стадии (старость – 61 и выше), социальная активность представляет собой трансляцию своих знаний, убеждений, социального опыта. Активность субъекта включает игру, познание, общение, деятельность [196; 197; 203; 299]. Игра выступает ведущей деятельностью для ребенка [362]; познание как учебная деятельность и общение является ведущим видом деятельности в период молодости, а деятельность отличает индивидов работоспособного возраста. Вместе с тем возраст неоднозначно влияет на адаптационные возможности индивида, для периода молодости они значительно выше, чем в пожилом

возрасте. Однако вместе с прожитыми годами происходит накопление опыта взаимодействия с окружающей средой [295]. Следовательно, вхождение в социум определяется степенью активности субъекта – пассивное усвоение общественных норм или их активная реализация в социальном пространстве. По мнению К. А. Абульхановой-Славской и Т. Н. Березиной [1], субъектность личности обусловлена ее активностью и согласовыванием этой активности с действиями окружающих. Таким образом, одним из критериев может выступить *социальная активность личности*.

Учитывая, что социализация представляет двусторонний процесс, определяющий включение индивида в социальную среду через усвоение социального опыта и его активную реализацию, необходимо отметить, что все роли характеризуются свойствами идеальности. Они направлены на реализацию функции антиципации, прогнозирования в межличностном взаимодействии и допускают реализацию в форме развернутой ролевой деятельности и саморазвития личности (т. к. происходит преобразование социального опыта в личностные установки, интересы и ориентации). Ключевое значение для всей ролевой системы имеет понятие адаптации к социальному пространству, которое отличается собирательным характером. Рассматривая адаптацию в широком контексте как адаптацию к жизни Л. И. Анциферова [23], К. А. Абульханова-Славская [1], А. А. Кроник [175] исследуют индивидуальные стили и способы поведения, которые использует субъект в жизненных ситуациях. В то же время изучение дуальной природы процесса социализации позволяет вскрыть специфические черты основных ролевых моделей. Итак, в контексте реализации уникальности личности, ее самораскрытия, самореализации авторами описывается процесс индивидуализации [38; 223; 371; 374]. Вхождение индивида в социальное пространство предполагает обретение общественно сформированных норм, традиций, ориентиров. В этом контексте вторым критерием для выделения специфических характеристик для основных ролей может выступать континуум *индивидуальное–социальное*, определяющий вектор направленности реализуемой роли – на себя или на социум. И последняя шкала,

которая дает возможность определить ролевую специфичность, связана с особенностями социализации современной молодежи, которая, по мнению большинства исследователей, характеризуется *новаторством*, гибкостью, динамичностью, ориентацией на поисковую активность, постоянное обучение в современном, быстро изменяющемся и непредсказуемом мире, быстротой мысли и реакции, интуитивным принятием решений [53; 62] в противовес приверженности традициям. Таким образом, определены три основные оси: *активность–пассивность*, *индивидуалистичность–социальность* (*эгоизм–альтруизм*), *спонтанность–традиционность*, которые включают в себя качественную определенность, характерную для ролевой социализации молодежи и позволяющие выделить необходимое количество основных ролевых образов, отвечающих идеи универсальности. Универсальность основных ролевых моделей выражается в двух аспектах: 1) наполнение роли ожиданиями, являющимися социально и культурно закрепленными; 2) такие роли, изначально выступая как заданные, могут воплощаться в любую другую роль в зависимости от сферы жизнедеятельности человека. В этой связи можно выделить три основных уровня ролевых моделей:

- Макророли – это архетипы или прототипы, в терминах И. Канта трансцендентальные концепты (обсуждены выше в данном параграфе), имеющие глобальный характер, не осознаются и не могут быть подвергнуты исследованию. Роли этой категории имеют максимально обобщенный характер, такие как архетипы мужского (анимус) и женского (анима).
- Мезороли – основные ролевые модели, опосредующие межличностное взаимодействие и социальное функционирование в обществе в сферах жизнедеятельности человека. Роли, включенные в данный кластер, относятся к широким сферам жизнедеятельности (профессиональная, семейная, неформальных контактов, интимно-сексуальная и пр.). При этом необходимо подчеркнуть, что роли мезоуровня не выходят за пределы этих сфер, образуя пересекающиеся между собой кластеры.

- Микророли – дискретные ролевые модели, обуславливающие ситуативное взаимодействие личности в конкретной жизненной ситуации, не распространяясь на остальные сферы социального функционирования субъекта. Когорта ролей, относящихся к данному уровню, очень разнообразна [88; 129; 179; 360].

Предпринимая попытку выделения мезоуровня, мы считаем необходимым обратить внимание на важное методологическое обстоятельство относительно данного уровня. Мезоуровень был взят на вооружение в экономике, в которой в рамках системного подхода было сформулировано понимание мезоуровня как внутриотраслевого взаимодействия между субъектами экономики для гармонизации экономической системы. С точки зрения Г. Б. Клейнера [146], объектом исследования мезоуровня в экономическом анализе выступают установившиеся взаимоотношения, что тесно связано с ролями, которые отражают модели социального взаимодействия. В этом контексте экономическая наука приближается к социальной проблематике. Более того, как указывает автор, мезоуровень является экономическим центром, т. к. решения и инновации, рождающиеся в мезосреде, обладают большей жизнестойкостью и легче вписываются в структуру социальных институтов. В целом, в рамках экономических теорий мезоуровень обеспечивает связь между макроуровнем и микроуровнем, являясь переходом от знаний о поведении индивидов к суммарной поведенческой системе [69]. В свете данного вопроса становится понятным, что суть мезоуровня применяемого к ролевой теории составляет возможность выхода на определенный ролевой конклав, который, с одной стороны, отражает основные модели социального взаимодействия, а с другой – позволяет соединить между собой микро- и макророли, выступая своеобразным мостом. Исходя из этого, является актуальной постановка исследовательской задачи, направленной на обоснование необходимости выделения мезоролей как специфически отдельного предмета исследования.

Таким образом, согласно отнесению ролевого кластера к мезоуровню и выделенным критериям особо значимым в контексте разрабатываемой системы

ролевой социализации личности, возможным становится выход на конкретную классификацию ролей, т. к., как указывалось выше (см. § 1.1), основная проблема ролевой теории состоит в множественности ролей, что затрудняет их операционализацию. В этой связи, согласно обозначенным выше критериям важно наметить то необходимое количество ролей, которое, с одной стороны, позволит учесть все нюансы социализации субъекта, а с другой – возможность редуцировать все многообразие ролей к небольшому количеству основных ролевых образов. В этом контексте уместным является понимание различными исследователями [15; 157; 363] того факта, что социализация индивида осуществляется в течение всей его жизни, которую авторы подразделяют на конкретные периоды: детство, юность, взрослость и старость (см. § 1.3). И. С. Кон, связывая возраст и социальные роли, обращает внимание на то, что «социальные моменты включаются уже в самое определение основных человеческих возрастов: детства, юности, зрелости, старости» [161, с. 125]. Отмечая сложности в классификации возрастных периодов, зависящих от культурно-исторических и социально-демографических факторов, автор указывает на универсальность основных периодов становления личности. Формирование личности ребенка, начинающееся с первых минут его жизни, включает ролевую систему взаимоотношений с окружающими людьми, которую ребенок постепенно осваивает в ролевой игре [161; 230]. Этот момент ролевой игры, по мнению Э. Эриксона [363], обуславливает ролевые действия и ролевые игры в последующей жизни субъекта в соответствии с возрастом, социальным статусом и пр. Однако, как отмечает Э. Берн [43], детский опыт, впечатления детских лет остаются в человеке и в любой момент могут активизироваться. В этом ракурсе мы можем говорить о наличии определенной роли ребенка, для которой характерны следующие особенности: познавательная активность, любопытство, развитое воображение [363], творчество, спонтанные побуждения, радость, ориентация на процесс [43]. Вместе с тем ребенок пассивно усваивает нормативно-ценностные ориентиры социокультурной среды и в большей степени направлен на собственные потребности и нужды. Таким образом, ребенок

характеризуется социальной пассивностью [15], спонтанностью и эгоцентричностью [280].

Расширение социальной реальности позволяет растущему индивиду приобщаться к сложным технологиям и инновациям посредством освоения новой возрастной роли – роли молодого человека. Этот период включает в себя и подростковый (юношеский) возраст, и период ранней взрослости, который предусматривает вхождение в профессиональный мир, причем встреча с ролями происходит быстрее, чем с технологиями и экономикой, как утверждает Э. Эриксон [363]. Характерными особенностями данного периода становятся потребность в реализации интимных отношений с партнером другого пола, общение со сверстниками, отвержение родителей и авторитетов, стремление к цели и борьба за нее, ролевое экспериментирование, профессиональное ориентирование [173; 290; 363]. Следовательно, можно предполагать, что характеристиками данного возраста будут выступать социальная активность, спонтанность и ориентация на социум. Следующий период взрослости предполагает активную профессиональную деятельность и создание семьи. В этом возрасте актуализируются такие свойства, как обязательность, ответственность, почитание традиций своего народа, потребность в продолжении рода, забота о своем потомстве, реалистичное отношение к себе и окружающим, саморегуляция и самоактуализация [15; 173; 290; 363]. В этой связи основными качествами роли взрослого выступают социальная активность, традиционность и социальность (альтруизм). И наконец, завершающим жизненным этапом является период старости, в котором происходит сужение жизненного пространства индивида, одиночество, погружение в себя, осознание конечности своего существования, неконтролируемое усиление аффективных реакций, духовность, приверженность традициям и мудрое отношение к жизни [173; 290; 363]. Таким образом, основными характеристиками периода старости являются социальная пассивность, традиционность, эгоцентризм. В таблице 2 обозначены сопряжения выделенных социально-ролевых критериев и соответствующая роль. Эти роли являются традиционными и, по мнению В. Н. Дружинина [98], отражают

традиционные жизненные сценарии, которые охватывают последовательное продвижение индивида по лестнице жизни. Такие роли, по мнению автора, predeterminedены в обществе, не составляют труда в их освоении, т. к. воспринимаются как само собой разумеющиеся.

Таблица 2

Сопряжение ролевых моделей мезоуровня и критериев

Включение в социальное пространство	Способ взаимодействия в социальном пространстве	Ориентация	Роль	
Пассивность	Спонтанность	Индивидуальность	Ребенок	
Активность	Спонтанность	Социальность	Молодой	Созидательная
Активность	Спонтанность	Индивидуальность		Деструктивная
Активность	Традиционность	Социальность	Взрослый	
Пассивность	Традиционность	Индивидуальность	Пожилой	

В. Н. Дружинин называет освоение этих ролей жизнью по плану, которая связана с чередой конкретных событий, характерных для каждого члена общества: включение в социальную роль, приобретение социальных статусов, связанных с ролью, освоение этих ролей и «выход» из них. Следовательно, индивид включается во взаимодействие с различных позиций: ребенок, юноша, взрослый, старик.

Выделяя различные виды социализации в процессе усвоения ролей, Л. М. Мардахаев [218] особо отмечает полоролевою социализацию. Такая социализация предполагает освоение социального поведения и его проявление в зависимости от половой принадлежности и изменяющейся с возрастом роли (мальчик и девочка; юноша и девушка, отец и мать, дедушка и бабушка). В этой связи необходимо учитывать гендерную дифференциацию в исполнении ролевого репертуара в контексте социального включения личности. Такое разделение имеет древние корни, нашедшие яркое отражение в мифах (анима / анимус). Так, в нашем диссертационном исследовании [262] было показано разделение и взаимодействие мужского и женского аспектов при построении мифологического пространства. Мифы имманентно содержат половую дифференциацию, слияние которой происходит в священном союзе – иерогамусе: Солнце в громовой борьбе

побеждает Зиму и, торжествуя свою победу, проливает на землю долгожданное тепло, сопровождаемое оплодотворяющими дождями, порождающими жизнь. Мужчина в древности нес в себе рациональный принцип, преобладание интеллекта над эмоциями – дух, небо, свет, гора, остроконечное. Тогда как женщина олицетворяла пассивность, эмоциональную, чувственную жизнь – душа, земля, тьма (Тиамат – богиня хаоса и соленых вод, прародительница мира шумеро-аккадской мифологии), глубокое, пещера, темная вода. В исследовании О. К. Агавеляна с соавторами были выявлены две корреляционные плеяды с тесными связями: женские архетипические образы и мужские архетипы ($p < 0,05$) [4]. Влияние гендерного аспекта в ролевой социализации молодежи рассматривается во многих современных исследованиях. Акцент на гендерном аспекте в воспитании современной молодежи сделан И. А. Федосеевой [325], которая в рамках диссертационного исследования делает вывод о важности гендерного подхода в социальном воспитании студенческой молодежи педагогического вуза. И. А. Федосеева отмечает, что учет гендерной идентификации, гарантирует усвоение молодым человеком соответствующих ценностей, норм гендерного поведения, убеждений, соответствующих роли учителя. Подобное исследование проведено М. М. Скейс и Б. Тарнбулл [586], которые, изучая ролевые модели в высшем образовании, рассматривают влияние пола на обучение студентов на факультетах с доминированием женского преподавательского состава, доминированием мужского преподавательского состава и факультетах с равным гендерным составом. Р. А. Кобб, Е. К. Уолш и Я. Б. Прайест [430] вводят модель континуума идентификации когнитивно-активной гендерной роли. Эта модель, с точки зрения авторов, может быть полезной для понимания конфликтов, связанных с различиями в половой роли в терапевтических условиях с парами и семьями. Таким образом, приведенный выше анализ позволил выделить два фактора для определения набора базовых ролей социализации субъекта: непрерывность процесса социализации в течение жизни (детство, молодость, зрелость и старость) и гендер (маскулинность и фемининность). Н. Л. Белопольская [39], предлагая метод для изучения

половозрастной идентичности у детей как фактор социализации субъекта, отмечает, что формирование половозрастной идентичности у ребенка происходит посредством усвоения ролей. Через подражание и наблюдение за эмоционально значимым человеком, пишет автор, происходит обучение типичному полоролевому поведению через принятие его роли. Ребенок посредством ролевой игры интернализирует соответствующие его полу ценностные ориентации, нормы и обязанности. Указывая, что именно так возникает у ребенка представление о его половых и социальных ролях, Н. Л. Белопольская предлагает ролевые образы, распределенные по полу и возрасту: используются два набора карточек, на которых изображены персонажи мужского или женского пола в разные периоды жизни от младенчества до старости.

В этой связи можно предварительно рассматривать следующие ролевые образы: Девочка, Мальчик (детство); Дева, Герой (юность); Мать, Отец (взрослость); Старик, Старуха (старость). Данные образы, с одной стороны, отражают определенные периоды жизни человека, а с другой – соответствуют основным архетипам, выделенным в теоретических исследованиях К. Г. Юнгом, Э. Нойманном, Дж. Кэмпбеллом и др. Так, в качестве наиболее важных архетипических образов К. Г. Юнг [366; 367] называет архетипы Матери, Ребенка, Старика, Героя и Тени. J. Veebe [397] осуществил попытку систематизировать архетипы, рассмотренные в работах К. Г. Юнга, и его учения о четырех функциях и двух аттитюдах. Автор указывает на то, что восемь классических функций-отношений К. Г. Юнга (интуиция, логика, сенсорика и этика, существующие в экстравертированном и интровертированном вариантах) соотносятся с базовыми архетипами. При этом архетипы организуются в две структуры: базовая ориентация (рисунок 10) и теневая личность (см. рисунок 11).

Каждому из четырех архетипов базовой ориентации соответствует один из архетипов теневой личности, причем, если в первом случае архетип был ассоциирован с экстравертированной функцией-отношением, во втором – он соотносится с интровертированной, и наоборот. Внутри каждой четверки элементы также противопоставлены друг другу попарно. Например, в базовой

ориентации архетипы, репрезентируемые интровертированной интуицией и экстравертированной сенсорикой, лежат «по разные стороны баррикад» [397; 398].

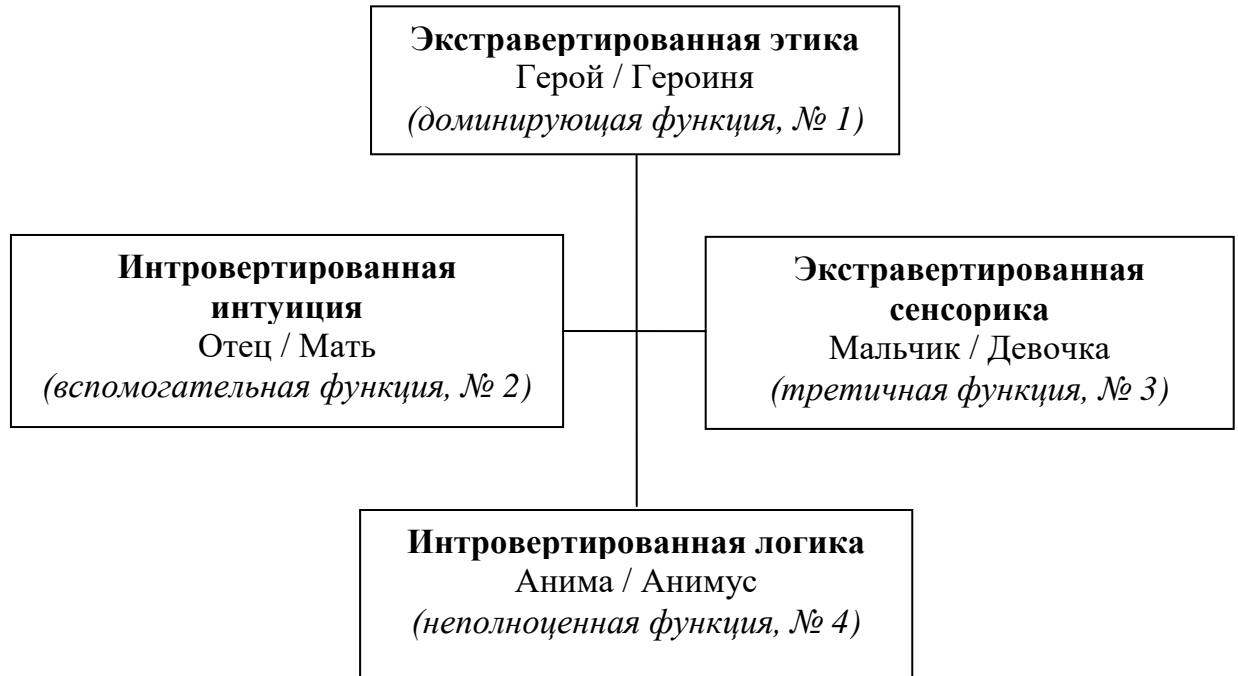

Рисунок 10. Структура архетипов в базовой ориентации

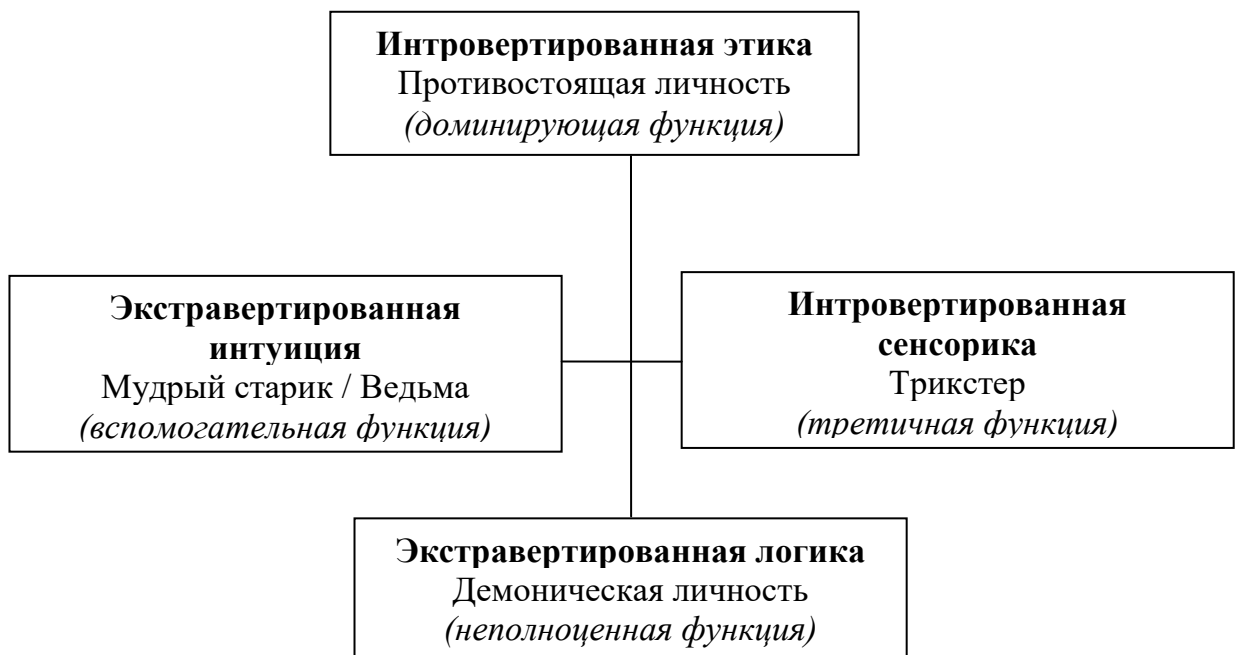

Рисунок 11. Структура архетипов в теневой личности

В контексте исследуемой проблемы особую значимость приобретает то, что архетипы в концепции Дж. Бебе раскрыты в терминах психологии отдельной личности, т. е. совершен переход от архетипа к архетипическому образу. На личностном уровне эти архетипические образы могут быть разделены на типы по целому ряду оснований.

1. Базовая ориентация и теневая личность: архетипические образы делятся на: а) «лежащие на поверхности» (представленные в сознании) и б) вытесненные в бессознательное, теньевые.

2. Актуальные и потенциальные: образы, соответствующие функциям-аттитюдам, между которыми личность переключается большую часть жизни (№ 1 и № 2), и теми, которые задействуются крайне редко и уходят корнями в бессознательное и его комплексы (№ 3 и № 4).

3. В соответствии с функциями и направленностью, в которых они отражаются (интроверсия и экстраверсия, интуиция, логика, сенсорика и этика).

Иначе говоря, Дж. Бебе попытался связать архетипы с направленностью, что в контексте исследуемой проблемы глубинных ролевых оснований приобретает особую значимость. Таким образом, в соответствии с приведенными выше теоретическими и эмпирическими исследованиями возникает вопрос о связи роли и направленности. Проблема установки, или направленности в процессе присвоения социального опыта, присутствует у многих отечественных и зарубежных исследователей [15; 161; 241; 323; 376]. В традициях зарубежной психологии направленность (аттитюд) рассматривалась в качестве преддиспозиции индивида к совершению конкретного социального действия. Одними из первых данный термин использовали У. Томас и Ф. Знанецкий в начале прошлого века при изучении процесса адаптации польских эмигрантов к американскому образу жизни [634]. Уход к биологическим основам в понимании аттитюда обнаруживается в теоретических положениях К. Г. Юнга. Анализируя собственное отношение к миру, К. Г. Юнг [372] высказал идею о наличии у субъекта установки, которая имеет биологическую основу. Отношение человека к миром, с точки зрения автора, – это всегда отношение субъекта и объекта,

являющееся адаптацией с биологической точки зрения. Следуя этому, К. Г. Юнг эксплицирует два способа адаптации животного мира: 1) сохранение популяции за счет большого количества потомства, но при этом минимальная забота о нем; 2) постоянная забота о потомстве, но достаточно малое количество последнего. В связи с выдвинутым тезисом, автор пишет о двух видах аттитюдов: экстравертированный (эксплицирующий свою энергию на окружающих) и интровертированный, которому свойственна ориентация на внутренний мир. В дальнейшем эти направленности были преобразованы автором в типологию личности (см. выше структуру архетипа по Дж. Бебе). Трехкомпонентная структура аттитюда была предложена М. Смит [597, с. 450], которая включает когнитивный компонент (осознание, убеждения, мнения, сложившиеся в процессе познания социального объекта), аффективный компонент (чувства, эмоции, переживания относительно социального объекта) и конативный компонент (реализация поведенческих реакций в отношении социального объекта). Таким образом, М. Смит [597] рассматривает установку как комплекс когниций, эмоций и действий по отношению к социальному объекту, определяющий индивидуальную систему включения субъекта в социальную среду. В качестве критических замечаний отметим, что точно такую же структуру авторы приписывают роли: когнитивный компонент – осознание роли; эмоциональный компонент – отношение к роли; поведенческий компонент – реализация роли посредством действий [161].

В разрабатываемой В. Н. Мясищевым концепции отношения человека [241], данный феномен рассматривается как диспозиция, обуславливающая определенные социальные действия: «...процесс взаимодействия определяется отношением человека к задаче взаимодействия и его взаимоотношением с участниками этого взаимодействия [241, с. 177]. Более подробно установка обсуждается в теории Д. Н. Узнадзе [323], которую он понимает как готовность, зачастую неосознаваемую, к конкретному поведенческому акту. Именно за бессознательный характер установки Г. М. Андреева и критикует позицию Д. Н. Узнадзе по отношению к установке. Такой подход, по мнению

Г. М. Андреевой [15], исключает использование этого понятия по отношению к более сложным видам человеческой деятельности, хотя автор указывает на возможности применения установки в русле социальной психологии. Наиболее эффективным подходом к пониманию в социальной психологии установки как целостного феномена, с точки зрения Г. М. Андреевой, является диспозиционная теория В. А. Ядова. Понимая под диспозицией предрасположенность к восприимчивости, оценке и предуготованности к конкретному действию, автор считает, что установка объединяет потребностно-мотивационные структуры индивида [378]. Ученый рассматривает установку, базируясь на взаимодействии потребностей и ситуаций, которые представлены в его концепции в виде иерархии. Автор выделяет четыре уровня ситуаций в зависимости от длительности:

- 1) ситуация в предметной среде;
- 2) ситуация группового взаимодействия, в малой группе;
- 3) ситуации в сферах труда;
- 4) ситуации в рамках общественной системы.

В. А. Ядов иерархию потребностей определяет относительно сферы, в которой реализуется потребность: 1) семейное окружение; 2) малая группа, в которой действует индивид; 3) сферы труда; 4) общекультурная сфера общественных отношений. Итак, согласно автору, диспозиции можно распределить от микроуровня до макроструктур: диспозиции низкого уровня предполагают оценку и адаптацию к конкретной предметной среде и действия в малых группах (элементарные фиксированные установки); диспозиции среднего уровня относятся к области трудовых отношений (социально-фиксированные установки); диспозиции высшего уровня выступают продуктом взаимодействия общих социальных условий и потребностей (базовые социальные установки и ценностные ориентации личности). Предложенная В. А. Ядовым диспозиционная структура выгодно отличается от остальных тем, что в ней возможно осуществление анализа на всех уровнях (макроструктуры и микроструктуры), а также учитываются различные сферы жизнедеятельности человека, сквозь призму

которых проходят четыре уровня диспозиций. Как справедливо отмечает Г. М. Андреева [15], В. А. Ядов конкретизирует диспозицию, отведя ей регуляционную роль в определенной сфере. Однако стоит заметить, что упомянутая автором иерархия потребностей не может быть учтена, т. к. в большей степени в его концепции диспозиций представлена иерархия сфер, чем потребностей. Вместе с тем, с нашей точки зрения, обладает особой ценностью обращение автора к эксперименту А. А. Горбатова, в котором показана позитивно-негативная асимметрия. Высказанная точка зрения сходна с мнением других авторов. Так, например, Г. Олпорт понимал дефиницию аттитюда как состояние готовности, детерминированное прошлым опытом и обуславливающее реакцию субъекта на ситуации или объекты [386]. Подразумевая под аттитюдом склонность к действию, которая обусловлена интеграцией многочисленных реакций на аналогичные ситуации, Г. Олпорт [386] предлагает рассматривать направленность как более широкий и общий детерминант поведения. Склоняясь к более дифференцированному подходу в классификации направленностей, автор, тем не менее, на основе анализа древних трактатов и современных работ в русле социальной психологии пишет о двух видах направленности:

- положительной, предполагающей привлекательное отношение к объектам и ситуациям;
- отрицательной – негативное отношение по поводу объекта или ситуации, с которыми связан субъект.

Развивая дальше свою мысль, Г. Олпорт указывает, что направленность – это способность действовать в отношении или против какого-либо фактора окружающей среды, который наделяется субъектом положительным или отрицательным значением. Итак, перед нами встает первая элементарная гипотеза подлежащая проверке – имеет ли место направленность в рамках рассмотрения классификации ролевых моделей, и какова дифференциация этой направленности. Иначе говоря, при построении системной организации ролевой социализации молодежи мы предполагаем, что каждая роль имеет определенную направленность. Другими словами, мы считаем, что в роли заложена

определенная направленность как готовность к действию. По сути, индивид в рамках роли совершает конкретные действия, которые уже включают заданную направленность, имеющую позитивно-негативную асимметрию. Необходимо обратить внимание, что мы будем вести речь не обо всех диспозициях, а о диспозициях, имеющих более общий характер; в концепции В. А. Ядова это звучит как «базовые социальные установки». Иначе говоря, существуют установки, носящие некий обобщенный характер для серии поступков. В ряде исследований доказывалось существование базовых сценариев индивидуального и коллективного взаимодействия, которые обусловлены первичными имажинациями, тесно связанными, с одной стороны, с образно-символическими моделями сознания, а с другой – с мифологическими структурами [217]. Следовательно, необходимо учитывать, что в основе социального взаимодействия лежат глубинные базовые модели, экспликацию которых мы можем найти в мифах, апеллирующих к одной из дихотомий: темное и светлое начало [367]. В нашем исследовании психосемантического пространства славянских богов (метод вербальных ассоциаций и семантический дифференциал N=82) было выявлено, что одним из инвариантных факторов в двух экспериментах выступает дихотомия «добро–зло», согласующаяся с оценочной шкалой психосемантического пространства Ч. Осгуда [262]. В другом нашем исследовании совместно с О. К. Агавеляном и С. Б. Перевозкиным [4] было также продемонстрировано существование двух полюсов одного континуума: положительное начало личности и разрушительные тенденции. При этом мы можем говорить об определенной предрасположенности индивидов к восприятию или идентичности с конкретным мифологическим или ролевым образом. В нашем исследовании было выявлено, что предпочтение респондентами мифологических персонажей с негативной направленностью, характеризующихся темными, негативными, разрушительными аспектами, обусловлено неадаптивными внутриличностными тенденциями ($p < 0,05$). Наоборот, внутренняя свобода, позитивная направленность респондентов позволяли им высоко оценивать мифологических персонажей, отражающих добрый, светлый, жизнеутверждающий аспект [266]. В этой связи

были определены две ролевых модели, имеющие негативную направленность: Ведьмы и Трикстера. Архетип Трикстера воплощает в себе физические страсти, желания, не подвластные разуму и сочетает в себе одновременно «животную страсть» и «божественность» [367]. Согласно П. Радину [292], Трикстер не имеет моральных и социальных устоев, находясь на службе своих страстей. Анализируя образ Трикстера, К. Кереньи [144] раскрывает такие его особенности, как вневременность, приверженность телесным похотям, разрушение как себя, так и социальной среды.

Таким образом, на компонентном уровне, который уже выступает носителем качественной специфичности целого, и в то же время объективно является необходимым для его структурирования, находятся ролевые модели, которые осваиваются посредством механизма имитации (бессознательного копирования значимой ролевой модели), однако стоит отметить, что данные роли, тем не менее, могут не осознаваться. По мнению Т. Парсонса [255], имитация, являясь одним из механизмов социализации, выступает дискретным и фрагментарным процессом усвоения некоторых элементов культуры (знаний, ритуалов, обрядов). Тогда как идентификация в виде механизма, реализующегося на вышестоящем субсистемном уровне, представляет более цельный процесс ассимиляции социального опыта и преобразования себя согласно значимой ролевой модели.

Переходя к обсуждению следующего **субсистемного уровня**, необходимо отметить, что на этом уровне осуществляется синтез нескольких, но не всех структурных элементов, которые дифференцированы как по составу, так и по структуре ее частных декомпозиций. В частности, Б. Ф. Ломов [203] утверждает, что в любой системе ее компоненты должны быть представлены не как отдельные процессы, а как функциональные образования, которые, по мнению А. В. Карпова [130–136], должны быть представлены на субсистемном уровне. Субсистемный уровень фокусируется на изучении анализа соединения компонентов. Применительно к ролевой социализации личности комплексование ролей в функциональные образования может осуществляться через раскрытие жизненных

сфер. В частности в диспозиционной концепции В. А. Ядова [376] вскрываются основные жизненные сферы субъекта, в которых реализуются потребности личности: 1) семейное окружение; 2) малая группа, в которой действует индивид; 3) сферы труда; 4) общекультурная сфера общественных отношений. Б. Ф. Ломов [203] также делал акцент на различиях проявлений психического, дифференциация которых зависит от конкретной сферы бытия: включаясь в разные сферы психики и поведение индивида, обнаруживают специфические характеристики, которые могут не раскрываться в других сферах. В рамках обсуждения субсистемного уровня стоит остановиться еще на одном принципе, на который указывает А. В. Карпов [131], – это принцип полиметасистемности, предполагающий многомерность социальной реальности, в которую включена личность. В частности, как было показано выше и в § 2.3, социализация личности представляет включенность субъекта в различные группы (профессиональные группы, семья, неформальные отношения с друзьями, сексуально-интимные отношения с партнером и т. д.), которые могут быть охарактеризованы как отдельные системы. В этой связи можно предположить, что особенности проявления ролевых моделей дифференцированы определенной жизненной сферой.

1. Семейная сфера образуется ролями, связанными с исполнением семейных функций (мать, отец, ребенок; жена, муж, бабушка, дедушка и пр.).

2. Профессиональная сфера эксплуатирует ролевую реализацию субъекта на профессиональном поприще.

3. Интимно-сексуальная сфера содержит роли, отражающие сценарии интимного взаимодействия с сексуальным партнером.

4. В сфере неформальных контактов преобладают роли, детерминирующие неформальное взаимодействие индивидов.

Определяя трансакцию в качестве единицы общения, Э. Берн утверждает об особенном влиянии эго-состояний на специфику межличностного взаимодействия субъектов [43]. Автор указывает, что во время обмена трансакциями партнеры по общению взаимодействуют из определенного эго-состояния (Взрослый, Родитель,

Ребенок). Автор выделяет три вида трансакций: 1) параллельные трансакции – общение между партнерами по взаимодействию, находящимися в одном и том же эго-состоянии; 2) пересекающиеся трансакции – коммуникация между людьми с разных эго-позиций; 3) скрытые трансакции – манипулятивное взаимодействие между людьми транслирующих не соответствующие их внутренним состояниям эго-позиции. J. Voен, D. Fryd [406] предлагают усовершенствованную модель «Родитель–Взрослый–Ребенок», состоящую из шести позиций, посредством разделения эго-состояний Родитель и Ребенок: Воспитательный родитель; Критический родитель; Взрослый; Адаптированный Ребенок; Свободный Ребенок; Мятежный Ребенок. Теория диадического взаимодействия Г. Келли и Д. Тибо [143] представляет межличностное взаимодействие в виде обмена реакциями и оценивания соотношения потерь и выгод. Если преобладают потери над выгодами, межличностное взаимодействие прервется, в случае обратного соотношения – будет продолжаться. Согласно К. Левину [193], взаимодействие обусловлено внешними объектами (полевое поведение) и потребностями личности (волевое поведение). Т. М. Newcomb [562] считает, что интеракции между партнерами обусловлены схожими ориентациями и отношениями партнеров по общению. Определяя взаимодействие как коллективную, социально организованную деятельность, А. А. Леонтьев [197] предлагает рассматривать общение в качестве одного из множества факторов интеракции. В то же время Б. Ф. Ломов [203], отрицая понимание общения как частного вида деятельности, указывает, что общение выступает самостоятельной активностью субъектов.

Заметим, что в процессе социализации происходит не только активное освоение основных сфер жизнедеятельности – осуществляется самореализация в интимно-сексуальной и семейной сферах (поиск партнера и создание семьи), в профессиональной сфере (выбор профессии и трудовая деятельность), но и формируется образ Я, личность, обладающая устойчивой и осознанной системой ролей, установок и мотивов поведения [222]. Имеются работы, в которых говорится о связи ролей с личностной идентичностью [185; 186; 228], с жизненными сценариями [43], с характером личности [79–81]. Подход к

социализации как способу овладения социальными ролями присутствует у Я. Морено, понимающим под ролью окончательную кристаллизацию жизненных ситуаций человека, т. е. специфическую область оперирования, которую индивид в свое время освоил [234]. С точки зрения П. П. Горностая [81], развитие субъекта обусловлено формированием жизненных ролей личности. И. С. Кон [161] утверждает, что роли нельзя относить сугубо к социальному явлению, они отражают индивидуальность личности, включаясь в структуру субъекта, делают ее уникальной. Принятие той или иной роли зависит от личностных особенностей, намерений, потребностей [451]. Между тем обсуждаемые десять базовых ролевых моделей, относящиеся к мезоуровню, по-разному проявляются в каждой из жизненных сфер, сохраняя тем не менее основной ролевой мотив. Так, например, роль Отца в профессиональной сфере предполагает роль руководителя, роль Матери реализуется в этой же сфере в качестве учителя, психолога или любой другой профессии, связанной со служением человечеству [161]. Таким образом, можно определить в качестве пятой важной жизненной сферы для периода молодости – личностную сферу, которая концентрируется на ролях, связанных с личностной идентичностью, личностными характеристиками, жизненными сценариями, самооценкой [43; 80; 99; 157; 210; 228].

Реализуемый на субсистемном уровне *субсистемный принцип консолидации* элементного и компонентного уровней предполагает освоение норм, правил, ожиданий, включенных в конкретную роль и специфичных для каждой из сфер. Иначе говоря, в каждой сфере выделяется определенный ролевой набор. Каждая роль в свою очередь, как это было показано выше, включает определенные ролевые ожидания, социальные нормы, дифференцируемые в зависимости от жизненной сферы. Для понимания объективных факторов И. С. Кон предлагает трактовать общество не как совокупность индивидов и их отношений (в отличие от представителей символического интеракционизма), а как «совокупность всех исторически сложившихся форм совместной деятельности людей» [161, с. 68]. Общество, являясь сложной системой, по мнению И. С. Кона, состоит из подсистем, в которые входят сферы общественной деятельности, социальные

институты, социальные группы и пр. В свою очередь, всякая подсистема имеет собственную структуру, конкретизирующуюся во взаимосвязанных друг с другом социальных позициях (см. рисунок 12).

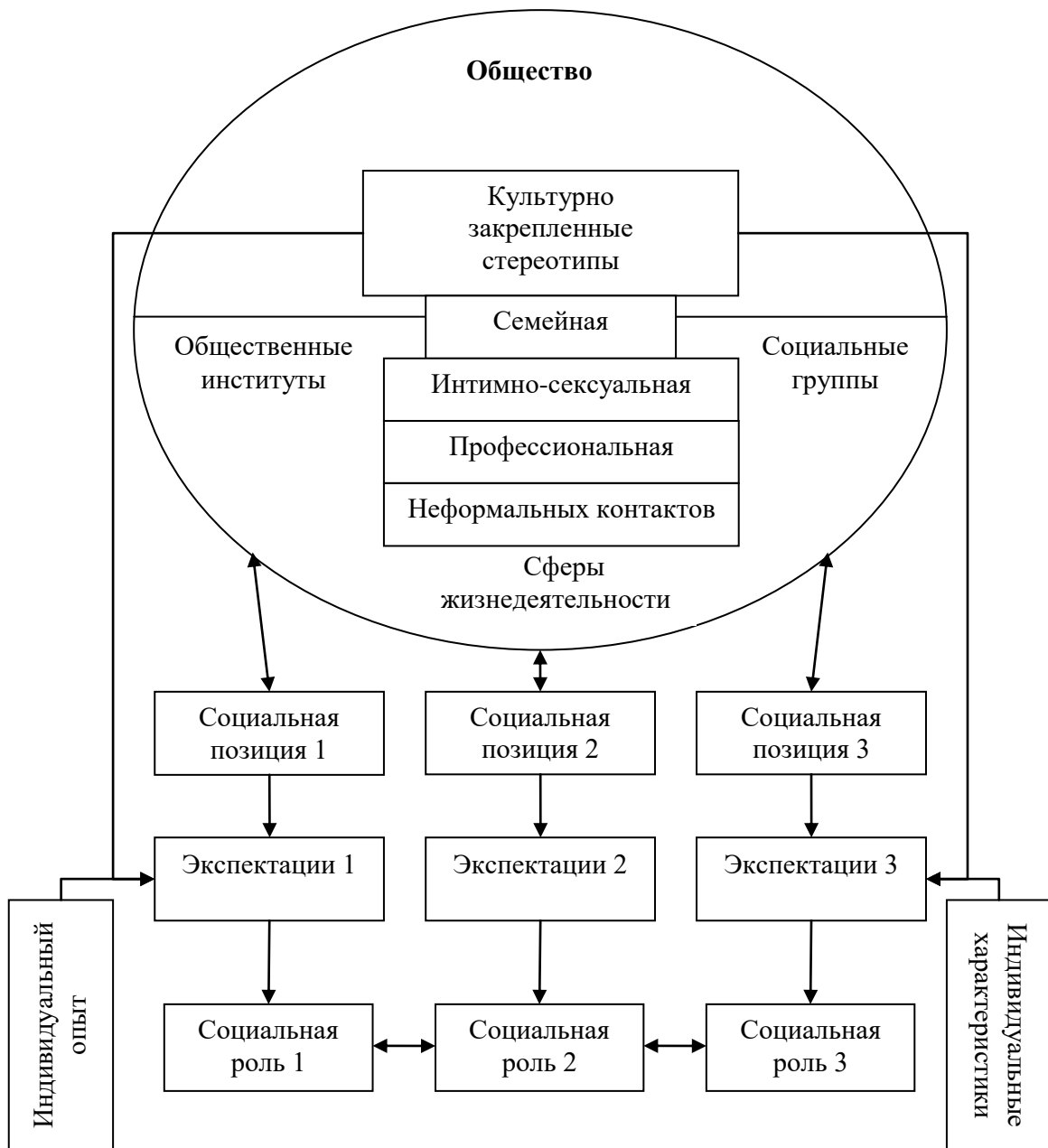

Рисунок 12. Структура интернализации социальной роли по И. С. Кону

Таким образом, мы имеем дело не с отдельными изолированными друг от друга моносистемами, а полисистемными образованиями, что требует новых методологических средств для их анализа. С точки зрения П. В. Кузьмина [180], социализация может быть отнесена к системам, отражающим явления

биогеоценозов, таких как «личность—общество». В этом смысле ролевая социализация предполагает взаимодействие систем, имеющих специфику.

Так в контексте социализации индивид усваивает общественные ожидания коллектива (группы) в каждой сфере, адаптируясь к требованиям группы. Феномен адаптации в большинстве исследований [30; 41; 71] рассматривается в совокупности социальных и биологических факторов и охватывает все сферы жизнедеятельности человека. Адаптация личности зависит от конкретных, постоянно изменяющихся социокультурных условий, под которые индивид должен подстраиваться с целью успешного функционирования в обществе.

Таким образом, все вышеобозначенные полисистемы, или жизненные сферы, в процессе социализации индивида могут быть встроены в структуру, содержание и функциональную организацию системного комплекса ролевой социализации в качестве определенных ролей и их экспектаций, образуя социальное качество личности как таковое [15; 131; 161; 198; 300]. В свою очередь, личность также может выступать как полиролевое полисистемное образование, включающее в себя различные системы, раскрывающие ее качественную определенность и само встраиваемое в системный комплекс ролевой социализации. Иначе говоря, личность состоит из множества полисистем, репрезентированных в ней в виде основных ролей и их взаимодействия в различных жизненных сферах, в которые личность онтологически встроена.

Следует отметить, что взаимодействие между системами «личность» и «социум», представленным в виде ролей на общесистемном уровне, предполагает выстраивание уникальной ролевой композиции в зависимости от социальной сферы, мотивов, потребностей и установок личности. В этой связи на системном уровне будет осуществляться синтез ролей в зависимости от мотивационных образований личности [131–138].

На нижележащем субсистемном уровне происходит, с одной стороны, интеграция ролей в основные жизненные сферы социализации, а с другой – их дифференциация в зависимости от сферы. В этом соединении ролевых компонентов кроется большая интеграция и целостность в отличие от

компонентного уровня. Вместе с тем необходимо учитывать, что любая декомпозиция предполагает включение одних компонентов системы с одновременным исключением других. Следовательно, данный уровень не исчерпывает содержание всей системы ролевой социализации. В то же время именно системный уровень обладает способностью интеграции всех нижележащих уровней, не сводимый к их аддитивной совокупности, демонстрируя формирование синергетических эффектов и нового процессуального содержания, составляющего специфику данного уровня [131–138]. Такая интеграция приводит к тому, что на ее основе ролевая социализация личности обретает черты системности. В этом пункте анализа возникает вопрос о структурных закономерностях системы, которые обеспечивают организацию ролевой социализации как системы. Иначе говоря, обладает ли системный уровень качественно специфичным содержанием и поэтому не может быть редуцирован до subsystemного уровня? Конкретизируя это, мы хотели бы подчеркнуть одно обстоятельство – общее направление системы задается системообразующим фактором, которым, по мнению Е. М. Николаевой [247], выступает самосохранение личности и поддержание ее структурной устойчивости. Это конкретно проявляется во внутриличностной дифференциации, которая диктует выстраивание своеобразной иерархической ролевой структуры, состоящей из базисных ролевых моделей поведения индивида в зависимости от условий. Согласно принципу «потенциальной неограниченности», сформулированному в метасистемном подходе [131], каждая отдельная социальная ситуация предполагает приспособление к конкретным условиям и требует от субъекта актуализации одной из имеющихся в его арсенале ролевых моделей поведения. При этом в пластах человеческого бессознательного одновременно присутствуют варианты других потенциальных ролей, располагающихся близко к актуальной ролевой модели. Такая ситуация предполагает существование устойчивых ролевых соотношений, принципиально возможных для воплощения, что обозначается в виде потенции. В процессе ролевой социализации эта потенциальная реальность представляет собой ролевой

тезаурус личности (субъективная среда). Согласно А. В. Карпову [131] и Е. М. Николаевой [247], социализация, в общем, и ролевая социализация, в частности, могут быть представлены в виде самоорганизующейся системы, так что из всего неограниченного состава ролей переводятся некоторые ролевые модели (в большей степени «работающие» на цель) в актуальное состояние, в то же время все остальные компоненты остаются в латентном или потенциальном состоянии (см. рисунок 13).

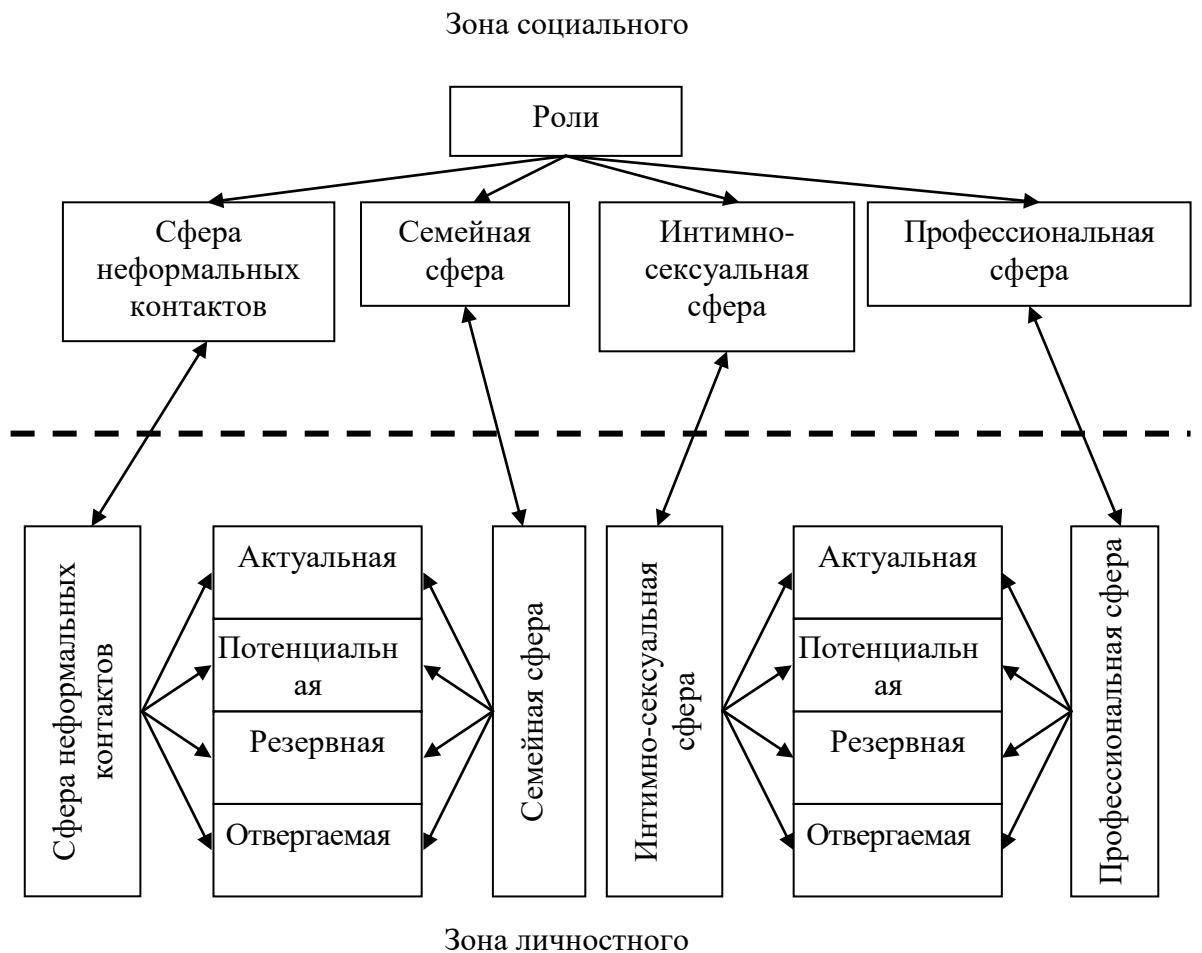

Рисунок 13. Межсистемное взаимодействие личности и социума

Следовательно, личность, выступая своеобразной системой, раскрывает свою уникальность, наполняя роль индивидуальным содержанием (индивидуальные свойства, личностные особенности, потребности, мотивы, интересы и пр.), отличным от интериоризированных родительских ролей, установок, что отражает открытие собственной уникальности. Согласно И. С. Кону [161], выполнение роли обусловлено индивидуально-личностными

особенностями, которые задают своеобразный стиль ролевого поведения. В числе факторов, детерминирующих уникальность ролевой структуры личности, решающее значение имеет соответствие роли потребностям, мотивам и интересам личности [15; 161; 255]. На этом уровне включается механизм индивидуализации, посредством которого осуществляется исследование индивидуального наполнения роли, отличного от интериоризированных родительских ролей, установок. На этом уровне важно актуализировать у индивида способность к познанию себя, собственных ценностей, личностных особенностей, потребностей, интересов, отличающих его от других людей, открытие своей уникальности [161; 314; 319]. Механизм индивидуализации в аналитической психологии К. Г. Юнга [370] полагается как «самопостановление», как способность к раскрытию глубочайшей уникальности, возможность «стать собственной самостью». Механизм индивидуализации, с точки зрения автора, тождественен психическому развитию субъекта, раскрывает индивидуальные особенности, заложенные в личности ее индивидуальное своеобразие, которое в силу общественного влияния может вытесняться в бессознательные слои психики. Принимая во внимание сопряженность роли с потребностью, можно предположить, что каждому определенному нами ролевому образу соответствует конкретный мотив. В этом контексте перед нами стоят две задачи: доказать связанность роли и мотива и выйти на систему мотивов в соответствии с предложенными ролями. В наших исследованиях было показано, что личностные особенности, психоэмоциональное состояние, ощущение своего Я и актуальная потребность значимо влияют на оценивание образов славянских богов [266]. М. Вебер [57] указывал на преобладающее значение субъективной мотивации исполнителя роли с целью понимания и объяснения его поведения. В рамках исследования Н. В. Кулагиной [181] было установлено, что нивелирование гендерного конфликта достигается посредством положительной идентификации с неполотипичной профессиональной ролью, ресурсом которой выступает ролевая мотивация и удовлетворенность ролью [181]. С точки зрения И. С. Кона [161], *интраиндивидуальным компонентом и результатом социального взаимодействия*

является система мотивов, установок и ориентаций, составляющих основу внутренней структуры личности. Автор указывает на социальную природу роли, мотивации, установки, ориентации и т.д., которые выражают потребности индивида как общественного организма. Таким образом, можно заключить, что потребности и направленность имеют двустороннюю организацию: с одной стороны, они являются социальным продуктом, с другой – определяют индивидуальный стиль личности. В этой связи можно предполагать, что как направленность имманентно связана с ролью, так и определенные мотивы соответствуют конкретной роли. Т. Парсонс [255], описывая характеристики роли (одну из которых называет мотивацией), считает, что каждая роль обусловлена своим мотивом. Иначе говоря, индивид, выполняя заданную роль, стремится к реализации связанной с ней потребности. Прежде чем перейти к решению второй задачи, предполагающей сопряжение роли и мотива, необходимо рассмотреть разнообразие классификационных мотивационно-потребностных схем. Большинство ученых прошлого века, занимаясь проблемами мотивации человека, под базовыми потребностями понимали врожденные потребности. Так, в начале XX в. З. Фрейд [329] предположил, что поведение человека детерминировано двумя бессознательными инстинктивными потребностями – потребностью в сексуальном удовлетворении (либидо) и потребностью в выражении агрессии (мортидо), которые жестко табуируются социумом. В этом ключе вся социальная жизнь индивида представляет борьбу между социальными требованиями (Супер-эго) и собственными потребностями, что порождает тревогу или невроз, для нивелирования последних, с точки зрения автора, необходимо постепенное осознание тенденций, находящихся в бессознательном. В контексте исследуемой проблемы ролевой социализации две потребности, определенные З. Фрейдом, приобретают особую значимость, т. к. отражают бессознательную природу двух деструктивных ролей – Ведьма и Трикстер, одновременно сочетающих стремление к сексуальному удовольствию и разрушению, характерных для периода молодости.

У. Макдугалл [539], в отличие от двухтендентного потребностного подхода З. Фрейда, выделил уже 18 инстинктивных склонностей индивида, служащих основой нормального поведения субъекта, среди которых можно назвать следующие: инстинкт поиска пищи; инстинкт отвращения; сексуальный инстинкт; инстинкт бегства; инстинкт любопытства, инстинкт материнства; инстинкт общения; инстинкт самоутверждения; инстинкт подчинения; инстинкт негодования, инстинкт приобретения, инстинкт строительства и создания, инстинкт принадлежности, инстинкт смеха, инстинкт комфорта, инстинкт отдыха, инстинкт бродяжничества. Внутренним выражением инстинктов, по мнению автора, являются главным образом эмоции. Так, например, инстинкт бегства связан с эмоцией страха, а инстинкт самоутверждения – с чувством собственности, сексуальный инстинкт – с любовью и ревностью и т.д. Таким образом, связывая инстинктивные первоосновы с эмоциональным возбуждением, ведущим к целенаправленной активности, автор предложил концепцию естественной мотивации, утверждающую, что основные потребности человека являются унаследованными. Представление У. Макдугалла об инстинктивной природе потребностей нашло свое продолжение в классификации потребностей Г. Мюррея, дополнившего список до 20 потребностей, которые могут проявляться в поведении самым различным образом (см. таблицу 3).

Нетрудно заметить, что Г. Мюррей не редуцирует потребности к 2–3 базовым, а представляет их в достаточно разнообразном виде. Но это и представляет проблему, т. к. ряд потребностей трудно отделить друг от друга, например, противодействие и агрессия, чувственность и сексуальность, поклонение другому и самоуничтожение.

А. Маслоу [224] критикует саму идею конкретизации потребностей и предлагает объединять их в некоторый комплект, что собственно он сделал в своей мотивационной теории.

Список потребностей по Г. Мюррею [по: 216]

Потребность	Описание	Потребность	Описание
Автономия	Стремление к свободе	Избегание унижений	Уход от ситуаций, чреватых оскорблениями
Агрессия	Стремление к сопротивлению или атаке	Осознание	Стремление к рефлексии
Аффилиация	Стремление к принадлежности, принятию	Отвержение	Отделение от негативно катектированного объекта, снобизм
Демонстрация	Стремление произвести впечатление	Поклонение другому	Стремление к восхищению вышезначимых лиц
Доминирование	Стремление контролировать окружающих	Противодействие	Стремление к противостоянию кому-либо или чему-либо
Достижение	Стремление преодолевать препятствия	Самозащита	Стремление защитить себя от нападков
Забота	Стремление к проявлению заботы о другом	Самоуничужение	Пассивное подчинение внешней силе, мазохизм
Зависимость	Потребность в зависимости от другого	Сексуальность	Стремление к формированию сексуальных отношений
Игра	Стремлению к деятельности без цели	Упорядоченность	Стремление к структурированию окружающего
Избегание вреда	Стремление избегать опасных ситуаций	Чувственность	Стремление к чувственным впечатлениям

Кроме того, биологизаторский подход к пониманию потребностей не объясняет проявление тех или иных форм поведения, его невозможно распространить на все формы человеческого поведения; у ученых возникает сомнение по поводу отнесения всех предложенных инстинктивных тенденций к инстинктам. В этой связи Д. Майерс [215] пишет, что инстинктом можно считать фиксированную, генетически запрограммированную модель поведения, активизирующуюся автоматически у всех организмов данного вида. В этом же

русле Е. П. Ильин [120] делает замечание относительно сложности сопоставления потребностей и инстинктивных тенденций У. Мак-Дугалла. Е. П. Ильин, осуществляя обзор мотивационно-потребностных теорий, предлагает свое определение потребностей, под которыми он понимает желание, переживаемое как внутреннее напряжение, побуждающее к целенаправленной психической активности. Автор говорит о необходимости изучения не только базовых инстинктивных потребностей, но и основывающихся на них социальных потребностях, участвующих в социализации субъекта. Е. П. Ильин обращает внимание на то, что все многообразие социальных потребностей можно редуцировать к нескольким базовым, таким как познавательная потребность, потребность в эмоциональной разрядке, потребность в сопереживании, которые, объединяясь друг с другом, образуют сложную мотивационную систему. А. Маслоу предложил мотивационную систему жизненно-важных потребностей, способствующих «полноценному человеческому существованию» [225, с. 129]. Иерархическая система потребностей включала несколько уровней: первый из которых отражает физиологические потребности; второй – потребности в безопасности; третий – потребность в принадлежности; четвертый – потребность в уважении и одобрении; пятый – познавательные потребности; шестой – эстетические потребности; седьмой – потребность в самореализации. С точки зрения А. Маслоу [224], реализация потребностей более высокого уровня невозможна, пока не удовлетворены потребности низкого уровня. Иначе говоря, потребности физиологического уровня, находясь в постоянном удовлетворении, теряют свою доминанту и утрачивают свое значение для текущей динамики личности, а их место занимают потребности более высокого уровня. Однако исследования ряда ученых опровергают жесткую последовательность в удовлетворении потребностей. Авторы описывают случаи удовлетворения потребностей более высокого уровня при неудовлетворенных потребностях в безопасности и физиологических, принадлежащих к нижележащим уровням (см. например В. Франкл [328]). Д. МакКлелланд [537], давая оценку теории А. Маслоу, указывает, что автор не берет в расчет влияние средовых факторов в

удовлетворении потребностей, а также отмечает, что его иерархическая модель потребностей не была экспериментально доказана. Среди современных исследований можно выделить работы П. А. Кислякова [354; 145], направленные на изучение просоциального поведения молодежи и обуславливающих его факторов. Одним из таких факторов автор называет социокультурные потребности, включающие в себя материальные, социальные и духовные потребности. Важной и отличительной особенностью этих потребностей выступает их обусловленность социальной составляющей, цель которой заключается в отражении общественной культуры в онтологии социального взаимодействия.

Анализируя психологию мотивации, А. В. Карпов [137] отмечает, что ученые в основном рассматривают мотивы и потребности, а не мотивационные процессы, что оставляет нераскрытым собственно процессуальное содержание в отличие от структурного аспекта. Чтобы нивелировать такую асимметрию, автор предлагает ввести понятие метамотива, под которым понимает *мотивационные образования, не имеющие предметной отнесенности, но регулирующие мотивационный потенциал личности, определяя ее общую мотивационную ориентацию*. В качестве таких метамотивов А. В. Карпов называет бытийные ценности А. Маслоу, мотивацию достижения и избегания неудач Дж. Аткинсона и Дж. МакКлелланда и др. Именно такие метамотивы в значительной степени определяют направленность личности, проявляясь в различных видах деятельности и поведенческой активности.

В контексте проблемы метамотивов можно привести выделенные К. Пирсон и М. Марк [220] четыре группы мотивационных образований, которые отвечают всем требованиям метамотивов: независимость и реализация, риск и мастерство, принадлежность и удовольствие, стабильность и контроль. Большая заслуга авторов в том, что они смогли распределить вычлененные ими двенадцать архетипов и сгруппировать их в кластеры по три архетипа, привязывая к каждой группе характерное для них мотивационное образование. Таким образом, они получили четыре группы архетипов с соответствующими мотивами, являющиеся,

по мнению авторов, наиболее важными для выполнения четырех базовых человеческих потребностей (см. таблицу 4).

Таблица 4

Группировка архетипов и мотивов по К. Пирсон и М. Марк

Мотивы	Группы архетипов
Независимость, реализация	Искатель, Простодушный, Мудрец
Риск, мастерство	Герой, Бунтарь, Маг
Принадлежность, удовольствие	Славный малый, Любовник, Шут
Стабильность, контроль	Заботливый, Творец, Правитель

Отметим, что такая постановка проблемы, позволяет выявить специфику каждой архетипической группы, определяя стратегическое направление в развитии каждого архетипа. Принимая во внимание тезис о редуцировании потребностей к нескольким основным метамотивам и соответствие определенного метамотива основной ролевой модели, мы должны понимать, что перед нами стоит непростая задача: выявление для каждой ролевой модели потребности, которые могут быть редуцированы к нескольким основным. В данном случае важно обратить внимание на некоторую терминологическую путаницу в употреблении терминов «потребность» и «мотив» как взаимозаменяемых. На самом деле важно различать их между собой. В частности потребность может быть представлена как динамическая составляющая мотива, входящая в его структуру наряду со знаниями о способах удовлетворения потребности (когнитивная составляющая). В этом контексте, используя термин метамотива, обратимся к пониманию поведенческой структуры человека М. Люшера [210], который приходит к четырем основным потребностям или мотивационным образованиям:

- потребность в сопринадлежности, в единстве и гармоничном единении, в близости;
- потребность в значимости, самоутверждении, упорстве;
- потребность в доминировании, в успехе, достижении, активности;
- потребность в освобождении от ограничений, препятствий, в любознательности.

Принципиальная особенность данной концепции заключается в том, что М. Люшер связывает потребности с социализацией индивида, с взаимоотношениями с окружающим социальным миром и наряду с четырьмя основными предлагает рассматривать еще и дополнительные. При этом четыре социальных мотива личности, с точки зрения М. Люшера, отражают четыре основные архетипические модели поведения, которые образуют гармоничную внутреннюю систему личности и, собственно говоря, отвечают всем требованиям метамотива. Не имея предметной отнесенности (или вторичными мотивами), они являются сложными мотивационными образованиями, способными регулировать характер иных мотивов, имеющих предметную отнесенность. Они имеют высокую значимость для личности, определяя ее общую мотивационную направленность, поведенческую активность (в том числе и деятельность) и смысл ее бытия. Важным достижением автора является экспликация основных мотивов на четыре цвета (синий, зеленый, красный и желтый), а дополнительным мотивам соответствуют в концепции М. Люшера еще четыре цвета (фиолетовый, коричневый, серый и черный), экспериментальная апробация которых осуществляется автором при помощи созданного им цветового теста М. Люшера. Выдвинутые автором цветовой концепции положения приобретают особую значимость в рамках построения ролевой теории, важным моментом которой выступает создание мотивационно-ролевой системы, позволяющей установить сопряженность между ролью и актуальным мотивом.

На основании характеристик основных ролей и мотивационно-цветовой концепции М. Люшера определим в первом приближении характерные для каждой ролевой модели мотивы в каждой стадии социализации. Укажем, что перед нами стоит непростая задача, требующая с одной стороны сопоставления всех ролевых образов с четырьмя основными потребностями, выделенными М. Люшером, а с другой стороны для каждой роли важно определить собственный мотив.

Детство

С точки зрения Дж. Бейби [398], архетипы Мальчика и Девочки отражают творческое и импульсивное начало личности, испытывающей трудности в социализации. Архетип Божественного ребенка (Пуэра – алхимический термин – божественная вневременность) К. Г. Юнг [343] сопоставляет с Самостью. Он выражает нахождение отдельного существования личного сознания в океане коллективного бессознательного. Маленький ребенок часто оказывается сверхчеловеком, обладающим невероятными способностями, несмотря на юный возраст, и в этом состоит его божественность. В мифологии данный архетип используется для обозначения Бога-дитя (например, Эрос), что психологически, с точки зрения К. Г. Юнга, может означать определенную константность детских черт во взрослой жизни и свидетельствовать о невротическом компоненте личности. Ролевая модель ребенка стремится к свободе, ребенок ненавидит оковы и презирает всякие ограничения, поэтому в сказках его часто похищают, запирают в клетки, печки, прячут в мешки, пещеры и т. д., из которых он либо самостоятельно убегает, либо ему помогает Анима-сестра [263]. Основными характеристиками ролевой модели ребенка являются спонтанность, находчивость, склонность к игре, подверженность эмоциональным волнениям. Среди выделяемых В. Н. Дружининым [98] жизненных сценариев к периоду детства относится сценарий «Жизнь как предисловие», следуя которому, индивид откладывает «настоящую» взрослую жизнь на будущее, которым, собственно говоря, и живет, снижая при этом ценность настоящего. Этот тип старается рассматривать все альтернативы в качестве возможности чему-либо научиться. Описывая период детства, Э. Эриксон [363] констатирует, что основной потребностью в этом возрасте является потребность в автономии. При этом автор разводит половые особенности в данный возрастной период. Для мальчика характерна деятельность, а девочки в большей степени ориентированы на превращение себя в привлекательную и неотразимую. Внимательное изучение Л. С. Выготским [66] основных кризисных этапов детского развития, позволило ему выделить такие особенности детского возраста, как эмоциональность,

негативизм, упрямство, своеволие. Проведенный анализ демонстрирует, что наиболее важным метамотивом для роли ребенка, реализуемой в образах девочки и мальчика, выступает метамотив в освобождении от ограничений, препятствий, в любознательности, ассоциируемый М. Люшером [97] с желтым цветом. И. Гете [72] отмечал, что желтый цвет отличает ясность, веселость и мягкая прелесть. Реконструкция семантики цветов на основе произведения классиков русской литературы, осуществленная П. В. Яньшиным [381], показала, что в качестве характеристик желтого цвета писатели используют как негативную, так и позитивную семантику: хорошее настроение, безмятежность, сумасшествие, раздражение и пр. В исследованиях автора было доказано, что при предпочтении желтого цвета у респондентов доминируют такие личностные характеристики, как хорошее настроение, высокая самооценка, безмятежность, адаптированность и экстраверсия. Анализ 12 экспериментальных работ, осуществленный Б. А. Базыма [28], демонстрирует, что желтый цвет выносится детьми на первые позиции, что свидетельствует о предпочтении этого цвета в детском возрасте.

Молодость

Среди мужских прототипов периода юности К. Г. Юнг уделяет внимание архетипу Героя. Используя терминологию З. Фрейда, автор в своей работе «Либи́до, его метаморфозы и символы» приходит к пониманию, что либи́до может воплощаться в образах, героя, богатыря, витязя и пр. Согласно О. Нойбергеру [561], Герой является противоположностью архетипа Отца и выражает все то, что когда-то было у Отца (смелость, свобода, власть, величие). Э. Нойманн [248] считает, что архетип Героя отражает проблему борьбы эго-сознания с прародителями, т. е. с бессознательным, за свою независимость. Покинув состояние таинственной сопричастности с Великой Матерью, он несет в себе мудрость и культуру. Дж. Кэмпбелл [188], посвятив архетипу Героя свою работу, демонстрирует в ней, что путь Героя созвучен обрядам инициации, которые необходимы для сопровождения перехода индивида из одного социального статуса в другой. Такой переход предполагает трехстадиальный процесс:

- первая стадия (сепаративная) – разрушение прежней социальной роли;
- вторая стадия (лиминальная) – «нахождение на грани» бесстатусное состояние, отсутствие социальной роли;
- третья стадия (восстановительная) – обретение новой для индивида социальной роли.

Таким образом, в судьбе Героя, по мнению Дж. Кэмббелла, отражается процесс социализации, который является не единичным, а много повторяющимся актом. При активации роли Героя у индивида возникает желание доказать свою ценность, участвуя в реальных или мнимых сражениях, готовность принять брошенный вызов [220]. По мнению Э. Эриксона [363], главной задачей данного периода является способность стремиться и достигать поставленной цели, которая относится в основном к двум областям – работа и любовь [329; 363], в которых Герой стремится к победе. Представленные характеристики и направленность Героя позволяют предположить, что для ролевой модели Героя ведущей будет являться потребность в доминировании и успехе, которая, с точки зрения М. Люшера [210], соответствует красному цвету, символизирующему импульсивного покорителя. Как отмечает Н. В. Серов [311], красный цвет – это цвет Эроса, который отражает активный мужской принцип. Красный цвет вызывает состояние сильного возбуждения и агрессивности, не связанный с эмоциями, он вызывает сильную активацию эмоционального состояния независимо от знака [381].

Женская архетипическая роль Девы, относящаяся к периоду молодости, подробно описывается К. Г. Юнгом в образах Керы и Персефоны [373]. Автор пишет о беспомощности архетипа Девы, вследствие которой она попадает в опасные ситуации. В исследованиях О. К. Агавеляна, С. Б. Перевозкина и Ю. М. Перевозкиной [4] было эмпирически выявлено, что Предвечная Дева имеет следующие качества: наивность, чистота, красота, страсть и эмоциональность. Архетип Предвечной Девы, является феминной копией Ребенка (*puella aeterna*). Она также как и Ребенок отражает игривость, веселость. Она (Дева) – Персефона в своем юном и прекрасном очаровании. Дева – это предвечная невеста, которая

находится на грани между двумя мирами, и она готова бежать от ненавистного мужского доминирующего начала (Аида) к матери, к своей женской сущности. В этой связи наиболее выраженной ролевой потребностью данного образа предположительно может выступать потребность в бегстве, с одной стороны, а с другой – подчинения; обе выражены белым цветом [97]. Психологическими характеристиками белого цвета, по мнению Б. А. Базыма [28], выступают нетронутость, самоотдача, открытость, единство, легкость, которые отражают сущностные основы ролевого образа Девы. В связи с тем, что белый цвет не относится к основным четырем потребностям в цветовой схеме человека М. Люшера, то встает необходимость соотнесения женских ролевых моделей с одним из основных цветов. Обращаясь к работе К. Г. Юнга [368], который рассматривает три женских образа в качестве начала, становления и угасания женщины, можно предположить, что все три соотносятся с темным синим цветом, отражающим женское начало, глубину, мягкость, единение, вечность [373].

Взрослость

Теоретический анализ архетипа Великого Отца демонстрирует, что он воплощает в себе роль правителя, владыки, родителя [93; 220; 259]. С точки зрения К. Г. Юнга [368], Отец «всех детей» способен к снисходительному и покровительственному отношению к окружающим. Естественное желание правителя, по мнению М. Марк и К. Пирсон [220], – добиться тотального контроля. Беря на себя руководящую роль, индивид с выраженной ролью Отца заботится о собственном статусе, имидже, власти. В целом ролевая модель Отца, контролируя и укрепляя социальную структуру, как отмечает Э. Нойманн [248], отождествляется с коллективными ценностями, культурным наследием своего народа. Соответственно можно предположить, что для ролевой модели Отца ведущей потребностью будет потребность в значимости, самоутверждении, упорстве, которые ассоциируются с зеленым цветом [210]. Зеленый цвет, по мнению М. Люшера, содержит жизненную возможность, он весьма доволен собой, консервативен, стремится к самоутверждению, уверен в признании со стороны окружающих. В описании П. В. Яньшина [381] зеленый цвет связан с

адаптированностью, личностной интеграцией, уверенностью, устойчивостью, прагматизмом и самоконтролем поведения.

С точки зрения К. Г. Юнга [368], архетип Матери есть трансляция символа возрождения и жизни (автор сравнивает Мать с символикой дерева). Архетип Матери в труде С. Биркхойзер-Оэри [45] представлена как темная и светлая сущность женского начала. Психологическими позитивными характеристиками Матери являются забота о членах своей семьи, об окружающих, которым она дарит жизнь и любовь, лелеет и кормит. В эпигенетической концепции Э. Эриксона [363] основной задачей периода взрослости выступает забота. В частности, Э. Нойманн [248] отмечает, что Мать обладает такими характеристиками, как оберегающая, принимающая, дарящая любовь. Данный архетипический образ, по мнению О. О. Андрониковой [19], является наиболее значимым для решения женских задач, вследствие чего может приводить к конфликту с инстинктом самосохранения. Основой этой программы выступают забота и защита потомства. Важным психическим процессом, на который опирается данная ролевая модель, является ощущение. Е. М. Schur [589] указывает, что благодаря биологическим возможностям деторождения женская роль матери и воспитателя традиционно становятся их главной идентичностью или ролевой моделью, понимаемой как наиболее важная роль в данный момент, которая особенно выражена у женщин, имеющих детей младшего возраста. Темное начало Матери сопряжено с такими характеристиками как гиперконтроль, сверхопека, подавление [45]. Таким образом, можно заключить, что ролевая модель Матери эксплуатирует мотив в сопринадлежности, в единстве и гармоничном единении, воплощенных в синем цвете. Материнское начало ассоциируется с символом воды, который представлен в двух аспектах этого архетипа по-разному: добрая Мать – это вода, которая лелеет зародыш, а ужасная Мать – губительные воды, засасывающие глубины, наводнение и воды пучины [366]. К. Г. Юнг утверждает, что именно синий цвет выступает отражением материнского цвета, связанного с околоплодными водами, глубинным бессознательным. Синий цвет – это цвет Богоматери [311]. Таким образом, роль

Матери как воплощение женского начала обретает себя в синем цвете и связанной с ним потребностью в заботе и единении.

Старость

Стареющая часть женской души, наполненная мудростью и отрешенностью, укореняется в образе Старухи, или Гекаты, которая связана, по мнению К. Г. Юнга [367], с луной. Н. В. Чернявская, проведя исследование архетипического образа Старика и Старухи в русской прозе XIX–XX вв., пришла к выводу, что в литературном творчестве отмечается динамика данных образов от «...мифологической к постмифологической эпохе: первоначальная мифологическая роль предков и культурных героев, творящих и обустроивающих мир, покровительствующих человечеству, уступает место другому облику персонажей; с течением времени они осознаются как земные старики-супруги, нежно привязанные друг к другу и счастливые этой привязанностью» [338, с. 3]. Вместе с тем образ Старухи часто несет негативную направленность, которая транслируется через угрожающую женскую символику. Как отмечает С. Биркхойзер-Оэри [45], зло Старухи не лишено смысла – оно преподносит главному герою или героине урок мудрости герою. А. В. Чернышев [337], считает, что архетип Старухи (Баба-яга в сказках) представляет архетип мудрости в виде символа вещей старухи. Э. Эрикссон [363] указывает, что в целом для пожилых людей характерна мудрость, а кризис обусловлен конфликтом между целостностью и отчаянием. В этой стадии социализации происходит увядание организма, появляется общее недомогание и плеяда болезней. В этой связи пожилые люди в большей степени обращают внимание на свое физиологическое состояние, которое, по мнению М. Люшера [210], обозначается коричневым цветом. Предпочтение коричневого и серого цвета пожилыми людьми было доказано в диссертационном исследовании А. М. Эткинды [364]. При этом женщины более чувствительны к сигналам организма, по сравнению с мужчинами. Женщины ставят на первое место терминальную ценность здоровья, тогда как мужчины только на четвертое [119]. Коричневый цвет отражает, по

мнению М. Люшера [210], потребность в физиологическом комфорте и чувственном удовольствии. В исследованиях А. М. Эткинда [364] продемонстрировано, что этот цвет обладает такими характеристиками, как уступчивость, зависимость, спокойствие, добросовестность, расслабленность. Этот цвет символизирует собой надежность и депрессию одновременно [210], что, с точки зрения К. Г. Юнга [366], характерно для стареющей матери-земли. В этом контексте именно коричневый цвет, отражающий потерю активности и потребность в телесно-чувственных ощущениях, сопоставим с ролевым образом Старухи, направленным на себя.

Обращаясь к мифологическому образу Кору и Деметры, К. Г. Юнг [368] предлагает их рассматривать в тройном аспекте девушки, матери и старухи, символизирующими начало, становление и угасание женщины, что отвечает периодам социализации субъекта. В этой связи при редуцировании ролей к четырем основным потребностям в концептуальной цветовой модели М. Люшера обозначим, что все три можно соотнести с темным синим цветом, отражающим женское начало, глубину и бесконечность водных просторов женского бессознательного [373].

Одухотворенное мужское начало эксплицируется в архетипе Великого Старца (или Духа), концентрирующего в себе знание и мудрость всего человечества [367]. Помогая совладать с преградами, Старец указывает субъекту путь к собственным корням [263; 264]. Однако вместе с духовным в этом архетипе имеется и демоническое, как отмечает К. Г. Юнг [367]. Как всевидящее небо Старец совмещает в себе и тьму, и свет – небо светит и благу, и злу, допуская абсолютно все и сотнями лет равнодушно наблюдая за созиданием и разрушением. Абсолютно также Дух (или Старик) относится к жизни и смерти, всегда оставаясь равнодушным или непричастным к скорби и страданиям, которые его деяния оставляют в мире. В качестве негативных характеристик ролевой модели Старца можно назвать злопамятность [271]. Я. Стюарт-Гамильтон [320] приводит экспериментальные данные об увеличении интраверсии у пожилых мужчин, склонности к спокойствию. Следовательно, можно к основным

мотивам роли Старика отнести мотив в наставлении и уважении, при определенном отчуждении. Эти мотивы представлены в двух цветах: серый как цвет, связанный с частным мотивом в дистанцировании и незаметности, и зеленый цвет, олицетворяющий уважение, утверждение своего «Я», стремление наставлять и окружающих. Зеленый цвет в исследовании П. В. Яньшина [364] сосредоточен на покое и умиротворении, связан с таким качеством, как личностная интеграция. Зеленый характеризуется как доминантный и интровертированный.

Деструктивные роли периода молодости

К обозначенным К. Г. Юнгом прототипам Дж. Бебе добавляет еще два архетипа. Архетип Ведьмы рассматривался К. Г. Юнгом [366], Э. Нойманном [248] и С. Биркхойзер-Оэри [45] в качестве одного из аспектов Великой Матери. Архетипы демонической личности и противостоящей личности основателем аналитической психологии объединялись в один образ Трикстера [см. 366–368; 373]. Итак, Дж. Бебе [397; 398] рассматривает три интересующих нас архетипа как имеющих теневую направленность, добавляя к ним архетип Старика. Сразу оговоримся, что проведенные нами исследования относительно теневой природы архетипического образа Старика показали противоречивые результаты [3], тогда как ролевые образы Ведьмы и Трикстера носили однозначно негативный характер в описаниях респондентов. Исследования О. К. Агавеляна с соавторами демонстрирует [3], что архетипический образ Ведьмы несет в себе негативные, иррациональные характеристики: зло, хитрость, ужас. П. Янг-Айзендрат [380] отмечает, что образ Ведьмы в семейных отношениях – это жена, стремящаяся к подавлению, контролю всем членам семьи, использующая иррациональные способы разрешения конфликтных ситуаций. Архетип Ведьмы символизирует Ужасную Мать и предстает у С. Биркхойзер-Оэри [45] в образе Огненной Матери. Этимологический анализ слова «ведьма» происходит от слияния двух древнерусских слов «ведь» – знание и «мать». Е. В. Иванова [115] предполагает, что ведьма обладает специальными, эзотерическими знаниями,

дающими ей возможность реализовывать общее руководство определенными процессами. Автор отмечает, что демонический образ роли Ведьмы в социальной жизни претерпевает трансформационные изменения – от языческой жрицы до демонизированной носительницы негативных образцов. Анализ сказок демонстрирует, что в сказках мачеха зачастую бывает ведьмой, которая в свою очередь может быть молодой или старой. С другой стороны, довольно часто встречается в народных представлениях превращение ведьмы из жуткой старухи в молодую девушку, и наоборот. Так, например, в Украине образ ведьмы часто меняется от молодой девушки, которая может превратиться в старуху (в сказочной повести Н. В. Гоголя «Вий» молодая панночка превращалась в старуху-ведьму, для сравнения в сказке «Белоснежка» молодая мачеха также превратилась в ведьму-старуху, предлагая Белоснежке отравленное яблоко). Проведенное нами исследование архетипических начал в славянской мифологии [262; 272] показало, что мифологическое начало архетипа Ведьмы в славянской мифологии связано с такими богинями, как славянская богиня судьбы Среча (представлялась древними в образе богини судьбы, несчастного случая), Мокошь – богиня плодородия, связанная с потусторонним миром («Ма» – мать, древняя богиня и «кошь» – жребий), Морана – растительная и воскресающая богиня смерти (от санскритского «mṛi» – умираю), которая впоследствии трансформировалась в Снегурочку, с одной стороны, и Бабу-ягу – с другой. Один из самых главных выводов из сказанного состоит в том, что доминирующие мотивы Ведьмы могут быть выражены в виде тяги к эзотерическому знанию с целью подчинения окружающих, что может быть отражено в фиолетовом цвете, связанном с магией и колдовством. Этот цвет, по мнению М. Люшера [210], соединяет в себе мужское и женское начало, воплощенное в красном и синем цвете, уничтожая их противоположность. Фиолетовый цвет представляет скрытую тайну, магическое отождествление. Согласно П. В. Яньшину [381], это цвет, склонный к одиночеству, удалению, грустный и мистический, что вполне соответствует, на наш взгляд, роли Ведьмы.

Другим ролевым образом, обладающим деструктивной энергией, выступает архетип Трикстера, воплощающий в себе физические страсти, желания неподвластные разуму. Как пишет К. Г. Юнг [367], он сочетает в себе и животную страсть, и божественность. Согласно П. Радину [292], Трикстер не имеет моральных и социальных устоев, находясь на службе своих страстей. Анализируя образ Трикстера, К. Кереньи [144] раскрывает такие его особенности, как вневременность, приверженность телесным похотям, разрушение как себя, так и социальной среды. Обладая маргинальным статусом, Трикстер приносит разрушения и новые возможности в социальную модель [615]. Несознательные размышления определяют поведение Трикстера, а бессознательные – порывы, при этом его бессознательность доходит до того, что он начинает сражаться сам с собой. И. Г. Пендикова и Л. С. Ракитина [259] называют Трикстера плутом, озорником, «сниженным» культурным героем и Богом-творцом, который за счет своих озорных проделок, легкомыслия, похотливости, прожорливости, склонности к профанации священных обычаев и ритуалов является подходящим образом для манифестации иррациональной природы бессознательного. Его двойственная природа характеризуется тем, что, с одной стороны, он, как и ребенок, спонтанен, весел, стремится к жертвенности, а с другой – может запросто нарушить закон или привычные нормы морали, склонен к коварным и злым выходкам. К. Г. Юнг [367] указывает, что кредо Трикстера – противостояние окружающему миру, описание которого можно найти в архетипе бунтаря М. Марк и К. Пирсон [220]. Основной линией этого архетипа является разрушение, разгул и противостояние окружающему миру при ощущении себя чуждым обществу. Тенденция разрушения и противостояния воплощается в черном цвете, который, по мнению В. Тернера [321], ассоциируется с бессознательным состоянием. Разрушительность черного цвета бросает вызов [28]. Как указывает Н. В. Серов [311], черный цвет в мифологии соответствует опасности и иррациональности, отмечается связь этого цвета с сексуальной привлекательностью. Автор называет его «архетипом анархизма».

Обобщая природу ролевых моделей Ведьмы и Трикстера, можно утверждать, что они отражают инстинктивную часть личности, в терминах З. Фрейда – мортидо и либидо, тогда как остальные ролевые модели относятся к социализированной части индивида. В этой связи мы можем утверждать, что ряд основных ролей (Старуха, Старик, Мать, Отец, Дева, Герой, Ребенок) имеют в целом позитивную направленность, а два (Трикстер и Ведьма) тяготеют к негативной (хотя некоторые авторы рассматривают двойственную природу у всех архетипов [45; 248; 366–368]. В целом необходимо отметить, что, по данным Е. П. Ильина [120], у мужчин преобладают мотивы в уважении, риске, соперничестве и власти, тогда как для женщин характерны такие, как мотив в общении и заботе о других. Тщательный теоретический анализ позволил придвинуть гипотезу еще на шаг вперед и подтвердить предположение, что каждый ролевой образ имеет мотив, связанный с закрепленными ожиданиями в социуме (см. таблицу 5).

Таблица 5

Основные ролевые модели и их мотивы

Возраст	Пол	
	<i>Женское</i>	<i>Мужское</i>
Ранний возраст	Девочка М*: любознательности	Мальчик М: любознательности
Молодость	Предвечная Дева М: сопринадлежности	Герой М: достижения
	Ведьма М: обольщения	Трикстер М: противостояния
Взрослость	Великая Мать М: заботы	Великий Отец М: управлении
Старость	Мудрая Старуха М: физиологического комфорта	Мудрый Старец М: наставления

*М. – мотив

Итак, выделенные и охарактеризованные нами четыре структурных категории – роль, направленность, мотив и сфера социализации (см. § 1.2.3) – могут быть соотнесены с нашей общей ролевой теорией социализации, в рамках которой предполагается, что индивид осваивает и реализует роли, отражающие

основные этапы жизненного пути человека: детство, молодость, взрослость, старость (см. рисунок 14).

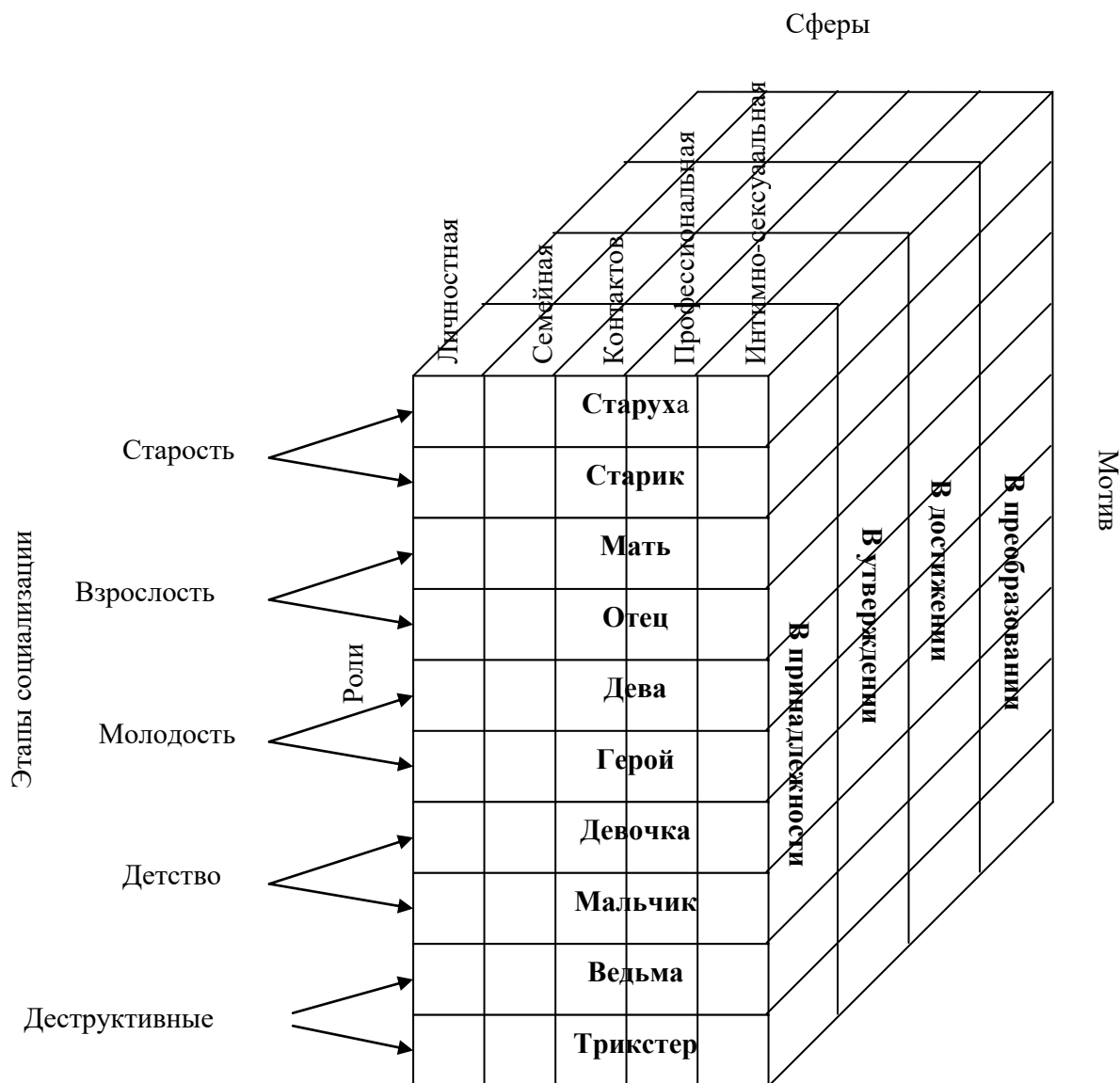

Рисунок 14. Ролевая модель социализации молодежи

Обозначив структурный состав каждого уровня, необходимо обратить внимание на один важный аспект, указанный в ряде работ А. В. Карповым [131–138]. Автор утверждает, что в любой системе ее парциальная составляющая, которая, встраиваясь в систему (или системный комплекс), реализует свойственную ей парциальную функцию, которая направлена на реализацию всей системы. В итоге у самого системного комплекса активизируются качественно новые измерения, характеризующие его как целое. Вместе с тем, по мнению В. П. Кузьмина [180], целостность системного комплекса относительна, ее нужно

понимать как единство взаимодействия систем, как интеграцию. Эти измерения выступают следствиями механизмов, связанных с функциональной дифференциацией системного комплекса. Это обусловлено базированием системного подхода на общей методологии качественного анализа, вскрывающего проблему качественной самостоятельности элементов, компонентов и интегральных свойств системного комплекса.

Решение этой проблемы основывается на качественной самостоятельности компонентов в интегрированном целом. Первый вопрос относится к гносеологическому плану исследования и предполагает множественность предметов исследования, которые могут быть изучены по схеме системы в целом. Второй вопрос касается взаимодействия разнокачественных систем в рамках системного комплекса. Такое взаимодействие, согласно В. П. Кузьмину [180], отражает сосуществование двух рядов качественной определенности «элемента и совокупности». Это представляет удвоение качеств существования – всеобщий закон интеграции, представляющий различие общих, системных, интегральных и элементарно-предметных качеств. Такое удвоение знаний о предмете, с точки зрения автора, дополняется макросистемными знаниями о функционировании предмета в соответствии с законами системного комплекса. Взаимодействие систем в рамках системного комплекса образует более богатую совокупность знаний, относящихся к знаниям более глубокого порядка. Непринятие во внимание эффекта удвоения качеств приводит к упрощению и редукционизму сложных систем или системных комплексов, т. к. в их основе лежат многокачественные и многомерные представления о реальности.

В этом контексте целесообразно выявление дифференциальных качеств, обладающих не меньшими эвристическими возможностями, чем системные свойства. По мнению А. В. Карпова [131], системные качества являются более сложными и представлены только на системном уровне, при этом они лежат вне доступа чувственному восприятию. В этой связи их понимание может быть реализовано посредством идеализации и концептуализации. Важно также обратить внимание на открытые системы, которые взаимодействуют друг с

другом в рамках системного комплекса; в нашем случае это личность и социум. Личность, с точки зрения отечественных ученых [11; 131; 161; 198; 300], есть социальный продукт и ее необходимо рассматривать только в контексте общественных отношений. Вне социальной реальности личности не существует, поэтому личность необходимо изучать только «...в системе социальных связей и отношений» [11, с. 234]. Социальность личности обусловлена, по мнению И. С. Кона [161], ее ролями и самосознанием, которые являются продуктами общественного развития. Место личности в общественных отношениях определяется статусом [11; 161; 255], который является объективной переменной, подверженной изучению (экономическое или политическое положение, трудовая характеристика и пр.). В свою очередь роль, рассматриваемая как динамический аспект статуса, имеет важное значение в реализации социального функционирования личности – «личность как общественный индивид всегда выполняет определенную совокупность общественных функций» [11, с. 244]. Роль, как было показано выше (см. § 1.2), выступает как общественно заданный образец, модель поведения, ожидаемая от индивида, занимающего конкретную позицию или имеющего определенный социальный статус [161]. Именно поэтому, ролевое поведение личности можно осознать только в рамках социальной группы или социальной сферы, к которым относится конкретная личность, что позволяет говорить о социализации и личности как о системах. Однако, как отмечает Б. Г. Ананьев [11], роль необходимо рассматривать с трех разных сторон: социальная – общественная значимость деятельности личности; психологическая – соответствие индивидуальных качеств субъекта и исполняемой роли; социально-психологическая – интеграция и иерархизация ролей в ролевую структуру личности в зависимости от мотиваций, потребностей, идеалов и установок индивида. Последние, с точки зрения Б. Г. Ананьева, представляют ядро личности как целостную совокупность или систему сознательного отношения субъекта. В этом контексте рассмотрение ролевой социализации в виде системного комплекса обладает эвристичным потенциалом, т. к. следуя словам Б. Г. Ананьева, позволяет изучить мотивацию, социальные

роли, направленность в плане жизненных сфер в целостной системе интериндивидуального (социальное пространство) и интраиндивидуального (личность). Главным выводом обсуждаемого выше материала, является понимание того, что личность интегрирует все структурные компоненты в уникальную композицию, проявляя активность. Таким образом, системообразующим качеством на системном уровне выступает **активность** в построении своего жизненного пути, жизнотворчество самого субъекта. В этом смысле личность понимается не только как субъект деятельности, но и жизнотворчества.

Учитывая понимание социализации в контексте системного подхода, в рамках которого постулируется, что многомерная многокачественная реальность образует сложные системные комплексы, в рамках которых обнаруживается взаимодействие других систем [140; 180], следует отметить, что рассматриваемая нами ролевая социализация молодежи имеет еще один, наивысший уровень – метасистемный (открытый уровень), который реализует выход за пределы меры развернутости системы. Таким образом, ролевая социализация возникает как интегральный эффект взаимодействия нескольких разнокачественных объектов, связанных необходимой зависимостью и функциональной связью. В частности, личность и социум имеют как общие, так и специфические закономерности, которые не выводятся друг из друга, но имеют собственную логику развития и по-особому детерминируются системным комплексом. Такое взаимодействие разнокачественных систем высвечивает необходимость специального исследования комплексных закономерностей, которые не просто фиксируют взаимозависимость этих систем, но и устанавливают их динамическую структуру взаимодействия. Пристальное внимание к системным комплексам такого плана, изучение каждого конкретного случая такого взаимодействия в контексте системного подхода позволяет представить их сложную, многокачественную и многомерную структуру. Системный подход проявляется в этом случае как качественная объективация всеобщей взаимосвязи, которая может быть рассмотрена в виде «качественного узла взаимодействия», когда предмет

выступает элементом в системе общей взаимосвязи [180]. Такое взаимодействие осуществляется на высшем надсистемном уровне и предполагает «встраивание» в систему личности социального, превращение его в идеальную форму. Особенность открытого в терминах А. В. Карпова метасистемного уровня заключается в феномене присвоения системой элементов, принадлежащих к другой системе. По словам А. В. Карпова, онтологический аспект раскрывает само реальное существование ролей, в отличие от гносеологического плана. Иначе говоря, ролевая социализация сама по себе имеет сложное иерархическое строение, с компонентами и элементами, интегрирующимися в кластеры по мере нарастания сложности на высших уровнях системы. Значит, личность в контексте социализации является «включенной» в содержание тех или иных «парциальных измерений социализации». Такое понимание системного комплекса приобретает большое значение в исследовании психических явлений, т. к. вскрывает механизм «удвоения» реальности, воссоздающий в психике образ мира [197; 198]. Это позволяет нивелировать проблему преломления социального в личном, которая присутствует у многих отечественных и зарубежных исследователей [15; 161; 241; 323; 376]. И. С. Кон [161] отмечает, что, с одной стороны, интраиндивидуальным компонентом и результатом социального взаимодействия является система мотивов, установок и ориентаций, составляющих основу внутренней структуры личности. С другой – автор указывает на социальную природу роли, мотивации, установки, ориентации и т. д., которые выражают потребности индивида как общественного организма.

На метасистемном или надсистемном уровне все идеальное обретает статус структурного образования системного комплекса, способного влиять на все другие уровни, регулируя их [130–138]. Специфика надсистемного уровня состоит в преобразовании идеального в материальное, что отражает специфику надсистемного уровня. Применительно к ролевой социализации взаимобратимость метасистемного уровня позволяет говорить, что субъект ассимилирует социальный опыт в виде ролевых моделей, трансформируя их в структуру

личности как встроенное содержание. Такая констатация приводит, с точки зрения А. В. Карпова [131], к одной из фундаментальных общенаучных проблем – соотношению системы и ее компонентов, где личность выступает как система, а роли как ее компоненты. По мнению автора, необходим пересмотр общеизвестных отношений теории систем, в которых рассматривается положение о включении компонентов в целое. Вместе с тем парадоксальность теории метасистем раскрывает такое понимание системы, в котором внешнележащая система встраивается в системный комплекс, становясь одновременно его частью, subsystemой, при этом оставаясь по существу отдельной системой. В свою очередь системный комплекс, в которую включаются другие системы, начинает функционировать, не утрачивая своего системного свойства. Трудность приведенной диспозиции заключается в двойственной природе систем, объединенных в так называемом «качественном узле». С одной стороны, эти системы отличаются качественной гетерогенностью, с другой – они объединены органической взаимосвязью, демонстрирующей, что эти системы не существуют друг без друга. Отсюда следует, что эти системы приобретают два измерения. Первое сфокусировано на изучении качественной определенности самой системы, ее «самости», второе демонстрирует ее опосредование и принадлежность к системному комплексу, вскрывающему базисные качества системы, ее место и роль уже в контексте этого «качественного узла».

Таким образом, в системном подходе постулируется относительность системного статуса, когда реальность может быть одновременно и системой, и принадлежать к системному комплексу, объединяющему несколько систем, что отражает принцип дополнительности. Рассмотрим реализацию данного принципа в рамках ролевой социализации личности. Так, ролевые модели, представляя собой внешнеположенную по отношению к личности социальную реальность, взаимодействуют с системой личности на метасистемном уровне, встраиваясь в системный комплекс в виде компонентов на одноименном уровне. Вместе с тем на метасистемном уровне роли становятся регуляторами поведения личности в социальном пространстве. Следовательно, роли являются, с одной стороны,

социальным продуктом, отражая объективную реальность. С другой – они выступают на уровне личности как содержательно-информационные образования, подготавливая индивида к «возможным вариантам реального взаимодействия» [137, с. 186], подчиняя и управляя всеми нижележащими уровнями системного комплекса. В этом виде роли получают статус детерминанты функциональной динамики ролевой социализации. Такая трансформация из компонентного уровня к метасистемному обусловлена общей закономерностью свойственной, по мнению А. В. Карпова и Е. Д. Шадрикова [138], всем системам со встроенным метасистемным уровнем или системным комплексам, отражающим сложность и многомерность существующей реальности.

С учетом интегративного обобщающего характера метасистемного уровня на нем активизируется механизм интеграции, который предполагает преодоление конфликта между собственными представлениями о роли и ожиданиями, которые адекватны как для конкретной социальной ситуации, так и для индивидуальной мотивационной системы [222]. На надсистемном уровне механизм интеграции выступает вершиной присвоения социальных норм актуализирующийся наиболее явно в период молодости таким образом, что субъект из всех возможных образцов выбирает для себя и переносит во внутреннюю структуру наиболее подходящие, при этом поведение личности характеризуется жизненной включенностью в социальный мир и высокой готовностью к самореализации. Как отмечает П. В. Кузьмин, если речь заходит о системном подходе, то *cherchez l'intégration* (ищите интеграцию). Указанный тезис вскрывает базовый признак системы, которым выступает интегральное единство, а сам системный подход, по мнению автора, суть методология изучения интегральных зависимостей и взаимодействий. Интеграция является общим параметром действительности, т. к. исследование системного комплекса в качестве основной задачи предполагает раскрытие его интегральных свойств и закономерностей: интегральные базовые закономерности структуры (системные закономерности интеграции), базовые закономерности соединения разнокачественных систем в единое целое в комплексе с условиями их

существования в системном комплексе, закономерности функционирования системного комплекса.

Адаптация теории систем к социально-психологическим проблемам социализации личности объясняет диалектику объективного и субъективного: ролевая социализация представляется как противоречивое единство – входа в социокультурное пространство личности (инкультурация), выход во вне в виде человеческой активности и ее сохранения (индивидуализация), что составляет взаимодействие двух систем личности и социум. Входя в состав системного комплекса, эти системы не теряют своих закономерностей, наоборот, они транспонируются в содержание системного комплекса. Принцип системности способствует активному информационно-ролевому обмену, сохранению культурных образцов, их локализации в структуре личности и воплощению в социально-разнообразных формах выбранного культурного образца, отражающего выход за пределы своего Я. Это достигается за счет открытости обеих систем, интеграции социокультурных образцов, их эмоционального проживания и сопоставления с базовыми мотивами личности в «интегральном узле», представляемом в виде системного комплекса. Социум, представляемый в виде системы, демонстрирует свойство масштабной инвариантности, следуя которому социум как целостное образование сворачивается и распределяется в другой системе – личности. Доказательством этому тезису будет являться признание того, что личностные ролевые структуры инвариантны той социокультурной среде, в которой растет и развивается субъект.

Интегральный принцип системности обуславливает взаимодействующую и взаимопроникновение всех уровней системы – нормы, правила (элементный уровень), характерные для конкретной ролевой модели (компонентный уровень), усваиваются индивидом посредством механизмов инкультурации и имитации, выстраиваются в уникальную композицию в зависимости от мотивов личности (системный и метасистемный уровень) и реализуются в конкретной сфере (субсистемный уровень). Системный принцип предусматривает понимание основных ролевых моделей не только как социальных, но и как определяющих

внутренний мир индивида личностных образований. Так, например, имеется плеяда работ, в которых говорится о связи ролей с личностной идентичностью [186; 228], с жизненными сценариями [43], с характером личности [80]. Считая, что роль и личностные особенности могут находиться в гибком взаимодействии, И. Гофман [83] вводит понятие «ролевое расстояние», демонстрирующее степень идентификации индивида с ролью. С точки зрения П. П. Горностая [80], развитие субъекта обусловлено формированием жизненных ролей личности. Принятие той или иной роли зависит от личностных особенностей, намерений, потребностей [451].

Особо подчеркнем, что именно открытый надсистемный или метасистемный уровень предполагает репликацию социально-ролевых моделей в индивидуальном психологическом пространстве личности в иерархической последовательности. Действие принципа иерархичности актуализирует доминирование компонентов в системном комплексе и распределяет энергию индивида. Это конкретно проявляется во внутриличностной (внутриролевой) дифференциации, которая диктует пристраиванию своеобразной иерархической ролевой структуры, состоящей из основных ролей (базисных ролевых моделей поведения индивида), мотивов удовлетворяемых в реализации конкретной роли. Именно *иерархизация структурных элементов* ролевой социализации выступает результатом разрешения противоречий между частной системой – личностью – и общей системой – социумом и их взаимодействием внутри системного комплекса. Таким образом, иерархия уровней системного комплекса ролевой социализации, заданных социумом, является изоморфной иерархическим уровнями структуры ролевой социализации личности молодого человека. Эти уровни находятся по отношению друг к другу в состоянии сопряженности (см. рисунок 15).

На метасистемном уровне активизируется интегральный эффект взаимодействия разнокачественных систем, связанных функциональной связью: основные роли, представляющие социальную реальность, репрезентируются в системе личности, вследствие удвоения обретают индивидуальную форму существования. Социальные роли мультиплицируются в содержание и

структурную организацию ролевой социализации личности, во многом образуя ее. Тем самым появляются все необходимые условия для трактовки ролевой социализации личности как специфического системного комплекса, имеющего иерархическую структуру, демонстрирующее свойство масштабной инвариантности, следуя которому, социум как целостное образование в виде социальных ролей сворачивается и распределяется в другой системе – личность. При этом личностные ролевые структуры инвариантны той социокультурной среде, в которой растет и развивается субъект.

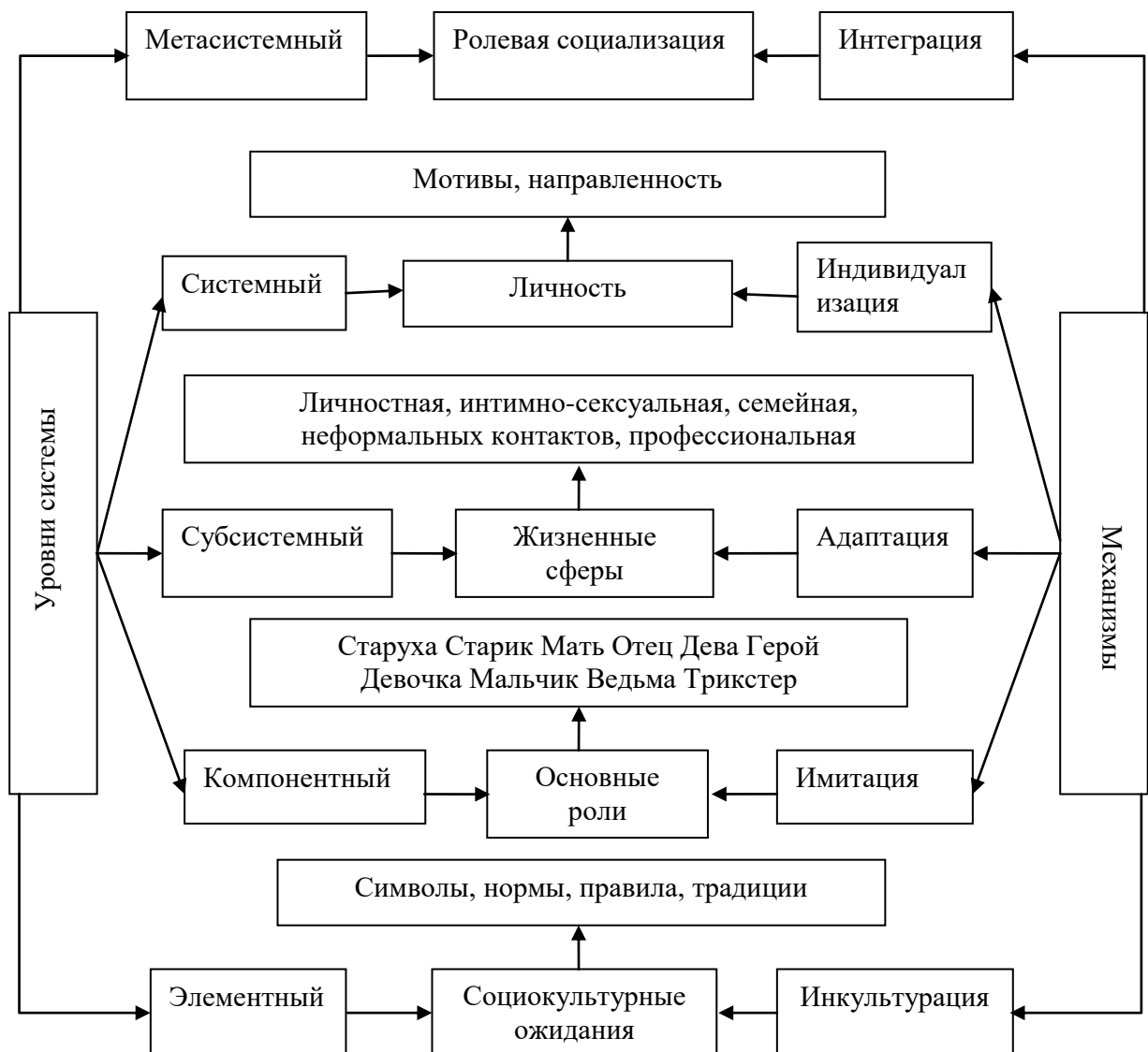

Рисунок 15. Структурная организация системного комплекса ролевой социализации

Особой методологической проблемой выступает вопрос о дихотомической природе систем в системном комплексе – взаимодействии систем и их качественной определенности. В этом контексте целесообразно выявление дифференциальных качеств, обладающих не меньшими эвристическими возможностями, чем интегральные системные свойства.

По мнению А. В. Карпова [137], системные качества являются более сложными и представлены только на системном уровне, при этом они лежат вне доступа чувственному восприятию. Вместе с тем, как отмечает А. В. Карпов [137], несправедливо при раскрытии качественной определенности предмета исследования оставаться только на системном уровне. Необходимо обращение к иным типам и классам, апеллирующим к иным порядкам сложности. Кроме того, постановка в качестве задачи исследования поиска качественной определенности предмета изучения предполагает со всей очевидностью дифференцировку и раскрытие содержания систем, входящих в «интегральный узел». Так, при рассмотрении элементного уровня, представляющего «кирпичики», на которых строится вся система, и включающего в себя символы, нормы и правила относительно социально-ролевого поведения, можно предполагать, что основной качественной характеристикой этого уровня будет выступать чувствительность к среде, а через него и к макросреде – культуре в целом. Компоненты системы (основные ролевые модели) обладают качественной определенностью системы в целом (например, активность), но в то же время могут иметь собственные качества, такие как активность–пассивность, индивидуалистичность–социальность, спонтанность–традиционность. На субсистемном уровне качественная специфичность заключается в полисистемности, входящих в нее жизненных сфер, которые обладают еще и таким качеством, как комплексирование ролей в отдельные ролевые кластеры. Согласно закону структурной организации сложноорганизованные системы представляют собой не столько объединение своих структурных компонентов, сколько их целостный синтез, который напрямую обеспечивает интеграцию систем [131]. В этой связи еще одним критерием – дискриминатором

субсистемного уровня – будет являться функциональность каждой субсистемы, ее цели и задачи в рамках общей организации ролевой социализации. Интеграция именно этих субсистем и обеспечивает непосредственно целостность системного комплекса, на основе которых разворачиваются общесистемные закономерности. Такими закономерностями на общесистемном уровне (уровне личности) выступают активное включение в социальные отношения, обнаружение своих возможностей через реализацию ролевого поведения, проявление социальных свойств (например, мотивационных образований) через ролевое поведение. Перечисленные интеграционные механизмы разворачиваются не на парциальных образованиях (отдельных ролях), а на ролевых композициях, характерных для определенной субсистемы. Иначе говоря, личность создает уникальный для каждой жизненной сферы ролевой тезаурус, потенциальную возможность, которая включается в зависимости от мотива и актуальной ситуации, что соответствует известному положению системного подхода об обусловленности общесистемного уровня субсистемной организацией [137].

Вышеприведенный анализ показал, что структура ролевой социализации как системного комплекса включает пять уровней, каждый из которых вскрывает особый круг зависимостей, закономерностей и детерминант. Дискриминантное и одновременно интегральное представление этих уровней выявляет специфику каждого уровня, что способствует более полному пониманию реального функционирования и развития ролевой социализации. Это соответствует принципу иерархичности, предполагающему, что ролевая социализация включает вышестоящие и нижележащие уровни. Таким образом, системный подход раскрывает специфические закономерности системных комплексов, своего рода «узлов интеграции», и их совокупных интегративных качеств. Представление ролевой социализации в качестве системного комплекса способствует изучению качественной определенности входящих в нее систем и их взаимодействия внутри такого «интегрального узла», создавая тем самым предпосылки для исследования многомерной картины мира. Активно способствуя различию качественной определенности и специфики отдельных систем, системный подход

обуславливает интенсивную разработку динамики сопряженности разнокачественных систем и структур. В целом, анализ систем «социум», «культура» и «личность» в полисистемном поле вскрывает их специфику и создает многомерную реальность ролевой социализации.

3.3. Функционирование и развитие ролевой социализации личности

Итак, изучение полисистемных образований, предполагает, что системы встраиваются в системный комплекс, оказываясь функционально представленными в его содержание и структурно-функциональную организацию. При этом принцип функциональности предполагает организацию всех компонентов в своеобразный «интегральный узел» [22]. Вся совокупность материалов, представленная выше, с убедительностью демонстрирует, что интернализация роли играет особую значимость в процессе социализации личности. Именно роль является ключевой во всей структуре социализации, определяя ее направленность и эффективность. Роли включены во все основные сферы жизнедеятельности человека, определяя специфику социализации индивида. При этом функциональные особенности каждого уровня имеют принципиальные отличия, которые достигаются за счет полифункциональности ролевой социализации. Следует обратить внимание, что ролевая социализация представляет сложную систему, детерминированную факторами как объективного (нормы, правила, знания, представления, поведение, включенные в каждую роль), так и субъективного характера (индивидуальные особенности, мотивы направленности, потребности), обуславливающими иерархию в интернализации и реализации роли в жизненных сферах. Указанная двойственность выступает источником антагоничности и одной из главных трудностей реализации процесса социализации. Выше проведенный анализ демонстрирует, что основные роли выступают динамичной стороной структурной организации социализации личности. По мнению Т. В. Осипова и Л. Н. Москвичева [318], в рамках социализации происходит соотнесение внутренних диспозиций субъекта с внешними социальными требованиями и ролевыми ожиданиями, опосредующими

ролевое поведение. Следовательно, осуществляется совмещение двух аспектов социального и субъективного, и в этом контексте ролевая социализация является системным комплексом, одновременно включающим систему социального и культурного пространства и систему личности.

Согласно П. К. Анохину [22], системообразующим фактором для всех систем выступает результат, которым в системном комплексе ролевой социализации является эффективное ролевое функционирование, интегрирующее общественное и индивидуальное. Следуя выше сказанному, ролевая социализация является «интегральным узлом», в контексте своего компонентного состава, образованная постоянным набором компонентов, которыми выступают социокультурные ожидания, ролевые модели, социальные сферы, мотивы личности. Однако, как отмечает А. В. Карпов [131], функциональный план исследования отличается от структурного аспекта многоплановостью и гетерогенностью. Кроме того, существует еще одна сложность, на которую указывает автор – это временная развернутость частных аспектов функционального плана. Как верно отметил В. П. Кузьмин [180], описание феномена социализации в статической и процессуальной формах представляет объемное знание о реальности. Именно в системном подходе обосновывается необходимость объединения структурности с идеей развития системы. Игнорирование этого коренного требования научной методологии неизбежно приводит к упрощению реальной картины. В этой связи основной задачей данного плана является выявление закономерностей функционирования системы ролевой социализации.

В этом плане становится очевидной реализация методологии системности по отношению к функционированию ролевой социализации. Иначе говоря, субстанциональную системность (структуру изучаемого явления) необходимо дополнить другим не менее важным видом системности – временным. Объекты и явления внешнего мира системны не только в своей статической форме, но и в процессе функционирования [68; 133]. Такая постановка проблемы предполагает, что в рамках диахронического подхода ролевая социализация может быть

представлена в виде системного комплекса, включающего в себя системы, которые взаимодействуют и переходят друг в друга. Авторская идея заключается в предположении, что ролевая социализация может быть представлена в темпоральной организации. Такая организация в свою очередь выступает высшей формой диахронической организации системы или системного комплекса. Необходимо подчеркнуть, что процессуальная системность представляет саму суть, содержание и бытие ролевой социализации личности. Общий смысл сказанного состоит в том, что существуют определенные закономерности, которые в значительной степени конституируют собственное время такого рода систем, составляя основание «бытия систем во времени» [133].

Работы, направленные на изучение систем диахронического типа, характеризуются количественным и качественным многообразием. Так, мышление рассматривается как диахронический процесс и подробно обсуждается в одной из современных работ [133]. Визуализация мышления как диахроническое явление представлена в статье D. Carter [422]. S. A. Rahim [577] показано, что детерминантами диахронического поиска информации могут выступать внутренняя мотивация, адекватность информации, референтность информации и вовлеченность в проблему. Мыслительный процесс рассматривается J. Вroome [411] в виде диахронической деятельности, необходимой человеку для удовлетворения синхронных требований рациональности. Значительное количество работ направлено на изучение синхронности–диахроничности идентичности личности. Так, в исследовании A. R. Pruss [576] обсуждается проблема диахронической идентичности, которая сводится к существованию в пространственно-временном континууме. Диахроническая самопрезентация личностной идентичности как непостоянство Я-убеждений затрагивается в статье D. M. Kovacs [511]. Такая позиция автора вступает в противоречие с другими исследованиями (см. например, O. Magidor [528] и L. Ferrero [454]), утверждающими, что при правильном формулировании диахронического универсализма этот принцип не влечет за собой неопределенность и непостоянство. Более того, авторы указывают, что в

практическом случае учет временной идентичности представляется многообещающим, по сравнению со структурным подходом. Согласно D. McConnell [538], диахронические ценности и цели образуют основу личной идентичности. Изучение десоциализации зависимых подростков через временное структурирование предлагается в работе D. V. Clark et al. [427], которые делают акцент на исследовании временной вовлеченности предикторов аддиктивного поведения подростков. А. К. Болотова и В. Д. Бекренев [49] постулируют, что время выступает неотъемлемым аспектом развития и становления личности, т. к. предполагает саморегуляцию, самоосознание и самоактуализацию субъекта во времени его жизни (прошлом, настоящем и будущем) Не вдаваясь в излишние обсуждения диахронического и синхронического подходов в исследовании идентичности, укажем, что еще в прошлом веке ученые [1] отмечали важность привлечения диахронического аспекта в социально-психологических исследованиях. Авторы утверждают, что время должно быть интегрировано индивидом как социально-психологическое знание.

Итак, у системы временного типа в результате взаимодействия ее компонентов возникают специфические системные качества. Суть этих качеств сводится к тому, что синергетические эффекты возникают не только на уровне временной организации системы в целом, но и уже на уровне синтезирования комплексов [133]. Иначе говоря, на subsystemном уровне актуализируются синергетические эффекты, предусматривающие комплексирование ролевых моделей в определенной сфере жизнедеятельности (см. § 3.2). Эти, так называемые «качественные узлы системности», обуславливают интегративную прибавку в содержание системного комплекса и детерминируют общесистемные феномены. Более того, необходимо отметить, что ролевая социализация представляет собой сложный процесс, который не сводится к действию в один акт. Общеизвестный факт, что суть социализации состоит в том, что она образуется посредством скоординированного во времени сукцессивного ряда частных компонентов – актов. Так, в рамках символического интеракционизма социализация понимается как ролевое взаимодействие между индивидами (см.

например, G. H. Mead [501]). Для осуществления такого взаимодействия человеку необходимо оценить ролевую ситуацию, выбрать подходящую в этой ситуации роль. Но это еще не все, субъекту ролевого поведения важно предвосхитить реализацию роли, т. е. «проиграть» ее мысленно и определить, как он будет выглядеть в этой роли в глазах своего оппонента по взаимодействию. Затем только индивид осуществляет ролевое поведение. В силу указанного обстоятельства, ролевая социализация приближается к системам временного типа. Действительно, цель ролевой социализации – достижение оптимального, гармоничного взаимодействия между индивидом и обществом, дифференцируется на частные акты, осуществление которых реализуется на разных этапах системного комплекса. Подобное временное структурирование предполагает сначала дифференциацию исходного целого (ролевой социализации на экспектации, ролевые модели и сферы), а затем их генерирование, но только тех компонентов, которые системный комплекс в состоянии реализовать [133]. Поясним сказанное на следующем примере. В рамках классических теорий системности, в частности в функциональной теории П. К. Анохина, система характеризуется наличием цели, под которую разворачивается конкретный поведенческий акт. С точки зрения А. В. Карпова [137], система со встроенным метасистемным уровнем является самоорганизующейся системой – она сама генерирует цели, а затем начинает подчиняться им, меняя режим своего функционирования. Иначе говоря, система в зависимости от конкретной ситуации формулирует цель, предполагающую разворачивание определенных актов, которые, в свою очередь, выступают детерминантами для осуществления последующих действий. Происходит своеобразная кумуляция результатов, необходимым условием осуществления которой является организация вдоль оси времени компонентов ролевой социализации. Таким образом, результаты, полученные на ранних этапах, становятся условиями и причинами для реализации последующих этапов. Кроме того, будучи представлена в виде системного комплекса, ролевая социализация предполагает взаимодействие нескольких системных образований, осуществляемое на открытом метасистемном уровне.

Такая соотнесенность предусматривает, что личность синхронизируется с социокультурными нормами, символами, традициями, ритуалами, сферами и пр. Это со всей очевидностью предполагает, что происходит временная организация жизнедеятельности личности, которая тесно связана с темпоральной организацией социума. Значит, весь комплекс содержательных и временных детерминант заложен в социальной и культурной системах, которые, с точки зрения А. В. Карпова [133], выступают метасистемами по отношению к личности. Такая постановка проблемы позволяет утверждать, что ролевая социализация есть системный комплекс темпорального типа со сменной детерминацией, генерируемой им же самим. Следовательно, можно предполагать, что ролевая социализация характеризуется особенностями, свойственными всем сложноорганизованным процессам взаимодействия индивида с окружающей средой. Обозначим эти особенности, которые более подробно будут обсуждаться ниже. Во-первых, ролевая социализация разворачивается по типу дифференциации исходного целого на компоненты, распределенные по временной оси. Однако используются не все компоненты, а только те, которые являются необходимыми для получения предполагаемого результата и достижения общей цели. Во-вторых, в основе темпоральной организации ролевой социализации лежит принцип «кумуляции парциальных результатов». Эти результаты являются производными от основной цели ролевой социализации – установления оптимального ролевого взаимодействия индивида и общества. Происходит временная инверсия причинно-следственных отношений – цель порождает необходимые акты, компоненты, а затем сама же их интегрирует. Иначе, общий результат в виде цели продуцирует частные результаты, после чего их интегрирует, причем интеграция может происходить еще на промежуточных этапах.

Дальнейшее наше исследование предполагает разворачивание темпоральной специфики ролевой социализации личности, при этом необходимо очень четко понимать еще одно важное обстоятельство. Оно связано с так называемым «системным инвариантом», обозначаемым А. В. Карповым [137] как

репликацию системных закономерностей в пяти гносеологических планах. Именно это положение и позволяет обозначить процесс или явление в виде системного образования. Действуя сообразно с этим положением, нам необходимо установить не только специфические закономерности по отношению к темпоральной организации ролевой социализации, но и определить общность обнаруженных закономерностей с субстанциональными. Следуя положению, сформулированному А.В. Карповым [133], заключающемуся в том, что временная системность является производной от субстанциональной и порождается ею, темпоральная организация реализуется через пять системных уровней (элементный, компонентный, subsystemный, общесистемный и метасистемный). Данное обстоятельство предполагает существование общесистемного критерия дискриминатора уровненой дифференциации, а качественная определенность временной системности должна соответствовать основному значению этого критерия. В основу дифференциации временных систем на уровне А.В. Карповым положена диспозиция синхронности-диахронности. С точки зрения О.С. Разумовского [293], диахрония и синхрония дополняют друг друга, находясь во взаимоотношении статики и динамики. Анализ, осуществленный Т. Nakajima [559], показывает, что биологические и социальные системы встроены в сложную двумерную иерархическую матрицу синхронной и диахронной организации. Эти системы (сущности) обладают свойством поддерживать свою организацию путем постоянного производства компонентов ими самими. Любой процесс, как указывается в одной из работ А. В. Карпова [133], строится по принципу нерасчленённой целостности, однако важной особенностью этих систем выступает учет их парциальных результатов. Эти парциальные результаты сначала формируются для эффективного функционирования субъекта, а затем активно используются в реализации этого функционирования. Основываясь на этой способности к самоорганизации, эти системы способны к воспроизведению других систем. Это двойственное свойство образует уникальные иерархические организованные системы, к которым относится социализация.

Итак, самым первым уровнем в любой системе выступает элементный, на котором утрачивается качественная специфичность целого. Этот уровень, по мнению А. В. Карпова [133], представляет синхронизацию двух элементарных событий. Элемент временной системы – синхронизация – предполагает деструкцию базового атрибута времени, что выступает онтологической базой для системы темпорального типа. Согласно Т. Nakajima [559], синхронное участие в организации любого социального процесса подразумевает, что состав сущности фиксируется во времени, независимо от модели. Так называемая «атемпоральность», по Дж. Фрейзеру [456], – время частиц, движущихся с нулевой скоростью, когда все случается сразу.

Второй (компонентный) уровень фиксирует качественную определенность системы и апеллирует к длительности, которая объективирует границы события. Такая десинхронизованность, с точки зрения А. В. Карпова [133], отражает качественную определенность времени. В этом отношении сукцессии, являющейся базовой единицей времени, представлено следование двух событий, которое предполагает их десинхронизованность. Эта временная разнесенность связана с другими временными атрибутами: однонаправленность и временная необратимость. Таким образом, исходная целостность с базовым эффектом синхроничности тяготеет к дифференциации на части или этапы, необходимые для достижения общей цели. По мнению Т. Nakajima [559], диахронический процесс включает изменения в компонентном составе, но при сохранении соответствия определенной модели. Диахрония отражает последовательность событий, включающих освоение ролевых моделей, понимание ролевых ожиданий, зафиксированных в культуре, осознание условий их реализации и собственных потребностей и возможностей. Синхрония ролевой социализации, которая не возможна без диахронии, в свою очередь предполагает взаимодействие гетерогенных систем (общества, культуры, личности и пр.) в определенный временной интервал. Такое взаимодействие и взаимопереходы синхроничности и диахроничности обозначаются О.В. Лукьяновым [207] транстемпоральностью (переходы времени от темпорального диссонанса к темпоральному консонансу).

Своего рода симфонизации времени, которая отражает длительность человеческого присутствия. С точки зрения Р. М. Шамянова [349], социальная активность молодежи может рассматриваться в рамках системно-диахронического подхода. Автор указывает, что диахрония/синхрония социальной активности выражаются в виде согласованности или несогласованности личности и социума. Именно нахождение в разных темпоритмических состояниях возбуждает социальную активность, создавая напряженность у субъекта активности, что отражается как удовлетворенность или неудовлетворенность собой.

Необходимо зафиксировать внимание еще на одном важном аспекте, реализующемся на компонентном уровне, он не исчерпывается только последовательностью событий. Согласно М.В. Григорьевой [85], диахрония – это нарушение равновесия между индивидом и обществом, а синхрония – согласование внутренних ресурсов личности и требований среды. Такое понимание предполагает, что окружающий мир, общество, культура и человек постоянно изменяются. Так общеизвестен феномен возрастных кризисов [66; 362; 363], вследствие которых возникают психологические новообразования. Резкий качественный скачок требует перестройки социальной ситуации развития, а противоречия между возможностями индивида и социальной ситуацией являются движущей силой развития и эксплицируют диахронический процесс. В рамках ролевой социализации это может быть наглядно представлено в виде преодоления рассогласования. Человек находится в постоянно изменяющемся мире. Личность, обнаружив себя в конкретной ситуации, подвергает ее анализу. Затем она оценивает свои желания, возможности и подбирает необходимые ролевые модели, которые либо приводят к минимуму рассогласования между потребностями и требованиями окружающей среды, либо нет. Однако, как отмечал Дж. Фрейзер [456], только лишь при наличии такого несоответствия, напряжения возможно существование открытых, самоорганизующихся и незавершенных систем и процессов. Следовательно, критерием диахронического существования системного комплекса может выступать преодоление рассогласования между

ролевыми моделями, потребностями, мотивами и ожиданиями. Таким образом, эффективность ролевой социализации достигается вследствие успешной реализации ролевой модели к определённой ситуации и достижения равновесия между личностью и средой. Нарушение ролевой социализации сопровождается разрывом между требованиями среды и ролевой моделью, мотивом и пониманием ролевых ожиданий личностью. В связи с этим можно выделить несколько ролевых конфликтов (конфликт аутентичности роли, экспектационный конфликт и мотивационно-ролевой конфликт, подробно будут обсуждаться ниже). Действительно, по какой-то причине индивид может быть не вполне включен в социальное пространство и в этой связи испытывает трудности в адекватной реализации роли. Это обуславливает трансляцию асоциального ролевого функционирования, реализующегося в деструктивной или творческой активности. Кроме того, по мнению J. Spurlock [599], ролевые ожидания индивида могут вступать в противоречие с общественными ожиданиями. Такое несовпадение, индивидуальная контекстуальность ролевого понимания, считает J. Spurlock, часто провоцируют конфликт и, как следствие, стресс. В то же время действия, направленные на нивелирование обнаруженного несоответствия, по мнению М. В. Григорьевой [85], включают интеллектуальные, мотивационные и эмоциональные аспекты. Автор особо обращает внимание на то, что достижение динамического взаимодействия индивида и среды выступает функцией системы социализации.

Субсистемное значение критерия дискриминатора конкретизируется в отношении опосредованного следования трех и более событий, элементов, компонентов и пр. [133]. Другими словами, два события, следующие друг за другом, разделяются третьим, которое детерминирует и связывает между собой эти два события. Следовательно, перед нами уже не линейная последовательность, а наоборот, нелинейная, подразумевающая, что формируются определенные локальные ансамбли компонентов, которые между собой образуют временную цепочку. Такое взаимодействие, во-первых, порождает возникновение временного интервала между событиями, что

эксплицирует еще один важнейший атрибут времени – его дискретность. Во-вторых, реализуется сформулированный А. В. Карповым [133] один из принципов темпоральной системности – принцип сменной детерминации. Суть этого принципа заключается в том, что состав и структура детерминационных факторов предполагают их развертывание во времени. Каждый последующий этап реализуется с опорой на результаты, которые были получены на предыдущих уровнях и этапах. При этом детерминанты генерируются на каждом предыдущем этапе и являются благоприятными предпосылками для последующего функционального развертывания. Это свидетельствует о таком свойстве систем темпорального типа, как самодетерминация [133; 246]. Согласно этой особенности системы (или системные комплексы) временного типа, к которым относится ролевая социализация, способны не только к генерированию какого-либо обобщенного результата, но и к использованию этого результата в качестве условия своего функционирования. В своем роде это темпоральная координация системы. Указанная особенность систем с дискретной временной коммутацией представлена в ряде современных работ по формированию моделей временных систем с инициируемым событием [460], изучению динамических систем и их изоморфизма [569], переключаемых сингулярных систем с неустойчивыми подсистемами конечного времени [625].

В-третьих, достаточно важным аспектом в плане рассмотрения содержания темпоральной организации является то, что эти события на субсистемном уровне оказываются атрибутивно связанными друг с другом структурной и функциональной связью. Но связь эта представлена уже не как единичная, а в виде интеграции компонентов, которые детерминируют события, следующие за ними во временной цепочке. Согласно А. В. Карпову [133], состав временного системного комплекса дифференцируется на части, которые соотносятся между собой и образуют множество. Констатируя это важное обстоятельство, укажем на неограниченность компонентного состава, из которого, согласно актуальной ситуации, подбирается необходимый компонент, наилучшим образом реализующий поставленную цель. С другой стороны, как отмечает А. В. Карпов

[131], любая система при своем стремлении к неограниченности компонентного состава имеет все же конечный набор компонентов, так называемых «предельных характеристик психики». В нашем случае этот набор апеллирует к 10 базовым ролевым моделям. В этой связи автор указывает на необходимость поиска закономерностей, учитывающих противоположность двух вышеобозначенных обстоятельств. Для понимания этой двойственности А. В. Карпов предлагает обратиться к противоположным понятиям «актуальное–потенциальное». Актуальное предполагает «выход на сцену» компонента, наиболее эффективно «работающего» на достижение цели, тогда как все остальные компоненты находятся в так называемом латентном (потенциальном) состоянии. И тогда ограниченность состава будет апеллировать к актуальному состоянию компонентов, а неограниченность – к потенциальному.

Поясним сказанное на конкретном примере. Каждый момент ролевой социализации предполагает приспособление к конкретным условиям и требует от субъекта актуализации одной из имеющихся в его арсенале ролевой модели. При этом в пластах человеческого бессознательного одновременно присутствуют варианты других, потенциальных, располагающихся близко к основной ролевой модели резервных состояний. Потенция – есть существование устойчивых ролевых соотношений, предполагающих их реализацию. Наличие потенциальной резервной роли отличается возникновением нового качества, не являющегося простой перекомбинацией наличных возможностей. В процессе ролевой социализации эта потенциальная реальность представляет собой ролевой тезаурус личности (субъективная среда), не сводясь при этом к новой комбинации ролевых моделей. Представленная трактовка функционирования системы ролевой социализации идет от принципа «потенциальной неограниченности», сформулированного в метасистемном подходе. Указанный принцип предусматривает, что чем более содержательным, богатым, гетерогенным будет являться компонентный состав психики, тем в большей степени она будет соответствовать единственно возможному для принципиальной неопределенности среды принципу – ситуационному. Следовательно, для каждой сферы

жизнедеятельности, включающей набор сходных ситуаций, имеется определенный ролевой комплекс, состоящий из актуальной ролевой модели, потенциальной, резервной и отвергаемой. Иначе говоря, из всего неограниченного состава компонентов (в нашем случае ролей) некоторые компоненты, в большей степени «работающие» на цель, переводятся в актуальное состояние, в то же время все остальные компоненты остаются в латентном, или потенциальном, состоянии. Таким образом, общее пространство ролевой социализации делится на актуальное и латентное состояние, не отвечающее цели. Значит, происходит упорядочивание ролевого множества, которое носит локальный характер, т. к. направлено на упорядочивание ролевого поведения в отдельной сфере жизнедеятельности. Следовательно, уже на subsystemном уровне возникают интегративные эффекты, включающие отношения опосредования subsystem временными комплексами ролевых моделей и их экспектаций.

На общесистемном уровне основное значение критерия дискриминатора системы временного типа представлено в том, что опосредованные отношения устанавливаются не только между ролевыми комплексами и локальными сферами жизнедеятельности, но и общей целью всего процесса ролевой социализации. Напомним, что такая цель предусматривает установление оптимального ролевого взаимодействия между индивидом и обществом, что является функцией системы ролевой социализации. Наличие такой цели, по мнению А. В. Карпова [133], является главным критерием и основой для дифференциации временных систем от явлений, разворачивающихся во времени. Как отмечает О. В. Головашина [74], возможность совершать действия в настоящем детерминирована прошлым опытом и целеполаганием в будущем, отсюда следует, что темпоральный фактор является определяющим для социального. Следовательно, первой отличительной особенностью системы временного типа, появляющейся на общесистемном уровне, связь между компонентами с общей целью системного комплекса. Действительно, какую бы мы не рассматривали сферу жизнедеятельности, целью ролевой социализации в любой из таких сфер будет установление оптимального

ролевого взаимодействия между личностью и окружающими людьми. В этом контексте данная цель выступает системообразующим фактором. Такая постановка исследуемой проблемы со всей необходимостью приводит к пониманию, что детерминационные отношения меняются на целевые, что обозначается А. В. Карповым [133] как феномен временной инверсии. Суть этого феномена заключается в смене принципа детерминации на целевой принцип, когда цель выступает в виде основной детерминанты для организации всего процесса, всего содержания ролевой социализации. Фактически цель выступает системообразующим фактором для системы субстанционального и темпорального типа.

Специфическое значение критерия дискриминатора метасистемного уровня, согласно А. В. Карпову, заключается в отношении детерминации внешних по отношению к системе факторов. При обращении к системному комплексу необходимо зафиксировать внимание на следующем очень важном обстоятельстве. Ролевая социализация как многомерная реальность является сложным системным комплексом, в рамках которой обнаруживается взаимодействие других систем [140; 180]. Таким образом, ролевая социализация возникает как интегральный эффект взаимодействия нескольких разнокачественных объектов, связанных необходимой зависимостью и функциональной связью. Такое взаимодействие разнокачественных систем на метасистемном уровне не просто фиксируют взаимозависимость этих систем, но и устанавливают динамическую структуру их взаимодействия. В частности, личность и социум имеют как общие, так и специфические закономерности, которые не выводятся друг из друга, но имеют собственную логику развития и по-особому детерминируются в рамках системного комплекса. Именно на метасистемном уровне обеспечивается синхрония ролевой социализации, которая в отличие от элементного уровня предполагает взаимодействие не простых элементов, а сложных гетерогенных систем (общества, культуры, личности, наряду с другими известными) в определенный временной интервал. Эффективность социализации, с точки зрения М. В. Григорьевой и

Р. М. Шамионова [84], напрямую зависит от согласованности социальных взаимодействий. Такая согласованность включает приведение в состояние равновесия внутренних ресурсов личности и требований среды [85]. Действительно, реализация ролей предполагает согласование между ними, с социокультурными ожиданиями, с социальной ситуацией, с потребностями, интересами, мотивами и пр. Это объективно требует их синхронизации. Такая временная соорганизация предполагает распределение ресурса системного комплекса по нескольким направлениям (общество, культура и личность). Происходит соединение двух темпоральных уровней по Дж. Фрейзеру [456] – ноотемпоральности (человеческое время) и социотемпоральности (культурно-историческое и социальное время). Мир человеческого бытия детерминирован социальным контекстом. В свою очередь социотемпоральность, согласно автору, представляет трансgressирующее время, обусловленное взаимодействием форм. Этот высший уровень темпоральности, согласно Дж. Фрейзеру, придает смысл и созвучность всем нижележащим уровням (например, потребность в еде, переживается человеком как коммуникация, праздник). На метасистемном уровне формируется целостность более сложного порядка, включающая кооперацию других систем. Такое взаимодействие культурно-социального и человеческого эксплицирует со всей очевидностью одно из главных свойств системного комплекса – интегративность. В рамках этого главнейшего для системы свойства итоговый обобщённый результат не сводится к аддитивной совокупности парциальных итераций, но имеет новые – атрибутивно-системные качества. Таким образом, происходит превращение результатов в процесс, которое является следствием более глубинного механизма – трансформации системных качеств в функциональные. Следовательно, целостный синтез ролевых моделей, социокультурных ожиданий, социальной ситуации и мотивов личности превосходит их аддитивную совокупность и обеспечивает интеграцию в рамках системного комплекса, что составляет основу функциональной организации сложных систем. Такая интеграция все более обобщающихся компонентов является достаточной для осуществления конечной цели ее функционирования.

Таким образом, реализация положений системного подхода к анализу ролевой социализации специфического системного комплекса темпорального типа, показала, что в ней действительно воплощены основные атрибуты системной формы. Данное обстоятельство предполагает существование общесистемного критерия дискриминатора уровневой дифференциации, а качественная определенность временной системности соответствует основному значению этого критерия. Действительно, временная форма ролевой социализации воплощает в себе такие основные закономерности и специфические особенности, как феномены целостности, синхроничности, диахроничности, временной инверсии, синергетические эффекты, проанализированные выше. Вместе с тем были эксплицированы базовые принципы системности, принцип иерархичности, сменной и целевой детерминации, интегративности, неравномерности, итеративности, кумулятивности. Более того, было продемонстрировано, что темпоральная форма ролевой социализации включает в себя инвариант структурных уровней, состоящий из пяти базовых: элементного, компонентного, subsystemного, общесистемного и метасистемного, эксплицирующего иерархический принцип. Следовательно, функционирование ролевой социализации структурируется и упорядочивается. В результате этого она приобретает черты системной организации временного типа.

Продолжая рассматривать круг задач, к постановке которых привел предыдущий анализ ролевой социализации как системного комплекса субстанционального и темпорального типа, необходимо остановиться на самом процессе его функционирования. При этом необходимо учитывать следующее методологическое обстоятельство, заключающееся в возможности системного комплекса распределять свой функциональный ресурс вдоль временного континуума. В этом особом качестве продемонстрирована специфическая способность систем процессуального типа. В этом контексте функциональная организация ролевой социализации личности может быть представлена следующим образом (см. рисунок 16).

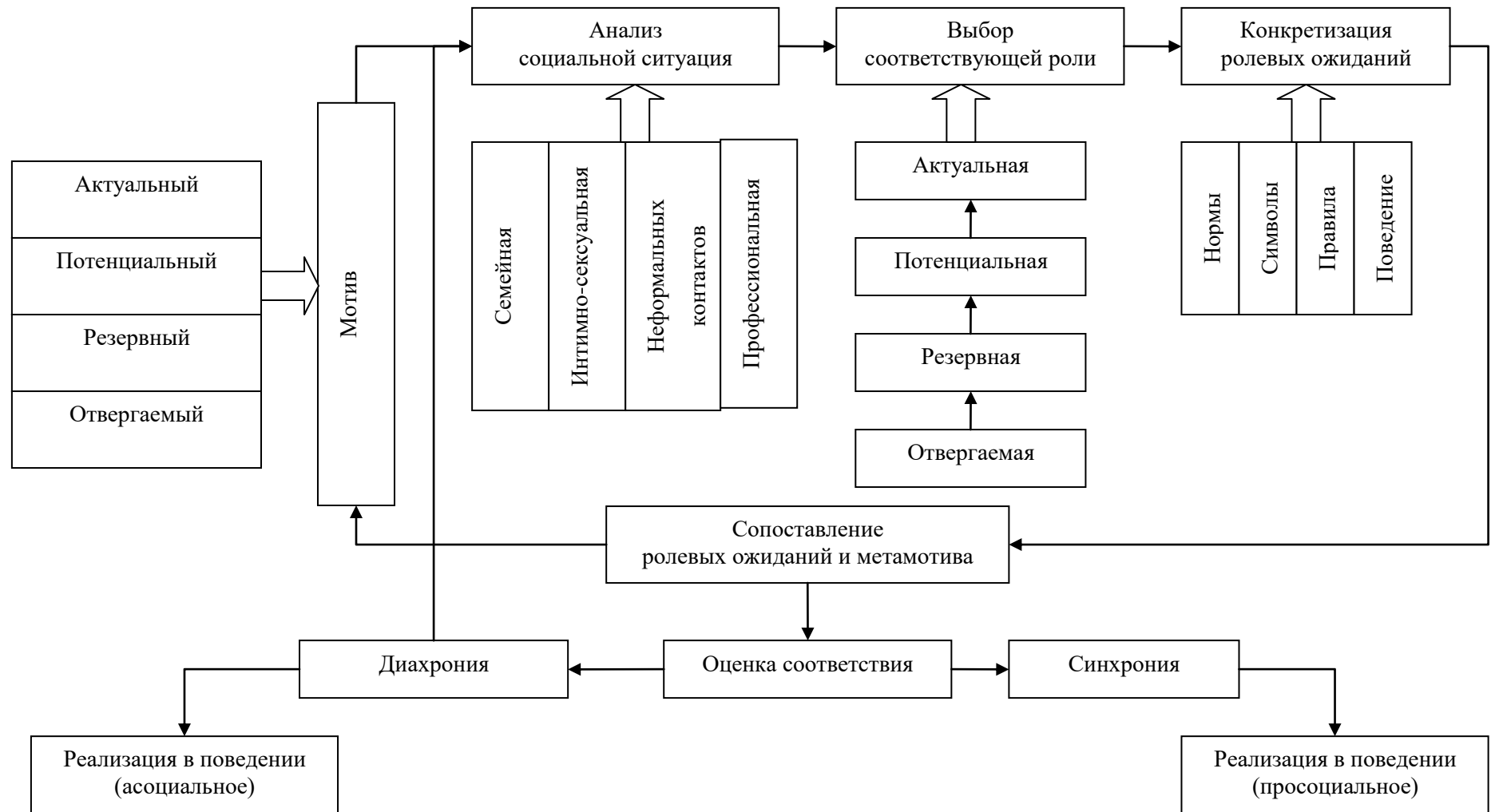

Рисунок 16. Функциональная организация ролевой социализации личности

Специфика такой инверсии состоит в том, что будущее и прошлой одновременно выступают стимулом для настоящего (ролевого акта). В этой связи можно обозначить, тот факт, что любая стимульная детерминация выступает как соподчинение мотивационных установок и ситуационных факторов. Это согласуется с рассмотренным выше принципом сменной детерминации. Напомним, что суть этого принципа состоит в том, что дифференциация ролевой социализации на частные компоненты приводит неизменно к тому, что эти парциальные результаты выступают в виде детерминантов осуществления дальнейших действий. Действительно, в соответствии с указанным принципом осуществляется анализ социальной ситуации, конкретизируется принадлежность к одной из жизненных сфер (семейная, неформальных контактов, профессиональная, интимно-сексуальная). Иначе говоря, раскрывается направленность ролевого поведения в конкретной ситуации.

Как отмечает В.А. Барабанщиков [31], ситуация взаимодействия выступает способом объединения разноплановых сил в единое целое. Он не дана заранее и не может быть определена до ее завершения, т. к. образуется, развивается и завершается в процессе взаимодействия. В этой связи ситуация становится объединяющим «качественным узлом» и предполагает объединение и влияние на процесс ролевого взаимодействия не отдельных переменных, а совокупность динамической структуры детерминант, порождающих интегративный эффект. Это свидетельствует, что уже на субсистемном уровне имеют место интегративные, кумуляционные отношения по типу опосредованного следования, рассмотренные выше. В контексте теории Т. Парсонса осуществляется актуализация одной из системных функций, обозначаемой автором как поддержание образца – ориентация на социокультурные ценности и стандарты без учета личностных диспозиций. В соответствии с социальной ситуацией выбирается актуальная роль из всего имеющегося ролевого набора посредством элиминации ролевых альтернатив (принцип «потенциальной неограниченности»). А затем происходит анализ ролевых норм, ожиданий и правил поведения,

которые оцениваются с точки зрения их полезности в конкретной ситуации и вероятности реализации в выбранном ролевом поведении актуального мотива.

С точки зрения Т. Парсонса, реализуется системная функция адаптации – приспособление к окружению. На ключевом этапе производится анализ соответствия ролевого набора (актуальной, потенциальной, резервной и отвергаемой роли) и актуального мотива. В данном случае можно наблюдать реализацию целевого принципа, при котором происходит использование парциальных результатов для достижения общей цели. Иначе говоря, системы темпорального типа представляют собой самоорганизующиеся образования, продуцирующие необходимые для достижения цели промежуточные этапы, которые, становясь результатами, детерминируют последующие действия в целостной системе. На этой стадии, по мнению Т. Парсонса, включается контроль реализации ролевого поведения и добровольной лояльности к групповым социально-ролевым нормам и правилам, в которые включен индивид. В случае совпадения осуществляется оценка удовлетворения или неудовлетворения потребности, и роль реализуется в поведении. Если процесс селекции актуальной информации прошел неудачно, то трансформируется состав и структура системного комплекса. Когда выбранная роль не соответствует актуальному мотиву, то возможны два варианта. В первом случае происходит пересмотр этапов, начиная с анализа социальной ситуации, и функциональный круг повторяется. Другим вариантом выступает реализация выбранной роли в поведении, которая или не удовлетворяет мотивационному образованию, или не соответствует социальной ситуации. Таким образом, можно видеть, что функциональная организация ролевой социализации реализует принцип синхронности–диахроничности, рассмотренный выше. Согласование внутренних ресурсов личности (мотивов, интересов, потребностей) и требований среды (нормы, правила, требования к ролевому поведению). В этом случае проявляется критерий диахронического существования системного комплекса, которым выступает преодоление рассогласования между ролевыми моделями, потребностями, мотивами и ожиданиями. Эффективность ролевой

социализации достигается вследствие успешной реализации ролевой модели к определённой ситуации и установлении равновесия между личностью и средой. Нарушение ролевой социализации сопровождается разрывом между требованиями среды и ролевой моделью, мотивом и пониманием ролевых ожиданий личностью. В этом случае может быть асоциальное ролевое функционирование, которое может выражаться в творческой или деструктивной активности. С другой стороны, приведение к минимуму рассогласования между потребностями и требованиями окружающей среды реализует эффект синхронии, что соответствует установлению равновесия между индивидом и обществом.

Итак, рассмотренные выше этапы образуют полный цикл ролевой социализации, однако могут встречаться и сокращенные формы, исключая некоторые этапы. Проведенный анализ функциональной организации ролевой социализации демонстрирует, что ролевые модели выступают динамичной стороной структурной организации процесса социализации. Подводя предварительные итоги, необходимо отметить, что в ролевой социализации отражены основные принципы системного подхода, которые обладают эвристической ценностью, позволяя объяснять ряд теоретических процессов и явлений вхождения личности в социальное пространство. Ролевая социализация выступает как интегральный комплекс взаимодействия гетерогенных объектов и факторов, связанных функциональной связью. Причем эти факторы представлены взаимосвязанными в единый «интегрированный узел» переменными. Такое функциональное взаимодействие основано на принципе иерархичности, вскрывающем соподчинение специфических и неспецифических оснований. Это проявляется в том, что личность является социальным существом, она не может быть вне социума, и в этом раскрывается ее специфическая сущность. В то же время, личность не только социальна, но и несет в себе индивидуальные характеристики, такие как тип нервной системы, динамические качества, мотивационно-смысловые ориентиры, личностные особенности, направленность и пр. В контексте социальной жизни индивидуальная сущность личности оказывается неспецифическим основанием, экзистенцией второго порядка.

Иными словами, возникает определенная иерархия соподчиняющихся неспецифичных и специфичных качеств, в каждом из которых обнаруживают себя особые закономерности соответствующих систем, входящих в системный комплекс. В частности социум представлен в виде исторически сложившихся форм жизнедеятельности человеческого общества, его специфическими качествами будут выступать полисферность, институциональность, стратифицированность. Неспецифическое качество, приобретаемое в системном комплексе ролевой социализации, – это взаимодействие субъектов общности, обусловленное конкретной ролью. Специфицирующими чертами культуры являются культурные универсалии и чувствительность к микро- и макросреде, а неспецифицирующими – символически организованные культурные образы, традиции, ритуалы и пр., опосредующие ролевые модели. Говоря о личности, имеется в виду одно из проявлений человека, которое представляет его социальное качество. Согласно Б.Ф. Ломову [118; 204], психофизиологические, генетические, биологические, психологические проявления могут быть раскрыты только в системе общественных отношений, в ином случае они остаются неуловимыми. В этой системе человек рассматривается как ее основной компонент и как носитель социально-системного качества. Следовательно, специфичными характеристиками личности как системного образования выступают индивидуально-функциональные свойства, а неспецифичными – включенность в ролевые отношения, формируемые в общении и деятельности. Таким образом, системы функционально встраиваются в системный комплекс, оказываясь функционально представленными в его содержании и в его структурно-функциональной организации. Более того, системный комплекс необходимо рассматривать как феномен, относящийся не только к субстациональному типу, отражающему взаимоотношения между системами, но и к темпоральному, характерными особенностями которого выступает сам процесс организации.

Принцип иерархичности также раскрывается через соподчиненность этапов ролевой социализации в соответствии с их значимостью. Так, этап соответствия

ролевого набора (актуальной, сопутствующей, резервной и отвергаемой роли) и актуальной потребности характеризуется максимальной значимостью и включается в ролевую социализацию во всех сферах, образуя высший уровень иерархии. Тогда как такой этап, как анализ и конкретизация ролевых ожиданий, может как включаться в процесс, так и нет, относясь к более низким уровням в иерархии.

Сформулированный в теории функциональных систем принцип мотивационной детерминации предполагает, что главным фактором организации ролевой социализации выступает мотивационное образование. Связанный с данным фактом наиболее общий фундаментальный принцип «потенциальной неограниченности» отражает тот факт, что все ролевые компоненты могут находиться в двух состояниях – актуальном и потенциальном. Выбор ролевого компонента, в большей степени отвечающего реализации актуального мотива и тем ситуационным условиям, означает его переход из потенциального состояния в актуальное. Другим принципом является принцип минимальной достаточной дифференциации, определяющий минимальную различительность этапов для осуществления ролевой социализации, включающей ее обратимость по всем этапам. Иначе говоря, на каждом этапе возможен возврат на предыдущий для осуществления необходимой корректировки и повышения согласованности ролевого процесса в целом.

Кроме того, определение в первом приближении закономерностей ролевой социализации позволяет вскрыть их тесную взаимообусловленность. Обнаруживаемая взаимосвязь основных систем, входящих в организацию ролевой социализации личности открывает факт, что все эти системы, подсистемы и компоненты организуют целостную систему, представляющую согласованность структурных закономерностей. Эта согласованность раскрывает еще одну грань этих процессов – интегративную, обеспечивающую целостность и сопряженность функциональной организации, предполагающую общность этих закономерностей.

Вышеперечисленные принципы, как можно заметить, вскрывают важнейшие закономерности в отношении процессов функционального развития в

максимально развернутом виде – в плане развития [22; 137]. Таким образом, функциональный генезис может быть понят в качестве системно разворачивающегося, т. к. его ведущими закономерностями выступают общие принципы системной динамики. Исследование развития ролевой социализации личности как системного комплекса выступает важным этапом в контексте общей стратегии исследования настоящей работы, обусловленным несколькими причинами. Первая причина чисто теоретического характера, предполагающая определение закономерностей развития ролевой социализации индивида – одна из важнейших категорий изучения предмета исследования. Вторая причина – методологического характера – включает понимание поэтапного разворачивания основных планов исследования (структурного, функционального и генетического) [130–138]. Совокупность вышеуказанных компонентов ролевой социализации (см. § 3.2) и функциональные связи между ними обозначаются как формальная структура, которая обуславливает поэтапную реализацию процесса социализации во всей ее полноте. На первом этапе ролевая социализация проявляется во внутриличностной (внутриролевой) дифференциации, которая диктует выстраивание своеобразной иерархической ролевой структуры, состоящей из основных ролей (базисных ролевых моделей поведения индивида), мотивационных образований, удовлетворяемых при реализации конкретной роли в различных сферах жизнедеятельности субъекта. На втором этапе определяются функциональные связи между компонентами ролевой социализации, выступающими динамичной стороной структурной организации процесса социализации. Это позволяет рассматривать ролевую социализацию как системный комплекс, приближенный к темпоральному типу. В этом особом качестве представлена специфическая способность систем процессуального типа, заключающаяся в возможности распределять свой функциональный ресурс вдоль временного континуума. Согласно этому положению структурное содержание систем или системных комплексов определенного типа, а именно процессуальных, должно быть дополнено темпоральной системностью, эксплицирующей организацию самого процесса функционирования системы. В

свете этого, ролевая социализация эксплицирует общие принципы функциональной организации: трансформирующейся дифференциации, реверсивности, кумулятивности, интегративности, целевой детерминации.

В свою очередь реализация генетического плана исследования предусматривает установление закономерностей ролевой социализации в процессе формирования личности и определения особенностей их взаимосвязи с общими особенностями генезиса психических образований. Кроме того, необходима постановка вопроса о взаимоотношении структурных компонентов и механизмов ролевой социализации в процессе формирования личности. Выделенные вопросы и задачи сопряжены с существенными трудностями, обусловленными спецификой современного состояния проблемы социализации.

Как показал проведенный нами теоретический анализ феномена социализации (см. § 1.3.), проблема онтогенетического развития социализации личности касается в основном детского и максимум подросткового периода [66; 230; 281; 509], в исключительных случаях затрагивает весь жизненный цикл [15; 363]. К тому же в предмет анализа не включены многообразные переходные формы и этапы ролевой социализации, ход их развития и его основные закономерности. Такое сужение исследовательского плана обедняет предмет социальной психологии, т. к., имея дело с уже готовыми компонентами, экспериментатор не может обнаружить, как и что в этих свернутых формах представлено в имплицитном виде, поскольку не реализуется мощный – генетический – метод изучения. Имеющееся положение связано и с крайне слабой развитостью теоретических представлений и эмпирического базиса в области социализации. Тогда как изучение генезиса ролевой социализации позволит выявить некоторые закономерности в отчетливой эксплицированной форме, что будет способствовать в большей степени решению социально-психологических задач на практике в контексте оптимизации процесса социализации в общем и ролевой социализации в частности. Безусловно, новые исследования в данной области не могут претендовать на исчерпывающее решение генезиса социализации индивида, но могут быть ориентированы на создание необходимой

эмпирической основы и носить характер поисковых. В этой связи целью данного этапа настоящей работы является попытка определения обобщенных закономерностей развития ролевой социализации личности.

Обращение к структурно-уровневому строению ролевой социализации показало (§ 3.2), что уровни организации компонентов ролевой социализации имеют достаточно четкие индикаторы, на основании которых представляется возможным их изучение в генетическом аспекте. Среди этих эмпирических референтов можно выделить механизмы ролевой социализации, хотя они не являются единственными. Итак, в § 3.2 было рассмотрено уровневое строение ролевой социализации (включает пять основных уровней), базирующееся на структурно-уровневом принципе. Следовательно, генезис выявленной иерархической структуры должен разворачиваться как развитие указанных уровней и механизмов взаимодействия. Это, скорее всего, подчиняется определенным закономерностям, поиск которых выступает одной из основных задач исследования в этом параграфе. Как отмечает А. В. Карпов [131; 137], закономерности, относящиеся к генетическому плану исследования, являются системогенетическими по своему характеру, а сфера их развертывания находится в «пространстве уровней» организации исследуемого феномена. В этом случае для их выявления с высокой вероятностью необходимо изучить сравнительную динамику формирования механизмов межуровневого взаимодействия. Кроме того, генетическое развитие системы еще в большей степени, чем функциональное, предполагает экспликацию всех перечисленных выше закономерностей, обусловленных соотношением ролевой социализации к системам темпорального типа. Именно в этом плане во всей полноте разворачиваются временные эффекты, предполагающие встраивание системного комплекса ролевой социализации в сложную двумерную иерархическую матрицу синхронной и диахронной организации. Синхрония ролевой социализации предполагает взаимодействие гетерогенных систем (общества, культуры, личности и пр.) в определенный временной интервал. Диахрония, в свою очередь, реализует два основных аспекта. Первый отражает протяженность по временной

оси двух или более последовательных событий и состояний, включающих освоение ролевых моделей, понимание ролевых ожиданий, зафиксированных в культуре, осознание условий их реализации и собственных потребностей и возможностей. С точки зрения Н. В. Ключевой и Т. Ю. Кутуковой [149], присвоение ценностно-смыслового отношения ко времени у группы, в которую включается субъект, отражает эффект темпоральной синхронности. Авторы указывают, что именно социализация обуславливает формирование отношения ко времени у индивида посредством темпоральной синхронности (синхронизация темпов жизни, каждодневных циклов, стереотипизация биографических схем и пр.) Второй аспект вскрывает рассогласование и нарушение равновесия между индивидом и обществом, которое эксплицируется в виде противоречия между ролевыми ожиданиями индивида и ожиданиями, между мотивами личности и ролевыми моделями, между мотивами личности и общественными ожиданиями, между реализацией в ролевом поведении различных моделей. Такое несовпадение, считает J. Spurlock [599], часто провоцируют конфликт и, как следствие, стресс.

Таким образом, анализ ролевой социализации как системного комплекса, приближенного к системам темпорального типа, открывает возможность выявления механизмов функционирования и развития целостных образований и их взаимодействия внутри системного комплекса и оказывается внутренним моментом системного исследования процессуального характера и механизмов ролевой социализации.

Итак, на первом, элементарном уровне активизируется *механизм инкультурации (Я принадлежу)*, который предполагает включение индивида в культурное пространство норм, правил, символов и образов, связанных с ролью повторяющихся стандартизированных форм и способов поведения, реализуемых в архетипических, мифологических структурах посредством объяснения, интерпретации, трансляции и пр. По мнению немецкого философа Э. Кассирера [141], в человеческой культуре неизменно присутствует символическое мышление, которое наряду с рациональностью делает человека человеком и

открывает ему путь к цивилизации. Инкультурация, предполагающая вхождение ребенка в пространство культуры и постижение ее составляющих, основана на ритуале – «точке сборки» всех смысловых единиц мира, посредством упорядочивания «Хаоса» в «Космос» [382]. Этот механизм присвоения социокультурного опыта выступает первичным, он актуализируется в раннем детстве, когда индивид в сказках сталкивается с архетипическими по своей сути образами, реконструирующими сценарии социального взаимодействия [187; 217; 248; 264; 272; 367; 382]. На этом уровне освоение символов, образов, норм и правил архетипических сценариев ролевого взаимодействия происходит симультанно. Ребенок не в состоянии в силу особенностей его психического развития дифференцировать аспекты ролевого поведения. Это связано с широко известным явлением синкретизма восприятия и мышления в детском возрасте, на которое указывали Л. С. Выготский [66], Ж. Пиаже [280]. Основной характеристикой этого явления выступает объединение ребенком разнородных явлений без достаточных оснований. Однако, как указывал Л. С. Выготский [66], синкретизм играет значительную роль в развитии мышления ребенка, который от соединения рядоположенного впоследствии переходит к логическому их синтезу, восстанавливая для себя истинное значение образов и символов действительности. В процессе инкультурации ребенок проходит три стадии постижения символов: тактильную, игровую и утилитарную (логическую) [382]. Инкультурация находит свое отражение в праздничной традиции, в фольклоре. Маркерами, указывающими на блокирование механизма инкультурации при усвоении социального опыта, могут являться внутренние ценностные конфликты, социально-ролевые конфликты, снижение мотивации аффилиации и социальной активности [245].

Механизм имитации (Я умею) – наблюдение за ролевыми проявлениями взрослого (значимого взрослого) и посредством имитации проигрывания выбранной роли. По мнению Т. Парсонса [255], имитация, являясь одним из механизмов социализации, выступает дискретным и фрагментарным процессом усвоения некоторых элементов культуры (знаний, ритуалов, обрядов). Тогда как

идентификация представляет более цельный процесс ассимиляции социального опыта и преобразования себя согласно значимой ролевой модели. Иначе говоря, субъект трансцендирует себя в другого, реагирует на свои реакции, «войдя» в роль другого, принимая точку зрения с этой позиции как авторитетную и, тем самым, расширяя собственный ролевой опыт [229]. Присвоение роли посредством имитации находит подтверждение в исследованиях и теоретических изысканиях Дж. Мида [229], Т. Сарбина [585] и Дж. Гофмана [83]. Дж. Мид объясняет усвоение роли через механизм имитации. Собственно смыслы и значения определенных действий усваиваются индивидом в процессе взаимодействия, отмечает Г. Блумер [404]. Багаж социальных интеракций со многими Другими проявляется в создании у ребенка в способности ориентироваться на коллективные правила поведения, приводя в результате к формированию образа «обобщенного Другого», олицетворяющего социальные нормы. На этой стадии субъект также осваивает мир через символические значения, но уже через конкретные роли, которые имитируются им в результате участия во множественных интеракциях, заставляющих индивида постоянно уточнять и изменять системы своих символических значений. Например, использование элементов культуры в образовательной практике кадетского воспитания включает подготовку к праздникам – создание культурного пространства, эксплуатирующего культурные коды воина, героя, защитника отечества через принцип культурной трансмиссии «Делай как я» [382].

Блокировка механизма имитации характеризуется ролевым однообразием, социально-ролевыми конфликтами, сложностями в спонтанной творческой реализации ролевого поведения в социальном пространстве.

Механизм адаптации (Я как вы) – анализ общественных ожиданий, социальных и деятельностных норм коллектива, группы и общества в целом относительно исследуемой роли в конкретной жизненной сфере и соответствие им. Феномен адаптации в большинстве исследований [30; 41; 71; 100; 167; 191; 243; 357] рассматривается в совокупности социальных и биологических факторов и охватывает все сферы жизнедеятельности человека. Адаптация личности

зависит от конкретных постоянно изменяющихся социокультурных условий, под которые индивид должен подстраиваться с целью успешного функционирования в обществе. Теоретические и эмпирические исследования феномена адаптации как в зарубежной, так и в отечественной психологической науке подразумевают взаимодействие и достижение равновесия личности со средой [100; 167; 190; 243; 357]. Согласно представителям символического интеракционизма социально-психологическая адаптация рассматривается в качестве успешного выполнения личностью ролевого репертуара и умения разрешать возникающие ролевые конфликты. В модели ролевой социализации механизм адаптации, реализующийся на системном уровне, рассматривается с точки зрения социально-психологического аспекта, предполагающего процесс приспособления и активного освоения личностью новых социальных условий, норм и правил, выстраивание новых социальных микроотношений в соответствии с этими правилами. Иначе говоря, адаптация предполагает узнавание и присвоение ребенком в возрасте 5–7 лет социальных и деятельностных норм определенной жизненной сферы посредством вхождения конкретную группу. В терминах А. Н. Леонтьева происходит первый «выход личности на сцену», когда ребенок обнаруживает для себя общественный мир, «социальную сущность своего бытия», реализуя его через ролевое поведение [161; 228; 314]. При нарушении механизма адаптации появляются деструктивные коммуникативные установки, эгоизм, обидчивость [245].

Механизм индивидуализации (Я есть). Посредством данного механизма осуществляется исследование индивидуального наполнения роли, отличного от интериоризированных родительских ролей и установок. Механизм индивидуализации в аналитической психологии К. Г. Юнга [370] полагается как «самопостановление», как способность к раскрытию глубочайшей уникальности, возможность «стать собственной самостью». Механизм индивидуализации, с точки зрения автора, тождественен психическому развитию субъекта, раскрывает индивидуальные особенности, заложенные в личности, ее индивидуальное своеобразие, которое в силу общественного влияния может вытесняться в

бессознательные слои психики. На этом этапе происходит открытие своей уникальности подростком [66; 157–160; 314; 319], отличной от интериоризированных родительских ролей, установок, становление идентичности, самосознания, на которое одним из первых указал Л. С. Выготский [66]. У подростков появляется способность познать себя, собственные ценности, личностные особенности, потребности, интересы и пр., отличающие его от других людей [66; 160; 314; 319]. Барьерами индивидуализации выступают конформность, отрицательное самоотношение, эмоциональная неустойчивость, снижение смысложизненных ориентаций и уровня рефлексии, неконструктивные механизмы психологических защит (регрессия, реактивные образования [245]).

Механизм интеграции (Я могу) предполагает преодоление конфликта между собственными представлениями о роли и ожиданиями коллектива, которые взаимосвязаны между собой и адекватны как для конкретной социальной ситуации, так и для его индивидуальных особенностей, потребностей и установок [222]. Механизм интеграции выступает вершиной присвоения социальных норм таким образом, что субъект из всех возможных образцов выбирает для себя и переносит во внутреннюю структуру наиболее подходящие. Данный механизм наиболее явно представлен в период юности и ранней молодости.

Блокировкой в действии механизма интеграции могут стать снижение жизненной включенности, низкий уровень готовности к самореализации, пассивные жизненные стратегии [245].

Схематично механизмы ролевой социализации на каждом уровне представлены на рисунке (см. рисунок 17).

Таким образом, проведенное теоретическое исследование, основывалось на исходном положении о точном соответствии каждого из пяти уровней пяти механизмам ролевой социализации. Теоретические и эмпирические работы позволили нам выявить пять основных механизмов ролевой социализации: инкультурация; имитация; адаптация; индивидуализация; интеграция.

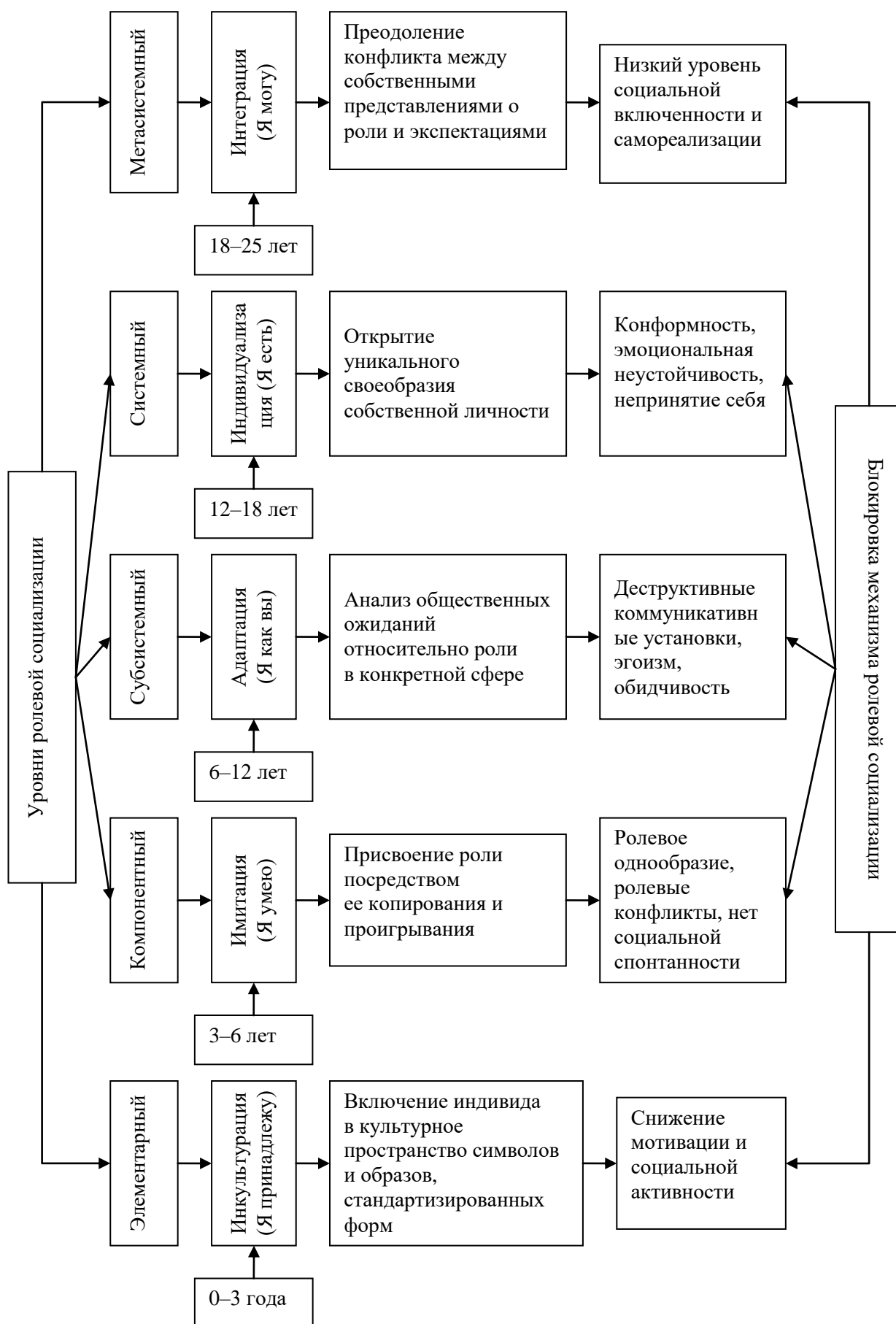

Рисунок 17. Структурно-иерархическая схема генезиса механизмов ролевой социализации

В каждом из них с наибольшей полнотой воплощается какой-либо из уровней в следующем соответствии: элементный уровень – усваиваются символы и образы, стандартизированные формы, посредством механизма инкультурации; компонентный уровень – происходит проигрывание и присвоение основных ролей через механизм имитации; subsystemный уровень – осуществляется определение жизненных норм и правил относительно роли в конкретной жизненной сфере через механизм адаптации; системный уровень – открытие собственной уникальности посредством механизма индивидуализации; метасистемный уровень – производится анализ собственных ценностных установок и их сопряжение с ролевыми ожиданиями, интернализация ролевой модели в личностную сферу, создание уникального ролевого тезауруса через механизм интеграции. Тот или иной механизм проявляется в доминирующей позиции на конкретном уровне, и, следовательно, через механизмы открывается возможность «доступа» к такой имплицитной сфере организации ролевой социализации, как уровневое строение.

Перечисленные механизмы не утрачивают своей активности на протяжении всей жизни человека, проявляясь в большей или меньшей степени, в зависимости от социального опыта человека, который накладывает отпечаток на реализацию того или иного механизма. Важно акцентировать внимание на определенной упорядоченности этапов и их возрастных границ. Как отмечает Р. М. Шамянов [347], социализация личности проходит неравномерно и детерминирована как внутренними инстанциями, так и внешними условиями. Вместе с тем, с точки зрения автора, существование исторически сложившихся форм социального взаимодействия (архетипических сценариев) позволяет предсказать с определенной степенью вероятности механизмы и этапы.

В то же время необходимо отметить, что успешное социальное функционирование, а, следовательно, и реализация всех уровней организации ролевой социализации обусловлены степенью сформированности механизмов и уровней организации ролевой социализации. Указанное обстоятельство выступает частным случаем одной из наиболее общих, установленных в теории систем,

закономерностей, обозначенных как структурно-иерархический принцип. В случае невозможности освоить нижележащий уровень нарушается включение в уровни более высокого порядка. Это характеризуется разрушением ролевой структуры и сопровождается ролевыми конфликтами. Кроме того, учитывая тот факт, что ролевая социализация принадлежит к системам не только субстанционального типа, но и темпорального типа, необходимо отметить достаточно явную экспликацию эффектов синхронности–диахроничности, рассогласование и нарушение равновесия между индивидом и обществом. Такое несовпадение, считает J. Spurlock [599], часто провоцирует конфликт. Следовательно, показателем диахроничности системного комплекса выступают ролевые конфликты. Экспектационный конфликт – несоответствие представлений индивида о роли с общественными ожиданиями, предполагает непонимание личностью ролевых ожиданий социально и культурно закрепленных за конкретной ролью и наполнение их своими собственными представлениями (нарушение первого и второго уровня). Межролевой конфликт – исполнение нескольких ролей одной личностью (нарушение второго уровня). Конфликт аутентичности роли предполагает несоответствие предъявляемой роли текущей ситуации, происходит блокирование какой-либо одной роли или нескольких ролей (нарушение второго и третьего уровней). Мотивационно-ролевой конфликт – несовпадение между мотивом и ролью, предполагает противоречие ценностей, интересов, самоотношения, мотивов и исполняемой роли (нарушение четвертого и пятого уровней). В идеале формирование ролевой социализации представлено в виде переключения механизмов ролевой социализации, соответствующих элементному и компонентному уровням, на механизмы, относящиеся к субсистемному и системному уровням. Значит, мера выраженности механизмов ролевой социализации является индикатором сформированности тех или иных уровней ее организации. Именно через анализ этой меры возможным становится и изучение сравнительной динамики степени сформированности уровней ролевой социализации личности.

Выше проведенный анализ со всей убедительностью показывает, что применительно к социализации и ее частному случаю – ролевой социализации – необходимо зафиксировать ее темпоральность. В этом случае принцип диахронии выступает методологическим основанием социализации личности, предполагающим регрессивные и прогрессивные трансформации индивидуальных параметров с социальными образцами и их согласованность или рассогласованность на разных этапах [347]. Однако, как показывают исследования Р. М. Шамионова [349; 350; 348; 347], регрессивные изменения (в нашем случае ролевой конфликт или несформированность уровня ролевой социализации) могут предвосхищать активность личности, а значит, прогрессивные изменения компонентов ролевой социализации. В этой связи особое значение приобретает интеграция и дезинтеграция, наиболее явно представленные на метасистемном уровне. На метасистемном уровне появляются свойства, которые превосходят систему [131], выходя за ее пределы и осуществляя взаимодействие с остальными, нижележащими уровнями. Это явление демонстрирует две важные суперпозиции – синхроничность и интегрированность. Иначе говоря, это взаимодействие может быть согласованным, и тогда речь идет о синхронии, или рассогласованным – диахрония.

Социальная реальность обусловлена «взаимностью перспектив» разнокачественных систем, объединенных необходимой зависимостью и функциональной связью. Следовательно, целостный синтез ролевых моделей, социокультурных ожиданий и мотивов личности (наряду с другими известными) превосходит их аддитивную совокупность и обеспечивает интеграцию в рамках системного комплекса, что составляет основу функциональной организации сложных систем. В этом ракурсе особенности ролевой социализации как системы имеют общую метазакономерность, заключающуюся в наличии взаимодетерминационных связей. Суть этих связей состоит в обусловленности структурно-функциональной организации и генезиса ролевой социализации общей структурой социализации. Отсюда следует важная закономерность,

постулируемая в системном и метасистемном подходах, согласно которой структурные ролевые эффекты играют в ролевой социализации личности определяющую роль. Это свидетельствует о том, что ролевая социализация личности выходит за пределы простой совокупности ролей, т. к. выступает следствием и результатом структурных интегративных эффектов системного комплекса, не допускающим их простой аддитивности. Такое взаимодействие порождает новые интегративные качества, не сводимые к редукции системного комплекса (ролевой социализации) до суммы входящих в него компонентов (отдельных систем, ролей, ролевых ожиданий, мотивов и пр.). Иллюстрацией сказанного может быть следующий тезис. Роли в качестве социальной реальности встраиваются в структуру ролевой социализации личности, образуют своеобразный ролевой тезаурус, регулируют ролевое поведение субъекта. К тому же именно через них достигается включение личности ролевой социализации в более общий системный комплекс, имеющий социальный контекст.

Таким образом, изучение закономерностей ролевой социализации и их всесторонняя характеристика, позволяет вскрыть их тесную взаимообусловленность и приводит нас к пониманию ролевой социализации как интегративного эффекта взаимодействия разнокачественных систем, объединенных необходимой зависимостью и функциональной связью. Структурные уровни ролевой социализации согласованы со специфицирующими качествами, выполняющими доминирующую роль на каждом уровне. Эта согласованность раскрывает еще одну грань этих процессов – интегративную, обеспечивающую целостность и согласованность генезиса, функциональной и структурной организации. В частности целостность и согласованность структурной организации обеспечивается *уровневым принципом* их организации, выступающим атрибутивной характеристикой системного комплекса.

Согласно А. В. Карпову, «иерархия уровней систем лежит в основе иерархии ее базовых качественных характеристик» [137, с. 844]. Таким образом, одним из принципов в интегративном плане выступает *принцип иерархичности*, действенный механизм которого приводит к доминированию одних элементов

структуры личности над другими, направляет распределение энергии «качественного узла взаимодействия». Это конкретно проявляется во внутриролевой дифференциации, которая диктует выстраивание своеобразной иерархической ролевой структуры, состоящей из пяти уровней, подчиняющихся принципу увеличивающейся интеграции, когда на более высоких уровнях организации структуры ролевой социализации содержание становится осознанным, радикально влияя на всю ролевую социализацию субъекта. Таким образом, иерархия уровней ролевой социализации, которые заданы культурой и социумом, является изоморфной иерархическим уровням структуры личности. Эти уровни находятся по отношению друг к другу в состоянии сопряженности относительно системного комплекса.

Данное демонстрирует органическую связь структуры, ролевой социализации личности, ее функционирования и развития, что позволяет транспонировать общий принцип мультиплицирования целого в части. Иначе говоря, осуществляется встраивание социального, культурного и личностного в системный комплекс ролевой социализации. При этом наблюдаем парадоксальную ситуацию – обретение системой новых, не свойственных ей спецификаций, когда последняя включается в системный комплекс в качестве компонентов, и в этом случае уже, так называемый «качественный узел взаимодействия» оказывает влияние на общую систему. Иными словами, ролевые модели, выступающие в качестве компонентов системного комплекса ролевой социализации личности, впоследствии начинают занимать доминирующее положение. Такое встраивание, с точки зрения А. В. Карпова [131], носит функциональный характер, учитывающий качественные трансформации системы (социокультурное пространство) в системный комплекс (ролевую социализацию). Такие трансформации предполагают включение в систему дубликатов системы – обретение компонентами объективной реальности формы идеального в индивидуальном, посредством взаимодействия нескольких систем. Каждая из этих систем имеет свою структуру, компоненты, специфические характеристики,

свою «систему координат». В свою очередь синтез этих разнокачественных знаний расширяет и углубляет предмет познания.

Кроме того, принцип иерархизации предполагает построение непротиворечивой ролевой композиции, состоящей из актуальной, сопутствующей, резервной и отрицаемой ролей в основных сферах жизнедеятельности личности. Следовательно, ролевая социализация, представляемая в виде системного комплекса с надсистемным уровнем, демонстрирует еще одно *системное свойство масштабной инвариантности*, следуя которому культура и социум как целостное образование сворачивается и распределяется в другой системе – индивиде. Личностные ролевые структуры, *инвариантны* той социокультурной среде, в которой растет и развивается субъект. Сказанное означает, что обобщенным свойством для ролевой социализации как системного комплекса выступает *способность генерировать функциональные дубликаты* разнокачественных систем. Это позволяет использовать структурные компоненты ролевой социализации в качестве важнейших операционных средств. По отношению к ролевой социализации этот механизм состоит в том, что основные структурные компоненты ролевой социализации в целом служат основанием для выработки их функциональных эквивалентов как собственных компонентов ролевой социализации. А. В. Карпов [137] особо отмечает, что следствием *принципа мультиплицирования* является эксплуатирование системным комплексом характеристик других систем. В рамках нашего исследования таким следствием выступает включение в содержание структурной и функциональной организации ролевой социализации всей мощной социокультурной системы и системы личности, которые эксплуатируются системным комплексом ролевой социализации. А. В. Карпов подчеркивает, что такое включение отражает двуединый характер содержания и механизмов систем. С одной стороны, они аутохтонны самому системному комплексу (имплицитны), а с другой – представляют внешнеположенные системы (эксплицитны). Автор обращает внимание, что результатом такой двойственности является *принцип обратимости*, который заключается в том, что системный комплекс способен

делать себя объектом своей организации посредством «выхода» на внешний надсистемный уровень. На этом уровне в контексте ролевой социализации происходит осознание доминирующего мотива, рефлексивный анализ социальной ситуации, выбор соответствующей роли с конкретными ролевыми ожиданиями, их сопоставление с актуальной потребностью и осознанная реализация актуальной роли в поведении для достижения эффективного социального функционирования. Такой выход за пределы надличного А. В. Карпов называет метасистемным принципом функционирования психики, выступающим основой метасистемного уровня.

Выводы по 3 главе

Ролевая социализация личности выступает как многокомпонентный, внутренне гетерогенный системный комплекс, синтезирующий в себе ряд системных образований – личность (мотивы, потребности, направленность и пр.), социум (социальные роли, социальные институты, нормы поведения и т. д.), культура (традиции, символы, образы и др.) и их взаимодействие – субъект-объектные отношения как таковые. Эти отношения раскрываются через взаимодействие систем в рамках системного комплекса, когда объективная реальность, складывающаяся из всего социального и культурного контекста, образуя внешнюю по отношению к ролевой социализации личности сторону, встраивается в структуру личности, тем самым трансформируя последнюю. Признание такого взаимодействия между системами позволяет нам констатировать их открытость и нелинейность, посредством которого происходит обмен информацией между системами.

Представляя системный комплекс, ролевая социализация не задана изначально, она предполагает определенное формирование и развитие, следовательно, может рассматриваться не только как процесс, но и как некоторый результат, который должен быть достигнут. В этом аспекте системный комплекс может быть рассмотрен не как система в чистом виде, а как степень приближения к ней. Ролевая социализация личности представляет собой иерархически

организованный гетерогенный системный комплекс, демонстрирующий свойство масштабной инвариантности, следуя которому социум, культура и личность как целостные образования сворачиваются и распределяются в качестве компонентов системного комплекса.

Синтез этих гетерогенных систем приводит к новым качествам для системного комплекса, превышающих их простую аддитивность. Ролевая социализация выходит за пределы содержания входящих в нее систем и обладает новыми особенностями и закономерностями. Такое функциональное взаимодействие основано на принципе иерархичности, состоящем в соподчинении специфических и неспецифических оснований. Это проявляется в том, что личность является социальным существом, она не может быть вне социума, и в этом раскрывается ее специфическая сущность. В то же время, личность не только социальна, но и несет в себе индивидуальные характеристики. В контексте социальной жизни индивидуальная сущность личности оказывается неспецифическим основанием, экзистенцией второго порядка. Иными словами, возникает определенная иерархия соподчиняющихся неспецифических и специфических качеств, в каждом из которых обнаруживают себя особые закономерности соответствующих систем, входящих в системный комплекс.

Дискриминантное и одновременно интегральное представление уровней системного комплекса выявляет специфику каждого уровня, что способствует более полному пониманию реального функционирования и развития ролевой социализации. Это соответствует принципу иерархичности, предполагающему, что ролевая социализация включает вышестоящие и нижележащие уровни. Таким образом, системный подход раскрывает специфические закономерности системных комплексов, своего рода «узлов интеграции», и их совокупных интегративных качеств. Представление ролевой социализации в качестве системного комплекса способствует изучению качественной определенности входящих в нее систем и их взаимодействия внутри такого «интегрального узла», создавая тем самым предпосылки для исследования многомерной картины мира личности. Активно способствуя различию качественной определенности и

специфики отдельных систем, системный подход обуславливает интенсивную разработку динамики сопряженности разнокачественных систем и структур. В целом рассмотрение систем «социум», «культура» и «личность» в полисистемном поле «интегрального узла» вскрывает специфику этих систем и создает возможности изучения многомерной реальности ролевой социализации.

Согласно системному подходу, который объективирует разного рода «качественные узлы взаимодействия», в структурную организацию ролевой социализации включаются пять основных уровней, имеющих качественные различия по их характеристикам: элементный (социокультурные ожидания), компонентный (базисные ролевые модели социального функционирования), subsystemный (основные жизненные сферы социализации); системный (личность как сверхчувствительное качество, как система сознательного отношения субъекта с ее потребностями, мотивами, направленностью); метасистемный (позволяет изучить мотивацию, ролевые ожидания, социальные роли, в плане жизненных сфер во взаимодействии интериндивидуального (социокультурное пространство) и интраиндивидуального (личность). В результате такого взаимодействия происходит интеграция всех структурных компонентов в уникальную ролевую композицию, следовательно, ролевая социализация возникает как интегральный эффект взаимосвязи нескольких разнокачественных объектов, связанных необходимой зависимостью и функциональной связью.

Качественная определенность социальной системы представлена в виде основных ролевых моделей, дискриминирующихся тремя основными осями, активность–пассивность, индивидуалистичность–социальность (эгоизм–альтруизм), спонтанность–традиционность, позволяющими выделить необходимое количество основных ролевых образов, отвечающих идеи универсальности. Универсальность основных ролевых моделей выражается в наполнении роли ожиданиями, являющимися социально и культурно закрепленными, и воплощении в любую другую роль в зависимости от сферы жизнедеятельности человека. Такие универсальные ролевые модели относятся к мезоуровню и не выходят за пределы этих сфер, образуя пересекающиеся между

собой кластеры. Эти роли отражают традиционные жизненные сценарии, которые охватывают последовательное продвижение индивида по «лестнице» жизни. Освоение этих ролей связано с чередой конкретных событий, характерных для каждого члена общества: включение в социальную роль, приобретение социальных статусов, связанных с ролью, освоение этих ролей и «выход» из них.

Принцип иерархичности предполагает соподчинение уровней и их нарастающую интеграцию. Так, компонентный уровень объединяет социокультурные ожидания относительно определенной роли. Субсистемный уровень фокусируется на комплексирование ролей в функциональные образования в основных сферах жизнедеятельности личности. В частности, семейная сфера образуется ролями, связанными с исполнением семейных функций. Профессиональная сфера эксплуатирует ролевую реализацию субъекта в профессиональном плане. Интимно-сексуальная сфера содержит роли, отражающие сценарии интимного взаимодействия с сексуальным партнером. В сфере неформальных контактов преобладают роли, детерминирующие неформальное взаимодействие индивидов. Личностная сфера концентрируется на ролях, связанных с личностной идентичностью, личностными характеристиками, жизненными сценариями, самоотношением и пр. Таким образом, мы имеем дело не с отдельными, изолированными друг от друга, моносистемами, а полисистемными образованиями, включенными в системный комплекс.

На субсистемном уровне происходит, с одной стороны, интеграция ролей в основные жизненные сферы социализации, а с другой – их дифференциация в зависимости от сферы. Дифференциация диктует выстраивание своеобразной иерархической ролевой структуры, состоящей из базисных ролевых моделей поведения индивида в зависимости от социальных ситуаций. Системный комплекс является самоорганизующейся системой – он сам генерирует цели, а затем начинает подчиняться им, меняя режим своего функционирования. Согласно принципу «потенциальной неограниченности», сформулированному в метасистемном подходе, каждая отдельная социальная ситуация предполагает приспособление к конкретным условиям и требует от субъекта актуализации

одной из имеющихся в его арсенале ролевых моделей поведения. При этом в пластах человеческого бессознательного одновременно присутствуют варианты других потенциальных ролей, располагающихся близко к актуальной ролевой модели. Такая ситуация предполагает существование устойчивых ролевых соотношений, принципиально возможных для воплощения, что обозначается в виде потенции. В процессе ролевой социализации эта потенциальная реальность представляет собой ролевой тезаурус личности. В этом соединении ролевых компонентов кроется большая интеграция и целостность в отличие от компонентного уровня. Вместе с тем необходимо учитывать, что любая декомпозиция предполагает включение одних компонентов системы с одновременным исключением других. Следовательно, данный уровень не исчерпывает содержание всей системы ролевой социализации.

Системный уровень обладает способностью интеграции всех нижележащих уровней, не сводимый к их аддитивной совокупности, демонстрируя формирование синергетических эффектов и нового процессуального содержания, составляющего специфику и закономерности данного уровня. Такими закономерностями на общесистемном уровне выступают активное включение в социальные отношения, обнаружение своих возможностей через реализацию ролевого поведения, проявление социальных свойств через ролевое поведение. Перечисленные интеграционные механизмы разворачиваются не на парциальных образованиях (отдельных ролях), а на ролевых композициях, характерных для определенной подсистемы. Иначе говоря, личность создает уникальный для каждой жизненной сферы ролевой тезаурус, потенциальную возможность, которая включается в зависимости от мотива и актуальной ситуации, что соответствует известному положению системного подхода об обусловленности общесистемного уровня подсистемной организацией. Явное доминирование на общесистемном уровне совокупности системных качеств лежит в основе его качественной определенности, свидетельствующей об автономности этого уровня.

На метасистемном уровне активизируется интегральный эффект взаимодействия разнокачественных систем, связанных функциональной связью: основные роли, представляющие социокультурную реальность, репрезентируются в системе личности, вследствие удвоения обретают индивидуальную форму существования. Социальные роли мультиплицируются в содержание и структурную организацию ролевой социализации личности, во многом образуя ее. Тем самым появляются все необходимые условия для трактовки ролевой социализации как специфического системного комплекса, имеющего иерархическую структуру. Речь идет не просто о суммировании гетерогенных систем, но прежде всего о более глубоких процессах соединения в единство разноприродных процессов.

Рассмотрение ролевой социализации в качестве системного комплекса, приближенного к системам специфического темпорального типа, предполагает, что в своем обобщенном виде функциональная организация ролевой социализации соотносится с ее процессуальной организацией. Последняя характеризуется тем, что представляет системный комплекс не в субстанциональном плане, а в его диахронической форме. Реализация положений системного подхода к анализу ролевой социализации специфического системного комплекса темпорального типа показала, что в ней действительно воплощены основные атрибуты системной формы. Данное обстоятельство вскрывает факт существования общесистемного критерия дискриминатора уровневой дифференциации, а качественная определенность временной системности соответствует основному значению этого критерия. Действительно, временная форма ролевой социализации воплощает в себе такие основные закономерности и специфические особенности как феномены целостности, синхроничности, диахроничности, синергетические эффекты. Вместе с тем ролевая социализация эксплицирует базовые принципы системности: принцип иерархичности, сменной и целевой детерминации, интегративности, неравномерности, итеративности, кумулятивности. Более того, темпоральная форма ролевой социализации включает в себя инвариант структурных уровней, состоящий из пяти базовых

уровней: элементного, компонентного, субсистемного, общесистемного и метасистемного, эксплицирующего иерархический принцип. Следовательно, функционирование ролевой социализации структурируется и упорядочивается. В результате этого она приобретает черты системной организации временного типа. Таким образом, реализация положений системного подхода и его постнеклассической версии метасистемного подхода к анализу ролевой социализации как специфического системного комплекса темпорального типа показала, что в нем действительно воплощены основные атрибуты системной формы.

Развитие темпорально-иерархической структуры ролевой социализации молодежи предусматривает поэтапное разворачивание в процессе формирования личности пяти уровней системы и становление соответствующих им пяти механизмов ролевой социализации: механизм инкультурации – включение индивида в культурное пространство норм, правил, символов и образов (соответствует элементному уровню); механизм имитации – наблюдение за ролевыми проявлениями значимого взрослого и проигрывание выбранной роли (соответствует компонентному уровню); механизм адаптации – анализ общественных ожиданий относительно исследуемой роли в конкретной жизненной сфере (соответствует субсистемному уровню); механизм индивидуализации – исследование индивидуального наполнения роли (соответствует системному уровню); механизм интеграции – преодоление конфликта между собственными представлениями о роли и ожиданиями коллектива, интернализация ролей, адекватных как для конкретной социальной ситуации, так и для потребностей личности (соответствует метасистемному уровню). Активизация каждого механизма ролевой социализации осуществляется на соответствующем этапе возрастного развития индивида, однако действие механизмов не утрачивает своей активности на протяжении всей жизни человека, проявляясь в большей или меньшей степени в зависимости от социального опыта человека, который накладывает отпечаток на реализацию того или иного механизма.

Таким образом, единство описания феномена ролевой социализации предполагает его исследование как в статической, так и процессуальной формах, что представляет объемное знание о реальности. Применение системного подхода к исследованию ролевой социализации, объективирует последнюю в виде «качественного узла взаимодействия» и фокусирует познание на раскрытии специфических закономерностей целостных образований и системных комплексов и их совокупных особенных и интегративных качеств.

Глава 4. ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ И СПЕЦИФИКИ РОЛЕВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

4.1. Дизайн исследования ролевой социализации личности

С целью изучения особенностей и закономерностей ролевой социализации было проведено эмпирическое исследование, включающее ряд отдельных эмпирических процедур.

На первом этапе осуществлялся подбор испытуемых таким образом, чтобы выборка была репрезентативной (соответствовала свойствам генеральной совокупности).

Второй этап включал подбор основных диагностических методов с последующей диагностикой, позволяющих изучить специфику каждого из уровней структурной организации ролевой социализации молодежи, а также исследовать межуровневые взаимодействия. Важно отметить, что полное и глубокое изучение каждого уровня структурной организации ролевой социализации молодежи демонстрирует, что каждый уровень является гетерогенным и сложным по организации.

Третий этап предполагал проведение математико-статистических процедур и делился на подэтапы:

- Разработка методики «Калейдоскоп», предназначенной для исследования ролевой структуры социализации личности и определение ее психометрических характеристик.
- Эмпирическая верификация структурной организации ролевой социализации. Выявление социокультурных ожиданий (χ^2), соотнесение основных ролей и социокультурных ожиданий (χ^2 , r-Спирмена), определение специфики ролевых профилей в различных сферах (χ^2), сопряжение актуального мотива и актуальной ролевой модели в разных сферах (χ^2); исследование интегральных факторов социального

функционирования молодежи эксплораторный факторный анализ, методом главных компонент с вращением варимакс-нормализованное, с последующим расчетом оценок для каждого испытуемого по полученным интегральным факторам, вычисление ролевых предикторов интегральных факторов социального функционирования молодежи; изучение интегративных эффектов и закономерностей ролевой социализации молодежи (метод структурно-психологического анализа, включающий расчет коэффициента r-Спирмена и метод экспресс χ^2 (А. В. Карпов и А. А. Карпов), метод структурного моделирования RMSEA, MANOVA).

- Оценка функциональной организации ролевой социализации посредством организации формирующего эксперимента, в рамках которого осуществлялось воссоздание основных этапов функциональной организации ролевой социализации молодежи (кластерный анализ, критерий t-Стьюдента для зависимых и независимых групп, χ^2 -Пирсона и ϕ -Пирсона).
- Эмпирическая проверка развития ролевой социализации через анализ сформированности механизмов, выступающих эмпирическими индикаторами уровней ролевой социализации, а также выявление качественного своеобразия ролевых композиций и их соотношение с механизмами на разных возрастных стадиях становления личности с использованием критерия ANOVA/ MANOVA.

На заключительном четвертом этапе осуществлялся анализ и обсуждение полученных результатов с формулированием выводов.

Для математико-статистической обработки результатов использовались программы STATISTICA Advanced + QC 10 for Windows Ru (лицензия № (SN) AGAR212F598906FA-3 от 06.12.2012 г.) и компьютерная программа для диагностики «Psychometric Expert-8».

В таблице 6 представлена характеристика исследуемой выборки на разных этапах.

Таблица 6

Характеристика эмпирической выборки на разных исследовательских этапах

Наименование этапа	Социальный статус	Количество	Возрастной диапазон	Пол	
				М	Ж
Психометрическая проверка методики «Калейдоскоп»	Студенты (очная и заочная форма обучения)	252	20–33 года	100	152
Определение ролевой социализации молодежи	Кадеты	210	14–16 лет	134	76
	Школьники	186	14–16 лет	72	114
	Студенты	491	17–25 лет	91	400
	Курсанты	400	17–25 лет	400	–
Итого		1704		962	742

В подборе методов исследования мы отталкивались от нескольких факторов. Во-первых, методики должны соответствовать возрастному диапазону респондентов. Во-вторых, они должны изучать ролевые факторы социализации в пяти основных жизненных сферах. В-третьих, необходимо подобрать опросники для исследования социального функционирования и для психометрической проверки авторской методики «Калейдоскоп». Учитывая указанные позиции, мы свели все методики в две таблицы. Первая таблица включает методики для психометрической проверки методики «Калейдоскоп» (таблица 7). Вторая содержит методы для диагностики выборки в целом; включает методики для изучения ролевой социализации личности в период юности и ранней взрослости и содержит методики изучения ролевой социализации подростков (таблица 8).

Таким образом, было подобрано четыре методики для диагностики выборки молодежи в целом. Для диагностики респондентов в период юности и ранней взрослости было подобрано 13 тестов. Для диагностики подростков были подобраны семь методик.

Методики для психометрической проверки проективного теста «Калейдоскоп»

Название	Назначение	Шкалы
16 PF E (Сокращенный вариант личностного опросника Р. Кэттелла)	Предназначена для экспресс-диагностики основных черт личности	А – добросердечность– обособленность В – высокий интеллект – низкий интеллект С – эмоциональная устойчивость – эмоциональная неустойчивость Е – доминантность – покорность F – беспечность – озабоченность G – моральность – недобросовестность Н – смелость – робость I – нежность – жесткость L – подозрительность–доверчивость М – мечтательность – практичность N – расчетливость – простота О – тревожность – самоуверенность
Определение ролевых позиций в межличностных отношениях (РВД) Э. Берн	Предназначена для оценки выраженности субличностей в структуре личности, ролевых сценариев	3 шкалы: Родитель Взрослый Ребенок
Методика исследования ролевых паттернов отношения к Другому взрослого человека (МИРП) Ю.В.Александрова	Предназначена для диагностики трех основных ролевых паттернов, осваиваемых человеком в период взрослости: супружеского, родительского и профессионального. Она позволяет выявить степень освоения человеком данного ролевого паттерна, а также проанализировать причины трудностей в его освоении	6 шкал: • отношение к Другому профессионала; • невротические паттерны профессионального отношения к Другому; • отношение к ребенку опытного родителя; • невротические паттерны родительского отношения; • невротические паттерны супружеского отношения Отношение к партнеру по браку «хорошего семьянина»

Методики для изучения ролевой социализации молодежи

№ п/п	Название и автор	Назначение	Шкалы
<i>Для всей эмпирической выборки</i>			
1	Шкала локуса ролевого конфликта (ШЛРК) П. П. Горностай	Предназначена для изучения интегральной характеристика личности, определяющей доминирующую стратегию поведения человека в условиях ролевого конфликта и базовую тенденцию ролевого развития личности и социального поведения	Локус ролевого конфликта: (3 уровня: экстернальный, интернальный и промежуточный)
2	Методика «Калейдоскоп» Ю.М. Перевозкина, Л.В. Паньшина, О.О. Андронникова, Н. В. Дмитриева	Предназначена для изучения ролевого профиля в пяти жизненных сферах (личностная, семейная, контактов, профессиональная, интимно-сексуальная)	8 шкал: <ul style="list-style-type: none"> • ролевая структура личности; • мотивы личности; • способ достижения потребности; • ролевая направленность личности; • ролевая когерентность с полом; • ролевая когерентность с возрастом; • ролевой конфликт; • ролевая гибкость/ригидность
3	Методика «Рисунок человека» К. Маховер	Предназначена для изучения полоролевых особенностей личности	<ul style="list-style-type: none"> • полоролевая идентичность
4	Анкета Ф. Прюс в адаптации И.А. Мавриной, Ю.М. Перевозкиной	Предназначена для изучения социальной удовлетворенности и социального функционирования в различных сферах, агентов, условий социализации.	3 компонента: <ul style="list-style-type: none"> • социальная удовлетворенность в различных сферах; • эффективность социализации; • агенты социализации

№ п/п	Название и автор	Назначение	Шкалы
5	Диагностика межличностных отношений (ДМО) Т. Лири	Предназначена для диагностики самооценки преобладающего типа отношения к людям, степени адаптированности поведения – степени соответствия (несоответствия) между целями и достигаемыми в процессе взаимоотношений результатами, отсутствием невротических отклонений и дисгармоний в интеракциях	8 шкал: <ul style="list-style-type: none"> • доминантность, склонность к руководству, лидерские данные; • уверенность в себе, самостоятельность; • непреклонность, воля, настойчивость, консерватизм; • независимость, отчужденность, холодность, дистанция в общении; • зависимость, подчиненность, непригодность; • неуверенность в себе, незрелость, несамостоятельность; • общительность, уживчивость, ориентация на мнение окружающих; • отзывчивость, самопожертвование, альтруизм
<i>Для подростков</i>			
6	Экспресс-диагностика уровня социальной изолированности личности. Д. Рассел и М. Фергюсон	Предназначена для диагностики социальной изолированности личности	Уровень социальной изолированности
7	Диагностика социально-психологической адаптированности (СПА) К. Роджерс и Р. Даймонд	Предназначена для диагностики приспособленности человека к условиям взаимодействия с окружающими его людьми в системе межличностных отношений	8 шкал: <ul style="list-style-type: none"> • адаптированность; • принятие себя; • принятие других; • эмоциональный комфорт (оптимизм, уравновешенность); • ожидание внутреннего контроля; • доминирование; • уход от проблем; • шкала лжи

№ п/п	Название и автор	Назначение	Шкалы
8	Социализированность личности учащегося (СЛУ) М. И. Рожков	Предназначена для изучения уровня социальной адаптированности активности, автономности и нравственной воспитанности учащихся	Социализированность личности учащегося
<i>Для студентов и курсантов</i>			
9	Краткий личностный опросник (КЛО) Дж. Баррет [139]	Предназначена для экспресс диагностики особенностей личности	8 шкал: <ul style="list-style-type: none"> • индивидуализм; • общительность; • уверенность; • пассивность; • ориентация на воображение; • ориентация на факты; • спонтанность; • осмотрительность
10	«Мотивация аффилиации» А. Меграбяна в адаптации М. Ш. Магомед-Эминова	Предназначена для оценки психической активности субъекта на установление или прекращение межличностных отношений	2 шкалы: <ul style="list-style-type: none"> • стремление к принятию • страх отвержения
11	Семейные роли и распределение ролей в семье (PPC) Ю. Г. Алешина, Л. Я. Гозман, Г. М. Дубовская	Предназначена для выявления распределения супружеских ролей в семье	7 шкал: <ul style="list-style-type: none"> • ответственный за материальное обеспечение семьи; • распределение ролей «хозяин–хозяйка»; • роль воспитателя; • роль сексуального партнера; • роль организатора развлечений; • организатор семейной субкультуры; • роль психотерапевта

№ п/п	Название и автор	Назначение	Шкалы
12	Методика исследования ролевых паттернов отношения к Другому взрослого человека (МИРП) Ю. В. Александрова	Предназначена для диагностики трех основных ролевых паттернов, осваиваемых человеком в период взрослости: супружеского, родительского и профессионального. Она позволяет выявить степень освоения человеком данного ролевого паттерна, а также проанализировать причины трудностей в его освоении	6 шкал: <ul style="list-style-type: none"> • отношение к Другому профессионала; • невротические паттерны профессионального отношения к Другому; • отношение к ребенку опытного родителя; • невротические паттерны родительского отношения; • невротические паттерны супружеского отношения; • отношение к партнеру по браку «хорошего семьянина»
13	Опросник профессиональной дезадаптации (ОПД) О. Н. Родина	Методика предназначена для оценки уровня психологической и физиологической дезадаптации в профессиональной, учебной сферах	10 шкал: <ul style="list-style-type: none"> • эмоциональные сдвиги; • особенности отдельных психических процессов; • снижение общей активности; • ощущение усталости; • соматовегетативные нарушения; • нарушение цикла «сон–бодрствование»; • особенности социального взаимодействия; • снижение мотивации к деятельности; • ухудшение самочувствия; • общий уровень дезадаптации
14	Оценка состояния адаптированности личности (ОСАДА)	Предназначена для экспресс-оценки социальной адаптированности личности	6 шкал: <ul style="list-style-type: none"> • удовлетворенность собой; • удовлетворенность ситуацией; • удовлетворенность общением; • удовлетворенность здоровьем и образом жизни; • удовлетворенность деятельностью; • общий уровень адаптивности

№ п/п	Название и автор	Назначение	Шкалы
15	Шкала субъективного благополучия (ШСБ) A. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche	Оценивает эмоциональный компонент субъективного благополучия в диапазоне от оптимизма, бодрости и уверенности в себе до подавленности, раздражительности и ощущения одиночества	7 шкал: • субъективное благополучие; • напряженность и чувствительность; • признаки, сопровождающие психиатрическую симптоматику; • изменения настроения; • значимость социального окружения; • самооценка здоровья; • степень удовлетворенности повседневной жизнью
16	Шкала социального самоконтроля (ШСС) М. Снайдер	Предназначена для оценки индивидуальных различий в способности управлять своим поведением и выражением своих эмоций в соответствии с требованиями социальной среды	Социальный самоконтроль
17	Шкала социальной фрустрированности (ШСФ) Л. И. Вассерман	Предназначена для изучения уровня социальной удовлетворенности. Опросник фиксирует степень неудовлетворенности социальными достижениями в основных аспектах жизнедеятельности	Социальная фрустрированность

4.2. Концептуально-методологическое обоснование методики «Калейдоскоп» для изучения социально-ролевого профиля личности

Социально-психологические исследования изучения ролевого спектра индивидуального функционирования включают как качественный, так и количественный анализ ролей и факторов, определяющих ролевое поведение

личности. Символический интеракционизм рассматривался представителями первой волны одновременно как научная дисциплина и как метод, обладающий собственным диагностическим инструментарием. Первый диагностический инструментарий, предложенный приверженцами этого направления, относится к качественным методам и разработан двумя представителями символического интеракционизма: М. Кун, Т. МакПартлэнд [185] определяли личность через социальные установки, которые формируются на основе интернализованных ролей, детерминирующих поведение индивида. С точки зрения М. Куна, личность можно операционализировать через постановку одного единственного вопроса «Кто Я?», который и был положен автором в основу его методики «Теста 20 вопросов по самоостановке» («Twenty statements self attitude test») [185]. Сущность данной методики предполагает дачу испытуемым 20 ответов на один единственный вопрос «Кто Я?», которые фиксируются в том порядке, в каком они продуцируются респондентом в течение 12 мин. При обработке ответов используется контент-анализ и шкала Гутмана. Автор разделил все ответы на две категории: 1) консесуальные ответы, отражающие социальный статус и роль испытуемого (Студент, Ученик, Мать, Подруга и пр.), а также отражающие принадлежность субъекта к какой-либо социальной группе – формальные роли; 2) субконсесуальные ответы, характеризующие индивидуальные черты личности (веселый, злой, щедрый, умный и пр.).

Согласно М. Куну и Т. МакПартленду вариативный диапазон ответов для одного испытуемого варьировался от 1 до 20 ответов ($M=17$). Результаты исследования авторов демонстрировали, что абсолютное большинство ответов можно было отнести к первой категории. Они шли первыми в бланках ответов, иначе говоря, большинство испытуемых идентифицировали себя с социальной ролью и социальным статусом, тогда как ответы, относящиеся ко второй категории, иногда просто отсутствовали. Следует отметить, что тест «Кто я?» нашел довольно широкое распространение в мире и применяется в исследованиях гендерной идентичности [552], самооценки и ролевых ожиданий [472], социальной идентичности [558], взаимосвязи автобиографической памяти и

самооценки [425] и т. д. Однако имеются исследования, указывающие на противоречивые данные, получаемые при помощи опросника «Кто Я». В частности, приведенные в статье С. McPhail & С. W. Tucker [541] данные не подтверждают широко распространенные предположения о прямой зависимости между значимостью выявленных посредством методики социальных ролей и самооценкой личности, в этой связи авторы ставят под сомнение обоснованность и надежность методики.

Заметим, что с распространением и ростом популярности теории символического интеракционизма, а также в связи с эклектическими тенденциями в фундаментальной психологии ролевое понимание личности были «оторваны» от интеракционистской идеи используются в тестах, авторы которых не идентифицировали себя с интеракционистским направлением. Такие методики, соответственно, не предназначены для исследования непосредственно ролей. Среди таких методов можно обозначить социометрию Я. Морено и тест эго-состояний Э. Берна. Методика «Родитель–Взрослый–Дитя», разработанная Э. Берном [43], преследует оценку выраженности субличностей в структуре личности. Теоретические положения Э. Берна использовались рядом автором для конструирования методов в контексте транзактного анализа [614]. С точки зрения Э. Берна, стоящего на позиции психодинамического подхода, диагностируемые в методике три позиции Ребенка, Родителя и Взрослого не изучают социальные роли, а относятся к личностным образованиям или эго-состояниям, позволяющим оценить не только особенности структуры личности, но и способы ее взаимодействия (см § 3.2). Еще одним широко распространенным методом для определения ролевых позиций в группе является социометрический метод Я. Морено [235], который представляет способ фиксирования межличностных отношений и ролевых позиций внутри группы. В основе метода лежит вопрос, направленный в различные сферы человеческих отношений: учебную («С кем бы ты хотел сидеть за одной партой?»), профессиональную («Если будут формировать новую творческую группу, с кем бы ты хотел работать в этой группе?»), семейную («С кем бы из членов семьи ты предпочел сидеть за обеденным

столом?») досуговую («Кого бы ты выбрал для похода в кино?») и пр. Бесспорно, социометрический метод выступает весьма эффективным, и с его помощью может быть достаточно успешно выявлена структура социальных позиций в группе. Однако, как справедливо отмечает А. В. Петровский [278], социометрический анализ дает лишь общее описание коммуникационной сети, кроме того социальные отношения не являются константными, и сегодняшние «звезды» завтра становятся «изгоями». Еще одно замечание, которое выдвигает А. В. Петровский, относится к неспособности метода определить причины и мотивы симпатий/антипатий, т. к. социометрический метод фиксирует ролевые ожидания группы, на реализацию которых могут оказывать влияние различные мотивы от самоутверждения до потребности в близости. Добавим также в качестве критического замечания, являющегося продолжением отмеченных А. В. Петровским недостатков метода, невозможность индивидуальной диагностики ролевых позиций и связанных с ней индивидуально-личностных детерминантов.

Используемые внутри интеракционистского направления методики опираются на те или иные концепты одной или нескольких школ, относящихся не только к указанному подходу, но и к другим. Так, несколько опросников, сконструированных П. П. Горностаем, ориентированы на аналитическую теорию бессознательного и служат для диагностики некоторых ролевых факторов. Автор предлагает два теста, исследующих ролевой конфликт и ролевую гибкость. Однако совсем не очевидным выступает поле ролевых факторов, предположительно опосредствующих регуляцию ролевого поведения.

С целью диагностирования ролевой социализации личности в рамках сформулированной нами ролевой концепции был сконструирован тест, предназначенный для диагностики ролевой структуры социализации личности согласно положениям разрабатываемой автором концепции.

Наиболее близким к заявляемому способу оценки социального профиля личности послужил медико-психологический метод диагностики и терапии «Сценотест» [356], который предназначен для оценки детских эмоциональных

проблем, имеющих бессознательную природу, широко используется для диагностических и терапевтических целей. «Сценотест» относится к стандартному инструментарию психологов и психиатров, занимающихся оценкой и лечением детей и подростков: в судебной медицине, в терапии или в школьной системе. Стандартизованный материал этой тестовой процедуры состоит из гибких человеческих фигур и тщательно подобранного набора аксессуаров: животных, деревьев, символических фигур и предметов из повседневной жизни, из которых обследуемому необходимо построить сцену из своей жизни. При обработке результатов учитываются роли, имена, осанка, образ жизни, отношение с другими фигурами. К достоинствам методики следует отнести актуализацию бессознательных мыслей, потребностей и желаний, отсутствие сопротивления – «Сценотест» вызывает естественное желание играть. Методика «Сценотест» имеет обширную библиографию в зарубежных психологических науках, начинающих свой отсчет с начала 60-х гг. прошлого века [465] до современных исследований, посвященных изучению психических заболеваний, эмоциональных состояний, креативных возможностей, отраженных на симпозиумах и основных докладах конференций [448]. К недостаткам данного способа оценки можно отнести: трудоемкость процедуры и обработки исследования, обусловленные многочисленностью стимульного материала, имеющего символическое значение; фиксации расстановки стимульного материала и его обозначение; длительность временных затрат (от 10 мин до часа); высокие требования к специалисту, т. к. интерпретация результатов требует высокой профессиональной подготовки и развитой интуиции исследователя.

Еще одним аналогом в разработке методики выступил «Клинический цветовой тест» М. Люшера [210], направленный на диагностику эмоциональных состояний, ведущих потребностей, наличия конфликтов и пути к их разрешению. Предполагает ранжирование в порядке предпочтения цветов в зависимости от их субъективной приятности из восьми цветowych таблиц. Достоинством методики является объективное шкалирование цветowych выборов, отражающих диспозиции испытуемого, а затем их обратное раскодирование экспериментатором.

Недостатком методики является трудоемкость обработки полученных результатов.

На основе на вышеобозначенных методик и теории ролевой социализации личности нами была предложена диагностическая модель основных ролей, которая предполагает определение (концепта) объекта психодиагностики на феноменологическом уровне. В данном случае перед нами предстоит непростая задача, поскольку объект психодиагностики состоит из двух частей – ролевые детерминанты и социализация личности. При этом конечной целью данной диагностической модели предполагается возможность прогнозирования особенностей ролевого поведения личности на глубинном уровне. Каждая роль имеет доминирующую направленность – это способность действовать в отношении или против какого-либо фактора окружающей среды, который наделяется субъектом положительным или отрицательным значением. Положительная или созидательная направленность предполагает привлекательное отношение к объектам и ситуациям. Отрицательная или деструктивная направленность демонстрирует негативное отношение по поводу объекта или ситуации, с которыми связан субъект. Причем направленность ролей имеет асимметричный характер. Только два ролевых образа (Ведьмы и Трикстера) обладают негативной, разрушительной направленностью, тогда как остальные роли в основном представляют созидательный характер. Вместе с тем, любая роль может развернуться как в созидательную, так и в разрушительную сторону (см. § 3.2).

Разные роли обусловлены различными мотивами, которые связаны с определенными цветами. Так, например, ролевой модели Матери свойственно проявлять заботу о своем ребенке, руководствуясь, прежде всего, чувством любви. Ролевая модель Отца предполагает осуществление руководства и контроля окружающих в любой сфере. Ролевая модель Героя предполагает преодоление препятствий несмотря ни на что и т. д. Отсюда можно сделать вывод о взаимосвязи роли и потребности. В случае актуализации одной из базовых потребностей, связанная с ней роль становится актуальной. В ролевой концепции

западногерманского социолога Р. Дарендорфа [90] предлагается выделять ведущие социальные роли, обусловленные социальной структурой общества, и спонтанные роли, возникающие произвольно в групповых взаимодействиях. Такое понимание отражает деиндивидуализированный подход к личности, рассматривающий человека как продукт ролевых предписаний. Вместе с тем, как отмечает И. С. Кон [161], индивидуальный жизненный опыт является фактором многообразия личностей; в силу этого опыта человек интернализирует собственные роли, интегрируя их в специфическую автономную систему, в которой происходит взаимообмен: с одной стороны, роль обуславливает личностные изменения, с другой – человек индивидуализирует роль, влияя на выбор той или иной роли и способ их реализации. И. С. Кон выдвигает тезис о том, что важно изучить не столько внешнюю ролевую структуру личности, но и ее внутреннюю композицию, определяя смысловую составляющую каждой роли, ее удельный вес и доминирующую роль с точки зрения самой личности. Принимая позицию И. С. Кона, скажем, что интеграция и структура ролей является уникальной для каждой личности, образуя ролевые композиции в каждой сфере социализации. Таким образом, определенный ролевой набор, свойственный индивиду, может реализовываться в каждой из пяти сфер, при этом важно отметить, что роли в этом наборе не будут являться рядоположенными, а выступать в конкретной иерархической последовательности (см. рисунок 18). Положение каждой ролевой модели определяется выборами испытуемого по степени предпочтения.

Такая композиция предполагает, что одна из ролей выступает актуальной, другие роли могут быть потенциальными, также могут быть определены резервные роли и отвергаемая роль [267]. Эта ролевая модель характеризуется тем, что из всего ролевого набора в данный момент именно она в этой ситуации в наибольшей степени способствует достижению цели и «работает» на удовлетворение актуальной потребности или метамотива. Указанная роль находится в актуальном состоянии, выходит на первый план, становится

«фигурой», тогда как все иные роли определяют «фон», оказываясь представленными в «латентном» состоянии.

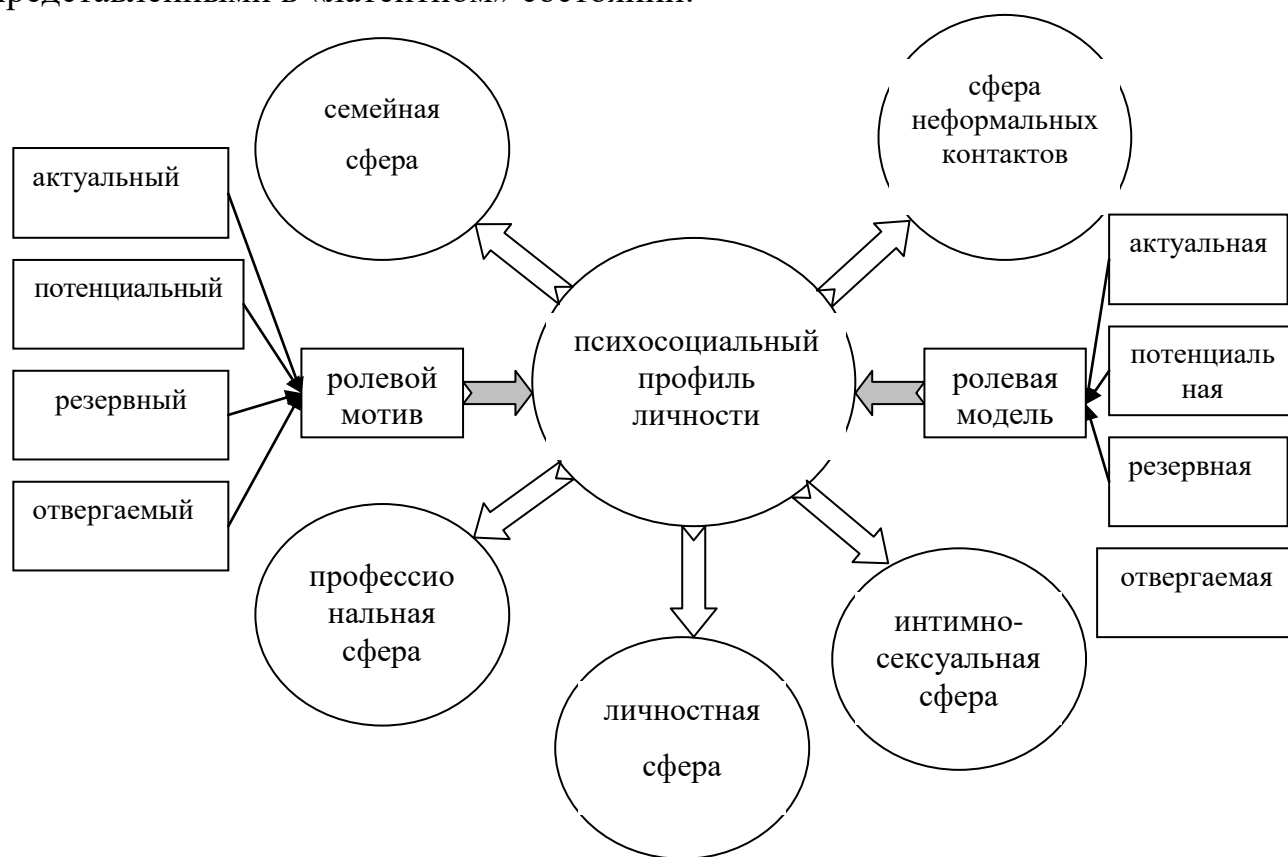

Рисунок 18. Диагностическая модель ролевого профиля личности

Согласно автору метасистемной концепции А. В. Карпову [131], весь ролевой состав может быть разделен на актуальную составляющую (эксплицитную), соотносимую с осознаваемой репрезентацией, и латентную форму, отражающую информацию бессознательного. Соответственно, к латентному ролевому полю относятся все остальные позиции – потенциальная, резервная и отвергаемая. Потенциальная ролевая модель предполагает дополнительные к актуальной ролевой модели возможности. Другими словами, в случае, если в определенной ситуации актуальная роль не удовлетворяет поставленной цели и не содействует реализации актуальной потребности, то производится замена выбранной роли на потенциальную, изменяется ролевой фокус. Резервная ролевая модель, как и потенциальная, отражает вспомогательные ролевые образы, которые воспроизводят определенные стили поведения, взаимодействия с окружающими, применяемые в отдельных

ситуациях или сферах, находящиеся в запасе у субъекта, но используемые достаточно редко и только в исключительных ситуациях, в отличие от потенциальных ролевых моделей. Однако в критических для субъекта ситуациях они могут трансформироваться в актуальную, т. е. фактически осознаваемую форму. Отвергаемые ролевые модели диагностируют непринимаемые личностью и связанные с ролью ролевые ожидания, которые могут проецироваться на других людей.

Построение именно такой ролевой структуры опирается на концептуальные положения системного подхода и аналитической психологии, а также на диагностический подход М. Люшера. В частности К. Г. Юнг писал о доминантном и теневом архетипе, что впоследствии было использовано в теоретических построениях приверженцами теории архетипов. В своей типологической концепции К. Г. Юнг выделял четыре функции, связанные с двумя аттитюдами: экстраверсия и интроверсия – мышление, ощущение, интуиция и чувства, которые выстраиваются относительно оси сознание/бессознательное, обозначенные как доминантная и подчиненная. Обе функции являются компенсаторными по отношению друг к другу. Помимо доминирующей и подчиненной функций, К. Г. Юнг выделил еще вспомогательные функции, которые находятся между доминантной и подчиненной функциями. Представитель архетипического подхода к пониманию личности Дж. Бебе, используя иерархическую постановку К. Г. Юнга, связал функции, аттитюды и архетипы в единую модель (см. выше), что особенно ценно в рамках ролевой теории. Подобную иерархическую схему мы находим в теоретических позициях цветовой диагностики личности М. Люшера [210]. Автор, понимая под ролью самооценку личности, указывает на существование роли-идола (это то, что больше всего желает субъект) и роли-отвержения (это то, чего больше всего боится индивид). Между ними автор размещает актуальное состояние, что соответствует настоящему положению дел, и резервное состояние – мотивы и эмоции, находящиеся в латентном положении, но используемые в стрессовых ситуациях.

Проведенный в § 3.2 анализ мотивационных образований личности и соотнесение их с ролевыми моделями позволили выделить четыре основных мотива, основанные на четырех потребностях М. Люшера [210], и пять дополнительных, которые сопоставлены с аналогичным цветовым спектром.

Основные:

- мотив в сопринадлежности, в единстве и гармоничном единении – синий цвет;
- мотив значимости, самоутверждения, упорства – зеленый цвет;
- мотив доминирования, в активности, достижения успеха – красный цвет;
- мотив освобождения от ограничений, препятствий, любознательности, изменения – желтый цвет.

Дополнительные:

- мотив привлечения внимания – фиолетовый цвет;
- мотив физического комфорта и чувственного удовольствия – коричневый цвет;
- мотив агрессии, причинения вреда себе или окружающим, разрушения, негативизма, отрицания, противостояния – черный цвет;
- мотив дистанцирования и незаметности – серый цвет;
- мотив самоотдачи, открытости, единства – белый цвет.

Отечественный ученый И. С. Кон [161] указывает, что ролевая система уникальна для каждой отдельной личности, и для понимания ее поведения необходимо принимать в расчет внутреннюю ролевую структуру, смысл и удельный вес определенной роли, выявляя ее психологическую доминанту. В нашем случае такой доминантой, триггером может выступать мотив, который в контексте конкретной ситуации порождает процесс ролевого функционирования (см. § 3.3). Такая постановка проблемы позволяет говорить об иерархической ролевой системе, в которой ролевая модель связана с определенным мотивационным образованием, являющимся центральным или актуальным в данный момент. Кроме того, учитывая иерархический характер потребностей, мы можем предполагать наличие потенциального мотива – важного, но не настолько,

чтобы из-за него субъект готов решиться на многое (соответствует сопутствующей ролевой модели). Также можно выделить наличие резервного мотива (соответствует резервной ролевой модели): находится в запасе у субъекта, активизируясь только в исключительных ситуациях. И в качестве подавляемого мотива можно говорить о мотиве, который по каким-то причинам не может реализоваться в настоящее время и отрицается индивидом (соответствуют подавляемой ролевой модели).

Ролевая композиция для основных ролей и связанных с ними потребностей может быть определена для пяти сфер: личностной, профессиональной, контактов, семейной и интимно-сексуальной. Вместе с тем следует обратить внимание, что не всегда обнаруживается совпадение между ролевой моделью и мотивационным образованием, когда активизированная потребность трансформируется в мотив, напоминая субъекту о существующем ролевом несоответствии: между ролевыми ожиданиями и реальным поведением индивида в рамках роли [216]. Следовательно, роль, выступая способом реализации нескольких устремлений, может быть связана с различным набором мотивационных образований, не всегда совпадающих с ролевыми ожиданиями, что приводит к ролевому конфликту. Сущность ролевого конфликта, с точки зрения И. С. Кона [161], состоит в несовпадении общественных ожиданий относительно конкретной роли и представлениями субъекта об этой роли. Ролевой конфликт раскрывается П. П. Горностаем [81] как дисгармоничный переход из одной жизненной стадии к другой, когда части личности не реализуются свободно в ролевом поведении. В этом случае, постулирует автор, возможно несколько вариантов: сублимация в другие ролевые формы; компенсация воображаемыми ролями; вытеснение проблемной роли в бессознательное. Такое блокирование интернализации личностных и жизненных ролей тождественно, с точки зрения П. П. Горностаея, дисгармоничному развитию личности, депривации потребностей и пр. В диссертационном исследовании Е. В. Кумыковой [184] было доказано, что потребность в независимости у молодых женщин связана с внутренним конфликтом. По мнению

А. Л. Свенцицкого [307], один их факторов, обуславливающий возникновение ролевого конфликта, является ролевая перегрузка – субъект выполняет слишком много социальных ролей с одинаковой ценностью или у него не сформирована структура ценностных ориентаций. И. С. Кон [161] описывает несколько видов конфликтов: межролевой конфликт – конфликт, связанный с множественностью ролей, когда субъект выступает носителем ролей, предъявляющих к нему противоположные требования; внутриролевой конфликт – противоречивые представления субъектов об обязанностях, закрепленных за одной и той же ролью, рождается из несоответствия представлений о себе и ролевых экспектаций.

В рамках теории ролевой социализации можно выделить четыре вида ролевых конфликта.

1. Экспектационный конфликт – несоответствие представлений личности о роли общественным экспектациям. Предполагает непонимание личностью ролевых ожиданий, социально и культурно закрепленных за конкретной ролью, и наполнение роли своими собственными представлениями. Диагностируется через выбор одной и той же ролевой модели в одной сфере как предпочитаемой, а в другой как подавляемой.

2. Мотивационно-ролевой конфликт – несовпадение между мотивом и ролью. Предполагает противоречие между ценностями, интересами, самоотношением, мотивами и исполняемой ролью. Такой конфликт актуализируется часто в ситуации исполнения нескольких ролей, что свойственно для современной личности, и может сопровождаться психоэмоциональным напряжением, негативными эмоциями, нервно-психической неустойчивостью. Диагностируется в случае конфликтного выбора роли и несоответствующей ей потребности.

3. Конфликт аутентичности роли предполагает несоответствие предъявляемой роли текущей ситуации. Происходит блокирование какой-либо одной роли или нескольких ролей вследствие психической травмы, кризиса идентичности, дистресса, что приводит к ролевым искажениям в структуре

личности. В результате таких искажений блокируемые роли вытесняются в «теневую» зону бессознательного и могут проецироваться на окружающих людей. Диагностируется посредством отвержения в нескольких сферах одной из ролей.

4. Межролевой конфликт – реализация одной личностью нескольких ролей одновременно. Как правило, экспектации этих ролей характеризуются противоречивостью или недостаточной скоординированностью.

Кроме ролевого конфликта, П. П. Горностай [79] пишет о ролевой вариативности или о ролевой гибкости, понимая ее как способность индивида изменять роли в зависимости от ситуации. Следуя автору, можно обозначить ролевую гибкость как включение в использование в определенных жизненных сферах различного ролевого набора. Такое понимание предполагает непротиворечивое использование разных ролей в социальных ситуациях, относящихся к различным сферам жизнедеятельности. Например, женщина в семейной сфере может использовать в качестве доминирующей ролевой модели роль Матери, позволяющую реализовать ее потребности в заботе, а в интимно-сексуальной роль Ведьмы, дающую возможность быть сексуальной и привлекательной для своего партнера. Вместе с тем ролевая ригидность характеризуется тем, что индивид «прилипает» к одной роли, которую эксплуатирует во всех жизненных сферах. В наших исследованиях больных шизофренией [94] было показано, что для пациентов с параноидной шизофренией, находящихся в ремиссии (N=84), характерно использование одной и той же роли в различных сферах ($p < 0,01$).

В представляемой методике исследуется способ достижения потребности – диагностируется посредством соотнесения ролевой модели и местоположения того квадрата, на который он ставится. Всего возможны четыре варианта положения: лево верх, обозначается двумя заглавными буквами ЛВ, лево низ – ЛН, право верх – ПВ, право низ ПН. С точки зрения М. Люшера [210], все поля имеют свою цветность (таблица 9).

Таблица 9

Цветность полей по М. Люшеру

Желтое	Красное
Синее	Зеленое

Однако относительно пространственной ориентации и ее соотношения с полом имеются дискуссионные обсуждения. Обратимся к некоторым интерпретациям пространства в рисунках и песочных картинах. Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева и Т. М. Грабенко [110] дают следующую пространственную интерпретацию, которая, впрочем, совпадает с интерпретацией пространства в рисунках [287]. Авторы предлагают интерпретировать отдельно по вертикали (таблица 10), по горизонтали (таблица 11) и по каждому сегменту в песочнице (таблица 12).

Таблица 10

Пространственный символизм по вертикали

Левая часть	Центр	Правая часть
Символизирует прошлое. Женская часть, взаимоотношения со значимыми женщинами, связь с домом. Отражает эмоциональную часть личности, внутренний мир, глубинные личностные процессы. Символизирует то, что человек имеет, на что может опереться	Символизирует настоящее. Актуальное состояние и процессы личности, то, что есть сейчас, о чем думает, что является значимым (особенно касается фигурки в центре). Отражает «Я» клиента, тот образ, с которым он себя бессознательно ассоциирует	Символизирует будущее. Мужская часть, взаимоотношения со значимыми мужчинами. Социальные процессы. Взаимоотношения в детском саду, школе, университете, на работе. Символизирует планы на будущее, к чему стремится, а также планы и ограничения в задуманном

Пространственный символизм по горизонтали²

Часть	Символика
Верхняя	Ментальные процессы, мысли, фантазии, планы, воспоминания. Оптимистическое отношение, отрыв от реальности. Уровень Супер-эго
Центральная	Сфера реальных действий, поступков, то, что делает, потенциальные возможности. Уровень сознания, Эго
Нижняя часть	Эмоциональные процессы, переживания, чувства. Бессознательное. Уровень Ид

Пространственный символизм по секторам

Процессы, связанные с мыслями и мечтами о прошлом, о доме, о матери (или другой значимой женской фигуре), магические и духовные переживания, иллюзорность	Мечтания и планы, связанные с социальным окружением, будущим, профессией, мысли о взаимодействии с отцом (или другой значимой мужской фигурой), иллюзорность
Эмоциональные переживания, связанные с матерью, домом, инстинктивные проявления, депрессивный фон, реалистичность, уход в себя	Эмоциональное отношение к социальному окружению и значимым мужским фигурам, а также по поводу социальной самореализации, пессимистичные тенденции и реалистичность

Необходимо отметить, что при интерпретации центральной и нижней части у некоторых авторов наблюдается несовпадения. В частности Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева и Т. М. Грабенко считают, что центр необходимо интерпретировать как эмоциональную часть личности, что, несомненно, относится к бессознательной части, а низ – как уровень действий, символизирующий уровень Эго. Тогда как в большинстве инструкций по интерпретации пространства в рисуночных методиках или песочных картин мы находим, что низ листа – это бессознательное, уровень Ид, следовательно, эмоции, а вот центральная часть символизирует центр самосознания, или Я, что относится к действиям. Также возникают разночтения при делении песочной картины по секторам и их интерпретации. Д. Кальф [502] предлагала делить на шесть секторов, разделяя по

² При описании центра мы основывались на интерпретации Л. Штейнхарда [358].

горизонтали на низ и верх, а по вертикали на три части: левую, центр и правую (см. рисунок 19).

R. Amman [388] предлагает осуществлять пространственный анализ песочных картин несколько иначе, несмотря на аналогичное деление на четыре сектора. Верхнюю часть песочницы автор связывает с патриархальным, духовным началом, символизирующим воздух. Нижнюю часть рассматривает как материнское начало, символизирующее землю, инстинкты и тело. Левая сторона, по мнению R. Amman, представляет внутренний мир и область бессознательного, а правая часть в большей степени ориентирована на сознание и внешний мир, реальность и жизненные цели. При этом каждый угол, с точки зрения автора, представляет так называемые входы и выходы различных энергий, а центр песочницы символизирует центр самосознания, или Я.

	Левая часть Представление о прошлом, отношения с матерью	Центральная часть Представления о настоящем, Самость	Правая часть Представления о будущем, отношения с отцом
Сознание			
Бессознательное			

Рисунок 19. Разделение песочницы на сектора по Д. Кальф

Согласно У. Аве-Лаллемант [3], подробно проанализировавшей пространственную символику, верх рассматривается в виде легкого, духовного начала, связанного с познанием. Нижняя часть символизирует тяжелые эмоциональные состояния при ощущении реалистичности. Правое направление связывается автором с будущим, выраженным в поступках или окружении, левое – это прошлое, интимное, близкие отношения, проблемы с идентичностью,

уход в себя. Таким образом, опираясь на труды арт-терапевтов и проективные техники, четыре квадрата в пространстве можно ассоциировать со следующей символикой.

Итак, левая сторона в большей степени символизирует женскую сущность, тогда как правая сторона связана с мужским началом, верхнее поле ассоциируется с мечтами и духовными переживаниями, а нижнее – с реалистичностью, эмоциональностью и негативными переживаниями [3; 110; 310; 571]. Следовательно, способ действия будет зависеть, прежде всего, от плоскости анализа, при этом основное содержание поля как способа действия можно проинтерпретировать следующим образом (таблица 13).

Таблица 13

Интерпретация способа действия в пространстве четырех квадратов

<p>ЛВ – достижение потребности через самоидентичность, через иллюзорные желания сблизится с матерью, через оптимистичное отношение к прошлому (желтый цвет) <i>Девочка, Мальчик</i></p>	<p>ПВ – достижение потребности через саморазвитие, преодоление преград, целеполагание, оптимистичный настрой на будущее, иллюзорные сблизится с отцом, через достижение признания в социуме, которое может быть нереалистичным (красный цвет) <i>Герой, Трикстер</i></p>
<p>ЛН – достижение потребности через критический самоанализ, через пессимистичное отношение к прошлому, к матери или другой значимой женской фигуре, проблемы с женской сущностью (синий цвет) <i>Старуха, Мать, Ведьма, Дева</i></p>	<p>ПН – достижение потребности через достижение признания в социуме, сопряженным с недовольством своим положением в социуме, недостаточностью признания со стороны окружающих, неудовлетворенность своими взаимоотношениями с отцом, проблемы по отношению мужской части личности (зеленый цвет) <i>Старик, Отец</i></p>

Мы оставили цветовое соответствие и пространственную ориентацию по М. Люшеру, но изменили гендерное расположение, согласно символическим представлениям [3; 110; 310; 571]. В связи с этим, если ролевая модель ставится на свое поле, это естественно, если не на свое, это указывает на сдвиг, деформацию в сторону цветности и положения выбранного поля и актуализацию ролевого конфликта. С точки зрения Г. Фрилинга и К. Ауэра [331], при анализе

пространственного расположения, необходимо учитывать очередность заполнения полей:

1) если сначала заполняется правое поле – субъект ориентирован на результат, если левое поле – на процесс;

2) диагональные скачки – внутреннее напряжение, импульсивность.

Описание методики

Методика состоит из 10 фигур, выполненных из пластика, отражающих 10 ролевых моделей и два цветовых поля – квадратное поле для первых пяти этапов, состоящее из четырех цветных квадратов: синий, зеленый, красный, желтый (см. рисунок 20) и предполагающее последовательное тестирование ролевых композиций в личностной, семейной, контактов, профессиональной и интимно-сексуальной сферах. В этом случае ролевая композиция состоит из четырех основных ролей и четырех мотивов.

Поле предъявляется в одном и том же положении (синий и зеленый цвета снизу, желтые и красные сверху).

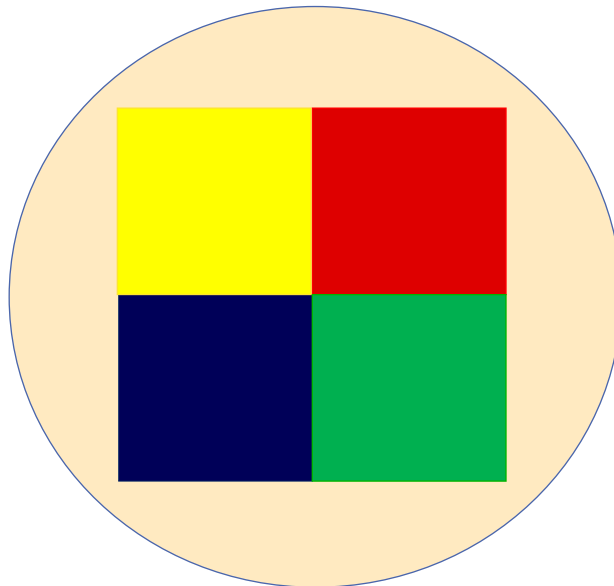

Рисунок 20. Цветовое поле для первых пяти этапов

Для последнего шестого этапа, предполагающего диагностику ролевой композиции из девяти ролевых моделей и девяти мотивов, предлагается круглое

поле, состоящее из девяти цветовых сегментов: серый, синий, зеленый, красный, желтый, фиолетовый, коричневый, черный, белый (см. рисунок 21).

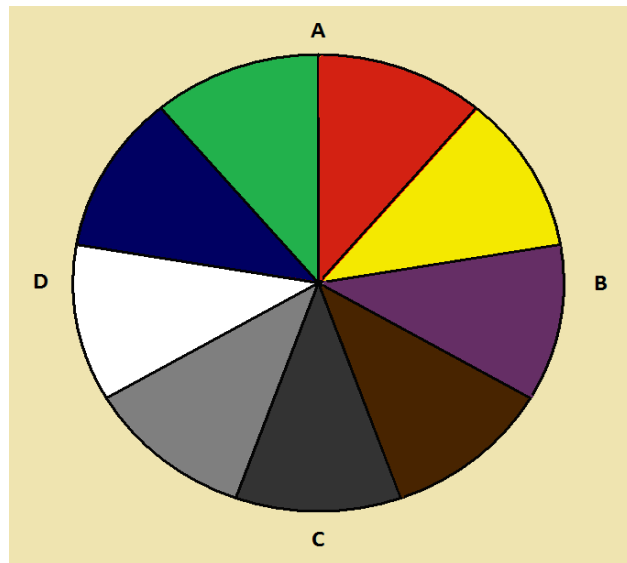

Рисунок 21. Цветовое поле из 9 сегментов

Цветовое поле предъявляется всегда в данном основном положении (английская буква А находится вверху).

Стимульный материал состоит из 10 фигур, отражающих 10 основных ролей (см. § 3.2), среди которых восемь взрослых (четыре мужчины и четыре женщины) размером 10 см и две фигурки девочки и мальчика размером 5 см. (см. рисунок 22).

Рисунок 22. Визуальное изображение основных ролей

Ролевая модель Старухи представлена фигурой пожилой женщины с морщинистым лицом в черном платье и сером платке с руками сложенными на уровне живота. Фигура символизирует обращение к внутреннему миру, отречение от мирской суеты и посвящение себя всему духовному. В той же возрастной категории находится ролевая модель Старика, представленная фигурой пожилого мужчины с морщинистым лицом, в сером свитере и серых брюках, который опирается одной рукой на трость, а вторая рука поднята вверх в назидательном жесте, символизирует мудрость, стабильность, приверженность традициям, обучение и назидание. Возрастной диапазон периода взрослости выражен через две ролевые модели. Ролевая модель Матери отражена в фигуре взрослой женщины одетой в зеленое платье со светлыми волосами, собранными в пучок и сложенными на уровне живота руками, символизирует заботу, помощь и доброту. Фигура взрослого мужчины в сером пиджаке, со сложенными руками на животе соответствует ролевой модели Отца, символизирует руководящую роль, контролирующее начало, ответственность. Ролевая модель Девы, относящаяся к периоду юности, представлена фигурой девушки в белом платье со светлыми волосами, заплетенными в косу, прикладывающую одну руку с красным цветком к груди, символизирует чистоту, целомудренность, покорность. Ролевая модель Героя представлена фигурой юноши, одетого в коричневую куртку и синие джинсы, зафиксировавшего руки в карманы, символизирующего свободу, сексуальность, стремление к цели, преодоление преград. Две фигуры, отражающие основные роли, относящиеся к периоду молодости и имеющие деструктивную направленность, представлены двумя фигурами в черном: женщина с черными волосами, ярким макияжем, украшениями, с руками, упирающимися в бока, символизирует мстительность, соперничество, сексуальность; другая фигура представляет ролевую модель Трикстера (в черном костюме, в белой рубашкой с распахнутым воротом, в маске), символизирует спонтанность, ложь, безответственность, нарушение закона и морали. Возрастной диапазон детства представлен фигурой мальчика, символизирующего активность,

озорство, любопытство, и улыбающейся девочки, символизирующей открытость, наивность, послушание.

Диагностический процесс включает шесть этапов.

Первый этап предполагает диагностику личностной сферы. Перед обследуемым в основном положении выкладывается поле из четырех квадратов, которое ему необходимо повернуть в соответствии с предпочтениями, затем из 10 фигур предлагается последовательно выбрать три наиболее отражающих его идентичность, расставляя их в той же последовательности на цветовой квадрат поля (на квадрат ставится только одна фигура). После чего обследуемому необходимо выбрать из оставшегося фигурного ряда одну фигуру, которая для него является субъективно неприятной и с ней идентичность представляется невозможной, которая также выставляется на последний, четвертый цветовой квадрат. В бланке на первом этапе фиксируется номер фигуры в графе «Ролевая модель», цвет квадрата в столбце «Цвет» и положение (всего возможно четыре лево верх – ЛВ, право верх – ПВ, лево низ – ЛН, право низ – ПН) в столбце «Положение» в соответствии с поставленной фигурой. Затем все фигуры возвращаются с цветового поля обратно в фигурный ряд.

На втором этапе обследуемому предлагается выбрать четыре фигуры, составляющие, по его мнению, семью, и поставить в сторону. Затем предлагается повернуть цветовой квадрат при необходимости. После чего обследуемому нужно выбрать из четырех оставленных фигур одну (наиболее отражающую его личность) и определить ей место на одном из цветовой квадратов. Процедура повторяется с тремя оставшимися фигурами. Номер, цвет квадрата, на который поставлена фигура, и ее положение записывается в бланк второго этапа, начиная с первой строки. Затем все фигуры возвращаются обратно в фигурный ряд.

На третьем этапе обследуемому предлагается выбрать четыре фигуры, составляющие, по его мнению, его ближайшее окружение, и поставить в сторону. Затем предлагается повернуть цветовой квадрат при необходимости. После чего обследуемому нужно выбрать из четырех оставленных фигур одну (с которой более сильна идентичность) и определить ей место на одном из цветовой

квадратов. Процедура повторяется с тремя оставшимися фигурами. Номер, цвет квадрата, на который поставлена фигура, и ее положение записывается в бланк второго этапа, начиная с первой строки. Затем все фигуры возвращаются с цветового поля обратно в фигурный ряд.

На четвертом этапе обследуемому предлагается выбрать четыре фигуры, составляющие, по его мнению, профессиональную группу, и поставить в сторону. Затем предлагается повернуть цветовое поле при необходимости. После чего обследуемому нужно выбрать из четырех отставленных фигур одну (с которой он более всего идентифицируется) и определить ей место на одном из цветовых квадратов. Процедура повторяется с тремя оставшимися фигурами. Номер, цвет квадрата, на который поставлена фигура, и ее положение записывается в бланк второго этапа, начиная с первой строки. Затем все фигуры возвращаются с цветового поля обратно в фигурный ряд.

На пятом этапе обследуемому предлагается выбрать одну фигуру, отражающую, по его мнению, его собственную сексуальность, и поместить на цветовое поле из четырех квадратов. Предварительно предлагается повернуть цветовое поле при необходимости. После чего обследуемому нужно выбрать из всего фигурного ряда еще одну фигуру, которая, по его мнению, может символизировать его сексуального партнера, и аналогично первой определить ей место на одном из трех оставшихся квадратов. Следующая выбранная фигура должна обладать асексуальными характеристиками, а последняя – быть сексуально отталкивающей. Все фигуры последовательно выставляются на цветочные квадраты, а их номер, цвет квадрата, на котором стоит фигура, и положение записываются в бланк. Затем все фигуры возвращаются в фигурный ряд.

Шестой этап предполагает комплексную диагностику личностного профиля с использованием всего фигурного ряда и цветового поля из девяти сегментов. Обследуемому предлагается ранжировать по степени идентичности девять фигур (как только выбирается одна из фигур ребенка, то вторая убирается экспериментатором из стимульного ряда), которые последовательно расставляются на цветочные сегменты (каждая фигура может быть поставлена

только на один цветовой сегмент). Номер фигуры и цвет сегмента, на который поставлена фигура, записываются в бланк шестого этапа.

Обработка

Ролевой модели, цвету и положению соответственно баллы присваиваются следующим образом. Ролевой модели, цвету и положению в строчке под номером 1 присваивается 4 балла, ролевой модели, цвету и положению в строчке под номером 2 присваивается 3 балла, ролевой модели, цвету и положению в строчке под номером 3 присваивается 2 балла, ролевой модели, цвету и положению в строчке под номером 4 присваивается 1 балл. Аналогичным образом обрабатываются со 2 по 5 этапы. При обработке шестого этапа первой выбранной фигуре присваивается 9 баллов, второму выбранному персонажу присваивается 8 баллов, третьему – 7 баллов, четвертому – 6 баллов, пятому – 5 баллов, шестому – 4 балла, седьмому – 3 балла, восьмому – 2 балла, а девятому выбранному персонажу присваивается 1 балл.

Затем строится психосоциальный профиль основных ролей по каждому этапу или социальной сфере. В зависимости от полученных баллов нами было определено четыре позиции: 1) актуальная ролевая модель и актуальный мотив; 2) потенциальная ролевая модель и потенциальный мотив; 3) резервная ролевая модель и резервный мотив; 4) отвергаемая ролевая модель и отвергаемый мотив. Фигура и цвет, получившие наибольшее количество баллов (4 балла с 1 по 5 этап или 9 баллов на шестом этапе), будут являться актуальной ролевой моделью и актуальным мотивом. Фигура и цвет, получившие 3 балла с 1 по 5 этап, и 8, 7 и 6 баллов на 6 этапе, выступают в качестве потенциальных.

На третьей позиции находится фигура и цвет, получившие 2 балла с 1 по 5 этап, и 5, 4 и 3 балла на 6 этапе, обозначаемые как резервная ролевая модель и резервный мотив.

И наконец, самая последняя выбранная фигура и цвет с баллом, равным 1 с 1 по 5 этап, и 2 и 1 балл на 6 этапе, выступают в качестве отвергаемой ролевой модели и отвергаемого мотива.

Положение рассматривается только с 1 по 5 этап включительно, оно определяет способ достижения мотива, который связывается с каждой диагностируемой потребностью.

Кроме того, рассчитываются дополнительные качественные показатели, ролевая когерентность с полом и возрастом, отражающая соответствие ведущей ролевой модели полу и возрасту испытуемого в каждой из пяти сфер. Ролевая гибкость/ригидность – когда в четырех и более сферах на первые места выставляется одна и та же ролевая модель (композиционная оценка в анализ не входит). Фиксируются ролевые конфликты. Конфликт аутентичности роли – анализируются последние позиции во всех сферах, и делается вывод о наличии конфликта при условии нахождения на них одной и той же роли с созидательной направленностью. Также изучаются два психосоциальных профиля основных ролей, построенных по первому этапу (личностный профиль) и по шестому этапу (композиционная оценка личности). Фиксируется ролевой конфликт, в случае если в личностном психосоциальном профиле в качестве ведущей роли ставится ролевая модель, которая в обобщенном психосоциальном профиле выбирается в качестве отвергаемой, и наоборот. Наличие экспектационного конфликта предполагает выбор одной и той же ролевой модели в одной из пяти сфер как предпочитаемой, а в другой – как подавляемой. И, наконец, мотивационно-ролевой конфликт диагностируется в случае конфликтного выбора роли и несоответствующего ей мотива. В таблице приводятся конфликтные сочетания ролевой модели и мотива, основанные на теоретическом анализе (см. § 3.2) и эмпирическом исследовании корреляционных связей между ролевой моделью и мотивом (таблица 14). Обсудим полученные взаимосвязи, а затем сведем все результаты в табличный вид. Итак, результаты применения критерия r -Спирмена показали, что респонденты, выбирающие ролевую модель Старухи, Старика, Ведьмы и Отца, менее всего склонны выставлять эти фигуры на желтый квадрат ($r = -0,29 \div -0,59$ при $p \leq 0,004$), символизирующий потребность в экспансии, освобождении от ограничений, препятствий, в любознательности [28; 72; 210; 381]. Ролевые модели Старика, Старухи и Матери имеют отрицательную корреляцию с красным цветом

($r=-0,34\div-0,45$ при $p\leq 0,003$), определяемым как потребность в доминировании и успехе [381]. Красный цвет, по мнению П. В. Яньшина [381], вызывает сильную активацию эмоционального состояния, которая отрицательно коррелирует с возможностями ролевых моделей, относящихся к пожилому возрастному периоду.

Таблица 14

Ранговые корреляции между потребностями ролевой моделью
(критерий r-Спирмена)

Коррелирующие переменные	Число – набл.	Спирмена – R	p-уров.
Старуха & желтый	252	-0,287	0,003
Старуха & красный	252	-0,342	0,001
Старик & желтый	252	-0,590	0,000
Старик & красный	252	-0,445	0,000
Мать & красный	252	-0,431	0,002
Отец & зеленый	252	0,532	0,001
Отец & синий	252	-0,453	0,000
Отец & желтый	252	-0,541	0,000
Дева & желтый	252	0,240	0,000
Дева & зеленый	252	-0,311	0,005
Дева & синий	252	0,425	0,002
Герой & синий	252	-0,306	0,008
Герой & красный	252	0,301	0,012
Ведьма & желтый	252	-0,301	0,011
Ведьма & красный	252	0,570	0,000
Трикстер & синий	252	-0,253	0,000
Трикстер & красный	252	0,594	0,000
Девочка & желтый	252	0,534	0,000
Девочка & зеленый	252	-0,309	0,007
Девочка & красный	252	0,443	0,000
Мальчик & синий	252	-0,218	0,009
Мальчик & красный	252	0,392	0,022

Ролевая модель Отца, Героя, Мальчика и Трикстера имеет отрицательную корреляцию с синим цветом ($r=-0,2\div-0,59$ при $p\leq 0,009$). Синий цвет, с точки зрения К. Г. Юнга [373], отражает женское начало, глубину, мягкость, единение, вечность. Синий цвет – это цвет Богоматери [311; 373], символизирует потребность в заботе и единении, связан с женским бессознательным началом психики и противопоставлен рациональному мужскому логосу. Ролевые модели

Девы и Девочки отрицательно коррелируют с зеленым цветом ($r=-0,31$ при $p \leq 0,007$), который отражает потребность в значимости, самоутверждении, упорстве [210]. Зеленый цвет, по мнению М. Люшера [210], содержит жизненную возможность, стремление к самоутверждению, к признанию со стороны окружающих. В описании П. В. Яньшина [381] зеленый цвет связан с адаптированностью, с уверенностью, устойчивостью, прагматизмом и самоконтролем поведения, что особенно не свойственно для ролевой модели девочки. Положительные корреляции, полученные между ролевыми моделями и цветами, соответствуют нашим теоретическим предположениям и изысканиям, осуществленным в § 3.2, которыми, однако, нельзя исчерпать все возможные варианты взаимосвязи потребности и ролевой модели. Таким образом, представленный анализ полученных отрицательных корреляций позволил нам выделить конфликтные сочетания ролевой модели и мотива (таблица 15).

Таблица 15

Конфликтные сочетания ролевой модели и цвета, символизирующего мотив

Женская ролевая модель	Цвет	Мужская ролевая модель	Цвет
Старуха	красный, желтый	Старик	красный, желтый
Мать	красный	Отец	синий, желтый
Дева	зеленый	Герой	синий
Ведьма	желтый	Трикстер	синий
Девочка	зеленый	Мальчик	синий

В рамках определения *очевидной валидности* была проведена проверка на очевидность восприятия стимульного материала испытуемыми (N=252, в возрасте от 20 до 33 лет, 100 мужчин и 152 женщины, неполное высшее образование). Испытуемым-экспертам предъявлялись 10 фигур, символизирующих 10 основных ролей, которые необходимо было описать, отвечая на четыре вопроса:

1. Кто это?
2. Сколько ему/ей лет?
3. Какой он/она?
4. Чем он занимается?

Результаты оценки ролевого образа Старухи демонстрируют, что в целом все эксперты определили данную фигуру как женщину или бабушку в возрастном диапазоне 60–65 лет (таблица 16). Значительный процент экспертов отнес указанную фигуру к пенсионерке (43 %), 29 % определили ее как монашку, по 14 % респондентов отнесли бы данную фигуру к учителю и воспитателю. Среди характеристик превалирует доброжелательная (35 %), скромная (20 %), умиротворенная (15 %), 5 % приходится на другие характеристики.

Таблица 16

Дескриптивные характеристики основных ролей Старуха и Старик

Ролевая модель Старуха				Ролевая модель Старик			
<i>Женщина</i>				<i>Мужчина</i>			
<i>Возраст – пожилой 60–65 лет</i>				<i>Возраст – пожилой 60–70 лет</i>			
Характеристика	%	Деятельность	%	Характеристика	%	Деятельность	%
доброжелательная	45	пенсионерка	43	мудрый	48	пенсионер	57
скромная	20	монашка	29	строгий	19	ученый	29
заботливая	15	учитель	14	сдержанный	13	преподаватель	14
умиротворенная	15	воспитатель	10	спокойный	10		
другое	5	другое	4	другое	10		

Относительно фигуры Старика, которую преимущественно ассоциируют с мужчиной и дедушкой в возрасте от 60 до 70 лет, необходимо отметить, что респонденты на первое место ставят такие качества, как мудрый (48 %), строгий (19 %), сдержанный (13 %), спокойный, и 10 % распределяется на другие характеристики. В профессиональном плане – это пенсионер (57 %), на втором месте ученый (29 %) и на последнем – преподаватель (14 %).

Согласно полученным данным большинство экспертов оценили ролевую модель Матери как женщину в возрасте от 30 до 35 лет (таблица 17), заботливую (41 %), отзывчивую (10 %), скромную (10 %), доброжелательную (9 %) и аккуратную (9 %). В качестве деятельности 30 % определили данную фигуру как домохозяйку, 27 % – воспитателя и 27 % – доктора.

По отношению к ролевой модели Отца можно выделить четыре основные характеристики с максимальным процентом, среди которых лидирует характеристика – солидный (30 %). Затем по убыванию следуют: умный (20 %),

целеустремленный (16 %), ответственный (10 %), сдержанный (6 %) и успешный (6 %). Эксперты согласованно определили эту ролевую модель как мужчину в возрасте от 30 до 40 лет.

Таблица 17

Дескриптивные характеристики ролевых моделей Мать и Отец

Ролевая модель Мать				Ролевая модель Отец			
<i>Женщина</i>				<i>Мужчина</i>			
<i>Возраст – средний 30–35 лет</i>				<i>Возраст – средний 30–40 лет</i>			
Характеристика	%	Деятельность	%	Характеристика	%	Деятельность	%
заботливая	41	домохозяйка	30	солидный	30	бизнесмен	66
отзывчивая	10	воспитатель	27	умный	20	менеджер	10
скромная	10	доктор	27	целеустремлен.	16	депутат	6
доброжелательная	9	библиотекарь	10	ответственный	10	юрист	6
аккуратная	9	другое	6	сдержанный	6	адвокат	6
внимательная	6			успешный	6	другое	6
другое	6			другое	6		

В дескриптивных характеристиках ролевой модели Девы, возраст которой варьируется от 16 до 30 лет (таблица 18), явно преобладает романтическая (47 %), значительно меньшее количество респондентов выделяют такое качество, как покорность (17 %), и примерно равное количество видят в этой роли красоту (9 %), наивность (9 %), мечтательность (6 %), нежность (6 %).

Таблица 18

Дескриптивные характеристики основных ролей Дева и Герой

Ролевая модель Дева				Ролевая модель Герой			
<i>Девушка</i>				<i>Юноша</i>			
<i>Возраст – юный, молодой 16–30 лет</i>				<i>Возраст – юный, молодой 16–32 лет</i>			
Характеристика	%	Деятельность	%	Характеристика	%	Деятельность	%
романтическая	47	студентка	65	уверенный	28	студент	40
покорная	17	актриса	19	сильный	21	гонщик	27
красивая	9	флорист	7	умный	10	музыкант	13
наивная	9	другое	9	мужественный	10	путешественник	11
мечтательная	6			решительный	10	другое	9
нежная	6			сексуальный	8		
другое	6			целеустремлен.	8		
				другое	5		

Характерное распределение можно наблюдать по виду деятельности данной модели – 65 % ассоциируют Деву со студенткой, 19 % – с актрисой и 7 % – с флористом. Для ролевой модели Героя (возраст 16–32 года) доминирующими выступают две характеристики: уверенный (28 %) и сильный (21 %), несколько меньше процентов экспертов определяют эту роль как умную (10 %), мужественную (10 %), решительную (10 %), сексуальную (8 %), целеустремленную (8 %). Большинство экспертов считают, что это студент (40 %), 27 % – гонщик, 13 % – музыкант, 11 % – путешественник.

Ролевую модель Ведьмы большинство респондентов ассоциируют с девушкой в возрасте от 19 до 35 лет (таблица 19), ставя на первое место триаду таких качеств как самоуверенная (29 %), сексуальная (24 %), властная (19 %). Незначительный процент экспертов считают, что она коварная (8 %), красивая (7 %) и злая (7 %). В видах деятельности преобладает звезда шоу бизнеса (47 %), гадалка (24 %) и экстрасенс (19 %).

Таблица 19

Дескриптивные характеристики основных ролей Ведьма и Трикстер

Ролевая модель Ведьма				Ролевая модель Трикстер			
<i>Девушка</i>				<i>Мужчина</i>			
<i>Возраст – молодой 19–35 лет</i>				<i>Возраст – средний 20–36 лет</i>			
Характеристика	%	Деятельность	%	Характеристика	%	Деятельность	%
самоуверенная	29	звезда шоу-бизнеса	47	хитрый	43	мошенник	44
сексуальная	24	гадалка	24	алчный	20	игрок в казино	20
властная	19	экстрасенс	19	подлый	16	комик	16
коварная	8	другое	10	сексуальный	8	артист	8
красивая	7			харизматичный	7	бездельник	6
злая	7			другое	6	другое	6
другое	6						

Ролевая модель Трикстера, ассоциируемая с мужчиной в возрастном диапазоне 20–36 лет (таблица 19), характеризуется триадой с негативным уклоном – хитрый (43 %), алчный (20 %) и подлый (16 %), также эту фигуру определяют как сексуальную (8 %) и харизматичную (7 %). В видах деятельности

продолжает доминировать негативная тематика – мошенник (44 %), игрок в казино (20 %), комик (16 %), артист (8 %), бездельник (6 %).

Ролевая модель Девочки соответствует образу девочки, ассоциируемой с дошкольницей (32 %) или школьницей (54 %), 5–10 лет (таблица 20), характеризуемой соответствующей триадой, как милая (26 %), послушная (25 %) и жизнерадостная (25 %), как, впрочем, и другие характеристики, набравшие меньший процент: наивная (7 %), впечатлительная (6 %), капризная (6 %). Ролевая модель Мальчика, соотносится с образом мальчика, школьника (54 %), хорошего друга (20 %) и дошкольника (20 %) в возрасте 5–11 лет, определяется как веселый (28 %), активный (27 %), любознательный (27 %) и непослушный (11 %).

Таблица 20

Дескриптивные характеристики основных ролей Девочка и Мальчик

Ролевая модель Девочка				Ролевая модель Мальчик			
<i>Девочка</i>				<i>Мальчик</i>			
<i>Возраст – дошкольник, школьник (5–10 лет)</i>				<i>Возраст – дошкольник, школьник (5–11 лет)</i>			
Характеристика	%	Деятельность	%	Характеристика	%	Деятельность	%
милая	26	школьница	54	веселый	28	школьник	54
послушная	25	дошкольница	32	активный	27	хороший друг	20
жизнерадостная	25	другое	14	любопытный	27	дошкольник	20
наивная	7			непослушный	11	другое	6
впечатлительная	6			другое	7		
капризная	6						
другое	5						

Полученные данные доказывают валидность стимульного материала, все ролевые модели соответствуют ролевым образам, включая в себя характеристики и деятельность, связанные с этими ролями, которые достаточно точно считаются респондентами. Все роли соответствуют своему возрастному диапазону, половая принадлежность также не имеет двусмысленности и хорошо считается испытуемыми.

Валидность по критерию предполагала соответствие результатов тестирования по методике «Калейдоскоп» и по другим методикам, диагностирующим личностные факторы и ролевые факторы (эмпирическая

валидность), а также объективными социально-демографическими фактами (консенсусная валидность), в качестве которых выступил пол респондентов.

Консенсусная валидность означала меру соответствия между результатами методики «Калейдоскоп» и внешним критерием, в качестве которого выступил пол. Производилось сравнение мужчин и женщин в их предпочтениях ролевой модели, цвета и положения в пространстве ролевой модели по критерию χ^2 -Пирсона. Проверялось предположение, что женщины будут предпочитать в большинстве сфер ролевую модель Девы или Матери, которую будут выставлять преимущественно в левые квадраты синего или зеленого цвета. Мужчины будут выбирать преимущественно ролевую модель Героя или Отца, определяя ее на правые квадраты красного или желтого цвета. Результаты анализа демонстрируют, что обнаружена статистически значимая сопряженность между всеми переменными методики и полом во всех сферах (таблица 21).

Таблица 21

Сопряженность пола, ролевой модели, цвета и положения

Сфера	Сопрягаемые переменные	χ^2	Степень свободы	Уровень значимости
Личностная	Пол и ролевая модель	223,83	сс=9	p=0,0000
	Пол и цвет	35,71	сс=3	p=,00000
	Пол и положение	15,42	сс=3	p=,00149
Семейная	Пол и ролевая модель	78,43	сс=9	p=,00000
	Пол и цвет	5,61	сс=3	p=,13238
	Пол и положение	8,38	сс=3	p=,03871
Неформальных контактов	Пол и ролевая модель	76,12	сс=9	p=,00000
	Пол и цвет	18,84	сс=3	p=,00030
	Пол и положение	10,13	сс=3	p=,01752
Профессиональная	Пол и ролевая модель	122,50	сс=8	p=0,0000
	Пол и цвет	12,84	сс=3	p=,00500
	Пол и положение	0,97	сс=3	p=,80868
Интимно-сексуальная	Пол и ролевая модель	609,25	сс=9	p=0,0000
	Пол и цвет	13,62	сс=3	p=,00348
	Пол и положение	10,54	сс=4	p=,03224

Мужчины и женщины статистически значимо чаще выбирают роли, соответствующие их половой принадлежности во всех сферах жизнедеятельности. Так, например, в личностной сфере для 68,14 % женщин характерен выбор ролевой модели Девы, что подтверждает нашу гипотезу. На втором месте

располагается также ролевая модель, относящаяся к женскому полу, Ведьмы (26,8 %), но при этом связанная с деструктивной направленностью. У мужчин схожая картина: 58,31 % респондентов ассоциируют себя с ролевой моделью Героя и 22,72 % – с ролевой моделью Трикстера. Незначительный процент респондентов мужского пола выбирал роль Отца (5,51 %), а женского пола ассоциировали себя с ролью Матери (3,08 %). Возможно, данный результат объясняется незначительной долей представителей более старшего возрастного диапазона (всего 10 % от выборки относились к возрастному диапазону старше 30 лет). Аналогичное распределение наблюдается в сфере неформальных контактов, в профессиональной сфере, в семейной сфере и в интимно-сексуальной сфере, в которых подавляющее большинство мужчин ассоциируют себя с ролью Героя, а женщины преимущественно – с ролью Девы (таблица 22).

Таблица 22

Процентное распределение предпочтения мужчин и женщин ролевой модели, цвета и положения³

Сфера	Мужчины	%	Женщины	%
Личностная	Герой	58,31	Дева	68,14
	Трикстер	22,72	Ведьма	26,80
	Красный	58,68	Синий	52,99
	Право верх	55,77	Лево верх	52,99
Семейная	Герой	44,35	Дева	48,87
	Право верх	54,72	Лево верх	56,08
Неформальных контактов	Герой	47,28	Дева	41,65
	Зеленый	46,76	-	-
	Право верх	51,40	Лево верх	59,18
Профессиональная	Отец	53,24	Ведьма	43,71
	Зеленый	53,46	Синий	51,96
Интимно-сексуальная	Герой	87,60	Дева	80,21
	Красный	68,31	Красный	45,77
	Зеленый	37,21	Синий	37,84
	Лево верх	41,25	Право верх	48,87

³ Примечание: учитывались только статистически значимые сопряженности, представленные в таблице 21

Обнаруженный факт свидетельствует о том, что большинство респондентов относятся к периоду молодости (значительная часть выборки принадлежит к диапазону до 30 лет), выбирают для себя роли, соответствующие их возрастному периоду (роль Героя и Девы с созидательной направленностью, роль Ведьмы и Трикстера с деструктивной направленностью), и не готовы принимать на себя роли более старшего возрастного периода (роль Отца и Матери). Полученные результаты, демонстрирующие достоверную сопряженность пола и выбираемой роли, свидетельствуют в пользу консенсусной валидности.

Анализ цветового предпочтения между мужчинами и женщинами показывает статистически значимые различия по всем сферам, кроме семейной ($p > 0,05$), с вероятностью ошибки менее 1 %. Женщины статистически чаще предпочитают синий цвет, отражающий потребность в близости (исключение составила интимно-сексуальная сфера, в которой наряду с синим цветом женщины выбирали еще и красный цвет), а мужчины красный (личностная сфера и интимно-сексуальная) и зеленый цвета (все сферы кроме личностной сферы). Красный цвет символизирует потребность в достижении, а зеленый – потребность во власти и самоутверждении. Согласно данным статистического распределения мужчин и женщин по предпочитаемому цвету можно отметить, что представляемая методика дает достоверные результаты, характеризующие основные мотивы, соответствующие полу.

Последняя гипотеза, требующая проверки, предполагала соответствие пола и местоположения предпочитаемой фигуры, символизирующей доминирующую ролевую модель. Полученные результаты свидетельствуют в пользу выдвигаемой гипотезы, в рамках которой было установлено, что женщины отдают предпочтение левому верхнему квадрату, а мужчины правому верхнему квадрату с вероятностью ошибки менее 4 % (исключение составила профессиональная сфера, в которой не было обнаружено статистически значимых различий). Согласно полученным данным мужчины более ориентированы на результат (правое поле – социальная сфера, мужская часть), а женщины на процесс (левое поле – эмоциональная сфера, женская часть). Причем большинство респондентов

(как мужчины, так и женщины) предпочитают сначала заполнять верхние квадраты, что означает наличие у них оптимистического настроя, который свидетельствует в пользу особенностей возрастного диапазона респондентов (период молодости). Таким образом, было доказано гендерное расположение согласно символическим представлениям авторов [3; 110; 310; 571], в связи с которым для мужских ролевых моделей предпочтительным является правая сторона, а для женских – левая. Интересный факт, заслуживающий внимания, был получен в интимно-сексуальной сфере, мы наблюдали инверсию пространственного предпочтения, когда женщины выбирают правую сторону, традиционно ассоциирующуюся с мужским началом, а мужчины – левую сторону, связанную с женским началом. Полученное можно объяснить тем, что в интимно-сексуальных отношениях происходит объединение двух начал женского и мужского, которое в мифологии обозначают как иерогамус – священный брак. В данном случае женская фигура соединяется с мужским расположением и наоборот – мужская фигура с женским.

Валидность по критерию предполагала соответствие результатов тестирования, полученных с помощью методики «Калейдоскоп», психосоциальным признакам, выявленным с использованием других методик (эмпирическая валидность). *Валидность по критерию* устанавливалась при помощи следующих методик: 16 PF E (Сокращенный вариант личностного опросника Р. Кэттелла), МИРП (Методика исследования ролевых паттернов отношения к Другому взрослого человека).

По результатам проверки были обнаружены статистически значимая взаимосвязь между выраженностью основных ролей и признаками используемых методик ($p < 0,05$), на основании которых был составлен эмпирический конструкт (таблица 23). Полученные данные демонстрируют, что представленная в тесте фигура Старухи тесно связана с такими личностными факторами, как неприязнь, желчность, занудство, гневливость; наблюдается пессимистическая позиция в отношении семейной жизни, отчуждение, ясность и определенность правил и обязанностей ($r = -0,36 \div 0,54$ при $p \leq 0,05$).

Корреляции между выраженностью ролевой модели в методике «Калейдоскоп»
и личностными и ролевыми факторами (критерий r-Спирмена)

Взаимосвязанные переменные	Число – набл.	Спирмен а – R	р- уров.
Старуха & Конформизм–нонконформизм	252	0,31	0,001
Старуха & Интеллектуально-культурная ориентация	252	0,50	0,000
Старуха & Невротические паттерны супружеского отношения	252	0,54	0,002
Старуха & Отношение к партнеру по браку «хорошего семьянина»	252	-0,54	0,002
Старуха & Отношение к ребенку опытного родителя	252	-0,36	0,050
Старик & Моральность–недобросовенность	252	0,48	0,001
Старик & Невротические паттерны родительского отношения	252	0,60	0,000
Старик & Невротические паттерны супружеского отношения	252	0,68	0,000
Старик & Ориентация на достижения	252	-0,39	0,006
Мать & Отношение к ребенку опытного родителя	252	0,45	0,001
Мать & Добросердечность–обособленность	252	0,50	0,000
Отец & Невротические паттерны родительского отношения	252	-0,58	0,001
Отец & Невротические паттерны супружеского отношения	252	-0,64	0,000
Отец & Отношение к партнеру по браку «хорошего семьянина»	252	0,427	0,033
Отец & Отношение к ребенку опытного родителя	252	0,65	0,000
Отец & – Консерватизм–радикализм	252	0,31	0,032
Дева & – Моральность–недобросовестность	252	0,29	0,002
Герой & – Конформизм–нонконформизм	252	-0,31	0,001
Герой & Невротические паттерны профессионального отношения к Другому	252	-0,54	0,002
Ведьма & Высокий интеллект – низкий интеллект	252	0,47	0,001
Ведьма & Доминантность–покорность	252	0,55	0,000
Ведьма & Отношение к ребенку опытного родителя	252	-0,36	0,050
Трикстер & Беспечность–озабоченность	252	0,35	0,014
Трикстер & Моральность–недобросовестность	252	-0,44	0,002
Трикстер & Эмоциональная устойчивость–эмоциональная неустойчивость	252	-0,34	0,018
Трикстер & Тревожность–самоуверенность	252	-0,46	0,011
Трикстер & Отношение к партнеру по браку «хорошего семьянина»	252	-0,42	0,022
Девочка & Невротические паттерны родительского отношения	252	0,57	0,001
Девочка & Подозрительность–доверчивость	252	-0,45	0,001
Девочка & Нежность–жесткость	252	0,63	0,000

Взаимосвязанные переменные	Число – набл.	Спирмен а – R	р- уров.
Девочка & – Робость–смелость	252	0,33	0,000
Девочка & Отношение к ребенку опытного родителя	252	-0,39	0,034
Мальчик & – Беспечность–озабоченность	252	0,39	0,000
Мальчик & – Прямолинейность–дипломатичность	252	0,44	0,000
Мальчик & Отношение к ребенку опытного родителя	252	-0,36	0,050

Ролевая модель Старика коррелирует со слабой ориентацией на достижение успеха в какой-либо деятельности, неприязнью, желчностью, занудством, гневливостью, слабой выраженностью чувства принадлежности, взаимопомощи и сплоченности ($r=-0,3\div 0,68$ при $p\leq 0,006$). Для него характерно открытое выражение гнева, агрессии и конфликтных интеракций. Испытывает досаду, раздражение; выражено стремление доминировать и навязывать свою позицию, пессимистическая позиция в отношении семейной жизни; отчуждение.

Ролевая модель Матери связана с удовлетворенностью и стремлением к семейной жизни, в которой она испытывает уважение, симпатию и одобрение по отношению к окружающим; стремится к опеке и участию ($r=0,45; 0,50$ при $p\leq 0,04$). Ролевая модель Отца характеризуется независимостью, высокой ориентацией на достижение успеха в какой-либо деятельности, выражена интеллектуально-культурная ориентация ($r=-0,73\div 0,65$ при $p\leq 0,04$). Респонденты с преобладанием данной модели испытывают удовлетворенность, уважение, симпатию и одобрение по отношению к окружающим; стремятся проявлять покровительство.

Ролевая модель Девы тесно связана с уравновешенностью, совестливостью, выделяется осознанное соблюдение общепринятых моральных правил и норм ($r=0,29$ при $p=0,002$). Ролевая модель Героя определяется оперативностью, сообразительностью, быстрой обучаемостью – источник интуиции, творчества, спонтанных порывов и радости ($r=0,31\div 0,46$ при $p\leq 0,002$).

Ролевая модель Ведьмы связана с такими факторами, как независимость, неприязнь, желчность, занудство, гневливость, имеет интеллектуально-культурную ориентацию: осведомленность политической, социальной,

интеллектуальной и культурной деятельности ($r=-0,36 \div 0,55$ при $p \leq 0,05$). Ролевая модель Трикстера характеризуется такими чертами, как активность, устойчивость, ориентацией на достижении успеха, требовательность; жесткость по отношению к противникам – источник интуиции, творчества, спонтанных порывов и радости ($r=-0,46 \div 0,35$ при $p \leq 0,02$).

Ролевая модель Девочки отличается робостью, застенчивостью, осторожностью, социальной пассивностью, повышенной чувствительностью к угрозе, хаотичной активностью, рассогласованностью и размытостью правил ($r=-0,45 \div 0,63$ при $p \leq 0,03$). Ролевая модель Мальчика характеризуется независимостью, чувствительностью, впечатлительностью, артистичностью при хаотичной активности, рассогласованностью и размытостью правил и обязанностей ($r=-0,36 \div 0,44$ при $p \leq 0,05$).

Итак, выявленные статистически значимые корреляции между ролевыми моделями (методика «Калейдоскоп») и показателями других тестов согласованы с теоретическими конструктами, выдвинутыми в рамках исследования, и свидетельствуют о высокой эмпирической валидности представляемой методики «Калейдоскоп».

Следовательно, стимульный материал и стандартизированная схема исследования гарантирует сопоставимость результатов исследования. Указанные параметры тестирования позволяют довольно точно провести тестирование при достаточной простоте расчетов.

4.3. Исследование структуры ролевой социализации молодежи

Особенности и закономерности элементного уровня ролевой социализации молодежи

При изучении структурной организации ролевой социализации в процессе формирования личности необходимо отметить определенные трудности, связанные с исследованием системных закономерностей как в целом феномена

социализации, так и в ее частном аспекте – ролевой социализации личности, на которые указывает А. В. Карпов [131]. Особенно это касается их практической реализации, которая раскрыта наиболее слабо, что, безусловно, накладывает отпечаток на методы и способы изучения метасистемного уровня, значительно затрудняя последние. Задачей данного параграфа является конкретизация в эмпирическом аспекте теоретико-методологических положений сформулированных относительно структурного аспекта ролевой социализации молодежи. Эти положения вскрывают сущность структурной организации ролевой социализации, состоящей, как было показано выше, из пяти основных уровней: элементного, компонентного, субсистемного, системного и наивысшего уровня – метасистемного, позволяющего определить ролевую социализацию как системный комплекс, объединяющий несколько гетерогенных систем. Для изучения качественного своеобразия элементного уровня, предполагающего анализ социокультурных ожиданий, было проведено изучение образа Я и его характеристик у молодежи. При определении структурной организации ролевой социализации мы будем базироваться на представлениях о методологии структурного анализа, принципах структурной и уровневой организации, представленных в работах А. В. Карпова [131]. Прежде всего, это принцип системной организации как таковой, в рамках которого исследуемый феномен – ролевая социализация может быть воспринята как системный комплекс, изначально не определенный, который подлежит декомпозиции. Иначе говоря, в контексте системного анализа предполагается рассмотрение структуры ролевой социализации личности. Отсюда следует включение уровневого принципа, т. к. любая система или системный комплекс, по определению А. В. Карпова [138] и В. П. Кузьмина [180], должны эксплицироваться как иерархия. Вместе с тем иерархическая организация ролевой социализации должна содержать общий принцип и общие закономерности, реализующиеся в общесистемном критериально-дискриминаторе, сформулированном в ряде работ А. В. Карпова с коллегами [130–138]. Суть данного критерия состоит в том, что любой многокомпонентный, многомерный системный комплекс включает в себя ряд подсистем различного

рода сложности, обладающих собственными качественными характеристиками. Это, прежде всего, те «кирпичики», из которых состоят структурные компонентные системы, но утратившие качественную определенность целого. В свою очередь компоненты, представляемые как простейшие образования, уже имеют качественную специфичность системы. На субсистемном уровне образуются определенные кластеры, объединяющие в частные композиции компоненты системы. На общесистемном уровне процесс ролевой социализации представлен во всей структурной полноте качественных характеристик системы. И наконец, в рамках метасистемного подхода определяется, что любая система может быть представлена как система, входящая в более широкую систему или системный комплекс [130–137; 180]. В составе этого системного комплекса любой феномен может существовать как онтологическое образование, а на высшем надсистемном уровне осуществляется взаимодействие всех системных образований, в рамках которого система может быть функционально встроена в структурную организацию такого «интегрального узла». Все пять уровней исчерпывают весь диапазон возможных форм бытия как автономной целостности, качественных проявлений системы в ее реальной многомерности.

Исследование полоролевой идентичности по методике «Рисунок человека» (К. Махвер) предполагало нарисовать рисунок человека и ответить на два вопроса «Кто это?» и «Какой он?». Результаты показывают, что большинство молодых людей (80 %), как девушек, так и юношей (не было обнаружено статистической связи с полом и возрастом $p > 0,05$), имеют адекватную полоролевою идентичность (см. рисунок 23). Они положительно относятся к своей половой роли. На рисунке испытуемые изображают человека своего пола. В то же время 20 % как девушек, так и юношей принимают роль противоположного пола, отрицая свою гендерную идентификацию, изображая на рисунке фигуру противоположного пола.

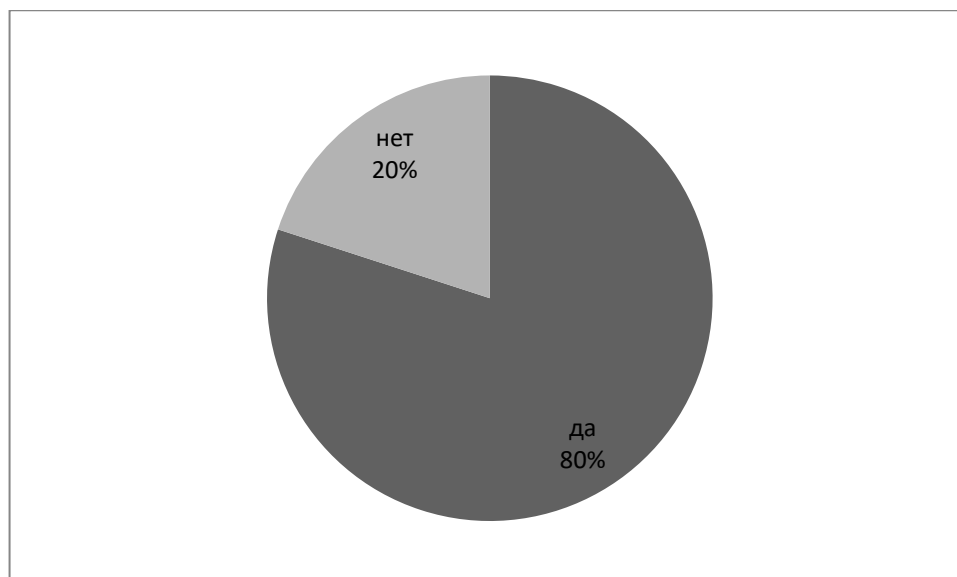

Рисунок 23. Полоролевая идентичность (методика «Рисунок человека»)

Свою принадлежность к социальной половой группе большинство респондентов указывают прямо и эмоционально нейтрально: мужчина 32 %, парень 20 %, мальчик 4 %, женщина 12 %, девушка 18 %, девочка 5 % (см. рисунок 24). Нейтральный ролевой образ «человек» (9 %) связан с несформированной полоролевой идентичностью и отсутствием целостного представления о полоролевом поведении, а также с травматичным опытом полоролевой идентификации.

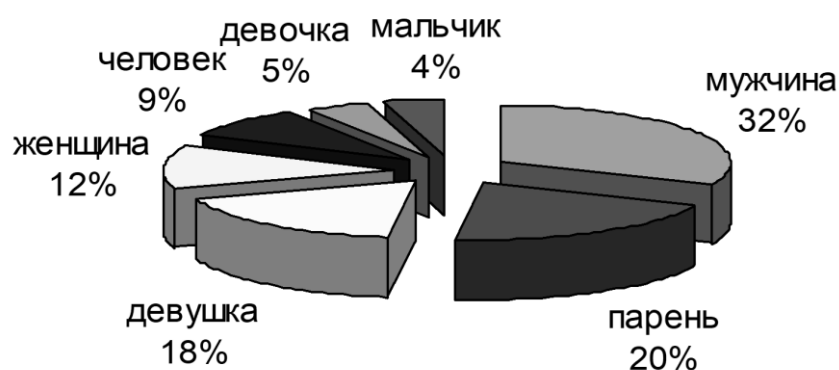

Рисунок 24. Процентное распределение роли изображенного на рисунке человека (методика «Рисунок человека»)

Результаты исследования демонстрируют достоверную сопряженность между ролевым образом Я и его характеристиками (таблица 24).

Оценка сопряженности пола, ролевого образа Я и его характеристик
(критерий χ^2 -Пирсона)

Сопрягаемые переменные	χ^2	Степень свободы	Уровень значимости
Роль и характеристики (вся выборка)	1848,973	сс=1136	p=0,00000
Роль и характеристики (мужской пол)	1336,420	сс=1136	p=0,00003
Роль и характеристики (женский пол)	306,8056	сс=1136	p=0,00015

Респонденты, нарисовавшие мужской образ, ответив на вопрос «Кто это?», обозначают его как «мужчина» и определяют как доброго (33 %) и честного (42 %); «парень» – красивый (25 %) и крутой (20 %); «мальчик» – творческий (21 %) и веселый (43 %). Нейтральный ролевой образ «человек» наделяется такой характеристикой, как добрый (51 %). Среди женских образов наиболее часто встречаются роль «девушка» – красивая (45 %), «женщина» – красивая (23 %) и добрая (12 %), «девочка» – стеснительная (35 %).

При этом юноши относят «человека» (14 %) к разряду добрых (45 %) и веселых (27 %), респонденты, нарисовавшие образ мужчины (53 %), определяют его как доброго (33 %) и честного (42 %), парень (30 %) – добрый (26 %), красивый (26 %) и агрессивный (20 %), мальчик – веселый (43 %), женщина (17 %) – красивая (35 %) и добрая (28 %). Среди девушек наиболее часто встречается определение фигуры человека как девушки (61 %), которую обозначают красивой (65 %) и спокойной (12 %), и женщины (10 %), представляемой красивой (13 %) и доброй (22 %). 10 % девушек обнаруживают инфантильные тенденции, определяя нарисованную фигуру как фигуру девочки, стеснительной (45 %). Имеются, однако, и инвертированные роли, так 15 % девушек обозначают нарисованную фигуру как парня, умного (34 %) и доброго (22 %). Отметим, что в плане объяснения полученных результатов могут быть сформулированы следующие положения интерпретационного плана. Действительно, выявленные социокультурные ожидания включают знания относительно полоролевой принадлежности, которые сходны с ролевыми

характеристиками, которые респонденты приписывали 10 основным ролевым моделям.

Полученные результаты приводят к важному следствию, подтверждающему наше предположение относительно специфического качества характерного для элементного уровня, – чувствительность к микро- и макропространству и наличие культурных универсалий. Специфицирующими чертами культуры являются чувствительность к микро- и макросреде, а неспецифицирующими – символически организованные культурные образы, традиции и ритуалы и пр., опосредующие ролевые модели. Такая чувствительность доказывает наличие определенных, связанных с конкретной ролью социокультурных ожиданий, опосредованных интеграцией индивида в культурное пространство символов, традиций, норм и правил, обуславливающих успешное полоролевое функционирование индивида в социальном пространстве [15; 161].

Несмотря на значительное разнообразие ролевых социокультурных ожиданий, относящихся к элементному уровню, необходимо отметить их связанность с ролями, когда социокультурные ожидания тесно взаимосвязаны с ролевой моделью. В свою очередь ролевые модели, принадлежащие по существу к социальному пространству как к отдельной системе, становясь компонентами системного комплекса ролевой социализации, встраиваясь в него в виде идеальных ролевых моделей, оказывают влияние на организацию всей структуры ролевой социализации. Известно положение, которое раскрыто в значительном количестве работ А. В. Карпова [130–137], предполагающее, что в качестве компонентов самого содержания ролевой социализации личности могут выступать, а затем занимать доминирующее положение такие образования, которые атрибутивно соответствуют не «внутреннему» содержанию субъекта, а содержанию системы социального (в нашем случае социальным ролям), которое не просто входит и влияет на ролевую социализацию личности, но во многом образуют ее, составляя ее онтологическую основу. Социальное в качестве ролей представлено сущностью, в которую индивид включен. Таким образом, «внешне» представленные ролевые образования становятся внутренним содержанием

личности (в превращенной – идеальной форме, то есть в форме информационных дубликатов), образуя компонентный состав системного комплекса ролевой социализации. Следовательно, компонентами ролевой социализации личности молодого человека являются сущности, которые исходно выступали по отношению к ней как метакомпоненты, как части другой системы, которая в процессе взаимодействия двух систем личности и социума обеспечивает самой системе необходимый адаптивный потенциал.

Это предположение требует дальнейшей проверки, которая включает верификацию второго компонентного уровня, обусловленную логикой исследования и математико-статистическими процедурами.

Изучение компонентной структуры ролевой социализации молодежи

Выше было отмечено, что связи между компонентами носят характер взаимосогласованности, которая может быть определена содержательно и по значимости компонентов. Содержательно согласование заключается в том, что изменение в иерархии ролевого профиля какого-либо компонента ведет к трансформации всей структуры. Выдвижение на приоритетные позиции в ролевой иерархии определенной роли может рассматриваться как значимость данной роли для индивида, которая повлечет за собой действия, связанные с выбранной ролью. Это предположение связано с известным положением метасистемного подхода, согласно которому системы со встроенным метасистемным уровнем и системные комплексы стремятся не к увеличению поведенческих систем с заданной целью, а формируют новое свойство – способность к целеобразованию как таковому под сформированную цель. Это означает, что из всего (практически не ограниченного) компонентного состава системы некоторые компоненты, в наибольшей степени содействующие достижению цели, переводятся в актуальное состояние, выходят на первый план, тогда как все остальные компоненты, представлены в латентном (или потенциальном) состоянии. В этом контексте из бесчисленного количества ролей, относящихся к микроуровню, было выделено 10 основных ролевых моделей, соответствующих мезоуровню, который обеспечивает связь между макроуровнем и микроуровнем, являясь переходом от

знаний о поведении индивидов к суммарной поведенческой системе [69]. В свете данного вопроса суть мезоуровня, применительно к ролевой теории позволит соединить между собой микро- и макророли, выступая своеобразным мостом.

С целью определения достоверности выделенных нами критериев дифференциаторов для 10 основных ролей, диагностируемых по методике «Калейдоскоп» (см. § 3.3), применялся анализ многомерного шкалирования (N=1287), позволяющий расположить объекты (основные роли) в пространстве координат. Для анализа была сформирована матрица 10×10 (кластерный анализ метод полной связи для переменных), которая была подвергнута многомерному шкалированию. Результаты применения многомерного шкалирования демонстрируют, что минимальное величина стресса достигнута на 79 шаге, при этом минимальная величина стресса (0,009) и величина квадрата коэффициента корреляции RSQ (1,00) свидетельствуют о достаточно точной подгонке конечной конфигурации исходным данным (таблица 25).

Таблица 25

Результаты многомерного шкалирования матрицы оценки 10 основных ролей

Число размеров	3
Start config.	(Guttman-Lingoes)
Last iteration computed	189
Best iteration	79
D-star: Raw stress	2,03
Alienation	0,02
RSQ	1,00
Stress	0,009

Согласно полученным данным, можно утверждать, что итоговое расстояние между ролевыми моделями, полученное нами в результате многомерного шкалирования, соответствует исходным различиям. Кроме того, диаграмма расстояния или диаграмма Шепорта (см. рисунок 1 Приложения 2) демонстрирует, что результат монотонного преобразования исходных данных имеет высокое согласие с точками на диаграмме рассеивания, отражающей высокое согласие модели с тремя шкалами в пространстве заданной размерности. Следовательно, можно содержательно проинтерпретировать результаты (таблица 26).

Окончательная конфигурация с координатами основных ролей
(композитная оценка) в пространстве трех шкал

Объекты	Шкала 1	Шкала 2	Шкала 3
Старуха	0,23	0,31	0,58
Старик	0,10	0,10	0,69
Мать	-0,21	-0,69	0,83
Отец	-0,11	-0,10	0,28
Дева	-0,82	-0,85	-0,07
Герой	-1,06	-0,08	-0,31
Ведьма	-0,78	0,30	-0,53
Трикстер	-0,56	0,59	-0,45
Девочка	1,54	0,52	-0,57
Мальчик	1,04	0,36	-0,49

На положительном полюсе первой шкалы с оценками более единицы располагаются основные роли Девочки (1,54) и Мальчика (1,04). Также положительные, но меньше единицы получены оценки для основных ролей Старика (0,1) и Старухи (0,23). Отрицательный полюс первой шкалы занимают основные роли в порядке убывания: Герой (-1,06), Дева (-0,82), Ведьма (-0,78), Трикстер (-0,56), Мать (-0,21) и Отец (-0,11). Таким образом, на положительном полюсе первой шкалы сконцентрированы основные роли, которые пассивно осваивают социальное пространство и относятся к дотрудовой и последутрудовой стадии социализации (см. рисунок 25).

В то же время на отрицательном полюсе сосредоточены основные роли, относящиеся к трудовой стадии, активно включающиеся в процесс социализации: Отца, Матери, Девы, Героя, Ведьмы и Трикстера. Следовательно, согласно сформулированному нами принципу дифференциации первая шкала соответствует континууму «активность–пассивность», который основан на непрерывности и стадильности процесса социализации (дотрудовая и послетрудовая стадии характеризуются пассивностью в социализации, трудовая стадия – активное освоение социальной среды) [15; 161; 246]. На положительном полюсе второй шкалы находятся основные роли Трикстера (0,59), Мальчика

(0,36), Девочки (0,52), Старухи (0,31) и Старика (0,1) отличающиеся эгоистической ориентацией. Тогда как отрицательный полюс наполнен ролевыми моделями, в большей степени направленными на помощь людям, ориентированными на социальное пространство, – Дева (-0,85), Мать (-0,69), Отец (0,1), Герой (0,08).

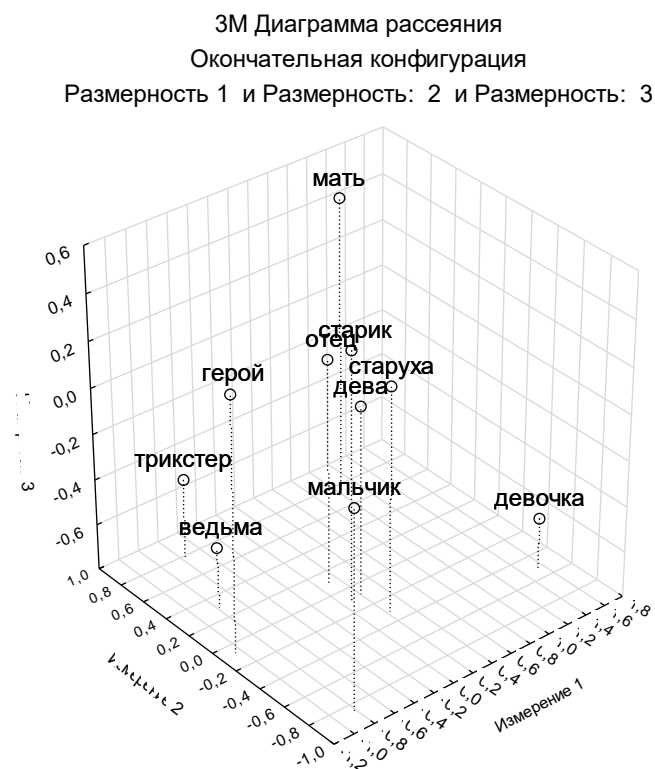

Рисунок 25. Конфигурация основных ролей в трехмерном пространстве

Полученные результаты доказывают, что вторая шкала отражает континуум «индивидуалистичность–социальность (альтруистичность)», детерминированный пониманием дуальности процесса социализации (адаптация к социальному пространству и реализация своей самости или эгоцентризм) [15; 161; 223; 370]. И для последней шкалы характерно включение на положительном полюсе ролевых моделей Матери (0,89), Старика (0,69), Старухи (0,58), Отца (0,28), отражающих приверженность к традициям, устоям; им свойственна осмотрительность, ригидность и поддержание существующего порядка. На отрицательном полюсе третьей шкалы сосредоточены основные роли, для которых характерно творческое преобразование окружающей среды, спонтанность, импульсивность:

Дева -0,07; Герой -0,31; Трикстер -0,45; Мальчик -0,49; Девочка -0,57; Ведьма -0,53. Таким образом, третья шкала доказывает наличие еще одного критерия, дифференцирующего 10 мезоролей, – «спонтанность–традиционность», отражающего поисковую активность, стремление к постоянному обучению, креативность в противовес приверженности традициям, стагнации, осмотрительности.

Для выявления качественного своеобразия основных ролей и дополнительного подтверждения трех критериев, позволяющих дифференцировать выделенные основные роли, использовалась методика «Калейдоскоп», диагностирующая основные роли, и методика «Краткий личностный опросник» (КЛО) Дж. Баррет, предназначенная для экспресс-диагностики особенностей личности в социальном пространстве. В качестве математического метода применялся критерий r-Спирмена. Корреляции рассматривались на статистически значимом уровне $p \leq 0,01$ (таблица 27).

Таблица 27

Статистически значимые корреляции между выраженностью ролевой модели и личностными особенностями (N=1287)

Переменные	Спирмен – R	p-уров.
Ведьма & Индивидуализм	0,34	0,000
Ведьма & Спонтанность	0,27	0,000
Ведьма & Пассивность	-0,28	0,000
Ведьма & Уверенность	0,24	0,000
Герой & Индивидуализм	-0,20	0,000
Герой & Общительность	0,22	0,005
Герой & Уверенность	0,20	0,000
Герой & Спонтанность	0,24	0,000
Дева & Индивидуализм	-0,12	0,007
Дева & Осмотрительность	-0,12	0,004
Дева & Пассивность	-0,13	0,002
Мать & Осмотрительность	0,22	0,001
Мать & Пассивность	-0,23	0,002
Мать & Индивидуализм	-0,41	0,001
Отец & Индивидуализм	-0,31	0,012
Отец & Осмотрительность	0,28	0,000

Переменные	Спирмен – R	p-уров.
Отец & Ориентация на факты	0,21	0,000
Ребенок д & Индивидуализм	0,27	0,000
Ребенок д & Спонтанность	0,20	0,011
Ребенок д & Пассивность	0,14	0,002
Ребенок м & Индивидуализм	0,16	0,000
Ребенок м & Ориентация на воображение	0,30	0,000
Ребенок м & Пассивность	0,11	0,014
Ребенок м & Спонтанность	0,15	0,000
Ребенок м & Уверенность	-0,10	0,013
Старик & Осмотрительность	0,32	0,000
Старик & Ориентация на факты	0,22	0,000
Старик & Пассивность	0,12	0,007
Трикстер & Спонтанность	0,26	0,000
Трикстер & Пассивность	0,18	0,000
Трикстер & Уверенность	0,14	0,001
Старуха & Индивидуализм	0,20	0,000
Старуха & Ориентация на воображение	-0,25	0,000
Старуха & Осмотрительность	0,12	0,005
Старуха & Пассивность	0,10	0,012

Согласно полученным данным ролевая модель ребенка как женского, так и мужского пола характеризуются индивидуализмом, спонтанностью и пассивностью ($r=0,11 \div 0,3$) с вероятностью ошибки менее 1 %. Ребенок находится на этапе пассивного включения в социальное пространство, что относится к дотрудовой стадии [15]. На этом этапе активным по отношению к ребенку является социум. Поведение ребенка носит непредсказуемый, спонтанный характер, но спонтанность крайне хаотична и порой может иметь деструктивный оттенок. Ребенок по оценкам различных исследователей [66; 280] ориентирован на собственные интересы и потребности, его поведение эгоцентрично.

На второй трудовой стадии субъект проявляет социальную активность, что доказывают отрицательные значимые взаимосвязи пассивности с ролями Девы, Матери, Отца ($r=-0,13 \div -0,41$) и положительные корреляции ролевой модели Героя с уверенностью ($r=0,2$), демонстрирующей наличие активности у личности в

социальном пространстве. Значимые отрицательные корреляции всех перечисленных основных ролей с таким личностным качеством, как индивидуализм (r = от -0,12 до -0,41), а у Героя – общительность ($r=0,2$), отражают ориентацию данных основных ролей на социум. Дифференцирующим в данной группе критерием выступает «спонтанность–традиционность (осмотрительность)» – для периода молодости выражена спонтанность ($r=0,24$) с Героем и отрицательная корреляция осмотрительности с ролевой моделью Девы ($r=-0,13$). Спонтанность на этой стадии уже отличается ориентацией на поисковую активность, сопряженную с постоянным обучением в современном быстро изменяющемся и непредсказуемом мире, быстротой мысли и реакции, интуитивным принятием решений [53; 62], Тогда как для основных ролей Матери и Отца характерны осмотрительность ($r=0,22$ и $0,28$), что отражает приверженность традициям, а принятие решения базируется на рациональном и взвешенном рассмотрении всех фактов (положительные корреляции с ориентацией на факты ($r=0,26$)). Необходимо отметить еще две роли (ролевая модель Ведьмы и Трикстера), которые относятся к периоду активного освоения социального пространства ($r=0,24$ и $0,14$ соответственно), дифференцированы от ролей взрослого периода спонтанностью ($r=0,27$ и $0,26$ соответственно), а от ролей периода молодости (Герой и Дева) – индивидуализмом ($r=0,34$). И, наконец, последние две роли относятся к послетрудовому периоду – это основные роли Старика и Старухи, характеризующиеся осмотрительностью ($r=0,32$ и $0,12$ соответственно), пассивностью ($r=0,1$) и индивидуализмом ($r=0,2$).

Таким образом, изучение полученных статистически значимых взаимосвязей между ролевыми моделями и личностными характеристиками молодежи позволяют утверждать, что основные роли обладают специфическими особенностями, дающими возможность выделить их в отдельный класс в диалектике общего, особенного и единичного. Все они апеллируют к трем критериям: «активность–пассивность»; «спонтанность–традиционность»; «индивидуалистичность–социальность», дифференцирующих 10 ролевых моделей выделенных нами в теоретической части настоящей работы. Отсюда

следует важная закономерность, постулируемая в системном и метасистемном подходах, согласно которой качества, характерные для определенного уровня системы, выполняют дифференцирующую функцию – они отделяют уровни системы друг от друга и разделяют компоненты внутри уровня. Дифференциация выступает обратной стороной процесса интеграции и позволяет различать ролевые модели как отдельные части системной организации ролевой социализации. В определенной степени установленная дифференциация демонстрирует явление диахронии, характерное для компонентного уровня.

Следующим шагом в верификации компонентного уровня структурной организации ролевой социализации было изучение ролевых композиций в зависимости от актуальной ролевой модели по всей эмпирической выборке (методика «Калейдоскоп»). Этот шаг, как было представлено выше, необходим для установления значимости и содержания взаимосогласованности основных ролей, кроме того он позволяет доказать один из основных принципов системного подхода (принцип потенциальной неограниченности), заключающийся в организации компонентов в актуальное и потенциальное состояние. Данное достигалось посредством сопряженности (критерий χ^2 -Пирсона) актуального положения роли и трех последующих положений (потенциальное, резервное и отвергаемое). Итак, исследование изменения ролевой композиции в зависимости от актуальной ролевой модели показали, что ролевые композиции статистически значимо различаются с вероятностью ошибки менее 0,01 % (таблица 28).

Таблица 28

Оценка сопряженности актуальной и латентных позиции ролевой модели
(критерий χ^2 -Пирсона, N=1287)

Категория ролевая модель	χ^2	Уровень значимости
Актуальная и потенциальная	667,48	p=0,0000
Актуальная и резервная	545,55	p=0,0000
Актуальная и отвергаемая	597,62	p=0,0000

Ролевая структура при предпочтении ролевой модели Старухи выглядит следующим образом (таблица 29): потенциальная – Герой (21 %); резервная –

Мальчик (26 %); отвергаемая – Ведьма (58 %). При ведущей ролевой модели Старик структура представлена в следящей композиции: потенциальная – Герой (24 %); резервная – Девочка (28 %); отвергаемая – Ведьма (36 %). Актуальная ролевая модель Мать: потенциальная – Герой (25 %); резервная – Дева (42 %); отвергаемая – Трикстер (42 %).

Таблица 29

Сопряженность позиций 10 ролевых моделей

Актуальная	Потенциальная	%	Резервная	%	Отвергаемая	%
Старуха	Герой	21	Мальчик	26	Ведьма	58
Старик	Герой	24	Девочка	28	Ведьма	36
Мать	Герой	25	Мальчик	42	Трикстер	42
Отец	Дева	42	Девочка	42	Трикстер	26
Дева	Герой	29	Ведьма	25	Трикстер	33
Герой	Ведьма	27	Трикстер	20	Девочка	24
	Дева	26				
Ведьма	Герой	35	Дева	22	Девочка	24
Трикстер	Герой	30	Ведьма	25	Девочка	26
Девочка	Мать	67	Мальчик	33	Дева	66
Мальчик	Отец	41	Ведьма	41	Герой	29

Актуальная ролевая модель Отец: потенциальная – Дева (42 %); резервная – Девочка (42 %); отвергаемая – Трикстер (26 %). Актуальная ролевая модель Дева: потенциальная – Герой (29 %); резервная – Ведьма (25 %); отвергаемая – Трикстер (33 %). Актуальная ролевая модель Герой: потенциальная – Ведьма (27 %) и Дева (26 %); резервная – Трикстер (20 %); отвергаемая – Девочка (24 %). Актуальная ролевая модель Ведьма: потенциальная – Герой (35 %); резервная – Дева (22 %); отвергаемая – Девочка (24 %). Актуальная ролевая модель Трикстер: потенциальная – Герой (30 %); резервная – Ведьма (25 %); отвергаемая – Девочка (26 %). Актуальная ролевая модель Девочка: потенциальная – Мать (67 %); резервная – Мальчик (33 %); отвергаемая – Дева (66 %). Актуальная ролевая модель Мальчик: потенциальная – Отец (41 %); резервная – Ведьма (41 %); отвергаемая – Герой (29 %).

Обсуждая полученные результаты, отметим, что при актуализации ролевых моделей более отдаленного возрастного периода (Старик и Старуха) в качестве

потенциальной ролевой модели закладывается роль Героя, отражающая противоположный полюс по всем трем шкалам. Данная роль активно включена в процесс социализации, ориентирована на общество при достижении целей и отличается творческим преобразованием окружающей среды, спонтанностью и импульсивностью. В резерве остаются роли, расположенные на другом возрастном полюсе (Мальчик и Девочка), которые имеют две схожие характеристики с ролями пожилого периода – эгоистическая ориентация и пассивность в освоении социального пространства, но при этом импульсивны. Актуализация ролевых моделей, стоящих рядом по возрастной лестнице (Мать и Отец), сопровождается ролевыми моделями противоположными по полу, но при этом соответствующих возрасту респондентов (Герой и Дева), согласующихся с актуальными ролевыми моделями по двум признакам: социальная активность и ориентация на социум, но имеющих творческую составляющую. Резервными ролевыми моделями выступают роли, отражающие детский возрастной период и противоположные по полу (Мальчик и Девочка), которые по трем критериям составляют полностью противоположную пару (эгоцентричны, импульсивны, пассивны). В качестве отвергаемых выбираются ролевые модели с деструктивной направленностью как при актуализации ролей Старика и Старухи, так и при актуализации ролей Матери и Отца. Они ориентированы на творческое активное преобразование окружающей среды, но с эгоистичной направленностью.

Совершенно изменяется тенденция при выборе ролей, относящихся к тому же возрастному периоду (период молодости – Герой, Дева или Трикстер, Ведьма). В качестве потенциальных и резервных ролей выступают роли того же возрастного периода, но находящиеся на противоположном полюсе континуума «адаптация к социальному пространству и реализация своей самости или эгоцентризм». Отвергаемой для них выступает роль ребенка (Девочка), отличающаяся от плеяды этих ролей социальной пассивностью. При актуализации ролей раннего возрастного периода в потенциальный ролевой диапазон включаются роли взрослого периода, компенсирующие импульсивность, инфантильность, эгоцентричность. А отрицаются роли,

соответствующие возрастному периоду респондентов. В этом случае налицо ролевой конфликт, демонстрирующий неприятие своей возрастной роли.

Итак, полученные результаты приводят к следующим важным следствиям. Во-первых, в качестве потенциальной ролевой модели, выбирается роль, имеющая противоположные качества к актуальной ролевой модели, занимающая противоположный полюс одного, двух или сразу трех континуумов, описывающих качественную определенность мезоролей. Это доказывает сформулированный в системной парадигме общий принцип дополнительности, известный в ранее сформулированных теориях, начало которым было положено Н. Бором и продолжено в различных направлениях, например, в психологических трудах У. Джеймса, В. Вундта и др. В частности В. Вундт [65] развивает идею о развитии противоположностей, причисляя указанный феномен к законам развития. Данный принцип предполагает, что целостное воспроизведение какого-либо феномена или объекта объединяет взаимоисключающие понятия, применимые в особых условиях. Данный принцип проявляется и в ролевых взаимодействиях, в частности, в юнгианской теории архетипов коллективного бессознательного: принцип дополнительности мужских ролей (анимуса) и женских ролей (анимы) [368]. Нами было установлено, что чем более отдалена по возрастной лестнице актуальная роль, тем более конфликтна ролевая композиция.

Во-вторых, полученные результаты свидетельствуют о выстраивании определенной ролевой композиции в зависимости от актуальной роли, что отражает еще одну закономерность, зафиксированную в метасистемном подходе – это «принцип потенциальной неограниченности». Согласно данному принципу каждая отдельная социальная ситуация предполагает приспособление к конкретным условиям и требует от субъекта актуализации одной из имеющихся в его арсенале ролевых моделей поведения. Очевидно, что при актуализации какой-то ролевой модели обнаруживаются определенные ролевые композиции, находящиеся в латентном, потенциальном состоянии. Полученные результаты демонстрируют наличие устойчивых ролевых соотношений, принципиально возможных для воплощения, что обозначается в виде потенции.

Несомненно, изучение формальной структуры основных ролей является довольно важным, но все же само по себе еще не достаточным для понимания ролевой социализации как системного комплекса. Наряду с этим необходимо оценить характер межуровневых взаимодействий, установить взаимообусловленность и взаимопереходы от элементарного уровня к компонентному. В этой связи исследовательская стратегия предполагала определение качественного своеобразия и изучения взаимодействия между элементарным и компонентным уровнем.

Это решение достигалось за счет оценки сопряженности ролевого образа Я, отражающего социокультурные ожидания относительно роли, относящиеся к элементарному уровню (методика «Рисунок человека» К. Махвер) и актуальной ролевой модели, диагностируемых по методике «Калейдоскоп» (компонентный уровень). Сопряжение, осуществляемое посредством критерия χ^2 -Пирсона, производилось отдельно у юношей и девушек, т. к. ролевая модель и ожидания относительно роли связаны с половой принадлежностью (таблица 30).

Таблица 30

Оценка сопряженности пола, ролевого образа Я и актуальной ролевой модели
(критерий χ^2 -Пирсона, N=1287)

Сопрягаемые переменные	χ^2	Степень свободы	Уровень значимости
Актуальная ролевая модель и роль Я юноши	643,90	сс=144	p=0,0000
Актуальная ролевая модель и роль Я девушки	327,17	сс=144	p=,00000

Результаты исследования доказывают, что между уровнями существует статистически значимая взаимообусловленность (p=0,0000). Качественный анализ полученной статистически значимой сопряженности отражает следующие особенности (таблица 31).

Сопряженность ролевого образа Я, пола и актуальной ролевой модели
($p < 0,0001$, $N = 1287$)

Пол	Актуальная ролевая модель	Рисунок человека					
		Человек	Мужчина	Девушка	Парень	Девочка	Женщина
мужской	Старик	18,75%	37,50%	6,25%	12,50%	0,00%	6,25%
	Отец	0,00%	64,29%	0,00%	21,43%	0,00%	7,14%
	Дева	8,33%	8,33%	8,33%	0,00%	0,00%	20,00%
	Герой	0,00%	10,00%	0,00%	80,00%	0,00%	10,00%
	Ведьма	13,95%	13,95%	4,65%	16,28%	2,33%	34,88%
	Трикстер	10,87%	26,09%	6,52%	36,96%	0,00%	10,87%
	Мальчик	0,00%	11,43%	0,00%	14,29%	0,00%	14,29%
женский	Дева	0,00%	3,45%	37,93%	6,90%	13,79%	24,14%
	Герой	0,00%	0,00%	0,00%	100,00%	0,00%	0,00%
	Ведьма	0,00%	5,56%	50,00%	12,22%	5,56%	16,67%
	Трикстер	26,67%	0,00%	13,33%	40,00%	13,33%	0,00%

Респонденты мужского пола, рисующие мужскую фигуру и обозначающие ее как мужчину, в качестве актуальной ролевой модели обнаруживают роль Отца (64,29 %) и 37,5 % – роль Старика. Интересно, что обследуемые мужского пола с недифференцированным обозначением рисунка как человека также характеризуются ролью Старика (18,75 %). 80 % испытуемых, рисующих парня, выбирают в качестве актуальной ролевой модели роль Героя, а 36,96 % из этой же категории – роль Трикстера. Из инвертированных ролей можно выделить ролевые модели Ведьмы (34,88 %) и Девы (24,14 %), сопряженные с рисунком человека женского пола и обозначенным женщиной. Среди представительниц женского пола наблюдается несколько меньшая согласованность в сопряжении рисунков, ролевых экспектаций и ролевых моделей. Тем не менее, 50 % испытуемых, нарисовавших человека женского пола и обозначивших как девушку, выбрали в качестве актуальной ролевую модель Ведьмы и 37,93 % – роль Девы. С этой же ролевой моделью 24,14 % рисуют фигуру женщины. Кроме того, 100 % представительниц женского пола с актуальной ролевой моделью Героя нарисовали фигуру мужского пола и обозначили ее как «парень» и 40 % с тем же рисунком выбрали роль Трикстера.

Итак, при обсуждении результатов, отметим, что исследуемые с четкой полоролевой идентичностью, обозначающие в рисунке человека его принадлежность к полу и возрасту выбирают в качестве актуальной ролевую модель, максимально приближенную своему полу и возрасту. В то же время респонденты, рисующие человека не своего пола, как правило, выбирают на ведущую позицию ролевую модель, принадлежащую к противоположному полу.

В свете обсуждаемых результатов можно привести данные об очевидной валидности, рассматриваемые в § 3.2, которые с убедительностью доказывают, что каждая ролевая модель сопряжена с устойчивыми характеристиками, объединенными в единый семантический кластер. В связи с этим нельзя не отметить то следствие, которое непосредственно вытекает из результатов проведенного анализа. Несмотря на значительное разнообразие ролевых социокультурных ожиданий, относящихся к элементному уровню, необходимо указать на их связанность с ролями, когда социокультурные ожидания включаются в качестве семантического конгломерата и тесно связаны с ролевой моделью. Следовательно, оба уровня – элементный и компонентный – не изолированы друг от друга, а взаимосвязаны. Причем элементный уровень имманентно включается в более общий, компонентный уровень, таким образом, что ролевые модели имеют устойчивые экспектации, зафиксированные в произведениях культуры и опосредующие интеграцию индивида в культурное пространство символов, традиций, норм и правил. Следовательно, специфицирующие черты культуры, которыми выступают культурные универсалии и чувствительность к микро- и макросреде, организуются в неспецифицирующие качества в контексте системного комплекса – символически организованные культурные образы, опосредующие ролевые модели. Эффективность такого взаимодействия определяется взаимосогласованностью ролевых моделей и их культурных репрезентаций. Чем точнее «подобраны» ролевые экспектации к ролевой модели, тем успешнее осуществляется ролевое функционирование индивида в социокультурном пространстве.

Из этого следует важный вывод, что ролевая социализация, осуществляемая через освоение ролей и их реализацию в поведении, содержит начальные условия социального существования (основные ролевые модели), которые противостоят энтропии и задают в системе ролевой социализации определенный порядок. Образующиеся в ходе культурно-исторического развития социальные стереотипы взаимодействия людей, так сказать, архетипические сценарии и их образно-символические детерминанты придают этим взаимодействиям определенную устойчивость. Зафиксированные в виде культурного кода ролевые ожидания создают репликацию культурного образца внутри самого индивида, аккумулируясь в виде ролевой модели, диктуют порядок взаимоотношений и ролевого поведения субъекту. Такое взаимодействие субъекта, ролевых моделей и культурных универсалий аналогично информированию молекулы о состоянии системы в целом, что отражает когерентность субъекта социальным реалиям.

Субсистемный уровень организации ролевой социализации молодежи

Исследование субсистемного уровня, на котором осуществляется синтез нескольких, но не всех структурных компонентов, также предполагает определенные сложности в контексте системного и метасистемного подхода. Дело в том, что согласно А. В. Карпову [131] любая система онтологически включена не в одну, а одновременно в несколько метасистем (социального микро- и макроокружения, производственных отношений, в разного рода группы: семейные, дружеские компании и пр.). Согласно В. П. Кузьмину [180], всякий предмет является элементом в системе всеобщей взаимосвязи, а системный подход качественно объективирует эту всеобщую взаимосвязь. Каждое такое окружение, которое может быть представлено набором жизненных сфер, соединяет в себе определенную плеяду ролей, образуя социальное качество личности как таковое. Таким образом, ролевая социализация представляется как полисистемное образование. Следовательно, в системном комплексе представлены в структуре и функциональной организации жизненные сферы, которые в свою очередь включают определенные ролевые отношения. В этом контексте раскрывается более широкий принцип системного подхода – принцип

полисистемности, согласно которому гетерогенные и множественно представленные в том или ином системном комплексе системы получают в составе первого столь же множественные спецификации, в значительной степени образуя его качественную определенность как таковую [131]. С позиции ролевой социализации это может быть представлено как включение в ее состав сфер жизнедеятельности, которые получают спецификации в этой системе. Личность в процессе ролевой социализации включается во множество метасистем – ряда общностей или сфер жизнедеятельности (профессиональной, семейной, неформального общения, интимно-сексуальной), выступая эффектом конвергенции этих метаобщностей. Операционализация данного положения предполагала определение специфики ролевого профиля в каждой из пяти жизненных сфер: личностной, интимно-сексуальной, семейной, неформальных контактов и профессиональной по всей исследуемой выборке молодежи (методика «Калейдоскоп»), рассчитываемой по критерию χ^2 -Пирсона (таблица 32).

Таблица 32

Оценка сопряженности сферы и ролевой модели (критерий χ^2 -Пирсона, N=1287)

Сопрягаемые переменные	χ^2	Уровень значимости
Сфера и актуальная ролевая модель	283,23	p=0,0000
Сфера и потенциальная ролевая модель	419,88	p=0,0000
Сфера и резервная ролевая модель	696,89	p=0,0000
Сфера и отвергаемая ролевая модель	547,86	p=0,0000

Оценка сопряженности иерархии основных ролей позволяет утверждать о статистически значимом специфическом ($p < 0,001$) своеобразии ролевой структуры в каждой сфере (таблица 33).

Необходимо обратить внимание, что не было выявлено подавляющей ролевой идентичности для всех сфер и для всех ролевых позиций. Тем не менее на уровне тенденции можно говорить о доминировании ролей Героя и Девы в большинстве сфер жизнедеятельности в актуальной и потенциальной позициях.

Специфика ролевого профиля в зависимости от сферы жизнедеятельности
($p < 0,0001$)

Ролевая позиция	Личностная	Семейная	Неформальных контактов	Профессиональная	Интимно-сексуальная
Актуальная	Дева (21 %) Герой (22%)	Дева (22 %) Герой (21%)	Дева (20%)	Герой (23%)	Герой (33%) Ведьма (21 %)
Потенциальная	Герой (23%)	Дева (28 %)	Герой (28%)	Отец (29%)	Герой (32%) Дева (31%)
Резервная	Ведьма (28%)	Девочка (22%) Мальчик (25%)	Герой (20%)	Герой (23%)	Девочка (34%) Мальчик (25%)
Отвергаемая	Трикстер (20%)	Мальчик (27%) Девочка (23%)	Не определена	Трикстер (21%)	Старуха (22%) Старик (22%)

На резервной и отвергаемой позициях наблюдаются трансформации в ролевом профиле. В двух сферах на резервной позиции по-прежнему остается ролевая модель Героя (20 и 23 % соответственно). Это свидетельствует, что для 20–30 % молодежи характерно использовать более близкую им по возрасту роль, социально активную, направленную на созидательное, творческое преобразование социальной среды, решительную и целеустремленную (Герой), мечтательную и нежную (Дева). Интересно, что для сферы неформальных контактов более 20 % молодежи выбирают роль Девы, отличающуюся уступчивостью, ориентацией на теплые дружеские отношения. Особняком стоит и профессиональная сфера, в которой в качестве потенциальной роли, предполагающей дополнительные к актуальной ролевой модели Героя возможности, выступает роль Отца, характеризующаяся склонностью к управлению, традиционным устоям, но (также как и Герой) направленная на созидательную социальную активность. В данном случае эксплуатируется принцип дополнительности, вскрывающий тот факт, что реализацию целостного воспроизведение какого-либо феномена через взаимоисключающие понятия, применимые в особых условиях. Следовательно, можно предположить, что в случае возникшей сложности при реализации роли,

обладающей спонтанностью в профессиональной сфере производится замена на роль отвечающую требованиям устойчивости, традиционности, обладающую осмотрительностью, способной поддержать существующий порядок, изменяется ролевой фокус. В то же время для резервной позиции также характерна роль Ведьмы (28 %) в личностной сфере и детские роли, преобладающие в семейной сфере и интимно-сексуальной сфере (22% Девочка и 25 % Мальчик). Общими характеристиками для этих ролей являются эгоцентрическая ориентаций, удовлетворение собственных интересов, импульсивность и спонтанность. Таким образом, ролевой набор с индивидуалистической позицией и импульсивностью воспроизводят определенные стили поведения, взаимодействия с окружающими, применяемые в основном в семье, но при этом используются молодежью достаточно редко и только в исключительных ситуациях, в отличие от потенциальных и актуальных ролевых моделей Героя и Девы.

Важно отметить, что в семейной сфере ролевые модели ребенка остаются на позиции отвергаемых ролей. Для социализирующейся личности в семейной сфере неприемлемыми способами ролевого функционирования становятся импульсивные, неконтролируемые роли. Именно импульсивность, негативизм, требовательность, свойственные как детским ролям, так и роли Трикстера (личностная сфера 21 %, профессиональная сфера 20 %), также находящегося на отвергаемой позиции, не принимается молодежью и проецируется на окружающих. Важно обратить внимание, что роль Трикстера с его деструктивными характеристиками, скрытностью и разрушением не только в профессиональной сфере, но и в целом считается неприемлемой. Так в ряде наших работ было установлено, что роль Трикстера у более 80 % респондентов ассоциируется с экстремистом [95; 273].

Отдельно рассмотрим ролевую структуру в интимно-сексуальной сфере молодежи, в которой по-прежнему на позиции актуальной ролевой модели находится роль Героя (33 %), отражающая, по мнению респондентов, их сексуальную идентичность. Необходимо отметить, что данная роль преимущественно в этой сфере выбирается представителями мужского пола.

Тогда как для женщин репрезентацию их сексуальной идентичности реализует ролевая модель Ведьмы, обладающая агрессивной сексуальностью и самоуверенностью. В этой связи можно констатировать наличие конфликта в интимно-сексуальной сфере у современной молодежи, характеризующейся доминированием в сексуальной сфере у женщин активной сексуальной позиции (роль Ведьмы), но при этом мужчины предпочитают в качестве сексуальной партнерши роль Девы (31 % вторая строка) с подчиненной сексуальной позицией. Подобные данные обнаружены Lylla Cysne Frota D'Abreu et al. [438] в исследовании половых различий в сексуальной агрессии в выборке 742 студентов первого курса в Бразилии (411 девушек и 331 юноша, M=14 лет). Авторы приводят данные, что как женщинам, так и мужчинам свойственна сексуальная агрессия ($p>0,05$). В работе С. Е. Kaestle & L. М. Evans [501] представлены данные о низком сексуальном удовлетворении у молодых женщин (студентки колледжа N=471) с несовпадением сексуальных установок и агрессивной сексуальной активностью. По данным V. R. Schick et al. [588], процент женщин, указавший наличие сексуального контакта с женщиной (M=59,40 %, SD=20,77 %), был выше, чем процент женщин, отмечавших наличие секса только с мужчиной (M=37,26 % SD=28,97 %). При этом авторами обозначается, что часто женщины используют в отношениях с женщинами доминирующую сексуальную роль. В остальном сексуальный ролевой профиль довольно предсказуем – в качестве асексуальной роли выбираются детские ролевые модели: Девочка (34 %) и Мальчик (25 %). Отвергаемая сексуальная роль, вызывающая отвращение, связывается респондентами со старостью – роль Старухи (22 %), Старика (22 %).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, как мы увидели, субсистемный уровень имеет сложную и достаточно дифференцированную относительно включенных в нее ролей структуру, базирующуюся на принципе иерархичности. Оценка сопряженности иерархии основных ролей позволяет утверждать о специфическом своеобразии ролевой структуры сфер жизнедеятельности личности ($p=0,0000$). В каждой сфере выделяется определенный ролевой набор. Каждая роль, в свою очередь, как это

было показано выше, включает конкретные ролевые ожидания, социальные нормы, дифференцируемые в зависимости от жизненной сферы. Таким образом, субсистемный уровень представляет систему, наполняющуюся в отдельных случаях конкретным содержанием, с определенными ролевыми моделями.

Во-вторых, на субсистемном уровне образуются специфичные плеяды из ролевых моделей, что отражает качественную специфичность этого уровня, заключающуюся в известном принципе полисистемности. Жизненные сферы, определяющие субсистемный уровень, обладают еще и таким качеством, как комплексирование ролей в отдельные ролевые кластеры. При этом каждый отдельный ролевой кластер жизненной сферы имеет свои собственные цели и задачи в рамках общей организации ролевой социализации, что демонстрирует наличие специфического качества субсистемного уровня – его полифункциональности. В этой связи объединение ролевых моделей превосходит простую их совокупность и представляет целостный синтез ролевых моделей, который напрямую обеспечивает интеграцию систем в рамках «качественного узла взаимодействия».

Изучение закономерностей общесистемного и метасистемного уровней

Системный уровень, который выделяется в любой системе, по мнению А. В. Карпова [131], определяется синтезирующей способностью большинства, но не всех элементов системы. Конкретизируя это, мы хотели бы подчеркнуть еще одно обстоятельство – общее направление ролевой социализации субъекта как системного комплекса задается *системообразующим фактором, сущностью которого является установление оптимального ролевого взаимодействия между индивидом и обществом*. Другими словами, функцией системы ролевой социализации является самосохранение индивида в быстроизменяющейся среде, предусматривающее поддержание структурной ролевой устойчивости субъекта социализации [247]. Следовательно, общесистемный уровень обуславливает интеграцию всего системного комплекса. Согласно системному подходу в его классической интерпретации [22; 303] системный уровень является в любой системе наивысшим, интегрируя все другие уровни. Однако в таком ракурсе

любая система является закрытой и может организовывать взаимодействие только внутри себя. Вместе с тем в контексте определения ролевой социализации как системного комплекса раскрывается еще один открытый уровень (в терминах А. В. Карпова метасистемный), на котором реализуется взаимодействие всех системных образований, входящих в системный комплекс [132–137; 138]. На этом уровне осуществляется взаимодействие между другими системами, входящими в системный комплекс, происходит интеграция всех систем, обеспечивая системному комплексу определенную трансцендентность. Осуществляется своего рода «встраивание» в системный комплекс других систем и их взаимодействие, в частности личности, социального, культурного и превращение двух последних в идеальную форму. На надсистемном уровне все идеальное обретает статус структурного образования системы, способного влиять на все другие уровни, регулируя их. Субъект ассимилирует социальный опыт (знания, ценности, нормы, роли и т. д.), трансформируя их в структуру личности как встроенное содержание. Ряд ролей, включаясь в содержание психического, определяет уже само содержание личностных образований, конституируя их. На этом уровне возникают взаимообусловленности, демонстрирующие формирование синергетических эффектов и нового процессуального содержания. Это конкретно проявляется во внутриличностной дифференциации, которая диктует выстраивание своеобразной иерархической ролевой структуры, состоящей из основных ролей (базисных ролевых моделей поведения индивида), мотивов, удовлетворяемых посредством реализации конкретной роли. Следовательно, личность, выступая своеобразной системой встроенной в «качественный узел взаимосвязи», раскрывает свою уникальность, наполняя роль индивидуальным содержанием (индивидуальные ценности, личностные особенности, потребности, интересы и пр.), отличным от интериоризированных родительских ролей, установок, что отражает открытие собственной уникальности.

Иначе говоря, метасистемный уровень предполагает «встраивание» в систему личности социального и культурного, превращение их в идеальную форму. Особенность открытого надсистемного уровня заключается в таком

особом взаимодействии систем, при котором осуществляется присвоение системами элементов, принадлежащих к другой системе. По словам А. В. Карпова [131], онтологический аспект раскрывает само реальное существование ролей, а не предмет психологического исследования (т. е. гносеологически). Иначе говоря, ролевая социализация сама по себе имеет сложное иерархическое строение с компонентами и элементами, лежащими на более низких уровнях интегральности, сложность которой возрастает на более высоких уровнях. Следовательно, личность в контексте ролевой социализации является «включенной» в содержание тех или иных «парциальных измерений социализации и культуры». В терминах В. П. Кузьмина [180] ролевая социализация может быть объективирована в виде системного комплекса с его внутренней целостностью.

Такое понимание системного комплекса приобретает большое значение в исследовании психических явлений, т. к. вскрывает механизм «удвоения» реальности, воссоздающий в психике образ мира [197]. Именно генезис метасистемного уровня есть процесс трансформации объективной реальности в идеальную форму – его инобытие. Это позволяет нивелировать проблему преломления социального в личном, которая присутствует у многих отечественных и зарубежных исследователей и объяснить взаимодействие нескольких систем [13; 161; 240; 322; 375–378]. С одной стороны, И. С. Кон [161] отмечает, что интраиндивидуальным компонентом и результатом социального взаимодействия является система мотивов, установок и ориентаций, составляющих основу внутренней структуры личности. С другой стороны, автор указывает на социальную природу роли, мотивации, установки, ориентации и т. д., которые выражают потребности индивида как общественного организма.

В то же время на надсистемном уровне все идеальное обретает статус структурного образования системного комплекса, способного влиять на все другие уровни, регулируя их. По мнению А. В. Карпова [137], особенность процесса регуляции заключается в превращении идеального в материальное, что отражает специфику метасистемного уровня. Применительно к социализации взаимообратимость метасистемного уровня позволяет говорить, что субъект

ассимилирует социальный опыт (знания, символы, ценности, нормы, роли и т. д.), трансформируя их в структуру личности как встроенное содержание. Более того, это содержание может быть на более высоких уровнях организации структуры социализации осознанным, радикально влияя на всю социализацию субъекта [131].

Кроме того, роли, представляя собственно личностные образования, могут соединяться друг с другом, образуя кластеры. В этом контексте важно упомянуть обсуждаемое ранее понимание рефлексивности психических процессов, когда некоторые роли не осознаются и переходят в бессознательные уровни психики. Ряд ролей, напротив, становится осознаваемым, включаясь в содержание психического, и, в свою очередь, определяет уже само содержание личностных образований, формируя их. Такая констатация приводит, с точки зрения А. В. Карпова [131], к одной из фундаментальных общенаучных проблем – соотношению системы и ее компонентов. В частности личность может выступать в качестве системы, входящей в системный комплекс, а роли, принадлежащие системе социального, включенной в этот же «качественный узел», могут восприниматься как компоненты личности. По мнению автора, необходим пересмотр общеизвестных отношений в теории систем, в которых рассматривается положение о включении компонентов в целое. Вместе с тем парадоксальность теории систем раскрывает такое понимание системы, в котором внешнележащая система встраивается в системный комплекс, становясь одновременно его частью, подсистемой, при этом оставаясь по существу отдельной системой. В свою очередь, системный комплекс, в который включается система, сам начинает функционировать как эта система, не утрачивая своего системного свойства. Таким образом, в системном подходе постулируется относительность статусов системного образования и системного комплекса, когда реальность может быть одновременно и системой и системным комплексом, что отражает принцип дополнительности. В контексте ролевой социализации это может быть представлено в следующем ракурсе: основные роли в виде внешнеположенной по отношению к личности социальной реальности,

взаимодействуя с личностью на надсистемном уровне, встраиваются в систему личности, реализуясь на компонентном уровне системного комплекса ролевой социализации как его компоненты. Вместе с тем на метасистемном уровне они становятся регуляторами поведения личности в социальном пространстве. Следовательно, роли являются, с одной стороны, социальным продуктом, отражая объективную реальность; с другой – они на уровне личности подготавливают индивида к «возможным вариантам реального взаимодействия» [137, с. 186], подчиняя и управляя всеми нижележащими уровнями системы. В этом виде роли получают статус детерминанты функциональной динамики системного комплекса.

Кроме того, необходимо отметить, что оба уровня как наиболее общие так или иначе включают в себя интегративные процессы. На этих уровнях происходит интеграция всех уровней и структурных компонентов системы, превышающая их простое объединение. Иными словами, возникают взаимообусловленности, предполагающие взаимовлияние как внутрисистемных компонентов, так и внесистемных. Вместе с тем изучение двух последних уровней структурной организации ролевой социализации молодежи сопрягается с рядом трудностей, на которые указывает А. В. Карпов [116]. Во-первых, данные уровни обладают большей сложностью и многомерностью, что требует концентрации внимания в большей степени и разнопланового анализа по сравнению с элементным, компонентным или субсистемным уровнями. Во-вторых, оба уровня характеризуются интегративностью, выявление которой недоступно прямому наблюдению и требует более сложных процедур научного анализа. В-третьих, довольно сложно в эмпирических условиях «развести» эти два уровня.

В плане решения задач исследования и с учетом указанных сложностей были предприняты некоторые эмпирические процедуры, позволяющие исследовать закономерности системного и метасистемного уровней. На первом этапе исследование системного уровня предполагало изучение взаимодействия субсистемного и системного уровней. В целях реализации данного исследования

необходимо обращение к одному из положений системного подхода, согласно которому личностные образования (мотивы или в терминах метапарадигмы метамотивы) определяют степень интенсивности, направленности и ролевой активности личности. Здесь необходимо учитывать еще одно положение системного подхода, согласно которому системный уровень не напрямую взаимодействует с компонентным уровнем, а посредством субсистемного уровня, объединяющего компоненты в определенные конstellации. С этой целью проводилась сопряженность сферы и мотивов, которая показала, статистически значимые различия в мотивационной иерархии ($p < 0,01$); исключение составил потенциальный мотив (таблица 34).

Таблица 34

Оценка сопряженности сферы и мотивов (критерий χ^2 -Пирсона, N=1287)

Сопрягаемые переменные	χ^2	Уровень значимости
Актуальный мотив и сфера	56,52	p=,00000
Потенциальный мотив и сфера	16,96	p=,15116
Резервный мотив и сфера	31,78	p=,01068
Отвергаемый мотив и сфера	59,57	p=,00000

Не было обнаружено однозначного доминирования какого-либо мотива в личностной сфере, и это вполне понятно, т. к. в данном случае мы имеем дело с личностным своеобразием. Вместе с тем удалось установить в трех сферах (семейная, контактов, профессиональная) доминирование мотива самореализации, столь характерного для периода молодости и подробно обсуждаемого в рамках этих сфер в § 1.3 (таблица 35). Интимно-сексуальная сфера специфицируется на мотиве активности, который также выступает на первое место в данный возрастной период.

Не вдаваясь в подробности относительно потенциальной мотивационной позиции (не было обнаружено статистически значимой сопряженности), отметим, что резервная мотивационная позиция характеризуется разнообразием почти во всех сферах. Напротив, отвергаемая мотивация в период молодости достаточно согласована и выражена мотивом в освобождении от ограничений, препятствий, в любознательности.

Специфика мотивационного профиля в зависимости от жизненной сферы ($p < 0,01$)

Позиция мотива	Личностная	Семейная	Неформальных контактов	Профессиональная	Интимно-сексуальная
Актуальная	Не определена	В самореализации (31%)	В самореализации (35%)	В самореализации (32%)	В активности (33%)
Потенциальная	Не определена	Не определена	В принадлежности (31%)	Не определена	Не определена
Резервная	В принадлежности (30%)	Не определена	В свободе (30%)	В самореализации (30%)	В принадлежности (29%)
Отвергаемая	В свободе (30%)	В активности (31%)	В активности (35%)	В активности (29%)	В свободе (32%)

Сопряжение актуальной ролевой модели, актуального мотива и жизненной сферы демонстрируют специфичную ролевую наполняемость в каждой сфере в зависимости от ведущего мотива (таблица 36).

Таблица 36

Оценка сопряженности сферы, актуальной ролевой модели и актуального мотива (критерий χ^2 -Пирсона, $N=1287$)

Сопрягаемые переменные	χ^2	Уровень значимости
Личностная сфера	107,20	$p=,00000$
Семейная сфера	89,90	$p=,00000$
Сфера неформальных контактов	61,81	$p=,00015$
Профессиональная сфера	73,25	$p=,00000$
Интимно-сексуальная сфера	79,67	$p=,00000$

Итак, доминирующий в трех жизненных сферах мотив самореализации сопряжен в основном с мужскими ролевыми моделями, за исключением профессиональной, в которой среди мужских ролей обнаружены две женские.

Полученные результаты вполне объяснимы и подтверждены многими предыдущими исследованиями (см. § 3.2), в которых показано, что данный мотив характерен преимущественно для мужских ролевых моделей. Мотив активности, отвергаемый в трех сферах, сопряжен как с мужскими, так и с женскими ролевыми моделями, среди которых доминирующее положение занимают роль

Героя и роли с деструктивной направленностью (Ведьма и Трикстер). Исключение составила профессиональная сфера, где мотив активности сопрягается с ролевой моделью Отца. Мотив принадлежности характеризуется ролевыми спецификациями в различных сферах. Личностная сфера состоит сугубо из женских ролевых моделей (это также сопоставимо с полученными выше результатами и теоретическим анализом). Что касается сферы неформальных контактов и семейной сферы, там при доминировании женских ролей (более 50 %) имеют место и мужские роли. И наконец, среди отвергаемых ролевых моделей, сопряженных с мотивом в изменчивости и свободе от ограничений, выявлены ролевые модели, принадлежащие к раннему возрастному периоду, а также роль Девы в сфере неформальных контактов и интимно-сексуальной сфере (таблица 37).

Таблица 37

Сопряженность актуальной ролевой модели и актуального мотива в различных жизненных сферах (критерий χ^2 -Пирсона при $p < 0,001$)

Мотив	Сферы				
	Личностная	Семейная	Неформальных контактов	Профессиональная	Интимно-сексуальная
В принадлежности	Старуха (42 %) Мать (42%) Дева (49%) Ведьма (38%)	Старуха (33 %) Старик (37%) Мать (52%) Отец (39%) Герой (28%) Ведьма (37%)	Старуха (53%) Мать (50%) Герой (34%) Мальчик (39%)	Не выявлено	Не выявлено
В самореализации	Старик (32%) Отец (37%)	Герой (27%) Мальчик (50%)	Старик (50%) Отец (31%) Герой (30%) Трикстер (33%)	Старуха (39%) Старик (47%) Мать (64%) Отец (36%) Дева (40%)	Герой (28%)

Мотив	Сферы				
	Личностная	Семейная	Неформальных контактов	Профессиональная	Интимно-сексуальная
В активности	Герой (34%) Трикстер (37%) Ведьма (37%)	Герой (25%) Ведьма (37%) Трикстер (36%)	Ведьма (36%) Девочка (37%)	Отец (30%) Ведьма (35%) Трикстер (33%)	Герой (39%) Ведьма (58%) Трикстер (33%)
В свободе	Девочка (67%) Мальчик (53%)	Девочка (38%)	Дева (37%)		Дева (40%)

Однако, как было показано выше, системный уровень не является заключительным, и есть еще один метасистемный уровень, на котором происходит трансформационный переход одной системы в другую в рамках взаимодействия систем. Причем системы, включаясь в системный комплекс, приобретают статус структурного образования этого «качественного узла интеграции». При этом структурное образование способно влиять на все другие уровни в этом системном комплексе, регулируя их. По мнению А. В. Карпова [137], особенность процесса регуляции заключается в превращении идеального в материальное, что отражает специфику метасистемного уровня. Применительно к социализации такая взаимообратимость метасистемного уровня раскрывает ассимиляцию субъектом социального опыта (знания, ценности, нормы, роли и т. д.), который трансформируется в структуру личности и становится ее содержанием. В свою очередь сама личность выступает одним из уровней системного комплекса, обуславливая наполнение роли индивидуально-личностными особенностями. Кроме того, это социокультурное содержание может быть на более высоких уровнях организации структуры ролевой социализации осознанным, радикально влияя на всю социализацию субъекта.

В этом контексте роль становится регуляторным механизмом, обеспечивая определенное ролевое поведение и активность в рамках усвоенной роли в социальном пространстве. Иначе говоря, согласно А. В. Карпову [131], объективная реальность (в нашем случае – социальные роли) удваивается в

субъективном пространстве (личности), обретая идеальную природу. Действительно, ролевая социализация, понимаемая как ролевое освоение и функционирование в социальном пространстве, может быть представлена как системный комплекс, включающий несколько многомерных, гетерогенных систем, репрезентирующихся на различных уровнях этого «узла интеграции». Метасистемный принцип реализует взаимопроникновение всех уровней системы. Элементный уровень, включает символы, ритуалы, культурные универсалии, традиции, усваиваемые через механизм инкультурации, которые связаны с определенной ролевой моделью, находящейся на компонентном уровне и интернализируемые посредством механизма имитации. Основные роли реализуются в конкретной жизненной сфере на субсистемном уровне через механизм адаптации и выстраиваются в уникальную ролевую композицию в зависимости от мотивов личности на системном уровне. В этом виде основные ролевые модели получают статус детерминанты функциональной динамики. Такая трансформация из компонентного уровня к метасистемному обусловлена общей закономерностью, свойственной, по мнению А. В. Карпова и А. А. Карпова [136], всем системам со встроенным метасистемным уровнем. Такая констатация приводит, с точки зрения А. В. Карпова [131], к одной из фундаментальных общенаучных проблем – соотношению системы и ее компонентов, в котором личность выступает как система, а роли отражают социальное пространство и проявляются в процессе трансформации одновременно как компоненты личности и системного комплекса. Следовательно, парадоксальность теории систем раскрывает такое понимание системного комплекса, в котором внешележащие системы, взаимодействуя друг с другом, встраиваются в «интеграционный узел», становясь одновременно его частью, субсистемой, при этом оставаясь по существу отдельной системой. В свою очередь, система, которая включается системный комплекс, сама начинает функционировать как системный комплекс, не утрачивая своего качественного своеобразия. Таким образом, в системном подходе постулируется относительность системных статусов, когда реальность может быть одновременно и системой, и частью системного комплекса, что

отражает принцип дополнительности. Этот принцип способствует активному информационно-ролевому обмену, сохранению культурных образцов, их локализации в структуре личности и воплощению в социально-разнообразных формах выбранного культурного образца, отражающего выход за пределы своего Я. Это достигается за счет открытости систем, интеграции социокультурных образцов, их эмоционального проживания и сопоставления с базовыми потребностями личности.

Таким образом, мы подошли решению еще одной задачи исследования, предполагающей раскрытие закономерностей структурной организации ролевой социализации на надсистемном уровне, установление влияния и взаимодействия мотивационных образований и основных ролевых моделей. Кроме того, необходимо в рамках эмпирических процедур решить еще один вопрос – вопрос о взаимодетерминации ролевых компонентов и социального функционирования личности. В связи с этим, во-первых, необходимо было выявить интегральные факторы социализации молодого человека в целом (факторный анализ). Во-вторых, необходимо вскрыть предсказательные возможности основных ролей в социализации молодежи (множественный регрессионный анализ). В-третьих, важно установить последовательных соотношений между мотивами, основными ролевыми моделями и социализацией молодежи (структурное моделирование, многофакторный дисперсионный анализ и структурно-психологический анализ).

Исследование социализации посредством редукции к интегральным факторам социализации молодежи (отдельно для выборки студентов и курсантов, отдельно для школьников и кадетов) проводился эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с вращением «варимакс-нормализованное» с последующим расчетом оценок для каждого испытуемого по полученным интегральным факторам. Факторный анализ по выборке курсантов и студентов (N=891) проводился по пяти методикам «Анкета социализации» Ф. Прюс, «Оценка состояния адаптированности личности» (ОСАДА), «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ) А. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche, в адаптации М. В. Соколовой, «Шкала социального самоконтроля»

(ШСС) М. Снайдер, «Шкала социальной фрустрированности» (ШСФ) Л. И. Вассерман, включающих в совокупности 35 признаков. Факторизация матрицы на три фактора была слабо обусловлена, причем некоторые признаки не имели высокой нагрузки не по одному фактору, вследствие чего были исключены из модели. Итоговая модель состояла из 20 признаков, имеющих максимальные нагрузки только по одному фактору. Результаты применения факторного анализа для курсантов и студентов, показали, что по критерию Р. Кетелла можно выделить три фактора с объяснительной силой более 68 % и с собственными значениями, превышающими единицу (таблица 38, рисунок 26).

Таблица 38

Факторные нагрузки методом главных компонент

с вращением «варимакс-нормализованное» на выборке студентов и курсантов

Переменные	Фактор 1 Социальная активность	Фактор 2 Социальная удовлет- воренность	Фактор 3 Социаль- ное принятие
Внес бы изменения в общение с друзьями	0,81	0,08	-0,04
Внес бы изменения во взаимоотношения с членами семьи	0,77	0,15	-0,05
Внес бы изменения в отношения с партнером/возлюбленным	0,90	0,16	0,03
Внес бы изменения в учебу / в профессиональную деятельность	0,75	0,17	-0,28
Внес бы изменения в черты своего характера	0,81	0,20	-0,20
Внес бы изменения во взаимоотношения в группе	0,88	0,17	0,06
Внес бы изменения в деятельность в группе	0,83	0,33	0,06
Внес бы изменения в отношения с окружающими людьми	0,87	0,28	0,06
Значимость социального окружения	0,64	0,01	0,38
Самочувствие в группе	-0,39	0,54	-0,12
Право голоса в группе	-0,47	0,63	0,04
Поддержка в группе	0,37	0,73	0,15
Удовлетворенность ситуацией в своей учебной жизни / профессиональной карьерой	0,30	0,80	-0,27
Удовлетворенность взаимоотношениями с окружающими людьми	0,27	0,89	-0,10
Удовлетворенность материальным положением своей семьи	0,36	0,84	0,05

Переменные	Фактор 1 Социальная активность	Фактор 2 Социальная удовлет- воренность	Фактор 3 Социаль- ное принятие
Удовлетворенность отношениями с партнером/возлюбленным	0,22	0,90	-0,11
Удовлетворенность собой	0,17	0,87	-0,13
Удовлетворенность взаимоотношениями с членами семьи	0,29	0,82	0,15
Удовлетворенность ситуацией в своей личной жизни	0,32	0,82	-0,05
Субъективное благополучие	-0,04	0,14	0,97
Напряженность и чувствительность	-0,04	0,39	-0,58
Признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику	-0,13	0,11	-0,81
Изменения настроения	0,09	-0,30	-0,68
Самооценка здоровья	-0,05	-0,13	-0,62
Социальная фрустрированность	-0,23	0,05	-0,52
Социальный самоконтроль	-0,08	-0,01	-0,50
Собственные значения	11,09	5,96	4,21
% дисперсии по каждому факторам	35,38	19,23	13,58
% общей дисперсии по трем факторам	68,19		

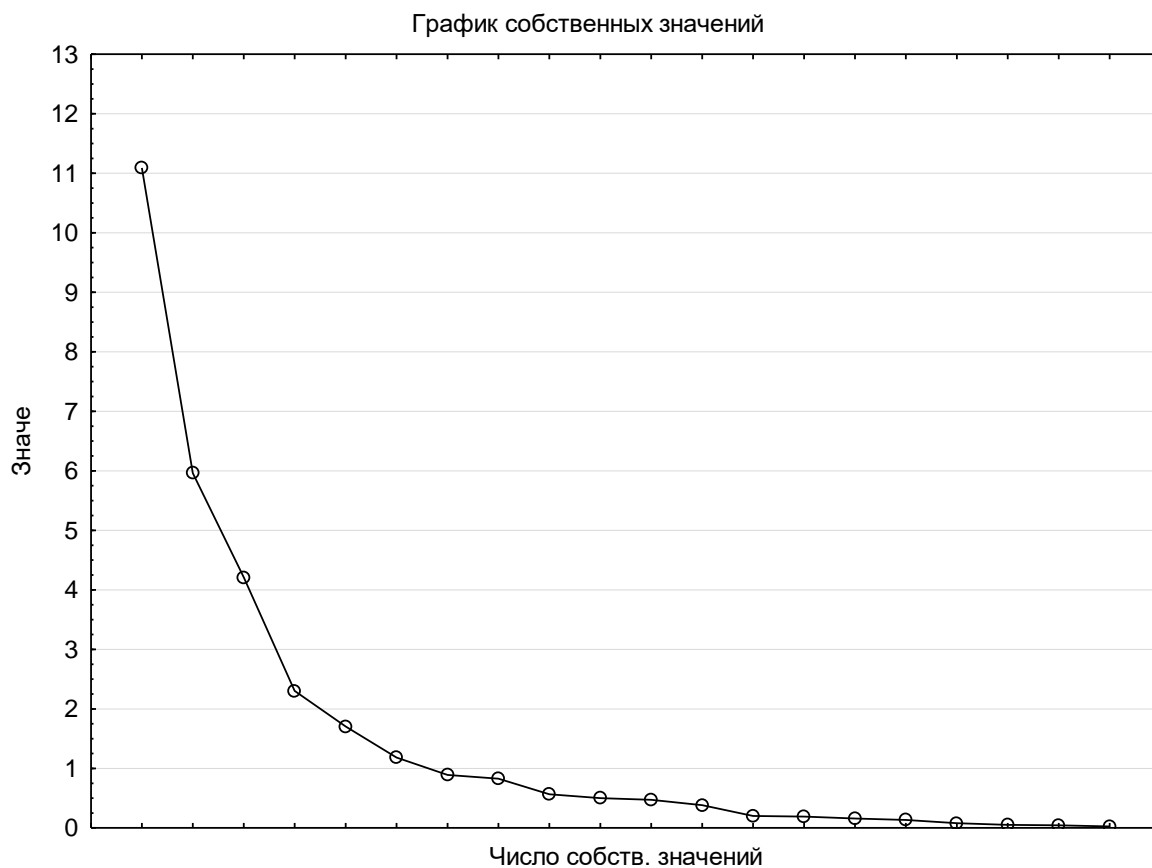

Рисунок 26. График собственных значений

Первый фактор с объяснительной силой 35,38 % включает переменные, отражающие социальную активность субъектов, т. к. большинство переменных предполагает внесение изменений в свое социальное окружение, в черты своего характера (0,81), в отношения с интимно-сексуальным партнером (0,90), в семейное окружение (0,77), в общение с друзьями (0,81), в отношения с окружающими людьми (0,87), во взаимоотношения в группе (0,88), в деятельность в группе (0,83), в учебу (0,75). При этом для респондентов, желающих изменить как себя, так и окружающее социальное пространство, является значимым социальное окружение (0,64).

В данном контексте приведем исследование А. А. Николаевой [246], которая рассматривала социальную активность современной молодежи, определяя ее как рефлекслируемую, саморегулируемую деятельность индивида, направленную на удовлетворение социальных потребностей и достижение социально значимых целей. Структуру социальной активности современной молодежи, автор предлагает рассматривать через призму теории деятельности А. Н. Леонтьева: 1) смысловой уровень отражает ценностно-смысловые установки и ориентации; 2) целевой уровень включает мотивы, потребности и цели; 3) операциональный уровень – навыки, умения, действия, задействованные в решении определенной задачи; 4) психологический уровень – специфика характерологических, психодинамических и познавательных свойств индивида. Социальная активность, с точки зрения Е. В. Кочетова [172], в большей степени детерминирована, информационными потребностями, необходимыми для включения в социальное пространство, коррекции сложившейся картины мира, определения стратегии поведения в проблемных ситуациях, для согласованности с социальной средой. В нашем случае это наводит на мысль, что респонденты видят несогласованность социального пространства, относятся к критически к такой несогласованности и, соответственно, желают нивелировать данную несогласованность.

Во второй фактор, объясняющий 19,23 % общей изменчивости, вошли 15 переменных с положительными нагрузками более 0,5, отражающие

удовлетворенность личности социальным пространством в пяти основных жизненных сферах: в личностной сфере – удовлетворенность собой (0,87) и удовлетворенность ситуацией в своей личной жизни (0,82); в семейной сфере – удовлетворенность материальным положением своей семьи (0,84) и удовлетворенность взаимоотношениями с членами семьи (0,82); в сфере досуга и контактов – удовлетворенность взаимоотношениями с окружающими людьми (0,89) и удовлетворенность общением (0,77); в профессиональной сфере – удовлетворенность ситуацией в своей учебной жизни /профессиональной карьерой (0,80) и степень удовлетворенности повседневной деятельностью (0,75); в интимно-сексуальной сфере – удовлетворенность отношениями с партнером/возлюбленным (0,90). Таким образом, можно констатировать, что респонденты, имеющие высокие положительные значения по данному фактору, удовлетворены в пяти основных жизненных сферах, что отражает эффективность социализации. В исследованиях J. K. Morgan et al. [554] было продемонстрировано, что военные ветераны, испытывающие посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и трудности в адаптации к социальному пространству, в меньшей степени удовлетворены жизнью. Взаимосвязь удовлетворенности жизнью и физическим переживанием боли пациентами доказана в работе S. P. Walker & K. G. F. Esterhuysen [621]. В то же время E. Diener, R. A. Emmons, R. J. Larsen & S. Griffin [445] показали, что различные компоненты субъективного благосостояния личности тесно связаны с оценкой глобальной удовлетворенности жизнью и не затрагивают такой конструкт, как одиночество. Положительное влияние занятий спортом на удовлетворенность жизнью отражено в лонгитюдном исследовании J. Martín-Albo et al. [533], которые продемонстрировали взаимосвязь между внутренней мотивацией, физической самооценкой и удовлетворенностью жизнью (N=293 в возрасте 18–70 лет). Юноши и девушки, занимающиеся спортом и делающие успехи, обнаружили более высокую внутреннюю мотивацию и высокую удовлетворенность жизнью (модель структурных уравнений). На основании чего авторы приходят к выводу о влиянии физической самооценки на отношение между внутренней мотивацией и

удовлетворением жизнью в период молодости. Приведенные выше исследования демонстрируют, что уровень включенности индивида в социальное пространство тесно связан с его удовлетворенностью жизнью. В этой связи вполне закономерно включение во второй фактор переменных, связанных с взаимодействием индивида и группы, что также свидетельствует об эффективной социализации: важность группы (0,79), право голоса в группе (0,63), поддержка в группе (0,73), сплоченность в группе (0,59), самочувствие в группе (0,54), удовлетворенность собственной деятельностью в группе (0,82). При этом полученные результаты частотного анализа демонстрируют, что большинство как девушек (49 %), так и юношей (65 %) в качестве группы, в которую они включены, называют семью (рисунок 27).

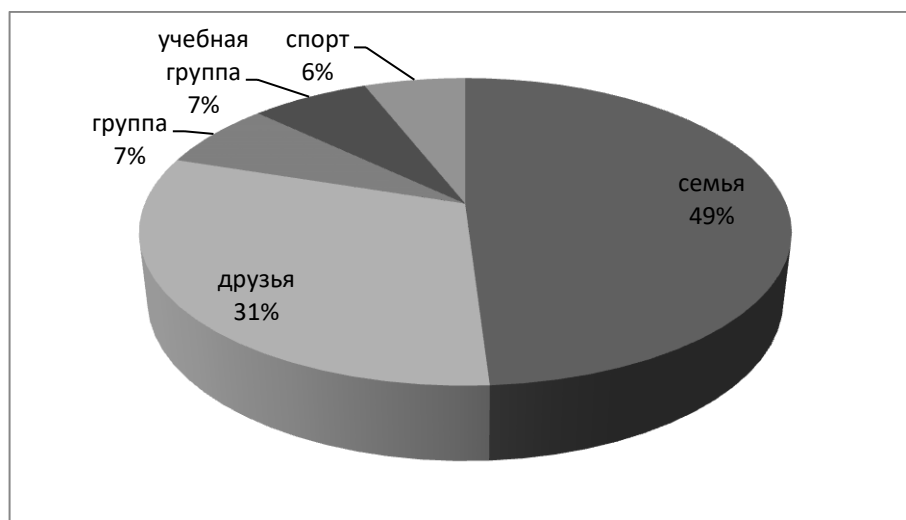

Рисунок 27. Процентное распределение девушек по группам, в которые они включены

На втором месте у девушек стоит группа друзей (31 %), тогда как у юношей (рисунок 28) наиболее привлекательной группой после семьи является спортивная секция (20 %) и только потом компания друзей (10 %).

В третий фактор вошли шесть переменных с положительными нагрузками более 0,5, связанные с социальным принятием, среди которых наибольшую нагрузку имеет переменная субъективного благополучия личности (0,97).

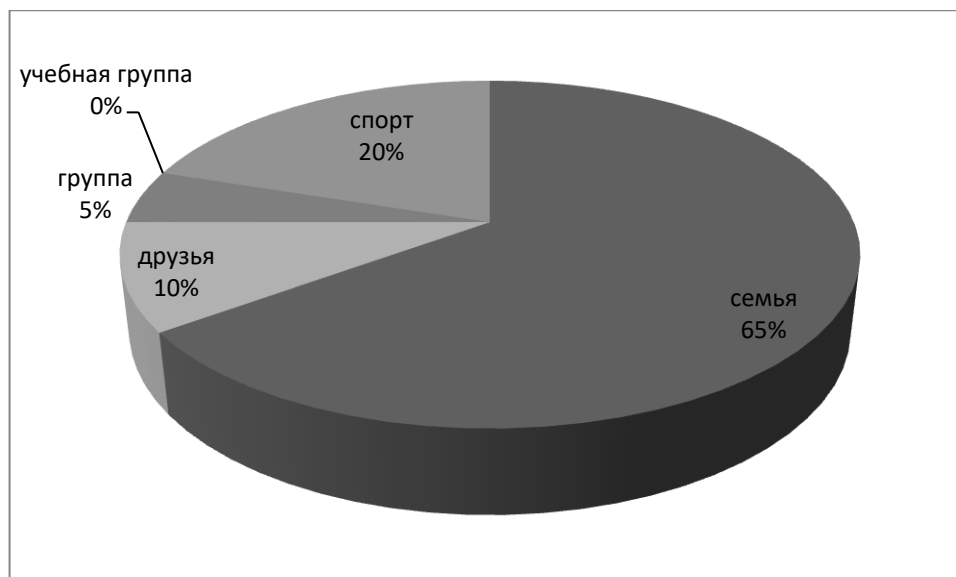

Рисунок 28. Процентное распределение юношей по группам, в которые они включены

С точки зрения А. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn and J. Chiche [394], субъективное благополучие связано с нормативными идеальными представлениями индивида о качестве жизни, в случае обладания социально-желательными качествами, позволяющими достичь этого уровня; субъект ощущает субъективное благополучие, которое сопровождается позитивными переживаниями. В обратном случае, несовпадение образа жизни личности с идеальными нормативами и отсутствие социально-желательных качеств сопряжены с преобладанием негативного эмоционального спектра, подавленности, депрессивности, быстрой смены настроений (-0,68), выраженностью напряженности и чувствительности (-0,58), психоэмоциональной симптоматики, нарушением сна, общим беспокойством (-0,81), переживанием за свое здоровье (-0,62). При этом у таких респондентов выражена социальная фрустрированность (-0,52) и социальный самоконтроль (-0,5), что тесно связано с переживаемым эмоциональным дискомфортом, выступающим одним из критериальных признаков субъективного благополучия. В контексте полученных в нашей работе данных приведем результаты исследования социализации личности подростков с делинквентным поведением Н. А. Белевич [37], которая выявила шесть системообразующих факторов социализации делинквентных

подростков с суммарной дисперсией 71 %: самосознание (20,03 % дисперсии), патопсихологическая симптоматика (16,55 % дисперсии), социальный интеллект (10,91% дисперсии), социальная приемлемость ценностно-мотивационной сферы подростков (8,37 % дисперсии), волевая регуляция активности (8,09 % дисперсии), поведенческие возможности социализации (7,21 % дисперсии). В статье S. M. Hunt [490] было показана взаимосвязь психической восприимчивости, психосоматических нарушений, которые являются следствием неблагоприятных социальных обстоятельств, и нарушенного социального функционирования. J. R. Graham, C. Bradshaw, S. Surood & T. J. V. Kline [471] посредством регрессионного анализа выявили несколько предикторов субъективного благополучия в профессиональной сфере, которыми выступили социально-демографические, трудовые и стрессовые переменные, объясняющие в общей совокупности более чем 52% общей изменчивости удовлетворенности. A. Badoux and G. A. Mendelsohn [394] оценили выраженность психосоциальных факторов у 388 взрослых, посещающих французские центры, специализирующиеся на проблемах, связанных с изоляцией личности. Авторы установили, что респонденты характеризуются чрезмерной чувствительностью в межличностных отношениях, выраженным стрессом, чувствуют себя напряженными, что в целом отражает снижение по показателю психосоциальное принятие.

Факторный анализ по выборке кадетов и школьников (N=396) проводился по трем методикам: «Анкета социализации» Ф. Прюса, «Диагностика социально-психологической адаптированности» (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонда, «Социализированность личности учащегося» (СЛЮ) М. И. Рожкова, включающим в совокупности 20 признаков. Факторизация матрицы на три компонента была слабо обусловлена, причем некоторые признаки не имели высокой нагрузки ни по одному фактору, вследствие чего были исключены из модели. Результаты применения факторного анализа для подростков показали, что по критерию Р. Кетелла можно выделить три фактора с объяснительной силой более 61 % и с собственными значениями, превышающими единицу (таблица 39). Итоговая

модель состояла из 20 признаков, имеющих максимальные нагрузки только по одному фактору.

Таблица 39

Факторные нагрузки, метод главных компонентов
с вращением «варимакс-нормализованное» (N=396) в подростковой группе

Признаки	Фактор 1 Социальная удовлетво- ренность	Фактор 2 Социаль- ное принятие	Фактор 3 Социальная активность
Удовлетворен ситуацией в своей учебной жизни	0,69	0,21	-0,00
Удовлетворен учебной/профессиональной карьерой	0,68	0,14	0,14
Удовлетворен взаимоотношениями с окружающими людьми	0,67	0,17	0,06
Удовлетворен материальным положением своей семьи	0,66	0,18	0,17
Устраивает в семье	0,62	0,16	0,45
Удовлетворен реализацией своих способностей	0,60	0,31	0,02
Удовлетворен общением с друзьями	0,59	0,07	0,17
Удовлетворен взаимоотношениями с членами семьи	0,59	0,32	0,37
Удовлетворен ситуацией в личной жизни	0,59	0,18	0,05
Я успешный человек	0,53	0,22	0,24
Удовлетворен собственной деятельностью в группе	0,51	-0,07	-0,06
Адаптация	0,10	0,94	0,01
Принятие других	0,24	0,89	0,01
Эмоциональная комфортность	0,24	0,86	-0,01
Принятие себя	0,14	0,83	0,07
Социальная изолированность	-0,26	-0,58	0,04
Адаптированность	0,21	0,03	0,74
Внес изменения в деятельность в группе	0,08	-0,14	0,67
Социальная активность	0,11	0,30	0,66
Внес изменения во взаимоотношения в группе	0,30	-0,05	0,63
Нравственность	-0,18	0,41	0,63
Внес изменения в учебу/ в профессиональную деятельность	0,15	-0,14	0,55
Автономность	-0,27	0,45	0,55
Собств. знач.	7,64	3,18	2,65
% дисперсии по факторам	39,77	12,22	10,20
% общей дисперсии		62,19	

В первый фактор вошли 11 переменных с положительными факторными нагрузками более 0,5, объясняющие 39 % общей изменчивости и отражающие удовлетворенность подростков в учебной деятельности, в семье, в межличностных отношениях и общением с друзьями, в собственной личности. В целом можно охарактеризовать данный фактор как социальная удовлетворенность подростком его приобщения к группам и видам деятельности, которые имеют место в жизненном пространстве учащегося. Данный фактор отражает успешность личности подростка, его зрелость в реализации стратегий адаптации структуры личности, выраженной в виде стремления к самоактуализации, удовлетворенности учебной деятельностью и межличностными отношениями в семье и в ближайшем окружении. Таким образом, можно назвать первый фактор – социальная удовлетворенность.

Второй фактор включает в себя четыре переменных с положительными нагрузками более 0,8 и одной отрицательной нагрузкой, объясняющий 12 % дисперсии. Наибольшую нагрузку имеет переменная адаптация (0,94), что свидетельствует о способности респондентов к высокой выживаемости индивида в группе и соответствии его целей и целей группы. При этом такое взаимосоответствие достигается вследствие как принятия собственной личности (0,83), так и принятия окружающих людей (0,89). Такие подростки являются включенными в учебную и общественную деятельность, не чувствуют себя социально изолированными в школьном пространстве (-0,58). Изложенное позволяет обозначить данный фактор как социальное принятие.

И наконец, последний фактор с изменчивостью (10 %) состоит из семи переменных с высокими положительными нагрузками, отражающих социальную активность подростков. Подростки с высокими значениями по третьему фактору испытывают потребность в активной деятельности и активном изменении социального пространства (0,66). Испытуемые внесли бы изменения в деятельность в группе (0,67), во взаимоотношения в группе (0,63), в учебу (0,55). При этом они обладают высоким адаптивным потенциалом (0,74), нравственностью (0,63) и автономностью (0,53). Как отмечают ряд

исследователей, адаптация не является пассивным процессом, а представляет активное преобразование окружающей среды и самого себя. В данном случае мы можем наблюдать потребность подростков в преобразовании учебной деятельности и деятельности группы, взаимоотношений с окружающими людьми, будучи при этом достаточно независимыми. В этой связи третий фактор можно обозначить как социальная активность.

Таким образом, мы можем констатировать наличие трех компонентов социализации как у подростков, так и у представителей юношеского возрастного периода. Необходимо подчеркнуть, что в обеих группах факторные модели объясняют более 60 % изменчивости (рисунок 29).

Рисунок 29. Факторная структура социализации молодежи ⁴

⁴ Первая цифра отражает дисперсию по выборке студентов и курсантов, вторая – в выборке подростков.

Важно обратить внимание на тот факт, что для респондентов в период молодости наиболее явно представлен фактор, отражающий социальную активность личности (объясняет 35,38 % общей изменчивости). В то же время у подростков указанный фактор занимает третье место с объяснительной силой 10,2 %. С точки зрения Р. М. Шамионова, социальная активность, выступая эффектом социализации, предусматривает эксплицирование инициативно-творческого отношения к собственной личности, с окружающим людям и к сферам жизнедеятельности в социальном пространстве, что наиболее явно выражено в период молодости. Более того, социальная активность, по мнению автора, может быть представлена в виде системы со сменными детерминантами, в качестве которых выступают социальные потребности личности, социокультурные нормы, ценности, личностные качества [343]. Согласно выдвинутому в работе предположению и основным положениям представителей символического интеракционизма социализация представляет ролевое освоение. В рамках данного понимания социализации предполагается определение детерминации и взаимодетерминации ролевых компонентов, мотивов и социального функционирования молодежи посредством применения структурного моделирования и множественного регрессионного анализа.

В рамках множественного регрессионного анализа предполагалось определение ролевых предикторов социализации в каждой из пяти основных жизненных сфер. Напомним, что предикторами выступают ролевые модели, а переменными откликами выступают три интегральных фактора (социальная активность, социальная удовлетворенность и психосоциальное принятие). Пошаговый множественный регрессионный анализ осуществлялся на всей эмпирической выборке (было установлено отсутствие мультиколлинеарности по всем моделям, таблицы 13–16 Приложение 3). Отметим, что были получены статистически значимые регрессионные модели (таблица 40). Установлен статистически значимый ($p < 0,05$) вклад ролевых предикторов в четырех сферах (семейной, профессиональной, неформальных контактов и интимно-сексуальной (таблицы 1–12 Приложение 3).

Представим регрессионные модели для трех интегральных переменных-откликов в семейной сфере.

Таблица 40

**Итоговые статистики регрессионной модели
для зависимых интегральных переменных в семейной сфере**

Статистики	Социальная активность	Социальное принятие	Социальная удовлетворенность
Множест. R	0,757	0,806	0,744
Множест. R ²	0,573	0,650	0,553
F(11,218)	26,613	32,063	27,123
p	0,000	0,000	0,000
Стд. Ош. Оценки	0,696	0,645	0,710

1. «Социальная активность»= $7,61+0,65$ (Отец)+ $0,59$ (Герой)- $0,42$ (Трикстер)+ $0,41$ (ЛРК)+ $0,40$ (Мать) при $R=0,76$, $p=0,000$ с объясняющей силой более 57 %.

2. «Социальное принятие»= $1,01+2$ (Дева)+ $1,8$ (Девочка)+ $1,75$ (Мать)- $0,95$ (Ведьма)- $0,52$ (ЛРК) при $R=0,8$, $p=0,000$ с объясняющей силой 65 %.

3. «Социальная удовлетворенность»= $0,56+0,43$ (Девочка)+ $0,32$ (Мать)- $0,28$ (Трикстер)+ $0,27$ (Дева)+ $0,26$ (Отец) при $R=0,74$, $p=0,000$ с объясняющей силой более 55 %.

Итак, регрессионный анализ свидетельствует о прогностическом влиянии ролевых моделей на интегральные факторы социального функционирования в семейной сфере. Социальную активность молодежи, направленную на удовлетворение потребностей в семейной сфере, детерминируют в основном ролевые модели Отца, Героя и Матери. Общими для этих моделей является социальная направленность и созидательная активность. Каждая из указанных ролевых моделей приносит определенный вклад в создание и сохранение семьи. Ролевая модель Матери стремится к поддержке гармонии в отношениях с членами семьи, окружению близких заботой и вниманием. Ролевая модель Отца обеспечивает защиту и руководство в семье. Ролевая модель Героя отражает независимость позиции молодого человека в семейных отношениях, которая дополняется ориентацией на индивидуальные ценности и интересы (высокий

локус ролевого конфликта). В то же время неприемлемой в семейной сфере является ролевая модель Трикстера, характеризующаяся конфликтностью, безответственностью, беспринципностью и дезорганизацией семейных укладов.

Социальное принятие в семейной сфере опосредуется женскими ролями, вносящими как положительный статистически значимый вклад, так и отрицательный (ролевая модель Ведьмы). Посредством ролевой модели Матери молодежь готова выражать сочувствие и помощь на уровне самоотверженности и самопожертвования. Подчинение и послушание в семье реализуется через ролевые модели Девы и Девочки, усиливающиеся конформностью (низкий локус ролевого конфликта). Тогда как ролевая модель Ведьмы вносит конфликтность и мстительность в семейный уклад. И, наконец, социальная удовлетворенность семейными отношениями достигается все теми же женскими ролевыми моделями, к которым добавляется ролевая модель Отца с положительным вкладом и ролевая модель Трикстера с отрицательным вкладом. В этой связи можно утверждать, что удовлетворенность взаимоотношениями с членами семьи, материальным положением своей семьи достигается за счет стремления к поддержке гармонии в отношениях с членами семьи, уступчивости в отношениях с близкими, ответственности за сохранение благоприятной семейной обстановки.

Полученные регрессионные модели для трех интегральных переменных-откликов в сфере неформальных контактов также являются статистически значимыми и образуются ролевыми предикторами, имеющими статистически значимый вклад (таблица 41).

Таблица 41

Итоговые статистики регрессионной модели
для зависимых интегральных переменных в сфере неформальных контактов

Статистики	Социальная активность	Социальное принятие	Социальная удовлетворенность
Множест. R	0,637	0,525	0,742
Множест. R ²	0,406	0,481	0,551
F(11,218)	30,562	42,243	29,945
p	0,000	0,000	0,000
Стд. Ош. Оценки	0,810	0,602	0,657

1. «Социальная активность»= $10,4-1,11$ (Старуха)+ $1,08$ (Дева)- $1,02$ (Трикстер)- $1,02$ (Ведьма)+ $0,98$ (Герой)+ $0,95$ (Отец)- $0,91$ (Старик)- $0,04$ (ЛРК) при $R=0,63$, $p=0,000$ с объясняющей силой более 40 %.

2. «Социальное принятие»= $7,13+0,82$ (Мать)- $0,5$ (Ведьма)+ $0,48$ (Дева) при $R=0,52$, $p=0,000$ с объясняющей силой более 48 %.

3. «Социальная удовлетворенность»= $5,43-1,41$ (Старик)+ $0,89$ (Девочка)+ $0,57$ (Герой)+ $0,48$ (Дева)+ $0,26$ (Мальчик)+ $0,23$ (ЛРК) при $R=0,74$, $p=0,000$ с объясняющей силой более 55 %.

По-прежнему ролевые модели с деструктивной направленностью (ролевая модель Ведьмы и Трикстера) вносят отрицательный вклад в социальную активность и психосоциальное принятие. Это свидетельствует о том, что в ролевых моделях, используемых в неформальных контактах у молодежи, неприемлемы роли, реализующие такие установки в общении, как подозрительность, враждебность, вспыльчивость, импульсивность и раздражительность, усиливающиеся ориентацией на внутренние убеждения в противовес общественным нормам. Остается в приоритете ролевая модель Девы, позволяющая достигать компромисса в межличностных отношениях. Осуществленные нами ранее исследования совместно с С. Б. Перевозкиным и О. О. Андронниковой [20; 253; 260; 261] показали, что чем выше ролевая представленность в сфере контактов ролевой модели Девы и Девочки у представительниц женского пола, характеризующегося конформностью, ориентацией на мнение окружающих, чувствительностью, тем больше они удовлетворены взаимоотношениями с окружающими. В то же время ролевая модель Отца более выражена у подростков мужского пола и связана с желанием включения в большое количество групп и удовлетворенностью общением с друзьями. Таким образом, интервальный ролевой конфликт и деструктивные роли Ведьмы и Трикстера способствуют негармоничному межличностному взаимодействию, они имеют трудности в установлении и удержании близких, дружеских отношений, ориентированы на разрушение межличностных отношений. Согласно J. L. Terrion, M. Rocchi & S. O'Rielly [607] молодежь,

оценивающая свое качество дружбы как низкое, демонстрирует асоциальное поведение и злоупотребление психоактивными веществами. С другой стороны, реализация в межличностном взаимодействии соответствующей роли по полу и возрасту позволяет испытывать эмоциональный комфорт от своего нахождения в группе и эффективного общения. Результаты исследования Н. Gerardy, N. S. Mounts, A. E. Luckner & D. P. Valentiner [461] показали, что подростки с активным взаимодействием со сверстниками демонстрируют высокий уровень просоциального поведения и хорошую социальную интеграцию в группу.

Интересным фактом стал отрицательный вклад ролевой модели Старухи и Старика в психосоциальную удовлетворенность и социальную активность. Ролевая модель Старухи отличается обращенностью во внутренний мир, замкнутостью, занудством, сварливостью. Роль Старика в межличностном взаимодействии сопровождается ригидностью, стереотипностью, надменностью и нравоучениями в межличностных отношениях, как следствие, уход от активного общения, навязывание своего мнения обуславливают снижение социальной активности и социальной удовлетворенности. А. М. La Greca & Н. М. Harrison [516] показали, что чем положительнее подростки оценивают качество дружбы и отмечают активное социальное взаимодействие со сверстниками, имеющими высокий социальный статус, тем менее у подростков выражены чувство социальной тревоги и депрессивные состояния.

Представим регрессионные модели для трех интегральных переменных-откликов в профессиональной сфере (таблица 42).

Таблица 42

Итоговые статистики регрессионной модели
для зависимых интегральных переменных в профессиональной сфере

Статистики	Социальная активность	Социальное принятие	Социальная удовлетворенность
Множест. R	0,885	0,745	0,771
Множест. R ²	0,784	0,693	0,659
F(11,218)	68,644	151,459	99,986
p	0,000	0,000	0,000
Стд. Ош. Оценки	0,462	0,322	0,479

1. «Социальная активность»= $0,85+0,89$ (Отец)+ $0,54$ (Герой)– $0,39$ (Трикстер)+ $0,14$ (Ведьма) при $R=0,89$, $p=0,000$ с объясняющей силой более 78 %.

2. «Социальное принятие»= $0,17+0,51$ (Мать)+ $0,36$ (Отец)+ $0,19$ (Дева)– $0,1$ (Ведьма) при $R=0,75$, $p=0,000$ с объясняющей силой более 69 %.

3. «Социальная удовлетворенность»= $1,44+0,43$ (Герой)+ $0,34$ (Дева)+ $0,33$ (Отец)– $0,33$ (Трикстер) при $R=0,77$, $p=0,000$ с объясняющей силой более 65 %.

Полученные статистически значимые регрессионные модели демонстрируют, что социальная активность образована ролями с активной жизненной позицией, направленными на преодоление препятствий, стремление занять центральную роль в совместной деятельности, постановку завышенных целей (роль Героя), способность к руководящей работе, требующей использования властных полномочий (роль Отца), соперничества, напористости в профессиональных отношениях (роль Ведьмы). Неприемлемое ролевое поведение в профессиональной сфере связано с импульсивностью и хаотичностью (роль Трикстера). Согласно исследованиям, проведенным X. Yang, X. Wang, L. Zhang & J. C. Weidman [630], волевая деятельность китайских студентов статистически значимо связано с гендерными ролевыми конфликтами и интернализацией профессиональной роли.

В социальное принятие в профессиональной сфере доминирующий вклад вносят две ролевые модели (Отец и Мать), обеспечивающие заботу и помощь окружающим, служение человечеству. Тогда как социальная удовлетворенность в большей степени обуславливается ролевыми моделями Героя, Девы и Отца, предполагающими осуществление в ролевом поведении последовательного выполнения инструкций, преодоления препятствий и способности к руководящей работе. Такая на первый взгляд конфликтная и своеобразная конфигурация ролевых моделей свойственна военным служащим. С одной стороны курсанты получают навыки защитника Родины (роль Героя), будущего командира (роль Отца). Приобщение к миру военным служащим, закрытому мужскому сообществу отражает те же функции инициации молодого человека, способного защитить, и только в этом случае он может стать настоящим мужчиной, героем [267].

Полученные нами данные согласуются с результатами исследований К. Wells [626], доказавшей важность у курсантов таких качеств, как маскулинность и стремление к риску. С другой стороны, в процессе обучения курсанты осваивают беспрекословное подчинение нормативам и уставу воинского сообщества. Представим регрессионные модели для трех интегральных переменных-откликов в интимно-сексуальной сфере (таблица 43).

Таблица 43

Итоговые статистики регрессионной модели
для зависимых интегральных переменных в интимно-сексуальной сфере

Статистики	Социальная активность	Социальное принятие	Социальная удовлетворенность
Множест. R	0,878	0,857	0,782
Множест. R ²	0,771	0,735	0,612
F(11,218)	92,824	67,627	29,804
p	0,000	0,000	0,000
Стд. Ош. Оценки	0,468	0,313	0,388

1. «Социальная активность»=13,31+1,22 (Трикстер)+0,93 (Ведьма)+0,81 (Герой)+0,12 (ЛРК) при R=0,88, p=0,000 с объясняющей силой более 77 %.

2. «Социальное принятие»=1,9+2,5 (Дева)–1,69 (ЛРК)–0,7 (Старуха)–0,5 (Трикстер) при R=0,86, p=0,000 с объясняющей силой более 74 %.

3. «Социальная удовлетворенность»=4,95+0,58 (Дева)+0,32 (Ведьма)+0, 26 (Герой)–0,16 (Старик)+0,15 (Трикстер) при R=0,78, p=0,000 с объясняющей силой более 61 %.

Сексуальная сфера обращает внимание на определенную ролевую инверсию – доминирующий положительный вклад почти во все переменные отклики вносят ролевые модели Ведьмы и Трикстера. Эти роли обладают поистине высокой сексуальной энергией, обеспечивая сексуальную активность, страсть, легкость и непринужденность в интимных отношениях при отсутствии самоконтроля над импульсами тела. Не исчезают из поля зрения ролевые модели Героя и Девы, реализующие у молодежи ролевое поведение в интимно-сексуальной сфере в виде женской и мужской сексуальности. Неприемлемой ролевой моделью выступают роли Старика и Старухи, предполагающие

доминирование духовной близости в противовес сексуальной активности. Безусловно, существующее мнение о снижении сексуальной активности в период старости в настоящее время опровергнуто во многих исследованиях [424; 473; 529]. Так, в исследованиях S. K. Malakouti et al [529] установлено, что сексуальное взаимодействие было очень важным для женщин иранских пенсионеров (56,6 % мужчин и 17,0 %) при одинаковой удовлетворенности сексуальной жизнью (N=390). Доказательство сексуальной активности пожилых женщин было представлено в работе S. R. Leiblum, R. M. Baume & S. H. Croog [519]. Однако авторы также продемонстрировали, что показатели качества жизни не отличались между воздерживающимися от интимной близости и сексуально активными пожилыми женщинами. Вместе с тем для периода молодости данные роли однозначно воспринимаются как асексуальные или даже сексуально отталкивающие – Старуха и Старик по 22 % (таблица 32).

Проведенный регрессионный анализ свидетельствует о прогностическом влиянии ролевых моделей на три интегральных фактора социального функционирования в жизненных сферах. В рамках серии исследований мы пришли к ряду значимых следствий. Во-первых, ролевая дифференциация зависит от конкретной сферы бытия и это еще раз демонстрирует наличие полисистемного принципа, предусматривающего многомерную социальную реальность, в которую включена социализирующаяся личность. Каждая сфера предполагает объединение определенных ролей в иерархической последовательности. В частности, построенные регрессионные модели социального функционирования молодежи включают ролевые модели, вносящие различный вклад в общую модель. Наибольший вклад отражает актуальную ролевую модель для конкретной жизненной сферы, уменьшение вклада свидетельствует о потенциальной и резервной позициях ролевых моделей. Отрицательный вклад ролевой модели демонстрирует ее отвержение в данной сфере. Таким образом, в рамках применения множественного регрессионного анализа мы еще раз убедились в том, что субсистемный уровень представляет функциональные образования, наполняющиеся определенными ролевыми

моделями. Следовательно, социализирующаяся личность состоит из множества полисистем, репрезентированных в ней в виде культурных универсалий, основных ролей и их взаимодействия в различных жизненных сферах, в которые она (личность) онтологически встроена. Более того, такое рассмотрение результатов исследования отражает принцип «потенциальной неограниченности». Это конкретно проявляется в том, что отдельная социальная ситуация (жизненная сфера) предполагает приспособление к конкретным условиям и требует от субъекта актуализации одной из имеющихся в его арсенале ролевых моделей поведения. При этом в пластах человеческого бессознательного одновременно присутствуют варианты других, потенциальных ролей, располагающихся близко к актуальной ролевой модели. В этом случае мы определенно наблюдаем существование устойчивых ролевых соотношений в каждой жизненной сфере, представляющих ролевой тезаурус личности.

Во-вторых, иерархический вклад ролевых моделей в общую изменчивость факторов социализации в каждой отдельной сфере отражает центральную позицию для систем темпорального типа, которая раскрывается в двойственности синхронической и диахронической организации. В частности, разделение всего ролевого пространства на две зоны. Первая зона – это актуальные роли, «работающие» на цель и потребность индивида, участвующие в реализации ролевого поведения. Вторая зона – это латентные или потенциальные роли, выступающие ролевым резервом для личности. Полученные в этой части исследования результаты с убедительностью доказывают необходимость учета временной системности ролевой социализации личности. Так, иерархичность в регрессионных моделях ролей в виде вклада каждой роли демонстрирует временное структурирование для систем темпорального типа. Актуальная ролевая модель имеет наибольший вклад. Чем меньше вклад, тем более вероятно, что перед нами потенциальная или резервная ролевая модель. Отвержение определенной ролевой модели демонстрирует отрицательный вклад.

В-третьих, в рамках полученных результатов реализуется один из принципов темпоральной системности – принцип сменной детерминации. Суть

этого принципа заключается в том, что состав и структура детерминационных факторов предполагают их развертывание во времени. Каждый последующий этап реализуется с опорой на результаты, которые были получены на предыдущих уровнях и этапах. При этом детерминанты генерируются на каждом этапе и являются благоприятными предпосылками для последующего функционального развертывания. Это свидетельствует о таком свойстве систем темпорального типа как самодетерминация. Согласно этой особенности системы или системные комплексы (к которым относится ролевая социализация) временного типа способны не только к генерированию какого-либо обобщенного результата, но и к использованию этого результата в качестве условия своего функционирования. В своем роде – это темпоральная координация системы.

В-четвертых, подходя к анализу общесистемного и надсистемного уровней, демонстрирующих формирование синергетических эффектов и нового процессуального содержания, составляющего специфику этих уровней, мы предполагали выявление интегративных эффектов. В этом плане мы обнаружили, что множественный регрессионный анализ, позволяет определить не столько отдельное влияние предикторов на переменную отклик, сколько их взаимное воздействие. В этом случае мы не только видим значимый вклад каждой ролевой модели (предиктора) в социальное функционирование личности, но и можем точно сказать о доле их совместного вклада в переменную отклика. Следовательно, в плане ролевой обусловленности социального функционирования молодежи имеют место эффекты «супераддитивности», свидетельствующие об интегрированности этого процесса. Кроме того, такое взаимовлияние носит характер структурной детерминации, т. к. множественный коэффициент детерминации (R^2) выступает отчетливым индикатором инвариантной структуры компонентов, который является статистически значимым. В этой связи важно зафиксировать, что именно на системном и метасистемном уровнях формируются новые возможности, позволяющие выйти за пределы анализа отдельного влияния ролевых моделей на социальное функционирование, и рассматривать уже их совместную структурную

детерминацию. Значит, объединение ролевых моделей превосходит простую их совокупность и представляет целостный синтез ролевых моделей, который напрямую обеспечивает интеграцию систем. Следовательно, системные качества выступают как операциональные средства и интегративные механизмы, обеспечивающие эффективность ролевой социализации.

В-пятых, указанные выше эффекты супераддитивности, отчетливым индикатором которых выступает коэффициент множественной детерминации (R^2), свидетельствуют о существовании в ролевой социализации более глубинного механизма – трансформации системных качеств в функциональные. Это подробно раскрывается в характере именно структурной детерминации (R^2 варьируется во всех моделях от 41 % до 79 %). Следовательно, можно наблюдать, что итоговый обобщённый результат не сводим к аддитивной совокупности парциальных итераций, но имеет новые – атрибутивно-системные – качества. Полученные результаты со всей очевидностью эксплицируют один из принципов темпоральной системности – принцип сменной детерминации. Суть этого принципа заключается в том, что состав и структура детерминационных факторов предполагают их развертывание во времени. Каждый последующий этап реализуется с опорой на результаты, которые были получены на предыдущих уровнях и этапах. При этом детерминанты генерируются на каждом предыдущем этапе и являются благоприятными предпосылками для последующего функционального развертывания. Это свидетельствует о таком свойстве систем темпорального типа, как самодетерминация. Согласно этой особенности системы или системные комплексы (к которым относится ролевая социализация) временного типа способны не только к генерированию какого-либо обобщенного результата, но и к использованию этого результата в качестве условия своего функционирования. В своем роде – это темпоральная координация системы. Таким образом, происходит превращение результатов в процесс. Более того, эти результаты на субсистемном уровне оказываются атрибутивно связанными друг с другом структурной и функциональной связью. Но связь эта представлена уже не как единичная, а в виде интеграции компонентов, которые детерминируют

события, следующие за ними во временной цепочке. Следовательно, целостный синтез ролевых моделей превосходит их аддитивную совокупность и обеспечивает интеграцию в рамках системного комплекса, что составляет основу функциональной организации сложных систем.

В-шестых, была зафиксирована еще одна отличительная особенность ролевой социализации в ходе множественного регрессионного анализа, вскрывающая связь между компонентами и их комплексами с общей целью системного комплекса. Действительно, какую бы мы не рассматривали сферу жизнедеятельности, целью ролевой социализации, в любой из таких сфер будет установление оптимального социального функционирования, обусловленного кластерами ролевых моделей. В этом контексте данная цель выступает системообразующим фактором.

Полученные результаты вскрывают тот факт, что детерминационные отношения меняются на целевые, что отражает феномен временной инверсии. Суть этого феномена заключается в смене принципа детерминации на целевой принцип, когда цель выступает в виде основной детерминанты для организации всего процесса, всего содержания ролевой социализации. Фактически было доказано, что цель выступает системообразующим фактором для ролевой социализации, относящейся к системному комплексу субстанционального и темпорального типа.

Изучая «эффекты супераддитивности» и установление причинно-следственных связей, обратимся к еще одному исследованию, предполагающему построение общей модели ролевой социализации посредством структурного моделирования. В качестве экзогенных переменных в данной модели выступили мотивационные образования (система личности), в качестве эндогенных – основные ролевые модели (система социального) и социализация молодежи (результат социализации), выраженная в трех интегральных факторах: социальная удовлетворенность, социальная активность и социальное принятие (рисунок 30).

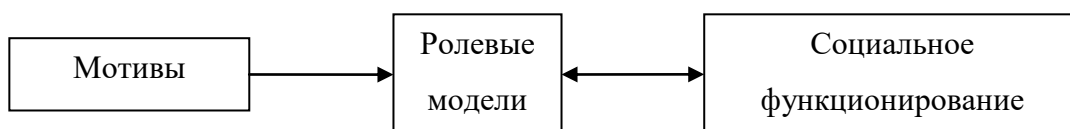

Рисунок 30. Модель путей ролевой социализации

На основании предполагаемой модели был проведен анализ путей. Результаты применения структурного моделирования позволяют установить причинно-следственные связи (таблица 44). Процесс итерации на 5 шаге сошелся успешно (значение максимума косинуса остатков приближено к нулю). Структурная модель является устойчивой к умножению на постоянный множитель масштаба (значение CFI – сравнительного критерия согласия равно 0,94), следовательно, модель согласована. Нам удалось установить, что построенная модель адекватно описывает ковариационную структуру данных, отражая точное соответствие модели исходным данным (χ^2 -Пирсона=67,3 при $p=0,000$); квадратичная усредненная ошибка аппроксимации RMSEA меньше 0,05.

Таблица 44

Результаты структурного моделирования

Параметры	Значение
CFI (Comparative Fit Index)	0,094
RMSEA (root mean) square error of approximation)	0,043
Maximum Residual Cosine	6,245–0,005
χ^2 -Пирсона	67,281
Probability level	0,000

Стандартные ошибки путей варьируются от 0,65 до 0,57 (таблица 45). Было установлено статистически значимое влияние всех мотивов на ролевое функционирование ($p<0,05$).

Таблица 45

Результаты оценивания влияния мотивов на основные роли в модели

Роли	Направл. связи	Мотив	Estimate	S.E.	t-test.	p
Старуха	<---	в дистанции	,180	,067	1,331	,043
Старик	<---	в дистанции	,249	,068	1,725	,049
Мать	<---	в заботе	,038	,066	1,115	,048
Мать	<---	в близости	,087	,066	1,863	,048

Роли	Направл. связи	Мотив	Estimate	S.E.	t-test.	p
Дева	<---	в близости	,128	,065	1,252	,051
Отец	<---	в успехе	,025	,067	1,874	,050
Герой	<---	в успехе	,084	,067	1,105	,049
Герой	<---	в переменах	,244	,067	1,730	,046
Дева	<---	в переменах	,064	,065	4,083	,000
Трикстер	<---	в агрессии	,279	,065	3,530	,000
Ведьма	<---	в агрессии	,190	,067	2,387	,017
Девочка	<---	во внимании	,218	,067	2,061	,039
Мальчик	<---	во внимании	-,233	,067	-2,328	,020

Мотив в дистанцировании обуславливает выбор таких ролевых моделей, как Старик и Старуха ($t=1,33$; $1,73$ при $p<0,05$). Мотивы в заботе детерминируют выраженность ролевой модели Матери, а в близости еще и Девы ($t=1,12$; $1,86$ при $p=0,048$), в успехе – роль Отца и Героя ($t=1,11$; $1,87$ при $p<0,05$). Ролевые модели Дева и Герой обусловлены мотивом в переменах ($t=4,08$; $1,73$ при $p<0,05$), Трикстер и Ведьма – мотивом в агрессии ($t=2,38$; $3,53$ при $p<0,02$), а Девочка – мотивом во внимании ($t=2,06$ при $p=0,04$), которая имеет отрицательную ковариацию с ролевой моделью Мальчика.

Также была обнаружена статистически значимая ковариационная связь между основными ролями и факторами социализации, за исключением ковариации роли Героя и социального принятия, роли Девы и социальной активности, роли Отца и социального принятия (таблица 46).

Таблица 46

Оценка ковариационной связи между ролями, локусом ролевого конфликта и факторами социального функционирования

Ролевые модели	Направленность связи	Факторы социального функционирования	Estimate	S.E.	t-test.	P
e1 Старуха	<-->	e12 Удовлетворенность	,060	,066	1,601	,050
e2 Старик	<-->	e12 Удовлетворенность	,178	,066	1,723	,000
e3 Мать	<-->	e12 Удовлетворенность	-,043	,065	-1,280	,050
e4 Отец	<-->	e12 Удовлетворенность	,061	,066	2,050	,040
e5 Дева	<-->	e12 Удовлетворенность	,150	,064	1,256	,009
e7 Ведьма	<-->	e12 Удовлетворенность	-,080	,066	-1,833	,047

Ролевые модели	Направленность связи	Факторы социального функционирования	Estimate	S.E.	t-test.	P
e5 Дева	<-->	e14 Принятие	,128	,065	1,738	,001
e6 Герой	<-->	e14 Принятие	,003	,067	0,012	,311
e9 Девочка	<-->	e14 Принятие	,016	,063	1,251	,050
e10 Мальчик	<-->	e14 Принятие	,019	,066	1,283	,050
e4 Отец	<-->	e14 Принятие	,007	,064	0,205	,228
e6 Герой	<-->	e13 Активность	,130	,068	2,754	,006
e5 Дева	<-->	e13 Активность	,000	,067	0,865	,387
e8 Трикстер	<-->	e13 Активность	-,068	,066	-2,093	,036
e4 Отец	<-->	e13 Активность	,128	,066	2,572	,007
e3 Мать	<-->	e14 Активность	,061	,066	1,173	,050
e7 Ведьма	<-->	e11 ЛРК	,054	,065	1,363	,046
e8 Трикстер	<-->	e11 ЛРК	,030	,068	1,754	,046

Положительная ковариационная связь зафиксирована между ролевыми моделями Старуха, Старик, Отец и Дева с интегральным фактором социальная удовлетворенность ($t=1,3; 2,1$ при $p \leq 0,05$). С данным фактором было выявлено две отрицательные ковариации с ролевыми моделями Матери и Ведьмы ($t=-1,3; -1,8$ при $p \leq 0,05$). Также было обнаружено две положительные ковариации между ролевыми моделями Трикстера и Девы локусом ролевого конфликта ($t=1,36; 1,75$ при $p \leq 0,05$), что позволяет говорить о наличии интернального локуса ролевого конфликта при выраженности данных ролевых моделей.

Ролевые модели Девы, Девочки и Мальчика имеют положительную ковариационную связь с интегральным фактором социальное принятие ($t=1,3; -1,7$ при $p \leq 0,05$). Выявлены положительные ковариационные связи между интегральным фактором социальная активность и ролевыми моделями Отец, Мать и Герой ($t=1,2; -2,8$ при $p \leq 0,05$) и отрицательная с ролевой моделью Трикстера ($t=-2,09$ при $p \leq 0,036$). Кроме того, в данной модели помимо общей части весового вклада детерминирующих переменных – основных ролей и интегральных факторов социализации – были включены остаточные латентные переменные (E – ошибка или единичная дисперсия) с коэффициентом детерминации равным 1, которые также обнаруживают взаимодействие между собой (рисунок 31). Эти переменные, по мнению О. В. Митиной [231],

представляют дополнительные специфические переменные, которые данная модель не учитывает в силу своей ограниченности, поскольку любые модели не совершенны.

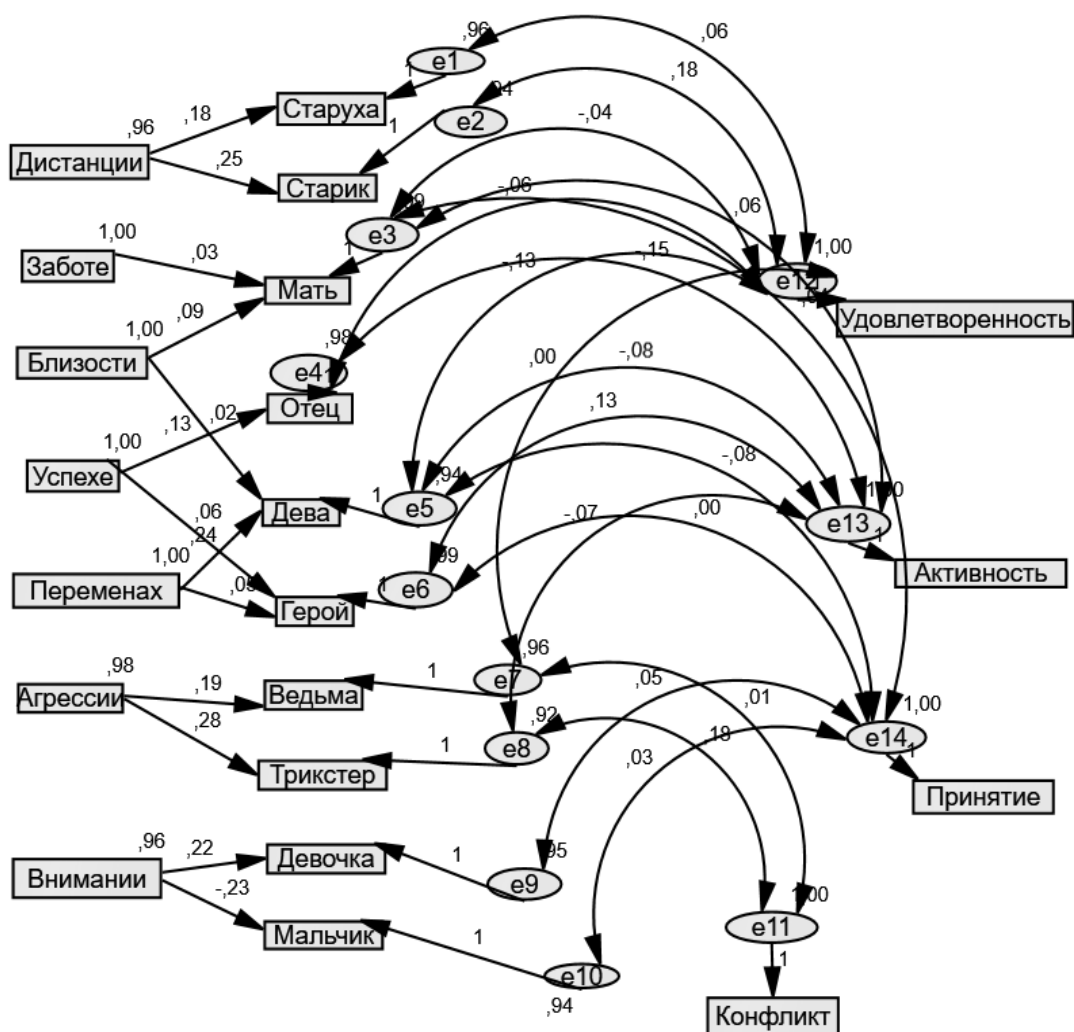

Рисунок 31. Диаграмма путей ролевой социализации молодежи

Респонденты с преобладанием ролевых моделей старшего возраста (исключение составила ролевая модель Девы, детерминируемая потребностью в близости и переменах), к которым относятся Старуха, Старик, Отец, удовлетворены в пяти основных жизненных сферах, что косвенно может свидетельствовать об эффективности социального функционирования. При этом у молодых людей с доминированием ролевых моделей указанного спектра реализуются, как правило, две основные потребности в дистанцировании (ролевые модели Старика и Старухи) и в успехе – ролевая модель Отца.

E. Diener, R. A. Emmons, R. J. Larsen & S. Griffin [445] показали, что различные компоненты субъективного благосостояния личности тесно связаны с оценкой глобальной удовлетворенности жизнью и не затрагивают такой конструкт, как одиночество. Положительное влияние занятий спортом на удовлетворенность жизнью отражено в лонгитюдинальном исследовании J. Martín-Albo et al. [533], которые продемонстрировали взаимосвязь между внутренней мотивацией, физической самооценкой и удовлетворенностью жизнью (N=293 в возрасте 18–70 лет); юноши и девушки, занимающиеся спортом и делающие успехи, обнаружили более высокую внутреннюю мотивацию и высокую удовлетворенность жизнью (модель структурных уравнений). Необходимо отметить, что молодые люди, у которых актуализированы мотивы в заботе и близости, реализуемые через ролевую модель Матери, не испытывают социального удовлетворения. Таким образом, мотив в близости более эффективно выражается через ролевую модель Девы, чем Матери. Аналогично ролевой модели Матери, роль Ведьмы, детерминируемая мотивом агрессии, не приводит к субъективному удовлетворению в социальном пространстве.

Необходимо выделить интересный факт, полученный нами в данном исследовании, – наибольшая социальная удовлетворенность обеспечивается реализацией ролевой модели, детерминированной соответствующим конструктивным мотивом. Полученные нами данные согласуются с результатами, представленными в исследованиях J. K. Morgan et al. [554], которые доказали, что военные ветераны с ПТСР в меньшей степени удовлетворены жизнью. Схожие результаты взаимосвязи удовлетворенности жизнью и физическим переживанием боли у пациентов представлены в работе S. P. Walker & K. G. F. Esterhuyse [621]. Вышеприведенные исследования демонстрируют, что уровень включенности индивида в социальное пространство тесно связан с его удовлетворенностью жизнью при реализации конструктивных мотивационных образований в соответствующей ролевой модели.

Социальное принятие свойственно молодежи с выраженной инфантильной ролевой позицией (ролевые модели Девочки и Мальчика, актуализируемые

мотивом во внимании) и подчиняющейся позицией (ролевая модель Девы, детерминируемая мотивом в близости и переменах). Мотивы во внимании и близости становятся определяющими для молодых людей, которые стремятся быть включенными в группу, подчиняются ее целям, но при этом обнаруживают принятие себя и окружающих. С точки зрения A. Vadoux and G. Mendelsohn [394], субъективное благополучие связано с нормативными идеальными представлениями индивида о качестве жизни, в случае обладания социально-желательными качествами, позволяющими достичь этого уровня, индивид ощущает субъективное благополучие, которое сопровождается позитивными переживаниями.

Выявленные положительные ковариационные связи между интегральным фактором «Социальная активность» и ролевыми моделями Отец, Мать и Герой и отрицательная связь с ролевой моделью Трикстера демонстрируют, что указанные ролевые модели (за исключением Трикстера) способствуют активному преобразованию социального пространства, внесению изменений в свое социальное окружение, начиная с себя и заканчивая изменениями в группе. В данном контексте приведем исследование А. А. Николаевой [246], которая рассматривала социальную активность современной молодежи, определяя ее как рефлекслируемую, саморегулируемую деятельность индивида, направленную на удовлетворение социальных потребностей и мотивов. Среди таких мотивов можно обозначить мотивы в успехе, переменах, заботе и близости. Тогда как мотив агрессии, реализуемый через ролевые модели Ведьмы и Трикстера, не приводит к достижению социально значимых целей, а наоборот, направлен на удовлетворение своих установок и ориентаций без учета социальных нормативов и ценностей (актуализирован интернальный локус ролевого конфликта). Следовательно, роли, являясь социальным продуктом, ассимилируются личностью молодого человека и становятся регуляторными механизмами социального функционирования, обеспечивая определенное ролевое поведение и активность в рамках усвоенной роли.

Подводя итоги проведенному исследованию, сформулируем несколько важных следствий. Первое следствие, основополагающее по своей значимости, состоит в том, что существует атрибутивная связь между мотивами и ролевыми моделями, являющаяся в определенной степени некоторой вариативностью в той степени, с которой мотивы эксплицируются в разных ролевых моделях. В то же время в некоторой степени данная атрибутивная связь обладает константностью, то есть включает некоторый набор ролевых моделей, в котором происходят отмеченные выше адаптационно-ситуационные перестройки, опосредующие субъективное благополучие, сопровождающееся позитивными переживаниями.

Во-вторых, в рамках системного подхода ассимиляция социального опыта рассматривается как формирование подобия социальной системы, представленной в системе личность. Следовательно, происходит персонификация социальной системы в индивиде в виде социальных ролей, которые, с одной стороны, принадлежат социальной реальности, с другой – встраиваются в систему личности и реализуются как компоненты в системе социально-ролевой социализации. На метасистемном уровне они становятся регуляторными механизмами, диктуют ролевое поведение в социуме.

В-третьих, метасистемный подход вскрывает трансформационный механизм перехода одной системы, что проявляется в присвоении социальных норм, таким образом, что субъект из всех возможных образцов выбирает для себя и переносит во внутреннюю структуру наиболее подходящие. При этом уровень включенности молодого человека в социальное пространство тесно связан с его удовлетворенностью жизнью при реализации конструктивных мотивов в соответствующей ролевой модели. Значит, ролевые компоненты могут выступать надежными индикаторами успешного или неуспешного социального функционирования молодежи. Эффективное освоение значимых ролей непосредственно влияет на успешность межличностных интеракций, подготавливая молодежь к возможным вариантам взаимодействия в рамках определенной жизненной сферы. Это свидетельствует о реализации в данном исследовании эффектов синхронии–диахронии. Именно на метасистемном уровне

обеспечивается синхрония ролевой социализации, которая в отличие от элементного уровня предполагает взаимодействие не простых элементов, а сложных гетерогенных систем (общества, культуры, личности, наряду с другими известными) в определенный временной интервал. Следовательно, эффективность социализации напрямую зависит от согласованности внутренних ресурсов личности и требований среды. Это объективно требует их синхронизации. Такая временная соорганизация предполагает распределение ресурса системного комплекса по нескольким направлениям (общество, культура и личность). В случае рассогласования (диахронии) системных образований обнаруживается разрыв между требованиями среды, ролевыми моделями, мотивами и пониманием ролевых ожиданий личностью, что приводит к нарушению ролевой социализации. В этой связи критерием диахронического существования системного комплекса выступает преодоление рассогласования между ролевыми моделями, потребностями, мотивами и ожиданиями.

В рамках изучения метасистемного уровня приведем результаты еще одного исследования, предполагающего реализацию многофакторного дисперсионного анализа, раскрывающего интегративные эффекты ролевой социализации как системы. Такая постановка связана с известным положением, подробно обсуждаемым в монографии А. В. Карпова [137], согласно которому многофакторный дисперсионный анализ позволяет обнаружить наиболее общие факты и закономерности. Это совместное влияние нескольких независимых факторов на зависимые (одну или несколько) переменные, не сводимые к простой их аддитивности, а включающие в себя собственно интегративные, синергетические эффекты. Следуя этому положению, проверялась гипотеза относительно совместного влияния мотива и ролевого конфликта на интегральные факторы социального функционирования молодежи. Кроме того, в рамках многофакторного дисперсионного анализа возможна проверка гипотез об отдельном влиянии категориального предиктора на зависимую переменную. Таким образом, реализовывался двухфакторный план, включающий две категориальные независимые переменные с тремя и четырьмя градациями. Итак, в

качестве факторов, оказывающих влияние на социальное функционирование молодежи, выступили: 1) мотив, диагностируемый по методике «Калейдоскоп» (личностная сфера), имеющий четыре градации: мотив в близости, мотив в утверждении и самореализации, мотив в активности и достижении и мотив в переменах и поиске; 2) локус ролевого конфликта, определяемый по одноименной методике и имеющий три градации: экстернальный локус ролевого конфликта (конформный тип), интернальный локус ролевого конфликта (нонконформный тип) и промежуточный тип, гармонично сочетающий социокультурные ролевые ожидания и индивидуальные потребности. В качестве зависимых переменных выступили интегральные факторы социального функционирования молодежи: социальная активность, социальное принятие и социальная удовлетворенность, рассчитываемые ранее в рамках факторного эксплораторного анализа.

В целом применение многофакторного дисперсионного анализа предполагает проверку однородности дисперсий для зависимых переменных (критерий F-Левена) [270]. Результаты проверки показали, что во всех группах, соответствующих уровням категориальных предикторов, мотив и тип локуса ролевого конфликта дисперсии однородны, т. к. верна гипотеза о равенстве дисперсий (таблица 47). Следовательно, условия применимости дисперсионного анализа выполнены.

Таблица 47

Проверка однородности дисперсий (критерий Левена)

Интегральные факторы	F	p
Социальная активность	1,24	0,274
Социальное принятие	0,68	0,708
Социальная удовлетворенность	1,09	0,369

Реализация многофакторного дисперсионного анализа показала (таблица 48), что локус ролевого конфликта оказывает значимое влияние на социальное функционирование молодежи ($F=13,8-23,5$ при $p=0,000$). Тогда как мотив достоверно влияет только на социальную активность ($F=8,09$ при $p=0,000$). Вместе с тем совместное влияние факторов оказывается статистически значимым

для всех интегральных переменных социального функционирования молодежи ($F=13,8-23,5$ при $p=0,000$).

Таблица 48

Одномерные результаты для каждой зависимой переменной (MANOVA)

Категориальные предикторы	df	Социальная активность		Психосоциальное принятие		Социальная удовлетворенность	
		F	p	F	p	F	p
Мотив	3,0	8,09	0,000	0,81	0,488	0,30	0,825
Тип локуса ролевого конфликта	2,0	13,80	0,000	23,50	0,000	14,10	0,000
Мотив и тип локуса ролевого конфликта	6,0	27,97	0,000	35,46	0,000	17,77	0,000

Применение апостериорных сравнений средних при отсутствии априорной гипотезы относительно этих средних показало, что большинство групп, отражающих разные градации двух факторов – мотив и тип локуса ролевого конфликта – имеют статистически значимые различия в средних (таблицы 1–3 Приложение 4). Итак, на рисунке 32 мы видим совместное влияние категориальных предикторов на интегральные факторы социального функционирования молодежи. Необходимо отметить, что наиболее социально активными являются молодые люди с интернальным локусом ролевого конфликта при доминировании у них трех основных мотивов (исключение составил мотив перемен). Вообще, нужно обратить внимание, что при любом ролевом конфликте (интернальный или экстернальный) реализация мотива в переменах сопровождается сниженной социальной активностью, что само по себе уже является противоречием, а именно потребность в изменениях не находит своего удовлетворения в социальном пространстве. Респонденты, имеющие ролевой конфликт, хотят внести перемены в свою жизнь, но не могут изменить себя и свое социальное окружение. С другой стороны, индивиды, принимающие в учет только собственные интересы (интернальный ролевой конфликт), ценности, убеждения, стремятся к активной реализации своих основных мотивов близости, самореализации и активности. Причем мотив активности становится у субъектов с интернальным локусом ролевого конфликта самоцелью. Но при этом молодежь

с таким локусом ролевого конфликта испытывает наименьшую социальную удовлетворенность. И это вполне объяснимо, т. к. ориентация на собственные интересы и проявление активности ради активности в социальном пространстве создают напряженность в отношениях с окружающими, что, по всей видимости, не приводит к удовлетворенности в социальных контактах в различных сферах жизнедеятельности.

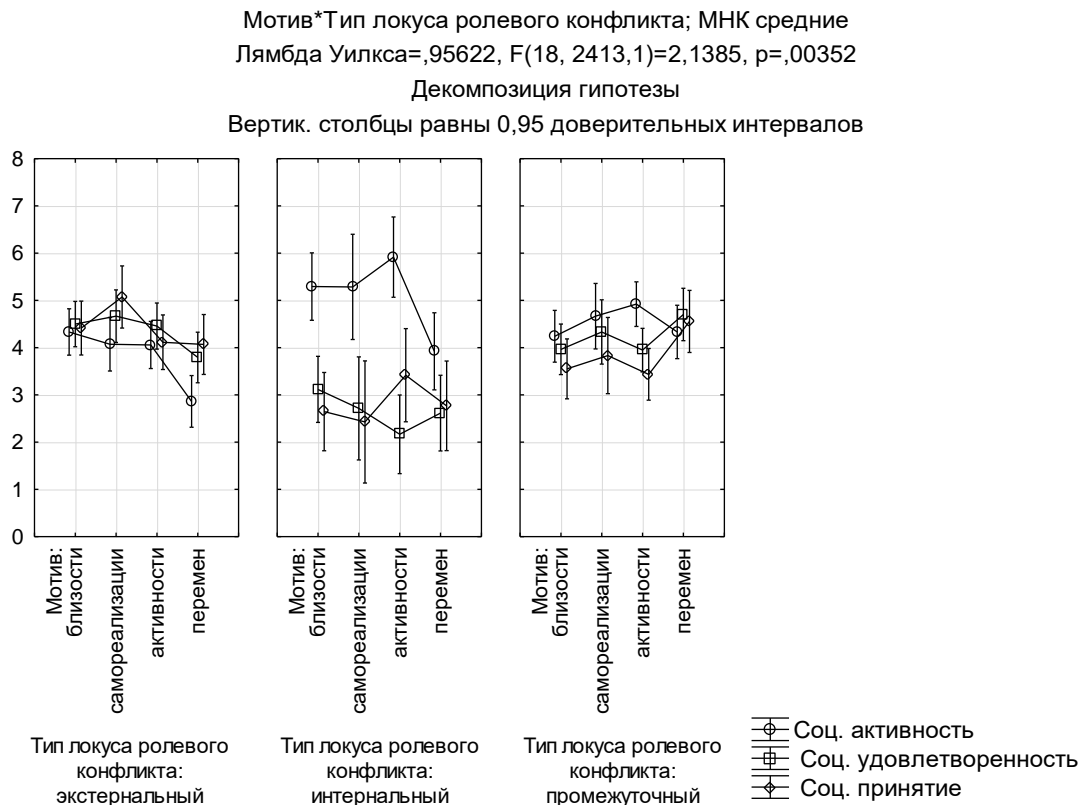

Рисунок 32. Совместное влияние мотива и типа локуса ролевого конфликта на интегральные факторы социального функционирования молодежи

Полученные нами результаты согласуются с исследованием М. С. Егоровой с коллегами [103], в рамках которого было доказано, что подростки с выраженной социальной фрустрированностью характеризуются интернальным локусом ролевого конфликта. По данным J. V. Wood et al. [628] у лиц со сниженным самоотношением более выражена тревога в социальных ситуациях взаимодействия, и они не довольны и испытывают сомнения относительно положительного отношения к другим [500; 555]. В целом необходимо отметить, что субъекты, опирающиеся на собственные представления в ролевом поведении,

характеризуются сниженными социальным принятием и психосоциальной удовлетворенностью (рисунок 32). Согласно проведенному исследованию Christian H. Jordan et al. [500] лица со сниженной удовлетворенностью низко оценивают свои действия и в ситуации негативного социального функционирования характеризуются сниженным психологическим и социальным благополучием.

Сравнивая между собой два типа локуса ролевого конфликта (промежуточный и интернальный), мы не находим между ними особых различий. Исключение, пожалуй, составляют параллельные профили интегральных факторов социального функционирования у промежуточного типа и преобладание у него социальной активности, по сравнению с экстернальным типом, пик которой обнаруживается у субъектов с мотивом активности.

Вместе с тем молодежь, ориентирующаяся в большей степени на общественные нормы, традиции, правила, в ролевом поведении обладает наиболее высоким социальным принятием и социальной удовлетворенностью. Особенно это характерно для индивидов с мотивом самореализации. По результатам проведенного исследования субъективного благополучия личности в различных условиях этнической социализации Р. М. Шамионов и Е. Е. Бочарова [350] сделали вывод, что удовлетворение жизнедеятельностью положительно связано с социальной толерантностью. С другой стороны, экстернальный тип локуса ролевого конфликта сопровождается у молодежи снижением социальной активности. Это может свидетельствовать о том, что студенты во взаимодействии с окружающими проявляют чрезмерный конформизм и неадекватную зависимость от партнера. Н. А. Камневой [126] установлено, что негативные паттерны ролевого поведения родителя и партнера предопределяются семейными конфликтами, зафиксированными в детском опыте субъекта. Эмоционально насыщенная информация о конфликтах присутствует в виде установки: недоверия к себе. Такое поведение мешает активной ролевой позиции и удовлетворению своих мотивов в социальном пространстве.

Таким образом, результаты, полученные в рамках выше проведенного исследования, позволяют нам сформулировать ряд важных выводов относительно системных закономерностей. Ролевые компонентные и мотивы личности, взаимодействуя друг с другом, порождают синергетические эффекты, которые превосходят сумму их содержаний, в результате чего порождаются новые качественные характеристики, предполагающие генерализацию системных качеств как таковых. Более того, именно ролевые компоненты как социальные агенты в наибольшей степени обуславливают эффективность социального функционирования, расширяя тем самым сферу своего действия внутри другого системного комплекса. В этой связи можно с уверенностью констатировать, что чем выше выраженность интегративных эффектов, тем шире область интегрируемого. Иначе говоря, чем более гармонично сочетание социокультурных нормативов и индивидуальных мотивов, тем более успешно социальное функционирование молодежи. Тем самым появляются основания позволяющие утверждать, что интегративные эффекты, полученные вследствие взаимодействия мотива и ролевого фактора, являются наиболее общими по отношению к эффектам, полученным на всех остальных уровнях. Суть этого сводится к тому, что синтез отдельных компонентов ролевой социализации и мотивов личности приводит к формированию новых системных качеств в рамках системного комплекса. Для системного образования «социум» новым качеством в системном комплексе ролевой социализации является взаимодействие субъектов общности, обусловленное конкретной ролью, для личности – включенность в ролевые отношения, опосредуемые мотивами.

Еще одно важное следствие, касаемое эффектов супераддитивности, основано на статистической значимости дисперсии взаимодействия актуального мотива и типа локуса ролевого конфликта как детерминант в отношении социального функционирования молодежи, означает структурное влияние указанных категориальных предикторов. При этом значимая доля дисперсии приходится на их взаимодействие, следовательно, на метасистемном уровне имеют место известные и широко обсуждаемые эффекты супераддитивности

[131; 135; 137]. Значит, общая детерминация ролевой социализации со стороны ролевых компонентов и мотивации личности не сводится только к аналитической детерминации, а связана с взаимодействием категориальных предикторов и возникающими вследствие такого взаимодействия синергетическими эффектами интегративного плана. Следовательно, в рамках данной работы вскрыты существенные в эмпирическом исследовании закономерности системного комплекса, отражающие не только влияние отдельных переменных, но и динамическую структуру детерминант, порождающую совокупный процесс ролевой социализации. Это позволяет рассматривать ролевую социализацию как системный комплекс, приближенный к темпоральному типу.

Таким образом, социальная реальность в виде ролей встраивается в систему личности на уровне подсистемы системного комплекса в качестве компонентов в своей превращенной, идеальной форме. С другой стороны, само ролевое функционирование личности обусловлено социумом в виде ролевой социализации как некой онтологической целостности, в которую включена личность. Иными словами, возникают взаимообусловленности, предполагающие взаимовлияние систем в системном комплексе. Следовательно, необходимо изучение не только механизмов включения системы в системный комплекс, но и закономерностей, сопровождающих данный процесс.

В целях реализации данного плана исследования необходимо обращение к одному из положений метасистемного подхода, согласно которому личностные образования (мотивы или метамотивы) определяют степень интенсивности, направленности и поведенческой (ролевой) активности личности в рамках системного комплекса. Более того, они не просто влияют, но и входят в само содержание этого «качественного узла взаимодействия», во многом конституируя ролевую активность. В целях реализации данного положения использовался общеизвестный и широко распространенный метод структурно-психологического анализа А. В. Карпова и А. А. Карпова [130–132; 136; 138]. Данный метод проводится в несколько этапов. На первом этапе общая выборка испытуемых разделяется по методу контрастных групп по определенному признаку. В нашем

случае дискриминирующим признаком выступила мотивация аффилиации, которая может рассматриваться как сложное мотивационное образование, предусматривающее психическую активность субъекта на установление или прекращение межличностных отношений. Мотивация аффилиации, с точки зрения метапарадигмы, отвечает всем требованиям метамотива. Она из потребности в коммуникации с течением времени перерастает в личностное качество [131]. Мотивация аффилиации является сложным интегративным образованием и включает в себя потребность на установление положительных и глубоких отношений с окружающими людьми, стремление к общению и сотрудничеству, получению одобрения со стороны окружающих, непринужденность, смелость и открытость во взаимодействии. Согласно вышеизложенному мотивация аффилиации является необходимой для успешной социализации индивида в обществе, определяя содержание его ролевого репертуара. Для измерения мотивации аффилиации использовался опросник «Мотивация аффилиации» А. Меграбяна в адаптации М. Ш. Магомед-Эминова. В качестве испытуемых выступили респонденты периода юности и молодости (студенты и курсанты) в общем количестве 891 человек. Общая характеристика выборки дана в таблице 49.

Таблица 49

Характеристика эмпирической выборки на разных исследовательских этапах

Наименование этапа	Социальный статус	Количество	Возрастной диапазон	Пол	
				М	Ж
Определение ролевой социализации молодежи	Студенты	491	17–25 лет	91	400
	Курсанты	400	17–25 лет	400	-
Итого		891		697	590

Деление выборки на полярные группы осуществлялось следующим образом. Согласно эмпирическому конструкту методика «Мотивация аффилиации» состоит из двух полярных шкал. Первая шкала «стремление к принятию» предполагает оценку силы стремления субъекта к взаимодействию с окружающими людьми, получению признания и принятия с их стороны. Вторая

шкала «страх отвержения» представляет оценку непринятия личности человека и ухода от общения. Значения по обеим шкалам дают четыре возможных варианта мотивации.

1. Низкие значения по двум шкалам – нейтральное отношение к обществу, складывается из нежелания общения и низкого страха быть отвергнутым. Окружающие мало интересуют такую личность, она не испытывает особых эмоций от процесса взаимодействия с другими людьми.

2. Высокие значения по шкале «стремление к принятию» и низкие значения по шкале «страх отвержения» – индивид стремится к взаимодействию с другими людьми, ищет их общества, не подвержен социальным страхам, легок в общении, испытывает положительные эмоции в социальных контактах.

3. Низкие значения по шкале «стремление к принятию» и высокие значения по шкале «страх отвержения» – уход в себя, стремление к одиночеству, но такое одиночество усугубляется страхом быть отвергнутым другими людьми, своеобразный социальный страх. Такой человек испытывает тревогу во взаимодействии с окружающими.

4. Высокие значения по двум шкалам отражают внутриличностный конфликт, связанный с сильным желанием общения и страхом быть отвергнутым в процессе такого взаимодействия, что способствует появлению амбивалентных эмоций.

Таким образом, в соответствии с выше представленными возможными вариантами мотивации аффилиации вся выборка была разделена на четыре группы (таблица 50). Первая группа – это испытуемые, баллы которых по стремлению к принятию варьировались в диапазоне низких, а по страху отвержения приближены к высоким – конфликтно низкая мотивация аффилиации. Во вторую группу вошли испытуемые, имеющие низкие оценки по обеим шкалам. Эта группа была обозначена нами как бесконфликтно-низкая мотивация аффилиации.

Разделение выборки (N=891) на четыре подгруппы по выраженности уровней шкал методика «Мотивация аффилиации»

Стремление к принятию	Страх отвержения	Обозначение группы	Количество испытуемых
Низкое	Высокое	Конфликтно низкая мотивация аффилиации	191
Высокое	Низкое	Бесконфликтно высокая мотивация аффилиации	200
Низкое	Низкое	Бесконфликтно низкая мотивация аффилиации	200
Высокое	Высокое	Конфликтно высокая мотивация аффилиации	300

Третью группу составили респонденты с высокими баллами по шкале «стремление к принятию» и низкими баллами по шкале «страх отвержения» – оптимальная мотивация аффилиации. И последняя, четвертая группа – конфликтно высокая мотивация аффилиации – это респонденты, имеющие высокие баллы по обеим шкалам (рисунок 33). Можно видеть, что распределение респондентов по четырем группам произведено относительно равномерно – от 21 % до 34 % соответственно).

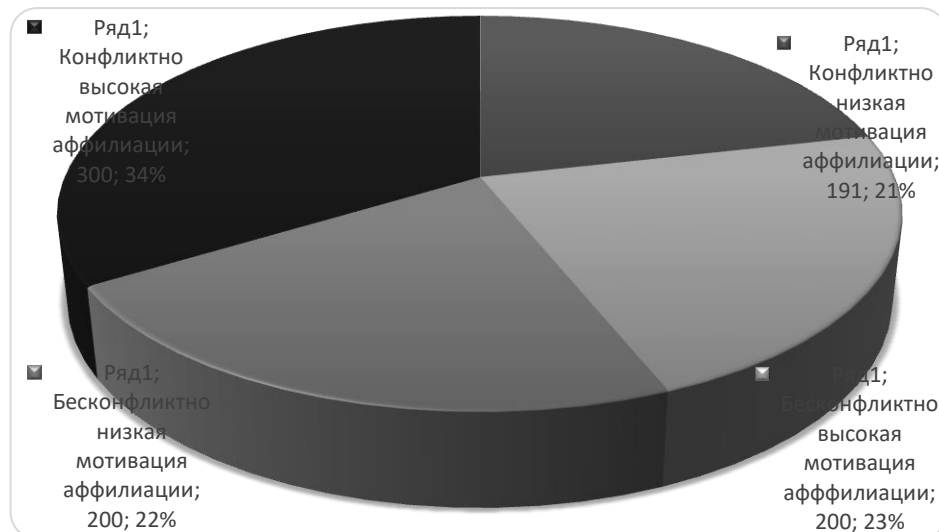

Рисунок 33. Процентное распределение всей выборки по четырем группам в зависимости от уровня аффилиации (N=891)

Второй этап предполагал вычисление по каждой группе матриц интеркорреляций по критерию r-Спирмена. В нашем случае определялись

взаимосвязи между ролями и ролевыми факторами, изучаемыми по следующим методикам: «Калейдоскоп» (Ю. М. Перевозкина, Л. В. Зиновьева, О. О. Андроникова, Н. В. Дмитриева [258]), «Локус ролевого конфликта» (П. П. Горностай), «Семейные роли и распределения ролей в семье» (Ю. Г. Алешина, Л. Я. Гозман, Г. М. Дубовская). Всего по каждой группе получено 157 взаимосвязей, из которых также были выявлены как положительные, так и отрицательные статистически значимые корреляции. Корреляционные плеяды по четырем группам представлены на рисунках 34–36. Результаты исследования свидетельствуют о более насыщенной корреляционной структуре в группе респондентов с типом мотивации бесконфликтно высокая. Таким образом, полученные результаты свидетельствует о высоком уровне дифференцированности и развитости системы ролевой структуры респондентов с бесконфликтно высокой мотивацией аффилиации.

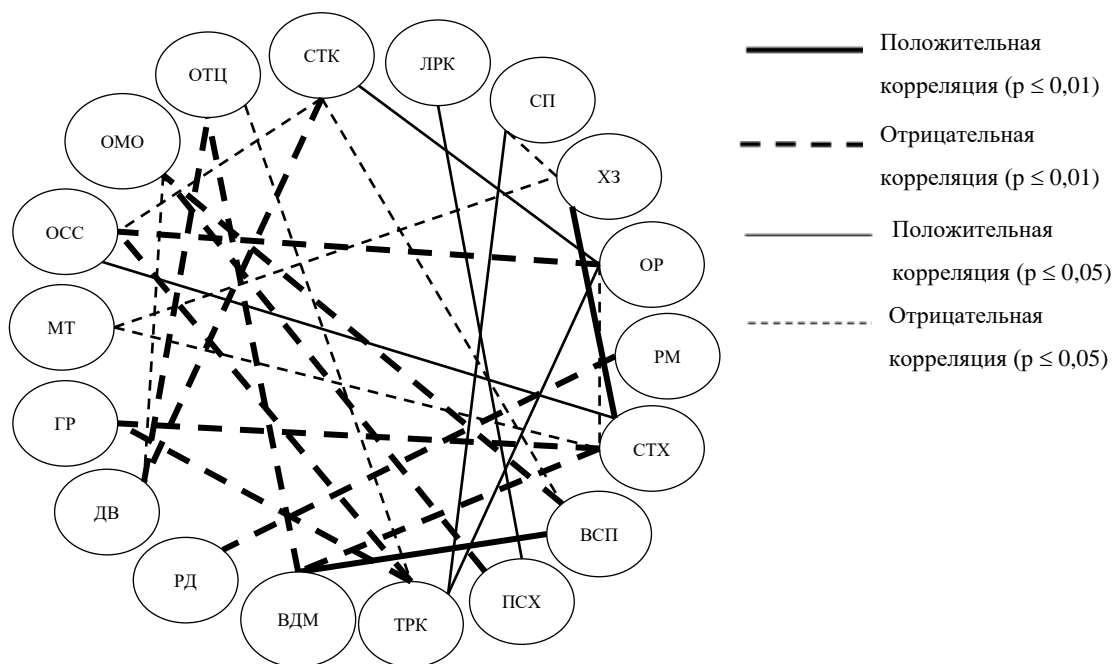

Рисунок 34. Структурограмма ролевых компонентов в группе респондентов с бесконфликтно низкой мотивацией аффилиации⁵

⁵ Условные обозначения в данном рисунке и в последующих рисунках: СТХ – Старуха; СТК – Старик; МТ – Мать; ОТЦ – Отец; ДВ – Дева; ГР – Герой; ВДМ – Ведьма; ТРК – Трикстер; РД – Ребенок девочка; РМ – Ребенок мальчик; ЛРК – локус ролевого конфликта; ОР – организатор развлечений; ОСС – организатор семейной субкультуры; ОМО – ответственный за материальное обеспечение семьи; ПСХ – психотерапевт; ХЗ – хозяйин-хозяйка; СП – сексуальный партнер; ВСП – воспитатель.

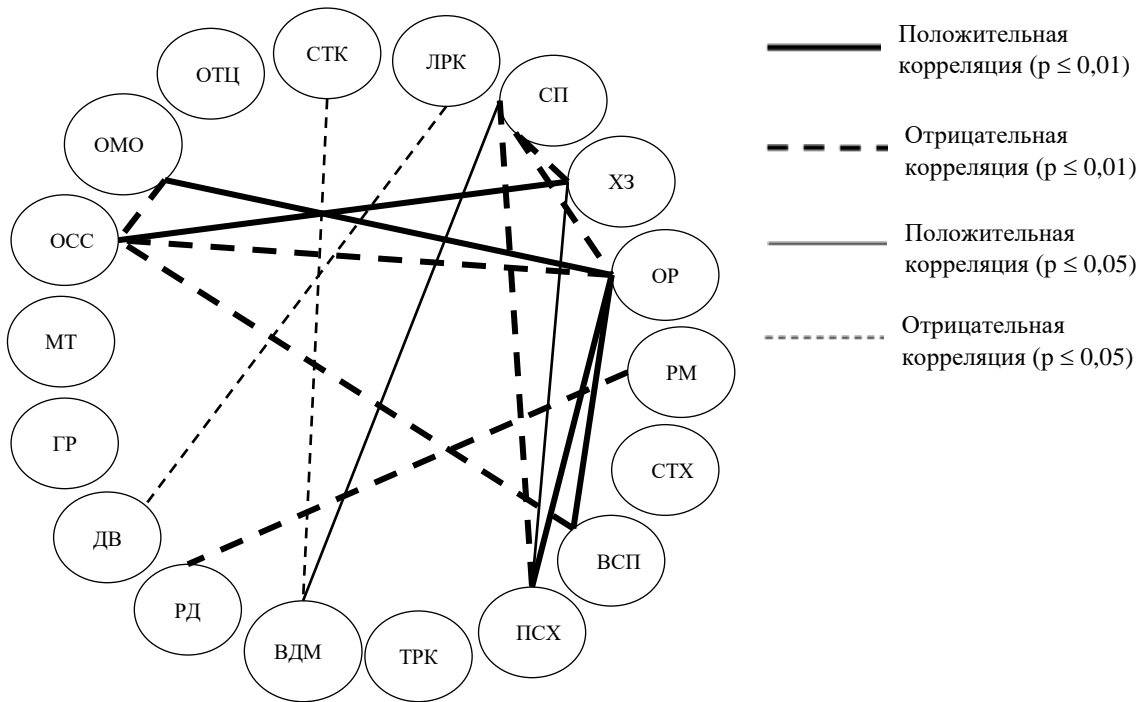

Рисунок 35. Структурограмма ролевых компонентов в группе респондентов с конфликтно низкой мотивацией аффилиации

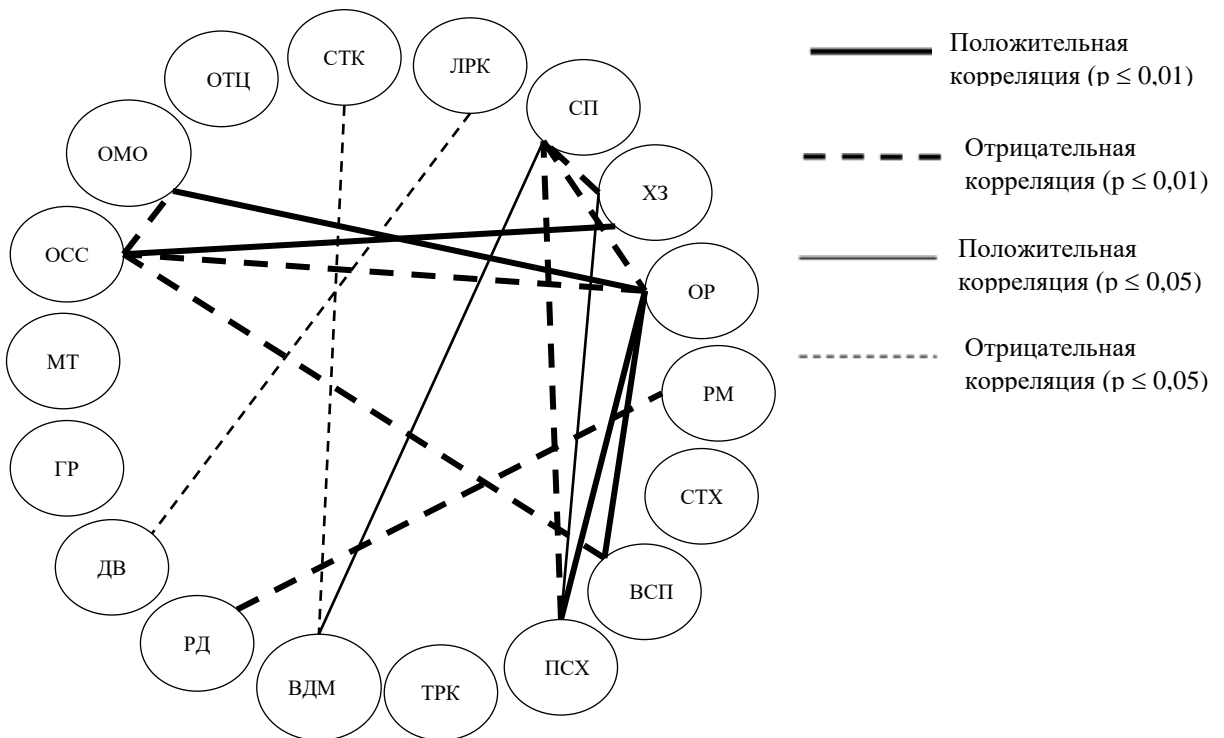

Рисунок 36. Структурограмма ролевых компонентов в группе респондентов с конфликтно высокой мотивацией аффилиации

Высокая степень сложности этой ролевой структуры означает, что в данной группе респонденты создают многомерную ролевую модель относительно социальной реальности, выделяя в ней значительное количество многосвязанных сторон.

Вместе с тем низкая сложность в подгруппах с конфликтным типом мотивации аффилиации, напротив, свидетельствует о том, что понимание и интерпретация ролевого поведения осуществляется в упрощенной форме на основе ограниченного ролевого набора. Чрезмерная низкая размерность, наблюдаемая в подгруппах с конфликтно низкой и конфликтно высокой мотивацией аффилиации, свидетельствует о разорванности ролевых конструкторов, противоречивости и несогласованности ролевых моделей.

Анализ корреляционных конструкторов позволяет выделить три наиболее значимых плеяды: Дева имеет наибольшее количество положительных связей с ролями в семейной сфере и с ролью девочки; ролевая модель Старухи демонстрирует положительные корреляции с ролями в семейной сфере и ролью Матери; ролевая модель Старика имеет отрицательные связи с ролями в семейной сфере и ролью Девы, а также положительную корреляцию с ролью Трикстера, который в свою очередь обнаруживает отрицательные корреляции с ролями в семейной сфере, за исключением роли сексуального партнера – положительная связь, кроме того данная ролевая модель имеет положительную корреляцию с локусом ролевого конфликта (рисунок 37). Статистически значимые положительные корреляции внутри ролей в семейной сфере свидетельствуют о том, что в их основе лежит один теоретический конструктор, охватывающий весь ролевой тезаурус семейной сферы.

Три роли имеют положительную нагрузку для респондентов в период молодости – ролевые модели Девы, Героя, Старухи и Отца задают ориентиры в межличностном взаимодействии. Причем ролевая модель Девы выступает явным лидером в указанной плеяде ролей, т.к. имеет наибольшее количество положительных связей с ролевыми моделями семьи.

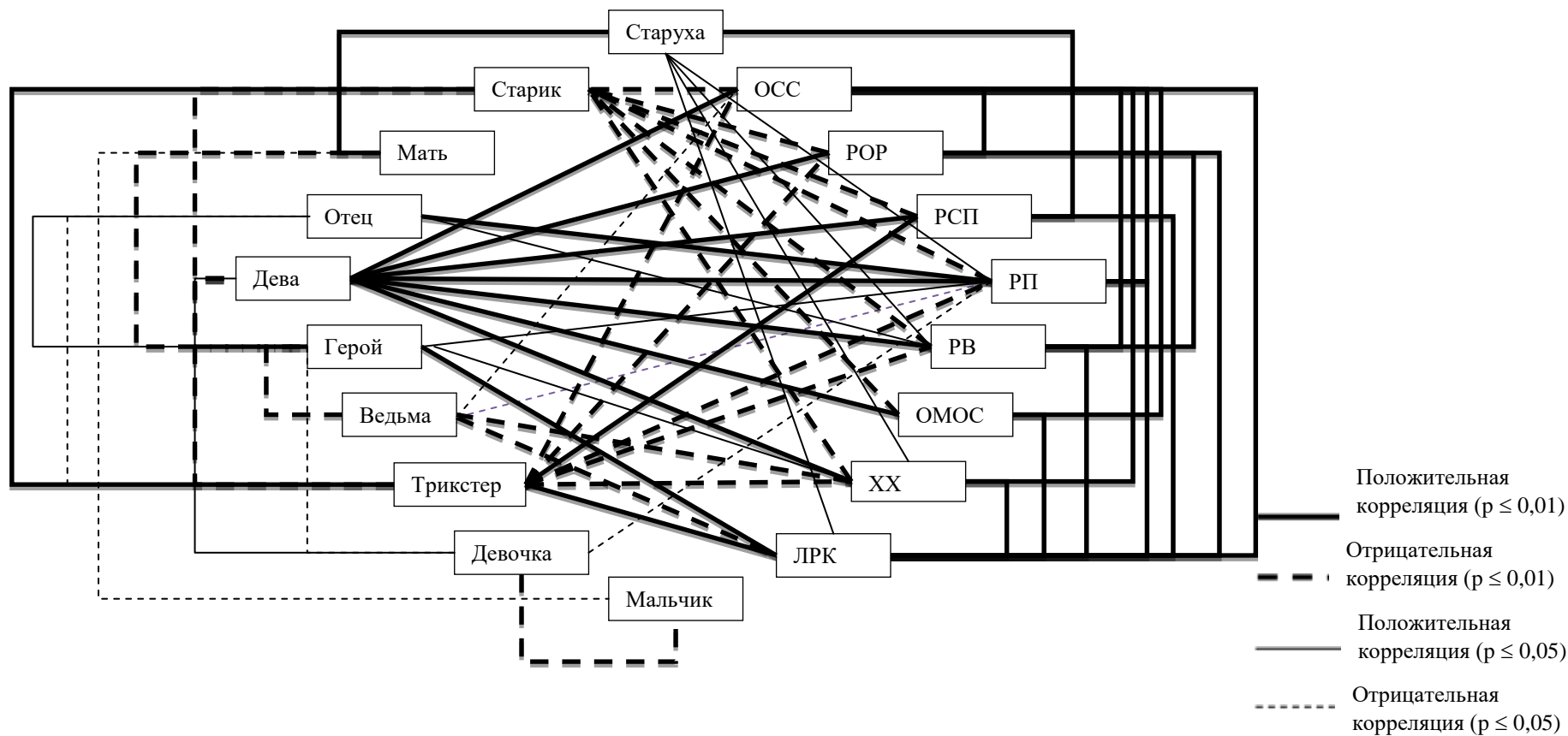

Рисунок 37. Структурограмма ролевых компонентов в группе респондентов с бесконфликтно высокой мотивацией аффилиации

Можно сказать, что данная ролевая модель является интегрирующим звеном в ролевой структуре респондентов, имеющих уровень аффилиации ниже среднего. На противоположном дезинтегрирующем полюсе находятся три роли – Старик, Трикстер и Ведьма, вбирающие в себя плеяду отрицательных корреляций с ролями в семейной сфере и с другими ролевыми моделями. Следовательно, в группе молодежи с уровнем аффилиации ниже среднего существуют ролевые модели, аккумулирующие положительный заряд ролевой структуры, и ролевые модели с отрицательным ролевым зарядом. Таким образом, большое количество положительных и отрицательных корреляций с четким выделением взаимосвязанных плеяд в группе молодежи с бесконфликтно высокой мотивацией аффилиации демонстрирует существование многомерной сложной ролевой структуры с наличием как интегрирующих, так и дифференцирующих эффектов. Данное позволяет сделать вывод о том, что наиболее оптимальным уровнем в мотивации аффилиации молодежи выступает бесконфликтно высокая мотивация аффилиации, являющийся индикатором меры представленности интегрирующих и дифференцирующих механизмов ролевой социализации.

Сопоставительный анализ значимых корреляций в подгруппах молодежи с различным типом мотивации аффилиации позволил выделить общее и частное. Общим для всех четырех групп является отрицательная корреляция роли Девочки и ролевой модели Мальчика, преимущественно отрицательная взаимосвязь между ролью Организатора развлечений и ролью Организатора семейной субкультуры (исключение составила группа с уровнем ниже среднего – положительная корреляция), положительная взаимосвязь между ролью Хозяин–Хозяйка и ролью Сексуального партнера. Указанные взаимосвязи отражают конфликтные для молодежи роли. Например, ролевые модели Девочки и Мальчика несут в себе противоположные характеристики, такие как послушание (Девочка) и озорство (Мальчик). Интересное сочетание имеет роль Хозяина–Хозяйки и роль Сексуального партнера. Роль Хозяин–Хозяйка обеспечивает бытовую сторону в семейной жизни, включает покупку продуктов, приготовление пищи, которая в большинстве культур принадлежала женщине, но в современной семье данная

роль характерна и для мужчин. Связанная с ней роль Сексуального партнера предусматривает проявление сексуальной активности, при этом предполагается, что данная роль в большей степени характерна для мужчины, который инициирует и определяет характер сексуальных отношений. Интересно, что респонденты в подгруппах с конфликтно низкой и конфликтно высокой мотивацией аффилиации дифференцируют роли, занимающиеся хозяйственной деятельностью и роли с сексуальной нагрузкой.

Однако полученные нами статистически значимые корреляции в трех группах молодежи с бесконфликтно высокой, конфликтно низкой и конфликтно высокой мотивацией аффилиации между ролевой моделью Ведьмы и ролью Сексуального партнера и такие же корреляции в двух группах молодежи с бесконфликтно низкой и бесконфликтно высокой мотивацией аффилиации между Трикстером и ролью сексуального партнера демонстрируют, что инициатором сексуального поведения у современной молодежи выступают как мужчины, так и женщины. Кроме того, данные взаимосвязи указывают на определенную сексуальную нагрузку у обеих фигур, что соответствует как теоретическим изысканиям, так и эмпирическим исследованиям относительно данных ролей (см. § 4.2). Роль Сексуального партнера также положительно связана с ролью Организатора развлечений в группе молодежи с бесконфликтно низким уровнем мотивации аффилиации и отрицательно в группах с уровнем аффилиации оптимально и конфликтно высоким. Полученные результаты показывают, что группы молодежи с выраженной потребностью в принятии дифференцируют роль Сексуального партнера от остальных, тогда как в подгруппах молодежи с низким типом мотивации аффилиации эта роль положительно связана с ролевыми моделями Хозяина–Хозяйки, Психотерапевта и Организатора развлечений. Это позволяет предположить, что для молодежи с равной представленностью потребности быть с другими людьми и желанием быть наедине с собой характерно соединение ролей, несущих в себе сексуальную активность, эмоциональную поддержку и близость, организацию семейного быта и досуга одновременно. В этой связи можно утверждать, что данная группа молодежи, во-

первых, является самодостаточной, а во-вторых, взаимоотношения с партнером включают в себя все нюансы ролевого поведения. Указанное подтверждает и положительная взаимосвязь между ролью Психотерапевта и локусом ролевого конфликта. Ориентация молодежи на собственные убеждения и потребности взаимодействия связана с активностью, направленной на эмоциональную поддержку партнера.

Общим для всех групп является отрицательная взаимосвязь между ролью Старика и ролью Ведьмы. Обнаружена отрицательная взаимосвязь между ролью Отца и ролевой моделью Трикстера и положительная взаимосвязь между ролью Матери и ролью Старухи в группе с бесконфликтно высокой мотивацией аффилиации, которая имеет инвертированную направленность (отрицательную) в группе молодежи с бесконфликтно низкой мотивацией аффилиации. Выявленные взаимосвязи отражают дифференциацию ролей, обладающими специфическими особенностями в молодежной выборке. Так, например, отрицательная связь между ролью Старика и Ведьмы демонстрирует их отличие по двум дифференцирующим шкалам «спонтанность–традиционность» и «активность–пассивность». Отрицательная взаимосвязь между ролевой моделью Отца и Трикстера эксплуатирует дифференцирующие шкалы «социальность–индивидуалистичность», «спонтанность–традиционность».

Частные и отличительные взаимосвязи в связи со значительно превышающим количеством корреляций в подгруппе молодежи с бесконфликтно высокой мотивацией аффилиации были обсуждены выше, поэтому мы не будем останавливаться на этом пункте.

Следующий этап предполагал реализацию метода экспресс- χ^2 и включал ранжирование взаимосвязанных пар в зависимости от тесноты коэффициента корреляции и уровня значимости. На основании полученных рангов вычислялись взаимосвязи между корреляционными структурами четырех групп с различным уровнем мотивации аффилиации. Данный метод является эффективным средством для определения гомогенности или гетерогенности структуры исследуемого феномена [130; 137]. Сравнение матриц интеркорреляций ролей и

ролевых факторов в группах молодежи с разным типом мотивации аффилиации (критерий χ^2 на уровне $\alpha=0,95$) показало, что все они гетерогенны, за исключением групп с конфликтным типом мотивации аффилиации (таблица 51).

Таблица 51

Ранговые корреляции по критерию r-Спирмена матриц интеркорреляций в группах с разным уровнем мотивации аффилиации молодежи

Группы с разным уровнем мотивации аффилиации	Число – корр.	Спирмена – R	p-уров.
Конфликтно низкая мотивация аффилиации & Бесконфликтно низкая мотивация аффилиации	157	-0,034	0,676
Конфликтно высокая мотивация аффилиации & Бесконфликтно низкая мотивация аффилиации	157	-0,010	0,901
Конфликтно высокая мотивация аффилиации & Бесконфликтно высокая мотивация аффилиации	157	0,004	0,963
Бесконфликтно высокая мотивация аффилиации & Бесконфликтно низкая мотивация аффилиации	157	0,015	0,857
Бесконфликтно высокая мотивация аффилиации & Конфликтно низкая мотивация аффилиации	157	0,058	0,470
Конфликтно высокая мотивация аффилиации & Конфликтно низкая мотивация аффилиации	157	0,232	0,003

Не было обнаружено статистически значимых взаимосвязей между всеми группами ($p>0,05$), кроме двух групп с конфликтным типом мотивации аффилиации ($p=0,003$). Обнаруженные результаты вскрывают качественные, а значит глубокие различия ролевых структур в четырех исследованных группах. Тогда как при конфликтном типе мотивации аффилиации обнаруживается гомогенность групп. Респонденты, отличающиеся конфликтно высокой мотивацией аффилиации и конфликтно низкой мотивацией аффилиации, не имеют качественных различий между собой, что свидетельствует о схожести их структур и эффектов. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что и они обнаруживают качественные различия со всеми остальными группами. Следствием данного результата является то, что изменение уровня мотивации аффилиации сопровождается качественными трансформациями всей ролевой структуры. Эти изменения являются именно структурными, а не локальными и определяют различия в самом уровне мотивации аффилиации, т. к. вычисленные

структурограммы были дифференцированы по критерию различий в индивидуальной мере развития мотивации аффилиации. Полученный результат демонстрирует важную закономерность, согласно которой структурные ролевые эффекты играют в мотивации аффилиации определяющую роль. Это свидетельствует, что системный комплекс ролевая социализация выходит за пределы простой совокупности ролей, т. к. выступает следствием и результатом структурных интегративных эффектов. Подобное взаимодействие обуславливает новые качественные особенности, возникающие на метасистемном уровне. Полученный нами факт согласуется с результатами многочисленных исследований А. В. Карпова с коллегами [136; 138], которые делают вывод о ведущей роли структурно-интегративных эффектов в психике, деятельности, личности и пр. Более того, как отмечает В. П. Кузьмин [180], интеграция подчеркивает механизм приобретения комплексом интегральных совокупных качеств.

И, наконец, на последнем этапе рассчитывались индексы структуры исследуемого явления по следящему алгоритму. Суммируются все положительные корреляции с уровнем значимости $p \leq 0,05$, и полученная цифра умножается на коэффициент 2. Суммируются все положительные корреляции с уровнем значимости $p \leq 0,01$, и полученная цифра умножается на коэффициент 3. Далее вычисляется сумма всех статистически значимых положительных корреляций, что соответствует индексу конвергентности структуры (ИКС). Суммируются все отрицательные корреляции с уровнем значимости $p \leq 0,05$, и полученная цифра умножается на коэффициент 2. Суммируются все отрицательные корреляции с уровнем значимости $p \leq 0,01$, и полученная цифра умножается на коэффициент 3. Далее вычисляется сумма всех статистически значимых отрицательных корреляций, что соответствует индексу дивергентности структуры (ИДС). Кроме того, рассчитывается индекс организованности структуры, который определяется как разность между ИКС и ИДС [130; 137]. Полученные результаты демонстрируют, что значения всех индексов во всех четырех группах различаются (таблица 52).

**Индексы структурной организации в группах молодежи
с разным типом мотивации аффилиации**

Индексы структуры	Типы мотивации аффилиации			
	Конфликтно низкая (N=191)	Бесконфликтно низкая (N=200)	Бесконфликтно высокая (N=200)	Конфликтно высокая (N=300)
ИДС	47,00	29,00	82,00	39
ИКС	16,00	62,00	155,00	16
ИОС	-31,00	33,00	73,00	-23,00

На рисунке 38 изображена сравнительная динамика изменения индексов когерентности и дивергентности в зависимости от изменения типа (уровня) мотивации аффилиации. Изменение индексов демонстрирует, что при возрастании уровня стремления к принятию и снижению страха отвержения мера интегрированности, организованности и дивергентности ролевой структуры резко увеличивается. Вместе с тем темпы роста индексов значительно различаются на разных интервалах общего континуума мотивации аффилиации.

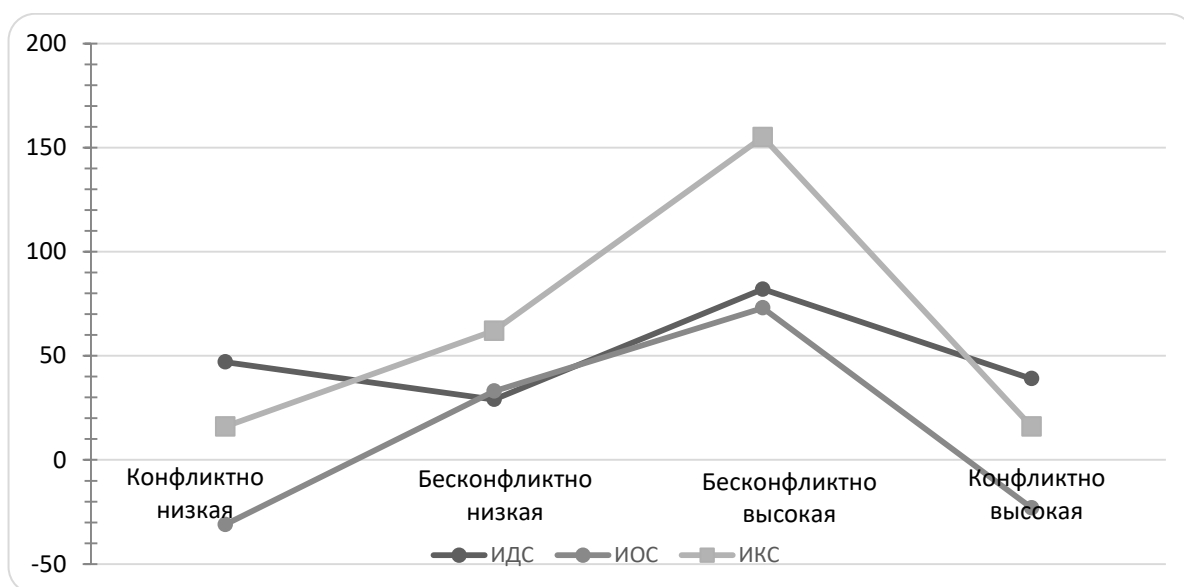

Рисунок 38. Зависимость структурной организации ролевых параметров от меры выраженности уровня мотивации аффилиации

При конфликтно низких и конфликтно высоких значениях мотивации аффилиации явно доминирует тенденция к прогрессирующей дифференциации. Но уже при оптимально высоких значениях мотивации аффилиации явно

начинает доминировать интегрирующая тенденция, которая несколько снижается при оптимально низкой мотивации аффилиации (низкое стремление к принятию и низкий страх отвержения), но, тем не менее, остается преобладающей. Однако при высоких значениях стремления к принятию и страха отвержения (конфликтно высокая мотивация аффилиации) интегрирующая функция значительно снижается, а доминирующей становится дивергентная, которая выступает уже как вполне самостоятельная, преобладающая. Таким образом, при конфликтно низких и конфликтно высоких значениях мотивации аффилиации повышается индекс дивергентности структуры. Это позволяет говорить о преобладании дифференцирующих функций при крайних конфликтных уровнях мотивации аффилиации. В то же время при оптимальных значениях мотивации аффилиации увеличивается индекс когерентности структуры, выступающий индикатором меры представленности интегрирующих тенденций в зависимости от некоего оптимального уровня мотивации аффилиации. Этот уровень интеграции достигает своей максимальной представленности на оптимальном развитии мотивации аффилиации – бесконфликтно-высоком. Значит, можно сделать существенный в плане основных задач данной работы вывод, заключающийся в том, что при конфликтно низких и высоких значениях мотивации аффилиации в ролевой структуре преобладают дифференцирующие тенденции, а при оптимальных значениях интегрирующие тенденции начинают преобладать над дифференцирующими.

Кроме того, весьма показательно, что эта зависимость носит инвертированный характер, представленный U-образной кривой, отражающей зависимость типа оптимума, которая описана во многих работах в контексте метасистемной парадигмы [137]. Такая зависимость демонстрирует, что максимальная организованность и структурированность системы ролей выражена на оптимальных уровнях мотивации аффилиации, а не на конфликтно высоких или конфликтно низких. Причем эта зависимость имеет левосторонний уклон, что демонстрирует эффект «правого смещения». То есть при уровне мотивации аффилиации бесконфликтно высокой имеет место наибольший пик

интегрированности. Это значит, что именно средний, так называемый оптимальный уровень мотивации аффилиации, может быть представлен как наиболее действенный для развертывания совокупности организационных средств по отношению к реализации ролевой социализации. В данном случае мы обнаружили аналогию, но с противоположным эффектом «левого смещения», связанного с распределением интеллекта в генеральной совокупности, отличающегося смещением частотного максимума в сторону относительно меньших значений интеллекта [99].

Кроме того, внимательное рассмотрение динамики индекса общей организованности структуры также повторяет вышеуказанную зависимость в виде оптимума. Общая организованность ролевой структуры находится на крайне низких позициях при конфликтно низкой и конфликтно высокой мотивации аффилиации, делает существенный скачок при бесконфликтно высокой мотивации аффилиации и снова снижается при бесконфликтно низкой мотивации аффилиации. Таким образом, можно утверждать о значительной чувствительности индекса общей организованности ролевой структуры от уровня мотивации аффилиации. Полученная зависимость типа «оптимум» отражает эффекты *гиперорганизованности* системного комплекса [131], когда потенциал входящих в него компонентов, относящихся к другим системам, снижает адаптивность самой системы. Иначе говоря, интеграция как средство оптимизации структуры ролевых моделей трансформируется в свою противоположность и выступает как фактор ее дезоптимизации.

Полученные данные доказывают важную, а может, и определяющую роль структурных средств и эффектов в обеспечении мотивационных процессов, участвующих в социализации личности. В этой связи можно утверждать, что отношения между мотивацией аффилиации и ролями, принадлежащими системе социального и одновременно представляющими системные образования личности, являются системными, а не аналитическими.

Мало того, эти отношения имеют характер взаимодетерминации, когда с одной стороны, мотивация аффилиации влияет на уровень интегрированности

ролевой структуры и определяет ролевое поведение, а с другой – ролевая структурированность выступает детерминантой мотивации аффилиации, стремления субъекта к взаимодействию. Иначе говоря, в зависимости от степени интегрированности структуры ролевой организации в процессе ролевой социализации личности находится мера выраженности мотивации аффилиации. Выявленная взаимообусловленность раскрывает механизм включения системных образований личности и социума в системный комплекс и закономерности их взаимодействия в рамках этого «качественного узла», при которой личностные образования (мотивация аффилиации) определяют степень интенсивности, направленности и ролевой активности личности, включаясь в само содержание ролевой структуры, во многом конституируя ее.

Кроме того, эти отношения и детерминация носят сложный, противоречивый характер, основанный на суперпозициях двух базовых тенденций – интегрирующей и дифференцирующей при относительно большей выраженности первой. При этом весьма вероятно, что выявленные эффекты структурной организации внутреннего содержания качества могут выступать мерой того, на каком уровне развития будет представлено то или иное качество. Это доказывает наличие взаимозависимости между структурными (содержательными) и количественными (уровневыми) аспектами ролевой социализации личности, когда роли являются метакомпонентами по отношению к личности, обеспечивая этой системе необходимый адаптивный потенциал, и представляют собой части социальной системы, в которую исходно включен субъект в процессе ролевой социализации.

Таким образом, потенциал организации ролей мезоуровня определяется взаимодействием двух противоположных тенденций – дифференциацией и интеграцией. Дифференцирующий процесс ролевой социализации предполагает различение ролевых компонентов, между которыми могут быть как положительные, так и отрицательные взаимосвязи. Особой формой дифференциации может выступить распад структурной целостности ролевого пространства и разрушение системных качеств ролевой социализации личности.

Иначе говоря, в ходе дезинтеграции ролевая система рассыпается на отдельные компоненты – существующее ролевое пространство состоит из отдельных невзаимосвязанных ролей или имеющих отрицательные корреляции. Такая дезинтеграция, включающая слабые и отрицательные связи между ролевыми компонентами, вполне обоснованно стремится к деструкции всей ролевой структуры. В этом случае системный комплекс разваливается, коллапсирует, в результате чего подсистемы функционируют отдельно, а сам системный комплекс перестает существовать как единое целое.

Дифференциации ролевой структуры противостоит интеграция, которая имеет место, если в структуре ролевых моделей личности, относящихся к мезоуровню, сформировались устойчивые ролевые комплексы, обладающие специфической инфраструктурой (имеющие положительные корреляции внутри ролевых моделей). Вместе с тем эти ролевые плеяды не изолированы, а связаны друг с другом. Интеграция отражает объединение нескольких ролевых компонентов в один ролевой комплекс и переплетение трех или более ролевых плеяд в целях извлечения синергетического эффекта. Иначе говоря, ролевое пространство состоит из нескольких ролевых конклавов, которые связаны между собой единичными связями. Это свидетельствует об адаптивном потенциале системного комплекса к ресурсному ареалу многомерной социальной среды. Деструктивной формой интеграции ролевых взаимоотношений мезоуровня является объединение всех ролевых моделей в единый ролевой комплекс, который может внутри подразделяться на два полюса. Это указывает на расширение ролевого пространства, но без учета реальных связей между ролевыми моделями и вне понимания их социокультурных ожиданий. Необходимо отметить, что потенциал такого ролевого пространства невысок. Главная причина в том, что ролевое поведение субъекта не отвечает реалиям социальной среды, вследствие несформированности механизмов ролевой социализации, а следовательно, и уровней, что будет более подробно рассмотрено в следующем параграфе.

Полученные результаты, вскрывают еще одно следствие, отражающее важнейшее свойство ролевой социализации как системного комплекса, принадлежащего к темпоральному типу, – это синхроничность–диахроничность, реализуемая на всех уровнях ролевой социализации. В особенности эта специфическое качество представлено на метасистемном уровне и выражено в дифференциации (диахроничность) и интеграции (синхроничность) ролевой структуры при разных уровнях мотивации аффилиации. Эффективность социализации, с точки зрения М. В. Григорьевой и Р. М. Шамянинова [84], напрямую зависит от согласованности социальных взаимодействий. Действительно, реализация ролей предполагает согласование между ними. Чем оптимально и бесконфликтно реализована мотивация аффилиации, тем выше синхроничность ролевой структуры. На метасистемном уровне формируется целостность более сложного порядка, включающая кооперацию других систем. Такое взаимодействие культурно-социального и человеческого эксплицирует со всей очевидностью одно из главных свойств системного комплекса – интегративность. В рамках этого главнейшего для системы свойства итоговый обобщённый результат не сводится к аддитивной совокупности парциальных итераций, но имеет новые атрибутивно-системные качества. Таким образом, происходит превращение результатов в процесс, являющийся следствием более глубинного механизма – трансформации системных качеств в функциональные. Следовательно, целостный синтез ролевых моделей, социокультурных ожиданий, социальной ситуации и мотивов личности превосходит их аддитивную совокупность и обеспечивает интеграцию в рамках системного комплекса, что составляет основу функциональной организации сложных систем. Такая интеграция все более обобщающихся компонентов является достаточной для осуществления конечной цели ее функционирования.

Таким образом, метасистемная теория вскрывает трансформационный механизм взаимодействия систем, которые приобретает статус структурного образования в системном комплексе, но при этом способные влиять на все другие уровни в этом системном комплексе, регулируя их. По мнению А. В. Карпова

[131; 137], особенность процесса регуляции заключается в превращении идеального в материальное, что отражает специфику метасистемного уровня. Применительно к социализации такая взаимообратимость метасистемного уровня раскрывает ассимиляцию субъектом социокультурного опыта (символы, роли, традиции, знания и т. д.). Последние становятся содержанием личности, встраиваясь в ее структуру. Кроме того, это содержание может быть на более высоких уровнях организации структуры ролевой социализации осознанным, радикально влияя на всю социализацию субъекта.

Следовательно, ролевые модели являются, с одной стороны, социальным продуктом, отражая объективную реальность, с другой – в системном образовании личности являются информационным параметром, который подготавливает субъекта к различным вариантам реального взаимодействия с окружающим миром [137]. Это означает, что на системном уровне ролевые модели управляют всеми нижележащими уровнями системного комплекса. В этом виде основные ролевые модели получают статус детерминанты функциональной динамики ролевой социализации. Такая трансформация из компонентного уровня к метасистемному обусловлена общей закономерностью, свойственной, по мнению А. В. Карпова и А. А. Карпова [136], всем системам со встроенным метасистемным уровнем. Такая констатация приводит, с точки зрения А. В. Карпова [131], к одной из фундаментальных общенаучных проблем – соотношению системного комплекса и его компонентов, где личность выступает как система, включенная в системные взаимодействия с социокультурной средой, при которых роли становятся компонентами личности.

Значит, парадоксальность теории метасистем раскрывает такое понимание системы, в котором системы встраиваются в системный комплекс, становясь одновременно его частью, подсистемой, при этом оставаясь по существу отдельным системным образованием. В свою очередь, системы, функционируя в рамках системного комплекса, обретают новые качественные характеристики, не утрачивая своего специфического качественного своеобразия. Таким образом, в метасистемном подходе постулируется относительность системного и

комплексного статусов, когда реальность может быть одновременно и системой, и системным комплексом, что отражает принцип дополнительности. Этот принцип способствует активному информационно-ролевому обмену, сохранению культурных образцов, их локализации в структуре личности и воплощению в социально-разнообразных формах выбранного культурного образца в социальной реальности. Это достигается за счет открытости систем, входящих в системный комплекс, интеграции социокультурных образцов, их эмоционального проживания и сопоставления с мотивационными образованиями личности.

4.4. Ролевая специфика формирования личности

Сравнительный анализ подростков и респондентов в период молодости

Как было показано в § 3.3, ролевая социализация со всей очевидностью может быть отнесена к системному комплексу, принадлежащему как субстанциональному, так и темпоральному типу. Наибольшая степень экспликации, определенных в теоретическом анализе темпоральных закономерностей, принадлежит генетическому и функциональному планам. Более того, генетическое развитие системы еще в большей степени, чем функциональное, предполагает реализацию временных закономерностей, обусловленных соотношением ролевой социализации к системам темпорального типа. Именно в этом плане во всей полноте разворачиваются временные эффекты, предполагающие встраивание системного комплекса ролевой социализации в сложную двухмерную иерархическую матрицу синхронной и диахронной организации. Обращение к рассмотрению данных вопросов связано с крайне слабой изученностью самой проблемы ролевой социализации и ее развития в онтогенезе. Отчетливо осознавая указанное обстоятельство, необходимо однако помнить о следующем. Раскрытие ролевой социализации только как системы субстанционального типа обнаруживает существенную концептуальную неполноту и лишает исследование данного явления одного из главных планов изучения этой проблемы. Вместе с тем изучение процессуальной стороны

системного комплекса отражает суть, содержание и бытие ролевой социализации личности. В такой постановке проблемы исследовательский процесс представляется в качестве живого диалога индивида с обществом, а не безликим добыванием «объективной» информации о процессе социализации. Анализ синхронности и диахронности в контексте ролевой социализации продемонстрировал диалогичность и взаимопереходы этих двух состояний. Присвоение нормативов, правил, требований и пр. атрибутов ролевого поведения субъектом и их интегрирование с мотивами и потребностями индивида отражает эффект темпоральной синхронности. С другой стороны, рассогласование и нарушение равновесия между индивидом и обществом, демонстрирует, со всей очевидностью, диахронический процесс. Такое несовпадение, считает J. Spurlock [599], часто провоцирует конфликт и, как следствие стресс, который эксплицируется в виде противоречия между разными компонентами ролевого поведения. Мы уже отмечали, что в контексте ролевого освоения индивид проходит ряд этапов, вскрывающих отношения синхронности и диахронности. Генезис иерархической структуры ролевой социализации молодежи предусматривает поэтапное развитие уровней системы, соответствующих механизмам ролевой социализации молодежи. Инкультурация – элементный уровень, предполагает включение индивида в культурное пространство символов и образов, стандартизированных форм (0–3 года). На этом уровне элементы представлены субъекту симультанно. Ребенок еще не в состоянии их дифференцировать, демонстрируя синкретическое восприятие архетипических сценариев ролевого взаимодействия. Имитация – компонентный уровень, осуществляется присвоение роли посредством ее копирования и проигрывания (3–7 лет). На этом уровне реализуются диахронические отношения, выражающиеся в протяженности по временной оси двух или более последовательных событий и состояний, включающих освоение ролевых моделей, понимание ролевых ожиданий, зафиксированных в культуре. Адаптация – субсистемный уровень, производится анализ общественных ожиданий относительно роли в конкретной сфере (7–12 лет). Этот уровень предполагает

также длительность во времени нескольких элементов, которая, однако, носит детерминированный характер. Индивидуализация – системный уровень, реализуется открытие уникального своеобразия собственной личности (12–18 лет). На данном уровне трансформирующаяся детерминация сменяется целевой, когда все ролевое поведение обуславливается общей целью – достижение оптимального ролевого взаимодействия между индивидом и обществом. Интеграция – метасистемный уровень, осуществляется преодоление конфликта между собственными представлениями о роли и ожиданиями (18–25 лет). Особенно важным, с нашей точки зрения, выступает феномен блокировки механизмов социализации, сформулированный в докторской диссертации А. А. Нестеровой [245]. Барьером идентификации выступают проблемы в социально-ролевом поведении, снижение мотивации и активности. Блокировка механизма адаптации реализуется через деструктивные коммуникативные установки и эгоизм. Нарушение индивидуализации сопровождается конформностью, отрицательным самоотношением, эмоциональной неустойчивостью. Блокировкой механизма интеграции могут выступить снижение жизненной включенности индивида в социальное пространство. Ценность представленных концептуальных данных автора заключается в интеграции механизмов социализации с барьерами их реализации и демонстрирует эффекты синхронности или диахронности.

Таким образом, анализ ролевой социализации как системного комплекса, приближенного к системам темпорального типа, открывает возможность выявления механизмов функционирования и развития целостных образований и их взаимодействия внутри системного комплекса и оказывается внутренним моментом системного исследования процессуального характера и механизмов ролевой социализации. Однако при реализации экспериментов, раскрывающих генетический план, необходимо учитывать несколько важных моментов. Во-первых, онтогенетическое становление личности в процессе ролевой социализации естественным образом связано с возрастом субъекта. Возраст выступает значимой детерминантной ролевой социализации. В связи с этим,

данный параметр необходимо учесть при реализации эмпирических процедур. Во-вторых, и это связано с первым аспектом, значительные затруднения вызывает изучение ролевой социализации на ранних этапах развития субъекта – это период от 3 до 7 лет. Осложняющим обстоятельством является отсутствие методик исследования ролевой социализации. Кроме того, согласно теме исследования изучению подлежит содержание и специфика ролевой социализации в процессе формирования личности. Вместе с тем сложно назвать личностью ребенка от 0 до 5 лет. Вспомним первый манифест выхода личности на сцену, который датируется А. Н. Леонтьевым 5–6 летним возрастом. Поскольку личность невозможна вне общения и деятельности, то это предполагает смещение фокуса исследования на возрастные этапы юности и ранней взрослости, которые характеризуются активным формированием личности. Безусловно, все предыдущие периоды являются базисом для активного формирования личности. Очевидно, что сензитивным периодом развития мотивов и стилевых особенностей личности является дошкольное детство. Младший школьный возраст и ранний пубертат являются благоприятными для развития способностей. Наиболее важным и решающим в плане активного формирования характера, образа мыслей, установок, ролевых моделей и других составляющих личности является период юности и ранней молодости от 16 до 25–30 лет. Данный возраст характеризуется интеграцией отдельных верениц личностных компонентов в одну целостную систему, образующую своеобразие и уникальность личности. Конечно, перестройка возможна и в более поздние периоды, но она происходит с большими усилиями. В связи с вышеизложенным в качестве исследуемой выборки были взяты два возрастных периода 14–16 и 17–25 лет.

В соответствии с планом и задачами исследования, общая гипотеза, положенная в основу генетического плана, предполагала, что нарушение механизма ролевой социализации, соответствующего конкретному возрастному диапазону, будет наиболее выражено именно в этом возрасте. В частности, при сравнении подростков и респондентов в период молодости у подростков будет наиболее выражено нарушение механизма индивидуализации, а у респондентов в

период молодости – интеграции. Эмпирическая база исследования формировалась на четырех выборках студенты ФГБОУ ВО «НГПУ» (91 юноша и 400 девушек); курсанты НВВКУ (400 юношей в возрасте от 17 до 25 лет), учащиеся общеобразовательных школ г. Новосибирска (114 девочек и 72 мальчика), учащиеся кадетских корпусов г. Новосибирска (134 мальчика и 76 девочек в возрасте от 14 до 16 лет. Всего в исследовании приняли участие 1287 респондентов.

В качестве методов исследования были использованы «Диагностика социально-психологической адаптированности» (СПА) К. Роджерс и Р. Даймонд, автор адаптации Т. В. Снегирева, «Краткий личностный опросник» (КЛО) Дж. Баррет, «Диагностика межличностных отношений» (ДМО) Т. Лири, «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ), «Измерение локуса ролевого конфликта» (ЛРК) П. П. Горностай, методика «Калейдоскоп» (Ю. М. Перевозкина, Л. В. Паньшина, О. О. Андронникова, Н. В. Дмитриева⁶).

Изучение влияния полоролевого соответствия, деструктивной ролевой направленности и возрастного диапазона производилось посредством многофакторного дисперсионного анализа (однородность дисперсий была установлена посредством критерия F-Левена). Апостериорные сравнения производились с помощью критерия t-Шеффе (были рассмотрены различия на уровне ошибки менее 5 %, таблицы 4–12 Приложение 4). Проверялись гипотезы: об отдельном влиянии факторов «ролевая когерентность к полу» и «возрастной диапазон» и о совместном влиянии этих двух факторов.

Результаты исследования показали как отдельное влияние факторов, так и их совместное воздействие на социально-психологическую адаптированность, ощущение субъективного благополучия, межличностные отношения и личностные особенности молодежи, относящейся к разным возрастным группам с вероятностью ошибки менее 3 % (таблица 53).

⁶ Патент № 2625284 зарегистрирован от 12 июля 2017 г.

Одномерные результаты для каждой зависимой переменной (MANOVA)

Зависимые переменные	Статистики	Возрастной диапазон	Ролевая когерентность с полом	Возрастной диапазон*и ролевая когерентность с полом
Локус ролевого конфликта	F	70,440	11,24	7,22
	p	0,000	0,001	0,007
Эмоциональный комфорт	F	0,000	2,79	10,41
	p	0,986	0,095	0,001
Принятие себя	F	0,180	6,25	93,21
	p	0,675	0,013	0,000
Уверенность	F	109,120	4,07	6,45
	p	0,000	0,044	0,011
Независимость	F	256,610	7,41	5,51
	p	0,000	0,007	0,019
Зависимость	F	248,330	3,80	16,23
	p	0,000	0,051	0,000
Неуверенность	F	121,330	3,31	65,42
	p	0,000	0,069	0,000
Общительность	F	33,000	0,36	14,73
	p	0,000	0,551	0,000
Отзывчивость	F	71,053	0,031	5,237
	p	0,000	0,859	0,022

Было обнаружено как совместное статистически значимое влияние ролевой когерентности с полом и возраста на локус ролевого конфликта, уверенность и независимость, так и их отдельное влияние ($p \leq 0,01$). Выявлено статистически значимое влияние ролевой когерентности с полом на принятие себя ($p = 0,013$), а также совместное влияние ролевой когерентности с полом и возраста на принятие себя молодежью ($p = 0,000$). Обнаружено статистически значимое влияние возраста на зависимость, неуверенность, общительность, отзывчивость ($p = 0,000$) и совместное влияние ролевой когерентности с полом и возраста ($p \leq 0,02$).

Обнаруженное статистически значимое совместное влияние полоролевой когерентности и возрастного диапазона демонстрирует, что респонденты в период молодости имеют незначительные флуктуации локуса ролевого конфликта в зависимости от полоролевой когерентности, которые варьируются в пределах одного балла и отражают отсутствие у большинства респондентов локуса ролевого конфликта (относятся к промежуточному типу). Тогда как у подростков

с полоролевой инкогерентностью обнаружен экстернальный локус ролевого конфликта (с 0 до 10 баллов).

При выраженности экстернального локуса ролевого конфликта подростки ориентируются при реализации ролевого поведения на общественные ожидания, игнорируя собственные потребности, интересы и ценности (рисунок 39).

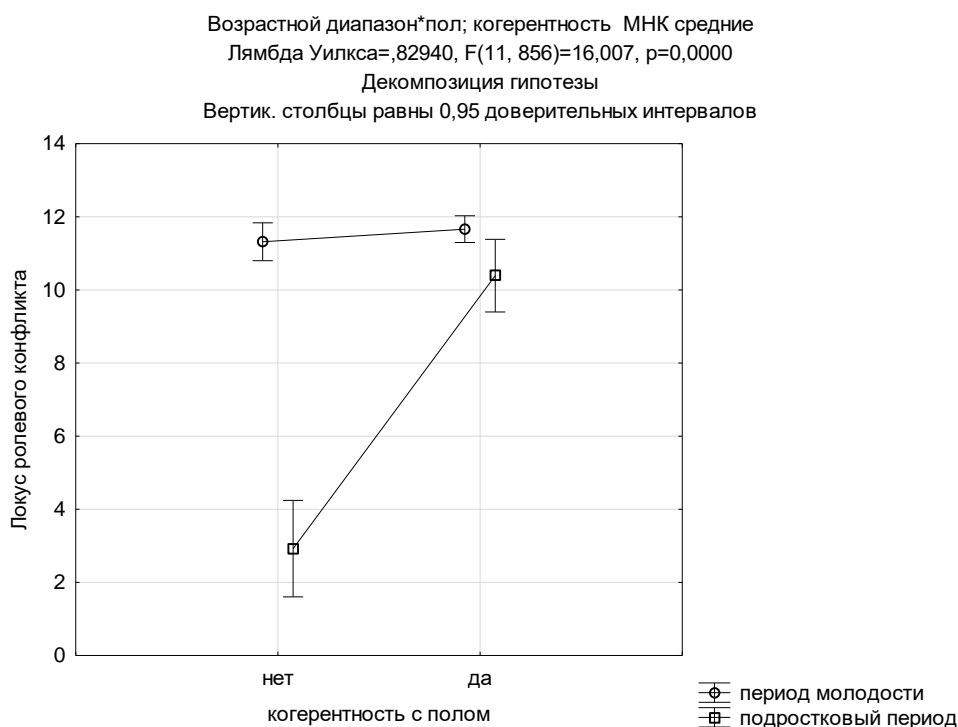

Рисунок 39. Выраженность локуса ролевого конфликта

в зависимости от возрастного периода и ролевой когерентности с полом

Подростки с когерентной ролевой идентичностью, так же как и респонденты в период молодости с когерентной и с инкогерентной ролевой идентичностью, относятся к промежуточному типу (с 11 до 15 баллов). Для таких индивидов свойственно бесконфликтное сочетание социокультурных ожиданий относительно роли и индивидуальных приоритетов в ролевом поведении. Следовательно, при нарушении в ролевом поведении подростки транслируют конформное поведение, раскрывающееся через сложности в самореализации подростка в социальном пространстве. Полученные результаты отражают тот факт, что именно в подростковом возрасте при нарушении ролевой когерентности блокируется ведущий для этого возрастного диапазона механизм индивидуализации.

Результаты исследования демонстрируют статистически значимое влияние ролевой когерентности к полу и возраста на эмоциональный комфорт ($F=10,41$ при $p=0,001$). Подростки с ролевой инкогерентностью к полу имеют значительно сниженную эмоциональную комфортность (43 балла) по сравнению с выборкой респондентов в период молодости и подростков с ролевой инкогерентностью ($M=47,9 \div 50,1$ баллов). Сложности ролевой интернализации, нарушение в принятии ролей, соответствующих полу у подростков, сопровождается проживанием неуверенности в себе, беспокойством, напряженностью, которые нарушают эффективную социальную активность таких подростков (рисунок 40).

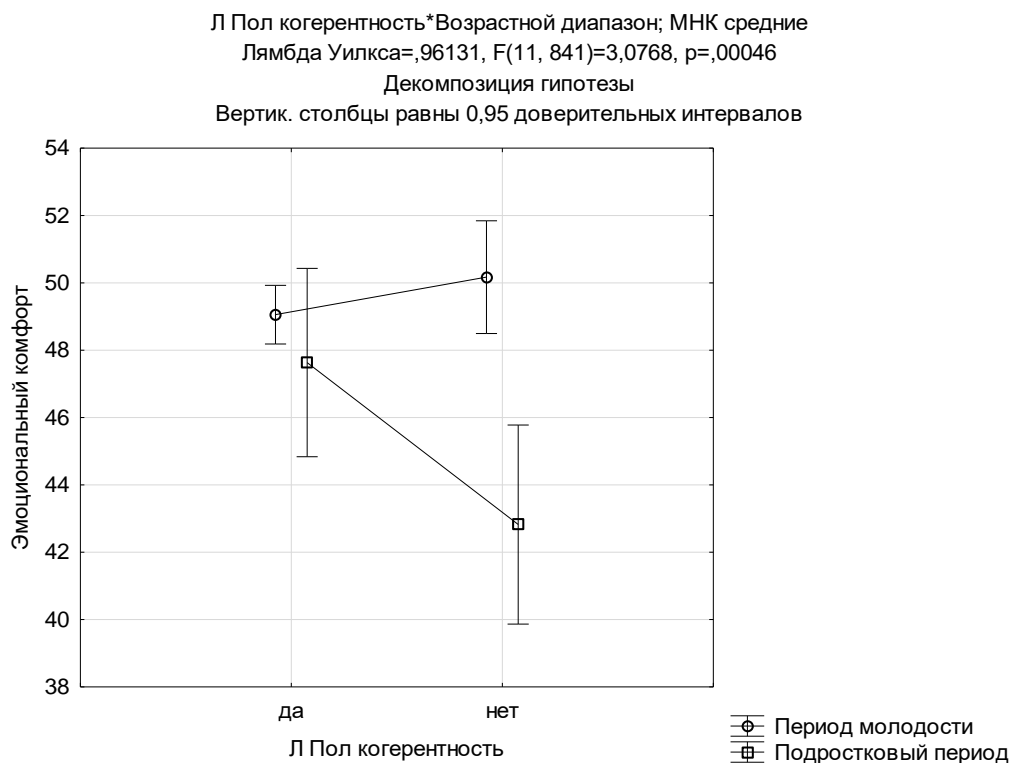

Рисунок 40. Выраженность эмоционального комфорта в зависимости от ролевой когерентности с полом и возрастного периода

Студенты, курсанты и подростки, адекватно интернализирующие половую роль, свидетельствующую о принятии своего пола, демонстрируют состояние спокойствия, уверенности в открытом выражении чувств. Данные полученные Н. Gerardy, N. S. Mounts, A. E. Luckner & D. P. Valentiner [461] отражают тот факт, что подростки с высоким просоциальным поведением, принятием себя характеризуются свободным взаимодействием со сверстниками. Аналогичные

данные представлены в работе D. Monk, L. A. Ricciardelli [548], доказывающих, что полоролевой конфликт обуславливает проблемы в социальной интеграции подростков. A. Hardy & D. Howitt [481] установили, что ориентация на маскулинный тип поведения у девушек детерминирована субъективной потребностью в защите наряду с желанием независимости. В целом необходимо отметить, что с увеличением возраста молодые люди в большей степени характеризуются эмоциональным удовлетворением, эмоциональной стабильностью в контексте социальной активности. При этом у респондентов в возрасте 18–25 лет не наблюдается влияния ролевой когерентности с полом. Согласно данным проведенного исследования Д. В. Букатова и А. А. Курочкина [51] для подростков характерно более сниженное состояние эмоционального комфорта, по сравнению со студентами. Это в целом отражает тот факт, что подростки отличаются активным включением в социальное пространство и раскрытием собственной индивидуальности, состоянием кризиса, что, собственно, и приводит к эмоциональной нестабильности. Однако результаты нашего исследования показывают необходимость дифференциации подростков в зависимости от адекватного ролевого освоения.

Аналогичные данные были получены по таким параметрам, как «принятие себя» и «принятие других», подростки с ролевой инкогерентностью имеют низкие результаты по этим показателям – ниже 42 баллов (рисунки 41 и 42).

Безусловно, подростковый кризис, сопряженный с активным самоанализом и углублением в собственную личность, предусматривает флуктуации по отношению к собственной личности, изменчивость в самооценке, и в этой связи могут возникать проблемы с принятием других. С точки зрения И. С. Кона [160], подростковый период характеризуется ролевым многообразием, который может способствовать ролевому конфликту. Проблемы социальной интеграции подростков затрагивает М. В. Науменко [242], отмечая кризис гендерной идентичности современного подростка. Согласно автору большинство современных подростков обладает смешанным типом гендера – андрогинным.

Л Пол когерентность*Возрастной диапазон; МНК средние
 Лямбда Уилкса=.96131, $F(11, 841)=3,0768$, $p=.00046$
 Декомпозиция гипотезы
 Вертик. столбцы равны 0,95 доверительных интервалов

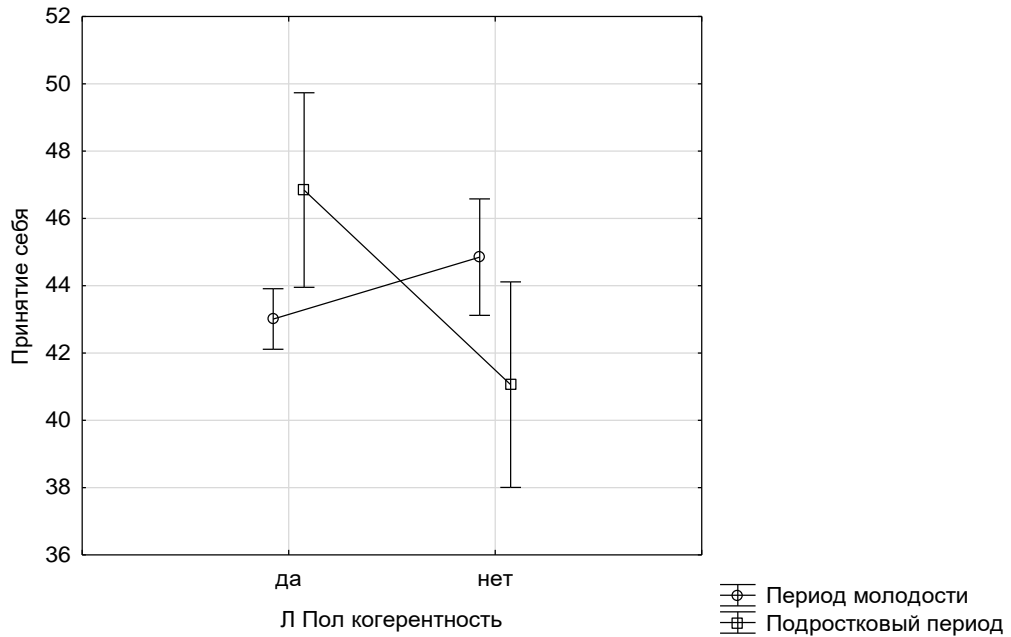

Рисунок 41. Выраженность принятия себя

в зависимости от ролевой когерентности с полом и возрастом

Средние наим. квадр.
 Лямбда Уилкса=1,0000, $F(12, 435)=--$, $p= 0,000$
 Декомпозиция гипотезы
 Вертик. столбцы равны 0,95 доверительных интервалов

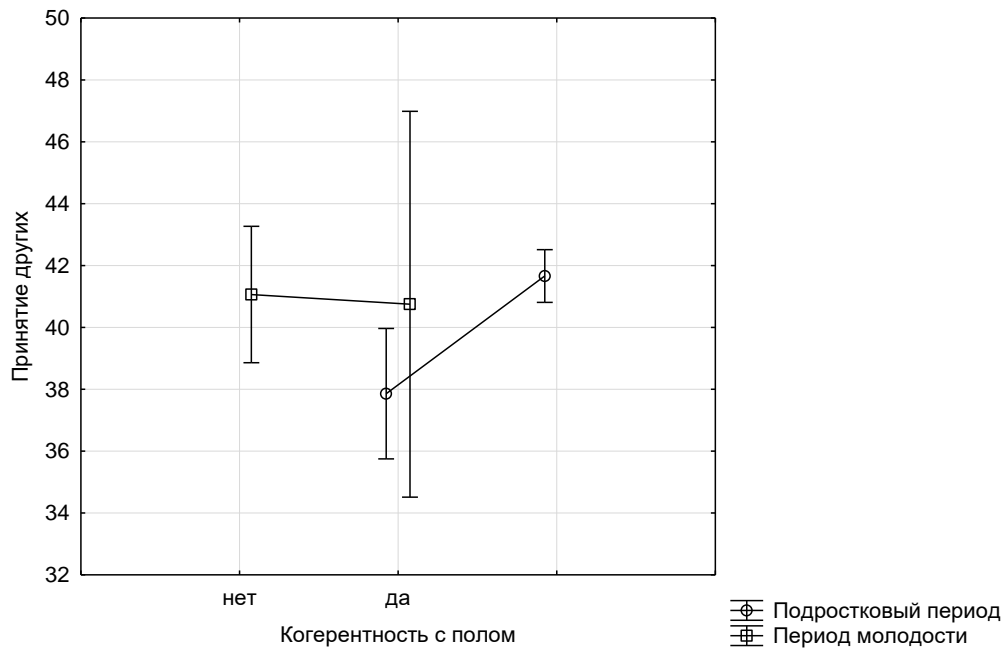

Рисунок 42. Выраженность принятия других

в зависимости от ролевой когерентности с полом и возрастом

Обнаруженные различия по признакам, отражающим включенность субъекта в социальное пространство, демонстрируют статистически значимое снижение по общительности и отзывчивости у респондентов в период молодости ($M=2,23$ и $M=3,6$ баллов соответственно). По данным Ю. А. Парфенюк [256], молодые люди, испытывающие сложности в межличностном взаимодействии, представляют особую группу риска. Таким образом, приведенные результаты исследования демонстрируют, что у респондентов в период молодости выражены нарушение активной включенности в социальное пространство и низкая готовность к самореализации (рисунок 43).

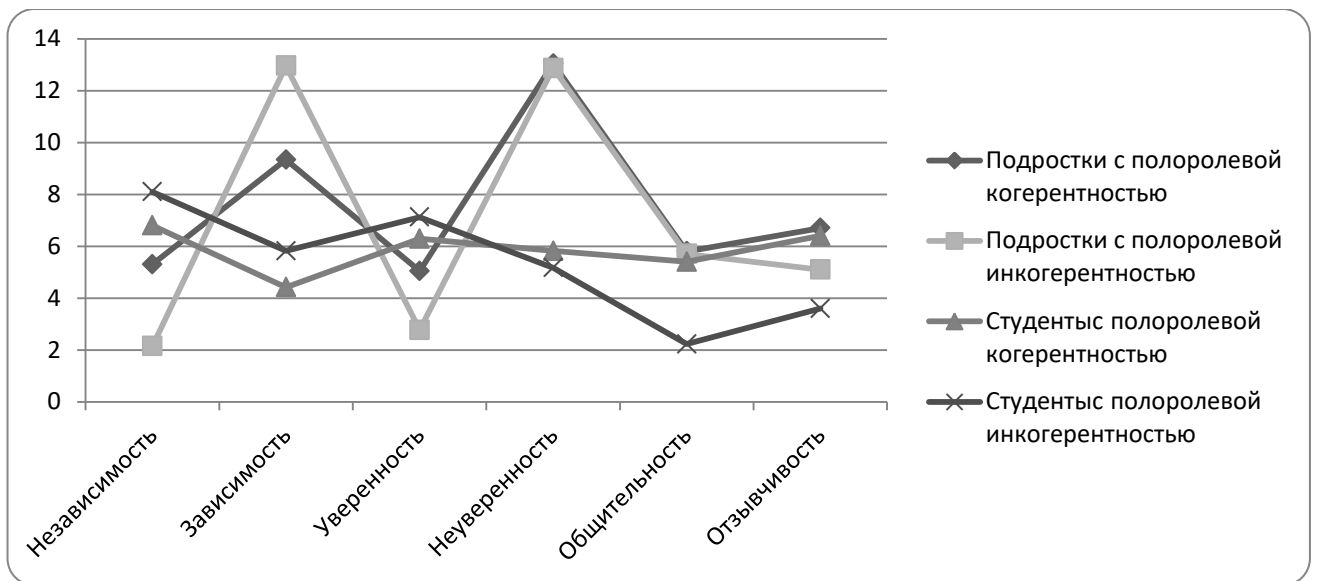

Рисунок 43. Выраженность степени адаптированности в социальном пространстве в зависимости от ролевой когерентности с полом и возрастом

Обсуждая полученные результаты в рамках системного подхода, необходимо указать на один важный факт, который был зафиксирован в нашем исследовании – нарушение в интернализации роли (полоролевая инкогерентность) связано с проблемами включенности в социальное пространство, выражающихся в виде зависимости, конформности, эмоциональной неустойчивости, неприятия себя и других, в подростковом возрасте. Снижение общительности, отзывчивости, отражающих низкий уровень социальной включенности, в большей степени свойственно для респондентов в период молодости. Полученный феномен, можно объяснить с позиции системного

подхода, в рамках которого предполагается, что объективная реальность, представленная в качестве социальных ролей, получает свое удвоенное существование в виде субъективной реальности [137]. Иначе говоря, социальные роли транспонируются в пространство личности в специфичной форме – в виде идеальных ролевых моделей в рамках системного комплекса. При этом чем выше максимальное подобие этих моделей, тем выше социальное функционирование субъекта. Чем полнее, адекватнее, по словам А. В. Карпова, а «в идеале – “изоморфнее” он (объект) будет по отношению к объективной реальности, тем лучше для всей системы» [137, с. 187]. Следовательно, искажение в представленности ролевой модели в идеальном пространстве индивида приводит к сложностям в социализации индивида. Кроме того, согласно полученным данным нарушения в социальном функционировании имеют свою специфику в зависимости от возраста и тесно связаны с механизмами социализации. Так, нарушение механизма индивидуализации, связанное с открытием своей уникальности, становлением идентичности, самосознания, на которые одним из первых указал Л. С. Выготский [66], характерно для подросткового периода. У подростков с полоролевой инкогерентностью по сравнению с респондентами в период молодости более выражен экстернальный локус ролевого конфликта (конформность и зависимость от ожиданий). Они испытывают эмоциональный дискомфорт, выражено неприятие себя и других людей ($p=0,000$). В то же время респонденты в период молодости, имеющие полоролевою инкогерентность, демонстрируют сниженную общительность, независимость, что позволяет констатировать у них нарушение механизма интеграции. Блокировка данного механизма у субъекта препятствует преодолению конфликта между индивидуальными потребностями, особенностями и установками и ролевыми ожиданиями [15].

Полученные данные подтверждают наше предположение о том, что блокировка определенного механизма ролевой социализации, соответствующего конкретному возрастному диапазону, будет наиболее выражена именно в этом возрасте. Результаты наших исследований показали статистически значимое

совместное влияние полоролевой когерентности, направленности и возраста ($p < 0,03$).

Таким образом, полученные в данном плане исследования данные позволяют сделать несколько важных выводов. Во-первых, различия между подростками и респондентами в период молодости позволили выявить системогенетические закономерности, заключающиеся в том, что ролевая социализация имеет иерархическую структуру. При этом каждый уровень ролевой социализации разворачивается последовательно в процессе вхождения субъекта в социокультурное пространство. Нарушение конкретного механизма ролевой социализации наиболее характерно для определенного возрастного периода и связано с нарушением ролевой социализации молодежи. Следовательно, генезис иерархической структуры ролевой социализации молодежи представляет поэтапное развитие уровней ролевой социализации и формирование соответствующих механизмов.

Во-вторых, блокирование механизма индивидуализации характерно для подростков с полоролевой инкогерентностью, в то же время респонденты в период молодости с нарушенной изоморфностью ролевых моделей демонстрируют сниженную общительность, независимость, что тесно связано с блокировкой механизма интеграции. Успешное социальное функционирование, а, следовательно, и реализация всех уровней организации ролевой социализации, обусловлено сформированностью механизмов и, соответственно, уровней организации ролевой социализации. Значит, мерой выраженности тех или иных уровней организации ролевой социализации выступают механизмы, являющиеся индикатором сформированности уровней.

Во-вторых, реализация эмпирических процедур генетического плана исследования демонстрирует диалогическое взаимодействие двух эффектов темпоральности системного комплекса – синхроничности и диахроничности. Эффективность ролевой социализации достигается вследствие успешной реализации ролевой модели к определённой ситуации и достижения равновесия между личностью и средой. Нарушение ролевой социализации сопровождается

разрывом между требованиями среды и ролевой моделью. Такая соотнесенность предусматривает, что личность синхронизируется с социокультурными нормами, символами, традициями, ритуалами, сферами и пр. Это со всей очевидностью предполагает, что происходит временная организация жизнедеятельности личности, которая тесно связана с темпоральной организацией социума. Значит, весь комплекс содержательных и временных детерминант заложен в социальной и культурной системах.

В-третьих, полоролевая когерентность, направленность личности и ее принадлежность к определенному возрастному периоду, взаимодействуя друг с другом, порождают синергетические эффекты, которые превосходят сумму их содержаний. Это приводит к важному следствию, установленному ранее (см. § 4.3.4) а именно, что ролевые компоненты как социальные агенты в наибольшей степени обуславливают эффективность социального функционирования личности. В этой связи можно с уверенностью констатировать, что чем выше выраженность интегративных эффектов, тем шире область интегрируемого. Иначе говоря, чем более изоморфно представлены ролевые модели в структуре личности, тем более успешно социальное функционирование молодежи. Вместе с тем, когда ролевое поведение субъекта не отвечает реалиям социальной среды, вследствие несформированности механизмов ролевой социализации, а следовательно, и уровней, возникают сложности в ролевой социализации индивида. Иначе говоря, личность транслирует деструктивные формы как интеграции, так и дифференциации ролевых взаимодействий мезоуровня, которые складываются в процессе трансформаций в пространстве уровней ролевой социализации. Это происходит вследствие блокирования механизмов ролевой социализации и, соответственно, неосвоения определенного уровня ролевой социализации личности. В случае невозможности освоить нижележащий уровень, нарушается включение в уровни более высокого порядка. Это сопровождается разрушением ролевой структуры и ролевыми конфликтами. Экспектационный конфликт – несоответствие представлений личности о роли с общественными экспектациями – предполагает непонимание личностью ролевых ожиданий

социально и культурно закрепленных за конкретной ролью и наполнение их своими собственными представлениями (нарушение первого и второго уровня). Межролевой конфликт актуализируется часто в ситуации исполнения нескольких ролей (нарушение второго уровня). Конфликт аутентичности роли предполагает несоответствие предъявляемой роли текущей ситуации, происходит блокирование какой-либо одной роли или нескольких ролей (нарушение второго и третьего уровней). Мотивационно-ролевой конфликт – несовпадение между мотивом и ролью – предполагает противоречие ценностей, интересов, самоотношения, мотивов и исполняемой роли (нарушение четвертого и пятого уровней).

В-четвертых, интегративные эффекты более выражены у студентов и курсантов, относящихся к последнему (наивысшему) уровню ролевой социализации – метасистемному. Именно для этой возрастной группы характерна широкая область интегрируемых компонентов, а следовательно, и синхрония ролевой социализации, реализуемая на метасистемном уровне. Такая согласованность социальных взаимодействий включает приведение в состояние равновесия внутренних ресурсов личности и требований среды. Действительно, реализация ролей у студентов и курсантов предполагает согласование между ролями, социальной ситуацией, потребностями, интересами и пр. Это объективно требует их синхронизации. Такая временная соорганизация предполагает распределение ресурса системного комплекса по нескольким направлениям (общество, культура и личность). Соответственно интеграция все более обобщающихся компонентов является достаточной для осуществления конечной цели ее функционирования.

Социально-психологическое сопровождение ролевой социализации личности

Реализация плана функциональной организации сопряжена с рядом сложностей, связанных с рядом эмпирических процедур в изучении закономерностей функционального плана. Во-первых, определенный нами в § 3.3 полный цикл ролевой социализации предполагает временную развертку, однако в реальных условиях такой акт происходит в большинстве случаев симультанно для самого субъекта, что создает определенные трудности для изучения этого

процесса. Во-вторых, большинство из перечисленных этапов ролевого функционирования происходит бессознательно, за исключением, пожалуй, метауровня, на котором осуществляется рефлексия и осознанный контроль ролевого поведения личности. Кроме того, как личность, так и социальная реальность представляют довольно сложные и многомерные системы, непосредственно детерминированные социально-психологическими, социально-культурными, политическими и экономическими трансформациями. Учитывая указанные выше сложности и отталкиваясь от представлений, сформулированных в § 3.3, есть все основания полагать, что эмпирическую верификацию функционального плана в его упрощенном виде можно осуществить через формирующий эксперимент, в рамках которого возможно воссоздание функциональной организации ролевой социализации. С этой целью нами было проведено специальное исследование, общий замысел которого сводился к созданию специальных экспериментальных условий, в которых реализовывались все основные этапы функциональной организации ролевой социализации. Процедура организации по сути была направлена на выявление актуальных мотивов субъекта в каждой жизненной сфере, их сопоставление с актуальной ролью, выявление эффективности или неэффективности реализации мотива в рамках конкретной роли, интеграцию отвергаемых ролей в ролевой репертуар личности. Таким образом, предполагалась проработка основных ролевых позиций в каждой из пяти жизненных сфер, начиная с формальных и неформальных ролей, заканчивая более глубоким анализом личностных ролей и интеграцией всех основных ролей в единую ролевую структуру индивида.

В этой связи важно обратить внимание на проблемы в социально-психологическом изучении перехода от сложностей интеграции в социальное пространство к маргинализации молодого человека. Так, с точки зрения С. А. Гальцева [67], наряду с традиционными исследованиями деструктивной социализации молодежи имеет место феномен позитивной девиации, т. к. трансформационные процессы общества оказывают противоречивое влияние на социализацию современной молодежи. С одной стороны, социальные

инновационные реформы способствуют возникновению социально значимых качеств индивида, улучшающих его социальные результаты, формируют социальную готовность к быстро меняющейся социальной среде. С другой стороны, изменения российского общества приводят у части молодежи к спутанности социальных ролей, к незаконным способам деятельности, к формированию агрессивного поведения и, в итоге, к неуспешной социализации. П. Бергер, Т. Лукман [40] вводят критерий симметрии/асимметрии. Успешная социализация предполагает установление симметричных отношений между социальной и субъективной реальностью, т. е. в процессе социализации личность успешно осваивает культурные и морально-нормативные образцы и модели ролевого поведения, преломляет их через собственные потребности, установки, интересы и ценности и реализует преобразованные модели в социальном пространстве. Это еще раз подтверждает, что ролевая социализация воплощает в себе такие основные закономерности и специфические особенности, как феномены синхроничности и диахроничности, синергетические эффекты. При неуспешной социализации, по мнению авторов [40], возникает конфликт между индивидуально-личностными представлениями и предложенными обществом ожиданиями, что отражает эффекты диахроничности. Многовариативность современного мира, который предлагает, с одной стороны, большой выбор ролевых возможностей (социальные сети, например), а с другой – подразумевает необходимость выбора собственной позиции, что в свою очередь, затрудняет успешную социализацию. Вследствие этого, необходимым становится применение эффективных психологических вмешательств, направленных на формирование эффективной функционально-ролевой структуры молодого человека.

Б. Д. Карвасарский [128] предлагает считать психологическую составляющую приоритетной, т. к. сам процесс психотерапии, по мнению автора, направлен на достижение изменения психологических феноменов. Э. Шостром и Л. Браммер [355] предлагают рассматривать психологическое консультирование и психотерапию как пересекающиеся области профессиональной деятельности

психолога. Психологическое консультирование, согласно авторам, ориентировано на образовательное, ситуативное, сознательно информированное решение проблем и оказание услуг. В то же время психотерапия предполагает длительную, глубинную, долговременную реконструкцию неврозов и других серьезных эмоциональных проблем. Таким образом, в контексте консультирования речь идет об относительно неглубоких проблемах личности, тогда как психотерапия предполагает существенную, глубинную модификацию личности.

Научной основой любой психологической помощи выступает теория, опирающаяся на опыт, экспериментальные и теоретические исследования, которые задают модель психологического сопровождения, гипотезу, предпосылки процесса психологического сопровождения, причинно-следственную связь между работой психолога и полученным результатом, эффективность получения желаемого результата [355]. О. О. Андроникова [19] приводит схему треалогического подхода, при котором человек представлен в виде трех компонентов: когнитивный, эмоциональный и телесный. В этой связи определяются специфические области, в которых определенный подход психологического сопровождения будет более эффективным (например, когнитивная терапия в области когнитивного компонента, телесная терапия в контексте телесного компонента и т. д.), а некоторые подходы хорошо работают в промежуточных областях (например, гештальт-терапия эксплуатируется на стыке эмоциональной и телесной областей). Вместе с тем О. О. Андроникова отмечает, что человек не состоит из отдельных, изолированных компонентов, и влияние на одну из областей неминуемо приводит к изменениям в другой области. Автор утверждает, что большинство ученых склоняются к выводу, что психологическая помощь касается специфических отношений человека и социума, в которых отражаются и актуализируются психологические особенности индивидуума.

Таким образом, можно утверждать, что социальные проблемы молодежи, связанные с ролевыми искажениями в структуре личности, можно решить при помощи специально организованного психологического сопровождения, но при этом необходимо понимать, что применение различных подходов будут иметь

свои ограничения. В понимании сущности молодежной субкультуры А. Г. Асмолов [27] подчеркивает, что у молодежи в наиболее явном виде представлено поисково-социальное поведение, способствующее наращиванию диапазона вариативности ролевого поведения. Ученый приводит возможные риски программ социального сопровождения молодежи, среди которых обозначает:

- 1) недооценку социального, культурного и психологического разнообразия молодежи как особой социально-возрастной группы;
- 2) искажение социального восприятия молодежи как пассивного объекта идеологических воздействий;
- 3) социальные проекции, рационализирующие молодежные субкультуры, выходящие за рамки схемы «поводырь–ведомый», выражающиеся в наделении молодежи атрибутами «антикультуры» [27].

Автор подчеркивает необходимость поиска способов и путей сотрудничества, взаимодействия и оказания психологической помощи современной молодежи, существующей в мире социальных сетей.

Использование методов по работе с ролями и их изменению не является новым. Существует достаточно большое количество работ, демонстрирующих успешное применение различного рода психотерапий по трансформации ролевой модели. Согласно данным J. T. Pardeck & J. Pardeck [570] применение библиотерапии при коррекции полоролевых конфликтов у детей является эффективным методом для восстановления и развития адекватной половой роли у детей и подростков. Исторически ролевой подход берет свое начало от двух направлений: теория символического интеракционизма и психодрама Я. Морено. Необходимо сразу же оговориться, что в подходе символического интеракционизма непосредственного использования ролей в психотерапии не осуществлялось. В основном психотерапевтическое воздействие было направлено на работу с Я-концепцией личности, использование дискурса для продуцирования успешных взаимодействий индивидом [489]. Психодраматическое направление, основателем которого является Я. Морено, напротив, в основу психотерапии

ставит использование в работе с клиентами ролей, рассматривая личность как набор ролей. В данном направлении развивается мысль, что психотерапевтический эффект достигается посредством увеличения ролевого репертуара субъекта и обучения спонтанности, выражающейся в акте творчества. Согласно Я. Л. Морено [234] в каждый момент жизни человек выступает в различных ролевых категориях, определяющих позиции субъекта относительно жизнедеятельности. Они взаимопроникают и определяют друг друга, хотя в конкретной ситуации некоторые могут быть более выражены, чем другие. Роли могут закрепляться в стереотипной форме, что препятствует спонтанности, воплощающейся в творческой энергии. Ученый полагал, что специфика ролевого репертуара определяет особенности ролевого развития личности. Яркий представитель теории и практики психодрамы американский психотерапевт Д. Киппер [506], базируясь на богатейшем клиническом опыте, использует ролевые (имитационные) игры для разрешения проблем в индивидуальной, семейной и групповой психотерапии. В своей работе автор описывает основы психодраматической терапии, которые проистекают из теории ролей, социометрии Я. Морено и психологии творчества.

В теории Я. Морено становление личности рассматривается через стадиальность ролевого развития индивида:

- 1) эмбриональная стадия – первое взаимодействие индивида с миром, где мать выступает проводником, образуя с ребенком органическое единство, активизируются соматические роли;
- 2) стадия вселенской идентичности, на которой формируется единство индивида и мира через интеракциональное единство с матерью (по К. Хорни и Э. Эриксону формируется базовое доверие к миру [333; 363]), происходит становление психосоматических ролей (например, получение удовольствия от сосания материнской груди, чувство наслаждения – способность к любви);
- 3) стадия вселенской реальности – осуществляется дифференциация людей и окружающих предметов, выделяется самостоятельная часть Я

субъекта, происходит восприятие и зеркальное отображение внешних проявлений роли в поведении, на этой стадии развиваются психические роли, определяющие характер исполнения соматических и социальных ролей;

- 4) стадия разделения восприятия мира на реальность и фантазийный мир – формируются социальные роли, детерминированные социальным статусом, ребенок проигрывает роль, через подражание;
- 5) стадия переживания тождества с трансперсональным бытием, на которой индивид посредством вживания в роль через ощущение переживаний, стоящих за конкретной ролью, и одновременное восприятие себя извне осуществляет так называемое трансцендирование к новой ролевой категории, происходит интегративное переживание роли, себя в ней и восприятие оценки этого акта другим человеком. На этой стадии формируются трансцендентные или духовные роли, демонстрирующие связь личности со всем человечеством [234].

На каждой из стадий, с точки зрения автора, возможны определенные деформации в усвоении ролей, что обуславливает трудности психического функционирования индивида. Согласно концептуальным взглядам Я. Морено [234] на природу индивида, между двумя или более субъектами в процессе интеракции возникают некоторые бессознательные состояния, включающие переживания, оценки, совместный опыт и т. д., которые впоследствии получили название интерпсихики [332]. Под интерпсихикой понимается бессознательная система регуляции отношений, которая отличается от коллективного бессознательного К. Г. Юнга тем, что возникает только в процессе взаимодействия. С точки зрения Я. Морено, психотерапевтическая работа может осуществляться только во взаимодействии, а ролевые техники («зеркало», «ролевой обмен» и т. д.) позволяют актуализировать интерперсональное поле конфликта, в то же время игнорируется личность как лишенная смысла абстракция. Все виды ролей (трансцендентные, соматические, психические и социальные) разделяются в психодраматическом подходе на три группы:

функциональные – способствующие эффективному разрешению интерперсонального конфликта; дисфункциональные – оказывающее разрушительное воздействие на интеракции субъекта и его личность; копинговые роли, которые не приводят к эффективному разрешению конфликтного взаимодействия, но в случае когда у индивида недостаточно ресурсов, позволяют совладать с ситуаций, снимая напряжение. Функциональные и дисфункциональные роли, в свою очередь, подразделяются на устойчивые и длительно реализуемые роли (стабильные), проявляющиеся периодически (или уходящие) и нестабильные (появляющиеся эпизодически и зависящие от ситуации). В психодраме также предложена классификация копинговых ролей, основанная на понимании личности и формирования базовой тревоги К. Хорни: движение к людям или ситуации; движение от людей или от ситуации; движение против людей или ситуации.

В рамках психодраматической терапии осуществляется диагностика нарушений на разных стадиях посредством воспроизведения определенной роли или драматического акта, отражающего значимое событие из жизни индивида, связанное с предъявляемой проблемой. Смысл ролевой терапии заключается в преобразовании дисфункциональных ролей в функциональные, при использовании анализа взаимодействия ролей, конфликтов между ролями и их переходов друг в друга. При этом сцены, как указывает Г. Лейтц [195], должны разыгрываться в настоящем, что позволяет здесь и сейчас отреагировать, осознать и конструктивно изменить свои жизненные установки, мешающие адекватному функционированию.

Отмечая продуктивность положений и взглядов психодрамы, необходимо указать на несколько обстоятельств. Первое: в подходе Я. Морено личность исключается из анализа, который направлен сугубо на отношения между субъектами взаимодействия, а основу терапии составляет диагностика отношений, которые он хотел бы изменить. Второе, что необходимо отметить как критическое замечание, – это ролевая множественность и неопределенность понятия «роль», которое можно отнести к ситуации, к взаимодействию, к

действию или к характеристикам индивида (например, роль «принимающий пищу», «созерцающий» или «влюбленный»), единственные роли, которые действительно отвечают научному пониманию концепта «роль», – это социальные роли. Также в качестве критических замечаний укажем на немногочисленные эмпирические исследования, направленные на изучение эффективности психодрамы как психотерапевтического метода. А. Хайгл-Эверс с коллегами [332] приводят данные нескольких исследований, содержащие результаты частичного улучшения после применения психодрамы для больных шизофренией, больных с невротической симптоматикой, пациентов с алкогольной зависимостью. В то же время авторы отмечают, что научные доказательства успешности психодрамы в настоящий момент отсутствуют [385; 632]. Проведенный R. A. Ruddy and K. Dent-Brown [580] статистический анализ 183 исследований показал, что только пять работ соответствовали критериям оценки эффективности психодрамы для психотерапевтического воздействия с больными шизофренией в условиях стационара. Однако и в этих пяти трудах, как указывают авторы, не было никаких убедительных данных о вреде или преимуществах драматической терапии для пациентов с шизофренией.

Вместе с тем необходимо отметить, что хотя некоторые положения теории Я. Морено подвержены критике, в его ролевой концепции личности содержится несколько важных моментов о ролевой природе индивида, которую мы частично описали в § 3.2 и кратко попытаемся изложить здесь. Как указывает П. П. Горностай [80], проблема психодраматического подхода к пониманию личности и усвоению ролей ограничена социальным взаимодействием, в то же время в § 1.3 нами был раскрыт тезис И. С. Кона о взаимовлиянии роли и личности, который демонстрирует более широкое понимание роли, выходящее за рамки социального контекста. В этой связи П. П. Горностай [80] предлагает говорить о личностных ролях, к которым он относит половые роли, тесно переплетающиеся как с личностной структурой, так и с глубинными основами личности (например, архетипы Анимы/Анимуса). Таким образом, по мнению П. П. Горностая, ролевая психотерапия реализуется в двух направлениях:

1) психодраматическом – эксплуатирующем проигрывание ролей и катарсис как рефлексию конфликтной коммуникации; 2) ролевой терапии, которая предполагает трансформацию компонентов ролевой структуры личности от ситуативных до глубинных (транзактный анализ Э. Берна, терапия фиксированной роли Дж. Келли). В рамках транзактного анализа Э. Берна [43] анализируются ролевые дисгармонии индивида и корректируются его жизненные сценарии, что позволяет совершенствовать ролевой репертуар и жизненную эффективность личности. В отличие от драматерапии акцент ставится на сценарном взаимодействии, разыгрывая которое субъекты пытаются восстановить то, что они вынесли из своего детства. В случае неконструктивного сценария производится «переписывание» сценариев жизни. Сам индивид не включен в фокус терапевтического анализа, а объектом терапии является проблема взаимодействия между людьми [302]. К критическим замечаниям транзактного анализа, по словам К. Рудестама [302], относят немногочисленность работ о подтверждении эффективности транзактного анализа (лабораторные исследования, изучение терапевтического эффекта на осужденных, использование в качестве элемента программы для детей). Все эти исследования демонстрируют улучшение показателей самооценки, принятие сверстников, снижение признаков асоциальности и т. д.

Целью другого ролевого направления в психотерапии (терапия фиксированной роли Дж. Келли [142]) является достижение индивидом эффективного выполнения разнообразных ролей, которое, с точки зрения автора является аналогом психического здоровья личности. Роль понимается Дж. Келли с позиции теории символического интеракционизма как образ действия «зеркального Я». При дисбалансированном ролевом репертуаре клиент вместе с терапевтом исследует ролевое поведение клиента (при помощи написания истории) и производит изменение системы ролевых конструктов личности посредством фиксированной (вымышленной) роли, которую нужно «сыграть» как в терапевтической ситуации, так и в реальной жизни. В результате такого

ролевого взаимодействия происходит совершенствование ролевого репертуара личности и повышение его функциональности.

Если попытаться обобщить все три направления, то можно выделить общий принцип психологического сопровождения – разыгрывание ролей субъектами психологической работы, при этом каждое из направлений ориентировано на собственные цели. Используемая в рамках транзактного анализа работа с фиксированной ролью направлена на реконструкцию ролевой структуры личности, на гармонизацию жизненного функционирования субъекта, которое может быть нарушено в кризисных ситуациях в виде ролевой инфантилизации. В этом случае индивид использует роли, характерные для ранних возрастных периодов [80]. Кроме того, психологическое ролевое сопровождение может быть направлено на ролевой конфликт, имеющий различную природу [80; 161; 230]. В рамках ролевой теории можно выделить четыре вида ролевых конфликтов.

1. Экспектационный конфликт – несоответствие представлений личности о роли с общественными экспектациями, предполагает непонимание личностью ролевых ожиданий, социально и культурно закрепленных за конкретной ролью, и наполнение их своими собственными представлениями (например, при шизофрении или шизоидной акцентуации). Происходит при отсутствии адекватного включения индивида в социальное пространство, что приводит к неадекватному ролевому поведению и сложностям при межличностном взаимодействии.

2. Конфликт аутентичности роли предполагает несоответствие предъявляемой роли текущей ситуации (семейная, профессиональная, неформальных контактов, интимно-сексуальная). Например, использование в профессиональной сфере ролей с выраженной интимно-сексуальной направленностью с целью добиться более высокого положения. Происходит блокирование какой-либо одной или нескольких ролей вследствие психической травмы, кризиса идентичности, дистресса, что приводит к ролевым искажениям в структуре личности. В результате таких искажений блокируемые роли

вытесняются в «теневую» зону бессознательного и могут проецироваться на окружающих людей.

3. Межролевой конфликт – реализация одной личностью нескольких ролей одновременно. Как правило, экспектации этих ролей характеризуются противоречивостью или недостаточной скоординированностью. Например, одновременное выполнение роли учителя и матери (в случае обучения своего ребенка).

4. Мотивационно-ролевой конфликт – несовпадение между потребностью и ролью, предполагает противоречие ценностей, интересов, самоотношения, мотивов и исполняемой роли. Такой конфликт актуализируется часто в ситуации исполнения нескольких ролей, что свойственно для современной личности, и может сопровождаться психоэмоциональным напряжением, негативными эмоциями, нервно-психической неустойчивостью.

Важно обратить внимание, что в определенной степени все эти конфликты свойственны психологически здоровой личности, т. к. (следуя теории конфликтов [407]) природа человека имеет конфликтный характер. Вместе с тем указанные конфликты могут оказывать деструктивное влияние на личность, дезорганизуя ролевое поведение и продуцируя такие психологические проблемы, как девиантное поведение, аддикции, виктимность и т. п. Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриева [165; 166] считают, что в основе аддиктивного и девиантного поведения лежат неудовлетворенные основные потребности в любви и чувстве принадлежности; во власти и самоутверждении; в активности; в стремлении получения удовольствия. Перечисленные мотивы отражают основные потребности личности, которые сопоставлены с 10 основными базовыми ролями и подробно проанализированы нами в § 3.2. Авторы отмечают, что в качестве способов работы с аддиктивной и девиантной личностью в контексте психосоциального подхода осуществляется ресоциализация личности, предполагающая улучшение качества жизни девианта. Качество жизни, первоначально используемое в медицине и постепенно перешедшее в более широкую социально-психологическую сферу, предполагает формирование у

индивида ответственного отношения к социальному поведению. Д. В. Четвериков [340] выдвигает базовый принцип коррекционной работы с аддиктивной личностью, предполагающий повышение социальной активности и социального функционирования. Согласно концептуальным-методологическим постулатам, положенным в основу ролевой социализации молодежи, можно выдвинуть предположение о двухуровневой модели ролевого сопровождения личности при нарушенной социализации, общая схема которой представлена на рисунке 44.

Рисунок 44. Двухуровневая модель ролевого сопровождения личности при нарушенной социализации

Внешний уровень направлен на достижение оптимального социального функционирования в пяти жизненных сферах личности, улучшение качества жизни и ролевого функционирования, а внутренний – на реконструкции базисных установок субъекта, стабилизацию психологических факторов ролевого

репертуара, механизмов усвоения ролей, достижение оптимума индивидуального бытия.

Следовательно, основная цель ролевого сопровождения – достижение гармоничного равновесия между индивидуальными личностными компонентами (потребности, ценности, установки) и социальными ожиданиями роли.

Формулирование этапов ролевого сопровождения предполагает соблюдение ряда принципов.

1. *Принцип многоуровневости* включает все уровни социализации:

- макросоциальный уровень – диагностика и реконструкция системы ролевых отношений в сфере контактов и профессиональной сфере, развитие социально-ролевой компетентности, расширение ролевого репертуара, поиск ресурсов ролевого взаимодействия, адаптация к социальным нормам ролевого взаимодействия, работа с экспектационным конфликтом;
- микросоциальный уровень – диагностика и реконструкция системы ролевых отношений в семейной сфере и интимно-сексуальной сфере, анализ ролевого распределения, изменение установок и стереотипов ролевого поведения в семье и с сексуальным партнером, овладение знаниями и навыками гибкого ролевого взаимодействия, работа с конфликтом аутентичности роли;
- интрапсихический уровень – диагностика и реконструкция ролевого репертуара личности, нахождение ресурсов и ограничений личностного ролевого поведения, осознание потребностей, мотивации, направленности, ценностно-смысловых ориентиров, и соотнесение их с ролевыми ожиданиями реализуемых или желаемых ролей, формирование позитивного самоотношения, реконструкции базисных установок субъекта, работа с мотивационно-ролевым конфликтом.

2. *Принцип индивидуальности* предполагает понимание уникальности ролевой структуры личности при оценке ролевого репертуара и ролевого поведения индивида. В этом случае важно комплексное рассмотрение

потребностей, ролей и их уровневой структуры и сочетания в каждой из сфер, анализ механизмов усвоения роли их нарушений и ролевых конфликтов, а также разработка индивидуальных ролевых методов формирования и реконструкции ролевого репертуара субъекта.

3. *Принцип иерархичности* предусматривает постепенный переход от элементного уровня к компонентному, субсистемному, системному и, наконец, метасистемному уровням, а также от поверхностной сферы (профессиональная или сфера контактов) к более глубинной (интимно-сексуальная или личностная сфера).

4. *Принцип моделирования.* Создание ролевой ситуации позволяет реконструировать реальную жизненную ситуацию конфликтного взаимодействия, при этом модель сопровождения, позволяющая с разных сторон и с разной детализацией отразить рассматриваемую ситуацию, должна быть изоморфна реальности.

При разработке и теоретическом обосновании целей и принципов ролевого сопровождения необходимо предоставить систему механизмов психологического сопровождения, которые были описаны при рассмотрении модели социализации и представляют одновременно механизмы усвоения социального ролевого опыта (см. § 1.2). Особенно важно обращать внимание на блокирование барьерами одного или нескольких механизмов социализации, которые были подробно обсуждены в § 3.4: механизм инкультурации (Я принадлежу), механизм имитации (Я умею), механизм адаптации (У меня есть), механизм индивидуализации (Я есть), механизм интеграции (Я могу). В соответствии с выделенными принципами и механизмами социально-психологического сопровождения ролевой социализации молодежи осуществлялся выбор приемов, техник и построение программы ролевого сопровождения, направленной на улучшение социально-ролевого функционирования и достижение оптимума индивидуального бытия субъекта.

Задачи программы:

- Познакомить участников с основными понятиями ролевой социализации.

- Рассмотреть ролевые ожидания общества.
- Развить осознание плюсов и минусов ролевых стереотипов.
- Определить индивидуальный ролевой репертуар, его ресурсы, ограничения, возможности развития в каждой из пяти жизненных сфер (личностная, семейная, контактов, профессиональная, интимно-сексуальная).
- Выявить ведущие ролевые мотивы субъекта в каждой сфере.
- Сопоставить ролевые мотивы с ведущей ролью и определить их эффективность/неэффективность реализации в рамках конкретной роли.
- Интегрировать отвергаемые роли в ролевой репертуар личности.
- Развить принятие ответственности за выбор и реализацию роли.
- Расширить ролевой репертуар личности и ролевую гибкость.

Программа проводилась в течение одного учебного года (10 месяцев), два дня один раз в месяц по четыре часа и предусматривала групповую и индивидуальную форму работы таким образом, чтобы в рамках групповой работы проводились индивидуальные сессии (таблица 54).

Таким образом, было проведено 12 групповых сессий. Структурная логика программы включала:

- вводный этап (1 занятие);
- основной этап – 10 занятий (2 занятия на каждую из сфер: контактов, профессиональную, семейную, интимно-сексуальную и личностную);
- заключительный этап (1 занятие).

Таблица 54

Основные блоки реализации программы ролевого сопровождения личности

Этапы	Сферы	Задачи	Техники
Вводный этап		<ul style="list-style-type: none"> - знакомство с группой; - создание атмосферы эмоционального комфорта и доверия; - обсуждение целей и ожиданий группы; - определение ролевого репертуара - выявление ролевых конфликтов 	Техника «Ролевые ситуации»; техника «Тайная роль»; методика «Калейдоскоп»

Этапы	Сферы	Задачи	Техники
Основной этап	Контакты	<ul style="list-style-type: none"> - освоение ролевого взаимодействия в условиях межличностных интеракций; - расширение представлений о своем ролевом образе; - формирование гибкого ролевого взаимодействия; - расширение ролевого диапазона в сфере контактов; - развитие сензитивности к ролевым репрезентациям 	Техника «Сказка»; техника «Ролевые стереотипы»; техника «Ролевой конфликт»; техника «Переговоры антагонистов»; техника «Мои социальные роли»
	Профессиональная сфера	<ul style="list-style-type: none"> - исследование ведущей ролевой позиции в профессиональной сфере; - формирование гибкости ролевых позиций в условиях профессиональной деятельности; - расширение ролевого диапазона в профессиональной сфере 	Техника «Мои профессиональные роли»; техника «Ролевые барьеры в профессии»; техника «Угадай профессиональную роль»; техника «Мир профессий»
	Семейная сфера	<ul style="list-style-type: none"> - исследование своей роли в семье; - определение потребностей и способов контакта в семье через идентификацию с ролевой фигурой; - расширение ролевого диапазона в семейной сфере 	Техника «Ролевая скульптура семьи»; техника «Ролевые позиции в семье»; техника «Родительские роли»
	Интимно-сексуальная сфера	<ul style="list-style-type: none"> - расширение представлений о сексуальном ролевом образе своем и партнера; - освоение ролевого взаимодействия с партнером; - развитие сензитивности к сексуальным ролевым репрезентациям 	Техника «Полярности»; техника «Ролевые ожидания партнеров»; техника «Ролевые потребности в паре»
	Личностная сфера	<ul style="list-style-type: none"> - исследование устойчивого ролевого репертуара личности; - определение неконструктивных ролевых стереотипов и их трансформация; - интеграция новых ролей в ролевую структуру личности 	Техника «Антагонист»; техника «Ролевые контрасты»; техника «Ролевой сценарий»
Заключительный этап		<ul style="list-style-type: none"> - оценка достигнутого, подведение итогов 	Техника «Конвергенция»

Таким образом, предполагается проработка основных ролевых позиций в каждой из пяти жизненных сфер, начиная с формальных и неформальных ролей и заканчивая более глубоким анализом личностных ролей и интеграцией всех основных ролей в единую ролевую структуру индивида.

Формы работы психологического сопровождения предусматривают:

- групповые занятия;
- индивидуальные занятия.

В целом структура группового занятия включает пять составляющих:

- 1) приветствие; психоэмоциональный настрой;
- 2) представление темы группового занятия;
- 3) выполнение ролевых техник;
- 4) обсуждение и рефлексия;
- 5) подведение итогов работы.

Структура индивидуальной работы включает десять основных этапов:

1. Установление контакта.
2. Определение актуальной проблемы.
3. Выделение актуальной ролевой модели.
4. Установление связанной с ведущей ролевой моделью потребности, мотива.
5. Выявление эмоционального отношения к актуальной ролевой модели.
6. Определение и анализ ролевого конфликта.
7. Актуализация ролевой модели.
8. Эксперимент с использованием ролевых техник.
9. Экология результатов сессии.
10. Подведение итогов работы.

Основные этапы индивидуальной работы с примерными вопросами на каждом этапе представлены в таблице 55.

Матрица индивидуального ролевого сопровождения

Этапы	Примерные вопросы
1. Установить контакт	Здравствуйте, меня зовут ..., как я могу к Вам обращаться? Как вы себя чувствуете? Сколько времени Вам нужно?
2. Сбор информации, определить проблему	О чем бы Вы хотели поговорить? С чем Вы пришли?
3. Выделить ведущую ролевую модель	Что Вы делаете когда(проблемная ситуация)? Как Вы поступаете когда (проблемная ситуация). Что чувствуете когда ... (<i>ситуация, рассказанная клиентом</i>)? Какая из этих фигур характеризует Вас в этой ситуации? (Из ролевого репертуара попросить выбрать фигуру и описать ее). Что эта за фигура, опишите ее? Как она связана с Вами?
4. Определить связанную с ведущей ролевой моделью потребность	Что хочет фигура когда (проблемная ситуация)? В чем нуждается больше всего фигура когда (проблемная ситуация)
5. Выявить отношение к ведущей ролевой модели	Что Вы чувствуете по отношению к этой фигуре?
6. Проанализировать ролевой конфликт	Охарактеризуйте эту фигуру. Кого Вам напоминает фигура? Что это за роль? Какие у нее функции и т. д. Как данная роль помогает Вам удовлетворить Вашу потребность в ...? Как Вы относитесь к данной фигуре? Сравнить представления субъекта о роли с общественными ожиданиями, совпадение/несовпадения между потребностью и ролью, противоречия ценностей, интересов, самоотношения, мотивов и выбранной ролевой модели, негативное отношение к роли?
7. Актуализировать ролевую модель	Что Вы хотите с этим сделать?
8. Провести эксперимент с использованием ролевых техник	Я предлагаю Вам выбрать фигуры, которые помогут/помешают в этой ситуации (проработать все фигуры как с ведущей ролевой моделью, действие, потребность чувство). Анализ основных ролей
9. Проверить все ли выразил (экологичность)	Как себя чувствуете, когда вы смотрите на ... (описать смоделированную ролевую модель)? Что-нибудь хотите добавить или изменить? Что будете с этим делать? Как сейчас себя чувствуете?
10. Завершение	Мы можем закончить сейчас? Вы готовы закончить? Наше время подошло к концу, правильно ли я понимаю, что Вы сейчас хотите оставить это как есть?

Завершая, необходимо отметить, что само действие психологического сопровождения ролевой социализации структурируется так, чтобы способствовать прояснению и конкретизации проблемы, исследованию новых ролей, ролевых конфликтов, альтернативного ролевого стиля. Акцент ставится на ролевой структуре в пяти жизненных сферах и ее реализации в социальных ситуациях, поэтому изображение собственной ролевой структуры выступает средством диагностики, на основе которого составляется план социально-психологической работы: какие ролевые отношения являются важными для индивида, что конкретно содержится в этих отношениях, что бы он хотел изменить. В ходе процесса осуществляется поиск и апробирование более конструктивных ролевых моделей, достижение осознания и инсайта, приводящих к реорганизации старых ролевых установок, ролевых паттернов и реализации соответствующих изменений ролевого поведения. Таким образом, сформулированные принципы и технологии ролевого сопровождения, основанные на теоретических положениях понимания ролевой социализации личности как системы, следуя логике научного исследования, предполагают проверку и критический анализ.

С целью установления эффективности ролевого сопровождения молодежи с неуспешной социализацией было проведено исследование, включающее три этапа.

На первом констатирующем этапе осуществлялось формирование экспериментальной и контрольной выборки на основе рандомизации, оценка их равноценности посредством сравнительного анализа (критерий t-Стьюдента и ϕ -Пирсона).

Второй экспериментальный этап предполагал реализацию программы социально-психологического сопровождения ролевой социализации молодежи с экспериментальной группой в течение 10 месяцев.

На третьем контрольном этапе производилась оценка эффективности социально-психологического сопровождения ролевой социализации молодежи, включающая проведение повторного тестирования респондентов контрольной и экспериментальной групп и сравнительный анализ полученных результатов

(критерий t -Стюдента и χ^2 -Мак-Немара) в следующих группах: экспериментальная группа до и после воздействия; экспериментальная и контрольная группы во втором тестировании; контрольная группа в первом и втором тестировании. Для формирования экспериментальной и контрольной выборок был использован кластерный анализ, позволяющий разделить всю выборку на респондентов с успешной и неуспешной социализацией. В качестве испытуемых выступили студенты ФГБОУ ВО «НГПУ» в количестве 491 человека в возрасте от 17 до 25 лет (400 девушек и 91 юноша). Матрица сходства квадратов евклидовых расстояний была построена по результатам диагностики следующих методик: «Опросник профессиональной дезадаптации» (ОПД) О. Н. Родина, «Оценка состояния адаптированности личности» (ОСАДА), «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ), «Шкала социального самоконтроля» М. Снайдер (ШСС), «Шкала социальной фрустрированности» (ШСФ) Л. И. Вассерман. Матрица была подвергнута процедуре иерархического агломеративного кластерного анализа с использованием метода полной связи для объединения кластеров. В результате на расстоянии менее 100 было выделено два кластера, позволивших разделить выборку на две группы (рисунок 45).

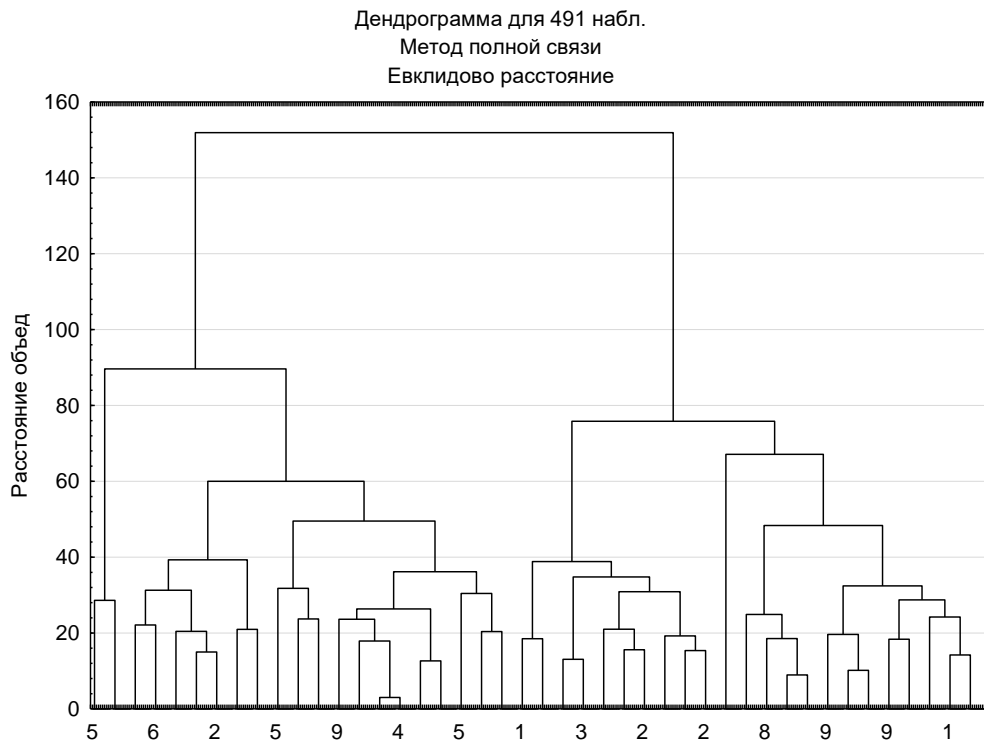

Рисунок 45. Дендрограмма для двух кластеров

С целью оценки эффективности разделения и качественного описания выборок двух кластеров применялся параметрический критерий t-Стьюдента для независимых групп, т. к. была доказана нормальность распределения (таблица 56) по всем диагностическим признакам (критерий d-Колмогорова-Смирнова $p > 0,50$).

Таблица 56

Оценка соответствия нормальному распределению признаков
социализации студентов

Признаки социализации	N	d-K-S	Уровень значимости
Эмоциональные сдвиги	491	0,09	$p > ,20$
Особенности отдельных психических процессов	491	0,14	$p < ,10$
Снижение общей активности	491	0,15	$p > ,20$
Ощущение усталости	491	0,14	$p < ,10$
Соматовегетативные нарушения	491	0,11	$p > ,20$
Нарушение сна/бодрствования	491	0,10	$p > ,20$
Особенности социального взаимодействия	491	0,13	$p < ,10$
Снижение мотивации к деятельности	491	0,16	$p > ,20$
Ухудшение самочувствия	491	0,09	$p > ,20$
Общий уровень дезадаптации	491	0,09	$p > ,20$
Удовлетворенность собой	491	0,12	$p < ,15$
Удовлетворенность ситуацией	491	0,13	$p < ,10$
Удовлетворенность общением	491	0,16	$p > ,20$
Удовлетворенность здоровьем и жизнью	491	0,12	$p < ,15$
Удовлетворенность деятельностью	491	0,14	$p > ,20$
Общий уровень адаптации	491	0,15	$p > ,20$
Субъективное благополучие	491	0,14	$p < ,15$
Напряженность и чувствительность	491	0,17	$p > ,20$
Признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику	491	0,11	$p > ,20$
Изменения настроения	491	0,13	$p < ,20$
Значимость социального окружения	491	0,12	$p > ,20$
Самооценка здоровья	491	0,13	$p < ,20$
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	491	0,11	$p > ,20$
Социальная фрустрированность	491	0,07	$p > ,20$
Социальный самоконтроль	491	0,11	$p < ,15$
Социальная активность	491	0,16	$p < ,15$

Результаты применения критерия t-Стьюдента показали, что осуществленная на основе кластерного анализа классификация была произведена успешно (таблица 57), по всем переменным, за исключением переменной

«Общий уровень адаптации» обнаружены статистически значимые различия ($p < 0,01$).

Таблица 57

Оценка различий по признакам социализации студентов
в зависимости от разделения на два кластера

Метод ики	Признаки социализации	Среднее		t-знач.	p	N кластер	
		1	2			1	2
Опросник профессиональной дезадаптации	Эмоциональные сдвиги	7,75	5,88	7,05	0,0000	98	393
	Особенности отдельных психических процессов	3,56	2,90	4,36	0,0000	98	393
	Снижение общей активности	4,81	4,05	5,14	0,0000	98	393
	Ощущение усталости	5,53	4,05	7,86	0,0000	98	393
	Соматовегетативные нарушения	14,72	12,29	3,65	0,0003	98	393
	Нарушение сна/бодрствования	7,31	5,78	7,03	0,0000	98	393
	Особенности социального взаимодействия	7,56	6,93	2,81	0,0051	98	393
	Снижение мотивации к деятельности	4,09	3,41	5,95	0,0000	98	393
	Ухудшение самочувствия	21,53	16,88	7,42	0,0000	98	393
	Общий уровень дезадаптации	65,38	45,37	6,54	0,0000	98	393
Оценка состояния адаптированности личности	Удовлетворенность собой	11,97	14,51	-11,79	0,0000	98	393
	Удовлетворенность ситуацией	11,44	12,95	-9,34	0,0000	98	393
	Удовлетворенность общением	13,47	15,32	-10,48	0,0000	98	393
	Удовлетворенность здоровьем и жизнью	13,56	14,73	-6,32	0,0000	98	393
	Удовлетворенность деятельностью	12,75	15,15	-11,02	0,0000	98	393
	Общий уровень адаптации	58,16	57,80	0,23	0,8173	98	393
Шкала субъективного благополучия	Субъективное благополучие	55,27	64,44	8,44	0,0000	98	393
	Напряженность и чувствительность	14,47	13,02	5,27	0,0000	98	393
	Признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику	16,94	14,85	5,65	0,0000	98	393
	Изменения настроения	5,62	4,34	7,09	0,0000	98	393
	Значимость социального окружения	8,49	9,59	4,10	0,0000	98	393
	Самооценка здоровья	5,37	7,06	8,33	0,0000	98	393
	Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	9,66	10,81	4,91	0,0000	98	393
	ШСФ	Социальная фрустрированность	35,47	17,90	35,35	0,0000	98
ШСС	Социальный самоконтроль	14,30	12,50	4,59	0,0000	98	393
СА	Социальная активность	10,65	14,37	-3,07	0,0023	98	393

Испытуемые первой группы (N=98) отличаются повышенным уровнем психологической и физиологической дезадаптации в учебно-профессиональной сфере (M=65,38 баллов). По данным О. Н. Родиной [296], уровень от 65 до 95 баллов говорит о выраженной дезадаптации и требует обязательного вмешательства специалистов или проведения программы по реадaptации. Автор отмечает, что адаптация понимается как динамическое образование, предполагающее постоянное приспособление к изменяющимся условиям, таким как изменение профессиональной или учебной среды, смена преподавателя, приобретение профессии. Кроме того, усугублению дезадаптации в учебно-профессиональной деятельности могут способствовать трансформация мотивационно-потребностной сферы. Проявление дезадаптации может выражаться в снижении эффективности учебной деятельности, сложностях в усвоении материала, слабой подготовке к практическим и семинарским занятиям, пропуске занятий. По мнению О. Н. Родиной, критериями дезадаптации могут выступать снижение общей активности, ощущение усталости, нарушение психофизиологического состояния, включающего соматовегетативные нарушения, нарушения сна, ухудшение физиологического самочувствия, снижение психосоциальных параметров, включающих нарушение социального взаимодействия, снижение мотивации к деятельности, повышенная тревожность, снижение настроения. По всем перечисленным выше параметрам респонденты первого кластера, обозначенные нами как лица с неуспешной социализацией, отличаются более высоким уровнем, по сравнению с респондентами с успешной социализацией, относящиеся ко второму кластеру (рисунок 46).

Результаты оценки состояния социальной адаптированности студентов (рисунок 47) и субъективного благополучия (рисунок 48) показали, что респонденты первого кластера менее удовлетворены собой (M=11,97 баллов) по сравнению со студентами второго кластера (M=14,51 балла).

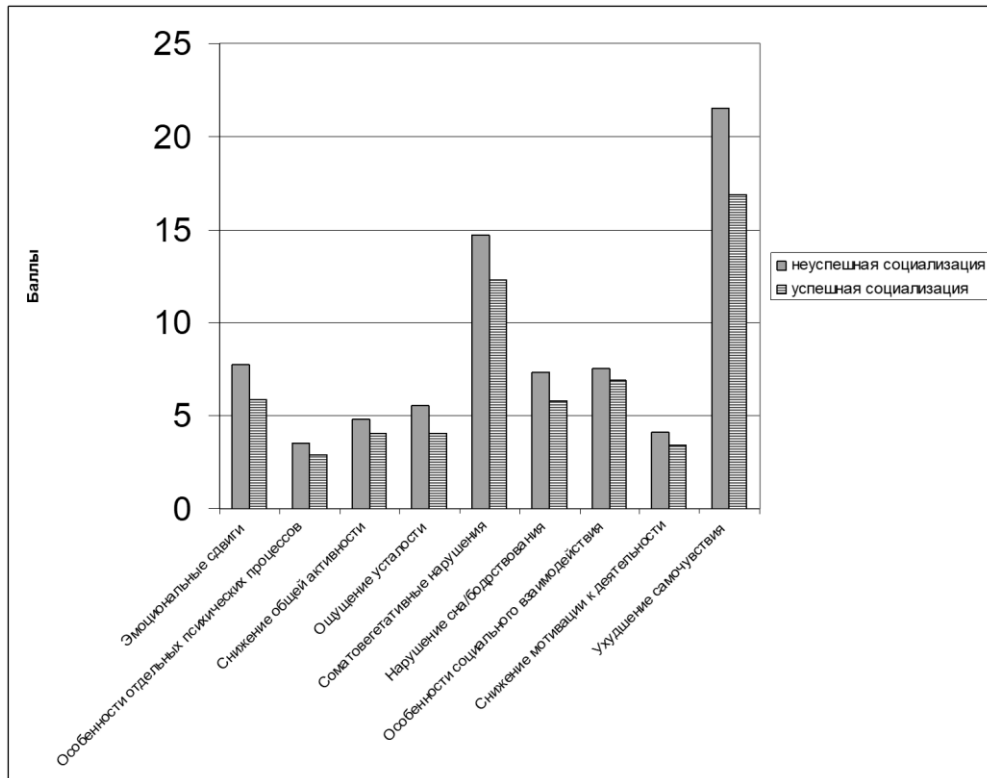

Рисунок 46. Различия по параметрам «учебная» и «профессиональная дезадаптация» студентов первого и второго кластера (значимые на уровне $p < 0,01$)

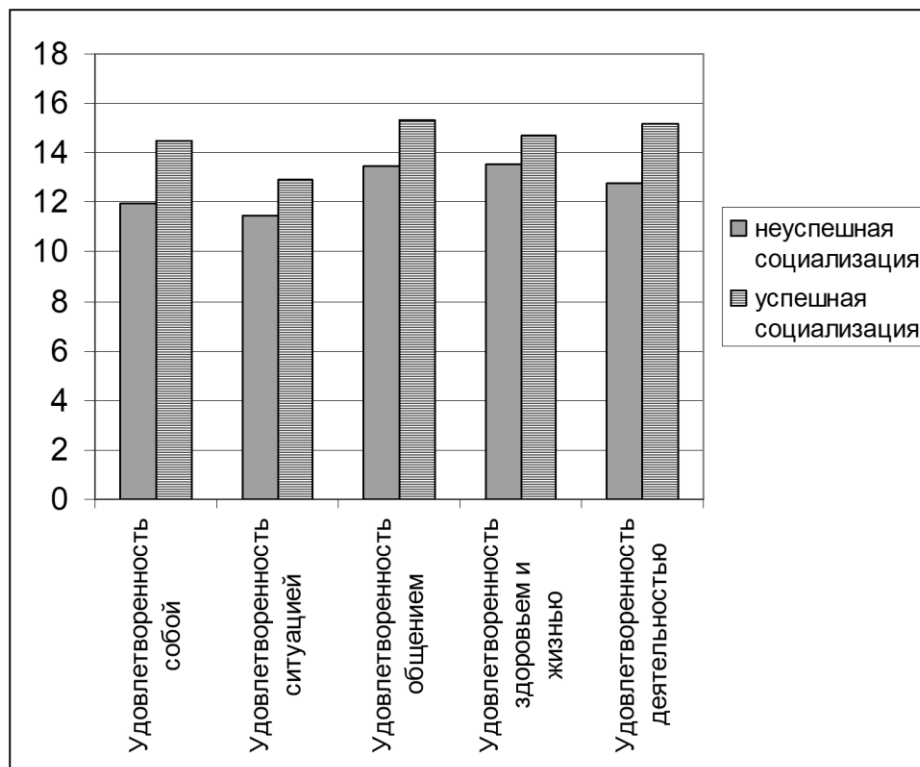

Рисунок 47. Различия по параметрам адаптированности личности студентов первого и второго кластера (значимые на уровне $p < 0,001$)

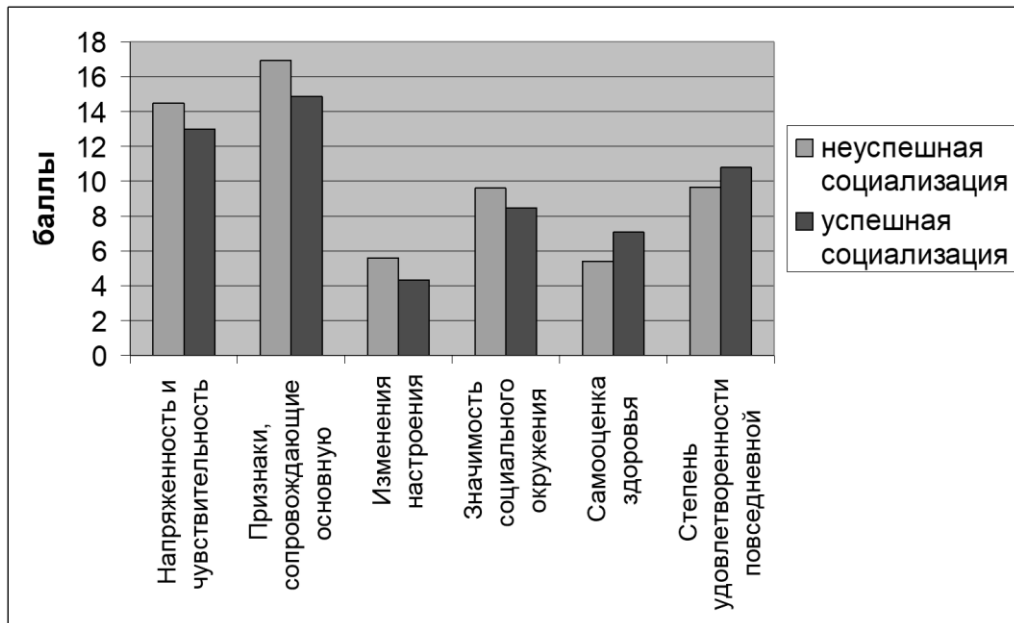

Рисунок 48. Различия по параметрам субъективного благополучия студентов первого и второго кластера (значимые на уровне $p < 0,001$)

Согласно проведенному исследованию С. Н. Jordan et al. [500] лица со сниженной удовлетворенностью низко оценивают свои действия и в ситуации негативного социального функционирования характеризуются сниженным психологическим и социальным благополучием, которое определяется в соответствии с нормами, правилами и ролевыми ожиданиями, зафиксированными в обществе. Респонденты первой группы, по всей видимости, не чувствуют себя обладателями социально желательных качеств, и их ценности могут расходиться с принятыми в обществе, что создает ощущение социально-психологического неблагополучия. По результатам проведенного Р. М. Шамионовым и Е. Е. Бочаровой [350] исследования субъективного благополучия личности в различных условиях этнической социализации авторами был сделан вывод о том, что удовлетворение жизнедеятельностью личностью выступает показателем ее социального здоровья. Авторами была обнаружена положительная взаимосвязь социального благополучия с социальной толерантностью и ценностями. В диссертационном исследовании А. А. Папура [254] доказала, что подростки с высокими показателями уверенности в себе имеют высокую субъективную удовлетворенность качеством жизни и выраженность таких ценностей, как

здоровье, общение, спорт, успешная учеба, семья, признание и уважение людей. По нашим данным, респонденты первой группы отличаются более низкой удовлетворенностью здоровьем и жизнью ($M=13,56$ баллов), сниженной самооценкой собственного здоровья ($M=5,37$ баллов) и выраженностью признаков, сопровождающих основную психоэмоциональную симптоматику (16,94 балла) в отличие от респондентов второй группы ($M=14,73$, $M=7,06$ баллов и $M=14,85$ соответственно). Низкая удовлетворенность собой связана с депрессией, снижением удовлетворенности жизнью и даже суицидальными импульсами [487; 557; 568].

Результаты применения критерия t-Стьюдента показали, что студенты в первой группе характеризуются сниженной удовлетворенностью деятельности ($M=12,75$ баллов) и низкой степенью удовлетворенности повседневной деятельностью ($M=9,66$ баллов) в отличие от студентов первой группы ($M=15,15$ баллов и 10,81 балл соответственно). Согласно J. D. Brown [412] и J. D. Brown & M. A. Marshall [413] лица с низкой самооценкой более подвержены эмоциональным страданиям после неудачи в деятельности, чем те, у кого высокая самооценка.

В целом можно отметить, что студенты первой группы отличаются сниженной удовлетворенностью жизнью, сравнивая ее с субъективными стандартами хорошей жизни, они всегда остаются в проигрыше, испытывая отрицательные эмоции. Согласно нашим результатам респонденты первой группы имеют сниженную удовлетворенность общением ($M=13,47$ баллов) и социальной ситуацией ($M=11,44$ балла) по сравнению с учащимися второй группы. Студенты первой группы обнаруживают чувствительность к социальному окружению ($M=9,59$ баллов), выраженность напряженности и чувствительности ($M=14,47$ баллов) и изменения в настроении ($M=5,62$ балла). По данным J. V. Wood et al. [628], у лиц со сниженным самоотношением более выражена тревога в социальных ситуациях взаимодействия, и они недовольны и испытывают сомнения относительно положительного отношения к другим [500; 555].

У респондентов первой группы социальная фрустрированность составила в среднем по выборке $M=35,47$ баллов, что статистически значимо выше ($p=0,000$) чем у студентов второй группы ($M=17,9$ баллов). С точки зрения Л. И. Вассермана с коллегами [56], социальная фрустрация представляет комплекс переживаний, связанных с неудовлетворением актуальных социальных потребностей субъекта, значимость которых зависит от самооценки, смысложизненных ориентаций, ценностей, личностных способностей и опыта решения проблемных и кризисных ситуаций. Респонденты с высокой социальной фрустрированностью имеют выраженную социальную дезадаптированность в большинстве социально-важных жизненных сфер: семья, работа, учеба, коммуникативная сфера. В работе N. Sanderson [583] доказана связь социальной фрустрации с разочарованием и неудачами. Согласно М. С. Егоровой с коллегами [103] подростки с выраженной социальной фрустрированностью характеризуются неуверенностью ($r=-0,35$), интернальным локусом контроля ($r=-0,24$), сниженным волевым самоконтролем ($r=-0,48$), копинг-стратегиями, ориентированными на эмоции ($r=0,41$).

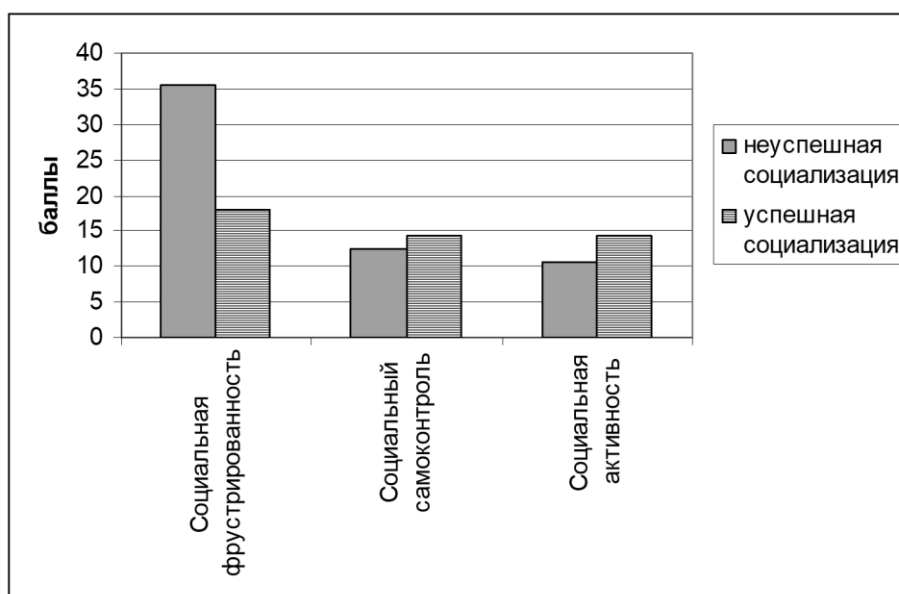

Рисунок 49. Различия по параметрам социального функционирования студентов первого и второго кластера (значимые на уровне $p<0,001$)

Респонденты, входящие в первый кластер, отличаются низким социальным самоконтролем ($M=14,3$ балла) по сравнению с респондентами второй группы ($M=12,5$ баллов) и сниженной социальной активностью ($M=10,65$ баллов), в то же

время студенты второй группы характеризуются более высокой социальной активностью в среднем ($M=14,37$ баллов при $p=0,0023$). Исследователями отмечено [550], что сообщения о борьбе с наркотиками в средствах массовой информации оказали косвенное влияние на снижение употребления табака и алкоголя, на повышение эффективности школьной деятельности и социальной активности подростков. По данным M. Snyder [598], субъекты с низким уровнем социального самоконтроля используют собственные установки и направленность на внутреннее состояние как надежный источник функционирования в социальной ситуации, тогда как лица с высоким социальным самоконтролем ориентируются на информацию о ситуационной адекватности поведения. Взаимосвязь социального самоконтроля, понимаемого как регуляция социального поведения, была установлена с достижениями у латиноамериканских студентов ($N=413$) [436]. J. A. Shaffer, A. Li & J. Bagger [590] определили влияние социального самоконтроля на самооценку и гражданственность личности. В. Öner [566] определена взаимосвязь между самоконтролем и ориентацией на будущие романтические отношения ($p<0,01$).

Итак, по результатам применения критерия t-Стьюдента было доказано, что респонденты, составившие первый кластер, характеризуются сниженными показателями социального функционирования ($p<0,01$) по сравнению со студентами, вошедшими во второй кластер. В контексте теории ролевой социализации личности, кроме доказательства эффективности разделения на кластеры и описания выборки по признакам социализации, рассмотрим некоторые аспекты ролевого поведения студентов в обеих выборках: локус ролевого конфликта (ЛРК), ролевой конфликт, ролевая направленность и ролевая возрастная когерентность к полу и возрасту («Калейдоскоп»), ролевые позиции в межличностных отношениях (РВД), ролевые паттерны (МИРП). В качестве тезиса для дальнейших исследований выдвигается предположение, что студенты второй группы будут иметь выраженный ролевой конфликт, инкогерентность к полу и возрасту, инфантильную ролевую позицию и невротические ролевые паттерны в семейной, профессиональной, интимно-сексуальной и личностной сферах.

Применение критерия t-Стьюдента (нормальность распределения доказан по всем признакам, $p > 0,05$) демонстрирует статистически значимые различия между двумя группами по признакам локус ролевого конфликта, ролевая позиция и ролевые паттерны (таблица 58). Не было обнаружено статистически значимых различий по ролевой позиции Ребенок и ролевому паттерну «Отношение к партнеру по браку «хорошего семьянина» ($p > 0,05$). Различия по ролевым паттернам поведения «Отношение к другому профессионала», «Отношение к ребенку опытного родителя» были обнаружены на уровне тенденции, ($p < 0,01$).

Таблица 58

Оценка различий между студентами с успешным и неуспешным социальным функционированием по ролевым позициям и локусу ролевого конфликта

(t-Стьюдент, N=491)

Метод ики	Переменные	Средне е – нет	Средне е – да	t-знач.	Уровен ь знач. р	d-K-S	Урове нь знач.
ЛРК	Локус ролевого конфликта	5,33	11,71	-4,86	0,000	0,09	$p > ,20$
РВД	Родитель	39,90	40,58	-2,26	0,028	0,14	$p < ,10$
	Взрослый	26,52	45,70	-3,21	0,008	0,15	$p > ,20$
	Ребенок	45,38	44,23	1,50	-0,135	0,13	$p < ,10$
МИРП	Отношение к Другому профессионала	8,52	11,60	-1,838	-0,062	0,16	$p > ,20$
	Невротические паттерны профессионального отношения к Другому	10,03	2,30	9,027	0,000	0,12	$p < ,15$
	Отношение к ребенку опытного родителя	9,45	11,70	-1,991	-0,072	0,14	$p > ,20$
	Невротические паттерны родительского отношения	12,55	5,60	4,560	0,000	0,16	$p > ,20$
	Невротические паттерны супружеского отношения	13,26	3,28	3,118	0,006	0,09	$p > ,20$
	Отношение к партнеру по браку «хорошего семьянина»	10,06	12,00	1,355	-0,723	0,09	$p > ,20$

Полученные результаты отражают невротическое ролевое поведение респондентов первого кластера, отличающихся неуспешной социализацией. Испытуемые первой группы имеют выраженный экстернальный локус ролевого конфликта согласно определенным П. П. Горностаем нормативным показателям

($M=5,33$ балла), по сравнению с респондентами второй группы, относящимися к промежуточному типу и не испытывающими ролевой конфликт. С точки зрения П. П. Горностая [81], индивид, имеющий экстернальный ролевой конфликт, характеризуется ориентацией на общественные ожидания, в ущерб собственным потребностям, интересам, ценностям и т. д., испытывая внешний ролевой конфликт.

Согласно проведенному О. В. Рубцовой [301] исследованию ролевой идентичности подростков локус ролевого конфликта более выражен у подростков с гипертимной и интернальной акцентуациями характера, которые входят в противоречие друг с другом, т. к. отражают различные характеристики личности. Гипертимная акцентуация характера ориентирована на активное взаимодействие, тогда как интернальная акцентуация характера предполагает минимум общения.

В рамках нашего исследования удалось определить, что студенты, входящие в кластер с неуспешным социальным поведением, характеризуются выраженностью невротических ролевых паттернов в отношениях с партнером ($t=3,12$ при $p=0,006$), в семейной ($t=4,56$ при $p=0,006$) и профессиональной сфере ($t=9,00$ при $p=0,000$). Профессионально-ролевой конфликт предполагает сложности в понимании нормативов и ожиданий от исполняемой субъектом профессиональной роли (рисунок 50).

В исследовании W. Minnick [547] было доказано, что ролевой конфликт и оценка неоднозначности роли были значительно выше у респондентов, использующих неформализованные роли. Автором было установлено, что двусмысленность роль значительно уменьшилась по мере увеличения опыта работы, в то время как ролевой конфликт не зависит от увеличения стажа. В уравнениях прогнозирования приходилось 25 % вариабельности ролевого конфликта и 54% вариабельности в неоднозначности роли. Выраженность невротических паттернов поведения свидетельствует, что студенты во взаимодействии с партнером проявляют чрезмерный конформизм и неадекватную зависимость от партнера.

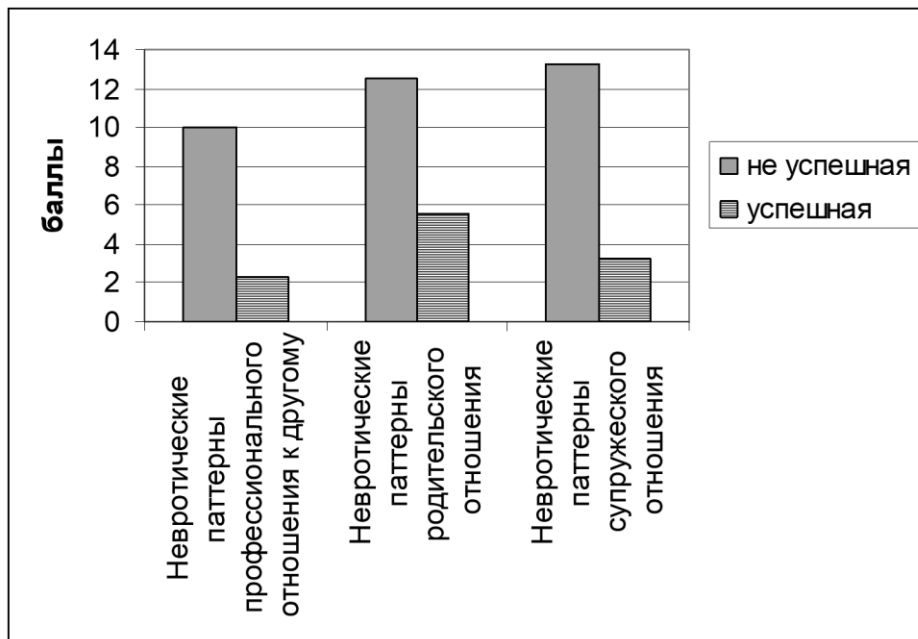

Рисунок 50. Различия в невротических ролевых паттернах между студентами с успешной и неуспешной социализацией (значимые на уровне $p < 0,001$)

Н. А. Камневой [126] установлено, что негативные паттерны ролевого поведения родителя и партнера предопределяются семейными конфликтами, зафиксированными в детском опыте субъекта. Эмоционально насыщенная информация о конфликтах присутствует в виде эмоционально насыщенных установок: недоверия к себе, недоверия к другому и миру в целом, обреченности на одиночество. В исследовании Г. А. Ариной и С. Е. Мартынова [25] было показано, что девушки (17–20 лет) с низкой субъективной оценкой своего благополучия имеют тенденцию к диссоциации между актуальной и идеальной самооценкой ($p < 0,01$). Вместе с тем идентификация с идеальными медиаобразами предоставляет возможность почувствовать себя социально благополучной. Однако авторы указывают, что такой способ идентификации неэффективен, т. к. эксплуатирует лишь внешние атрибуты успеха, не позволяя реализовать личностные смыслы субъекта, активизируя невротические ролевые паттерны.

Сопряжение факторов (социальная успешность, пол, ролевая направленность, ролевой конфликт, ролевая когерентность к полу и возрасту) является статистически значимым (таблица 59).

Оценка сопряженности между социальным функционированием и ролевым конфликтом, ролевой направленностью и ролевой когерентностью (ϕ -Пирсона)

Сфера	Ролевые факторы	ϕ - Пирсона	ст.св.	p
Личностная	Социализация и Направленность (ж)	0,302	сс=1	p=,00002
	Социализация и Направленность (ж)	0,265	сс=1	p=,02620
	Социализация и Пол когерентность (ж)	0,292	сс=1	p=,01382
	Социализация и Пол когерентность (м)	0,518	сс=1	p=,00001
	Социализация и Возраст когерентность (ж)	-0,034	сс=1	p=,63566
	Социализация и Возраст когерентность (м)	0,840	сс=1	p=,00000
	Социализация и Ролевой конфликт	0,418	сс=1	p=,00031
Семейная	Социализация и Направленность (ж)	0,302	сс=1	p=,00002
	Социализация и Направленность (ж)	0,557	сс=1	p=,00704
	Социализация и Пол когерентность (ж)	0,292	сс=1	p=,01382
	Социализация и Пол когерентность (м)	0,455	сс=1	p=,00015
	Социализация и Возраст когерентность (ж)	0,284	сс=1	p=,01131
	Социализация и Возраст когерентность (м)	0,108	сс=1	p=,41113
Контактов	Социализация и Направленность (ж)	0,099	сс=1	p=,16356
	Социализация и Направленность (ж)	0,622	сс=1	p=,00141
	Социализация и Пол когерентность (ж)	0,192	сс=1	p=,02514
	Социализация и Пол когерентность (м)	0,337	сс=1	p=,00000
	Социализация и Возраст когерентность (ж)	-0,101	сс=1	p=,15522
	Социализация и Возраст когерентность (м)	0,094	сс=1	p=,15293
Профессиональная	Социализация и Направленность (ж)	0,010	сс=1	p=,88641
	Социализация и Направленность (ж)	0,455	сс=1	p=,00015
	Социализация и Пол когерентность (ж)	0,298	сс=1	p=,00664
	Социализация и Пол когерентность (м)	0,187	сс=1	p=,12119
	Социализация и Возраст когерентность (ж)	-0,050	сс=1	p=,47729
	Социализация и Возраст когерентность (м)	-0,186	сс=1	p=,15293
Интимно- профессиональная	Социализация и Направленность (ж)	-0,196	сс=1	p=,08172
	Социализация и Направленность (ж)	-0,098	сс=1	p=,13793
	Социализация и Пол когерентность (ж)	0,345	сс=1	p=,00967
	Социализация и Пол когерентность (м)	-0,098	сс=1	p=,13793
	Социализация и Возраст когерентность (ж)	-0,072	сс=1	p=,63566
	Социализация и Возраст когерентность (м)	0,840	сс=1	p=,00000

Не было обнаружено сопряженности между социальным функционированием и ролевой когерентностью с возрастом в подгруппе женщин в личностной и интимно-сексуальной сферах, в обеих выборках в сфере контактов и профессиональной сфере, социальным функционированием и направленностью у девушек в сфере контактов и профессиональной сфере, в обеих выборках в интимно-сексуальной сфере, социальным функционированием и ролевой когерентностью с полом у юношей в профессиональной и интимно-сексуальной сферах ($p > 0,05$). Результаты применения критерия ϕ -Пирсона демонстрируют, что ролевая направленность испытуемых с низким социальным функционированием независимо от пола имеет деструктивную выраженность в личностной (73,33 %), в семейной (68,33 %) и профессиональной сферах (52,17 %).

Полученные данные позволяют установить, что респонденты, входящие в кластер неуспешно социализирующихся, имеют в большинстве сфер (как девушки, так и юноши) деструктивную ролевую направленность, характеризующуюся разрушением как окружающего мира, отношений с окружающими людьми (семейная, профессиональная, межличностная сферы), так и самого индивида (личностная сфера) (таблица 60).

Таблица 60

Сопряженность ролевых факторов в личностной сфере у студентов в зависимости от успешности социального функционирования (N=98)

Сфера	Ролевые факторы	Успешные				Неуспешные			
		М	%	Ж	%	М	%	Ж	%
Личностная	Направленность	Созидат.	68,42	Созидат.	63,64	Деструктив.	65,22	Деструктив.	66,67
	Всего	Созидательная 67,86%				Деструктивная 73,33%			
	Когерентность пол	Да	75,00	Да	66,67	Нет	63,16	Нет	81,82
	Всего	Да 75,00 %				Нет 73,33 %			
	Когерентность возраст	Да	100,00	Да	90,91	Нет	56,52	Да	88,89
	Всего	Да 73,33 %				Да 67,86 %			
	Конфликт	Нет	73,32	Нет	56,52	Да	67,52	Да	52,63
	Всего	Нет 85,00 %				Да 63,33 %			

Окончание таблицы 60

Сфера	Рольевые факторы	Успешные				Неуспешные			
		М	%	Ж	%	М	%	Ж	%
Семейная	Направленность	Созидат.	84,21	Созидат.	90,91	Деструктив.	73,33	Деструктив.	67,86
	Всего	Созидательная 97,86%				Деструктивная 68,33%			
	Когерентность пол	Да	75,00	Да	81,82	Нет	57,89	Нет	66,67
	Всего	Да 82,14%				Нет 64,33 %			
	Когерентность возраст	Да	72,73	Да	55,56	Нет	75,00	Да	64,44
	Всего	Да 73,33%				Нет 67,86%			
Контакты	Направленность	Созидат.	78,95	Созидат.	88,89	Деструктив.	67,86	Созидат.	81,82
	Всего	Созидательная 85,00%				Созидательная 73,33%			
	Когерентность пол	Да	75,00	Да	63,64	Нет	68,42	Нет	55,56
	Всего	Да 67,86%				Нет 60,87%			
	Когерентность возраст	Нет	63,16	Да	55,56	Нет	75,00	Да	54,55
	Всего	Да 55,22%				Да 57,86%			
Профессиональная	Направленность	Созидат.	57,89	Созидат.	55,56	Деструктив.	75,00	Созидат.	54,55
	Всего	Созидательная 55,00%				Деструктивная 52,17%			
	Когерентность пол	Да	63,16	Да	63,64	Да	50,00	Нет	55,56
	Всего	Да 67,86%				Нет 50,87%			
	Когерентность возраст	Да	75,00	Да	77,78	Да	63,16	Да	81,82
	Всего	Да 76,33%				Да 87,86%			
Интимно-сексуальная	Направленность	Созидат.	100,00	Деструктив.	56,67	Созидат.	94,74	Деструктив.	54,55
	Всего	Созидательная 67,86%				Созидательная 63,82%			
	Когерентность пол	Да	100,00	Да	90,91	Да	94,74	Да	77,78
	Всего	Да 95,00%				Да 85,65%			
	Когерентность возраст	Да	100,00	Да	88,89	Нет	52,63	Да	90,91
	Всего	Да 98,33%				Да 67,86%			

Н. А. Польской и Н. В. Власовой [284] было установлено, что юноши и девушки в возрасте от 13 до 21 года (N=101), имеющие выраженное

самоповреждающее поведение (избавление от напряжения, изменение себя), характеризуются ощущением надвигающейся катастрофы, обвинением других, желанием произвести какое-либо воздействие на окружающих, депрессивными состояниями, повышенной тревожностью.

Согласно данным М. К. Носк [564] аутодеструкция поддерживается как автоматическим (то есть, внутриличностным), так и социальным (то есть межличностным) подкреплением. Индивид с аутодеструктивным поведением сфокусирован на уникальности собственного опыта, оказывая тем самым влияние на окружающих людей в виде самоповреждающих актов.

Студенты с низким социальным функционированием (как юноши, так и девушки) отличаются выраженным ролевым конфликтом (63,33 %), заключающимся в амбивалентном отношении к одной и той же роли. С одной стороны, молодые люди предпочитают выполнять эту роль, а с другой – считают ее крайне непривлекательной. Такая проблемная роль, по мнению П. П. Горностая, может вытесняться в бессознательное и свидетельствовать о дисгармоничном развитии личности, деривации потребностей и пр. В диссертационном исследовании Е. В. Кумыковой [184] было доказано, что потребность в независимости, соответствующая роли Трикстера, у молодых женщин связана с внутренним конфликтом.

По мнению А. Л. Свенцицкого [307], одним из факторов, обуславливающих возникновение ролевого конфликта, является ролевая перегрузка – субъект выполняет слишком много социальных ролей с одинаковой ценностью или у него не сформирована структура ценностных ориентаций. Согласно И. С. Кону [161] внутриролевой конфликт обусловлен противоречивыми представлениями субъекта об обязанностях и ролевых ожиданиях, закрепленных за одной и той же ролью.

К ролевому конфликту можно отнести и полученные нами данные о полоролевом несоответствии актуальной ролевой модели в выборке студентов с неэффективным социальным функционированием – ролевая инкогерентность обнаружена у 73,33 % респондентов в личностной сфере, у 64,33 % в семейной

сфере, у 60,87 % в сфере контактов и у 50,87 % в профессиональной сфере. Г. Ф. Шакирова [346] убедительно доказала, что внутриличностный гендерный ролевой конфликт не связан с полом и образованием. У женщин (N=292) гендерный конфликт распространяется на все сферы ($p < 0,01$), тогда как у мужчин образовывается в отдельных сферах: семейной (дети, дом) и профессиональной (работа). Проявление внутриличностного гендерного конфликта у мужчин увеличивается при ориентации на себя (завышенные притязания и требования к себе) и при низкой самоактуализации, а у женщин – при ориентации на успешную жизнь, высокой выраженности перфекционизма ($p < 0,05$). На основании полученных результатов Г. Ф. Шакирова делает вывод, что чувство вины за несоответствие гендерным стереотипам выступает механизмом внутриличностного гендерного ролевого конфликта. Один из самых главных выводов из сказанного состоит в том, что кризис полоролевой идентичности выступает как социокультурное явление, обуславливающее трудности в формировании полоролевой идентичности и, как следствие, сложности социального функционирования.

В статье Wen-Chun Chang [423] была продемонстрирована зависимость соответствия гендерной роли тайваньских молодых женщин и показателя субъективного благополучия. Полученные данные свидетельствуют о том, что восприятие женщинами идеалов гендерной роли женщин на рынке труда, в семье и политике тесно связано с ее социальным функционированием и соответствуют идеалам гендерной идентичности. Данное исследование тайваньского ученого продвигает нас еще немного вперед в своих рассуждениях, позволяя сформулировать предположение о том, что соответствие половой и возрастной роли в личностной сфере способствует эффективной социализации личности, и наоборот, успешное усвоение ролей влияет на ощущение удовлетворенности социальными достижениями в основных сферах жизнедеятельности.

Таким образом, по результатам кластерного анализа были определены две группы респондентов – успешно социализирующиеся студенты (кластер 2) и студенты с неуспешной социализацией (кластер 1). Для изучения эффективности

сопровождения ролевого функционирования была использована группа студентов с неуспешной социализацией (N=98), которая посредством рандомизированного отбора распределена была на контрольную (N=49) и экспериментальную группу (N=49). Для установления тождественности двух групп проводился сравнительный анализ по критерию t-Стьюдента для независимых групп (таблица 61), по результатам которого было доказано, что группы по всем признакам равны друг другу ($p > 0,05$), что позволяло проводить с экспериментальной группой воздействие. После проведения психотерапии с экспериментальной группой в течение 10 месяцев осуществлялось повторное тестирование по 10 методикам и производилось сравнение экспериментальной группы до и после воздействия (критерий t-Стьюдента для зависимой группы). Также проводилось сравнение респондентов контрольной и экспериментальной группы во втором тестировании (критерий t-Стьюдента для независимых групп).

Полученные результаты свидетельствуют, что по большинству параметров произошли значимые сдвиги в экспериментальной группе, которая также имеет значимые различия по большинству признаков с респондентами контрольной группы (таблица 60). При обсуждении полученных результатов переменные, по которым не было обнаружено различий между респондентами экспериментальной группы до и после воздействия, а также в контрольной и экспериментальной группе во втором тестировании, к рассмотрению не принимались.

Оценка различий между контрольной и экспериментальной группами в первом и втором тестировании
(критерий t-Стьюдента)

Метод ики	Переменные	Первое тестирование				Второе тестирование					
		Среднее значение		Контрольная и эксперимен- тальная		Среднее значение		Контрольная и эксперимен- тальная		Эксперимен- тальная (1 и 2 тестирование)	
		КТ1	ЭТ1	t-знач.	p	КТ2	ЭТ2	t-знач.	p	t-знач.	p
Опросник профессиональной дезадаптации	Эмоциональные сдвиги	7,94	7,56	0,97	0,333	7,04	5,70	4,12	0,000	5,34	0,000
	Особенности отдельных психических процессов	3,75	3,37	1,58	0,114	3,04	2,85	1,10	0,051	5,25	0,000
	Снижение общей активности	4,94	4,69	1,04	0,298	4,19	4,30	2,64	0,522	0,87	0,276
	Ощущение усталости	5,62	5,44	0,69	0,488	5,58	3,50	4,31	0,000	4,64	0,000
	Соматовегетативные нарушения	14,19	15,25	-1,12	0,264	16,08	13,30	3,62	0,000	4,55	0,000
	Нарушение сна/бодрствования	7,00	7,63	-1,86	0,063	7,04	6,05	3,56	0,000	4,52	0,000
	Особенности социального взаимодействия	7,27	7,50	-1,35	0,177	8,31	6,81	5,01	0,000	5,34	0,000
	Снижение мотивации к деяти-ти	4,06	4,13	-0,37	0,708	3,88	3,95	0,49	0,627	5,25	0,000
	Ухудшение самочувствия	22,25	20,81	1,50	0,135	18,81	18,20	-0,87	0,384	4,87	0,000
	Общий уровень дезадаптации	65,81	64,94	0,39	0,695	63,31	38,50	3,01	0,003	4,55	0,000

Продолжение таблицы 61

Метод ики	Переменные	Первое тестирование				Второе тестирование					
		Среднее значение		Контрольная и эксперимен- тальная		Среднее значение		Контрольная и эксперимен- тальная		Эксперимен- тальная (1 и 2 тестирование)	
		КТ1	ЭТ1	t-знач.	p	КТ2	ЭТ2	t-знач.	p	t-знач.	p
Оценка состояния адаптированности личности	Удовлетворенность собой	11,44	12,50	-1,76	0,106	12,92	14,35	-5,60	0,000	-2,76	0,006
	Удовлетворенность ситуацией	10,75	11,12	-1,23	0,234	11,73	13,25	-8,84	0,000	-5,00	0,000
	Удовлетворенность общением	12,63	11,31	1,75	0,100	13,73	15,75	-10,41	0,000	-6,75	0,000
	Удовлетворенность здоровьем и жизнью	10,31	10,81	-1,65	0,100	13,12	14,75	-7,07	0,000	-3,41	0,001
	Удовлетворенность деят-тью	12,13	12,38	1,41	0,091	13,62	15,20	-6,14	0,000	-2,63	0,009
	Общий уровень адаптации	56,69	57,63	-1,81	0,071	46,50	59,00	-6,57	0,000	-2,31	0,021
Шкала субъективного благополучия	Субъективное благополучие	54,47	54,40	0,04	0,969	54,06	61,35	-3,30	0,006	-2,26	0,024
	Напряженность и чувствительн.	13,88	13,13	0,65	0,470	13,00	10,48	4,55	0,002	2,13	0,034
	Психоэмоциональная симптоматика	16,12	16,73	0,62	0,533	16,44	10,22	3,54	0,002	2,63	0,009
	Изменения настроения	6,06	6,13	-0,37	0,101	6,02	4,13	3,37	0,001	9,027	0,000
	Значимость социального окруж.	9,59	9,60	-0,03	0,978	9,20	8,90	0,03	0,978	1,72	0,084
	Самооценка здоровья	7,24	6,87	1,12	0,266	7,37	7,09	12,07	0,286	-0,64	0,520
	Удовлетворенность деят-тью	10,59	11,07	-1,17	0,241	9,69	15,17	-2,77	0,008	-3,118	0,006

Метод ики	Переменные	Первое тестирование				Второе тестирование					
		Среднее значение		Контрольная и эксперимен- тальная		Среднее значение		Контрольная и эксперимен- тальная		Эксперимен- тальная (1 и 2 тестирование)	
		КТ1	ЭТ1	t-знач.	p	КТ2	ЭТ2	t-знач.	p	t-знач.	p
ШСФ	Социальная фрустрированность	35,11	35,83	-1,12	0,264	33,67	23,76	4,09	0,000	4,46	0,000
ШСС	Социальный самоконтроль	13,47	13,08	1,75	0,081	13,00	12,86	0,69	0,493	0,03	0,978
СА	Социальная активность	13,27	14,42	-1,42	0,090	13,25	13,67	-1,42	0,120	1,93	0,064
ЛРК	Локус ролевого конфликта	5,31	5,72	0,86	0,450	4,71	11,40	-9,76	0,000	-8,32	0,001
РВД	Родитель	38,90	37,58	1,26	0,128	43,32	45,91	-4,05	0,000	-4,36	0,0000
	Взрослый	26,52	25,70	0,21	0,208	29,29	49,83	-4,36	0,000	-8,09	0,002
	Ребенок	45,38	44,23	1,50	-0,135	46,74	43,30	1,72	0,084	1,50	-0,135
МИРП	Отношение к Другому профессионала	8,52	9,60	-1,838	-0,062	9,25	12,96	5,04	0,000	5,26	0,004
	Невротические паттерны профессионального отношения к Другому	9,03	9,30	-1,53	0,126	10,40	2,58	9,027	0,000	6,71	0,007
	Отношение к ребенку опытного родителя	10,45	10,70	-0,991	-0,172	11,70	11,15	0,23	0,126	-1,18	0,240
	Невротические паттерны родительского отношения	12,55	11,60	0,560	0,220	12,40	6,19	4,36	0,000	9,00	0,000
	Невротические паттерны супружеского отношения	13,26	13,28	0,118	0,136	12,85	3,69	4,79	0,000	5,25	0,000
	Отношение к партнеру по браку «хорошего семьянина»	10,06	12,00	1,355	-0,723	10,55	11,35	-0,43	0,340	0,59	0,553

Обнаружены статистически значимые различия в учебной и профессиональной дезадаптации в экспериментальной группе до и после воздействия (рисунок 51).

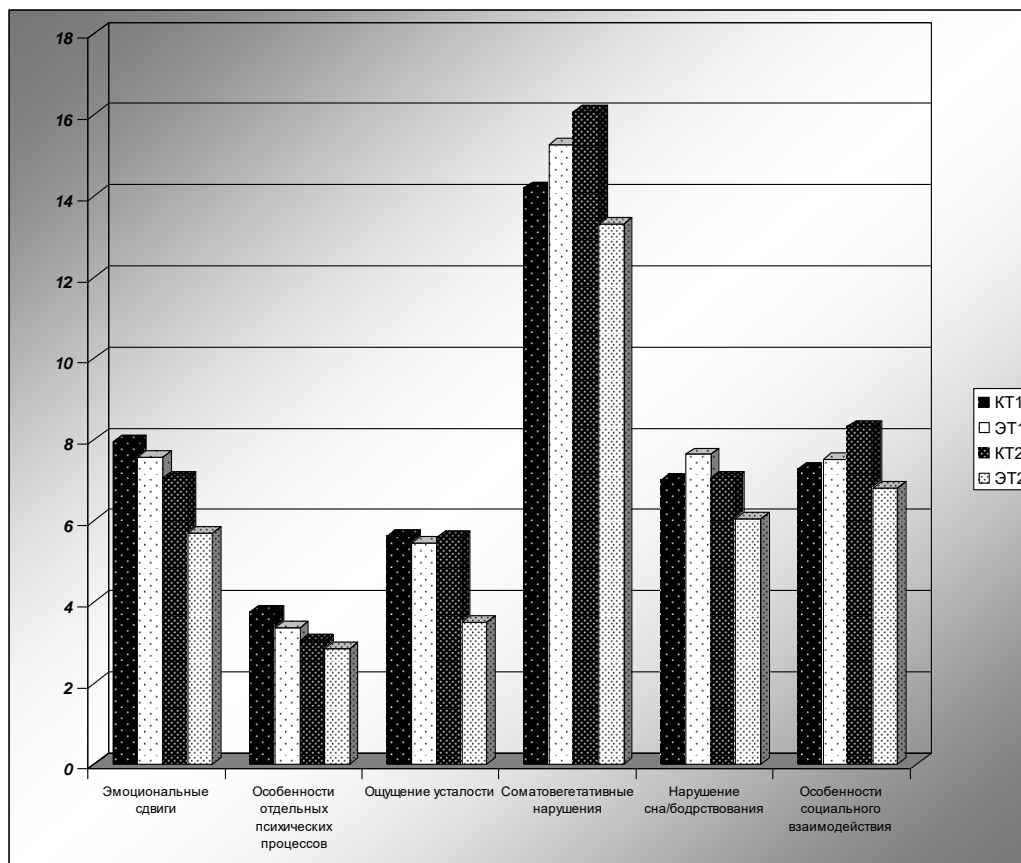

Рисунок 51. Различия по параметрам «учебная» и «профессиональная дезадаптация» в экспериментальной и контрольной группах в первом и втором тестировании (значимые на уровне $p < 0,01$)

По переменной «эмоциональные сдвиги» произошло значимое снижение в экспериментальной после воздействия ($t=5,34$ при $p=0,000$), значимо снижено по сравнению с контрольной группой ($t=5,7$ при $p=0,000$). Необходимо отметить, что в контрольной группе снижение по данному показателю также наблюдается, но не является статистически значимым ($p > 0,05$).

До проведения социально-психологического сопровождения студенты с неуспешным социальным функционированием отличались выраженностью депрессивной симптоматики, раздражительностью, эмоциональной лабильностью ($M=7,56$ баллов). Результаты исследования показывают, что после проведения

социально-психологического сопровождения респонденты стали менее подвержены резким эмоциональным сдвигам, варьирующимся от внезапного счастья до переживания острого горя ($M=5,70$ балла), снизилась подавленность, пассивность, вялость. Обнаружено статистически значимое снижение ($t=5,7$ при $p=0,000$) в экспериментальной группе по параметру «особенности отдельных психических процессов» ($M=2,85$ балла), что говорит о повышении концентрации внимания у студентов экспериментальной группы во время учебного процесса. В то же время студенты контрольной группы характеризуются как в первом, так и в повторном тестировании ($M=3,75$ и $M=3,37$ баллов соответственно) повышенной отвлекаемостью на посторонние мысли и рассеянным вниманием, могут засыпать на парах, не включаясь в тему лекции. В связи со сложностями социального функционирования как в контрольной группе, так и в экспериментальной были диагностированы соматовегетативные нарушения, нарушения сна, ощущение общей усталости ($M=5,5 \div 7,6$ баллов), что свидетельствует о выраженности плохого самочувствия, общего недомогания, вегетативной симптоматики (кожные высыпания, покраснение глаз и пр.), недосыпания или бессоннице, нежелании участвовать в мероприятиях студенческого актива, уход от коллективной деятельности, снижение общения, которые не изменились в контрольной группе спустя 10 месяцев. С другой стороны, в экспериментальной группе после воздействия данные показатели имеют значительную тенденцию к снижению ($M=3,3 \div 13,3$ баллов), отражающую повышение общего самочувствия, социальной включенности в жизнь факультета, нормализации сна. Единственно, на что необходимо обратить внимание, – это повышенный уровень соматовегетативных нарушений, который несмотря на снижение все равно остается повышенным ($M=13,3$ балла).

Факт существования взаимосвязи между отрицательными психологическими и физическими симптомами доказывается во многих исследованиях [434; 435; 513] В целом по интегральному показателю учебной дезадаптации можно отметить значительное снижение в экспериментальной группе уровня дезадаптации с пограничного ($M=64,94$ баллов), требующего

вмешательства специалистов, почти до максимальной границы умеренного ($M=38,5$ баллов). В этом контексте также важно обратить внимание на статистически значимое снижение социальной фрустрации студентов экспериментальной группы после воздействия с 35,83 баллов до 23,76 баллов (рисунок 52).

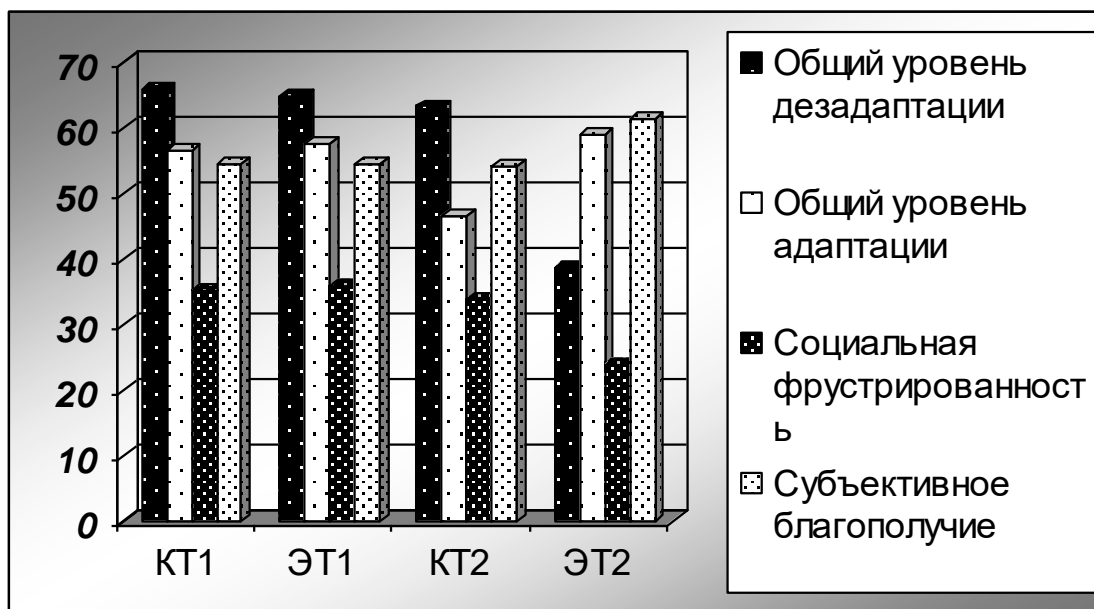

Рисунок 52. Различия по параметрам социального функционирования в экспериментальной и контрольной группах в первом и втором тестировании (значимые на уровне $p<0,001$)

Студенты контрольной группы, по-прежнему испытывая на себе дезорганизующее психику стрессовое влияние, отличаются повышенной социальной неудовлетворенностью достижениями в основных аспектах жизнедеятельности, используя стереотипное реагирование в большинстве ситуаций ($M=35,11$ баллов в первом тестировании и 33,67 баллов во втором тестировании). Исследование финских коллег, проведенное в 2005 г., показало связь между психосоматическими симптомами в подростковом возрасте и снижением социального функционирования в ранней взрослости [492]. В статье S. M. Hunt [490] было показано взаимосвязь психической восприимчивости, психосоматических нарушений, которые являются следствием неблагоприятных социальных обстоятельств и нарушенного социального функционирования.

Напротив, ощущение субъективного благополучия в целом в экспериментальной группе после воздействия повышается с 54,06 до 61,35 баллов, тогда как в контрольной группе остается на прежнем уровне ($M=54,4$ балла). В статье S. M. Hunt [490] было показана взаимосвязь психической восприимчивости, психосоматических нарушений, которые являются следствием неблагоприятных социальных обстоятельств, и нарушенного социального функционирования. J. R. Graham, C. Bradshaw, S. Surood & T. J. V. Kline [471] посредством регрессионного анализа выявили несколько предикторов субъективного благополучия в профессиональной сфере, которыми выступили социально-демографические, трудовые и стрессовые переменные, объясняющие в общей совокупности более чем 52% общей изменчивости удовлетворенности. Наши результаты демонстрируют, что после проведения воздействия показатели удовлетворенности социальными достижениями в основных жизненно важных сферах статистически значимо возросли ($p<0,000$).

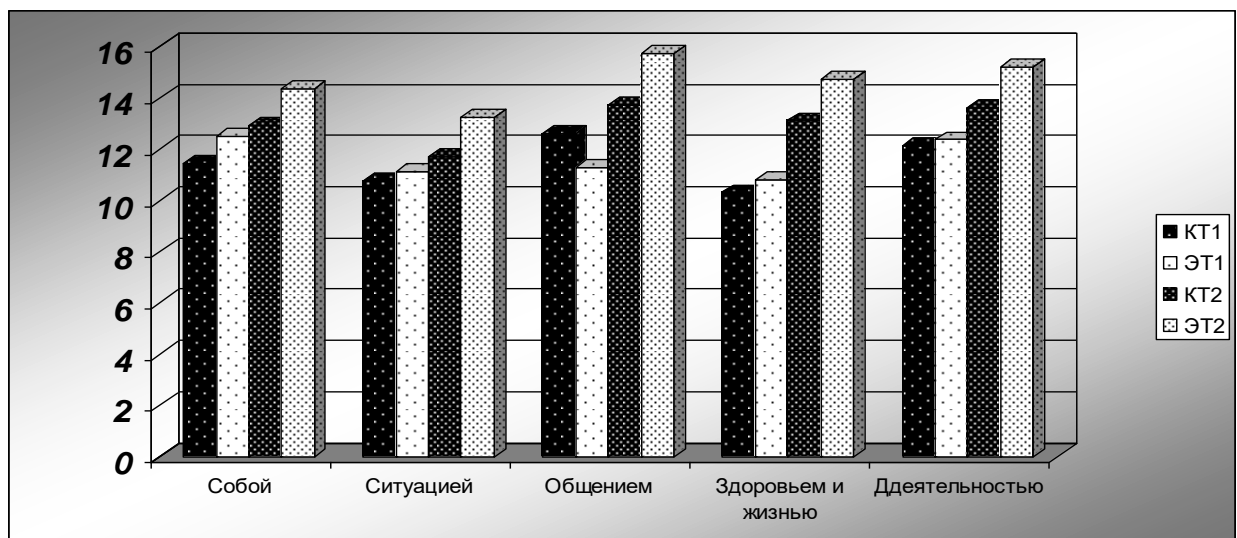

Рисунок 53. Различия по параметрам удовлетворенностью личности в различных жизненных сферах в экспериментальной и контрольной группах в первом и втором тестировании (значимые на уровне $p<0,001$)

Студенты в экспериментальной группе после воздействия стали более удовлетворены собой (от $M=12,92$ до $M=14,35$ баллов), социальной ситуацией (от $M=11,73$ до $M=13,25$ баллов), общением с однокурсниками и со сверстниками (от

М=13,73 до М=15,75 баллов), своей учебной деятельностью (от М=13,62 до М=15,20) и состоянием своего здоровья (от М=13,12 до М=14,75). В то же время в контрольной группе статистически значимых различий не наблюдается ($p>0,05$). Тщательные размышления D. W. Bruckner [415] относительно феномена субъективного благополучия позволили автору прийти к выводу, что благополучие человека усиливается, когда его желания удовлетворяются. Вместе с тем автор отмечает, что не всегда исполнение желаний делает индивида счастливее, и в этом контексте необходимо учитывать внутренние факторы.

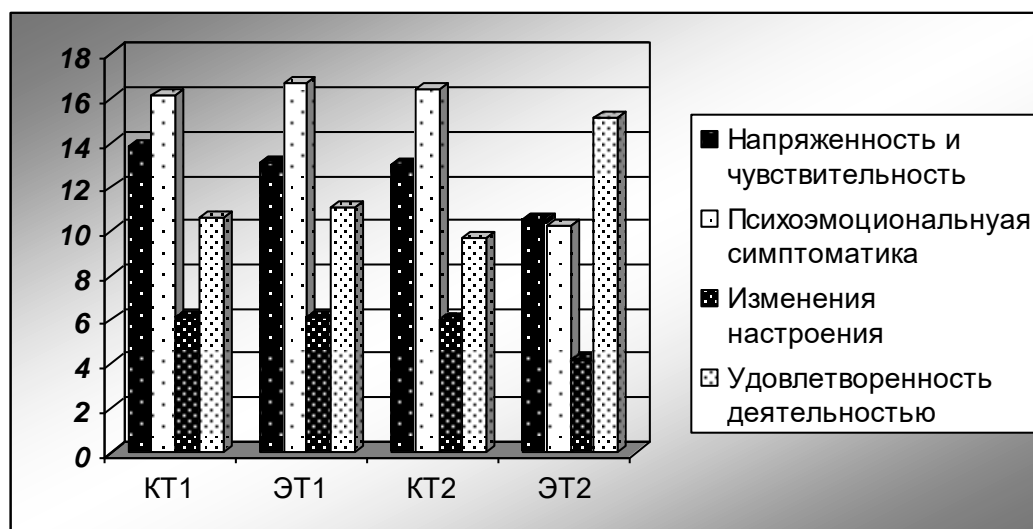

Рисунок 54. Различия по параметрам субъективного благополучия в экспериментальной и контрольной группах в первом и втором тестировании (значимые на уровне $p<0,001$)

Анализ, осуществленный L. A. Newland et al. [563] на основе построенной на подростковой выборке регрессионной модели (возрастной диапазон 12–14 лет, N=149), показывает, что самыми сильными предикторами как удовлетворенностью жизнью, так и психическим здоровьем были удовлетворенность учебной школьниками и отношениями с членами семьи, с учителями и сверстниками ($p<0,01$). Результаты исследования Kang Jae Jerry Lee & Sunhwan Hwang [517] 505 корейских испытуемых, участвующих в досуговой деятельности, показали, что образование, духовное развитие, самоактуализация и самооценка являются значимыми предикторами субъективного благополучия,

тогда как материальное и семейное положение не являлись значимыми в регрессионной модели. Показателями субъективного благополучия выступают, кроме удовлетворенности деятельностью в различных сферах и психофизиологических переменных, такие параметры, как напряженность и чувствительность, психоэмоциональная симптоматика и изменение настроения, которые статистически значимо повысились после проведения экспериментального воздействия в группе студентов ($p < 0,000$), в отличие от контрольной выборки. На психологическое благополучие молодежи в процессе ее профессионального самоопределения влияет самоотношение, отношение к другим и сопоставление себя с идеалом, выступающие самомотиваторами. По данным Г. Н. Эйдельман и Е. А. Сергиенко [361], предикторами, обуславливающими психологическое благополучие, выступают коммуникативные навыки, достижение идеала в удовлетворенности жизнью, включенность в мир, жизненная позиция, семейная определенность, идеальный возраст Я с общей дисперсией более 60 %. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что факторы, связанные с субъективным благополучием и эффективным социальным функционированием, относятся к субъективным и объективным аспектам индивида. В этом контексте ролевые позиции являются уникальными параметрами, т. к. апеллируют как к внутреннему миру, так и к внешней среде.

Результаты констатирующего этапа показали несбалансированность этапов функционирования ролевой социализации молодежи, наличие ригидного взаимодействия с партнерами, ролевого конфликта (по экстернальному типу), который не позволяет студентам из контрольной группы (с неуспешной социализацией) выбирать ролевую модель с максимальной эффективностью, способствующую реализации актуального мотива и в соответствии с актуальной ситуацией (рисунок 55).

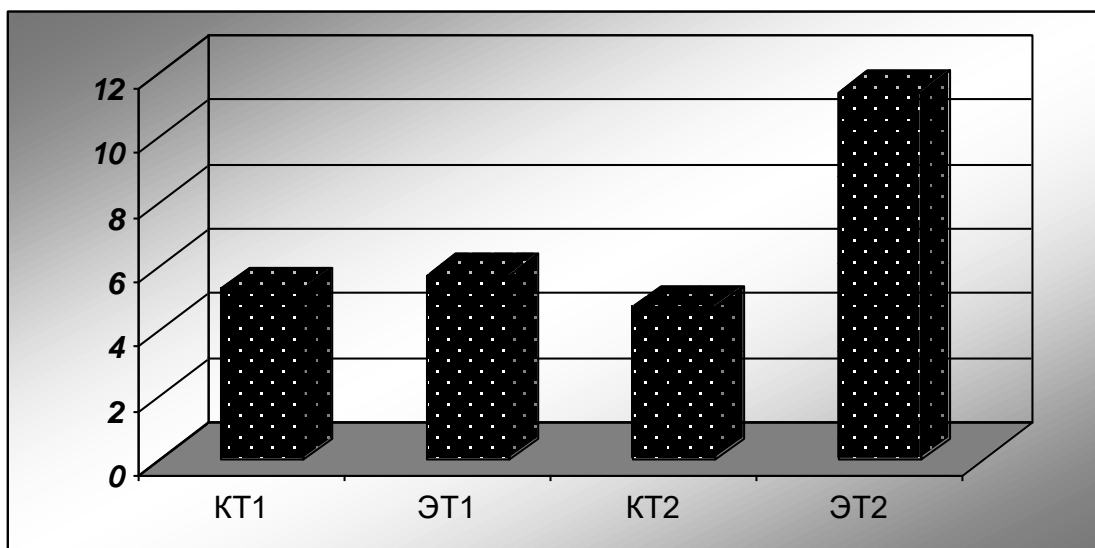

Рисунок 55. Различия в локусе ролевого конфликта в экспериментальной и контрольной группах в первом и втором тестировании (значимые на уровне $p < 0,001$)

Напротив, респонденты из экспериментальной группы после проведения воздействия демонстрируют отсутствие ролевого конфликта ($M=11,4$ баллов), что позволяет им гибко реализовывать в ролевом поведении как общественные ролевые ожидания, так и собственные потребности, мотивы, ценности, интересы, устремления и т. д. Об отсутствии ролевого конфликта у студентов в экспериментальной группе также свидетельствует снижение невротических паттернов в основных аспектах жизнедеятельности студентов (рисунок 56). Статистически значимо в экспериментальной группе после воздействия снизились показатели по невротическим паттернам в профессиональной сфере ($t=9,03$ при $p=0,000$), невротические паттерны родительского отношения ($t=4,36$ при $p=0,000$), невротические паттерны супружеского отношения ($t=4,79$ при $p=0,000$).

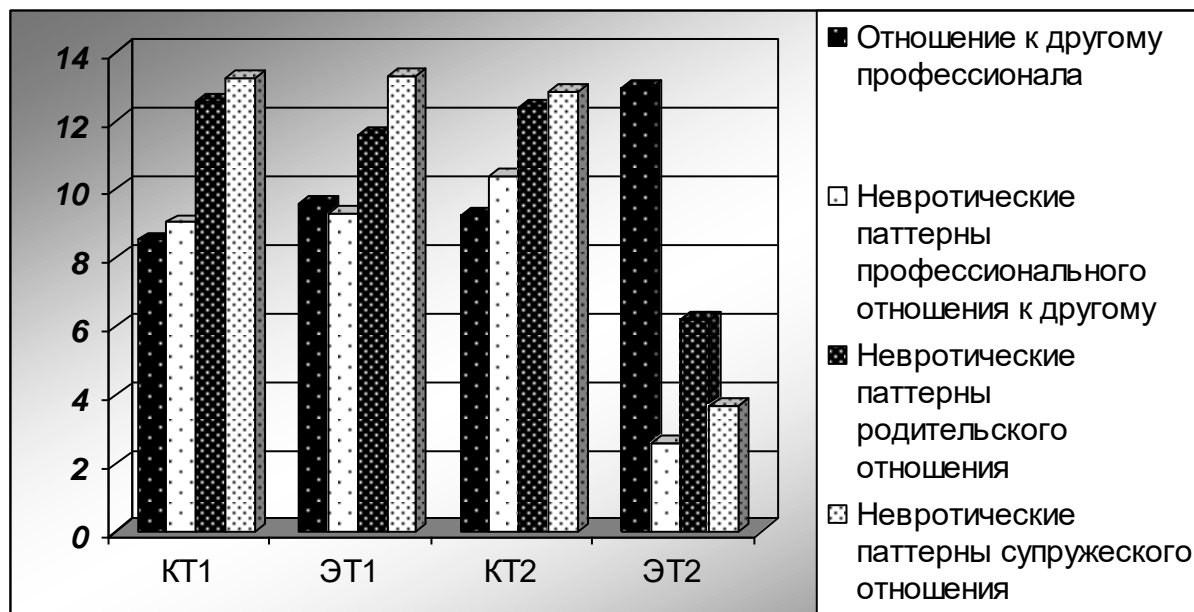

Рисунок 56. Различия в невротических ролевых паттернах в экспериментальной и контрольной группах в первом и втором тестировании (значимые на уровне $p < 0,001$)

Одновременно обнаружено статистически значимое повышение показателя «отношение к Другому профессионала», свидетельствующее о принятии и интернализации студентами ролевых норм и ожиданий будущей профессиональной роли. Кроме того, студентами были освоены не только профессиональные роли, но и личностные, соответствующие полу и возрасту – обнаружены статистически значимые различия между студентами экспериментальной группы до и после воздействия в личностной, семейной, профессиональной и межличностных сферах (критерий Мак-Немара $\chi^2 = 35,260 \div 366,178$ при $p < 0,02$) (таблица 62).

Исключение составили переменная ролевая когерентность с полом, по которой не было обнаружено статистически значимых сдвигов в сфере контактов и профессиональной сфере, а также ни по одному ролевому фактору не найдено значимых сдвигов в сексуальной сфере ($p > 0,05$).

Оценка сопряженности между первым и вторым тестированиями
и ролевым конфликтом, ролевой направленностью
и ролевой когерентностью (критерий Мак-Немара χ^2)

Сфера	Ролевые факторы	χ^2 -Мак-Немара	ст.св.	p
Личностная	Тестирование и Направленность	89,252	сс=1	p=0,0000
	Тестирование и Пол когерентность	144,115	сс=1	p=0,0000
	Тестирование и Возраст когерентность	68,915	сс=1	p=0,0000
	Тестирование и Ролевой Конфликт	366,178	сс=1	p=0,0003
Семейная	Тестирование и Направленность	165,761	сс=1	p=0,0000
	Тестирование и Пол когерентность	2,125	сс=1	p=0,0116
	Тестирование и Возраст когерентность	35,260	сс=1	p=0,0000
Контактов	Тестирование и Направленность	147,335	сс=1	p=0,0000
	Тестирование и Пол когерентность	7,690	сс=1	p=0,1200
	Тестирование и Возраст когерентность	60,003	сс=1	p=0,0000
Профессиональная	Тестирование и Направленность	113,797	сс=1	p=0,0000
	Тестирование и Пол когерентность	0,347	сс=1	p=0,3046
	Тестирование и Возраст когерентность	89,252	сс=1	p=0,0000
Сексуальная	Тестирование и Направленность	3,594	сс=1	p=0,1430
	Тестирование и Пол когерентность	5,658	сс=1	p=0,5212
	Тестирование и Возраст когерентность	2,230	сс=1	p=0,4161

Отсутствие различий объясняется наличием полоролевой когерентности в экспериментальной группе до и после воздействия в указанных сферах. Более 50 % респондентов выбирают ролевую модель, согласованную с полом, а также созидательную направленность в интимно-сексуальной сфере и согласованность с возрастом. Единственное, что можно отметить в данном случае, это то, что процент респондентов, согласованных с полом и возрастом, имеющих созидательную направленность несколько выше в экспериментальной группе после воздействия (таблица 63).

Сопряженность между первым и вторым тестированиями и ролевым конфликтом, ролевой направленностью и ролевой когерентностью
(критерий Мак-Немара χ^2)

Сфера	Ролевые факторы	Экспериментальная группа			
		До воздействия	%	После воздействия	%
Личностная	Направленность	Деструктивная	55,70	Созидательная	80,95
	Когерентность пол	Нет	51,43	Да	74,68
	Когерентность возраст	Нет	68,57	Да	91,14
	Конфликт	Да	73,32	Нет	68,52
Семейная	Направленность	Деструктивная	86,08	Созидательная	93,33
	Когерентность пол	Нет	57,69	Да	72,15
	Когерентность возраст	Нет	50,63	Да	62,86
Контактов	Направленность	Деструктивная	74,68	Созидательная	91,43
	Когерентность пол	Да	54,43	Да	73,33
	Когерентность возраст	Нет	53,33	Да	69,49
Профессиональная	Направленность	Деструктивная	70,89	Созидательная	79,05
	Когерентность пол	Да	50,48	Да	64,56
	Когерентность возраст	Нет	50,48	Да	68,35
Сексуальная	Направленность	Созидательная	67,01	Созидательная	89,52
	Когерентность пол	Да	88,61	Да	95,24
	Когерентность возраст	Да	71,43	Да	89,87

Результаты исследования демонстрируют, что по всем сферам в экспериментальной группе произошел значимый сдвиг с деструктивной направленности на созидательную (более 70 %). Полученные результаты свидетельствуют об изменении в доминирующей роли у студентов после воздействия, вместо ролей с разрушающей направленностью они выбирают роли, направленные на активное созидательное преобразование как себя, так и окружающего мира. Аналогичные результаты получены нами и по ролевой когерентности с полом, большинство студентов после воздействия готовы реализовывать в своем поведении роли, тождественные с полом и возрастом

(более 60 %). Wen-Chun Chang [423] доказала в своем исследовании, что гендерная роль тайваньских молодых женщин тесно связана с ощущением ими субъективного благополучия. Согласно данным автора восприятие женщинами идеалов женской гендерной роли на рынке труда, семье и политике тесно связано с ее социальным функционированием и соответствует идеалам гендерной идентичности, что обуславливает ощущение субъективного благополучия. Итак, полученные нами результаты и приведенное выше исследование тайваньского ученого продвигает нас вперед в своих рассуждениях, позволяя сформулировать положение о том, что соответствие половой и возрастной роли в основных сферах жизнедеятельности личности, тесно связанные с ощущением субъективного благополучия, удовлетворенностью профессиональной, семейной, интимно-сексуальной ролью, позволяют успешно адаптироваться субъекту в социуме.

Таким образом, полученные результаты проведенного исследования позволяют нам сформулировать ряд важных следствий. Во-первых, ролевая социализация, будучи системным комплексом с иерархически организованными уровнями, является самоорганизующейся – она сама генерирует цели, а затем начинает подчиняться им, меняя режим своего функционирования. В этом проявляется одна из главных особенностей ролевой социализации как системного комплекса временного вида. Такая самоорганизация предполагает использование результатов в качестве детерминантов в реализации последующих этапов ролевой социализации. Так, в процесс работы с 10 ролевыми моделями в пяти жизненных сферах молодые люди с неуспешной социализацией в зависимости от актуальной для субъекта ситуации определяли доминирующий мотив. Далее производился анализ соответствия социальной ситуации (конкретизируется принадлежность к одной из жизненных сфер) и мотива. Затем анализировалась роль, выбираемая из всего имеющегося ролевого набора и ее ролевые ожидания, которые оценивались с точки зрения их полезности в конкретной ситуации и вероятность реализации в выбранном ролевом поведении актуального мотива. Таким образом, каждый предыдущий результат становился детерминантом для реализации определенного этапа. Итоговая композиция предполагала оценку всех парциальных результатов

в реализации общей цели – установление оптимального ролевого взаимодействия. Наличие общей для всего системного комплекса цели является главным критерием и основой для дифференциации временных систем от явлений, разворачивающихся во времени. Возможность совершать действия в настоящем детерминирована прошлым опытом и целеполаганием в будущем, отсюда следует, что темпоральный фактор является определяющим для социального. Следовательно, одной из специфических особенностей системы временного типа является связь между компонентами и общей целью системного комплекса. Действительно, какую бы мы не рассматривали сферу жизнедеятельности, целью ролевой социализации в любой из таких сфер было установление оптимального ролевого взаимодействия между личностью и окружающими людьми. В этом контексте данная цель выступает системообразующим фактором.

Во-вторых, проведенное социально-психологическое сопровождение с убедительностью вскрыло известный принцип потенциальной неограниченности, сформулированный в метасистемном подходе. Реализация всех этапов программы ролевого сопровождения показала существование устойчивых ролевых соотношений принципиально возможных для воплощения: наличие потенциальной резервной роли отличается возникновением нового качества, не являющегося простой перекомбинацией наличных возможностей. Констатируя это важное обстоятельство, укажем на неограниченность компонентного состава, из которого согласно актуальной ситуации подбирается необходимый компонент, наилучшим образом реализующий поставленную цель. Было установлено, что для каждой сферы жизнедеятельности, включающей набор сходных ситуаций, имеется определенный ролевой комплекс, состоящий из актуальной ролевой модели, потенциальной, резервной и отвергаемой. Таким образом, общее пространство ролевой социализации делится на актуальное и латентное состояние, не отвечающее цели. Значит, происходит упорядочивание ролевого множества, которое носит локальный характер, т. к. направлено на упорядочивание ролевого поведения в отдельной сфере жизнедеятельности. Это свидетельствует, что на субсистемном уровне возникают интегративные эффекты,

включающие отношения опосредования субсистем временными комплексами ролевых моделей и их экспектаций.

Выводы по 4 главе

Верификация теоретических положений на значительном эмпирическом объеме продемонстрировала концептуальную правомочность предложенной структуры системного комплекса. Ролевая социализация личности представляет собой иерархически организованный гетерогенный системный комплекс, демонстрирующий свойство масштабной инвариантности, следуя которому социум, культура и личность как целостные образования сворачиваются и распределяются в качестве компонентов и уровней системного комплекса. Проведенные эмпирико-математические процедуры продемонстрировали, что каждый компонент системного комплекса, относящийся к определенному уровню, характеризуется собственным свойством. С другой стороны, включаясь в комплекс, они обнаруживают новые качества и закономерности, активизирующиеся только в системе их взаимодействия. Адаптация системного принципа к ролевой социализации объективирует данный системный комплекс, позволяя изучить синтез разнопорядковых аспектов действительности, установить их соотношения, доминантность и динамическую структуру взаимодействия. Признание такого взаимодействия между отдельными системными образованиями «личность», «культура» и «социум» позволяет нам констатировать их открытость и нелинейность, в контексте которого происходит обмен информацией между системами.

Совокупность эмпирических материалов позволяет зафиксировать тот факт, что ролевая социализация не может быть представлена в виде системы, т. к. она не задана изначально, а предполагает определенное формирование и развитие, которое обусловлено встраиванием в нее разнокачественных систем. В этой связи, ролевая социализация может быть объективирована в виде системного комплекса. Дискриминантное и одновременно интегральное представление уровней

системного комплекса выявляет специфику каждого уровня, что способствует более полному пониманию реального функционирования и развития ролевой социализации. Это соответствует принципу иерархичности, предполагающему, что ролевая социализация включает вышестоящие и нижележащие уровни, имеющие качественные различия по их характеристикам: элементный (социокультурные ожидания), компонентный (базисные модели социального функционирования), subsystemный (основные жизненные сферы социализации); системный (личность как сверхчувствительное качество, как система сознательного отношения субъекта с ее мотивами, направленностью и пр.), метасистемный (позволяет изучить мотивацию, социальные роли, направленность в плане жизненных сфер в целостной системе интериндивидуального (социокультурное пространство) и интраиндивидуального (личность), происходит интеграция всех структурных компонентов в уникальную ролевую композицию.

Социокультурные ожидания, относящиеся к элементному уровню, обладают специфическим качеством – символически организованные культурные универсалии. Вместе с тем, встраиваясь в системный комплекс ролевой социализации, культура как определенное системное образование обнаруживает неспецифические качества, которыми выступают, «чувствительность» к микро- и макроролевому пространству. Такая чувствительность доказывает наличие определенных, связанных с конкретной ролью социокультурных ожиданий, опосредованных интеграцией индивида в культурное пространство символов, традиций, норм и правил, обуславливающих успешное ролевое функционирование личности в социальном пространстве.

Эмпирически доказано, что в качестве компонентов содержания ролевой социализации личности могут выступать, а затем занимают доминирующее положение такие образования, которые атрибутивно соответствуют не внутреннему содержанию субъекта, а содержанию системы социального (в нашем случае социальным ролям), во многом образуют системный комплекс ролевой социализации, составляя его онтологическую основу. Социальное пространство в качестве ролей представлено сущностью, в которую индивид включен. Таким

образом, внешне представленные ролевые образования становятся внутренним содержанием личности (в превращенной – идеальной форме, то есть в форме информационных дубликатов), образуя компонентный состав «качественного узла взаимодействия», обеспечивая самому системному комплексу необходимый адаптивный потенциал.

Полученные в исследовании статистически значимые результаты позволяют утверждать, что основные роли обладают специфическими особенностями, позволяющими выделить их в отдельный класс в диалектике общего, особенного и единичного. Все они апеллируют к трем критериям: активность–пассивность; спонтанность–традиционность; индивидуалистичность–социальность, дифференцирующим 10 ролевых моделей. Отсюда следует важная закономерность, согласно которой качества, характерные для определенного уровня системы, выполняют дифференцирующую функцию – они отделяют уровни системы друг от друга и разделяют компоненты внутри уровня. Более того, встраиваясь в системный комплекс, система социального обретает такое неспецифическое качество, как регуляция взаимодействия субъектов, обусловленного конкретной ролью.

Эмпирические результаты свидетельствуют о выстраивании определенной ролевой композиции в зависимости от актуальной роли, что отражает еще одну закономерность – это принцип потенциальной неограниченности. Согласно данному принципу каждая отдельная социальная ситуация предполагает приспособление к конкретным условиям и требует от субъекта актуализации одной из имеющихся в его арсенале ролевых моделей поведения. При актуализации ролевых моделей более отдаленного возрастного периода в качестве потенциальной ролевой модели выбирается роль, имеющая противоположные качества, занимающая противоположный полюс одного, двух или сразу трех континуумов, описывающих качественную определенность 10 ролевых моделей. Это доказывает широко известный общий принцип дополнительности.

Оценка сопряженности социокультурных ролевых ожиданий и ролевых моделей показала, что исследуемые с четкой полоролевой идентичностью,

включающей достаточно определенные характеристики, выбирают в качестве актуальной ролевую модель максимально приближенную своему полу и возрасту. В то же время респонденты с размытой полоролевой идентичностью, как правило, выбирают на ведущую позицию ролевую модель, принадлежащую к противоположному полу. Кроме того, было установлено, что чем более отдалена по возрастной лестнице актуальная роль, тем более конфликтна ролевая композиция. Это свидетельствует о реализации синхронических и диахронических отношений, при которых эффективность ролевой социализации напрямую зависит от согласованности внутренних ресурсов личности и требований среды. Такая временная соорганизация предполагает распределение ресурса системного комплекса по нескольким направлениям (общество, культура и личность). В случае рассогласования (диахронии) социокультурных ожиданий и ролевых моделей обнаруживается нарушение ролевой социализации.

Полученные эмпирические данные убедительно доказывают, что каждая ролевая модель сопряжена с устойчивыми характеристиками, объединенными в единый семантический кластер. Следовательно, оба уровня (элементный и компонентный) не изолированы друг от друга, а взаимосвязаны. Причем элементный уровень имманентно включается в более общий (компонентный) уровень таким образом, что ролевые модели имеют устойчивые экспектации, зафиксированные в произведениях культуры и опосредующие интеграцию индивида в культурное пространство символов, традиций, норм и правил. Из этого следует важный вывод, что ролевая социализация, осуществляемая через освоение ролей и их реализацию в поведении, содержит начальные условия социального существования (основные ролевые модели), которые противостоят энтропии и задают в системе ролевой социализации определенный порядок. Зафиксированные в виде культурного кода ролевые ожидания создают репликацию культурного образца внутри самого индивида, аккумулируясь в ролевой модели, диктуют порядок взаимоотношений и ролевого поведения субъекту.

Результаты взаимообусловленности ролевых моделей и сфер жизнедеятельности позволяют утверждать о специфическом своеобразии ролевой структуры в каждой сфере. Это раскрывает наличие сложной и достаточно дифференцированной структуры субсистемного уровня, базирующейся на принципе иерархичности. Таким образом, субсистемный уровень представляет систему, наполняющуюся в отдельных случаях конкретным содержанием, с определенными ролевыми моделями. Образующиеся специфичные плеяды из ролевых моделей отражают качественную специфичность этого уровня, заключающуюся в институциональности. Следовательно, жизненные сферы, относящиеся к системе социального и составляющие субсистемный уровень, обладают таким качеством, как комплексирование ролей в отдельные ролевые кластеры. При этом каждый отдельный ролевой кластер жизненной сферы имеет свои собственные цели и задачи в рамках общей организации ролевой социализации, что демонстрирует наличие неспецифического качества субсистемного уровня – его ролевой полифункциональности. Роли, представляя собственно личностные образования, могут включаться, соединяться друг с другом, образуя кластеры в определенной жизненной сфере. В этой связи объединение ролевых моделей превосходит простую их совокупность и представляет целостный синтез ролевых моделей, который напрямую обеспечивает интеграцию систем в системном комплексе.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что субсистемное значение критерия дискриминатора конкретизируется в отношении опосредованного следования ролевых моделей и их социокультурных ожиданий. Причем каждый последующий этап реализуется с опорой на результаты, которые были получены на предыдущих уровнях и этапах. При этом детерминанты (социокультурные ожидания и ролевые модели) генерируются на каждом предыдущем этапе и являются благоприятными предпосылками для последующего функционального развертывания в каждой сфере. Это свидетельствует о реализации принципа сменной детерминации, предполагающего, что системные комплексы (к которым относится ролевая социализация) временного типа способны к генерированию

какого-либо результата и к использованию его в качестве условия своего функционирования. Более того, детерминанты, генерирующиеся на каждом этапе, являются благоприятными предпосылками для последующего функционального развертывания. Значит, происходит упорядочивание ролевого множества, которое носит локальный характер, т. к. направлено на упорядочивание ролевого поведения в отдельной сфере жизнедеятельности. Следовательно, уже на субсистемном уровне возникают интегративные эффекты, включающие отношения опосредования субсистем временными комплексами ролевых моделей и их экспектаций.

Оценка сопряженности жизненной сферы, мотивов и ролевых моделей выявила специфичную ролевою наполняемость в каждой сфере в зависимости от ведущего мотива. Данное свидетельствует о том, что выполнение роли обусловлено мотивационными образованиями, задающими своеобразный стиль ролевого поведения. В числе факторов, детерминирующих уникальность ролевой структуры личности, решающее значение имеет соответствие роли мотивам личности в определенной сфере жизнедеятельности. Следовательно, встраиваясь в системный комплекс, личность характеризуется включенностью в ролевые отношения, опосредуемые мотивами, потребностями, направленностью наряду с другими известными качествами. Значит, мотив как личностное образование интегрирует не только ролевые модели, но и их конклавы жизненных сфер, что советуется известному закону системности в увеличивающейся интеграции системы. Следовательно, системный уровень ролевой социализации, представленный в виде мотивационных образований, обладает способностью интеграции всех нижележащих уровней, не сводимый к их аддитивной совокупности. Другая особенность общесистемного уровня связана с установлением соотношения между компонентами и общей целью системного комплекса. Действительно, какую бы мы не рассматривали сферу жизнедеятельности, целью ролевой социализации в любой из таких сфер является установление оптимального ролевого взаимодействия между личностью и социумом. В этом контексте данная цель выступает системообразующим

фактором. Полученные результаты свидетельствуют (множественный регрессионный анализ и структурно-психологический анализ), что детерминационные отношения меняются на целевые. Это отражает феномен временной инверсии.

Построенные регрессионные модели социального функционирования личности выявляют ролевые модели как предикторы социального функционирования субъекта, вносящие различный вклад в общую модель, что вскрывает принцип потенциальной неограниченности. Это проявляется в том, что отдельная социальная ситуация (жизненная сфера) предполагает приспособление к конкретным условиям и требует от субъекта актуализации одной из имеющихся в его арсенале ролевых моделей поведения, в то время как остальные роли находятся в потенциальном состоянии. Наибольший вклад отражает актуальную ролевую модель для конкретной жизненной сферы, уменьшение вклада свидетельствует о потенциальной и резервной позициях ролевой модели. Отрицательный вклад ролевой модели демонстрирует ее отвержение в данной сфере. Таким образом, на системном уровне происходит интеграция функциональных образований субсистемного уровня, констеллирующих ролевые модели, относящиеся к компонентному уровню. В этом случае мы определенно наблюдаем существование устойчивых ролевых соотношений в каждой жизненной сфере, представляющих ролевой тезаурус, интегрируемый на системном уровне личности.

Множественный регрессионный анализ позволил определить не столько отдельное влияние предикторов на переменную отклик, сколько их взаимное воздействие. В этом случае был обнаружен значимый вклад каждой ролевой модели (предиктора) в социальное функционирование и доля их совместного вклада в переменную отклик. Следовательно, в плане ролевой обусловленности социального функционирования личности имеют место эффекты супераддитивности, свидетельствующие об интегрированности ролевой социализации как системного комплекса. Такое взаимовлияние носит характер структурной детерминации, позволяющей зафиксировать, что именно на

системном и метасистемном уровнях формируются новые возможности, позволяющие выйти за пределы анализа отдельного влияния ролевых моделей на социальное функционирование личности и рассматривать уже их совместную структурную детерминацию. Значит, объединение ролевых моделей превосходит простую их совокупность и представляет целостный синтез ролевых моделей, который напрямую обеспечивает интеграцию систем в рамках «качественного узла». Следовательно, системные качества выступают как операциональные средства и интегративные механизмы, объективирующие системы в их взаимодействии. Они дифференцируют специфику каждой системы и вместе с тем представляют системные образования как компоненты сложной многокачественной и многомерной структуры системного комплекса.

В результате структурного моделирования было установлено, что ассимиляция социального опыта может рассматриваться как формирование подобия социальной системы, представленной в системе «личность». Полученное вскрывает взаимодействие систем в системном комплексе, в результате которого происходит персонификация социальной системы в индивиде в виде социальных ролей, которые, с одной стороны, принадлежат социальной реальности, с другой – встраиваются в систему личности и реализуются как компоненты в «качественном узле интеграции» ролевой социализации. На метасистемном уровне они становятся регуляторными механизмами, диктуют ролевое поведение в социуме таким образом, что субъект из всех возможных образцов выбирает для себя и переносит во внутреннюю структуру наиболее подходящие, при этом уровень включенности молодого человека в социальное пространство тесно связан с его удовлетворенностью жизнью при реализации конструктивных мотивов в соответствующей ролевой модели.

В рамках дисперсионного анализа была установлена значимая доля дисперсии ролевых компонентов и мотивов личности, которая приходится на их взаимодействие. Следовательно, на метасистемном уровне имеют место известные и широко обсуждаемые эффекты супераддитивности. Значит, общая детерминация ролевой социализации со стороны ролевых компонентов и

мотивации личности связана с их взаимодействием и возникающим вследствие такого взаимодействия синергетическими эффектами интегративного плана, которые превосходят сумму их содержаний. В результате чего порождаются новые качественные характеристики, предполагающие генерализацию системных качеств как таковых. В этой связи можно с уверенностью констатировать, что чем выше выраженность интегративных эффектов, тем шире область интегрируемого. Иначе говоря, чем более гармонично сочетание социокультурных нормативов и индивидуальных мотивов, тем более успешно социальное функционирование молодежи. Тем самым появляются основания, позволяющие утверждать, что интегративные эффекты, полученные вследствие взаимодействия мотива и ролевого фактора, являются наиболее общими по отношению к эффектам, полученных на всех остальных уровнях и характеризуют ролевую социализацию как гетерогенный, многоуровневый системный комплекс.

Анализ корреляционных плеяд демонстрирует, что в подгруппе респондентов с бесконфликтно высоким уровнем мотивации аффилиации, выступающей в качестве мотивационного образования, диагностированы высокая сложность и высокая степень дифференцировки ролевой структуры. Это означает, что в данной группе респонденты создают многомерную ролевую модель относительно социальной реальности, выделяя в ней множество многосвязных сторон с наличием как интегрирующих, так и дифференцирующих механизмов. Данное позволяет сделать вывод о том, что наиболее оптимальным уровнем в мотивации аффилиации среди молодежи выступает бесконфликтно высокий уровень, являющийся индикатором меры представленности интегрирующих и дифференцирующих механизмов ролевой социализации.

Сравнительная динамика изменения индексов когерентности и дивергентности в зависимости от изменения уровня мотивации аффилиации свидетельствует, что при конфликтно низких и высоких значениях мотивации аффилиации в ролевой структуре преобладают дифференцирующие тенденции, а при оптимально высоких и оптимально низких значениях интегрирующие тенденции начинают доминировать над дифференцирующими. Обнаруженная

зависимость носит инвертированный характер, отражающий зависимость типа оптимума, при котором максимальная организованность и структурированность системы ролей выражена на бесконфликтных уровнях мотивации аффилиации, а не на минимальных или максимальных конфликтных. Полученная зависимость типа «оптимум» отражает эффекты гиперорганизованности систем, когда потенциал входящих в системный комплекс ролевых компонентов снижает его адаптивность. Иначе говоря, интеграция как средство оптимизации структуры ролевых моделей трансформируется в свою противоположность и выступает как фактор ее дезоптимизации.

Изучение закономерностей структурной организации ролевой социализации как особого «качественного узла» доказывает, что она выступает следствием принципа мультиплицирования целого в части, когда роли являются метакомпонентами по отношению к личности и представляют собой части социальной системы, в которую исходно включен субъект, обеспечивая самой системе необходимый адаптивный потенциал. В зависимости от степени интегрированности структуры ролевой организации личности находится мера выраженности мотивации аффилиации. Это означает, что изменение в уровне мотивации аффилиации сопровождается качественными перестройками всей структуры ролевой социализации личности. Найденные обусловленности являются именно структурными, а не локальными, т. к. определяют различия в самом уровне мотивации аффилиации, в индивидуальной мере развития мотивационных процессов социализации молодежи. Полученный результат демонстрирует важную закономерность, согласно которой структурные ролевые эффекты играют в мотивации аффилиации определяющую роль. Это свидетельствует о том, что системный комплекс «ролевая социализация» выходит за пределы простой совокупности ролей, т. к. выступает следствием и результатом структурных, интегративных эффектов. В результате интегрирования трех структурных образований (ролевых моделей, культурных универсалий, мотивационных компонентов личности) системный комплекс приобретает качественно новые характеристики.

Отношения между мотивацией аффилиации и ролями, принадлежащими системе социального и одновременно представляющими системные образования личности, являются системными, а не аналитическими. Эти отношения имеют характер взаимодетерминации, когда, с одной стороны, мотивация аффилиации влияет на уровень интегрированности ролевой структуры и определяет ролевое поведение, а с другой – ролевая структурированность выступает детерминантой мотивации аффилиации, когда роль становится регуляторным механизмом, обеспечивая определенное ролевое поведение и активность в рамках усвоенной роли в социальном пространстве. Следовательно, мотивы как структурные образования личности, определяют степень интенсивности, направленности и ролевой активности молодежи, более того, они не просто влияют, но и входят в само содержание и во многом конституируют ролевую активность. Полученные данные относительно общей организованности структуры системного комплекса, доказывают важную, а не исключено, и определяющую роль структурных средств и эффектов в обеспечении мотивационных процессов, участвующих в ролевой социализации личности.

В рамках проведенного исследования было показано, что ролевая социализация как многомерная реальность является сложным системным комплексом, в рамках которого обнаруживается взаимодействие других систем. Такое взаимодействие разнокачественных систем на метасистемном уровне не просто фиксирует взаимозависимость этих систем, но и устанавливает динамическую структуру их взаимоотношений. В частности, личность, культура и социум имеют как общие, так и специфические закономерности, которые не выводятся друг из друга, но имеют собственную логику развития и по-особому детерминируются в рамках системного комплекса. Именно на метасистемном уровне обеспечивается синхрония ролевой социализации, которая в отличие от элементного уровня предполагает взаимодействие не простых элементов, а сложных гетерогенных систем (общества, культуры, личности наряду с другими известными) в определенный временной интервал. Такая временная соорганизация предполагает распределение ресурса системного комплекса по

нескольким направлениям (общество, культура и личность). Таким образом, происходит превращение результатов в процесс, являющийся следствием более глубинного механизма – трансформации системных качеств в функциональные. Следовательно, целостный синтез ролевых моделей, социокультурных ожиданий, социальной ситуации и мотивов личности превосходит их аддитивную совокупность и обеспечивает интеграцию в рамках системного комплекса, что составляет основу функциональной организации сложных систем.

Характеристика результатов исследования темпоральной организации ролевой социализации дана в плане раскрытия закономерностей ее функционирования. Результаты проведенного эксперимента показали, что ролевую социализацию личности необходимо рассматривать как специфичный, динамичный и диссипативный, системный комплекс, функционирующий при постоянном обмене информацией между социокультурной средой и личностью, что позволяет ему поддерживать низкую энтропию, способную к изменению внутрисистемных связей при самосохранении так называемого «качественного узла взаимодействия». В этой связи можно обозначить тот факт, что любая стимульная детерминация в системном комплексе выступает как соподчинение мотивационных установок, ролевых моделей и ситуационных факторов. Это согласуется с принципом сменной детерминации, в соответствии с которым осуществляется анализ социальной ситуации, конкретизируется принадлежность к одной из жизненных сфер (семейная, неформальных контактов, профессиональная, интимно-сексуальная). Иначе говоря, раскрывается направленность ролевого поведения в конкретной ситуации. В этом реализуется главная возможность системного комплекса, заключающаяся в распределении своего функционального ресурса вдоль временного континуума. В этом особом качестве продемонстрирована специфическая способность ролевой социализации как системы процессуального типа.

Закономерности, относящиеся к генетическому плану исследования, являются системогенетическими по своему характеру, а сфера их развертывания находится в «пространстве уровней» организации исследуемого феномена

ролевой социализации. Мера выраженности механизмов ролевой социализации является индикатором сформированности тех или иных уровней ее организации: блокирование механизма инкультурации сопровождается снижением мотивации и социальной активности; нарушение механизма имитации характеризуется ролевым однообразием, социально-ролевыми конфликтами, сложностями в спонтанной самореализации; при блокировании механизма адаптации появляются деструктивные коммуникативные установки, эгоизм, обидчивость; барьерами индивидуализации выступают установки на конформность, отрицательное самоотношение, эмоциональная неустойчивость; нарушением в действии механизма интеграции могут стать снижение жизненной включенности, низкий уровень готовности к самореализации.

Сравнительный анализ подростков и респондентов в период молодости выявил системогенетические закономерности, заключающиеся в том, что блокировка механизма ролевой социализации наиболее характерна для определенного возрастного периода и связана с нарушением ролевой социализации молодежи. Блокирование механизма индивидуализации характерно для подростков с возрастно-половой инкогерентностью и деструктивной направленностью, в то же время студенты и курсанты, относящиеся к периоду молодости и имеющие полоролевою инкогерентность и деструктивную направленность, демонстрируют сниженную общительность, независимость, уверенность и отзывчивость при увеличении зависимости и неуверенности. Указанное обстоятельство выступает частным случаем одной из наиболее общих, установленных в теории, закономерностей ролевой социализации личности, состоящей в поэтапном формировании механизмов ролевой социализации молодежи, начиная с элементного уровня и переключении их на иерархически более высокие механизмы и уровни ролевой социализации (компонентный, субсистемный, системный и метасистемный). Кроме того, согласованность социальных взаимодействий включает приведение в состояние равновесия внутренних ресурсов личности и требований среды. Действительно, реализация ролей у студентов и курсантов предполагает согласование между ролями,

социальной ситуацией, потребностями, интересами и пр. Это объективно требует их синхронизации. Такая временная соорганизация предполагает распределение ресурса системного комплекса по нескольким направлениям (общество, культура и личность). Соответственно, интеграция все более обобщающихся компонентов является достаточной для осуществления конечной цели ее функционирования.

Использование авторской методики «Калейдоскоп» позволяет диагностировать индивидуальный ролевой профиль социализации молодежи в пяти жизненных сферах, а также реализовать комплексное выявление индикаторов нарушенной ролевой социализации личности в подростковом возрасте и в период молодости как в индивидуальной, так и групповой формах диагностики. Выявленные статистически значимые корреляции между ролевыми моделями методики «Калейдоскоп» и показателями других тестов, согласованные с теоретическими конструктами методики, свидетельствуют о высокой эмпирической валидности представляемой методики «Калейдоскоп». Следовательно, стимульный материал и стандартизированная схема исследования гарантирует сопоставимость результатов исследования.

Разработанное ролевое сопровождение предоставляет возможности для решения задачи по достижению ролевой определенности, ролевой идентичности, осознанию уникальности ролевой структуры личности, восполняя дефицит социально-психологического инструментария. Согласно концептуальным положениям системной организации ролевой социализации молодежи, увеличение ролевой организованности и интегрированности ролевой структуры молодежи с неуспешной социализацией позволяет повысить эффективность социализации, снижая ролевые факторы риска, обеспечивая гибкость реализации ролевой модели, адекватной индивидуально-личностным особенностям и социальным нормативам в различных сферах жизнедеятельности. Полученное еще раз доказывает основные положения данной работы, согласно которому процесс формирования личности обусловлен содержанием и спецификой системного комплекса, определяющего динамическую структуру взаимодействия личности и социокультурного пространства.

Глава 5. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ СУБСТАНЦИОНАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНОЙ СИСТЕМНОСТИ РОЛЕВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

5.1. Закономерности содержания ролевой социализации личности как системного комплекса субстанционального типа

В данной главе автор ставит целью концептуализацию по эмпирическому основанию ролевой социализации как системного комплекса, принадлежащего к субстанциональному виду. Проведя основательный теоретический анализ процесса социализации, необходимо отметить наличие парциальных теоретических и эмпирических изысканий относительно феномена социализации личности при отсутствии целостной обобщающей концепции социализации. Современные исследования, направленные на попытки объяснения феноменов социальной психологии и создания единой теории, опираются на знания или элементы различных парадигм. В контексте методологической рефлексии парадигмальное знание и сама идея парадигмы занимает одно из центральных мест. В системе научного знания определение парадигмы, согласно Т. Куну [186], означало наличие строгой научной теории, имеющей господство в течение конкретного исторического периода научного сообщества. Сама парадигма, представляя целостное мировоззрение, включает в себя совокупность постановки проблем, методов их исследования и доказательства. В научном знании социальной психологии Г. М. Андреева [15] отмечает имеющиеся сложности относительно наличия парадигмы. Так как прародительницами социальной психологии являются две большие научные области: социология и психология, то основные теоретические подходы должны базироваться на этих науках. Однако, что касается психологии, то некоторые авторы вообще не считают психологию парадигмальной наукой, тогда как другие признают как минимум две парадигмы – бихевиоризм и интроспекцию. Что касается социологии, то также

необходимо отметить непростую ситуацию относительно господствующего научного знания. Так, Р. Мертон [544] в 40-х годах прошлого века выдвинул идею о наличии новой парадигмы в социологии, которая была названа функционализмом и объясняла существование социальных систем посредством идеи соответствия. Однако эта парадигма просуществовала недолго, в социологическом знании уже в конце прошлого века возникает дискуссия о необходимости замены парадигмы соответствия какой-либо другой. Что касается непосредственно социальной психологии, то здесь наблюдаются взаимопереходы и заимствования знаний и терминов одного научного подхода другим. Так Г. М. Андреева с соавторами [13] приводит пример использования в теории поля К. Левина методов бихевиоризма. Дж. Хоманс одновременно развивает идеи интеракционизма и бихевиоризма. А представители бихевиористского направления, в свою очередь, используют принадлежащее когнитивизму понятие аттитюдов (К. Ховланд); феномен социальной роли активно эксплуатируется представителями других направлений, безотносительно понимания основы ролевой теории личности, которая как было показано выше имеет большое значение в рассмотрении явления социализации. Как отмечает Г. М. Андреева с коллегами [13], такое заимствование понятийного аппарата является естественным, но оно должно опираться на тщательное изучение основополагающей теории, чтобы избежать терминологических и методологических ошибок.

Таким образом, необходимо констатировать, что в настоящий момент в общем русле методологической рефлексии наиболее актуальным становится вопрос о методологической роли теорий в социально-психологическом знании, в частности, о соотношении теоретического и эмпирического уровня исследований [131; 135]. При этом необходимо отметить различный масштаб акцентирования того или иного аспекта. В одних исследовательских направлениях заданы ориентиры в основном на теоретическое знание, другие же ставят в приоритет эмпирическую составляющую.

А. В. Карпов [135] выделяет в современной методологии науки основные компоненты:

- 1) эмпирический базис, включающий факты, зафиксированные в данной области и предполагающие их теоретическое объяснение;
- 2) теоретическую основу, состоящую из гипотез, аксиом, общих законов и принципов, описывающих идеализированный объект;
- 3) логику теории, представляющую допустимые в ее рамках выводы и доказательства;
- 4) совокупность выведенных в теории утверждений с их эмпирическими доказательствами, которые составляют основной массив теоретического знания.

В то же время проведенное нами изучение проблемы ролевой социализации показало, что большинство исследователей находятся на фактологическом уровне, а имеющиеся противоречивые данные, эклектизм и фрагментарность при изучении феномена социализации нивелируют возможность выхода с предтеоретического этапа исследования на собственно теоретический. Проблема соотношения теоретического знания с эмпирическим рано или поздно встает перед исследователем, занимающимся изучением социально-психологических феноменов, вследствие накопления определенного эмпирического знания. Г. М. Андреева с соавторами [13] выделяет ряд факторов, способствующих необходимости соотношения эмпирического и теоретического знания: сложность объекта исследования и применимость или неприменимость классических схем анализа; зависимость от философских традиций, усугубляющих переход на экспериментальные акты; отсутствие эффективных теоретических моделей. Постановка вопроса о включении эмпирического опыта в ткань теоретического знания, по мнению Г. М. Андреевой [14], априори должна учитывать соотношение и объединение эмпирических данных так, чтобы они могли быть сведены в единую систему и проинтерпретированы. В этой связи А. В. Карпов [131] указывает, что научное знание только тогда становится концептуальным, когда отвечает основным требованиям системы, а сами научные концепции могут быть проинтерпретированы как гносеологические системы. В. П. Кузьмин [180]

отмечает, что все явления мира можно рассматривать как системы, а само понятие «система» представляет гносеологическую «рамку» методологически направляет их изучение по единой схеме интегрированного объекта. Более того, согласно автору системный подход обеспечивает универсальную репрезентацию многообразия качественных объектов и сложных системных комплексов.

Непосредственное обращение к принципу системности в отечественной психологии было заложено в работах К. П. Анохина [22], Б. Г. Ананьева [10] и Б. Ф. Ломова [203]. Согласно данному подходу, все психические явления можно рассматривать как целостную систему, имеющую свойства, которые не выводимы из ее частей. Психика, являя собой систему, состоит из функциональных образований, которые в своем развитии опираются на принцип гетерохронности, обеспечивая эффективность внедрения человека в другие системы высшего уровня. В свою очередь многомерность социально-психологических явлений требует изучения и качественной определенности в их взаимосвязи, что отвечает потребностям современного анализа. При этом исключается исследование только одного из компонентов системы и утверждается необходимость объединения их в «единый узел качественного взаимодействия», что отражает принцип многоуровневости [180; 203]. Кроме того рассмотрение объектов во взаимоотношении со средой предполагает построение сложных систем, объединяющих многомерные представления о реальности. Таким образом, как справедливо отмечает А. В. Карпов [132], для реализации теоретического этапа необходимо использовать алгоритм системного изучения. Такая постановка проблемы позволяет снять существующее парадоксальное противоречие между социальным и индивидуальным, т. к. в рамках системного подхода обеспечивается взаимодействие между отдельными системами, но стянутыми в силу необходимых условий в более общие системные «качественные узлы» [137; 180].

В рамках системного подхода постулируется, что системный комплекс, характеризующийся многомерностью и гетерогенностью, предполагает определенное взаимодействие между системами различного уровня, к которым

авторы [137; 180] относят как феномены, так и процессы. Вышеприведенный анализ показал, что социальное и культурное пространства могут рассматриваться как системы, которые вступают во взаимодействие с другой системой – личностью – через овладение последней нормами, правилами, ценностями, культурными универсалиями, традициями, символами, знаниями и пр. [224], что позволяет ей успешно функционировать в социокультурном пространстве. Иначе говоря, объективное воплощается в психике в субъективные представления в виде отражаемого, через метасистемный уровень, который включен в психику и обозначается, как опыт, образ мира, модель ситуации и т. д., являясь родовым понятием для всех остальных. Все эти представления имеют идеальную, а не материальную природу. Чем полнее и точнее будет представлено в психике отражение объективного содержания в субъективных репрезентациях, тем, с точки зрения автора, более адаптивен индивид. Здесь уместно привести принцип изоморфизма Л. М. Веккера [59], который предполагал, что субъективное отражение подразумевает кодирование пространственно-временных качеств объекта в субъективный образ, несущий в себе основные характеристики объекта. Таким образом, по мнению А. В. Карпова [131; 135], все субъективные репрезентации локализованы в психике, где они имеют статус структурного уровня и подчиняются общим структурно-уровневым закономерностям. С другой стороны, автор отмечает онтологическую парадоксальность метасистемного уровня, которая была сформулирована в работе Л. М. Веккера [59] как «онтологический парадокс психики», раскрывающий удивительный феномен локализации психического образа во внешнем мире. Такое проявление двойственности качественной определенности, представляет нам предмет как бы в разных его проявлениях – самого по себе (элементно-предметный уровень его составляющих) и его функционированием в более общей системе в соответствии с ее зонами.

В этой связи ролевая социализация может быть представлена как системный комплекс, включающий и различающий элементные, компонентные, subsystemные, системные и интегральные качества социализации личности,

который согласно тезису А. В. Карпова [137] способен детерминировать функциональную динамику самого процесса социализации личности. В согласии с принципом системности структурный аспект предполагает определение структурных компонентов ролевой социализации в процессе формирования личности, которые, с одной стороны, испытывают детерминацию со стороны социума, а с другой – сами оказывают детерминирующее влияние на социализацию личности. Необходимо отметить, что только при взаимообусловленном включении систем личности, культуры и социума в ролевую социализацию, последняя приобретает объективность своего функционирования, качественную определенность и специфичность по отношению ко всем системам. Социум и культура как системы имманентно включают в себя полный набор структурных компонентов и элементов ролевой социализации, которые, в свою очередь, транспонируются в другую систему – личность. Иначе говоря, каждое системное образование возникает в определенной ситуации, проходит путь дифференциации и интеграции в рамках системного комплекса, на определенной стадии ориентирует субъекта в конкретной ситуации и регулирует текущее ролевое поведение. Итогом этого процесса становится переход системного образования в латентное состояние. Таким образом, каждое системное образование в системном комплексе, с одной стороны, участвует в детерминации другого, а с другой – испытывает на себе его эффекты. Значит, весь комплекс содержательных и временных детерминант заложен в социальной и культурной системах, которые, с точки зрения А. В. Карпова [133], выступают метасистемами по отношению к личности.

Итак, с позиции системного и метасистемного подходов выделяется пять основных уровней.

1. Метасистемный предполагает, что в общей структурной организации ролевой социализации отдельные составляющие представлены не только в процессуальной форме, но и результативной, реализуемой в конкретных формах социальной реальности в виде специфичных моделей основных ролей.

2. Системный уровень включает технологическую составляющую – реализацию ролевого поведения в контексте конкретной ролевой модели, направленного на осуществление социального функционирования в пяти основных сферах жизнедеятельности. Включение субъекта в социальное пространство выводит индивида на уровень личности, наделяя его социальными качествами [197; 203].

3. Субсистемный уровень обнаруживает локализацию компонентного функционирования со встроенными системами социокультурного пространства и личности, имеет определенную ситуативность в контексте построения индивидуального ролевого профиля в пяти основных жизненных сферах состоящего из четырех структурных элементов (актуальной ролевой модели, сопутствующей ролевой модели, резервной ролевой модели и подавляемой ролевой модели).

4. Компонентный уровень представляет объединение элементов социального пространства – основных ролевых моделей, которые включают в себя качественную определенность (индивидуальность-общественность, активность-пассивность, спонтанность-традиционность).

5. Элементный уровень состоит из базовых параметров ролевой социализации, определяющих характер ролевой интеракции субъектов в определенной культуре.

Выделенные уровни ролевой социализации как системного комплекса были проанализированы через призму цикла эмпирических исследований с использованием критериев-верификаторов. Полученные эмпирические данные позволяют утверждать основные положения центральной гипотезы о структурно-уровневом принципе организации ролевой социализации молодежи. Представленные в § 4.3 результаты исследования демонстрируют, что установленные уровни удовлетворяют всей системе критериев-верификаторов как в ее субстанциональной, так и в темпоральной формах.

Во-первых, все пять выделенных уровней имеют качественные различия по их феноменологии, включающей свойства и эмпирические характеристики.

Самый первый уровень – элементный – содержит элементы, необходимые для существования системы и ее структурирования, что вполне соответствует социокультурным ожиданиям, включающим символы, традиции, знания, ценности, правила, права и т. д. Изучение качественного своеобразия элементного уровня предполагало анализ социокультурных ожиданий относительно каждой ролевой модели (исследование образа Я и его характеристик у молодежи, критерий χ^2 -Пирсона). Результаты исследования демонстрируют достоверную сопряженность между ролевым образом Я и его характеристиками ($p < 0,01$). Респонденты, нарисовавшие мужской образ, отвечая на вопрос «Кто это?», обозначают его как «мужчина» и определяют как доброго (33 %) и честного (42 %); «парень» – красивый (25 %) и крутой (20 %); «мальчик» – творческий (21 %) и веселый (43 %). Среди женских образов наиболее часто встречаются роль «девушка» – красивая (45 %); «женщина» – красивая (23 %) и добрая (12 %); «девочка» – стеснительная (35 %). Кроме того, был проведен частотный анализ характеристик, которые соответствовали определенной ролевой модели. В результате было выявлено наличие определенных социокультурных кодов, подтверждающих существование социокультурных ожиданий относительно конкретной основной роли.

Второй (компонентный) уровень характеризуется наличием качественной специфики системы социализации, но при этом является ее простейшей формой. Согласно Е. М. Николаевой [247], будучи диссипативной системой, социализация содержит начальные условия социального существования (ритуалы, прототипы, архетипы), которые противостоят энтропии и задают в системе определенный порядок. В процессе эволюции социализация была сопряжена с ритуализированным вхождением в социум – посредством специально организованного ритуала происходила ассимиляция новой роли индивидом, приобретался новый статус [192; 193; 288]. При этом набор таких ролей являлся ограниченным. Имеющиеся культурные образцы выступают ориентиром для личности, задавая для нее возможное направление и структурируя тем самым социальную среду. Они диктуют порядок взаимоотношений и ролевого поведения

субъекту, создавая репликацию культурного образца внутри самого индивида. Принятие этого образца сравнивается Е. М. Николаевой [247] с «информированием» молекулы о состоянии системы в целом, что отражает когерентность субъекта социальным реалиям. В качестве вышеобозначенного культурного образца нами были определены мезороли – основные роли – базовые ролевые модели, опосредующие межличностное взаимодействие и социальное функционирование в обществе в основных сферах жизнедеятельности человека, не выходя за пределы этих сфер, которые могут быть частично осознаны и подвержены эмпирической верификации, в отличие от макроролей (прототипы или архетипы). В свою очередь, выходя на основные роли, мы попытались исключить множественность ролей, которую вменяют ролевому подходу. Эти роли относятся к микроуровню и представляют дискретные ролевые модели, обуславливающие ситуативное взаимодействие личности. Они соотносятся с определенной социальной ситуацией, не распространяясь на остальные сферы социального функционирования субъекта.

Раскрытие видов ролей во всей их многомерности и целостности позволяет сделать системный подход, который предполагает определение критериев, отвечающих принципам научности, дифференциации и верификации. В качестве таковых критериев нами были выделены следующие:

- активность–пассивность, основанные на непрерывности и стадиальности процесса социализации (дотрудовая и послетрудовая стадии характеризуются пассивностью в социализации, трудовая стадия – активное освоение социальной среды) [15; 160; 247];
- индивидуалистичность–общественность (альтруистичность), детерминированные пониманием дуальности процесса социализации (адаптация к социальному пространству и реализация своей самости) [15; 160; 223; 370];
- спонтанность–традиционность обусловлены спецификой современного социума, включающего быструю изменчивость, непредсказуемость, динамичность (поисковая активность, постоянное обучение,

креативность в противовес приверженности традициям, стагнации, осмотрительности) [53; 62].

Для эмпирического подтверждения нами был проведен анализ многомерного шкалирования, на основе матрицы расстояний для 10 основных ролей. В результате на 79 итерации была получена минимальная величина стресса (0,009) и величина RSQ (1,00), достаточные для точной подгонки конечной конфигурации исходным данным. Результаты конфигурации 10 основных ролей в трехмерном пространстве демонстрируют, что положительный полюс первой шкалы включает основные роли, которые пассивно осваивают социальное пространство, и относятся к дотрудовой и послетрудовой стадии социализации. В то же время на отрицательном полюсе сосредоточены основные роли, относящиеся к трудовой стадии, активно включающиеся в процесс социализации. На положительном полюсе второй шкалы расположены основные роли, отличающиеся эгоистической ориентацией, тогда как отрицательный полюс наполнен ролевыми моделями, в большей степени направленными на помощь людям, ориентированными на социальное пространство. Третья шкала содержит на положительном полюсе основные роли, отражающие приверженность к традициям, устоям; для них свойственна осмотрительность, ригидность и поддержание существующего порядка. На отрицательном полюсе третьей шкалы сосредоточены основные роли, для которых характерно творческое преобразование окружающей среды, спонтанность, импульсивность. Итак, согласно сформулированному нами принципу дифференциации все три шкалы отражают три критерии, позволяющих выделить качественное своеобразие 10 основных ролей.

Следовательно, были определены три основные оси, которые включают в себя качественную определенность, характерную для ролевой социализации молодежи, и позволяют выделить необходимое количество основных ролевых образов, отвечающих идеи универсальности: Старик, Старуха (старость), Мать, Отец (взрослость), Дева, Герой, Ведьма, Трикстер (молодость), Девочка, Мальчик (детство). Универсальность основных ролей выражается в двух аспектах:

наполнение роли ожиданиями, являющимися социально и культурно закрепленными; второй аспект универсальности заключается в том, что такие роли, изначально выступая как заданные, включают в себя любую другую роль микроуровня в зависимости от сферы жизнедеятельности человека. Такие роли, по мнению автора, predeterminedены в обществе, не составляют труда в их освоении, т. к. воспринимаются как само собой разумеющиеся. В. Н. Дружинин [99] определяет освоение этих ролей как жизнь по плану, которая predeterminedует череду конкретных событий, характерных для каждого члена общества: включение в социальную роль, приобретение социальных статусов, связанных с ролью, освоение этих ролей и «выход» из них. Иначе говоря, человек входит в процесс взаимодействия в каждом возрасте с различных позиций: ребенок, юноша, взрослый, старик. Верификация критериев дифференциаторов основных ролей производилась посредством изучения взаимосвязей между ролевыми моделями и личностными характеристиками молодежи (критерий r -Пирсона). Согласно полученным данным, ролевая модель Ребенка (как женского, так и мужского пола) характеризуется индивидуализмом, спонтанностью и пассивностью ($r=0,11 \div 0,3$) с вероятностью ошибки менее 1 %. Основные роли Героя, Девы, Матери, Отца, Ведьмы и Трикстера положительно коррелируют с активностью ($p < 0,01$), также обнаружены значимые взаимосвязи с общительностью указанных основных ролей ($p < 0,01$), за исключением Ведьмы и Трикстера, положительно связанных с индивидуалистичностью ($p < 0,01$). Дифференцирующим в данной группе критерием выступает спонтанность–традиционность (осмотрительность). Для периода молодости выражена спонтанность, которая положительно связана ($r=0,24$) с Героем и отрицательная корреляция осмотрительности с ролевой моделью Девы ($r=-0,13$), тогда как для основных ролей Матери и Отца характерны осмотрительность ($r=0,22$ и $0,28$), что отражает приверженность традициям. Необходимо отметить еще две роли (Ведьмы и Трикстера), которые дифференцированы от ролей взрослого периода спонтанностью ($r=0,27$ и $0,26$ соответственно), а от ролей периода молодости (Герой и Дева) – индивидуализмом ($r=0,34$). И наконец, последние две роли

относятся к периоду старости – это роли Старика и Старухи, характеризующиеся осмотрительностью ($r=0,32$ и $0,12$ соответственно), пассивностью ($r=0,1$) и индивидуализмом ($r=0,2$). Полученные статистически значимые корреляции ($p \leq 0,01$) позволяют утверждать, что основные роли обладают специфическими особенностями, позволяющими выделить их в отдельный класс в диалектике общего, особенного и единичного. Все они апеллируют к трем критериям, выявляющим качественное своеобразие основных ролей: активность–пассивность; спонтанность–традиционность; индивидуалистичность–общественность. Отсюда следует важная закономерность, постулируемая в системном и метасистемном подходах, согласно которой качества, характерные для определенного уровня системы, выполняют дифференцирующую функцию – они отделяют уровни системы друг от друга и разделяют компоненты внутри уровня. Дифференциация выступает обратной стороной процесса интеграции и позволяет различать ролевые модели как отдельные части системной организации ролевой социализации. Иными словами, возникает определенная иерархия соподчиняющихся неспецифических и специфических качеств, в каждом из которых обнаруживают себя особые закономерности систем, входящих в системный комплекс и образующих в нем иерархические уровни, о чем свидетельствуют результаты представленные ниже.

Так, при рассмотрении ролевой социализации как системного комплекса, имеющего иерархическую стратификацию, оценивалась значимость и содержание взаимосогласованности основных ролей, лежащих на компонентном уровне системы (критерий χ^2 -Пирсона). Выбор на приоритетные позиции основных ролей периода старости сопровождается ролевой моделью того же возрастного диапазона, но противоположного пола, либо компенсируется ролевыми моделями периода молодости, при этом на резервные и подавляемые позиции выбираются деструктивные роли того же пола. Актуальные основные роли периода взрослости сопровождаются ролевыми моделями периода молодости, но противоположного пола, резервную позицию занимают основные роли раннего периода (Дева и Девочка), а отвергаемой ролью является Трикстер. Исследование

изменения ролевой композиции в зависимости от ведущей ролевой модели показало, что ролевые композиции статистически значимо различаются с вероятностью ошибки менее 0,01 %. В данном случае, важно отметить следующую тенденцию – при актуализации ролей, находящихся на одном полюсе континуума спонтанность–традиционность и социальность–индивидуалистичность, происходит отвержение основных ролей другого полюса с деструктивной направленностью. Тогда как выбор на первые позиции ролевой модели периода молодости (как созидательной, так и деструктивной направленности) сопровождается ролями того же возрастного диапазона, а в качестве отвергаемого выбирается роль, младшего возраста (Девочка). Инфантилизация актуальной роли сопровождается скачком на период взрослости. Выбирается роль Матери или Отца, отражающая со-зависимые отношения, при этом на резервной позиции опять фиксируется инфантильная роль (Мальчик) и отвергается соответствующая периоду молодости роль. В этом случае наблюдается тенденция к противопоставлению активности–пассивности.

Итак, полученные результаты приводят к важному следствию – в качестве потенциальной ролевой модели, выбирается роль, имеющая противоположные качества к актуальной ролевой модели, занимающая противоположный полюс одного, двух или сразу трех дифференцируемых континуумов. Следовательно, функциональная динамика располагает тенденцией к противопоставлению ролей, эксплуатирующих различные полюса континуумов-дифференциаторов. Это доказывает сформулированный в системной парадигме общий принцип дополненности, предполагающий, что целостное воспроизведение какого-либо феномена или объекта объединяет взаимоисключающие понятия, применимые в особых условиях. Данный принцип проявляется и в ролевых взаимодействиях, когда на рядом расположенных позициях в ролевой композиции находятся роли принадлежащие к разным полюсам одного и того же континуума специфицирующих качеств. Кроме того, полученные результаты свидетельствуют о том, что компоненты второго уровня системного комплекса ролевой социализации оказывают оптимизирующее взаимовлияние друг на друга,

но при этом характеризуются качественным своеобразием. Вышеобозначенная закономерность, вскрывающая связи между составляющими компонентного уровня, указывает, с одной стороны, на их взаимообусловленность, а с другой – на гетерохронность их развития.

На субсистемном уровне структурной организации ролевой социализации локализованы уже функциональные синтезы, а не отдельные компоненты. На этом уровне осуществляется синтез нескольких, но не всех структурных элементов, которые дифференцированы как по составу, так и по структуре ее частных декомпозиций, которые наиболее полно в процессе социализации личности раскрываются через сферы социализации. В частности, обращение к диспозиционной концепции В. А. Ядова [378] вскрывает основные жизненные сферы субъекта, в которых реализуются потребности личности: 1) семейное окружение; 2) малая группа, в которой действует индивид; 3) сферы труда; 4) общекультурная сфера общественных отношений. Таким образом, в качестве основных жизненных сфер были обозначены пять, в которых происходит активное ролевое функционирование – осуществляется самореализация в интимно-сексуальной и семейной сферах (поиск партнера и создание семьи), в профессиональной сфере (выбор профессии и трудовая деятельность), в личностной сфере (формируется образ Я, рождается личность, обладающая устойчивой и осознанной системой ролей, ценностей и мотивов поведения) [222]. Верификация структурной организации субсистемного уровня предполагала определение специфики ролевого профиля в каждой из пяти жизненных сфер: личностной, интимно-сексуальной, семейной, неформальных контактов и профессиональной (критерий χ^2 -Пирсона). Оценка сопряженности иерархии основных ролей позволяет утверждать о специфическом своеобразии ролевой структуры в сферах жизнедеятельности ($p=0,0000$). В каждой сфере выделяется определенный ролевой набор. Каждая роль, в свою очередь, как это было показано выше, включает конкретные ролевые ожидания, социальные нормы, дифференцируемые в зависимости от жизненной сферы. В свою очередь каждая из субсистем (жизненные сферы) включает специфичный для каждой из сфер

ролевой набор (множественный регрессионный анализ $p < 0,05$). Каждая роль включает определенные ролевые ожидания, социальные нормы, дифференцируемые в зависимости от жизненной сферы (критерий χ^2 -Пирсона при $p < 0,05$). Таким образом, subsystemный уровень представляет полисистемное образование, наполненную конкретным содержанием в виде определенных ролей и их экспектаций в разных сферах жизнедеятельности.

Полученные результаты позволяют сделать ряд важных выводов. Во-первых, как мы увидели, subsystemный уровень имеет сложную и достаточно дифференцированную относительно включенных в нее ролей структуру, базирующуюся на принципе иерархичности и дополнительности.

Во-вторых, проявление subsystemного принципа консолидации элементного и компонентного уровней, качественной объективации взаимосвязи культурного и социального пространств в рамках системного комплекса. Следовательно, на subsystemном уровне образуются специфичные плеяды из ролевых моделей, что отражает качественную специфичность этого уровня, заключающуюся в известном принципе полифункциональности.

В-третьих, жизненные сферы, составляющие subsystemный уровень, обладают еще и таким качеством, как комплексирование ролей в отдельные ролевые кластеры. При этом каждый отдельный ролевой кластер жизненной сферы имеет свои собственные цели и задачи в рамках общей организации ролевой социализации, что демонстрирует наличие специфического качества subsystemного уровня – его функциональности. Более того, объединение ролевых моделей превосходит простую их совокупность и представляет целостный синтез ролевых моделей, который напрямую обеспечивает интеграцию систем в рамках «качественного узла взаимодействия».

Общесистемный уровень, который выделяется в любой системе, определяется синтезирующей способностью большинства, но не всех элементов системы [135]. Общесистемный уровень структурной организации ролевой социализации соотносится с наиболее обобщенным проявлением с системой личности. Конкретизируя это, мы хотели бы подчеркнуть и еще одно

обстоятельство – общее направление социализации человека как системного комплекса задается системообразующим фактором, сущностью которого является эффективное функционирование индивида в быстроизменяющейся среде, предусматривающее поддержание структурной устойчивости личности [247]. Это проявляется, во-первых, во внутриличностной дифференциации, которая диктует выстраивание своеобразной иерархической ролевой структуры, состоящей из основных ролей (базисных ролевых моделей поведения индивида), базисных потребностей, удовлетворяемых посредством реализации конкретной роли. Следовательно, личность, выступая своеобразной системой, раскрывает свою уникальность, наполняя роль индивидуальным содержанием (индивидуальные ценности, личностные особенности, потребности, интересы и пр.). С точки зрения И. С. Кона [161], интраиндивидуальным компонентом и результатом социального взаимодействия является система мотивов, установок и ориентаций, составляющих основу внутренней структуры личности. В числе факторов, детерминирующих уникальность ролевой структуры личности, решающее значение имеет соответствие роли мотивам и интересам личности [15; 161; 255]. Исследование сопряженности актуальной ролевой модели и ведущего мотива в различных жизненных сферах подтвердило уникальность и своеобразие ролевой композиции в различных жизненных сферах: личностная, профессиональная, семейная, интимно-сексуальная, неформальных контактов (достоверность установлена посредством критерия χ^2 -Пирсона, при $p < 0,001$). Во-вторых, проведенное социально-психологическое сопровождение с убедительностью вскрыло известный принцип потенциальной неограниченности, сформулированный в системном подходе. Реализация всех этапов программы ролевого сопровождения показала существование устойчивых ролевых соотношений, принципиально возможных для воплощения: наличие потенциальной резервной роли отличается возникновением нового качества, не являющегося простой перекомбинацией наличных возможностей. Констатируя это важное обстоятельство, отмечается неограниченность компонентного состава, из которого согласно актуальной ситуации подбирается необходимый компонент,

наилучшим образом реализующий поставленную цель (критерий χ^2 -Пирсона при $p < 0,001$).

На основе полученных нами данных можно сделать закономерный вывод о том, что выполнение роли обусловлено индивидуально-личностными особенностями, в которые входят мотивационные образования, задающие своеобразный стиль ролевого поведения. В числе факторов, детерминирующих уникальность ролевой структуры личности, решающее значение имеет соответствие роли мотивам личности. Данное приводит нас к необходимому следствию – мотив как личностное образование интегрирует не только ролевые модели, но и их конклавы в жизненных сферах, что советует известному закону системности в увеличивающейся интеграции системы (множественный регрессионный анализ, MANOVA $p < 0,05$). Следовательно, системный уровень ролевой социализации в процессе формирования личности, представленный в виде мотивационного образования, обладает способностью интеграции всех нижележащих уровней, не сводимый к их аддитивной совокупности. Обнаруженные нами эффекты супераддитивности на общесистемном и метасистемном уровнях в плане ролевой детерминации социального функционирования молодежи свидетельствуют об интегрированности этого процесса.

Кроме того, такое взаимовлияние носит характер структурной детерминации, т. к. статистически значимый множественный коэффициент детерминации (R^2) выступает отчетливым индикатором инвариантной структуры компонентов. В этой связи важно зафиксировать, что именно на системном и метасистемном уровнях формируются новые возможности, позволяющие выйти за пределы анализа отдельного влияния ролевых моделей на социальное функционирование молодежи и рассматривать уже их совместную структурную детерминацию. Значит, объединение ролевых моделей превосходит простую их совокупность и представляет целостный синтез, который напрямую обеспечивает интеграцию систем. Следовательно, системные качества выступают как

операциональные средства и интегративные механизмы, обеспечивающие эффективность ролевой социализации личности.

Последним уровнем, без которого невозможно динамическое взаимодействие системных образований, выступает метасистемный уровень, являющийся квинтэссенцией системного комплекса и реализующий выход за пределы меры развернутости системы [132]. Признание открытыми и нелинейными системами «личность», «культуру» и «социум» позволяет нам констатировать обмен информацией между системами, осуществляемый на метасистемном уровне в рамках системного комплекса. Такое взаимодействие реализуется через ассимиляцию социокультурного опыта и рассматривается как формирование подобия социокультурной системы в системе личность, следовательно, происходит персонификация социальной и культурных систем в индивиде [247]. Именно на метасистемном уровне со всей очевидностью активизируется механизм интеграции. Этот механизм предполагает преодоление конфликта между собственными представлениями о роли и ожиданиями коллектива, которые адекватны как для конкретной ролевой модели, социальной ситуации и социокультурным ожиданиям, так и для его индивидуальных особенностей, мотивов и установок [223]. На метасистемном уровне механизм интеграции выступает вершиной присвоения социокультурных норм, актуализирующийся наиболее явно у молодого человека. Действительно, субъект из всех возможных образцов выбирает для себя и переносит во внутреннюю структуру наиболее подходящие. В этом случае поведение личности характеризуется жизненной включенностью в социальный мир и высокой готовностью к самореализации. Это достигается за счет открытости обеих систем, интеграции социокультурных образцов, их эмоционального проживания и сопоставления с базовыми мотивами личности. Таким образом, взаимодействие и отношение систем социокультурного функционирования личности выступает определяющим и образует полисистемный комплекс ролевой социализации. Синтез этих гетерогенных систем приводит к новым качествам для системного комплекса превышающих их простую аддитивность. Системные образования,

включенные в так называемый «качественный узел интеграции» раскрываются в новом свете, во втором, особом измерении. По сути дела, на этой основе формируются новые системные представления о ролевой социализации как системного комплекса, который выходит за пределы содержания входящих в него систем и обладает новыми особенностями и закономерностями, позволяющим выстраивать иерархические отношения между системами.

Онтологический принцип иерархичности, с точки зрения Е. М. Николаевой [247], позволяет прояснить диалектику выстраивания иерархии (профиля) базовых мотивов, основных ролевых моделей (основных ролей) в каждой из пяти жизненных сфер в контексте социального функционирования. В этой связи необходимо было, во-первых, выявить интегральные факторы социализации молодого человека в целом (факторный анализ), во-вторых, вскрыть детерминационные возможности основных ролей в социализации молодежи в пяти сферах, в-третьих, определить взаимообусловленность интегральных факторов социализации и ролевых моделей (структурное моделирование), в-четвертых, выявить взаимодетерминацию и включение социального в виде ролевых моделей в систему личности (структурно-психологический анализ).

Полученные данные позволяют сформулировать ряд важных следствий. Во-первых, в результате применения факторного анализа методом главных компонент с вращением варимакс-нормализованное было выделено три фактора в подгруппе подростков и подгруппе периода молодости с общей объяснительной дисперсией более 60 %. Таким образом, мы определили три компонента социализации как у подростков, так и у представителей периода молодости, совпадающих в обеих группах. Полученные результаты отражают наличие устойчивой факторной структуры социализации личности.

Во-вторых, было доказано, что по отношению к ролевой социализации метасистемный уровень проявляется в том, что отдельные составляющие структурной организации исследуемого феномена представлены в аспекте их результативных проявлений и эффектов. Результаты структурного моделирования показали статистическую значимость построенной модели, отражающей

детерминацию ролевых параметров мотивами, и взаимодетерминацию ролевых моделей и факторов социального функционирования молодежи ($p=0,000$). Таким образом, было доказано, что специфика надсистемного уровня определяется способностью социальной реальности (основных ролей) встраиваться в систему личности, а включившись в нее, управлять структурой ролевой социализации.

В-третьих, выявление ролевых предикторов интегральных факторов социализации молодежи в каждой из четырех сфер свидетельствует о реализации принципа иерархичности. В полученной модели переменные предикторы (основные роли и базовые мотивы) имеют статистически значимый неравнозначный вклад ($p<0,05$). Действие принципа иерархичности приводит к доминированию одних элементов структуры личности над другими, направляет распределение энергии личности, что конкретно проявляется во внутриличностной (внутриролевой) дифференциации, которая диктует выстраивание своеобразной иерархической ролевой структуры, состоящей из основных ролей, мотивов, удовлетворяемых в реализации конкретной роли в определенной сфере бытия. Это еще раз демонстрирует наличие полисистемного принципа, предусматривающего многомерную социальную реальность, в которую включена социализирующаяся личность. Каждая сфера предполагает объединение определенных ролей в иерархической последовательности. В частности, построенные регрессионные модели социального функционирования молодежи включают роли, вносящие различный вклад в общую модель. Наибольший вклад отражает актуальную ролевую модель для конкретной жизненной сферы, уменьшение вклада свидетельствует о потенциальной и резервной позициях ролевых моделей. Отрицательный вклад ролевой модели демонстрирует ее отвержение в данной сфере. Таким образом, в рамках применения множественного регрессионного анализа мы еще раз убедились в том, что субсистемный уровень представляет функциональные образования, наполняющиеся определенными ролевыми моделями. И уже на этом уровне реализуются интегративные эффекты. Следовательно, личность состоит из множества полисистем, репрезентированных в ней в виде основных ролей, и их

взаимодействия в различных жизненных сферах, в которые личность онтологически встроена и с которыми она взаимодействует в рамках системного комплекса.

В-четвертых, такое рассмотрение результатов исследования отражает принцип потенциальной неограниченности. Это проявляется в том, что отдельная социальная ситуация (жизненная сфера) предполагает приспособление к конкретным условиям (ресурсному ареалу) и требует от субъекта актуализации одной из имеющихся в его арсенале ролевых моделей поведения. При этом в пластах человеческого бессознательного одновременно присутствуют варианты других, потенциальных, ролей, располагающихся близко к актуальной ролевой модели. В этом случае мы определенно наблюдаем существование устойчивых ролевых соотношений в каждой жизненной сфере, представляющих ролевой тезаурус личности. Именно иерархизация структурных элементов ролевой социализации выступает результатом разрешения противоречий между системами «личность», «культура» и «социум» в контексте системообразующей организации ролевой социализации.

В-пятых, выявленные закономерности должны быть дополнены еще одним объективным условием – наличием межуровневых переходов и взаимодействий между основными уровнями. Это решение достигалось за счет доказательства влияния ролевых факторов на успешность социализации молодежи в пяти сферах жизнедеятельности (субсистемный и общесистемный уровень) и оценки сопряженности ролевого образа Я (элементный уровень) и актуальной ролевой модели (компонентный уровень) отдельно у юношей и девушек, осуществляемое посредством критерия χ^2 -Пирсона. Результаты исследования доказывают, что между уровнями существует статистически значимая взаимообусловленность ($p=0,0000$). Респонденты, рисующие человека не своего пола, как правило, выбирают на ведущую позицию ролевую модель, принадлежащую к противоположному полу ($p=0,0000$). Молодые люди с ролевой инкогерентностью и деструктивной ролевой направленностью характеризуются социальной неудовлетворенностью, социальной пассивностью, социальным принятием во

всех сферах жизнедеятельности и психоэмоциональным неблагополучием. Полученные результаты отражают действие механизмов согласования всех уровней системного комплекса ролевой социализации, а также механизма координации на надсистемном уровне, раскрывающее базовый признак системного комплекса – интегральное единство.

Использование многофакторного дисперсионного анализа позволило вскрыть интегративные эффекты ролевой социализации молодежи как целостного иерархически организованного системного комплекса. Это прежде всего то, что ролевые компонентные и мотивы личности, взаимодействуя друг с другом, порождают синергетические эффекты, которые превосходят сумму их содержаний. Было обнаружено статистически значимое совместное влияние двух категориальных предикторов ролевых компонентов и мотивационных образований ($F=17,77-35,46$ при $p=0,000$). В результате чего порождаются новые качественные характеристики, предполагающие генерализацию системных качеств как таковых. Более того, именно ролевые компоненты как социальные агенты в наибольшей степени обуславливают эффективность социального функционирования, расширяя тем самым сферу своего действия внутри другого системного образования. В этой связи можно с уверенностью констатировать, что чем выше выраженность интегративных эффектов, тем шире область интегрируемого. Тем самым появляются основания, позволяющие утверждать, что интегративные эффекты, полученные вследствие взаимодействия мотива и ролевого компонента, являются наиболее общими по отношению к эффектам, полученных на всех остальных уровнях.

В-шестых, применение структурно-психологического анализа вскрыло ряд значимых закономерностей, широко представленных в рамках метасистемного и системного подходов, демонстрирующих, что ролевая социализация выступает частным случаем социализации личности. Было доказано, что структурные ролевые эффекты играют в мотивации аффилиации определяющую роль ($p<0,05$). Это свидетельствует, что процесс ролевой социализации выходит за пределы простой совокупности ролей, т. к. выступает следствием и результатом

структурных интегративных эффектов. Это является следствием базового методологического системного принципа, согласно которому системы функционально встраиваются в системный комплекс, оказываясь функционально представленными в его содержании и в его структурно-функциональной организации. На метасистемном уровне такое взаимодействие систем эксплицируется встраиванием системы социокультурного пространства в систему личность в виде ролевых компонентов и их социокультурных ожиданий. В свою очередь в системном комплексе каждый из этих компонентов, обуславливает активизацию качественно новых характеристик и закономерностей, возникающих в системных комплексах, трансформируясь в качественные параметры ролевой социализации.

В-седьмых, изучение индексов структурной организации продемонстрировало тот факт, что при конфликтно низких и конфликтно высоких уровнях мотивации аффилиации в ролевой структуре преобладают дифференцирующие тенденции, а при бесконфликтно низких и бесконфликтно высоких уровнях интегрирующие тенденции начинают преобладать над дифференцирующими. Кроме того, весьма показательно, что эта зависимость носит инвертированный характер, представленный U-образной кривой, отражающей зависимость типа оптимума, которая описана во многих работах в контексте метасистемной парадигмы [137]. Такая зависимость демонстрирует, что максимальная организованность и структурированность системы ролей выражена на средних уровнях мотивации аффилиации, а не на минимальных или максимальных. Причем эта зависимость имеет левосторонний уклон, что демонстрирует эффект «левого смещения». То есть при значениях мотивации аффилиации бесконфликтных уровнях имеет место наибольший пик интегрированности. Это значит, что именно бесконфликтный, так называемый оптимальный уровень мотивации аффилиации, может быть представлен как наиболее действенный для развертывания совокупности организационных средств по отношению к реализации ролевой социализации. Полученная зависимость типа «оптимум» отражает эффекты гиперорганизованности систем

[131], когда потенциал входящих в систему компонентов снижает адаптивность самой системы. Иначе говоря, интеграция как средство оптимизации структуры ролевых моделей трансформируется в свою противоположность и выступает как фактор ее дезоптимизации.

Следовательно, полученные данные доказывают важную, а может, и определяющую роль структурных средств и эффектов в обеспечении мотивационных процессов, участвующих в социализации субъекта. В этой связи можно утверждать, что отношения между мотивацией аффилиации и ролями, принадлежащими метасистеме социального и одновременно представляющими метасистемные образования личности, являются системными, а не аналитическими. Мало того, эти отношения имеют характер взаимодействия, когда с одной стороны, мотивация аффилиации влияет на уровень интегрированности ролевой структуры и определяет ролевое поведение, а с другой – ролевая структурированность выступает детерминантой мотивации аффилиации, стремления субъекта к взаимодействию. Иначе говоря, в зависимости от степени интегрированности структуры ролевой организации находится мера выраженности мотивации аффилиации.

Кроме того, эти отношения и детерминация носят сложный и даже парадоксальный характер, заключающийся в противопоставлении двух базовых тенденций – интегрирующей и дифференцирующей при большей выраженности первой. При этом весьма вероятно, что выявленные эффекты структурной организации внутреннего содержания качества могут выступать мерой того, на каком уровне развития будет представлено то или иное качество, что доказывает наличие взаимозависимости между структурными (содержательными) и количественными (уровневыми) аспектами ролевой социализации личности, когда роли являются метакомпонентами по отношению к личности (представляют собой части социальной системы, в которую исходно включен субъект). В свою очередь, потенциал организации ролей мезоуровня определяется взаимодействием двух противоположных тенденций – дифференциацией и интеграцией. Дифференцирующий процесс ролевой социализации предполагает

различение ролевых компонентов, между которыми могут быть как положительные, так и отрицательные взаимосвязи. Положительные взаимосвязи свидетельствуют о существовании в системе механизмов коллективного взаимодействия. Такая интеграция отражает объединение нескольких ролевых компонентов в один ролевой комплекс и переплетение трех или более ролевых плеяд в целях извлечения синергетического эффекта. Наличие отрицательных связей в ролевой структуре отражает подавление взаимодействия ролевых компонентов, создание консервативной, ригидной системы. Особой формой дифференциации может выступить распад структурной целостности ролевого пространства и разрушение системных качеств ролевой социализации личности. Такая дезинтеграция, включающая слабые и отрицательные связи между ролевыми компонентами, вполне обоснованно стремится к деструкции всей ролевой структуры. В этом случае системный комплекс разваливается, коллапсирует, в результате чего подсистемы функционируют отдельно, а сам системный комплекс перестает существовать как единое целое.

Таким образом, были вскрыты основные закономерности структурно-иерархической организации ролевой социализации как системы – наличие закономерных межуровневых взаимодействий, механизмы согласования и координации. Важно обратить внимание на то, что каждый вышележащий уровень выступает по отношению к нижележащему как эффект интеграции его содержания через реализацию по отношению к нему дополнительных операционных средств. Обобщающим смыслом механизма межуровневой интеграции выступает принцип прогрессирующей интеграции, доказательством которого послужили обнаруженные синергетические эффекты на более высоких уровнях ролевой социализации личности. Оценивая синергетические эффекты, необходимо исходить из того, что критерий их эффективности складывается из реального вклада ролевых композиций субсистемного уровня в синергетические эффекты системного и метастемного уровня.

5.2. Специфика ролевой социализации в ее темпоральной системности

Рассмотрение феномена ролевой социализации свидетельствует о том, что мы имеем дело уже не с одним, а с несколькими объектами. В соответствии с этим такие специфические качества системы, как целостность и структурность, оказываются существенно иными. Так, применение специфической характеристики «целостность», свойственной всем системам, становится невозможным, т. к. системные комплексы формируются как результат объединения ряда других системных образований, уже имеющих системный статус. Понятие целостность трансформируется в такую качественную характеристику, как *единство*, отражающую главную принципиальную особенность системного комплекса, поскольку именно закономерности соединения и взаимодействия разнокачественных систем в функциональном целом во многом образуют системный комплекс. При этом функциональные особенности каждого уровня имеют принципиальные отличия, которые достигаются за счет полифункциональности ролевой социализации. Эта полифункциональность обуславливает изменение такой характеристики ролевой социализации, как структурность, которая теряет внутренне присущую ей строгость, т. к. включенные в виде компонентов гетерогенные системы и их взаимодействие не носят однонаправленного характера, а складываются в виде стихийно действующих сил. Понятие структуры фактически становится понятием *структуры взаимодействия спаренных систем*, трансформируя характер связей элементов, закономерности. Вместе с тем в процессе проведенных теоретических и эмпирических исследований удалось установить наличие принципа иерархичности, являющегося одной из специфических особенностей системного комплекса и состоящего в дифференциации отдельных уровней ролевой социализации по их значимости и соподчиненности в зависимости от их значимости. Следует обратить внимание, что ролевая социализация представляет сложный, многоуровневый системный комплекс, объединяющий системы как

объективного (нормы, правила, знания, символы, представления, поведение, включенные в каждую роль), так и субъективного характера (личностные особенности, ценности, направленности, мотивы, обуславливающие иерархию в интернализации и реализации роли в жизненных сферах). Следовательно, базовым признаком такого многомерного системного комплекса выступает *интегральное единство*, а специфическим – *интегральные свойства и закономерности этого «качественного узла взаимодействия»*.

В этом плане становится очевидным реализация методологии системности по отношению к функционированию ролевой социализации. Иначе говоря, субстанциональную системность (структуру изучаемого явления) необходимо дополнить другим, не менее важным видом системности – временным. Авторская идея заключалась в предположении, что ролевая социализация может быть представлена в темпоральной организации. Такая организация в свою очередь выступает высшей формой диахронической организации системы или системного комплекса. Необходимо подчеркнуть, что процессуальная системность представляет саму суть, содержание и бытие ролевой социализации личности. В этой связи общий смысл эмпирического исследования сводился к выявлению определенных закономерностей, которые в значительной степени конституируют собственное время ролевой социализации как системного комплекса. Ряд экспериментальных и эмпирических процедур предполагал изучение темпоральной специфики ролевой социализации личности с учетом системного инварианта – пяти уровней системного комплекса. В основу уровневой дифференциации ролевой социализации как системного комплекса, приближенного к временной системе, была положена диспозиция синхроничность–диахроничность.

Элементный уровень ролевой социализации как системного комплекса временного вида представляет совокупность социокультурных ожиданий относительно конкретной роли. Причем важно зафиксировать внимание на следующем довольно важном моменте. Эти экспликации даны не последовательно, а симультанно, что отражает временные особенности

элементного уровня ролевой социализации (исследование сопряженности образа Я и его характеристик у молодежи, критерий χ^2 -Пирсона при $p < 0,01$). Полученные результаты демонстрируют, что ролевые ожидания представлены в виде социокультурного кода, т. к. активизируются для субъекта одновременно. Более того, этот социокультурный код фиксируется во времени [559], не изменяя сущности ролевой модели. На этом этапе реализуется так называемая «атемпоральность» по Дж. Фрейзеру [456], представленная временем частиц, движущихся с нулевой скоростью, когда все случается сразу. Безусловно, допускаются отдельные, так называемые флуктуации ролевых ожиданий, которые отражают малый уровень индивидуальных проявлений элементов и в силу своей несущественности выносятся за скобки исследования.

Анализ элементного уровня (система культуры), представляющего «кирпичики», на которых строится весь системный комплекс, позволил выделить, что основной качественной характеристикой этого уровня выступает символически организованные культурные образы, опосредующие основные ролевые модели. Вместе с тем было зафиксировано чувствительность к ролевой среде как специфицирующее качество в рамках системного комплекса, (критерий χ^2 -Пирсона при $p < 0,001$).

Компонентный уровень фиксирует качественную определенность системы и апеллирует к длительности, которая фиксирует границы события. Такая десинхронизированность, с точки зрения А. В. Карпова [133], отражает качественную определенность времени. Таким образом, в контексте компонентного уровня происходит дифференциация исходной целостности на части или этапы, необходимые для достижения общей цели. Результаты исследования показали, что компонентный уровень, прежде всего характеризуется последовательностью ролевых моделей, которая была доказана посредством критерий χ^2 -Пирсона, множественного регрессионного анализа и структурного моделирования при $p < 0,05$). Полученные результаты свидетельствуют об еще одном свойстве ролевой социализации, существенном в плане определения ее как системного комплекса темпорального типа. Это то, что

ролевая социализация разворачивается по типу дифференциации исходного целого на компоненты, распределенные по временной оси. Дифференциация выступает обратной стороной процесса интеграции и позволяет различать ролевые модели как отдельные части системной организации ролевой социализации. Однако используются не все компоненты, а только те, которые являются необходимыми для получения предполагаемого результата и достижения общей цели. Иными словами, возникает определенная иерархия соподчиняющихся неспецифичных и специфичных качеств, в каждом из которых обнаруживают себя особые закономерности систем, входящих в системный комплекс и образующих в нем иерархические уровни.

Другой особенностью компонентного уровня было установление того факта, что диахрония отражает последовательность событий, включающих освоение ролевых моделей, понимание ролевых ожиданий, зафиксированных в культуре, осознание условий их реализации и собственных потребностей и возможностей. Иерархический вклад ролевых моделей в общую изменчивость факторов социализации в каждой отдельной сфере (множественный регрессионный анализ) отражает центральную позицию для систем темпорального типа, которая раскрывается в двойственности синхронической и диахронической организации. В частности, разделение всего ролевого пространства на две зоны. Первая зона – это актуальные роли, «работающие» на цель и потребность индивида, участвующие в реализации ролевого поведения. Вторая зона – это латентные, или потенциальные, роли, выступающие ролевым резервом для личности. Полученные в этой части исследования результаты с убедительностью доказывают необходимость учета временной системности ролевой социализации личности. Так, иерархичность в регрессионных моделях в виде вклада каждой роли демонстрирует временное структурирование для систем темпорального типа. Актуальная ролевая модель имеет наибольший вклад. Чем меньше вклад, тем более вероятно, что перед нами потенциальная или резервная ролевая модель. Отвержение определенной ролевой модели для сферы, демонстрирует отрицательный вклад.

Необходимо зафиксировать внимание еще на одном важном, реализующемся на компонентном уровне аспекте, который не исчерпывается только последовательностью событий, а представлен согласованием/рассогласованием внутренних ресурсов личности и требований среды. Полученные результаты заслуживают внимания в плане эффекта диахроничности–синхроничности как установления и нарушения равновесия между ролевыми ожиданиями и ролевыми моделями. Данные сопряженности ролевых моделей и экспектаций демонстрируют, что исследуемые с четкой полоролевой идентичностью (рисуют человека своего пола) выбирают в качестве актуальной ролевою модель, максимально приближенную к своему полу и возрасту. В то же время респонденты, рисующие человека не своего пола, как правило, выбирают на ведущую позицию ролевою модель, принадлежащую к противоположному полу ($p=0,0000$). Это свидетельствует о фиксации культурного кода и репликации культурного образца внутри самого индивида. Аккумулируясь в ролевой модели, ролевые ожидания диктуют порядок взаимоотношений и ролевого поведения субъекту. Такое взаимодействие субъекта, ролевых моделей и культурных универсалий аналогично информированию молекулы о состоянии системы в целом, что отражает когерентность субъекта социальным реалиям. Таким образом, эффективность ролевой социализации достигается вследствие успешной сопряженности ролевой модели и экспектаций. Нарушение ролевой социализации сопровождается разрывом между требованиями среды и ролевой моделью. Следовательно, критерием диахронического существования системного комплекса на компонентном уровне может выступать преодоление рассогласования между ролевыми моделями и экспектациями.

Субсистемное значение критерия дискриминатора конкретизируется в отношении опосредованного следования трех и более событий, элементов, компонентов и пр. [133]. В ходе серии проведенных математико-статистических процедур (сопряженность по критерию χ^2 -Пирсона и множественный регрессионный анализ) были получены следующие результаты. Оценка

сопряженности иерархии основных ролей позволяет утверждать о специфическом своеобразии ролевой структуры в сферах жизнедеятельности ($p=0,0000$). В каждой сфере выделяется определенный ролевой набор. Каждая роль включает конкретные ролевые ожидания, социальные нормы, дифференцируемые в зависимости от жизненной сферы (критерий χ^2 -Пирсона при $p<0,05$). В свою очередь каждая из subsystem (жизненные сферы) включает специфичный для каждой из сфер ролевой набор (множественный регрессионный анализ $p<0,05$).

Полученные результаты свидетельствуют о нескольких важных в плане исследования следствиях. Во-первых, на subsystemном уровне возникают не только отношения в виде последовательно ряда компонентов, но и воспроизводятся отношения опосредованного следования. Другими словами, две роли, следующие друг за другом, разделяются экспектациями, которые детерминируют и связывают между собой их. Следовательно, перед нами уже не линейная ролевая последовательность, а наоборот, нелинейная, подразумевающая, что формируются определенные локальные ансамбли ролевых компонентов, которые между собой образуют временную цепочку. Такое взаимодействие порождает возникновение временного интервала между событиями, что эксплицирует еще один важнейший атрибут ролевой социализации на subsystemном уровне – ее дискретность.

Во-вторых, объединение ролевых моделей превосходит простую их совокупность и представляет целостный синтез ролевых моделей, который напрямую обеспечивает интеграцию систем в рамках «качественного узла взаимодействия» (множественный регрессионный анализ). Это является достаточно важным аспектом в плане рассмотрения содержания темпоральной организации, т. к. демонстрирует, что роли на subsystemном уровне оказываются атрибутивно связанными друг с другом не только структурной, но и функциональной связью. Но связь эта представлена уже не как единичная, а в виде интеграции компонентов, которые детерминируют события, следующие за ними во временной цепочке. Согласно полученным результатам (критерий χ^2 -Пирсона при $p<0,05$; множественный регрессионный анализ $p<0,05$), ролевые

компоненты, образующие состав временного системного комплекса, дифференцируются на части, которые соотносятся между собой. Для каждой сферы жизнедеятельности, включающей набор сходных ситуаций, имеется определенный ролевой комплекс, состоящий из актуальной ролевой модели, потенциальной, резервной и отвергаемой (критерий t-Стьюдента и χ^2 -Мак-Немора). Значит, происходит комплексирование ролевого множества, которое носит локальный характер, т. к. направлено на упорядочивание ролевого поведения в отдельной сфере жизнедеятельности. Следовательно, уже на субсистемном уровне возникают интегративные эффекты, включающие отношения опосредования субсистем временными комплексами ролевых моделей и их экспектаций.

В-третьих, в рамках эмпирико-экспериментальных действий (критерий t-Стьюдента, χ^2 -Мак-Немора, множественный регрессионный анализ) было доказано, что данный уровень реализует принцип трансформирующейся детерминации, предполагающей учет парциальных результатов самой системой. Суть этого принципа заключается в том, что состав и структура детерминационных факторов предполагают их развертывание во времени. Каждый последующий этап реализуется с опорой на результаты, которые были получены на предыдущих уровнях и этапах. При этом детерминанты генерируются на каждом предыдущем этапе и являются благоприятными предпосылками для последующего функционального развертывания. Это свидетельствует о таком свойстве систем темпорального типа, как самодетерминация [133; 247]. Согласно этой особенности системные комплексы (к которым относится ролевая социализация) временного типа способны не только к генерированию какого-либо обобщенного результата, но и к использованию этого результата в качестве условия своего функционирования. Эти парциальные результаты сначала формируются для эффективного ролевого функционирования субъекта, а затем активно используются в реализации этого функционирования. В своем роде это темпоральная координация системы. Основываясь на этой способности к самопостроению, системный комплекс

ролевой социализации способен к организации взаимодействия внутри себя других систем.

В-четвертых, в системном комплексе социальное воплощено на двух уровнях (компонентный и субсистемный). На них социум приобретает характерные качества: полифункциональность и взаимодействие субъектов, обусловленное конкретной ролью (критерий χ^2 -Пирсона при $p < 0,001$). Более того, ролевые модели имеют устойчивые экспектации, зафиксированные в произведениях культуры и опосредующие интеграцию индивида в социокультурное пространство и апеллирующие к трем критериям дифференциаторам: «активность–пассивность»; «спонтанность–традиционность»; «индивидуалистичность–социальность» (многомерное шкалирование и г-Спирмена $p < 0,05$). Таким образом, системы функционально встраиваются в системный комплекс, оказываясь функционально представленными в его содержании и структурно-функциональной организации. Следовательно, системный комплекс необходимо рассматривать как феномен, относящийся не только к субстациональному типу, отражающему взаимоотношения между системами, но и к темпоральному, характерными особенностями которого выступает сам процесс организации.

На общесистемном уровне основное значение критерия дискриминатора системы временного типа представлено в том, что происходит временная инверсия – переход с отношений опосредования к целевой детерминации. Полученные результаты свидетельствуют о том, что опосредованные отношения устанавливаются не только между ролевыми комплексами и локальными сферами жизнедеятельности, но и общей целью всего процесса ролевой социализации (множественный регрессионный анализ, структурное моделирование, критерий t-Стьюдента и χ^2 -Мак-Немора при $p > 0,05$). Напомним, что такая цель предусматривает установление оптимального ролевого взаимодействия между индивидом и обществом, что является функцией системы ролевой социализации. Наличие такой цели, по мнению А. В. Карпова [133], является главным критерием и основой для дифференциации временных систем от явлений,

разворачивающихся во времени. Следовательно, первой и отличительной особенностью ролевой социализации как системы временного типа, появляющейся на общесистемном уровне, является связь между ролевыми компонентами с общей целью системного комплекса. Так, в процесс работы с 10 ролевыми моделями в пяти жизненных сферах молодые люди с неуспешной социализацией формулировали цель, под которую производилось осуществление определенных действий. В зависимости от актуальной для субъекта ситуации осуществляется осознание доминирующего мотивационного образования, далее производится анализ соответствующей социальной ситуации (конкретизируется принадлежность к одной из жизненных сфер) и мотива. Анализируется роль, выбираемая из всего имеющегося ролевого набора, оцениваются ролевые ожидания с точки зрения их полезности в конкретной ситуации и вероятность реализации в выбранном ролевом поведении актуального мотива. Иначе говоря, повторение всех этапов ролевого функционирования приводит к успешности в реализации социально-ролевого поведения молодого человека (критерий t-Стьюдента при $p < 0,05$).

Действительно, какую бы мы не рассматривали сферу жизнедеятельности, целью ролевой социализации в любой из таких сфер будет установление оптимального ролевого функционирование индивида в быстроизменяющейся среде, предусматривающее поддержание структурной устойчивости личности. В этом контексте цель выступает системообразующим фактором. Такая постановка исследуемой проблемы со всей необходимостью приводит к пониманию, что детерминационные отношения меняются на целевые, что обозначается А.В. Карповым [133] как феномен временной инверсии. Суть этого феномена заключается в смене принципа детерминации на целевой принцип, когда цель выступает в виде основной детерминанты для организации всего процесса, всего содержания ролевой социализации.

Кроме того, был установлен другой основополагающий факт, вскрывающий темпоральную системность ролевой социализации. Проведенный анализ функциональной организации ролевой социализации демонстрирует, что

основные роли выступают динамичной стороной структурной организации процесса социализации. Как показывают результаты наших исследований, репликация целостного процесса социально-психологического сопровождения ролевого функционирования у испытуемых экспериментальной группы способствует успешной социализации личности. У студентов экспериментальной группы после проведения воздействия возросли социальная активность, субъективное благополучие, включающее удовлетворенность учебной, социальной ситуацией, общением с однокурсниками, состоянием своего здоровья, снизились показатели социальной дезадаптации (критерий t-Стьюдента и χ^2 -Мак-Немора $p < 0,01$). По мнению Т. В. Осипова и Л. Н. Москвичева [236; 318], в рамках социализации происходит соотнесение внутренних диспозиций субъекта с внешними социальными требованиями и ролевыми ожиданиями, опосредующими ролевое поведение. Следовательно, осуществляется совмещение двух аспектов социального и субъективного, и в этом контексте ролевая социализация является системным комплексом, одновременно включающим системы социального, культурного и личностного. Такое функциональное взаимодействие основано на принципе иерархичности, вскрывающем соподчинение специфических и неспецифических оснований. Это проявляется в том, что личность, взятая как отдельная система, несет в себе индивидуальные характеристики, такие как тип нервной системы, динамические качества, мотивационно-смысловые ориентиры, личностные особенности, направленность и пр. В то же время в контексте социальной жизни индивидуальная сущность личности оказывается неспецифическим основанием (экзистенцией второго порядка). Ее неспецифическая сущность раскрывается в виде включенности в ролевые отношения, формируемые в ролевом взаимодействии (структурное моделирование, структурно психологический анализ, MANOVA при $p < 0,05$).

На метасистемном уровне обеспечивается синхрония ролевой социализации, которая в отличие от элементного уровня предполагает взаимодействие не простых элементов, а сложных гетерогенных систем (общества, культуры, личности, наряду с другими известными) в определенный

временной интервал. Результаты исследования (MANOVA, структурное моделирование, структурно-психологический анализ) демонстрируют, что выявленные отношения и структурная взаимодейстериентация носят сложный и зачастую парадоксальный характер, заключающийся в противопоставлении двух базовых тенденций – интегрирующей и дифференцирующей при большей выраженности первой.

Во-первых, было установлено, что эта специфическая особенность представлена на метасистемном уровне и выражена в дифференциации (диахроничность) и интеграции (синхроничность) ролевой структуры при разных уровнях мотивации аффилиации (структурно-психологический анализ). Продемонстрировано, что при конфликтно низких и высоких значениях мотивации аффилиации в ролевой структуре преобладают дифференцирующие тенденции, а при оптимальных значениях интегрирующие тенденции начинают преобладать над дифференцирующими. В результате исследования было доказано, что чем менее конфликтно выражена мотивация аффилиации, тем выше синхроничность ролевой структуры.

Кроме того, выявлено, что общая организованность ролевой структуры находится на крайне низких позициях при конфликтно низкой и конфликтно высокой мотивации аффилиации, делает существенный скачок при бесконфликтно высокой мотивации аффилиации и снова снижается при конфликтно низкой мотивации аффилиации. Полученная зависимость типа «оптимум» отражает эффекты *гиперорганизованности* системного комплекса [131], когда потенциал входящих в него компонентов, относящихся к другим системам, снижает адаптивность самой системы. Иначе говоря, интеграция как средство оптимизации структуры ролевых моделей трансформируется в свою противоположность и выступает как фактор ее дезоптимизации.

Во-вторых, установление устойчивых закономерностей реализации ролевой социализации при интеграции личности в социальное пространство предполагало сравнение респондентов в подростковый период и период молодости в зависимости от ролевой когерентности к полу и направленности (двухфакторный

дисперсионный анализ MANOVA). Эксплицированные в работе данные подтверждают наше предположение о том, что блокировка определенного механизма ролевой социализации, соответствующего конкретному возрастному диапазону, будет наиболее выражена именно в этом возрасте. Результаты наших исследований показали статистически значимое совместное влияние полоролевой когерентности, направленности и возраста ($p < 0,03$). Так, нарушение механизма индивидуализации характерно для подросткового периода. У подростков с полоролевой инкогерентностью и деструктивной направленностью, по сравнению с респондентами в период молодости, более выражен экстернальный локус ролевого конфликта (конформность и зависимость от ожиданий). Они испытывают эмоциональный дискомфорт, выражено неприятие себя и других людей ($p = 0,000$). В то же время студенты и курсанты, относящиеся к периоду молодости и имеющие полоролевую инкогерентность и деструктивную направленность, демонстрируют сниженную общительность и отзывчивость при увеличении зависимости и неуверенности ($p < 0,01$). Данное демонстрирует, что для периода молодости характерно блокирование механизма интеграции. Тем самым находим еще одно подтверждение нашего общего положения, что успешное социальное функционирование, а следовательно, и реализация всех уровней организации ролевой социализации, обусловлены степенью сформированности механизмов и, соответственно, уровней организации ролевой социализации. Указанное обстоятельство выступает частным случаем одной из наиболее общих установленных в теории закономерностей ролевой социализации личности, состоящим в переключении механизмов ролевой социализации на наиболее сформированные и эффективно осуществляемые механизмы и уровни ролевой социализации. Значит, мера выраженности механизмов ролевой социализации является индикатором сформированности тех или иных уровней ее организации. Именно через анализ этой меры возможным становится и изучение сравнительной динамики степени сформированности уровней ролевой социализации личности.

В-третьих, различия между подростками и респондентами в период молодости (двухфакторный дисперсионный анализ MANOVA, вероятность ошибки составила менее 5 %) позволили выявить системогенетические закономерности, заключающиеся в том, что ролевая социализация имеет иерархическую структуру. При этом каждый уровень ролевой социализации разворачивается последовательно в процессе вхождения субъекта в социокультурное пространство. Нарушение конкретного механизма ролевой социализации наиболее характерно для определенного возрастного периода и связано с нарушением ролевой социализации молодежи. Следовательно, генезис иерархической структуры ролевой социализации в процессе формирования личности представляет поэтапное развитие уровней ролевой социализации и формирование соответствующих механизмов.

В-четвертых, полученные результаты двухфакторного дисперсионного анализа приводят к важному следствию, заключающемуся в том, что интегративные эффекты более выражены у студентов и курсантов, относящихся к последнему, наивысшему уровню ролевой социализации – метасистемному. Именно для этой возрастной группы характерна широкая область интегрируемых компонентов, а следовательно, и синхрония ролевой социализации, реализуемая на метасистемном уровне. Такая согласованность социальных взаимодействий включает приведение в состояние равновесия внутренних ресурсов личности и требований среды. Действительно, реализация ролей у студентов и курсантов предполагает согласование между ролями, социальной ситуацией, потребностями, интересами и пр. Это объективно требует их синхронизации. Такая временная координация предполагает распределение ресурса системного комплекса по нескольким направлениям (общество, культура и личность). Соответственно интеграция все более обобщающихся компонентов является достаточной для осуществления конечной цели ее функционирования. Это свидетельствует о реализации в данном исследовании эффектов синхронии–диахронии. Именно на метасистемном уровне обеспечивается синхрония ролевой социализации, которая в отличие от элементного уровня предполагает взаимодействие не простых

элементов, а сложных гетерогенных систем (общества, культуры, личности, наряду с другими известными) в определенный временной интервал. Значит, эффективность социализации напрямую зависит от согласованности внутренних ресурсов личности и требований среды. Это объективно требует их синхронизации. Такая временная организация предполагает распределение ресурса системного комплекса по нескольким направлениям (общество, культура и личность). В случае рассогласования (диахронии) системных образований обнаруживается разрыв между требованиями среды, ролевыми моделями, мотивами и пониманием ролевых ожиданий личностью, что приводит к нарушению ролевой социализации. В этой связи, критерием диахронического существования системного комплекса выступает преодоление рассогласования между ролевыми моделями, потребностями, мотивами и ожиданиями. Такое взаимодействие и взаимопереходы синхроничности и диахроничности отражает специфическое свойство ролевой социализации как системного комплекса временного типа – трансемпоральность.

В-пятых, в результате ряда математико-статистических действий (MANOVA, структурно-психологический анализ, множественный регрессионный анализ) было доказано, что системный комплекс «ролевая социализация» выходит за пределы простой совокупности ролей, т.к. выступает следствием и результатом структурных интегративных эффектов. Еще одно важное следствие, связанное с эффектами супераддитивности, основано на статистической значимости дисперсии взаимодействия актуального мотива и типа локуса ролевого конфликта, означает структурное влияние указанных категориальных предикторов на социальное функционирование молодежи (MANOVA). Согласно этой закономерности, структурные ролевые эффекты играют в мотивации и социальном функционировании определяющую роль. В рамках этого главнейшего для системы свойства итоговый обобщенный результат не сводится к аддитивной совокупности парциальных итераций, но имеет новые – атрибутивно-системные – качества.

В-шестых, указанные выше эффекты супераддитивности, отчетливым индикатором которых выступает коэффициент множественной детерминации (R^2), свидетельствуют о существовании в ролевой социализации более глубинного механизма – трансформации системных качеств в функциональные. Это подробно раскрывается в характере именно структурной детерминации факторов ролевой социализации в различных сферах (R^2 варьируется во всех моделях от 41 % до 79 %). Полученные результаты со всей очевидностью эксплицируют один из принципов темпоральной системности – принцип сменной детерминации. Суть этого принципа заключается в том, что состав и структура детерминационных факторов предполагают их развертывание во времени. Каждый последующий этап реализуется с опорой на результаты, которые были получены на предыдущих уровнях и этапах. При этом детерминанты генерируются на каждом предыдущем этапе и являются благоприятными предпосылками для последующего функционального развертывания. Это свидетельствует о таком свойстве систем темпорального типа как самодетерминация. Согласно этой особенности системы или системные комплексы (к которым относится ролевая социализация) временного типа способны не только к генерированию какого-либо обобщенного результата, но и к использованию этого результата в качестве условия своего функционирования. В своем роде, это темпоральная координация системы. Таким образом, происходит превращение результатов в процесс. Более того, эти результаты на метасистемном уровне оказываются атрибутивно связанными друг с другом структурной и функциональной связью. Но связь эта представлена уже не как единичная, а в виде интеграции компонентов, которые детерминируют события, следующие за ними во временной цепочке. Следовательно, целостный синтез ролевых моделей превосходит их аддитивную совокупность и обеспечивает интеграцию в рамках системного комплекса, что составляет основу функциональной организации сложных систем.

В-седьмых, было установлено в процессе различных эмпирических процедур (MANOVA, структурное моделирование), что эффективность социализации напрямую зависит от согласованности ролевых моделей,

экспектаций, мотивов и их взаимодействия. Уровень включенности молодого человека в социальное пространство тесно связан с его удовлетворенностью жизнью при реализации конструктивных мотивов в соответствующей ролевой модели (структурное моделирование). Молодежь, ориентирующаяся в большей степени на общественные нормы, традиции, правила, в ролевом поведении обладает наиболее высоким социальным принятием и социальной удовлетворенностью. Особенно данное характерно для индивидов с мотивом самореализации (MANOVA, $p < 0.05$). Успешное социальное функционирование, а, следовательно, и реализация всех уровней организации ролевой социализации, обусловлено сформированностью механизмов и, соответственно, уровней организации ролевой социализации (MANOVA, рисунок 57).

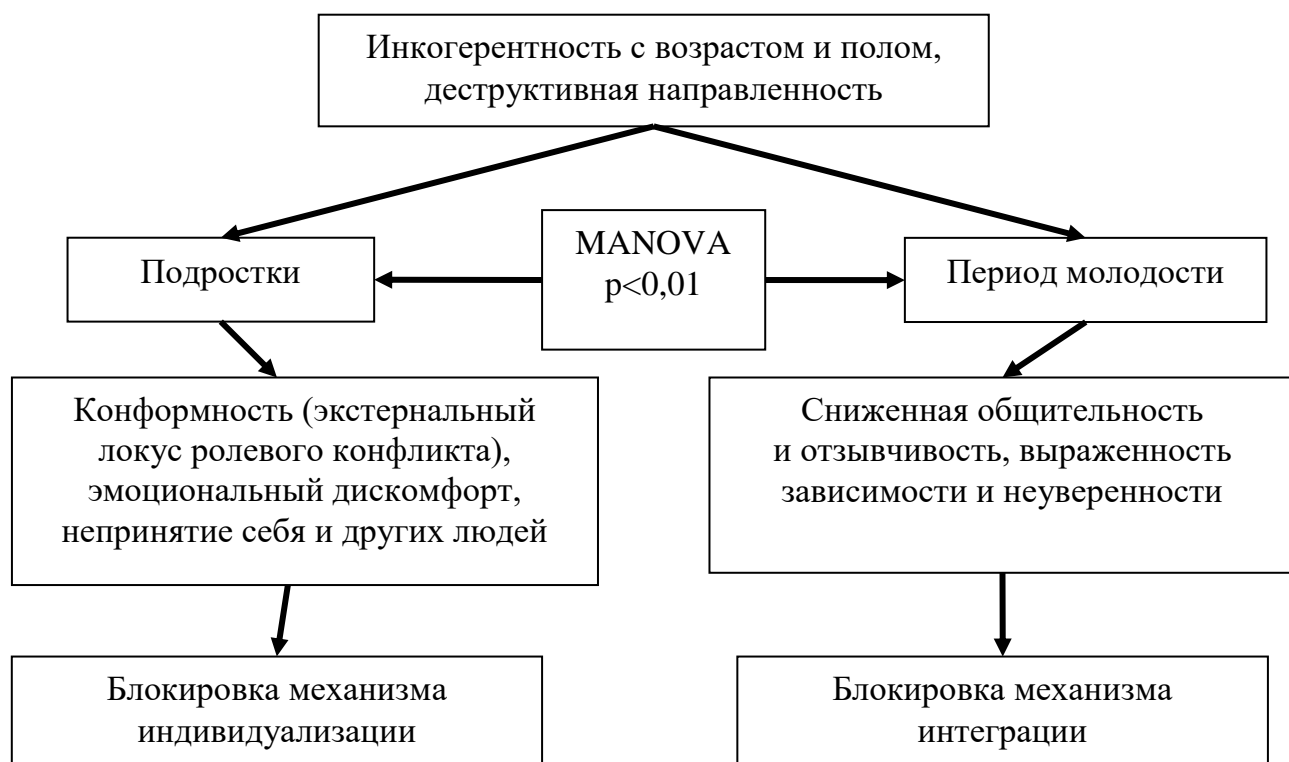

Рисунок 57. Структура эмпирического доказательства ролевой социализации в процессе формирования личности

Значит, мерой выраженности тех или иных уровней организации ролевой социализации выступают механизмы, являющиеся индикатором сформированности уровней. Следовательно, эффективное освоение ролей

непосредственно влияет на успешность межличностных интеракций, подготавливая молодежь к возможным вариантам взаимодействия в рамках определенной жизненной сферы. Значит, установление оптимального соответствия между ролевыми моделями и мотивами личности отражает явление синхронности–диахроничности, которое может выступать надежным индикатором успешного или неуспешного социального функционирования молодежи.

Таким образом, целостный синтез ролевых моделей, социокультурных ожиданий, социальной ситуации и мотивов личности превосходит их аддитивную совокупность и обеспечивает интеграцию в рамках системного комплекса, что составляет основу функциональной организации сложных систем. В этом контексте мы можем говорить, не только о синхронности ролевой социализации, но и о диахроничности (функциональный генез), воплощающейся в трансформации системного комплекса ролевой социализации. Это позволяет рассматривать ролевую социализацию как системный комплекс, относящийся к субстанционально-темпоральному типу (рисунок 58).

Анализ синхронности и диахроничности в контексте ролевой социализации продемонстрировал диалогичность и взаимопереходы этих двух состояний, что можно обозначить, как транстемпоральность. Присвоение нормативов, правил, требований и пр. атрибутов ролевого поведения субъектом и их интегрирование с мотивами и потребностями индивида отражает эффект темпоральной синхронности. С другой стороны, рассогласование и нарушение равновесия между индивидом и обществом, иерархическая композиция ролей в сферах жизнедеятельности эксплицируют со всей очевидностью диахронический процесс.

Изучение закономерностей ролевой социализации и их всесторонняя характеристика позволяет вскрыть их тесную взаимообусловленность. Эта закономерность раскрывает еще одну грань этих процессов: интегративную, обеспечивающую целостность и согласованность функциональной и структурной организации, раскрывающие общность этих закономерностей.

Рисунок 58. Структура концепции субстанционально-темпоральной системности ролевой социализации личности

Иерархия соподчиняющихся неспецифичных и специфичных качеств обнаруживает особые закономерности системных образований, входящих в системный комплекс. Специфицирующими характеристиками ролевой социализации личности как системного комплекса, приближенного к субстанционально-темпоральному типу, выступает, как показали теоретическое и эмпирическое исследования, транстемпоральность и увеличивающаяся интеграция. Транстемпоральность позволяет рассматривать ролевую социализацию как чередование кризисных (диахроничных) и адаптивных (синхроничных) этапов. Адаптация предполагает изменение параметров системного комплекса при сохранении его структурно-уровневой организации. В случае трансформации внешних условий параметрическая адаптация позволяет системе приспособиться к новым ограничениям и требованиям, накладываемым социокультурной средой. Диахроничные этапы подразумевают изменение структурных компонентов системного комплекса ролевой социализации, их перерождение, возникновение у них нового качества. Переструктуризация позволяет личности в рамках социализации перейти на новую траекторию развития, характеризующуюся меньшей скоростью развития энтропии. Обращение к структурно-уровневому строению ролевой социализации демонстрирует (§ 3.2.2), что уровни организации компонентов ролевой социализации имеют достаточно четкие индикаторы, на основании которых представляется возможным их изучение в развитии и формировании личности. Среди этих эмпирических референтов были выделены механизмы ролевой социализации (таблица 1 Приложение 7). Сформулированное строение ролевой социализации включает пять основных уровней, базирующихся на структурно-уровневом принципе. Следовательно, развитие выявленной иерархической структуры должно разворачиваться как генезис указанных уровней и формирование механизмов межуровневого взаимодействия. При этом необходимо совершенно отчетливо представлять степень самостоятельности компонентов системного комплекса, рассматриваемых с позиции синергетики. Кумуляция таких флуктуаций с неизбежностью приводит к состоянию бифуркации. Таким

образом, в момент бифуркации системного комплекса возможны несколько траекторий развития и формирования личности. Это, в свою очередь, ограничивает возможности точного прогнозирования ролевой социализации личности, оставляя тем не менее возможности в выявлении общих закономерностей. В частности, еще в конце прошлого века А. И. Ковалевой [152] было показано, что изучение социализационной траектории имеет свои пределы, связанные со сложностью квантификации его характеристик и природой социализации. Вместе с тем автор утверждает, что в основе расчета социализационной траектории молодежи лежит освоение социокультурных норм, требований, ценностей, ролевых моделей, кризисов социализации, отражающих рассогласование путей, сроков и способов становления личности. Это еще раз свидетельствует о важности компонентов ролевой социализации и объясняет диалектику процесса системного комплекса ролевой социализации, представляющего в виде чередования диахронических и синхронических этапов. Изменения количественных характеристик в качественные и усложнение структуры самоорганизации выводят системный комплекс на новые ступени совершенства и реализуют процесс интеграции во всей его полноте.

Согласно А. В. Карпову [136] только с позиции интегративного рассмотрения предмет исследования приобретает синтетическую целостность, которая отражает переход исследования на теоретический уровень (при условии реализации всех предыдущих уровней). В итоге у самой системы активизируются качественно новые измерения, характеризующие систему как целое. В этом контексте целесообразно выявление дифференциальных качеств, обладающих не меньшими эвристическими возможностями, чем системные свойства. По мнению А. В. Карпова [131], системные качества являются более сложными и представлены только на системном уровне, при этом они лежат вне доступа чувственного восприятия. В этой связи их понимание может быть реализовано посредством идеализации и концептуализации.

С точки зрения Б. Г. Ананьева [10], потребности, ценности, идеалы и установки индивида представляют ядро личности как целостную совокупность

или систему сознательного отношения субъекта. В этом контексте разработка системной организации ролевой социализации обладает эвристичным потенциалом, т. к. позволяет изучить мотивацию, социальные роли, направленность в плане жизненных сфер в целостной системе интериндивидуального (социальное пространство) и интраиндивидуального (личность). Важным тезисом будет то, что личность интегрирует все структурные компоненты в уникальную композицию, проявляя при этом активность. Таким образом, системообразующим качеством на системном уровне выступает **социальная активность** в построении своего жизненного пути, ролевая реализация самого субъекта. В этом смысле личность понимается не только как субъект деятельности, но и житнетворчества. Неоспоримым доказательством обозначенного выше будет выступать наибольшая доля дисперсии, приходящаяся на фактор социализации – социальная активность в период молодости (35,77 %) и в меньшей степени в подростковом возрасте (10,2 %).

Компоненты системы (основные ролевые модели) обладают качественной определенностью системы в целом (активность–пассивность, индивидуалистичность–социальность, спонтанность–традиционность), но в то же время могут иметь собственное качество, такое как стереотипность. На субсистемном уровне качественная специфичность заключается в полифункциональности входящих в нее жизненных сфер, которые обладают еще и таким качеством как комплексирование ролей в отдельные ролевые кластеры. Согласно закону структурной организации сложноорганизованные системы представляют собой не столько объединение своих структурных компонентов, сколько их целостный синтез, который напрямую обеспечивает интеграцию систем. В этой связи еще одним критерием-дискриминатором субсистемного уровня будет являться функциональность каждой субсистемы, ее цели и задачи в рамках общей организации ролевой социализации. Интеграция именно этих субсистем обеспечивает непосредственно целостность системы, на основе которой разворачиваются общесистемные закономерности. Такими закономерностями на общесистемном уровне (уровне личности) выступают

активное включение в социальные отношения, обнаружение своих возможностей через реализацию ролевого поведения, проявление социальных свойств (например, мотивационных образований) через ролевое поведение. Использование пошагового множественного регрессионного анализа демонстрирует статистическую значимость всех моделей ($p=0,000$). В полученных регрессионных моделях переменные предикторы (ролевые модели и базовые социальные потребности личности) тесно связаны с одним из интегральных факторов ($R=0,63-0,96$), объясняющих от 57 % до 92 % изменчивости интегральных факторов (переменная отклик). Полученные результаты свидетельствуют о формировании синергетических эффектов и нового процессуального содержания, составляющего специфику системного уровня, который обладает способностью интеграции всех нижележащих уровней, не сводимый к их аддитивной совокупности. Иначе говоря, ролевые модели, образуя специфицирующий конклав в каждой из пяти сфер и взаимодействуя с определенным мотивом, обуславливают различные варианты ролевого функционирования. Такая интеграция приводит к тому, что на ее основе ролевая социализация личности обретает черты системности, в рамках которых личность, выступая своеобразной системой, раскрывает свою уникальность, наполняя роль индивидуальным содержанием.

Перечисленные интеграционные механизмы разворачиваются не на парциальных образованиях отдельных ролей, а на ролевых композициях, характерных для определенной подсистемы. Иначе говоря, личность создает уникальный для каждой жизненной сферы ролевой тезаурус, потенциальную возможность, которая включается в зависимости от мотива и актуальной ситуации. Что соответствует известному положению системного подхода об обусловленности общесистемного уровня подсистемной организацией [137].

Однако при экстраполяции закономерностей системы на системный комплекс важно обратить внимание на «ограниченность» системных качеств, которая нивелируется на метасистемном уровне. Система преодолевает свой системный статус и обретает так называемый «постсистемный статус», который в

терминах А. В. Карпова [137] обозначается как метасистемный. Категория системного комплекса, с точки зрения А. В. Карпова, тяготеет к постсистемному бытию. На надсистемном уровне появляются свойства, которые превосходят систему, выходя за ее пределы и осуществляя взаимодействие с остальными, нижележащими, уровнями. В этом ракурсе особенности ролевой социализации как системного комплекса имеют общую закономерность, заключающуюся в наличии взаимодетерминационных связей. Суть этих связей состоит в обусловленности структурно-функциональной организации ролевой социализации общей структурой. Изучение закономерностей ролевой социализации и их всесторонняя характеристика позволяют вскрыть их тесную взаимообусловленность (структурно-психологический анализ, $p < 0,05$).

В результате проведения структурно-психологического анализа было продемонстрировано, что не менее важными являются взаимодействия системных качеств различных систем, что решается посредством рассмотрения ролевой социализации как системного комплекса (структурное моделирование, множественный регрессионный анализ, структурно-психологическое моделирование и MANOVA $p < 0,05$). Именно надсистемный уровень обуславливает взаимодействие систем (культура, социум и личность), превышая их простую аддитивность. На этом уровне происходит интеграция всех систем, обеспечивая всему системному комплексу определенную трансцендентность. Иначе говоря, осуществляется своего рода «встраивание» в системный комплекс других систем и их взаимодействие. На надсистемном уровне идеальное обретает статус структурного образования системы, способного влиять на все другие уровни, регулируя их. Субъект ассимилирует социальный опыт (знания, ценности, нормы, роли и т. д.), трансформируя его в структуру личности как встроенное содержание. Ряд ролей, включаясь в содержание психического, определяет уже само содержание личностных образований, конституируя их. На этом уровне возникают взаимообусловленности, демонстрирующие формирование синергетических эффектов и нового процессуального содержания (таблица 1 Приложение 7).

В этом ракурсе особенности ролевой социализации как системного комплекса субстационального и темпорального типа имеют общую метазакономерность, заключающуюся в наличии взаимодейстериональных связей. Структурное взаимодействие спаренных систем, их интегральное единство сочетается транстемпоральностью и самопостроением системного комплекса. Это свидетельствует о том, что системная организация ролевой социализации выходит за пределы простой совокупности ролей, т. к. выступает следствием и результатом структурных интегративных эффектов, не допускающей их простой аддитивности. Такое взаимодействие обуславливает возникновение качественно новой особенности системного комплекса – супераддитивности, не сводимой к редукции интегративного целого (ролевой социализации) до суммы входящих в нее компонентов (отдельных ролей, ролевых ожиданий, мотивов). Иллюстрацией сказанного может быть следующий тезис. Роли в качестве социальной реальности встраиваются в структуру ролевой социализации личности, образуют своеобразный ролевой тезаурус, регулируют ролевое поведение субъекта (рис. 1 Приложение 7). К тому же именно через них достигается включение личности в более общий социальный контекст.

Такая согласованность раскрывает еще одну грань этих процессов – интегративную, обеспечивающую целостность и согласованность темпоральной и субстациональной организации. В частности целостность и согласованность структуры обеспечивается **уровневым принципом** ее организации. Следовательно, реализация структурного, генетического и функционального планов исследования ролевой социализации личности молодого человека позволяет транспонировать **общий принцип – мультиплицирование целого в части** – социального в ролевую социализацию, иначе говоря, осуществляется встраивание первого во второе. Такое встраивание, с точки зрения А. В. Карпова [137], носит функциональный характер, учитывающий качественные трансформации метасистемы (социальные роли) в системный комплекс (ролевую социализацию личности). Такие трансформации предполагают включение в системный комплекс дубликатов системы – обретение компонентами

объективной реальности формы идеального в индивидуальном. Еще одним принципом в интегративном плане выступает **принцип иерархичности**, действенный механизм которого приводит к доминированию одних элементов структуры личности над другими и направляет распределение энергии личности. Это проявляется в ряде экспериментов по изучению сопряженности и детерминации (χ^2 -Пирсона и множественный регрессионный анализ), жизненной сферы, ролевой позиции для ролевой модели и мотивационного образования. Результаты этих исследований подтверждают уникальность и специфичность ролевой композиции в зависимости от сферы и актуальной потребности ($p < 0,001$). Также необходимо особо отметить реализацию **принципа обратимости**, который заключается в том, что системный комплекс способен делать себя объектом своей организации, посредством «выхода» на внешний надсистемный уровень. На этом уровне в контексте ролевой социализации происходит осознание доминирующего мотива, рефлексивный анализ социальной ситуации, выбор соответствующей роли с конкретными ролевыми ожиданиями их сопоставление с актуальным мотивом и осознанная реализация актуальной роли в поведении для достижения эффективного социального функционирования. Указанное было подтверждено формирующим экспериментом ролевого сопровождения субъектов при неуспешной социализации, в ходе которого студенты поэтапно осваивали процесс ролевой социализации (критерий t-Стьюдента при $p < 0,05$). Исследование эффектов применения ролевых методов при работе с молодежью с нарушенной социализацией показало, что осознание актуальной потребности, рефлексивный анализ социальной ситуации, выбор соответствующей роли с конкретными ролевыми ожиданиями и оценка реализация актуальной роли в поведении приводят к успешному социальному функционированию (критерий t-Стьюдента $p < 0,05$). Кроме того, принцип обратимости реализуется со всей очевидностью в феномене временной инверсии. Суть этого феномена заключается в смене принципа детерминации на целевой принцип, когда цель выступает в виде основной детерминанты для организации всего процесса, всего содержания ролевой социализации.

Вся совокупность материалов, представленная выше, с убедительностью демонстрирует, что ролевая социализация возникает как интегральный эффект взаимодействия нескольких гетерогенных систем, объединенных необходимой зависимостью и функциональной связью. В то же время согласно одному из вариантов системной теории – синергетике – подход к решению проблемы обеспечивается сжатием информации, когда происходит редукция большого числа факторов к немногочисленным компонентам ролевой социализации. Таким образом, системный подход способствует дифференциации представлений о качественной структуре полисистемных явлений и создании многомерной картины мира.

Выводы по 5 главе

Подводя итоги настоящей главы, необходимо сформулировать выводы, основным из которых явилось создание социально-психологической концепции субстанционально-темпоральной системности ролевой социализации личности, основывающейся на постнеклассических вариантах системной парадигмы. Применение теории системности и ее постнеклассического варианта – метасистемного подхода – к изучению ролевой социализации направляет познание по специальной методологической схеме исследования системообразующих факторов, системных закономерностей функционирования и развития системного комплекса. Проведенное исследование преодолевает узость и редуцирование сложного объекта реальности и высвечивает эвристичность специального исследования комплексных систем. Интеграция эмпирических материалов позволяет зафиксировать тот факт, что ролевая социализация не может быть представлена в виде классической системы, т. к. она не задана изначально, а предполагает определенное формирование и развитие, которое обусловлено встраиванием в нее разнокачественных систем (личность, социум, культура, наряду с другими известными). В связи с этим ролевая социализация была объективирована в виде системного комплекса.

Совокупность теоретических и эмпирических результатов исследования высвечивает специфику ролевой социализации как системного комплекса субстанционального и темпорального типа. В своем обобщенном виде это предполагает, что структурная организация ролевой социализации соотносится с ее процессуальной организацией. Последняя характеризуется тем, что представляет системный комплекс не в субстанциональном плане, а в его диахронической форме. Реализация положений системного подхода к анализу ролевой социализации как специфического системного комплекса субстанционально-темпорального типа показала, что в ней действительно воплощены основные атрибуты системной формы. Данное обстоятельство вскрывает факт существования общесистемного критерия дискриминатора уровневой дифференциации, а качественная определенность субстанциональной и временной системности соответствует основному значению этого критерия. Субстанционально-темпоральная форма ролевой социализации включает в себя системный инвариант структурных уровней, состоящий из пяти базовых уровней (элементный, компонентный, subsystemный, общесистемный и метасистемный), эксплицирующих иерархический принцип. Следовательно, функционирование ролевой социализации структурируется и упорядочивается. В результате этого она приобретает черты системной организации субстанционально-временного типа.

Дискриминантное и одновременно интегральное представление уровней системного комплекса выявляет специфику каждого уровня, что способствует более полному пониманию реального функционирования и развития ролевой социализации. Это соответствует принципу иерархичности, предполагающему, что ролевая социализация включает вышестоящие и нижележащие уровни, имеющие качественные различия по их характеристикам. На элементном уровне эксплицируется одномоментная представленность социокультурных ожиданий. Компонентный уровень реализуется в виде последовательности, состоящей из базисных ролевых моделей социального функционирования. Субсистемный уровень предполагает опосредованное следование экспектаций и ролевых

моделей в основных жизненных сферах социализации. На системном уровне представлена личность как сверхчувствительное качество, как система сознательного отношения субъекта с ее мотивами, направленностью и пр., обеспечивающая целевую детерминацию ролевого поведения. Метасистемный уровень позволяет изучить мотивацию, социальные роли, направленность в плане жизненных сфер в целостной системе интериндивидуального (социокультурное пространство) и интраиндивидуального (личность). На этом уровне происходит синхронизация и интеграция всех структурных компонентов в уникальную ролевую композицию.

В результате теоретико-эмпирических действий вскрыты закономерности межуровневых взаимодействий. Это соответствует принципу иерархичности, предполагающему, что нижележащие уровни в процессе их кумуляции обуславливают становление нового качества у системного комплекса, которое воплощается в вышестоящий уровень. Компонентный уровень объединяет социокультурные ожидания относительно определенной роли. Субсистемный уровень фокусируется на комплексировании ролей в функциональные образования в основных сферах жизнедеятельности личности. На этом уровне происходит, с одной стороны, интеграция ролей в основные жизненные сферы социализации, а с другой – их дифференциация в зависимости от сферы. Дифференциация диктует выстраивание своеобразной иерархической ролевой структуры, состоящей из базисных ролевых моделей поведения индивида в зависимости от социальных ситуаций. Системный уровень обладает способностью к интеграции всех нижележащих уровней, не сводимых к их аддитивной совокупности, демонстрируя формирование синергетических эффектов и нового процессуального содержания, составляющего специфику и закономерности данного уровня. Такими закономерностями на общесистемном уровне выступают активное включение в социальные отношения, обнаружение своих возможностей через реализацию ролевого поведения, проявление социальных свойств через ролевое поведение. Перечисленные интеграционные механизмы разворачиваются не на парциальных образованиях (отдельных ролях),

а на ролевых композициях, характерных для определенной подсистемы. На метасистемном уровне активизируется интегральный эффект взаимодействия разнокачественных систем, связанных функциональной связью: основные роли, представляющие социокультурную реальность, репрезентируются в системе личности, вследствие удвоения обретают индивидуальную форму существования. Следовательно, принцип иерархичности предполагает соподчинение уровней и их нарастающую интеграцию, а общая метазакономерность ролевой социализации заключается в наличии взаимодетерминационных связей между уровнями.

Представление ролевой социализации в качестве системного комплекса способствует изучению качественной определенности входящих в нее систем и их взаимодействия внутри такого «интегрального узла». Тем самым создаются предпосылки для исследования многомерной картины мира личности. В целом рассмотрение системных образований «социум», «культура» и «личность» в полисистемном поле «интегрального узла» вскрывает как собственную специфику этих систем, так и их специфическое качество, приобретаемое в системном комплексе. Иными словами, возникает определенная иерархия соподчиняющихся неспецифических и специфических качеств, в каждом из которых обнаруживают себя особые закономерности соответствующих систем, входящих в системный комплекс. В частности, социум представлен в виде исторически сложившихся форм жизнедеятельности человеческого общества, его специфическими качествами будут выступать полисферность, институциональность, стратифицированность. Неспецифическое качество, приобретаемое в системном комплексе ролевой социализации, – это взаимодействие субъектов общности, обусловленное конкретной ролью и сферой жизнедеятельности. Специфицирующими чертами культуры являются культурные универсалии, а неспецифицирующими – чувствительность к микро- и макроролевой среде в виде символически организованных культурных образов, традиций, ритуалов и пр., опосредующих ролевые модели. Специфическими характеристиками личности выступают индивидуально-функциональные свойства, а неспецифическими – включенность в социально-ролевые отношения,

формируемые в общении и деятельности. Структурное взаимодействие спаренных систем, их интегральное единство сочетается с транстемпоральностью и самопостроением выступающих специфическими качествами ролевой социализации как системного комплекса. Таким образом, системы функционально встраиваются в системный комплекс, оказываясь функционально представленными в его содержании и структурно-функциональной организации.

Результаты теоретических и экспериментальных исследований вскрывают особенности развития темпорально-иерархической структуры ролевой социализации молодежи. Это предусматривает поэтапное разворачивание в процессе формирования личности пяти уровней системы и становление соответствующих им пяти механизмов ролевой социализации. Механизм инкультурации – включение индивида в культурное пространство норм, правил, символов и образов (соответствует элементному уровню). Механизм имитации – наблюдение за ролевыми проявлениями значимого взрослого и проигрывание выбранной роли (соответствует компонентному уровню). Механизм адаптации – анализ общественных ожиданий относительно исследуемой роли в конкретной жизненной сфере (соответствует субсистемному уровню). Механизм индивидуализации – исследование индивидуального наполнения роли (соответствует системному уровню). Механизм интеграции – преодоление конфликта между собственными представлениями о роли и ожиданиями коллектива, интернализация ролей, адекватных как для конкретной социальной ситуации, так и для потребностей личности (соответствует метасистемному уровню). Активизация каждого механизма ролевой социализации осуществляется на соответствующем этапе возрастного развития индивида, однако действие механизмов не утрачивает своей активности на протяжении всей жизни человека, проявляясь в большей или меньшей степени в зависимости от социального опыта человека, который накладывает отпечаток на реализацию того или иного механизма.

Верификация теоретических положений на значительном эмпирическом объеме продемонстрировала, что с позиции метасистемного подхода оказалось

возможным более полное объяснение ролевой социализации как системного комплекса, обладающего таким специфическим качеством, как транстемпоральность. Суть этого качества сводится к тому, что ролевая социализация испытывает на себе взаимодействие и взаимопереходы синхронности и диахронности. Переход от диахронического к синхроническому состоянию системного комплекса осуществляется в зависимости от уровня и в процессе ролевой социализации. Действительно, цель ролевой социализации – достижение оптимального, гармоничного взаимодействия между индивидом и обществом; она дифференцируется на частные акты, осуществление которых реализуется на разных этапах системного комплекса. Подобное временное структурирование предполагает сначала дифференциацию исходного целого (ролевой социализации на экспектации, ролевые модели, сферы и мотивационные образования личности), а затем их генерирование, но только тех компонентов, которые системный комплекс в состоянии реализовать. В другом качестве транстемпоральность реализуется в виде согласования или рассогласования внутренних ресурсов личности и требований среды. При этом диахрония – это нарушение равновесия между индивидом и обществом, а синхрония, наоборот, – установление оптимального взаимодействия между личностью и социокультурной средой. Это предполагает, что происходит временная организация жизнедеятельности личности, которая тесно связана с темпоральной организацией социума. Следовательно, ролевая социализация со всей очевидностью обладает транстемпоральностью – переходами времени от темпорального диссонанса к темпоральному консонансу, отражающими длительность человеческого присутствия.

Диахрония в виде искажение ролевого освоения имеет совершенно конкретную связь с определенными личностными особенностями, свидетельствующими о блокировании механизмов индивидуализации или интеграции. Более того, эти нарушения механизмов ролевой социализации имеют определенную специфику для подростков и респондентов периода ранней взрослости. Это отражает характерные особенности общесистемного и

метасистемного уровней, на которых возникают синергетические эффекты. В результате чего порождаются новые качественные характеристики, предполагающие генерализацию системных качеств как таковых. Иначе говоря, на этих уровнях происходит интеграция всех уровней и структурных компонентов системы, превышающая их простое объединение.

Реализация эмпирических и экспериментальных процедур, а также теоретических положений системного подхода и его постнеклассической версии метасистемного подхода к анализу ролевой социализации как специфического системного комплекса субстанционально-темпорального типа показала, что в нем эксплицированы основные атрибуты системной формы. Действительно, субстанционально-временная форма ролевой социализации воплощает в себе такие основные закономерности, как феномены целостности, синхроничности, диахроничности, синергетические эффекты. Вместе с тем ролевая социализация эксплицирует базовые принципы системности: принцип иерархичности, сменной и целевой детерминации, интегративности, неравномерности, итеративности, кумулятивности, дополнительности, одномоментности, обратимости, инвариантности.

Среди выявленных закономерностей ролевой социализации личности особое место занимает обнаруженная зависимость типа «оптимум», отражающая эффекты гиперорганизованности систем, при которых потенциал входящих в систему компонентов снижает адаптивность самой системы. Иначе говоря, интеграция как средство оптимизации структуры ролевых моделей трансформируется в свою противоположность и выступает как фактор ее дезоптимизации. Следовательно, полученные данные доказывают важную, а может, и определяющую роль структурных средств и эффектов в обеспечении мотивационных процессов, участвующих в социализации субъекта. Мало того, отношения между ролевыми компонентами и мотивационными образованиями имеют характер взаимодетерминации, когда, с одной стороны, мотивация влияет на уровень интегрированности ролевой структуры и определяет ролевое поведение, а с другой – ролевая структурированность выступает детерминантой

мотивации аффилиации, стремления субъекта к взаимодействию. Кроме того, эти отношения и детерминация носят сложный, противоречивый характер, основанный на суперпозициях двух базовых тенденций – интегрирующей и дифференцирующей при относительно большей выраженности первой.

Концептуальное осмысление ролевой социализации как полисистемного комплекса предполагало выявление основных закономерностей и раскрытие специфических и наиболее генерализированных свойств ролевой социализации личности. В рамках реализации нескольких эмпирических исследований были обнаружены эффекты супераддитивности системного комплекса ролевой социализации, доказывающие, что общая детерминация ролевой социализации не сводится только к аналитической детерминации. Она связана с взаимодействием категориальных предикторов и возникающими вследствие такого взаимодействия синергетическими эффектами интегративного плана, реализуемых именно на двух высших уровнях системы – общесистемном и метасистемном. Кроме того, было обнаружено, что ролевые эффекты играют в мотивационных образованиях определяющую роль. Это свидетельствует, что ролевая социализация выходит за пределы простой совокупности ролей, т. к. выступает следствием и результатом структурных интегративных эффектов. Такое взаимодействие приводит к возникновению новых качественных особенностей и характеристик, к недопустимости редукции интегративного целого (ролевой социализации) до суммы входящих в нее компонентов (отдельных ролей). Объединение ролевых моделей превосходит простую их совокупность и представляет целостный синтез, который напрямую обеспечивает интеграцию систем. Следовательно, системные качества выступают как операциональные и интегративные средства, обеспечивающие эффективность ролевой социализации личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реализация настоящей диссертации предполагала своей целью разработку социально-психологической концепции субстанционально-темпоральной системности ролевой социализации личности, раскрывающей ее содержание, специфические эффекты и закономерности. Необходимость разработки такой концепции обусловлена существующим пониманием двустороннего характера социализации как результата и как процесса. Действительно, в большинстве исследований оба направления изучаются практически изолировано друг от друга. Данное обстоятельство обнаруживает существенную концептуальную неполноту, сложившуюся в социально-психологической теории социализации личности. Вместе с тем, игнорирование концептуальных синтезов временной и структурной организации ролевой социализации лишает исследование данного явления одного из главных планов изучения этой проблемы. В этой связи особую актуальность приобретает учет комплексной субстанционально-темпоральной организации ролевой социализации, что содействует парадигмальной разработке проблемы личности. Поставленная цель включала теоретическое исследование проблемы социализации как ролевого освоения и функционирования, в котором роль выступает в качестве решающего фактора в социализации личности. Качественные изменения социальной среды, большие информационные потоки, реформации в системе образования и профессиональной сфере оказали существенное влияние на факторы и механизмы социализации молодежи, усилили процессы социальной дифференциации. Выступая наиболее активной частью общества, молодежь, благодаря своей позиции в социальной структуре, занимает особое место – это интеллектуальный ресурс общества, обеспечивающий прогресс и инновационные преобразования. Именно поэтому изучение социализации молодежи, включающее исследование ролевых основ, приобретает особое значение.

Проблема социализации является междисциплинарной, затрагивающей интересы социологии, философии, культурологии, юридической и медицинской психологии, психологии личности и социальной психологии. Несмотря на значительный пласт научных трудов, посвященных исследованиям социализации молодежи, в настоящий момент в науке не получены однозначные ответы относительно структуры социальной роли, количества ролей и механизмов их освоения. Необходимо отметить, что именно междисциплинарный характер проблемы социализации создает определенные препятствия в создании целостной концепции социализации, когда в рамках различных наук и подходов рассматриваются отдельные стороны указанного феномена при отсутствии методологической рефлексии. В этой связи в рамках первой главы настоящей диссертации был осуществлен анализ и переосмысление некоторых направлений по этой проблеме, как в отечественной, так и в мировой традиции. Осуществленный теоретико-методологический анализ отечественных и зарубежных подходов к социализации личности обнаружил многообразие подходов к теории социализации. Это предполагало изучение и критический анализ процесса социализации в различных подходах и концепциях. Результаты проведенного исследования позволили констатировать, что понятие социализации является ключевым в социальной психологии. Вместе с тем необходимо отметить, что ввиду различных подходов к пониманию социализации нецелесообразно пытаться искать всеобъемлющее определение, а достаточно указать на отдельные аспекты социального поведения. Обзор подходов к пониманию социализации выявил, что для подавляющего большинства концепций социализации (за исключением биогенетического и когнитивного подходов) тезис о ведущей роли социального фактора является бесспорным. При этом различается влияние уровней социальной детерминации от межличностного взаимодействия до социокультурных факторов. Авторы, занимающиеся проблемой социализации, оставаясь на отличающихся друг от друга уровнях анализа от микросубъективного (биогенетический подход, теория социального научения) до макрообъективного (социально-исторический детерминизм, структурно-

функциональный подход), рассматривают социализацию довольно эклектично и фрагментарно.

При попытке обобщить многообразие подходов к социализации вскрываются различные стороны данного процесса. Динамическая сторона – активность личности в процессе приспособления к меняющейся социальной среде. Нормативная сторона – усвоение субъектом норм и правил, которые при интернализации становятся собственными элементами личности, в качестве внутренних установок. Процессуальная сторона раскрывает социализацию как непрерывный процесс, реализующийся в течение всей жизни индивида. Поведенческая сторона межличностных интеракций между субъектами взаимодействия определяется как закрепление и реализация конкретного социального статуса и роли в глазах окружающих в соответствии с их ожиданиями.

В рамках понимания процесса социализации личности фиксируются основные этапы формирования индивида, включающие дотрудовую, трудовую, послетрудовую стадии, а также такое явление, как ресоциализация. Анализируются социальные нормы, роли, социальные институты или агенты социализации, индивидуально-личностное наполнение социализации (жизненный мир, поведение, смысложизненные ценности, установки, мотивации, потребности). Было показано, что многими исследователями осуществляется анализ механизмов передачи социального опыта (игра, обучение, труд) и механизмов освоения: инкультурация, индивидуализация, адаптация, интеграция, но при этом игнорируется наличие между ними существенных взаимосвязей и взаимодетерминаций, которые вскрываются посредством рассмотрения социализации как сложной, многоуровневой и многомерной системы.

Одним из важных положений разрабатываемой теории социализации является рассмотрение роли, выступающей важным элементом социальной и личностной систем одновременно, роль, с одной стороны, апеллирует к общественным ожиданиям и обусловлена социальными ситуациями, с другой – связана с ценностно-смысловыми установками личностями, ее мотивами и

потребностями. Существующие ролевые теории описывают личность через социальные функции и образцы поведения (роли), обусловленные социальным статусом в определенной группе, а само освоение роли происходит под влиянием стимулирующего воздействия (ролевых ожиданий) со стороны значимых для индивида лиц в процессе интеракции.

Предварительным итогом анализа роли как категории социальной психологии можно обозначить понимание роли в трех аспектах:

1) в социологическом (предлагающим рассматривать роль как внешне заданную систему норм, поведенческих актов, ценностных установок и пр., обуславливающих социализацию индивида и способствующих сохранению общества);

2) в социально-психологическом (исследующим механизмы, закономерности восприятия, факторы усвоения групповых ролей индивидом и учет групповых ожиданий в ролевом поведении субъекта);

3) в психологическом (занимающимся проблемами изучения внутренних, глубинных факторов формирования роли, влияние мотивации, потребностей и ценностных ориентаций субъекта, установок и направленности на становление внутренней роли и ее влияния на ролевое поведение, что позволяет преодолеть односторонность ролевого подхода к исследованию личности).

Несмотря на очевидную важность категории роли в социализации личности, в рамках работы было акцентировано несколько нерешенных проблем. Разнообразие ролевых дефиниций в понимании и определении роли различается в зависимости от теоретических направлений. Размытость формулировок, когда часть авторов, не отрицая существенного значения роли в социализации, не дает четких определений этому понятию. В теории ролей недостаточно изучено влияние агентов социализации. Учет критических замечаний позволил вывести теорию ролей на новый уровень в исследовании социализации индивида.

Изучение автором особенностей и проблем социализации личности в процессе ее формирования позволяет заключить, что в современной науке молодежь все более осознается как специфическая социально-возрастная группа,

находящаяся в становлении. Изучение социализации молодежи с позиции ролевого подхода позволило автору настоящей работы прийти к выводу, что основными чертами молодых людей являются гибкость, динамичность, ориентация на поисковую активность, патриотическая мотивация. Для современной молодежи характерны стремление к самовыражению и мотивация достижения, реализуемые в сферах жизнедеятельности: в личностной, профессиональной, интимно-сексуальной, неформальных контактов. Для многих людей период молодости – это период максимальной самореализации, в который происходит активное освоение всех сфер жизнедеятельности – осуществляется самореализация в семейной сфере (создание семьи), в профессиональной сфере (выбор профессии и трудовая деятельность), в интимно-сексуальной сфере (поиск партнера), в личностной сфере – формируется образ Я, рождается личность, обладающая устойчивой и осознанной системой ролей, ценностей и мотивов поведения.

Ролевая социализация личности выступает как многокомпонентный феномен, включающий субъективные и объективные уровни анализа социализации молодежи, определяющие интернализацию и исполнение основных ролей, выступающих культурным кодом социального функционирования субъекта. Таким образом, ролевая социализация допускает более полное и конструктивное раскрытие в качестве интегрального и полифункционального системного комплекса субстанционально-темпорального типа, с учетом его основных закономерностей, компонентов и их взаимосвязей, а также особенностей трансформации. В этой связи одним из главных вопросов нашего теоретического исследования было представление ролевой социализации как многомерного, многоуровневого, сложного системного комплекса, имеющего структуру взаимодействия спаренных систем, демонстрирующего надындивидуальное существование их интегрированных множеств. Признание такого взаимодействия между системами – личность, культура и социум – позволило нам констатировать их открытость и нелинейность. Адаптация системного принципа к ролевой социализации направляет познание по

специальной методологической схеме исследования системообразующих факторов, системных закономерностей функционирования и развития системного комплекса. В этом контексте ролевая социализация определяется объединением различных систем, таких как общество, культура, личность и пр., которые, в свою очередь, характеризуются многоуровневостью и полисистемностью.

Предложенное автором понимание ролевой социализации основывалось на положениях системного подхода и его постнеклассического варианта – метасистемного подхода, согласно которым: 1) явления окружающего мира носят многомерный, многоуровневый характер, особенно это касается открытых систем вступающих во взаимодействие со средой; 2) изучение сложных феноменов должно включать полисистемный, качественный анализ совокупностей и системных феноменов интеграции этих совокупностей; 3) раскрытие многомерной картины реальности должно основываться на установлении специфики и закономерностей качественных форм функционирования системных структур и динамики социальных явлений. С позиции метасистемного подхода становится возможным определение различия суммативных и целостных множеств структурных компонентов ролевой социализации, относящихся к различным системам и имеющих уровнево-иерархическое строение, в котором роль выступает в качестве решающего фактора в социализации личности. Именно в контексте системного подхода допустимо комплексирование разнородных явлений – соотнесение индивидуальных свойств личности и интернализации роли как социокультурного компонента. Таким образом, решение проблемы ролевой социализации в процессе формирования личности в динамично меняющемся социокультурном пространстве стало возможным в русле не только классического системного подхода, но и его постнеклассической версии – метасистемного подхода, согласно которому ролевая социализация – это системный комплекс субстанционально-темпорального типа, синтезирующий несколько гетерогенных систем – личность, социум, культура и их взаимодействие.

Содержание ролевой социализации как субстанциональной формы системного комплекса определяется его структурной организацией, которая включает пять основных уровней, имеющих качественные различия по их характеристикам. Элементный уровень состоит из социокультурных ожиданий (наряду с другими известными параметрами) и обладает такими специфицирующими качествами, как чувствительностью к макро- и микропространству, а также организацией культурных образов, опосредующих основные ролевые модели. Компонентный уровень состоит из базисных моделей социального функционирования, которые могут быть представлены во всей их многомерности и целостности на основе критериев-дифференциаторов (активность–пассивность, индивидуалистичность–социальность, спонтанность–традиционность), вскрывающих качественное своеобразие социального функционирования молодежи. Субсистемный уровень определяется основными жизненными сферами, в которую включается личность в процессе ее формирования и реализует принципы полисистемности и функциональности, предполагая комплексирование ролевых моделей в ролевые конstellляции. Общесистемный уровень вскрывает личность как сверхчувствительное качество, как систему сознательного отношения субъекта с его мотивами, установками, направленностью и другими известными индивидуально-динамическими характеристиками. Метасистемный уровень позволяет изучить мотивацию, социальные роли, направленность в плане жизненных сфер в целостной системе интериндивидуального (социокультурное пространство) и интраиндивидуального (личность). В рамках метасистемного уровня происходит интеграция всех структурных компонентов в уникальный функционально-динамический комплекс.

В контексте построения концепции субстанционально-темпоральной системности ролевой социализации было показано, что в иерархии структурной организации ролевой социализации особое место занимает категория ролей. Они выступают носителями качественной специфичности целого и представляют идеальные модели поведения. Репликацию этих моделей создает внутри самого

себя индивид, что отражает когерентность субъекта социальным реалиям. Все ролевое многообразие было редуцировано к десяти базовым ролевым моделям, опосредующим интеракции и социальное функционирование в основных сферах жизнедеятельности человека. Не выходя за пределы этих сфер, эти роли апеллируют к мезоуровню, в рамках которого осуществляется ролевое взаимодействие внутри сфер жизнедеятельности.

Онтологический принцип иерархичности позволил прояснить диалектику выстраивания иерархии как базовых мотивов личности, так и основных ролевых моделей в каждой из пяти жизненных сфер. Функциональное действие принципа иерархичности характеризуется доминированием одних элементов структуры личности над другими (уровни структурной организации ролевой социализации находятся в иерархическом соподчинении). Кроме того, происходит перераспределение энергии личности с отвергаемой ролевой модели и мотива на актуальные, что конкретно проявляется во внутриличностной (внутриролевой) дифференциации, которая диктует выстраивание своеобразной иерархической ролевой структуры, состоящей из базисных ролевых моделей и основных мотивов, удовлетворяемых при реализации конкретной роли в определенной жизненной сфере (семейной, неформальных контактов, профессиональной, интимно-сексуальной).

Рассмотрение ролевой социализации в качестве системного комплекса, приближенного к системам специфического темпорального типа, предполагает, что в своем обобщенном виде функциональная организация ролевой социализации соотносится с ее процессуальной организацией. Последняя характеризуется тем, что представляет системный комплекс не в субстанциональном плане, а в его диахронической форме. Реализация положений системного подхода к анализу ролевой социализации специфического системного комплекса темпорального типа показала, что в ней действительно воплощены основные атрибуты системной формы. Данное обстоятельство вскрывает факт существования общесистемного критерия дискриминатора уровневой дифференциации, а качественная определенность временной системности

соответствует основному значению этого критерия. Более того, темпоральная форма ролевой социализации включает в себя инвариант структурных уровней, состоящий из пяти базовых уровней (элементный, компонентный, субсистемный, общесистемный и метасистемный), эксплицирующих иерархический принцип. Элементный уровень содержит ролевой инвариант социокультурных ожиданий, эксплицируемый в атемпоральности (симультанно). На компонентном уровне ролевые модели представлены последовательно от актуальной к потенциальной и резервной до самой последней – отвергаемой. Субсистемный уровень реализует опосредованную последовательность ролевых моделей и их социокультурных ожиданий. Общесистемный уровень характеризуется сменой опосредованных отношений на целевые. На метасистемном уровне обеспечивается синхрония ролевой социализации, которая в отличие от элементного уровня предполагает взаимодействие не простых элементов, а сложных гетерогенных систем (общества, культуры, личности, наряду с другими известными) в определенный временной интервал. Следовательно, функционирование ролевой социализации структурируется и упорядочивается. В результате этого она приобретает черты системной организации временного типа, характеризующейся транстемпоральностью – переходами времени от темпорального диссонанса к темпоральному консонансу.

В рамках проведенного исследования было показано, что ролевая социализация как многомерная реальность является сложным системным комплексом, в рамках которого обнаруживается взаимодействие других систем. Такое взаимодействие разнокачественных систем на метасистемном уровне не просто фиксирует взаимозависимость этих систем, но и устанавливает динамическую структуру их взаимоотношений. В частности, личность, культура и социум имеют как общие, так и специфические закономерности, которые не выводятся друг из друга, но имеют собственную логику развития и по-особому детерминируются в рамках системного комплекса. Такая временная соорганизация предполагает распределение ресурса системного комплекса по нескольким направлениям (общество, культура и личность). Таким образом,

происходит превращение результатов в процесс, являющееся следствием более глубинного механизма – трансформации системных качеств в функциональные.

Эмпирическая часть предполагала изучение особенностей и закономерностей ролевой социализации молодежи. Было проведено исследование, включающее комплекс эмпирических процедур: изучение взаимодействия между уровнями, вскрытие качественного своеобразия каждого уровня, анализ включения систем в комплекс ролевой социализации, исследование интеграции этих совокупностей; установлении специфики и закономерностей качественных форм функционирования системных структур и их динамики в рамках системного комплекса. В процессе проведенных исследований было установлено, что каждая ролевая модель сопряжена с устойчивыми характеристиками, объединенными в единый семантический кластер. Следовательно, оба уровня – элементный и компонентный – не изолированы друг от друга, а взаимосвязаны. Причем элементный уровень имманентно включается в более общий, компонентный уровень таким образом, что ролевые модели имеют устойчивые экспектации, зафиксированные в произведениях культуры и опосредующие интеграцию индивида в культурное пространство символов, традиций, норм и правил. Из этого следует важный вывод, что ролевая социализация, осуществляемая через освоение ролей и их реализацию в поведении, содержит начальные условия социального существования (основные ролевые модели), которые противостоят энтропии и задают в системе ролевой социализации определенный порядок. Зафиксированные в виде культурного кода ролевые ожидания создают репликацию культурного образца внутри самого индивида, аккумулируясь в виде ролевой модели, диктуют специфику ролевого поведения субъекту.

Оценка сопряженности основных ролевых моделей и сфер жизнедеятельности позволила прийти к выводу о специфическом своеобразии ролевой структуры в каждой сфере. Это раскрывает наличие сложной и достаточно дифференцированной структуры субсистемного уровня, базирующейся на принципе полисферности. Образующиеся специфичные плеяды

из ролевых моделей отражают качественную специфичность этого уровня. Следовательно, жизненные сферы, составляющие субсистемный уровень, обладают таким качеством, как комплексирование ролей в отдельные ролевые кластеры. При этом каждый отдельный ролевой кластер жизненной сферы имеет свои собственные цели и задачи в рамках общей организации ролевой социализации, что демонстрирует наличие специфического качества субсистемного уровня – его полифункциональности.

Учитывая тезис о том, что личность, выступая своеобразной системой, раскрывает свою уникальность, наполняя роль индивидуальным содержанием, осуществлялась оценка сопряженности жизненной сферы, мотивов и ролевых моделей, которая выявила специфичную ролевую наполняемость в каждой сфере в зависимости от ведущего мотива. Данное свидетельствует о том, что выполнение роли обусловлено мотивационными образованиями, задающими своеобразный стиль ролевого поведения. В числе факторов, детерминирующих уникальность ролевой структуры личности, решающее значение имеет соответствие роли мотивам личности в определенной сфере жизнедеятельности. Значит, мотив как личностное образование интегрирует не только ролевые модели, но и их конклавы жизненных сфер, что советуется известному закону системности в увеличивающейся интеграции системы. Следовательно, системный уровень ролевой социализации, представленный в виде мотивационных образований, обладает способностью интеграции всех нижележащих уровней, не сводимый к их аддитивной совокупности.

Построенные регрессионные модели социального функционирования личности включают ролевые компоненты, вносящие различный вклад в общую модель, что вскрывает принцип потенциальной неограниченности. Это конкретно проявляется в том, что отдельная социальная ситуация (жизненная сфера) предполагает приспособление к конкретным условиям и требует от субъекта актуализации одной из имеющихся в его арсенале ролевых моделей поведения, а остальные находятся в потенциальном состоянии. Наибольший вклад отражает актуальную ролевую модель для конкретной жизненной сферы, уменьшение

вклада свидетельствует о потенциальной и резервной позициях ролевой модели. Отрицательный вклад ролевой модели демонстрирует ее отвержение в данной сфере. Таким образом, на системном уровне происходит интеграция функциональных образований субсистемного уровня, наполненных определенными ролевыми моделями (компонентный уровень). В этом случае мы определенно наблюдаем существование устойчивых ролевых соотношений в каждой жизненной сфере, представляющих ролевой тезаурус, интегрируемый на системном уровне личности.

Множественный регрессионный анализ позволил определить не столько отдельное влияние предикторов на переменную отклик, сколько их взаимное воздействие. В этом случае был обнаружен значимый вклад каждой ролевой модели (предиктора) в социальное функционирование и доля их совместного вклада в переменную отклик. Следовательно, в плане ролевой обусловленности социального функционирования молодежи имеют место эффекты супераддитивности, свидетельствующие об интегрированности этого процесса. Такое взаимовлияние носит характер структурной детерминации, позволяющей зафиксировать, что именно на системном и метасистемном уровнях формируются новые возможности, позволяющие выйти за пределы анализа отдельного влияния ролевых моделей на социальное функционирование молодежи и рассматривать уже их совместную структурную детерминацию. Значит, объединение ролевых моделей превосходит простую их совокупность и представляет целостный синтез ролевых моделей, который напрямую обеспечивает интеграцию систем в системном комплексе. Следовательно, системные качества выступают как операциональные средства и интегративные механизмы, обеспечивающие эффективность ролевой социализации молодежи.

Зафиксированные в процессе регрессионного анализа эффекты супераддитивности были обнаружены и в рамках реализации многофакторного дисперсионного анализа. Было установлено, что общая детерминация ролевой социализации со стороны ролевых компонентов и мотивации личности связана с их взаимодействием и возникающими вследствие такого взаимодействия

синергетическими эффектами интегративного плана, которые превосходят сумму их содержаний. В результате чего порождаются новые качественные характеристики, предполагающие генерализацию системных качеств как таковых. В этой связи можно с уверенностью констатировать, что чем выше выраженность интегративных эффектов, тем шире область интегрируемого. Иначе говоря, чем более гармонично сочетание социокультурных нормативов, ролевых моделей и мотивационных образований, тем более успешно социальное функционирование молодежи. Тем самым появляются основания, позволяющие утверждать, что интегративные эффекты, полученные вследствие взаимодействия мотива и ролевого фактора, являются наиболее общими по отношению к эффектам, полученным на всех остальных уровнях.

Изучение закономерностей структурной организации ролевой социализации как особого многомерного, многоуровневого полифункционального «качественного узла интеграции» доказывает, что он выступает следствием принципа мультиплицирования целого в части, когда роли являются метакомпонентами по отношению к личности и представляют собой части социальной системы, в которую исходно включен субъект, обеспечивая самой системе необходимый адаптивный потенциал. В зависимости от степени интегрированности структуры ролевой организации находится мера выраженности мотивации аффилиации. Это означает, что изменение в уровне мотивации аффилиации сопровождается качественными перестройками всей структуры ролевой социализации. Найденные обусловленности являются именно структурными, а не локальными, т. к. определяют различия в самом уровне мотивации аффилиации, в индивидуальной мере развития мотивационных процессов социализации в контексте формирования личности.

Полученные данные относительно общей организованности структуры ролевой социализации доказывают важную, а не исключено, и определяющую роль структурных средств и эффектов в обеспечении мотивационных процессов, участвующих в социализации молодежи. Динамика индекса общей организованности структуры, а также индекса интегративности демонстрирует

зависимость в виде оптимума. Общая организованность ролевой структуры и интегрированность находится на крайне низких позициях при высоком и низком уровне мотивации аффилиации, делает существенный скачок при уровне мотивации аффилиации ниже среднего и незначительно снижается на уровне мотивации аффилиации выше среднего. Полученная зависимость типа «оптимум» отражает эффекты гиперорганизованности систем, при которых интеграция как средство оптимизации ролевых структур трансформируется в свою противоположность, и выступает как фактор ее дезоптимизации.

Характеристика результатов исследования темпоральной организации ролевой социализации была дана в плане раскрытия закономерностей ее функционирования. Полученные данные показали, что ролевую социализацию личности необходимо рассматривать как специфичный, динамичный и диссипативный системный комплекс. Ролевая социализация, выступая в статусе системного комплекса, функционирует при постоянном обмене информацией между социокультурной средой и личностью, что позволяет ей поддерживать низкую энтропию, способную к изменению внутрисистемных связей при сохранении так называемого «качественного узла взаимодействия». В этой связи можно обозначить тот факт, что любая стимульная детерминация в системном комплексе выступает как соподчинение мотивационных установок, ролевых моделей и ситуационных факторов. Это согласуется с принципом сменной детерминации, в соответствии с которым осуществляется анализ социальной ситуации, конкретизируется принадлежность к одной из жизненных сфер (семейная, неформальных контактов, профессиональная, интимно-сексуальная). Иначе говоря, раскрывается направленность ролевого поведения в конкретной ситуации. В этом реализуется главная возможность системного комплекса, заключающаяся в распределении своего функционального ресурса вдоль временного континуума. В этом особом качестве продемонстрирована специфическая способность ролевой социализации как системы процессуального типа.

Совокупность теоретических и эмпирических результатов исследования высвечивает специфику ролевой социализации как системного комплекса

субстанционального и темпорального типов. В своем обобщенном виде это предполагает реализацию основных атрибутов системной формы. Действительно, временная и субстанциональная формы ролевой социализации воплощают в себе такие основные закономерности и специфические особенности, как единство, синхроничность, диахроничность, синергетические эффекты. Вместе с тем, ролевая социализация эксплицирует базовые принципы системности: принцип иерархичности, сменной и целевой детерминации, интегративности, неравномерности, итеративности, кумулятивности, дополнительности, масштабной инвариантности, мультиплицирования целого в части, структурно-иерархический принцип. Следовательно, функционирование ролевой социализации структурируется и упорядочивается, в результате этого она приобретает черты системной организации субстанционально-временного типа. Значит, реализация положений системного подхода и его постнеклассической версии метасистемного подхода к анализу ролевой социализации как специфического системного комплекса темпорального типа показала, что в нем действительно воплощены основные атрибуты системной формы.

Итогом последней главы явилось создание социально-психологической концепции субстанционально-темпоральной системности ролевой социализации личности, основывающейся на постнеклассических вариантах системной парадигмы. Применение теории системности и ее постнеклассического варианта – метасистемного подхода – к изучению ролевой социализации направляет познание по специальной методологической схеме исследования системообразующих факторов, системных закономерностей функционирования и развития системного комплекса. Проведенное исследование преодолевает узость и редуцирование сложного объекта реальности и высвечивает эвристичность специального исследования комплексных систем. Совокупность эмпирических материалов позволяет зафиксировать тот факт, что ролевая социализация не может быть представлена в виде классической системы, т. к. она не задана изначально, а предполагает определенное формирование и развитие, которое обусловлено встраиванием в нее разнокачественных систем (личность, социум,

культура, наряду с другими известными). В связи с этим, ролевая социализация была объективирована в виде системного комплекса субстанционально-темпорального типа.

Таким образом, теоретический и эмпирический анализ ролевой социализации в процессе формирования личности и ее закономерностей доказывает, что она включается в особую группу интегрально-темпоральных систем, выступающих следствием одновременного взаимодействия нескольких системных образований. Изучение системных качеств, интегральных свойств и темпоральных закономерностей демонстрирует, что ролевая социализация должна рассматриваться в виде системного комплекса, синтезирующего в себе ряд системных образований и их взаимодействие. Входя в состав системного комплекса, эти системы не теряют своих закономерностей, наоборот, они транспонируются в содержание системного комплекса. Реализуясь в таком «качественном узле», система обретает черты полисистемного бытия, т. е. именно надсистемной формы организации, воплощая онтологический модус существования этого «качественного узла взаимодействия». Отсюда следует, что целостность системного комплекса не является исходной, а должна быть обеспечена. Системные комплексы – не монообразования, а образования распределенного типа, формирующиеся в результате взаимодействия ряда систем. В этом аспекте системный комплекс может быть рассмотрен не как система в чистом виде, а как степень приближения к ней.

Таким образом, переход с предтеоретической стадии анализа проблемы ролевой социализации на новый уровень научного осмысления предполагал концептуальное объяснение ролевой социализации в процессе формирования личности. Выявление критериев и механизмов, которые позволяют судить о степени ролевого функционирования молодежи, а также об эффективных способах достижения успешной социализации личности, стал возможен благодаря порождению концептуальных синтезов более высокого порядка. Применение системного подхода и его постнеклассической версии – метасистемного подхода – позволило раскрыть интегральный эффект взаимодействия нескольких

гетерогенных систем, объединенных необходимой зависимостью и функциональной связью в контексте ролевой социализации. Это способствует дифференциации представлений о качественной структуре полисистемных явлений и их взаимодействиях в создании многомерной картины мира. Следовательно, рассмотрение ролевой социализации в качестве системного комплекса субстанционально-темпорального типа открывает возможность выявления механизмов, закономерностей развития и функционирования отдельных системных образований в их взаимодействии и оказывается внутренним моментом системного исследования социально-психологических процессов. Следовательно, проведенные исследования вскрывают эвристичность потенциала системного комплекса по отношению к ролевой социализации, определение которого является более полным и более богатым по своему содержанию и до настоящего времени остается недостаточно эксплицированным.

Полученные в ходе работы знания о закономерностях ролевой социализации молодежи имеют важное прикладное значение. В частности, они могут быть применены в психодиагностических целях. Использование авторской методики «Калейдоскоп» позволяет диагностировать индивидуальный ролевой профиль социализации молодежи в пяти жизненных сферах, а также реализует комплексное выявление индикаторов нарушенной ролевой социализации личности в подростковом возрасте и в период молодости, как в индивидуальной, так и групповой формах диагностики. Выявленные статистически значимые корреляции между ролевыми моделями методики «Калейдоскоп» и показателями других тестов согласованы с теоретическими конструктами методики, выдвинутыми в рамках исследования, и свидетельствуют о высокой эмпирической валидности представляемой методики «Калейдоскоп». Следовательно, стимульный материал и стандартизированная схема исследования гарантирует сопоставимость результатов исследования.

Кроме того, обнаруженные в диссертации закономерности об эффектах гиперорганизованности системного комплекса ролевой социализации, взаимодетерминации мотивов и ролевых моделей, суперрадитивности позволяют

диагностировать и сопровождать молодежь с нарушенной ролевой социализацией. В рамках психологического сопровождения возможно создание специальных условий, способствующих снижению ролевого конфликта, что позволяет гибко реализовывать в ролевом поведении, как общественные ролевые ожидания, так и собственные, потребности, мотивы, ценности и интересы, создавая многомерную ролевую модель относительно социальной реальности, выделяя в ней множество взаимосвязанных сторон с наличием как интегрирующих, так и дифференцирующих механизмов. Разработанное ролевое сопровождение предоставляет возможности для решения задачи по достижению ролевой определенности, ролевой идентичности, осознанию уникальности ролевой структуры личности, восполняя дефицит социально-психологического инструментария. Согласно концептуальным положениям ролевой социализации молодежи, увеличение ролевой организованности и интегрированности ролевой структуры молодежи с неуспешной социализацией позволяет повысить эффективность социализации, снижая ролевые факторы риска, обеспечивая гибкость реализации ролевой модели, адекватной индивидуально-личностным особенностям и социальным нормативам в различных сферах жизнедеятельности.

Несомненно, в работе представлены обширные и новые данные относительно ролевой социализации в процессе формирования личности, позволяющие эксплицировать ее как системный комплекс субстанционального и темпорального типов. Диссертант в контексте работы определила специфические особенности каждого уровня, их взаимосвязи и взаимопереходы, базовые закономерности ролевой социализации и ее функционирование как системного комплекса. Вместе с тем необходимо отметить, что настоящая работа не содержит исчерпывающих ответов на ряд вопросов, ждущих своего решения и открывающих перспективы для дальнейших исследований. Ряд положений были сформулированы лишь в теоретическом плане и ждут своего эмпирического подтверждения. Остаются неясными критерии и механизмы формирования социокультурных ожиданий в раннем возрасте относительно ролевых моделей и их взаимосвязь. Представляется важным изучение генезиса ролевой социализации

в рамках лонгитюдинального исследования, позволяющего выявить специфику, механизмы и нарушения в развитии ролевой социализации личности на каждом возрастном этапе. Необходимым является выявление способов и критериев построения траектории ролевой социализации, а также определение многомерной интеграции и дифференциации причин трансформации этой траектории. Особый интерес представляет расширенное изучение ролевой социализации в контексте различных сфер жизнедеятельности субъекта. Так, например, отдельным предметом изучения может стать анализ ролевой социализации в профессиональных группах. Заслуживают дополнительного изучения закономерности ролевой социализации в семье и в интимно-сексуальной сфере. Перспективным будет направление в исследовании ролевой социализации делинквентной личности и в неформальных группах. Таким образом, осуществленная в диссертации теоретико-эмпирическая работа свидетельствует об обоснованности выдвинутых положений относительно ролевой социализации молодежи и открывает перспективы для дальнейших научно-практических исследований в теоретическом и практическом аспектах социальной психологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова, К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. – СПб. : Алетейя, 2001. – 304 с.
2. Авдулова, Т. П. Проблема социализации и индивидуализации в концепциях морального развития / Т. П. Авдулова // Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии: коллект. монография / под. ред. Т. Д. Марцинковской. – М. ; Обнинск : ИГ–СОЦИН, 2010. – С. 192–205.
3. Аве-Лаллемант, У. Графический тест «Звезды и Волны» / У. Аве-Лаллемант. – СПб. : Речь : Семантика-С, 2002. – 240 с.
4. Агавелян, О. К. Вербально-визуальные характеристики архетипов в современных представлениях личности / О. К. Агавелян, С. Б. Перевозкин, Ю. М. Перевозкина // Сибирский вестник специального образования. – 2011. – № 3. – С. 7–14.
5. Агавелян, О. К. Специфика взаимосвязи архетипов, профессиональной готовности и типологических особенностей студентов гуманитарных профессий / К. Агавелян, С. Б. Перевозкин, Ю. М. Перевозкина, Д. А. Ситко // Мат-лы IV Междунар. науч. видеоконф. «Интеллект. Культура. Образование». Новосиб. гос. пед. ун-т ; Омск. гос. ун-т; Сиб. акад. гос. службы. – 2011. – С. 94–97.
6. Агафонов А. Ю. Исследование Я-концепции учащихся подросткового возраста как средства качественной оценки образовательных систем: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Казань, 2000. 18 с.
7. Алешина, Ю. Е. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины / Ю. Е. Алешина, А. С. Воловин // Вопросы психологии. – 1991. – № 6. – С. 78–82.
8. Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренкова. – М. : МГУ, 1994. – 496 с.
9. Амирханова, С. В. Становление идентичности молодежи в современном российском обществе риска : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / С. В. Амирханова. – Казань, 2009. – 173 с.

10. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. СПб. : Питер, 2001. – 272 с.
11. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.
12. Анастаси, А. Дифференциальная психология. Индивидуальные и групповые различия в поведении / А. Анастаси. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 752 с.
13. Андреева, Г. М. Зарубежная социальная психология XX столетия / Г. М. Андреева, Н. Н. Богомолова, Л. А. Петровская. – М. : Аспект-Пресс, 2001. – 288 с.
14. Андреева, Г. М. К истории становления социальной психологии в России / Г. М. Андреева // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1997. – № 4. – С. 6–17.
15. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 364 с.
16. Андреева, Т.В. Потребности женщин и мужчин в брачно-семейных отношениях и отношение к супружеской верности / Г. М. Андреева, Т. Ю. Пипченко // Ананьевские чтения–2000 : Тезисы. – СПб., 2000. – С. 112–114.
17. Андреевкова, Н. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов [Электронный ресурс] / Н. В. Андреевкова // Мониторинг. – 2010. – № 5(99). – С. 189–215. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-udovletvorennosti-zhiznyu-i-opredelyayuschih-ee-faktorov> (дата обращения: 05.11.2018).
18. Андронникова, О. О. Возможности трансформации дезадаптивных форм виктимного поведения подростков в образовательном пространстве [Электронный ресурс] / О. О. Андронникова // Философия образования. – 2014. – № 1(52). – С. 178–184. – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=21952208>.
19. Андронникова, О. О. Гендерная дифференциация в психологии / О. О. Андронникова. – М. : Вузовский учебник : НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 264 с.

20. Андронникова, О. О. Семейные отношения как детерминанты аддиктивного и суицидального поведения личности / О. О. Андронникова, Ю. М. Перевозкина, Е. В. Ветерок // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2016. – № 4(16). – С. 12–21.
21. Анисина, С. С. Социокультурные архетипы семьи и брака : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / С. С. Анисина. – Тюмень, 2002. – 17 с.
22. Анохин, П. К. Очерки по физиологии функциональных систем / П. К. Анохин. – М. : Медицина, 1975. – 448 с.
23. Анциферова, Л. И. Психология формирования и развития личности / Л. И. Анциферова // Психология личности в трудах отечественных психологов : хрестоматия / сост. Л. В. Куликов. – СПб. : Питер, 2000. – С. 207–213.
24. Аргайл, М. Основные характеристики ситуаций / М. Аргайл // Психология социальных ситуаций : хрестоматия / сост. Н. В. Гришина. – СПб. : Питер, 2001. – С. 178–187.
25. Арина, Г. А. Средства массовой информации как фактор возникновения озабоченности собственной внешностью в юношеском возрасте / Г. А. Арина, С. Е. Мартынов // Культурно-историческая психология. – 2009. – № 4. – С. 105–114.
26. Асеев, В. Г. Значимость и временная стратегия поведения / В. Г. Асеев // Психологический журнал. – 1981. – Т. 2. – № 6. – С. 28–36.
27. Асмолов, А. Г. Ну и молодежь пошла... Куда? / А. Г. Асмолов // Образовательная политика. – 2010. – № 4(42). – С. 2–4.
28. Базыма, Б. А. Психология цвета: Теория и практика / Б. А. Базыма. – СПб. : Речь, 2007. – 205 с.
29. Байчоров, Р. А. Особенности исправительного воздействия в отношении осужденных за убийства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р. А. Байчоров. – М., 2008. – 213 с.
30. Балл, Г. А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности / Г. А. Балл // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – С. 92–100.

31. Барабанщиков, В. А. Познание в структуре общения / В. А. Барабанщиков // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». – 2009. – № 2. – С. 8–15.
32. Баранов, Е. Г. Влияние ролевых взаимоотношений между военнослужащих на конфликты в подразделении : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Е. Г. Баранов. – М., 1995. – 202 с.
33. Баранов, Ю. В. Актуальные проблемы ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы / Ю. В. Баранов // Вестник юридического факультета : сб. науч. тр. филиала СаГА в г. Тольятти. – Самара : Самар. гуманит. акад., 2005. – С. 112–122.
34. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. : трактаты, статьи, эссе. – М. : МГУ, 1987. – С. 387–422.
35. Бартол, К. Психология криминального поведения / К. Бартол. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2004. – 352 с.
36. Баскакова, М. Е. Замужняя женщина: семья или работа? / М. Е. Баскакова // Семья в России. – 1995. – № 3–4. – С. 101–108.
37. Белевич, Н. А. Психолого-акмеологическое прогнозирование социализации подростков с делинквентным поведением : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Н. А. Белевич. – СПб., 2011. – 219 с.
38. Белинская, Е. П. Социальная психология личности / Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. – М. : Академия, 2009. – 304 с.
39. Белопольская, Н. Л. Половозрастная идентификация. Методика исследования детского самосознания / Н. Л. Белопольская. – М. : Когито-Центр, 1998. – 24 с.
40. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Моск. философ. фонд, 1995. – 322 с.
41. Березин, Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф. Б. Березин. – Л. : Наука, 1988. – 270 с.

42. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – СПб. : Прайм ЕВРОЗНАК, 2001. – 356 с.
43. Берн, Э. Игры, в которые играют люди : Психология человеческих взаимоотношений ; Люди, которые играют в игры : Психология человеческой судьбы / Э. Берн. – М. : Фаир-Пресс, 2000. – 480 с.
44. Бехтерев, В. М. Объективное изучение личности / В. М. Бехтерев. – Петербург : Изд-во З. И. Гржебина, 1923. – 61 с.
45. Биркхойзер-Оэри, С. Мать: Архетипический образ в волшебных сказках / С. Биркхойзер-Оэри. – М. : Когито-Центр, 2006. – 255 с.
46. Блумер, Г. Общество как символическая интеракция / Г. Блумер // Современная зарубежная социальная психология. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 173–179.
47. Бляхман, Л. С. Движение рабочей силы на промышленных предприятиях / Л. С. Бляхман, А. Г. Здравомыслов, О. И. Шкаратан. – М. : Экономика, 1965. – 156 с.
48. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – СПб. : Питер, 2008. – 400 с.
49. Болотова, А. К. Время и личность. Временные измерения феноменов личности / А. К. Болотова, В. Д. Бекренев // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2007. – Т. 4. – № 3. – С. 61–78.
50. Бондаренков, Д. О. Проблемы молодой семьи и региональная молодежная политика : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Д. О. Бондаренков. – Пятигорск, 2007. – 165 с.
51. Букатов, Д. В. Исследование социально-психологической адаптации, психосоматических расстройств и эмоционального статуса у подростков и лиц юношеского возраста [Электронный ресурс] / Д. В. Букатов, А. А. Курочкин // Молодежный научный форум : Естественные и медицинские науки : электр. сб. ст. по мат. XVIII междунар. студ. науч.-практ. конф. – 2014. – № 11(17). – URL : [https://nauchforum.ru/archive/MNF_nature/11\(17\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_nature/11(17).pdf) (дата обращения: 30.05.2018).

52. Буренкова, Е. В. Образ Я как оценка собственной внешности девушками 17–18 лет [Электронный ресурс] / Е. В. Буренкова, Д. В. Орлова // Психология телесности : теоретические и практические исследования (г. Пенза, 25 марта 2008 г.) : Мат-лы Междунар. заочн. науч.-практ. конф. – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. – 160 с. – URL : <https://psyjournals.ru/psytelesnost/issue/30455.shtml> (дата обращения: 14.01.2018).

53. Бухарина, А. Ю. Управление талантами: чему учить сотрудников сегодня, чтобы выжить завтра / А. Ю. Бухарина // Социальная психология и общество. – 2017. – Т. 8. – № 1. – С. 144–162.

54. Буянова, И.С. Социокультурная адаптация женщин из неполных семей в современном российском обществе : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / И. С. Буянова. – Ставрополь, 2006. – 178 с.

55. Варнакова, Л. А. Духовно-нравственный потенциал современной российской женщины в контексте социокультурной обусловленности ее статуса и ролей : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / Л. А. Варнакова. – Н. Новгород, 2006. – 183 с.

56. Вассерман, Л. И. Социальная фрустрированность личности и ее роль в генезе психической адаптации / Л. И. Вассерман, М. А. Беребин, Т. В. Синявская // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. – 1998. – № 1. – С. 33–35.

57. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

58. Вейнингер, О. Пол и характер. Принципиальное исследование / О. Вейнингер. М. : Академ. проект, 2012. – 392 с.

59. Веккер, Л. М. Психика и реальность. Единая теория психологических процессов / Л. М. Веккер. – М. : Смысл : Per Se, 2000. – 658 с.

60. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 684 с.

61. Воеводина, Ю. С. Незарегистрированный брак как социальный механизм формирования брачно-семейных отношений в российском обществе :

- методология социологического анализа : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / Ю. С. Воеводина. – М., 2009. – 225 с.
62. Волкова, Е. Н. Проблемы социализации российской молодежи: социальные риски и девиации / Е. Н. Волкова, Т. В. Вереитинова, В. А. Дмитриева, О. С. Михалюк // Петербургский педагогический журнал. – 2016. – № 15. – С. 70–91.
63. Воронцов, Д. В. Социально-психологические характеристики межличностного общения и поведения мужчин с гомосексуальной идентичностью : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Д. В. Воронцов. – Ростов н/Д., 1999. – 184 с.
64. Всероссийская перепись населения : сайт [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.statdata.ru/russia> (дата обращения: 14.01.2018).
65. Вундт, В. Введение в психологию / В. Вундт. – СПб. : Речь, 2002. – 128 с.
66. Выготский, Л. С. Психология развития ребенка / Л. С. Выготский. – М. : Смысл : Эксмо, 2004. – 512 с.
67. Гальцев, С. А. Социализация молодежи в современной России : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / С. А. Гальцев. – Иркутск, 2000. – 270 с.
68. Ганзен, В. А. Системное описание функционирования психики человека в актуальном времени / В. А. Ганзен // Вестник ЛГУ. Серия 6. Психологические науки. – 1986. – Вып. 1. – С. 62–69.
69. Гареев, Т. Р. Институты и экономическое развитие на субрегиональном (мезо-)уровне / Т. Р. Гареев // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5. – С. 45–58.
70. Геккель, Э. Мировые загадки. Общедоступные очерки монистической философии / Э. Геккель. – М. : Либроком, 2012. – 256 с.
71. Георгиевский, А. Б. Эволюция адаптаций (историко-методологическое исследование) / А. Б. Георгиевский. – Л. : Наука, 1989. – 189 с.

72. Гете, И. Учение о цветах // Гете : борьба за реалистическое мировоззрение, искания и достижения в области изучения природы и теории познания / В. О. Лихтенштадт. – Петербург : Гос. изд-во, 1920. – С. 201–286.

73. Головаха, Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи / Е. И. Головаха. – Киев : Наук. думка, 1998. – 142 с.

74. Головашина, О. В. Темпоральность в исследованиях социального : конструирование времени и временем / О. В. Головашина // Философия и общество. – 2016. – № 3. – С. 42–56.

75. Голод, С. И. Семья и брак : историко-социологический анализ / С. И. Голод. – СПб. : Петрополис, 1998. – 272 с.

76. Голубева, Н. А. Информационная социализация: психологический подход [Электронный ресурс] / Н. А. Голубева, Т. Д. Марцинковская // Психологические исследования : электрон. науч. журн. – 2011. – № 6(20). – С. 2. – URL : <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.01.2018).

77. Голубева, Н. В. Подход к проблеме социализации и индивидуализации в бихевиоризме / Н. В. Голубева // Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии : коллект. монография / под. ред. Т. Д. Марцинковской. – М. ; Обнинск : ИГ–СОЦИН, 2010. – С. 60–67.

78. Гончарова, Н. Б. Специфика социализации подростков современного крупного города: вхождение в рок-культуру : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / Н. Б. Гончарова. – Ростов н/Д., 2002. – 166 с.

79. Горностай, П. П. Личностные характеристики ролевого поведения / П. П. Горностай // Вестн. Харьк. гос. ун-та. – 1999. – № 439. – С. 18–22.

80. Горностай, П. П. Личность и роль: Ролевой подход в социальной психологии личности / П. П. Горностай. – Киев : Интерпресс ЛТД, 2007. – 312 с.

81. Горностай, П. П. Ролевая социализация личности : психотерапевтический ракурс / П. П. Горностай // Науч. записки Ин-та психологии им. Г. С. Костюка. – Киев : Нора-Друк, 2001. – С. 91–100.

82. Горшков, М. К. Современная молодежь : тенденции социализации / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги // Мониторинг. – 2009. – № 6(94). – С. 5–36.

83. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М. : Директ-Медиа, 2007. – 546 с.
84. Григорьева, М. В. Временные соотношения субъектных и личностных проявлений в адаптационном процессе / М. В. Григорьева, Р. М. Шамионов // Известия ВГПУ. – 2009. – № 9. – С. 127–130.
85. Григорьева, М. В. Диахронический подход к исследованию процессов социально-психологической адаптации личности / М. В. Григорьева // Известия Саратовского ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – Вып. 1(13). – С. 55–58.
86. Гринь, Г. В. Творческое развитие студенческой молодежи в процессе профессионального становления : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Г. В. Гринь. – М., 2012. – 279 с.
87. Грошев, В. И. Гендерные образы рекламы / В. И. Грошев // Вопросы психологии. – 2000. – № 6. – С. 38–49.
88. Гусева, Н. В. Профессионально-ролевое самоопределение курсантов вузов МВД России : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Н. В. Гусева. – СПб., 2007. – 257 с.
89. Дарвин, Ч. Р. Происхождение видов путем естественного отбора / Ч. Р. Дарвин. – М. : Азубка, 2017. – 704 с.
90. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.
91. Дебольский, М. Г. Сравнительный анализ субъективной картины жизненного пути осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции / М. Г. Дебольский, Л. М. Левин, Н. В. Букова // Психология и право. – 2016. – Том. 6. – № 4. – С. 186–195.
92. Дергач, А. А. Акмеологические основы развития профессионала / А. А. Дергач. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2004. – 752 с.

93. Дмитриева, Н. В. Категориальные оси восприятия рекламы / Н. В. Дмитриева, Ю. М. Перевозкина, С. Б. Перевозкин, М. С. Осколкова // Управленец. – 2013. – № 3(43). – С. 31–35.

94. Дмитриева, Н. В. Личностные корреляты ролевых импозитов больных шизофренией / Н. В. Дмитриева, Ю. М. Перевозкина, С. Б. Перевозкин [и др.] // Смальта. – 2017. – № 4. – С. 9–16.

95. Добродомов, Р. Н. Образ экстремиста в репрезентациях современной молодежи / Р. Н. Добродомов, Ю. М. Перевозкина // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму : история, современное состояние, перспективы : сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2-х ч. / под общ. ред. С. А. Куценко. – Новосибирск, 2017. – С. 75–80.

96. Доева, Л. И. Представления мужчин и женщин о ролевой структуре современной семьи (на примере республики Северная Осетия – Алания) / Л. И. Доева, В. Л. Ситников // Семья и современный социум. Сер. «Семья и дети в современном мире». – СПб. : Социально-гуманитарное знание, 2017. – С. 70–75.

97. Драгунский, В. В. Цветовой личностный тест : практ. пособие / В. В. Драгунский. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2001. – 441 с.

98. Дружинин, В. Н. Очерки экзистенциальной психологии / В. Н. Дружинин. – СПб. : Питер, 2010. – 160 с.

99. Дружинин, В. Н. Психология общих способностей / В. Н. Дружинин. – СПб. : Питер, 1999. – 368 с.

100. Дубровин, Д. Н. Психологическая адаптация как фактор личностного самоопределения : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Д. Н. Дубровин. – М., 2005. – 21 с.

101. Дымов, Э. М. Идентичность молодежи России в контексте современных социокультурных процессов : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Э. М. Дымов. – Нальчик, 2006. – 151 с.

102. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение / Э. Дюркгейм. – М. : Терра-Книжный клуб, 2008. – 400 с.

103. Егорова, М. С. Молекулярно-генетическое исследование диспозиционных черт личности: саморегуляция и психологическая адаптация [Электронный ресурс] / М. С. Егорова, М. В. Алфимова, О. В. Паршикова, С. Д. Пьянкова // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6, № 32. – URL : <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/914-egorova32.html> (дата обращения: 11.02.2017).

104. Жолудева, С. В. Психологическая готовность к браку на разных этапах периода взрослости : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / С. В. Жолудева. – Ростов н/Д., 2009. – 258 с.

105. Журавлев, А. Л. Вклад Б. Д. Парыгина в развитие отечественной социальной психологии / А. Л. Журавлев, И. А. Мироненко // Социальная и экономическая психология. – 2016. – № 3(1). – С. 4–23.

106. Зарубко, Е. Ю. Психосемантика обобщенных категорий в межсубъектном взаимодействии : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Е. Ю. Зарубко. – Челябинск, 2010. – 27 с.

107. Звягинцев, В. В. Ролевые конфликты подростков в институтах социализации реформируемой России : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / В. В. Звягинцев. – М., 2000. – 22 с.

108. Здравомыслов, А. Г. Сравнительный анализ национальных социологических школ в их отношении к национальным культурам / А. Г. Здравомыслов // Вестн. Ин-та социологии. – 2010. – № 1. – С. 179–202.

109. Зелянина, В. А. Философский анализ проблемы социализации личности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / В. А. Зелянина. – М., 2007. – 157 с.

110. Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д. Практикум по песочной терапии / Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева, Т. М. Грабенко. – СПб. : Речь, 2002. – 224 с.

111. Змановская, Е. В. Девиантология : Психология отклоняющегося поведения : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. В. Змановская. – М. : Академия, 2003. – 288 с.

112. Зуйкова, Е. М. Феминология / Е. М. Зуйкова, Р. И. Ерусланова. – М. : Фаир-Пресс, 2001. – 480 с.
113. Иваненков, С. П. Проблемы социализации современной молодежи / С. П. Иваненков. – Оренбург : ПД «Ди-мур», 1999. – 290 с.
114. Иванова Т. В. Особенности становления мотивационно-личностной сферы юношей и девушек – современных студентов технического вуза в процессе обучения : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Т. В. Иванова. – Н. Новгород, 2006. – 173 с.
115. Иванова, Е. В. Архетипы ведьмы : религиозный, мифологический, психологический / Е. В. Иванова // Инновации в современном мире : цели, приоритеты, решения : мат-лы Междунар. науч.-практ. форума (Екатеринбург, апрель 2014 г.). Часть II. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. ин-та экономики, управления и права, 2014. – С. 56–65.
116. Иванова, Н. Л. Психологическая структура социальной идентичности : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / Н. Л. Иванова. – Ярославль, 2003. – 408 с.
117. Иванова, Т. Н. Социально-трудовая мобильность современной молодежи : состояние и перспективы: региональная специфика : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.03 / Т. Н. Иванова. – Саратов, 2011. – 428 с.
118. Игнатьева, Э. А. Формирование коммуникативных умений виртуального общения современной молодежи : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Э. А. Игнатьева. – М., 2012. – 153 с.
119. Ильин, Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2006. – 544 с.
120. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2002. – 512 с.
121. Ильин, Е. П. Пол и гендер / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2010. – 688 с.
122. Ильинский, И. М. Наш молодой современник (вопросы мировоззренческого воспитания) / И. М. Ильинский // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 16–22.

123. Ильченко, В. В. Этнопсихологические особенности добрых сексуальных установок девушек Владикавказа / В. В. Ильченко, В. Л. Ситников // Социальные и психологические проблемы современной семьи : материалы VII Международной научной конференции / отв. ред. М. В. Артамонова. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2016. – С. 172–177.

124. Кабачевская, Е. В. Формирование профессионального интереса юношей кадетского корпуса : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Е. В. Кабачевская. – Кемерово, 2003. – 225 с.

125. Каган, В. Е. Семейные и полоролевые установки у подростков / В. Е. Каган // Вопросы психологии. – 1987. – № 2. – С. 54–61.

126. Камнева, Н. А. Гендерная обусловленность стилевых паттернов поведения в межличностном конфликтном взаимодействии : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Н. А. Камнева. – Тамбов, 2011. – 284 с.

127. Кантовский сборник : науч. журн. – Вып. 1(51). – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. – 121 с.

128. Карвасарский, Б. Д. Психотерапия / Б. Д. Карвасарский. – СПб. : Питер, 2002. – 672 с.

129. Кармазин, Т. И. Социально-психологические особенности ролевого поведения курсантов вузов сухопутных войск в процессе обучения : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Т. И. Кармазин. – М., 2004. – 240 с.

130. Карпов, А. А. Общие способности в структуре метакогнитивных качеств личности : монография / А. А. Карпов. – Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 2014. – 272 с.

131. Карпов, А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности : монография / А. В. Карпов. – Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 2018. – 744 с.

132. Карпов, А. В. Метасистемная организация уровней структур психики / А. В. Карпов. – М. : Институт психологии РАН, 2004. – 562 с.

133. Карпов, А. В. Психология деятельности : в 5 т. Т. 3: Функциональные закономерности / А. В. Карпов. – М. : РАО, 2015. – 496 с.

134. Карпов, А. В. Психология деятельности : в 5 т. Т. II. Структурная организация / А. В. Карпов. – М. : РАО, 2015. – 405 с.
135. Карпов, А. В. Психология деятельности : в 5 т. Т. V. Качественная гетерогиния организации / А. В. Карпов. – М. : РАО, 2015. – 526 с.
136. Карпов, А. В. Психология принятия решения в управленческой деятельности. Метасистемный подход / А. В. Карпов, А. А. Карпов, Е. В. Маркова. – Ярославль : ЯрГУ ; М. : Изд. дом РАО, 2016. – 644 с.
137. Карпов, А. В. Психология сознания : Метасистемный подход / А. В. Карпов. – М. : РАИЦ, 2011. – 1088 с.
138. Карпов, А. В. Системогенез деятельности. Игра. Учение. Труд / А. В. Карпов, В. Д. Шадриков // Интегральная концепция системогенеза деятельности. – Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 2017. – 446 с.
139. Карпов, А. В. Технологии управления развитием персонала / А. В. Карпов, Н. В. Ключева. – Ярославль : Проспект, 2015. – 397 с.
140. Карпова, Е. В. Метасистемный анализ мотивации учебной деятельности в структуре личности / Е. В. Карпова // Сибирский психологический журнал. – 2006. – № 24. – С. 59–64.
141. Кассирер, Э. Философия символических форм : в 3-х т. Том 1. Язык / Э. Кассирер. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2002. – 400 с.
142. Келли, Г. Две функции референтной группы / Г. Келли // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М., 1984. – С. 197–203.
143. Келли, Г. Межличностные отношения. Теория взаимозависимости / Г. Келли, Дж. Тибо // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 61–81.
144. Кереньи, К. Трикстер и Древнегреческая мифология / К. Кереньи // Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев. – СПб. : Евразия, 1999. – С. 242–264.
145. Кисляков, П. А. Актуализация норм просоциального поведения в современной социальной ситуации развития подростка / П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева, О. А. Силаева // Подросток в мегаполисе : продолженное

взросление : сборник трудов XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – М. , 2019. С. 121–125.

146. Клейнер, Г. Б. Мезоэкономические проблемы российской экономики / Г. Б. Клейнер // Эконом. вестн. Рост. гос. ун-та. – 2003. – Т. 1. – № 2. – С. 11–18.

147. Клецина, И. С. Гендерная социализация / И. С. Клецина. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 92 с.

148. Климов, Е. А. Введение в психологию труда / Е. А. Климов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 197 с.

149. Ключева, Н. В. Особенности отношения ко времени представителей старшего зрелого возраста / Н. В. Ключева, Т. Ю. Кутукова // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2018. – № 2(44). – С. 83–87.

150. Кнабе, Г. Норма и символ / Г. Кнабе // Вопросы литературы. – 2006. – № 2. – С. 68–78.

151. Ковалев, С. В. Психология современной семьи / С. В. Ковалев. – М. : Просвещение, 1988. – 208 с.

152. Ковалева, А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория / А. И. Ковалева // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С. 109–115.

153. Ковалева, А. И. Социализация личности: норма и отклонение / А. И. Ковалева. – М.: Ин-т молодежи, 1996. – 180 с.

154. Коган, Л. Н. Человек и его судьба / Л. Н. Коган. – М. : Мысль. 1988. – 286 с.

155. Козлова, Н. В. Личностно-профессиональное становление : психолого-акмеологический подход / Н. В. Козлова. – Томск : ТПУ, 2007. – 201 с.

156. Колесникова, Н. Е. Социально-психологическая ресоциализация осужденных-мужчин в исправительном учреждении : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Н. Е. Колесникова. – М., 2011. – 239 с.

157. Кон, И. С. Введение в сексологию / И. С. Кон. – М. : Медицина, 1989. – 326 с.

158. Кон, И. С. Дружба / И. С. Кон. – СПб. : Питер, 2005. – 320 с.

159. Кон, И. С. НТР и проблемы социализации молодежи / И. С. Кон. – М. : Знание, 1987. – 180 с.
160. Кон, И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. – М. : Просвещение, 1989. – 254 с.
161. Кон, И. С. Социологическая психология / И. С. Кон. – М. : МПСИ ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1999. – 560 с.
162. Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии : коллект. монография / под. ред. Т. Д. Марцинковской. – М. : Обнинск : ИГ–СОЦИН, 2010. – 284 с.
163. Кончаловская, М. М. Подход к проблеме социализации и индивидуализации в классическом психоанализе / М. М. Кончаловская // Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии : коллект. монография / под. ред. Т. Д. Марцинковской. – М. : Обнинск : ИГ–СОЦИН, 2010. – С. 5–17.
164. Копыця, Е. А. Педагогические условия профессиональной социализации студентов в образовательном процессе ссуза : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Е. А. Копыця. – М., 2011. – 187 с.
165. Короленко, Ц. П. Аддикции в культуре отчуждения. Фрагментарная идентичность в зазеркалье постмодернизма : монография / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2013. – 434 с.
166. Короленко, Ц. П. Психодинамическая психотерапия девиантного поведения: монография / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, Ю. М. Перевозкина. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. – 376 с.
167. Короленко, Ц. П. Психофизиология человека в экстремальных условиях / Ц. П. Короленко. – Л. : Медицина, 1978. – 272 с.
168. Короленко, Ц. П. Самоубийства: психология, психопатология, терапия / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, Ю. М. Перевозкина. – СПб. : СПбГИПСР, 2016. – 196 с.

169. Короленко, Ц. П. Социум и гендерная идентичность / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, Е. Н. Загоруйко // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2008. – № 3. – С. 13–16.

170. Костяк, Т. В. Проблема социализации и индивидуализации в концепциях французской социологической школы / Т. В. Костяк // Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии: коллект. монография / под ред. Т. Д. Марцинковской. – М. : Обнинск : ИГ-Социн, 2010. – С. 28–59.

171. Костяк, Т. В. Психологическая адаптация первоклассников / Т. В. Костяк. – М. : Академия, 2008. – 176 с.

172. Кочетов, Е. В. Социализация и самоидентификация российской молодежи : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Е. В. Кочетов. – Новочеркасск, 2005. – 176 с.

173. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб. : Питер, 2000. – 992 с.

174. Криворученко, В. К. Молодежное движение в России и его связь с реформированием общества / В. К. Криворученко // Соц. реформы в России : теория и практика. – 1996. – Вып. 1. – С. 73–83.

175. Кроник, А. А. В главных ролях: Вы. Мы. Он. Ты: Психология значимых отношений / А. А. Кроник, Е. А. Кроник. – М. : Мысль, 1989. – 204 с.

176. Крукс, Р. Сексуальность / Р. Крукс, К. Баур. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2005. – 480 с.

177. Крюкова, Т. Л. Совладание с ролевой перегрузкой как проявление жизненного стиля женщин-руководителей / Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская // Бехтерев и современная психология человечности : сборник статей V Международной научно-практической конференции (к 130-летию организации первой в России психофизиологической лаборатории в г. Казани) / отв. ред. Л. М. Попов. Казань : Отечество, 2015. – С. 339–345.

178. Кудрявцев, Т. В. Психологический анализ профессионального самоопределения личности / Т. В. Кудрявцев, В. Ю. Шегурова // Вопросы психологии. – 1983. – № 2. – С. 51–59.

179. Кузнецов, Д. А. Педагогическое сопровождение курсантов военных вузов как условие повышения мотивации к профессиональной деятельности офицеров : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Д. А. Кузнецов. – СПб., 2009. – 170 с.

180. Кузьмин, В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса / В. П. Кузьмин. – М. : Поилтиздат, 1980. – 312 с.

181. Кулагина, Н. В. Гендерный конфликт как фактор личностной и профессиональной дезадаптации / Н. В. Кулагина // Психология и психотехника. 2009. – № 3. – С. 14–23.

182. Кулганов, В. А. Превентология. Профилактика социальных отклонений : учеб. пособие / В. А. Кулганов, В. Г. Белов, Ю. А. Парфенов. – СПб. : Питер, 2014. – 304 с.

183. Кули, Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Х. Кули. – М. : Идея-пресс, 2001. – 328 с.

184. Кумыкова, Е. В. Психологические особенности внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Е. В. Кумыкова. – М., 2010. – 219 с.

185. Кун, М. Эмпирическое исследование установок личности на себя / М. Кун, Т. Макпартлэнд // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – С. 180–188.

186. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : АСТ, 2003. – 605 с.

187. Кэмпбелл, Д. Пути к блаженству: мифология и трансформация личности / Д. Кэмпбелл. – М. : Открытый мир, 2006. – 320 с.

188. Кэмпбелл, Д. Тысячеликий герой / Д. Кэмпбелл. – М. : Рефл-бук ; АСТ ; К. : Ваклер, 1997. – 384 с.

189. Кэнтон, Р. Британский опыт привлечения общества к помощи заключенным и их последующей адаптации / Р. Кэнтон // В защиту прав и свобод в уголовно-исполнительной системе : сб. мат-лов 16-го заседания Руководящей группы Совета Европы по реформированию уголовно-исполнительной системы

Российской Федерации (Саратов, 16–20 сентября 2003 г.) / под общ. ред. Ю. И. Калинина. – Саратов, 2003. – С. 59–65.

190. Ларионова, Г. И. Социальная интеграция личности : понятие, сущность, направления / Г. И. Ларионова // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 11. – С. 227–232.

191. Ларионова, С. А. Социально-психологическая адаптация личности : теоретическая модель и диагностика : монография / С. А. Ларионова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2002. – 200 с.

192. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М. : Академ. проект, 2015. – 428 с.

193. Левин, К. Динамическая психология / К. Левин. – М. : Смысл, 2001. – 576 с.

194. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М. : Эксмо-Пресс, 2001. – 512 с.

195. Лейтц, Г. Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама Я. Л. Морено / Г. Лейтц. – М. : Прогресс ; Универс, 1994. – 352 с.

196. Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл ; Академия, 2007. – 368 с.

197. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Смысл ; Академия, 2005. – 352 с.

198. Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии / А. Н. Леонтьев. – М. : Смысл, 2001. – 511 с.

199. Лидовская, Н. Н. Взаимоотношения супругов в незарегистрированном браке : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Н. Н. Лидовская. – СПб., 2009. – 212 с.

200. Лисина, М. И. Общение, личность и психика / М. И. Лисина. – М. : Изд-во МПСИ ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001. – 384 с.

201. Логинова, М. А. Сетевые процессы в социальном взаимодействии : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / М. А. Логинова. – Новосибирск, 2011. – 151 с.

202. Логинова, Н. А. Жизненный путь человека как проблема психологии / Н. А. Логинова // Вопросы психологии. – 1980. – № 1. – С. 154–158.
203. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М. : Наука, 1999. – 350 с.
204. Ломов, Б. Ф. Системность в психологии: Избранные психологические труды / Б. Ф. Ломов ; под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. – М. : Моск. психол. ин-т ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2003. – 424 с.
205. Лубовский, А. В. Русский культурный архетип / А. В. Лубовский // Культурология. – Ростов н/Д. : Феникс, 1999. – С. 435–467.
206. Лукина, Н. А. Психологические особенности опосредованного Интернетом межличностного общения студентов : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Н. А. Лукина. – Самара, 2013. – 180 с.
207. Лукьянов, О. В. Экзистенциальный анализ и природа времени. Транстемпоральный характер экзистенциального опыта / О. В. Лукьянов // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 299(1). – С. 164–170.
208. Лучина, А. А. Социально-психологическая детерминированность суицидальной настроенности молодежи и ее превенции в мегаполисе : на примере г. Москвы : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / А. А. Лучина. – М., 2011. – 222 с.
209. Любицкая, О. А. Структура и содержание профессионального достоинства личности в контексте психологии труда : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.03 / О. А. Любицкая. – Хабаровск, 2007. – 313 с.
210. Люшер, М. Цветовой тест Люшера / М. Люшер. – М. : АСТ ; СПб. : Сова, 2006. – 190 с.
211. Магун, В. С. Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи : 1985–2005 годы / В. С. Магун, М. В. Энговатов // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 6. – М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2007. – С. 197–219.

212. Магун, В. С. Динамика ресурсных стратегий молодежи / В. С. Магун // Вопросы воспитания. – 2010. – № 1. – С. 66–73.
213. Магун, В. С. Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процессов социализации / В. С. Магун, М. Г. Руднев // Образовательная политика. – 2010. – № 9/10. – С. 65–72.
214. Магун, В. С. Молодежь: высокие притязания и новые стратегии / В. С. Магун, М. В. Энговатов // Менеджер по персоналу. – 2008. – № 9. – С. 6–16.
215. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. – СПб. : Питер, 2002. – 752 с.
216. Макклелланд, Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд. – СПб. : Питер, 2007. – 672 с.
217. Маленко, С. А. Архетипические сценарии социального взаимодействия : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / С. А. Маленко. – Новгород, 2010. – 451 с.
218. Мардахаев, Л. В. Профессиональная идентификация в процессе профессионально-ориентированной социализации обучаемых / Л. В. Мардахаев // ЦИТИСЭ. – 2019. – № 1(18). – С. 9–19.
219. Мардахаев, Л. В. Теоретико-методологические основы исследовательской деятельности в социальной педагогике / Л. В. Мардахаев // Социальная педагогика: теоретико-методологические основы и перспективы развития : мат-лы Всерос. конф. с междунар. участием / под ред. Л. В. Мардахаева. – М. : ИТД «Перспектива», 2019. – С. 9–18.
220. Марк, М. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / М. Марк, К. Пирсон. – СПб. : Питер, 2005. – 336 с.
221. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М. : Междунар. гуманит. фонд «Знание», 1996. – 308 с.
222. Марцинковская, Т. Д. Проблема социализации–индивидуализации в отечественной психологии / Т. Д. Марцинковская, Е. В. Никифорова // Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии : коллект.

монография / под ред. Т. Д. Марцинковской. – М. ; Обнинск : ИГ-Социн, 2010. – С. 68–95.

223. Марцинковская, Т. Д. Теоретико-эмпирические исследования соотношения процессов социализации и индивидуализации / Т. Д. Марцинковская // Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии: коллект. монография / под ред. Т. Д. Марцинковской. – М. ; Обнинск : ИГ-Социн, 2010. – С. 264–279.

224. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб. : Питер, 2007. – 352 с.

225. Маслоу, А. По направлению к психологии бытия / А. Маслоу. – М. : Эксмо-Пресс, 2002. – 272 с.

226. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Восточн. литература, 2006. – 406 с.

227. Мещеряков, Б. Г. Большой психологический словарь / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 672 с.

228. Мид, Дж. Сознание, самость и общество / Дж. Мид. – М. : Директ-Медиа, 2007. – 171 с.

229. Мид, Дж. Философия настоящего / Дж. Мид. – М. : Изд-во ВШЭ, 2014. – 456 с.

230. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. – М. : Наука, 1988. – 432 с.

231. Митина, О. В. Моделирование латентных изменений с помощью структурных уравнений / О. В. Митина // Экспериментальная психология. – 2008. – № 1. – С. 131–148.

232. Митягина, Е. В. Референтные группы современной молодежи : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Е. В. Митягина. – Н. Новгород, 2007. – 183 с.

233. Молчанова, Е. П. Ролевая идентичность формальных и неформальных лидеров осужденных : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Е. П. Молчанова. – Томск, 2003. – 167 с.

234. Морено, Я. Психодрама / Я. Морено. – М. : Апрель-Пресс, Эксмо-Пресс, 2001. – 528 с.

235. Морено, Я. Социометрия : Экспериментальный метод и наука об обществе / Я. Морено. – М. : Академ. проект, 2004. – 320 с.

236. Москвичева, Н. Л. Семья как объект ценностного отношения студентов / Н. Л. Москвичева // Ананьевские чтения – 99. Тез. науч.-практ. конференции 26–28 окт. 1999 г. – СПб., 1999. – С. 210–211.

237. Мостовая, И. В. Архетипы и ориентиры российской ментальности / И. В. Мостовая, А. П. Скорик // Полис. – 1995. – № 4. – С. 69–76.

238. Мудрик, А. В. Социализация человека / А. В. Мудрик. – М. : Академия, 2004. – 304 с.

239. Мурашко, С. Ф. Акмеологические условия развития профессионального Я государственных служащих : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / С. Ф. Мурашко. – М., 2000. – 170 с.

240. Мучински, П. Психология, профессия, карьера / П. Мучински. – СПб. : Питер, 2004. – 539 с.

241. Мясичев, В. Н. Психология отношений / В. Н. Мясичев ; под. ред. А. А. Бодалева. – М. : Изд-во МПСИ ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2003. – 400 с.

242. Науменко, М. В. Социокультурные факторы гендерной социализации подростков в трансформирующемся обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / М. В. Науменко. – Майкоп, 2011. – 30 с.

243. Началджян, А. А. Социально-психологическая адаптация личности / А. А. Началджян. – Ереван : ЭПО, 1988. – 262 с.

244. Недорезова, Н. В. Толерантность в межличностном общении старшеклассников : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Н. В. Недорезова. – М., 2005. – 189 с.

245. Нестерова, А. А. Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодежи в ситуации потери работы : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / А. А. Нестерова. – М., 2011. – 525 с.

246. Николаева, А. А. Социальная активность как фактор формирования гражданской идентичности современной российской студенческой молодежи : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / А. А. Николаева. – Орел, 2010. – 224 с.

247. Николаева, Е. М. Социализация личности как самоорганизующаяся система-процесс / Е. М. Николаева // Гуманитарные науки. Философия. – 2007. – № 1. – С. 65–72.

248. Нойманн, Э. Происхождение и развитие сознания / Э. Нойманн. – М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 1998. – 464 с.

249. Носов, П. В. Социальные роли как фактор организации общественных отношений : дис. ... канд. философ. Наук : 09.00.11 / П. В. Носов. – М., 2009. – 150 с.

250. Овсяник, О. А. Особенности гендерных различий женщин, проявляющиеся в процессе социального взаимодействия / О. А. Овсяник // Проблема личности в контексте современной социальной ситуации развития детей, подростков и молодежи : сборник материалов международной научно-практической конференции X Левитовские чтения в МГОУ. – 2016. – С. 106–109.

251. Осохеева, Б. Р. Современная молодая семья: процессы трансформации и факторы стабилизации : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Б. Р. Осохеева. – Улан-Удэ, 2007. – 149 с.

252. Панцырь, С. Н. Личностные особенности подростков с девиантными формами поведения [Электронный ресурс] / С. Н. Панцырь, А. П. Новгородцева // Культурно-историческая психология. – 2013. – № 2. – С. 64–72. – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=21375882> (дата обращения: 25.02.2018).

253. Паньшина, Л. В. Гендерный аспект архетипического восприятия современного педагога / Л. В. Паньшина, И. А. Федосеева, О. О. Андронникова, Ю. М. Перевозкина // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. – 2017. – № 3. – С. 37–52.

254. Папура, А. А. Психологическое сопровождение подростков по формированию уверенности в себе как показателя субъективной оценки качества жизни : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / А. А. Папура. – Ставрополь, 2011. – 256 с.

255. Парсонс, Т. О структуре социальных действий / Т. Парсонс. – М. : Академ. проект, 2002. – 880 с.

256. Парфенюк, Д. В. Социально-психологическая направленность представителей молодежных субкультур и молодежи ориентированной на доминирующую культуру / Д. В. Парфенюк // Вестн. ун-та (Гос. ун-т управления). – 2012. – № 1. – С. 169–173.

257. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории / Б. Д. Парыгин. – М. : Мысль, 1971. – 352 с.

258. Пат. 2625284 Российская Федерация, МПК А 61 М 21/00. Оценка социального профиля личности / Перевозкина, Ю. М., Панышина Л. В., Андронникова О. О., Дмитриева Н. В.; заявитель и патентообладатель ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет». – № 2016105668 ; заявл. 18.02.2016 ; опубл. 12.07.2017, Бюл. № 20. – 2 с.

259. Пендикова, И. Г. Архетип и символ в рекламе / И. Г. Пендикова, Л. С. Ракитина. – М. : Юнити, 2008. – 302 с.

260. Перевозкин, С. Б. Влияние архетипических ролевых образов на восприятие российской и казахстанской рекламы : межкультурный аспект / С. Б. Перевозкин, Ю. М. Перевозкина // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 2. – С. 105–113.

261. Перевозкин, С. Б. Проявление архетипических элементов в рекламе / С. Б. Перевозкин, Ю. М. Перевозкина // Гуманитарные науки и образование в Сибири. – 2012. – № 10(28). – С. 30–37.

262. Перевозкина, Ю. М. Структурные трансформации психосемантических мифологических пространств личности (на примере славянской культуры) : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Ю. М. Перевозкина. – Новосибирск, 2009. – 222 с.

263. Перевозкина, Ю. М. Архетипические основания сказочных персонажей / Ю. М. Перевозкина, С. Б. Перевозкин, Н. В. Дмитриева // Вестник педагогических инноваций. – 2013. – № 1(31). – С. 35–46.

264. Перевозкина, Ю. М. Архетипы в современном социокультурном пространстве : монография / Ю. М. Перевозкина, О. О. Андронникова, И. А. Федосеева, Е. В. Ветерок. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2017. – 163 с.

265. Перевозкина, Ю. М. Взаимосвязь мотивационно-эмоциональных аспектов и архетипической идентичности младшего школьника / Ю. М. Перевозкина, Е. В. Букоткина, С. С. Ищенко, Л. Л. Альгина // Развитие человека в современном мире : мат-лы Всерос. научно-практической конф. с междунар. участием (15–17 апреля). – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. – С. 213–220.

266. Перевозкина, Ю. М. Влияние личностных особенностей на отношение к мифологическим персонажам / Ю. М. Перевозкина // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 13. – С. 315–324.

267. Перевозкина, Ю. М. Импазо-ролевая модель диагностики социализации личности / Ю. М. Перевозкина // Сибирский педагогический журнал. – 2016. № 5. – С. 126–133.

268. Перевозкина, Ю. М. Импазо-ролевая социализация личности / Ю. М. Перевозкина // Сибирский педагогический журнал. – 2015. – № 6. – С. 173–177.

269. Перевозкина, Ю. М. Импазо-ролевое прогнозирование особенностей социализации в коммуникативной сфере подростков / Ю. М. Перевозкина, Н. В. Дмитриева, С. Б. Перевозкин // СМАЛЬТА. – 2015. – № 4. – С. 39–46.

270. Перевозкина, Ю. М. Основы математической статистики в психолого-педагогических исследованиях : в 2 ч. Ч. 2 / Ю. М. Перевозкина, С. Б. Перевозкин. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. – 241 с.

271. Перевозкина, Ю. М. Построение конструкта для изучения доминантного архетипа / Ю. М. Перевозкина, Н. В. Дмитриева, С. Б. Перевозкин [и др.] // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 3. – С. 213–217.

272. Перевозкина, Ю. М. Психосемантика мифа : монография / Ю. М. Перевозкина. – Новосибирск : НГТУ ; НГИ, 2013. – 144 с.

273. Перевозкина, Ю. М. Специфика ролевого репертуара учащейся молодежи / Ю. М. Перевозкина, Ф. Прюс, Н. В. Дмитриева // Развитие человека в современном мире. – 2017. – № 2. – С. 27–35.

274. Перевозкина, Ю. М. Сравнительный анализ архетипических основ в восприятии рекламы в России и в Казахстане / Ю. М. Перевозкина, Л. В. Паньшина, И. А. Федосеева, Е. В. Дергачева // Развитие человека в современном мире: мат-лы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. Н. Я. Большуновой, О. А. Шамшиковой. – Новосибирск, 2016. – С. 178–187.

275. Перевозкина, Ю. М. Структура архетипической идентичности: от недифференцированного сознания к постинформационному пространству / Ю. М. Перевозкина, С. Б. Перевозкин, Н. В. Дмитриева // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 3. – С. 157–162.

276. Петрова, Е. А. Половозрастные типы представлений о социальном времени у молодежи / Е. А. Петрова, В. В. Кузьмин // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2017. – Т. 16, № 1(140). – С. 22–31.

277. Петрова, Е. А. Противодействие вовлечению молодежи в деструктивные религиозные организации: разработка инструментария для эмпирического изучения различных типов входа и степени риска вовлечения молодежи в деструктивные религиозные организации / Е. А. Петрова, Н. М. Погребняк // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2016. – Т. 15, № 6(139). – С. 45–53.

278. Петровский, А. В. Психология в России : XX век / А. В. Петровский. – М. : УРАО, 2000. – 312 с.

279. Пиаже, Ж. Генезис элементарных логических структур. Классификация и сериация / Ж. Пиаже, Б. Инельдер. – М. : Эксмо-Пресс, 2002. – 416 с.

280. Пиаже, Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже. – СПб. : Питер, 2004. – 192 с.

281. Пиаже, Ж. Теория, эксперименты, дискуссии: сб. статей / Ж. Пиаже ; под ред. Л. Ф. Обуховой, Г. В. Бурменской. – М. : Гардарики, 2001. – 624 с.

282. Пименова, О. И. Глянцевый журнал как фактор конструирования социально-статусной идентичности молодежи : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / О. И. Пименова. – Екатеринбург, 2013. – 185 с.

283. Поливанова, К. Н. Психология возрастных кризисов : учеб. пособие для вузов / К. Н. Поливанова. – М. : Академия, 2000. – 184 с.

284. Польская, Н. А. Аутодеструктивное поведение в подростковом и юношеском возрасте / Н. А. Польская, Н. В. Власова // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – Т. 23. – № 4. – С. 176–190.

285. Попова, Л. В. Влияние нарушений функциональной структуры семьи на социальную дезадаптацию несовершеннолетних / Л. В. Попова // Социосфера. – 2010. – № 4. – С. 96–103.

286. Преснякова-Осипова, И. В. Молодая семья в современном российском социуме : образ и качество жизни : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / И. В. Преснякова-Осипова. – М., 2013. – 219 с.

287. Проективная психология. – М. : Психотерапия, 2010. – 416 с.

288. Пропп, В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 352 с.

289. Пряжников, Н. С. Психологический смысл труда : учеб. пособие / Н. С. Пряжников. – М. : Изд-во Ин-та практ. психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1997. – 352 с.

290. Психологический атлас человека / под ред. А. А. Реана. – СПб. : Прайм-Евро-Знак, 2006. – 651 с.

291. Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура ; In memoriam / Б. Н. Путилов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. – 464 с.

292. Радин, П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев / П. Радин. – СПб. : Евразия, 1998. – 288 с.

293. Разумовский, О. С. Время: иллюзия или реальность? (Взгляды К. Гёделя и вслед за ним) О. С. Разумовский // Полигнозис. – 1998. – № 1. – С. 35–47.

294. Рассадина, А. А. Социально-психологические особенности влияния СМИ на эстетические предпочтения молодежи : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / А. А. Рассадина. – М., 2011. – 182 с.

295. Реан, А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2006. – 479 с.

296. Родина, О. Н. Индивидуально-личностные особенности, стресс, здоровье профессионала / О. Родина // Мир психологии. – 1997. – № 3. – С. 39–50.

297. Романова, К. С. Социальные роли во временной структуре человеческой жизнедеятельности / К. С. Романова // Целостность человека в системе деятельности, сознания и общения. – М. : ИФАН, 1985. – 234 с.

298. Ростовская, Н. А. Формирование культуры молодой семьи в современной России : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Н. А. Ростовская. – Шуя, 2013. – 152 с.

299. Рубинштейн, С. Л. Бытие и Сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2003. – 512 с.

300. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2000. – 720 с.

301. Рубцова, О. В. Ролевая идентичность как интегральная характеристика социальной ситуации развития подростка / О. В. Рубцова // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 5. – С. 5–13.

302. Рудестам, К. Групповая психотерапия / К. Рудестам. – СПб. : Питер, 2006. – 384 с.

303. Рыжов, Б. Н. Системная психология / Б. Н. Рыжов. – М. : Т8 Издательские Технологии, 2017. – 356 с.

304. Садовникова, М. Н. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных: по материалам Восточной Сибири : дис. ... канд. юридических наук : 12.00.08 / М. Н. Садовникова. – Иркутск, 2011. – 227 с.

305. Сайкин, Е. А. Многомерность личности как следствие мультипликации социальных ролей в информационном обществе : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Е. А. Сайкин. – Новосибирск, 2011. – 144 с.
306. Сатир, В. Психотерапия семьи / В. Сатир. – СПб. : Речь, 2000. – 254 с.
307. Свенцицкий, А. Л. Социальная психология : учеб. / А. Л. Свенцицкий. – М. : ТК Велби, Проспект, 2004. – 336 с.
308. Свинцов, И. Н. Молодая семья в системе социального управления : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / И. Н. Свинцов. – Белгород, 2007. – 194 с.
309. Селиванова, Ю. В. Социальная интеграция личности: социологический подход к анализу понятия / Ю. В. Селиванова, Д. В. Зайцев // Извест. Саратовск. ун-та. Сер. : Социология. Политология. – 2014. – Т. 14. – № 2. – С. 41–44.
310. Семенова, З. Ф. Рисуночные тесты : Методика «Дом–Дерево–Человек» / З. Ф. Семенова, С. В. Семенова. – М. : АСТ ; СПб. : Сова, 2007. – 190 с.
311. Серов, Н. В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология / Н. В. Серов. – СПб. : Речь, 2004. – 672 с.
312. Сидоров, П. И. Сексуальное поведение и насилие / П. И. Сидоров, Г. Б. Дерягин. – М. : МЕДпресс-информ, 2007. – 272 с.
313. Ситников, В. Л. Добрачные половые установки девушек в поликультурной среде / В. Л. Ситников, В. В. Ильченко // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки. – 2016. – Т. 11. – № 5. – С. 107–114.
314. Ситников, В. Л. Образы супругов в сознании мужчин и женщин с разным стажем семейной жизни / В. Л. Ситников, Л. И. Доева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2017. – № 186. – С. 61–71.
315. Слободчиков, В. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М. : Школьная Пресса, 2000. – 416 с.
316. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – М. : Феникс, 1994. – 688 с.

317. Соколов, Е. А. Профессиональное становление личности специалиста-гуманитария / Е. А. Соколов. – М. : Университетская книга, 2009. – 480 с.
318. Социология. Основы общей теории / под ред. Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичева. – М. : Норма. НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 912 с.
319. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – М. : Политиздат, 1972. – 303 с.
320. Стюарт-Гамильтон, Я. Психология старения / Я. Стюарт-Гамильтон. – СПб. : Питер, 2002. – 256 с.
321. Тернер, В. Символ и ритуал / В. Тернер. – М. : Наука, 1983. – 273 с.
322. Топеха, Т. А. Факторы, влияющие на социализацию молодежи в условиях трансформации российского общества : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Т. А. Топеха. – Пермь, 2005. – 313 с.
323. Узнадзе, Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – СПб. : Питер, 2001. – 416 с.
324. Уразаева, Г. И. Социально-психологическое исследование развития ролевого поведения старшего дошкольника : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Г. И. Уразаева. – Казань, 1995. – 225 с.
325. Федосеева, И. А. Развитие системы социального воспитания студенческой молодежи педагогического вуза на основе гендерного подхода : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / И. А. Федосеева. – М., 2013. – 439 с.
326. Федосеева, И. А. Феномен патриотизма сквозь призму психосемантического пространства современной молодежи / И. А. Федосеева, Ю. М. Перевозкина // Ученые записки ун-та им. П. Ф. Лесгафта. – 2017. – № 2(144). – С. 303–311.
327. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – СПб. : Речь, 2000. – 320 с.
328. Франкл, В. Воля к смыслу / В. Франкл. – М. : Апрель-пресс, Эксмо-Пресс, 2000. – 368 с.
329. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – Новосибирск : РИФплюс, 1997. – 550 с.

330. Фрейд, З. Тотем и табу / З. Фрейд. – М. : АСТ, 2011. – 320 с.
331. Фрилинг, Г. Человек – цвет – пространство : Прикладная цветопсихология / Г. Фрилинг, К. Ауэр. – М. : Стройиздат, 1973. – 117 с.
332. Хайгл-Эверс, А. Базисное руководство по психотерапии / А. Хайгл-Эверс, Ф. Хайгл, Ю. Отто, У. Рюгер. – СПб. : Изд-во Вост.-Европ. Ин-та психоанализа ; Речь, 2001. – 784 с.
333. Хорни, К. Наши внутренние конфликты / К. Хорни. – М. : Апрель-Пресс ; Эксмо-Пресс, 2000. – 560 с.
334. Цветков Ю. А. Преступное сообщество (преступная организация): уголовно-правовой и криминологический анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю. А. Цветков. – М., 2004. – 226 с.
335. Челнокова, И. А. Социально-психологическая модель детерминации вступления партнеров в гражданский брак : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / И. А. Челнокова. – М., 2009. – 26 с.
336. Черных, Е. А. Формирование гражданской идентичности молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Е. А. Черных. – Ростов н/Д., 2012. – 156 с.
337. Чернышев, А. В. Русские архетипы в брендинге и эффективность рекламы : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.03 / А. В. Чернышев. – Н. Новгород, 2011. – 32 с.
338. Чернявская, Н. В. Архетипический образ «Старик и старуха» в русской прозе XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Н. В. Чернявская. – М., 2009. – 17 с.
339. Черняева, К. О. Культурная идентификация в условиях глобализации: случай социальных сетей : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / К. О. Черняева. – Саратов, 2010. – 141 с.
340. Четвериков, Д. В. Психологические механизмы и структура аддиктивного поведения личности : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Д. В. Четвериков. – Новосибирск, 2002. – 385 с.

341. Чубарь, Н. Теория социального научения / Н. Чубарь, А. Бандура. – СПб. : Евразия, 2000. – 320 с.

342. Чугунова, Э. С. Социально-психологические особенности профессиональной мотивации в инженерной деятельности и проблемы творческой активности / Э. С. Чугунова // Психологический журнал. – 1985. – Т. 6, № 4. – С. 73–87.

343. Чукмарова, Л. Ф. Полоролевые экспектации супругов и стабильность брачно-семейного союза в молодом городе : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Л. Ф. Чукмарова. – Ярославль, 2008. – 190 с.

344. Чуракова, И. Е. Факторная модель психоэмоционального статуса пострадавших от секс-треффикинга / И. Е. Чуракова, М. В. Сапоровская // Психология стресса и совладающего поведения : вызовы, ресурсы, благополучие : материалы V Международной научной конференции : в 2 т. – Кострома, 2019. – С. 584–589.

345. Шабанов, Л. В. Структурные характеристики молодежных неконформистских объединений: антиномия «порядок–хаос» / Л. В. Шабанов // Сибирский философский журнал. – 2006. – Т. 4, № 2. – С. 105–110.

346. Шакирова, Г. Ф. Особенности внутриличностного гендерного ролевого конфликта у мужчин и женщин в условиях современного общества : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Г. Ф. Шакирова. – Казань, 2011. – 164 с.

347. Шамионов, Р. М. Принцип диахронии в исследовании социализации личности / Р. М. Шамионов // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – Т. 13, № 1. – С. 79–84.

348. Шамионов, Р. М. Социализация личности : системно-диахронический подход / Р. М. Шамионов // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6, № 27. – С. 8. – URL : <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.09.2017).

349. Шамионов, Р. М. Социальная активность молодежи: системно-диахронический подход / Р. М. Шамионов // Российский психологический журнал. – 2019. – Т. 16, № 1. – С. 166–188.

350. Шамионов, Р. М. Ценностные ориентации и удовлетворенность жизнью некоторых этносов Саратовского Поволжья [Электронный ресурс] / Р. М. Шамионов, Е. Е. Бочарова // Проблемы социальной психологии личности : сб. мат-лов науч.-практ. конф. Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2008. – URL : http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/index.shtml (дата обращения: 11.02.2017).

351. Шаповаленко, А. А. Психологическая суверенность студенческой молодежи в виртуальной интернет-среде (на модели социальной сети ВКонтакте) / А. А. Шаповаленко // Горизонты зрелости : сб. тезисов участников V Всерос. науч.-практ. конф. по психологии развития. – М. : Изд-во МГППУ, 2015. – 643 с.

352. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – Ростов н/Д. : Феникс, 2002. – 544 с.

353. Шихи, Г. Возрастные кризисы / Г. Шихи. – СПб. : Каскад, 2005. – 448 с.

354. Шмелева, Е. А. Гендерные аспекты просоциального поведения / Е. А. Шмелева, П. А. Кисляков // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика : материалы Международной научной конференции. – 2019. – С. 257–263.

355. Шостром, Э. Терапевтическая психология. Основы консультирования и психотерапии / Э. Шостром, Л. Браммер. – СПб. : Сова ; М. : Эксмо, 2002. – 624 с.

356. Штаабс, Г. фон. Сценотест : вклад в исследование бессознательной проблематики и структуры характера в области психодиагностики и терапии / Г. фон Штаабс. – Красноярск, 2012. – 148 с.

357. Штак, С. В. Анализ проблемы социально-психологической адаптации в условиях трансформации Российского общества / С. В. Штак // Сибирская психология сегодня. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. – С. 267–273.

358. Штейнхард, Л. Юнгианская песочная психотерапия / Л. Штейнхард. – СПб. : Питер, 2001. – 320 с.

359. Шубин, В. А. Преимущество в формировании интереса к военной профессии у школьников и курсантов военного вуза : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / В. А. Шубин. – Ярославль, 2001. – 232 с.

360. Шубин, В. А. Профессиональная социализация курсантов вузов государственной противопожарной службы : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / В. А. Шубин. – Пенза, 2011. – 186 с.

361. Эйдельман, Г. Н. Роль субъективных факторов в психологическом благополучии молодежи в ситуации профессионального самоопределения [Электронный ресурс] / Г. Н. Эйдельман, Е. А. Сергиенко // Психологические исследования. – 2016. – Т. 9, № 50. – С. 8. – URL : <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2016v9n50/1359-eidelman50.html> (дата обращения: 14.02.2017).

362. Эльконин, Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах. Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин. – М. : Изд-во МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2001. – 416 с.

363. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М. : Флинта ; МПСИ ; Прогресс, 2006. – 352 с.

364. Эткин, А. М. Разработка медико-биологических методов исследования эмоциональных компонентов отношений и их применение в изучении неврозов и аффективных расстройств : дис. канд. психол. наук : 19.00.04 / А. М. Эткин. – Л., 1985. – 220 с.

365. Юмагузин, Р. С. Социокультурная интеграция молодой семьи в современное российское общество : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / Р. С. Юмагузин. – Ставрополь, 2006. – 159 с.

366. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с.

367. Юнг, К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К. Г. Юнг. – Мн. : Харвест, 2004. – 400 с.

368. Юнг, К. Г. Либи́до, его метаморфозы и символы / К. Г. Юнг. – СПб. : Изд-во Вост.-Европ. Ин-та психоанализа, 1994. – 414 с.

369. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. – М. : Прогресс-Универс, 1993. – 336 с.
370. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. – М. : Канон+, 2003. – 400 с.
371. Юнг, К. Г. Психология. Dementia praecox / К. Г. Юнг. – Мн. : Харвест, 2003. – 400 с.
372. Юнг, К. Г. Сознание и бессознательное / К. Г. Юнг. – СПб. : Академ. проект, 2009. – 190 с.
373. Юнг, К. Г. Структура психики и архетипы / К. Г. Юнг. – М. : Академ. проект, 2009. – 303 с.
374. Юнг, К. Г. Тэвистокские лекции / К. Г. Юнг. – М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1998. – 295 с.
375. Ядов В. А. Человек и его работа (социологическое исследование) / В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, В. П. Рожин. – М. : Мысль, 1967. – 392 с.
376. Ядов, В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : Диспозиционная концепция / В. А. Ядов. – М. : ЦСПиМ, 2013. – 376 с.
377. Ядов, В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В. А. Ядов // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 35–52.
378. Ядов, В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы / В. А. Ядов. – Самара : Изд-во Самарск. ун-та, 1995. – 328 с.
379. Яковлев, В. В. Психологическая характеристика смысловой сферы личности осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / В. В. Яковлев. – Рязань, 1999. – 192 с.
380. Янг-Айзендрат, П. Ведьмы и герои. Феминистский подход к юнгианской психотерапии семейных пар / П. Янг-Айзендрат. – М. : Когито-Центр, 2005. – 271 с.
381. Яньшин, П. В. Психосемантика цвета / П. В. Яньшин. – СПб. : Речь, 2006. – 368 с.

382. Яровой, А. В. Воинская культура казачества: символическое пространство и ритуал : монография / А. В. Яровой. – Ростов н/Д. : Изд-во НМЦ «Логос», 2011. – 214 с.

383. Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс. – М. : Практика, 1997. – 1056 с.

384. Adam, B. Social versus natural time: A traditional distinction / B. Adam // *The rhythms of Society*. – London/New York : Routledge, 1988. – P. 198–226.

385. Allen, J. An exploration: does dramatherapy help clients with schizophrenia? / J. Allen // *Dramatherapy*. – 1994. – Vol. 16, № 1. – P. 12–22.

386. Allport, G. W. Attitudes / G. W. Allport // *Handbook of social psychology* / ed. C. Murchison, Worcester. – MA : Clark Univ. Press, 1935. – P. 798–844.

387. Allport, G. W. Effect : A Secondary Principle of Learning / G. W. Allport // *Psychological Review*. – 1946. – № LIII. – P. 335–347.

388. Ammann, R. Healing and Transformation in Sandplay : Creative Processes Become Visible (Reality of the Psyche Series) / R. Ammann. – Peru, IL : Open Court, 1998. – 350 p.

389. Anderson, D. Gender Role Stereotyping of Parents in Children's Picture Books : The Invisible Father / D. Anderson, M. Hamilton // *Sex Roles*. – 2005. – Vol. 52(3–4). – P. 145–151.

390. Anthrop, J. Role Conflict and the High School Female Athlete / J. Anthrop, M. T. Allison // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. – 1983. – Vol. 54, Iss. 2. – P. 104–111.

391. Apugo, D. L. «We All We Got» : Considering Peer Relationships as Multi-Purpose Sustainability Outlets among Millennial Black Women Graduate Students Attending Majority White Urban Universities / D. L. Apugo // *Urban Review : Issues and Ideas in Public Education*. – 2017. – Vol. 49, № 2. – P. 347–367.

392. Augenstein, T. M. Comparing Multi-Informant Assessment Measures of Parental Monitoring and Their Links With Adolescent Delinquent Behavior / T. M. Augenstein, S. A. Thomas, K. B. Ehrlich [et al.] // *Parenting*. – 2016. – Vol. 16, Iss. 3. – P. 164–186.

393. Baams, L. Transitions in body and behavior: A meta-analytic study on the relationship between pubertal development and adolescent sexual behavior / L. Baams, J. S. Dubas, G. Overbeek, M. A. G. van Aken // *Journal of Adolescent Health*. – 2015. Vol. 56, Iss. 6. – P. 586–598.

394. Badoux, A. Subjective well-being in French and American samples : Scale development and comparative data / A. Badoux, G. A. Mendelsohn // *Revue Française d'Allergologie et d'Immunologie Clinique*. – 1995. – № 31(2). – P. 105–109.

395. Ballantyne, G. «People live in their heads a lot» : Polymedia, life course, and meanings of home among Melbourne's older Irish community / G. Ballantyne, L. Burke // *Transnational Social Revue*. – 2017. – Vol. 7, Iss. 1. – P. 10–24.

396. Ballester-Arnal, R. Sexuality in the Internet Era : Expressions of Hispanic Adolescent and Young People / R. Ballester-Arnal, M. D. Gil-Llario, C. Giménez-García [et al.] // *Sexual Addiction & Compulsivity*. – 2017. – Vol. 24, Iss. 3. – P. 140–155.

397. Beebe, J. Type and Archetype. Part One : The Spine and its Shadow / J. Beebe // *Typeface*. – 2007. – Vol. 18, № 2. – P. 8–12.

398. Beebe, J. Type and Archetype. Part Two : The Arms and their Shadow / J. Beebe // *Typeface*. – 2007. – Vol. 18, № 3. – P. 22–27.

399. Belknap, J. Sexual Minority Status, Abuse, and Self-Harming Behaviors among Incarcerated Girls / J. Belknap, K. Holsinger, J. Little // *Journal of Child & Adolescent Trauma*. – 2012. – № 5(2). – P. 173–185.

400. Bem, S. L. Dismantling gender polarization and compulsory heterosexuality : Should we turn the volume down or up? / S. L. Bem // *The Journal of Sex Research*. – 1995. – Vol. 32, Iss. 4. – P. 329–334.

401. Bertolote, J. M. Development of definitions of suicidal behaviours: From suicidal thoughts to completed suicides / J. M. Bertolote, D. Wasserman // *Oxford textbook of suicidology & suicide prevention : A global perspective*. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – P. 87–90.

402. Biddl, B. J. The concept of role conflict / B. J. Biddl, J. P. Twyman, E. F. Rankin // *Social studies series*. – 1960. – № 11. – 60 p.

403. Blakemore, S.-J. Is adolescence a sensitive period for socio-cultural processing? / S.-J. Blakemore, K. L. Mills // *Annual Review of Psychology*. – 2014. – Vol. 65. – P. 187–207.

404. Blumer, H. *Symbolic Interactionism: Perspective and Method* / H. Blumer. – Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1992. – 224 p.

405. Boduszek, D. The Role of Criminal Social Identity in the Relationship between Criminal Friends and Criminal Thinking Style within a Sample of Recidivistic Prisoner / D. Boduszek, G. Adamson, M. Shevlin [et al.] // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. – 2013. – № 1(23). – P. 14–28.

406. Boen, J. Six-State Transactional Analysis in Statistical / J. Boen, D. Fryd // *Consultation The American Statistician*. – 1978. – Vol. 32, Iss. 2. – P. 58–60.

407. Boulding, K. *Conflict And Defense: A General Theory* / K. Boulding. – Colorado : University Press of Colorado, 2012. – 325 p.

408. Brådvik, L. Last Suicide Attempt before Completed Suicide in Severe Depression / L. Brådvik // *Extended Suicidal Process May Be Found in Men Rather Than Women Archives of Suicide Research*. – 2013. – Vol. 17, Iss. 4. – P. 426–433.

409. Bricheno, P. Role model, hero or champion? Children's views concerning rolemodels / P. Bricheno, M. Thornton // *Educational Research*. – 2007. – Vol. 49, Iss. 4. – P. 383–396.

410. Brookes, K. Role theory: A framework to investigate the community nurse role in contemporary health care systems / K. Brookes, P. M. Davidson, J. Daly, E. J. Halcomb // *Contemporary Nurse*. – 2007. – № 25(1–2). – P. 146–155.

411. Broome, J. Synchronic requirements and diachronic permissions / J. Broome // *Canadian Journal of Philosophy*. – 2015. – Vol. 45, Iss. 5–6. – P. 630–646.

412. Brown, J. D. High self-esteem buffers negative feedback: Once more with feeling / J. D. Brown // *Cognition and emotion*. – 2010. – № 24(8). – P. 1389–1404.

413. Brown, J. D. The three faces of self-esteem / J. D. Brown, M. A. Marshall // *Self-esteem: Issues and answers*. – N. Y. : Psychology Press, 2006. – P. 49.

414. Bruce, J. *Biddle Role Theory: Expectations, Identities, and Behaviors* / J. Bruce. – N. Y. : Academic Press, 1979. – 416 p.

415. Bruckner, D. W. Subjective Well-Being and Desire Satisfaction / D. W. Bruckner // *Philosophical Papers*. – 2010. – Vol. 39, Iss. 1. – P. 1–28.
416. Bruner, J. Actual minds, possible worlds / J. Bruner. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1986. – 193 p.
417. Burdess, N. Role Theory and the Local Planner / N. Burdess // *Urban Policy and Research*. – 1987. – Vol. 5, Iss. 3. – P. 126–130.
418. Butler, M. Migration and common mental disorder : An improvement in mental health over time? / M. Butler, N. Warfa, Y. Khatib, K. Bhui // *International Review of Psychiatry*. – 2015. – Vol. 27, Iss. 1. – P. 51–63.
419. Caldwell, B. E. Marriage and Family Therapists' Attitudes toward Marriage / B. E. Caldwell, S. R. Woolley // *Journal of Couple & Relationship Therapy*. – 2008. – Vol. 7, Iss. 4. – P. 321–336.
420. Callanan, V. J. Gender differences in suicide methods / V. J. Callanan, M. Davis // *Social Psychiatry & Psychiatric Epidemiology*. – 2012. – Vol. 47, Iss. 6. – P. 857–869.
421. Calvo-Salguero, A. Gender and work–family conflict : Testing the rational model and the gender role expectations model in the Spanish cultural context International / A. Calvo-Salguero, J. M. Martínez-de-Lecea, A. L. M. del Carmen // *Journal of Psychology*. – 2012. – Vol. 47, Iss. 2. – P. 118–132.
422. Carter, D. The narrative of visual literacy: a framework for understanding the personal, social, and diachronic aspects of learning / D. Carter // *Journal of Visual Literacy*. – 2018. – Vol. 37, Iss. 1. – P. 51–65.
423. Chang, W.-C. Identity, Gender, and Subjective Well-Being / W.-C. Chang // *Review of Social Economy*. – 2011. – Vol. 69, Iss. 1. – P. 92–121.
424. Chao, J.-K. Relationship Among Sexual Desire, Sexual Satisfaction, and Quality of Life in Middle-Aged and Older Adults / J.-K. Chao, Y.-Ch. Lin, M.-Ch. Ma [et al.] // *Journal of Sex & Marital Therapy*. – 2011. – Vol. 37, Iss. 5. P. 386–403.
425. Charlesworth, L. A. Who am I? Autobiographical retrieval improves access to self-concepts / L. A. Charlesworth, R. J. Allen, J. Havelka, C. J. A. Moulin // *Memory*. – 2016. – Vol. 24, Iss. 8. – P. 1033–1041.

426. Claes, R. Socializing Hungarians in Transylvania, Romania : A case of international organizational socialization / R. Claes, E. Hiel, J. Smets, M. Luca // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. – 2006. – Vol. 15, Iss. 3. – P. 300–321.

427. Clark, D. B. Diachronic Substance Use Assessment and the Emergence of Substance Use Disorders / D. B. Clark, N. K. Pollock, A. Mezzich, J. Cornelius & C. Martin // *Journal of Child & Adolescent Substance Abuse*. – 2001. – Vol. 10, Iss. 4. – P. 13–22.

428. Clark, P. W. The Effect of Role Model Influence on Adolescents' Materialism and Marketplace Knowledge / P. W. Clark, C. A. Martin, A. J. Bush // *Journal of Marketing Theory and Practice*. – 2015. – Vol. 9, Iss. 4. – P. 27–36.

429. Cobb, R. A. The Cognitive-Active Gender Role Identification Continuum / R. A. Cobb, C. E. Walsh, J. B. Priest // *Journal of Feminist Family Therapy*. – 2009. – № 21(2). – P. 79–99.

430. Cobb, R. A. The Cognitive-Active Gender Role Identification Continuum / R. A. Cobb, C. E. Walsh, J. B. Priest // *Journal of Feminist Family Therapy*. – 2009. – № 21(2). – P. 79–99.

431. Connell, R. W. The Concept of Role and What to Do With It / R. W. Connell // *Journal of Sociology*. – 1979. – Vol. 15, Iss. 3. – P. 7–17.

432. Constable, N. International Marriage Brokers, Cross-Border Marriages and the US Anti-Trafficking Campaign / N. Constable // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2012. – Vol. 38, Iss. 7. – P. 1137–1154.

433. Coser, L. The Functions of Social Conflict / L. Coser. – N. Y. : The Free Press, 1956. – 189 p.

434. Costa, P. T. Jr. Neuroticism, somatic complaints, and disease : is the bark worse than the bite? / P. T. Jr. Costa, R. R. McCrae // *J Pers*. – 1987. – Vol. 55, Iss. 2. – P. 299–316.

435. Costa, P. T. Jr. Somatic complaints in males as a function of age and neuroticism : a longitudinal analysis / P. T. Jr. Costa, R. R. McCrae // *J Behav Med*. – 1980. – Iss. 3. – P. 245–257.

436. Covarrubias, R. Self-Monitoring Strategies as a Unique Predictor of Latino Male Student Achievement / R. Covarrubias, J. Stone // *Journal of Latinos and Education*. – 2015. – Vol. 14, Iss. 1. – P. 55–70.

437. Curci, A. What Is over and above Psychopathy? The Role of Ability Emotional Intelligence in Predicting Criminal Behavior / A. Curci, C. Cabras, T. Lanciano [et al.] // *Psychiatry, Psychology and Law*. – 2016. – Vol. 24, Iss. 1. – P. 139–151.

438. D'Abreu, L. C. F. Sexual Aggression among Brazilian College Students : Prevalence of Victimization and Perpetration in Men and Women / L. C. F. D'Abreu, B. Krahé, M. R. Bazon // *The Journal of Sex Research*. 2013. – Vol. 50, Iss. 8. – P. 795–807.

439. Dahlen, E. R. The role of gender and suicide precipitant in attitudes toward nonfatal suicidal behavior / E. R. Dahlen, S. S. Canetto // *Death Studies*. – 2002. – Vol. 26, Iss. 2. – P. 99–116.

440. Dailey, S. L. I'm New...Again : Reconceptualizing the Socialization Process Through Rotational / S. L. Dailey // *Programs Communication Studies*. – 2016. – Vol. 67, Iss. 2. – P. 183–208.

441. Daly, K. Women's Pathways to Felony Court : Feminist Theories of Lawbreaking and Problems of Representation / K. Daly // *Southern California Review of Law and Women's Studies*. – 1992. – Vol. 2, Iss. 1. – P. 11–52.

442. Darendorf, R. *The Modern Social Conflict : An Essay on the Politics of Liberty* / R. Darendorf. – N. Y. : University of California Press, 1988. – 219 p.

443. DeGloma, T. The Social Logic of “False Memories” : Symbolic Awakenings and Symbolic Worlds in Survivor and Retractor Narratives / T. DeGloma // *Symbolic Interaction*. – 2007. – Vol. 30, Iss. 4. – P. 543–565.

444. Dewarrat, M. Preparing for a New Life : Midwifery and Transactional Analysis / M. Dewarrat // *Transactional Analysis Journal*. – 2013. – Vol. 43, Iss. 1. – P. 48–57.

445. Diener, E. The Satisfaction With Life Scale / E. Diener, R. A. Emmons, R. J. Larsen, S. Griffin // *Journal of Personality Assessment*. – 1985. – Vol. 49, Iss. 1. – P. 71–75.

446. Donati, M. A. A mediation model to explain decision making under conditions of risk among adolescents: The role of fluid intelligence and probabilistic reasoning / M. A. Donati, A. Panno, F. Chiesi, C. Primi // *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*. – 2014. – Vol. 36, Iss.6. – P. 588–595.

447. Dorling, D. Suicide : The spatial and social components of despair in Britain 1980–2000 / D. Dorling, D. Gunnell // *Transactions of the Institute of British Geographers*. – 2003. – № 28. – P. 442–460.

448. Dorota, K. Adaptation of the Scenotest for assessing childrens' creative potential / K. Dorota // *State-of-the-Art Lectures, Invited Symposia, Keynote Addresses, Poster session* // *International Journal of Psychology*. – 2000. – Vol. 35, Iss. 3–4. – P. 14–16.

449. Durham, M. G. Constructing the “new ethnicities”: media, sexuality, and diaspora identity in the lives of South Asian immigrant girls / M. G Durham // *Critical Studies in Media Communication*. – 2004. – Vol. 21, Iss. 2. – P. 141–161.

450. Eco, U. «Semiología de los mensajes visuales» en *Análisis de las imágenes* / U. Eco. – Buenos Aires : Comunicaciones, 1982. – P. 23–80.

451. Engleberg, I. N. Working in Groups: Communication Principles and Strategies / I. N. Engleberg, D. R. Wynn. – College New Jersey Pearson Education, 2013. – 359 p.

452. Faigin, C. A. Spiritual Struggles as a Possible Risk Factor for Addictive Behaviors: An Initial Empirical Investigation / C. A. Faigin, K. I. Pargament, H. Abu-Raiya // *The International Journal for the Psychology of Religion*. – 2013. – Vol. 24, Iss. 3. – P. 201–214.

453. Feldstein, E. S. W. Neural activation during response inhibition is associated with adolescents' frequency of risky sex and substance use / E. S. W. Feldstein, J. M. Houck, A. D. Bryan // *Addictive Behaviors*. – 2015. – Vol. 44. – P. 80–87.

454. Ferrero, L. Diachronic Structural Rationality / L. Ferrero // *Inquiry*. – 2014. – Vol. 57, Iss. 3. – P. 311–336.

455. Fincham, B. Understanding suicide: A sociological autopsy / B. Fincham, S. Langer, J. Scourfield, M. Shiner. – Hampshire : Palgrave Macmillan, 2011. – 203 p.

456. Fraser, J. T. Of Time, Passion and Knowledge / J. T. Fraser. – Princeton : Princeton University Press, 1990. – 552 p.

457. Freeman, J. D. Margaret Mead and Samoa : The making and unmaking of an anthropological myth / J. D. Freeman. – Cambridge : Harvard University Press, 1983. – 145 p.

458. Fridman, R. A. What goes around comes around : the impact of personal conflict style on work conflict and stress / R. A. Fridman, S. T. Tidd, S. C. Currall, J. C. Tsai // *The International Journal of Conflict management*. – 2000. – Vol. 11, Iss. 1. – P. 32–55.

459. Friedman, L. S. Becoming a clinician-educator : Lessons learned / L. S. Friedman // *Gastroenterology*. – 2014. – Vol. 146, Iss. 3. – P. 599–601.

460. Gao, H. Finite-time event-triggered extended dissipative control for discrete time switched linear systems / H. Gao, H. Zhang, D. Zheng et al. // *International Journal of General Systems*. – 2019. – Vol. 48, Iss. 5. – P. 476–491.

461. Gerardy, H. Mothers Management of Adolescent Peer Relationships : Associations With Aggressive, Prosocial, and Playful Behavior / H. Gerardy, N. S. Mounts, A. E. Luckner, D. P. Valentiner // *The Journal of Genetic Psychology*. – 2015. – Vol. 176, Iss. 5. – P. 299–314.

462. Gesell, A. L. A half century of science and the American child / A. L. Gesell // *Child Study*. – 1938. – Vol. 16. – P. 35–37.

463. Giddens, A. *Sociology : Introductory Readings* / A. Giddens, P. W. Sutton. – Cambridge : Polity, 2010. – 347 p.

464. Gignoux, V. Explaining the diversity of small states' foreign policies through role theory / V. Gignoux // *Third World Thematics : A TWQ Journal*. – 2016. – Vol. 1, Iss. 1. – P. 27–45.

465. Giovanardi, R. P. The Scenotest of G. Von Staabs in endogenous depression: (dynamic-structural analysis) / R. P. Giovanardi // *G Psichiatr Neuropatol.* – 1966. – Vol. 4, Iss. 4. – P. 1011–1037.

466. Giovanardi, R. P. The Scenotest of G. Von Staabs in initial schizophrenia (dynamic-structural analysis) / R. P. Giovanardi // *G Psichiatr Neuropatol.* – 1966. – Vol. 94, Iss. 4. – P. 1057–1084.

467. Girma, S. Is education the best contraception: The case of teenage pregnancy in England? / S. Girma, D. Paton // *Social Science & Medicine.* – 2015. – Vol. 131. – P. 1–9.

468. Goffman, E. On Face-Work. An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction / E. Goffman // *Psychiatry Interpersonal and Biological Processes.* – 1955. – Vol. 18, Iss. 3. – P. 213–231.

469. Good, W. G. A Theory of Role-strain / W. G. Good // *American Sociological Review.* – 1960. – Vol. 25. – P. 438–496.

470. Graber, J. A. Puberty and girls' sexuality: Why hormones are not the complete answer / J. A. Graber, L. M. Sontag // *New Directions in Child and Adolescent Development.* – 2006. – Vol. 122. – P. 23–38.

471. Graham, J. R. Predicting Social Workers' Subjective Well-Being / J. R. Graham, C. Bradshaw, S. Surood, T. J. B. Kline // *Human Service Organizations: Management, Leadership & Governance.* – 2014. – Vol. 38, Iss. 4. – P. 405–417.

472. Guerrettaz, J. Who Am I? How Asking the Question Changes the Answer / J. Guerrettaz, R. M. Arkin // *Self and Identity.* – 2015. – Vol. 14, Iss. 1. – P. 90–103.

473. Gutsa, I. Sexuality among the elderly in Dzivaresekwa district of Harare: the challenge of information, education and communication campaigns in support of an HIV/AIDS response / I. Gutsa // *African Journal of AIDS Research.* – 2011. – Vol. 10, Iss. 1. – P. 95–100.

474. Hall, G. S. The philosophy of the future / G. S. Hall // *Nation.* – 1878. – Vol. 27. – P. 283–294.

475. Halpern, C. T. Perceived Physical Maturity, Age of Romantic Partner, and Adolescent Risk Behavior / C. T. Halpern, C. E. Kaestle, D. D. Hallfors // *Prev Sci.* – 2007. – Vol. 8, Iss. 1. – P. 1–10.

476. Halpern, C. T. Perceived Physical Maturity, Age of Romantic Partner, and Adolescent Risk Behavior / C. T. Halpern, C. E. Kaestle, D. D. Hallfors // *Maternal and Child Health.* – 2007. – Vol. 8, Iss. 1. – P. 1–10.

477. Halpern, C. T. Sexual Timetables for Oral-Genital, Vaginal, and Anal Intercourse : Sociodemographic Comparisons in a Nationally Representative Sample of Adolescents / C. T. Halpern, A. A. Haydon // *American Journal of Public Health.* – 2012. – Vol. 102, № 6. – P. 1221–1228.

478. Halpern, C. T. Testosterone and pubertal development as predictors of sexual activity : A panel analysis of adolescent males / C. T. Halpern, J. R. Udry, B. Campbell, C. Suchindran // *Psychosomatic Medicine.* – 1993. – Vol. 55. – P. 436–447.

479. Hamid, S. Marriage decision making, spousal communication, and reproductive health among married youth in Pakistan [Electronic resource] / S. Hamid, R. Stephenson, B. Rubenson // *Global Health Action.* – 2011. – Vol. 4, Iss. 1. – URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.3402/gha.v4i0.5079> (дата обращения: 25.01.2017).

480. Han, J. The relationships among perceived discrimination, self-perceptions of aging, and depressive symptoms: a longitudinal examination of age discrimination / J. Han, V. E. Richardson // *Aging & Mental Health.* – 2015. – Vol. 19, Iss. 8. – P. 747–755.

481. Hardy, A. Fighting in adolescent females: gender role conflict or gender role transition? / A. Hardy, D. Howitt // *Psychology Postgraduate Affairs Group Annual Conference.* – Derby, 1998. – P. 151.

482. Harrison, K. Virtually Perfect: Image Retouching and Adolescent Body Image / K. Harrison, V. Hefner // *Media Psychology.* – 2014. – Vol. 17, Iss. 2. – P. 134–153.

483. Hart, Z. P. Socialization, resocialization, and communication relationships in the context of an organizational change / Z. P. Hart, V. D. Miller, J. R. Johnson // *Communication Studies*. – 2003. – Vol. 54, Iss. 4. – P. 483–495.

484. Hatmaker, D. M. Bringing Networks In: A model of organizational socialization in the public sector / D. M. Hatmaker // *Public Management Review*. – 2015. – Vol. 17, Iss. 8. – P. 1146–1164.

485. Heidegger, M. Being and Time / M. Heidegger. – Kharkov : Folio, 2003. – 503 p.

486. Herrygers, K. S. Work socialization through part-time work: cultivating self-efficacy and engagement through care / K. S. Herrygers, S. M. B. Wieland // *Journal of Applied Communication Research*. – 2017. – Vol. 45, Iss. 5. – P. 557–575.

487. Hochgraf, A. K. Parent responsiveness and gender moderate bidirectional links between self-esteem and weight concerns during adolescence / A. K. Hochgraf, S. M. McHale, G. M. Fosco // *Journal of Family Psychology*. – 2018. – Vol. 32, Iss. 6. – P. 828–834.

488. Hoffner, C. A. Socialization to Work in Late Adolescence : The Role of Television and Family / C. A. Hoffner, K. J. Levine, R. A. Toohey // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. – 2008. – Vol. 52, Iss. 2. – P. 282–302.

489. Holden, D. «Get Therapy and Work on It»: Managing Dissent in an Intentional Community / D. Holden, D. Schrock // *Symbolic Interaction*. – 2007. – Vol. 30, Iss. 2. – P. 175–198.

490. Hunt, S. M. Social inequalities and perceived health / S. M. Hunt, J. McEwen, S. P. McKenna // *Eff Health Care*. – 1985. – № 2(4). – P. 151–160.

491. Hurt, T. R. Black Men and the Decision to Marry / T. R. Hurt // *Marriage & Family Review*. – 2014. – Vol. 50, Iss. 6. – P. 447–479.

492. Huurre, T. Socioeconomic status as a cause and consequence of psychosomatic symptoms from adolescence to adulthood / T. Huurre, O. Rahkonen, E. Komulainen, H. Aro // *Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol*. – 2005. – Vol. 40, Iss. 7. – P. 580–587.

493. Inderbitzen, H. M. The role of social anxiety in adolescent peer relations : Differences among sociometric status groups and rejected subgroups / H. M. Inderbitzen, K. S. Walters, A. L. Bukowski // *Journal of Clinical Child Psychology*. – 1997. – Vol. 26, Iss. 4. – P. 338–348.

494. Isbell, L. M. Who am I?: The influence of affect on the working self-concept / L. M. Isbell, J. McCabe, K. C. Burns, E. C. Lair // *Cognition and Emotion*. – 2013. – Vol. 27, Iss. 6. – P. 1073–1170.

495. Jackson, J. Contemporary criticisms of role theory / J. Jackson // *Journal of Occupational Science*. – 1998. – Vol. 5, Iss. 2. – P. 49–55.

496. Jaskyte, K. The Impact of Organizational Socialization Tactics on Role Ambiguity and Role Conflict of Newly Hired Social Workers / K. Jaskyte // *Administration in Social Work*. – 2005. – Vol. 29, Iss. 4. – P. 69–87.

497. Joel, D. Queering gender: studying gender identity in ‘normative’ individuals / D. Joel, R. Tarrasch, Z. Berman [et al.] // *Psychology & Sexuality*. – 2014. – Vol. 5, Iss. 4. – P. 291–321.

498. Johnson, K. A. Adolescent sexual onset: An intergenerational analysis / K. A. Johnson, K. A. Tyler // *Journal of Youth and Adolescence*. – 2007. – Vol. 36, Iss. 7. – P. 939–949.

499. Johnson, S. K. Adolescents’ Character Role Models : Exploring Who Young People Look Up to as Examples of How to Be a Good Person / S. K. Johnson, M. H. Buckingham, S. L. Morris [et al.] // *Research in Human Development*. – 2016. – Vol. 13, Iss. 2. – P. 126–141.

500. Jordan, C. H. Responsive Low Self-Esteem: Low Explicit Self-Esteem, Implicit Self-Esteem, and Reactions to Performance Outcomes / C. H. Jordan, C. Logel, S. J. Spencer [et al.] // *Journal of Social and Clinical Psychology*. – 2013. – Vol. 32, Iss. 7. – P. 703–732.

501. Kaestle, C. E. Implications of no recent sexual activity, casual sex, or exclusive sex for college women's sexual well-being depend on sexual attitudes / C. E. Kaestle, L. M. Evans // *Journal of American College Health*. – 2018. – Vol. 66, Iss. 1. – P. 32–40.

502. Kallf, D. M. Introduction to Sandplay therapy / D. M. Kallf // *Journey of sandplay Therapy*. – 1991. – Vol. 1, Iss. 1. – P. 7–15.

503. Kelley, H. H. *Interpersonal Relations : A Theory of Interdependence* / H. H. Kelley, J. W. Thibaut. – N. Y. : John Wiley & Sons, 1978. – 341 p.

504. Keung, M. H. The Relation of Gender-Role Classifications to the Prosocial and Antisocial Behavior of Chinese Adolescents / M. H. Keung // *The Journal of Genetic Psychology*. – 2005. – Vol. 166, Iss. 2. – P. 189–202.

505. King, R. J. R. Roles of children and parents in restructured families / R. J. R. King // *Australian Journal of Sex, Marriage and Family*. – 1980. – Vol. 1, Iss. 3. – P. 11–124.

506. Kipper, D. A. Acting-In: Practical Applications of Psychodramatic Methods / D. A. Kipper // *International Journal of Group Psychotherapy*. – 1998. – Vol. 48, Iss. 1. – P. 129–131.

507. Kipper, D. A. *Psychodrama : Group Psychotherapy Through Role Playing* / D. A. Kipper // *International Journal of Group Psychotherapy*. – 1992. – Vol. 42, Iss. 4. – P. 495–521.

508. Klettke, B. At what age can females consent to sexual activity? A survey of jury-eligible Australians / B. Klettke, D. Mellor // *Psychiatry, Psychology and Law*. – 2012. – Vol. 19, Iss. 2. – P. 198–208.

509. Kohlberg, L. *Essays on Moral Development, Vol. I: The Philosophy of Moral Development* / L. Kohlberg. – San Francisco, CA : Harper & Row, 1981. – 441 p.

510. Kornreich, J. L. Sibling influence, gender roles, and the sexual socialization of urban early adolescent girls / J. L. Kornreich, K. D. Hearn, G. Rodriguez, L. F. O'Sullivan // *The Journal of Sex Research*. – 2003. – Vol. 40, Iss. 1. – P. 101–110.

511. Kovacs, D. M. *Diachronic Self-Making* / D. M. Kovacs // *Australasian Journal of Philosophy*. – 2019. – Vol. 82, Iss. 1. – URL : https://www.researchgate.net/publication/333348930_Diachronic_Self-Making (дата обращения 21.01.2018).

512. Kramer, M. W. Communication and role development for zoo volunteers: responding to role-sending, role-making, and role-remaking / M. W. Kramer, M. A. Danielson // *Journal of Applied Communication Research*. – 2017. – Vol. 45, Iss. 1. – P. 96–115.

513. Kroenke, K. The PHQ-15. Validity of a new measure for evaluating the severity of somatic symptoms / K. Kroenke, R. L. Spitzer, J. B. W. Williams // *Psychosom Med*. – 2002. – Vol 64, Iss. 2. – P. 258–266.

514. Kuhn, M. H. The Reference Group Reconsidered / M. H. Kuhn // *The Sociological Quarterly*. – 1964. – № 5(1). – P. 5–21

515. Kulis, S. MSW Gender Roles, Externalizing Behaviors, and Substance Use Among Mexican-American Adolescents / S. Kulis, F. F. Marsiglia, J. L. Nagoshi // *Journal of Social Work Practice in the Addictions*. – 2010. – Vol. 10, Iss. 3. – P. 283–307.

516. La Greca, A. M. Adolescent Peer Relations, Friendships, and Romantic Relationships: Do They Predict Social Anxiety and Depression? / A. M. La Greca, H. M. Harrison // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. – 2005. – Vol. 34, Iss. 1. – P. 49–61.

517. Lee, K. J. Serious leisure qualities and subjective well-being / K. J. Lee, S. Hwang // *The Journal of Positive Psychology*. – 2018. – Vol. 13, Iss. 1. – P. 48–56.

518. Lehtsaar, T. Using Psychotherapeutic Methods in Social Skills training / T. Lehtsaar // *Soviet Psychology*. – 1987. – Vol. 25, Iss. 3. – P. 83–91.

519. Leiblum, S. R. The sexual functioning of elderly hypertensive women / S. R. Leiblum, R. M. Baume, S. H. Croog // *Journal of Sex & Marital Therapy*. – 1994. – Vol. 20, Iss. 4. – P. 259–270.

520. Lennings, B. The mediating role of coping self-efficacy beliefs on the relationship between parental conflict and child psychological adjustment / B. Lennings, I. Heidi // *Social Development*. – 2017. – Vol. 26, Iss. 4. – P. 753–766.

521. Leutz, G. A. Psychodrama. Gruppenpsychotherapie und Gruppendynamik. Bd 15 / G. A. Leutz, K. Oberborbeck. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1980. – P. 176–187.

522. Leutz, G. A. Was ist Psychodrama? / G. A. Leutz // Praxis der Psychotherapie und Psychosomatik. – 1982. – № 27. – P. 73–81.

523. Lindesmith, A. R. Comparative Psychology and Social Psychology / A. R. Lindesmith, A. Strauss // American Journal of Sociology. – 1952. – № LVIII. – P. 272–279.

524. Linton, R. The Study of Man / R. Linton. – N. Y. : Appleton Century Crofts, Inc., 1936. – 523 p.

525. Lüscher, M. The Lüscher Color Test / M. Lüscher. – N. Y. : Pocket Books, 1971. – 187 p.

526. Macfie, J. Intergenerational transmission of role reversal between parent and child: Dyadic and family systems internal working models / J. Macfie, N. L. Mcelwain, R. M. Houts, M. J. Cox // Attachment & Human Development. – 2005. – Vol. 7, Iss. 1. – P. 51–65.

527. Madlock, P. E. Socialization as a Predictor of Employee Outcomes / P. E. Madlock, R. M. Chory // Communication Studies. – 2014. – Vol. 65, Iss. 1. – P. 56–71.

528. Magidor, O. Why neither diachronic universalism nor the Argument from Vagueness establishes perdurantism / O. Magidor // Canadian Journal of Philosophy. – 2015. – Vol. 45, Iss. 1. – P. 113–126.

529. Malakouti, S. K. Sexual Functioning Among the Elderly Population in Tehran, Iran / S. K. Malakouti, M. Salehi, M. Nojomi [et al.] // Journal of Sex & Marital Therapy. – 2012. – Vol. 38, Iss. 4. – P. 365–377.

530. Malin, H. Adolescent Purpose Development: Exploring Empathy, Discovering Roles, Shifting Priorities, and Creating Pathways / H. Malin, T. S. Reilly, B. Quinn, S. Moran // Journal of Research on Adolescence : Stanford University. – 2014. – Vol. 24, Iss. 1. – P. 186–199.

531. Maloney, W. H. Notes on School-Based Crime Fighting: International Lessons in Moral Education / W. H. Maloney, R. J. Kelly // Journal of Social Distress and the Homeless. – 2000. – Vol. 9, Iss. 2. – P. 71–90.

532. Marshall, W. A. Variations in the pattern of pubertal changes in boys / W. A. Marshall, J. M. Tanner // *Archives of Disease in Childhood*. – 1970. – Vol. 45. – P. 13–23.

533. Martín-Albo, J. Relationships between intrinsic motivation, physical self-concept and satisfaction with life : A longitudinal study / J. Martín-Albo, J. L. Núñez, E. Domínguez [et al.] // *Journal of Sports Sciences*. – 2012. – Vol. 30, Iss. 4. – P. 337–347.

534. Martinez, G. Teenagers in the United States: Sexual activity, contraceptive use, and childbearing ; 2006–2010 National Survey of Family Growth / G. Martinez, C. E. Copen, J. C. Abma // *Vital Health Statistics*. – 2011. – Vol. 23, Iss. 3. – P. 1–10.

535. Maswikwa, B. Minimum marriage age laws and the prevalence of child marriage and adolescent birth: Evidence from sub-saharan Africa / B. Maswikwa, L. Richter, J. Kaufman, A. Nand // *International Perspectives on Sexual and Reproductive Health*. – 2015. – Vol. 41, Iss. 2. – P. 58–68.

536. Mathers, L. A. B. Bathrooms, Boundaries, and Emotional Burdens : Cisgendering Interactions Through the Interpretation of Transgender Experience / L. A. B. Mathers // *Symbolic Interaction*. – 2017. – Vol. 40, Iss. 3. – P. 295–316.

537. McClelland, D. C. The achievement motive / D. C. McClelland, J. W. Atkinson, R. A. Clark, E. L. Lowell. – N. Y. : Appelton-Centrury-Crofts, 1953. – 384 p.

538. McConnell D. DBS, Personal Identity, and Diachronic Value / D. McConnell // *AJOB Neuroscience*. – 2013. – Vol. 4, Iss. 2. – P. 47–49.

539. McDougall, W. An introduction to social psychology / W. McDougall. – Boston : J. W. Luce & Co, 1921. – 418 p.

540. McGee, Z. T. Delinquent Behavior, Violent Victimization, and Coping Strategies Among Latino Adolescents / Z. T. McGee, A. Barber, E. Joseph [et al.] // *Journal of Offender Rehabilitation*. – 2005. – Vol. 42, Iss. 3. – P. 41–56.

541. McPhail, C. The Classification and Ordering of Responses to the Question “Who am I?” / C. McPhail, C. W. Tucker // *The Sociological Quarterly*. – 1972. – Vol. 13, Iss. 3. – P. 329–347.

542. Mead, G. H. The Social Self / G. H. Mead // *Psychiatry. Interpersonal and Biological Processes*. – 1978. – Vol. 41, Iss. 2. – P. 178–182.

543. Mental health suicide prevention (SUPRE) [Electronic resource] // World Health Organization (WHO). – URL : https://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/en/ (дата обращения: 21.01.2018).

544. Merton, R. *Social Theory and Social Structure* / R. Merton. – N. Y. : Free Press, 1949. – 423 p.

545. Merton, R. K. Intermarriage and the Social Structure / R. K. Merton // *Psychiatry*. – 2016. – №4(3). – P. 361–374.

546. Miller, P. R. Transgender politics as body politics : effects of disgust sensitivity and authoritarianism on transgender rights attitudes / P. R. Miller, A. R. Flores, D. P. Haider-Markel [et al.] // *Politics, Groups, and Identities*. – 2007. – Vol. 5, Iss. 1. – P. 4–24.

547. Minnick, W. Understanding the Antecedents of Role Stressors in the Safety Professional / W. Minnick // *Journal of Workplace Behavioral Health*. – 2013. Vol. 28, Iss. 2. – P. 134–157.

548. Monk, D. Three dimensions of the male gender role as correlates of alcohol and cannabis involvement in young Australian men / D. Monk, L. A. Ricciardelli // *Psychology of Men and Masculinity*. – 2003. – Vol. 4, Iss. 1. – P. 57–69.

549. Montgomery, J. D. The Logic of Role Theory: Role Conflict and Stability of the Self-Concept / J. D. Montgomery // *The Journal of Mathematical Sociology*. – 2004. – Vol. 29, Iss. 1. – P. 33–71.

550. Moon, S. S. Social Activity, School-related Activity, and Anti-substance Use : Media Messages on Adolescent Tobacco and Alcohol Use / S. S. Moon, U. Rao // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. – 2011. – Vol. 21, Iss. 5. – P. 475–489.

551. Moore, R. S. How Early Should They Go to School? / R. S. Moore, D. R. Moore // *Childhood Education*. – 1973. – Vol. 50, Iss. 1. – P. 14–20.

552. Moradi, B. Demonstrating Social Constructionism in Psychology Courses : The “Who Am I?” Exercise / B. Moradi, J. D. Yoder // Teaching of Psychology. – 2001. – Vol. 28, Iss. 3. – P. 201–203.

553. Morgan, C. J. Graduates’ development of interprofessional practice capability during their early socialisation into professional roles / C. J. Morgan // Journal of Interprofessional Care. – 2017. – Vol. 31, Iss. 4. – P. 438–445.

554. Morgan, J. K. Posttraumatic Stress, Posttraumatic Growth, and Satisfaction With Life in Military Veterans / J. K. Morgan, S. L. Desmarais, R. E. Mitchell, J. M. Simons-Rudolph // Military Psychology. – 2017. – Vol. 29, Iss. 5. – P. 434–447.

555. Murray, S. L. Through the looking glass darkly? When self-doubts turn into relationship insecurities / S. L. Murray, J. G. Holmes, G. MacDonald, P. C. Ellsworth // Journal of Personality and Social Psychology. – 1998. – № 75. – P. 1459–1480.

556. Muzzetto, L. Time and Meaning in Alfred Schutz / L. Muzzetto // Time & Society. – 2006. – Vol. 15. – P. 5–31.

557. Myers, D. G. Who Is Happy? / D. G. Myers, E. Diener // Source : Psychological Science. – 1995. – Vol. 6, Iss. 1. – P. 10–19.

558. Naidoo, R. Who Am I Online? Examining Voluntary Use as Symbolic-Collective Action / R. Naidoo // The Information Society. – 2014. – Vol. 30, Iss. 5. – P. 335–348.

559. Nakajima, T. Synchronic and diachronic hierarchies of living systems / T. Nakajima // International Journal of General Systems. – 2004. – Vol. 33, Iss. 5. – P. 505–526.

560. Neale, M. Model of Self-Held Work Roles and Role Transitions / M. Neale, M. A. A. Griffin // Human Performance. – 2006. – Vol. 19, Iss. 1. – P. 23–41.

561. Neuberger, O. Führen und führen lassen: Ansätze, Ergebnisse und Kritik der Führungsforschung / O. Neuberger. – Verlag : UTB, Stuttgart, 2002. – 899 p.

562. Newcomb T. M. An Approach to the Study of Communicative Acts / T. M. Newcomb // Psychological Review. – 1953. – Vol. 60, Iss. 6. – P. 393–404.

563. Newland, L. A. Subjective Well-Being for Children in a Rural Community / L. A. Newland, J. T. Giger, M. J. Lawler [et al.] // *Journal of Social Service Research*. – 2014. – Vol. 40, Iss. 5. – P. 642–661.

564. Nock, M. K. Actions speak louder than words : An elaborated theoretical model of the social functions of self-injury and other harmful behaviors / M. K. Nock // *Applied and Preventive Psychology*. – 2008. – Vol. 12, Iss. 4. – P. 159–168.

565. O'Neil, J. M. Fifteen years of theory and research on men's gender role conflict: New paradigms for empirical research / J. M. O'Neil, G. E. Good, S. Holmes // *A new psychology of men* / R. F. Levant, W. S. Pollack (Eds.). – N. Y. : Basic Books, 1995. – P. 164–206.

566. Öner, B. Self-Monitoring and Future Time Orientation in Romantic Relationships / B. Öner // *The Journal of Psychology*. – 2002. – Vol. 136, Iss. 4. – P. 420–424.

567. Orpen, C. Type A Personality as a Moderator of the Effects of Role Conflict, Role Ambiguity and Role Overload on Individual Strain / C. Orpen // *Journal of Human Stress*. – 1982. – Vol. 8, Iss. 2. – P. 8–14.

568. Orth, U. Low self-esteem prospectively predicts depression in adolescence and young adulthood / U. Orth, R. W. Robins, B. W. Roberts // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2008. – Vol. 95, Iss. 3. – P. 695–708.

569. Ostadhadi-Dehkordi, S. Dynamical systems and congruence relations, International / S. Ostadhadi-Dehkordi, M. Karimi Amaleh // *Journal of General Systems*. – 2019. – Vol. 48, Iss. 1. – P. 66–79.

570. Pardeck, J. T. Using bibliotherapy to help children adjust to changing role models / J. T. Pardeck, J. A. Pardeck // *Early Child Development and Care*. – 1986. Vol. 25, Iss. 4. – P. 279–289.

571. Pecjak, V. Affective Symbolism of Spatial forms in Two Cultures / V. Pecjak // *International Journal of Psychology*. – 1972. – Vol. 7, Iss. 4. – P. 257–266.

572. Peek, R. C. Psychological developments in the second half of life / R. C. Peek // *Middle Age and A Reader in Social Psychology*. – Chicago : University of Chicago Press, 1968. – P. 88–92.

573. Pei-Lee, T. Multidimensional and mediating relationships between TQM, role conflict and role ambiguity : A role theory perspective / T. Pei-Lee, Y. Chen-Chen, L. Binshan // *Total Quality Management & Business Excellence*. – 2014. – Vol. 25. – P. 11–12.

574. Pino-Domínguez, L. Self-perceived health status, gender, and work status / L. Pino-Domínguez, P. Navarro-Gil, A. E. González-Vélez [et al.] // *Journal of Women & Aging*. – 2016. – Vol. 28, Iss. 5. – P. 386–394.

575. Pringle, J. A systematic review of adolescent physiological development and its relationship with health-related behavior : Systematic Reviews [Electronic resource] / J. Pringle, K. L. Mills, J. McAteer [et al.] // *Cogent Social Sciences*. – 2017. – Vol. 3, Iss. 1. – URL : <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23311886.2017.1368858> (дата обращения : 21.01.2018).

576. Pruss, A. R. A Deflationary Theory Of Diachronic Identity / A. R. Pruss // *Australasian Journal of Philosophy*. – 2012. – Vol. 90, Iss. 1. – P. 19–37.

577. Rahim, S. A. Determinants of diachronic information seeking among communication intermediaries / S. A. Rahim // *Asian Journal of Communication*. – 1990. – Vol. 1, Iss. 1. – P. 98–112.

578. Richards, K. Toward a Multidimensional Perspective on Teacher-CoachRoleConflict / K. Richards, R. Andrew, T. J. Templin // *Quest*. – 2012. – № 64(3). – P. 164–176.

579. Ritzer, G. *Classical Sociological Theory* / G. Ritzer, J. Stepnisky. – California : SAGE Publishing, 2017. – 592 p.

580. Ruddy, R. A. Drama therapy for schizophrenia or schizophrenia-like illnesses [Electronic resource] / R. A. Ruddy, K. Dent-Brown // *Cochrane Database Syst. Rev.* – 2007. – № 24(1). – URL : <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/17253555> (дата обращения 21.01.2018).

581. Ruff, C. F. The intelligence of rapists / C. F. Ruff, D. I. Templar, J. L. Ayers // *Arx. Sex. Behav.* – 1976. – Vol. 5, № 2. – P. 327–329.

582. Sanchez, D. Examining marianismo gender role attitudes, ethnic identity, mental health, and substance use in Mexican American early adolescent girls [Electronic resource] / D. Sanchez, E. A. Vandewater, E. R. Hamilton // *Journal of Ethnicity in Substance Abuse.* – 2017. – URL : <https://doi.org/10.1080/15332640.2017.1356785> (дата обращения: 21.01.2018).

583. Sanderson, N. Frustration and disappointment / N. Sanderson // *Journal of Child Psychotherapy.* – 2014. – Vol. 40, Iss. 1. – P. 36–57.

584. Sarbin, T. R. If These Walls Could Talk: Places as Stages for Human Drama / T. R. Sarbin // *Journal of Constructivist Psychology.* – 2005. – № 18(3). – P. 203–214.

585. Sarbin, T. R. Role theory / T. R. Sarbin, V. L. Allen // *Handbook of Social Psychology.* – Vol. 1. – Reading : Addison-Wesley, 1968. – P. 488-567.

586. Scase, M. M., Turnbull B. Role Models in Gender-Skewed Disciplines / M. M. Scase // *Engineering Education.* – 2013. – № 8(1). – P. 98–110.

587. Scheff, T. J. Looking-Glass Self: Goffman as Symbolic Interactionist / T. J. Scheff // *Symbolic Interaction.* – 2005. – Vol. 28, Iss. 2. – P. 147–166.

588. Schick, V.R. The Behavioral Definitions of “Having Sex With a Man” and “Having Sex With a Woman” Identified by Women Who Have Engaged in Sexual Activity With Both Men and Women / V.R. Schick, J. G. Rosenberger, D. Herbenick [et al.] // *The Journal of Sex Research.* – 2016. Vol. 53, № 4–5. – P. 578–587.

589. Schur, E. M. Labeling Women Deviant: Gender, Stigma, and Social Control / E. M. Schur. – N. Y. : McGraw-Hill, 1984. – 286 p.

590. Shaffer, J. A. A Moderated Mediation Model of Personality, Self-Monitoring, and OCB / J. A. Shaffer, A. Li, J. Bagger // *Human Performance.* – 2015. – Vol. 28, Iss. 2. – P. 93–111.

591. Shalin, D. N. Interfacing Biography, Theory and History: The Case of Erving Goffman / D. N. Shalin // *Symbolic Interaction.* – 2013. – Vol. 37, Iss. 1. – P. 2–40.

592. Sharpley, C. F. Effects of age of retirement, reason for retirement, and pre-retirement training on psychological and physical health during retirement /

C. F. Sharpley, R. Layton // *Australian Psychologist*. – 1998. – Vol. 33, Iss. 2. – P. 119–124.

593. Sinikka, E. Parents Constructions of Teen Sexuality: Sex Panics, Contradictory Discourses, and Social Inequality / E. Sinikka // *Symbolic Interaction*. – 2010. – Vol. 33, Iss. 2. – P. 191–212.

594. Skinner, B. F. *Verbal Behavior* / B. F. Skinner. – Cambridge, Massachusetts : Prentice-Hall, Inc., 2015. – 254 p.

595. Skinner, S. R. Childhood behavior problems and age at first sexual intercourse: A prospective birth cohort study / S. R. Skinner, M. Robinson, M. A. Smith [et al.] // *Pediatrics*. – 2015. – Vol. 135, Iss. 2. – P. 255–263.

596. Smith, E. A. Pubertal development and friends: A biosocial explanation of adolescent sexual behavior / E. A. Smith, J. R. Udry, N. M. Morris // *Journal of Health & Social Behavior*. – 1985. – Vol. 26, Iss. 3. – P. 183–192.

597. Smith, M. B. Attitude Change / M. B. Smith // *International Encyclopedia of the Social Sciences* / ed. W. A. Darity. – Detroit, Mich. : Thomson Gale, 2008. – 4000 p.

598. Snyder, M. The self-monitoring of expressive behavior / M. Snyder // *Journal of Applied Social Psychology*. – 1974. – Vol. 48. – P. 526–537.

599. Spurlock, J. Multiple roles of women and role strains / J. Spurlock // *Health Care for Women International*. – 1995. – Vol. 16, Iss. 6. – P. 501–508.

600. Spurr, S. Exploring adolescent views of body image: the influence of media / S. Spurr, L. Berry, K. Walker // *Comprehensive Pediatric Nursing*. – 2013. – Vol. 36, Iss. 1–2. – P. 17–36.

601. Suicide [Electronic resource] // World Health Organization (WHO). – URL : <http://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (дата обращения : 09.09.2018).

602. Sung, H. J. Understanding the Antecedents of Adverse Peer Relationships among Early Adolescents in the United States : An Ecological Systems Analysis / H. J. Sung, D. L. Espelage, P. R. Sterzing // *Youth & Society*. – 2017. – Vol. 49, Iss. 8. – P. 999–1022.

603. Super, D. E. Career development : Self concept theory / D. E. Super. – N. Y. : College Entrance Examination Board, 1963. – 95 p.

604. Tanti, C. Tripartite Self-concept Change: Shifts in the Individual, Relational, and Collective Self in Adolescence / C. Tanti, A. A. Stukas, M. J. Halloran, M. Foddy // Self and Identity. – 2008. – Vol. 7, Iss. 4. – P. 360–379.

605. Tatar, M. Help-seeking behaviours of adolescents in relation to terrorist attacks: the perceptions of Israeli parents / M. Tatar, S. Amram, T. Kelman // British Journal of Guidance & Counselling. – 2011. – Vol. 39, Iss. 2. – P. 131–147.

606. Taubner, S. Why do psychotherapists participate in psychotherapy research and why not? Results of the Attitudes to Psychotherapy Research Questionnaire with a sample of experienced German psychotherapists / S. Taubner, J. Klasen, T. Munder // Psychotherapy Research. – 2016. – Vol. 26, Iss. 3. – P. 318–331.

607. Terrion, J. L. The Relationship Between Friendship Quality and Antisocial Behavior of Adolescents in Residential Substance Abuse Treatment / J. L. Terrion, M. Rocchi, S. O'Rielly // Journal of Groups in Addiction & Recovery. – 2015. – Vol. 10, Iss. 2. – P. 141–162.

608. The sexual and reproductive health of younger adolescents. Research issues in developing countries [Electronic resource] // World Health Organization (WHO). – URL : http://www.who.int/reproductivehealth/publications/adolescence/rhr_11_15/en/ (дата обращения : 12.06.2018).

609. Thevenin, M. K. Mentors, Role Models, and Observed Differences in Students' Construction Education Self-Efficacy and Motivation / M. K. Thevenin, J. W. Elliott, B. F. Bigelow // International Journal of Construction Education and Research. – 2016. – Vol. 12, Iss. 3. – P. 162–178.

610. Tillich, P. Existential Philosophy / P. Tillich // Journal of the History of Ideas. – 1944. – Vol. 5, Iss. 1. – P. 44–70.

611. Toby, J. S. Variables in Role Conflict Analyses / J. S. Toby // Social Forces. – 1952. – № 30. – P. 323–327.

612. Topa, G. Preparing for retirement : how self-efficacy and resource threats contribute to retirees' satisfaction, depression, and losses / G. Topa, E. Valero //

European Journal of Work and Organizational Psychology. – 2017. – Vol. 26, Iss. 6. – P. 811–827.

613. Turner, J. H. Human Institutions : A Theory of Societal Evolution / J. H. Turner. – Lanham, MD : Rowmen & Littlefield Publishers Inc., 2003. – 306 p.

614. Turner, R. J. The Parent-Adult-Child Projective Drawing Task : A Therapeutic Tool in TA / R. J. Turner // Transactional Analysis Journal. – 1988. – Vol. 18, Iss. 1. – P. 60–67.

615. Turner, V. The Ritual Process : Structure and Anti-Structure / V. Turner. – Chicago : Aldine, 1969. – 222 p.

616. Udry, J. R. Serum androgenic hormones motivate sexual behavior in adolescent boys / J. R. Udry, J. O. Billy, N. M. Morris [et al.] // Fertility and Sterility. – 1985. – Vol. 43. – P. 90–94.

617. Van Mens-Verhulst, J. Faculty women as models for women students: how context matters / J. Van Mens-Verhulst, L. Woertman, L. Radtke // Studies in Higher Education. – 2015. – Vol. 40, Iss. 7. – P. 1164-1178.

618. Von Staabs, G. The Scenotest: A Practical Technique for Understanding Unconscious Problems and Personality Structure / G. Von Staabs. – N. Y. : Hogrefe & Huber, 1991. – 104 p.

619. Vonno, C. M. C. Role-Switching in the Dutch Parliament : Reinvigorating Role Theory? / C. M. C. Vonno // The Journal of Legislative Studies. – 2012. – Vol 18, Iss. 2. – P. 119–136.

620. Vonno, C. M. C. Role-Switching in the Dutch Parliament : Reinvigorating Role Theory? / C. M. C. Vonno // The Journal of Legislative Studies. – 2012. – Vol. 18, Iss. 2. – P. 119–136.

621. Walker, S. P. Pain severity, coping and satisfaction with life in patients with chronic pain / S. P. Walker, K. G. F. Esterhuyse // Southern African Journal of Anaesthesia and Analgesia. – 2013. – Vol. 19, Iss. 5. – P. 252–256.

622. Wang, D. The role of interactions with teachers and conflict with friends in shaping school adjustment / D. Wang, A. C. Fletcher // Social Development. – 2017. – Vol. 26, Iss. 3. – P. 545–559.

623. Wang, Y. Indicators of Social Change in the UAE : College Students' Attitudes Toward Love, Marriage and Family / Y. Wang, M. Kassam // *Journal of Arabian Studies*. – 2016. – Vol. 6, Iss. 1. – P. 74–94.

624. Waskul, D. D. Sex(ualities) and Symbolic Interaction / D. D. Waskul, R. F. Plante // *Symbolic Interaction*. – 2010. – Vol. 33, Iss. 2. – P. 148–162.

625. Wei, J. New finite-time stability conditions of linear switched singular systems with finite-time unstable subsystems, *International* / J. Wei, X. Zhang, H. Zhi et al. // *Journal of General Systems*. – 2019. – Vol. 48, Iss. 5. – P. 476–471.

626. Wells, K. Marching to be somebody : a governmentality analysis of online cadet recruitment / K. Wells // *Children's Geographies*. – 2014. – № 3(12). – P. 339–353.

627. Winter, S. Thai Transgenders in Focus : Their Beliefs About Attitudes Towards and Origins of Transgender / S. Winter // *International Journal of Transgenderism*. – 2006. – Vol. 9, Iss. 2. – P. 47–62.

628. Wood, J. V. Snatching defeat from the jaws of victory : Self-esteem differences in the experience and anticipation of success / J. V. Wood, S. A. Heimpel, I. R. Newby-Clark, M. Ross // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2005. – № 89. – P. 764–780.

629. Wright, K. B. Communication Competence, Social Support, and Depression Among College Students : A Model of Facebook and Face-to-Face Support Network Influence / K. B. Wright, J. Rosenberg, N. Egbert [et al.] // *Journal of Health Communication*. – 2013. – Vol. 18, Iss. 1. – P. 41–57.

630. Yang, X. Gender role conflict, professional role confidence, and intentional persistence in engineering students in China / X. Yang, X. Wang, L. Zhang, J. C. Weidman // *Studies in Higher Education*. – 2017. – Vol. 42, Iss. 2. – P. 248–263.

631. Yarrow, E. Can a restrictive law serve a protective purpose? The impact of age-restrictive laws on young people's access to sexual and reproductive health services / E. Yarrow, K. Anderson, K. Apland, K. Watson // *Sexuality & Culture*. – 2014. – Vol. 22. – P. 257–278.

632. Zeintliger, K. E. Analyse, Präzisieren und Reformulierung der Aussagen zur psychodramatischen Therapie nach J. C. Moreno / K. E. Zeintliger // Dissertation, Universität Salzburg. 1981. – 125 p.

633. Zimmer-Gembeck, M. Ten years of longitudinal research on U.S. adolescent sexual behavior : Developmental correlates of sexual intercourse, and the importance of age, gender and ethnic background / M. Zimmer-Gembeck, M. Helfand // Developmental Review. – 2008. – Vol. 28, Iss. 2. – P. 153–224.

634. Znaniecki, F. Social relations and social roles : the unfinished systematic sociology / F. Znaniecki. – San Francisco : by Chandler Pub, 1965. – 372 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Интерпретация ролевых моделей методики «Калейдоскоп»

Ролевая модель	Характеристики			
	выражены	умеренно выражены	слабо выражены	отрицаются
Мать	<p>Установка: созидательная – предполагает деятельность, направленную на благо общества.</p> <p>Потребность: заботиться.</p> <p>Временная характеристика индивидуального развития: взрослость.</p> <p>Характеристики: чуткость, отзывчивость, сочувствие (эмпатия), эмоциональный альтруизм, открытость, готовность к сотрудничеству, вплоть до самопожертвования</p>	<p>чуткость, отзывчивость, сочувствие (эмпатия), эмоциональный альтруизм, открытость, готовность к сотрудничеству</p>	<p>чуткость, отзывчивость, сочувствие (эмпатия), эмоциональный альтруизм, открытость, готовность к сотрудничеству</p>	<p>гиперопека, преувеличенная, чрезмерная заботливость</p>
Отец	<p>Установка: созидательная – предполагает деятельность, направленную на благо общества.</p> <p>Потребность: управлять.</p> <p>Временная характеристика индивидуального развития: взрослость.</p> <p>Характеристики: стабильность, рациональность, ответственность, покровительство, стрессоустойчивость, организованность и дисциплинированность, развитые волевые качества</p>	<p>стабильность, рациональность, ответственность, покровительство, стрессоустойчивость, организованность и дисциплинированность</p>	<p>стабильность, рациональность, ответственность, покровительство, стрессоустойчивость, организованность и дисциплинированность</p>	<p>самоуверенность и критичность, гиперконтроль, строгость, жесткость</p>

Ролевая модель	Характеристики			
	выражены	умеренно выражены	слабо выражены	отрицаются
Старуха	<p>Установка: созидательная – предполагает деятельность, направленную на благо общества.</p> <p>Потребность: физиологический комфорт.</p> <p>Временная характеристика индивидуального развития: старость.</p> <p>Характеристики: обращенность к внутреннему миру, отреченность от мирской суеты и посвящение себя духовному; милосердие, миролюбивые тенденции, непритязательность, консервативность (приверженность к традициям), склонность к морализации и нравоучениям, потребность в уважении и почитании со стороны окружающих</p>	<p>обращенность к внутреннему миру, отреченность от мирской суеты и посвящение себя духовному; милосердие, миролюбивые тенденции, непритязательность, консервативность (приверженность к традициям)</p>	<p>обращенность к внутреннему миру, отреченность от мирской суеты и посвящение себя духовному; милосердие, миролюбивые тенденции, непритязательность, консервативность (приверженность к традициям)</p>	<p>занудство, гневливость, ипохондричность, депрессивность, отказ от ориентации на личные достижения</p>
Старик	<p>Установка: созидательная – предполагает деятельность, направленную на благо общества.</p> <p>Потребность: наставлять.</p> <p>Временная характеристика индивидуального развития: старость.</p> <p>Характеристики: консервативность (приверженность к традициям), склонность к морализации и нравоучениям, ригидность правил, умудренность жизненным опытом, проявляет спокойствие и терпение в конфликтных ситуациях</p>	<p>консервативность (приверженность к традициям), склонность к морализации и нравоучениям, ригидность правил, умудренность жизненным опытом</p>	<p>консервативность (приверженность к традициям), склонность к морализации и нравоучениям, ригидность правил, умудренность жизненным опытом</p>	<p>скептицизм, назидательность и догматичность, эмоциональное дистанцирование, замкнутость, апатичность</p>

Ролевая модель	Характеристики			
	выражены	умеренно выражены	слабо выражены	отрицаются
Дева	<p>Установка: созидательная – предполагает деятельность, направленную на благо общества.</p> <p>Потребность: подчиняться</p> <p>Временная характеристика индивидуального развития: молодость</p> <p>Характеристики: впечатлительность, эмоциональная нестабильность, конформность (подверженность влиянию окружающих), скромность, покорность, моральная добродетель, нравственность, внутренняя чистота, цельность помыслов и поступков, мечтательность и романтичность</p>	<p>впечатлительность, эмоциональная нестабильность, конформность (подверженность влиянию окружающих), скромность, покорность, моральная добродетель, нравственность, мечтательность и романтичность</p>	<p>впечатлительность, эмоциональная нестабильность, конформность (подверженность влиянию окружающих), скромность, покорность, моральная добродетель, нравственность, мечтательность и романтичность</p>	<p>инфантилизм, легковверная сговорчивость, готовность к самообману, чрезмерная доверчивость, застенчивость, неуверенность в себе, мнительность, чувствительность к мнению окружающих, скованность, зажатость</p>
Герой	<p>Установка: созидательная – предполагает деятельность, направленную на благо общества.</p> <p>Потребность: преодолевать.</p> <p>Временная характеристика индивидуального развития: молодость</p> <p>Характеристики: энергичность, боевитость, инициативность, увлеченность, преодоление препятствий, готовность к риску, целеустремленность, независимость, свободомыслие, настойчивость в достижении успеха в какой-либо деятельности, стремление защитить окружающих от реального «врага»</p>	<p>энергичность, боевитость, инициативность, увлеченность, преодоление препятствий, готовность к риску, целеустремленность, независимость, свободомыслие, настойчивость в достижении успеха в какой-либо деятельности</p>	<p>энергичность, боевитость, инициативность, увлеченность, преодоление препятствий, готовность к риску, целеустремленность, независимость, свободомыслие, целеустремленность</p>	<p>своенравность, упрямство, самоуверенность, стремление защитить окружающих от мнимого «врага», завышенная самооценка, проявление самовлюбленности и высокомерия</p>

Ролевая модель	Характеристики			
	выражены	умеренно выражены	слабо выражены	отрицаются
Ведьма	<p>Установка: деструктивная – предполагает деятельность, направленную на разрушение.</p> <p>Потребность: познавать, обольщать</p> <p>Временная характеристика индивидуального развития: молодость</p> <p>Характеристики: индивидуалистичность, склонность полагаться на собственные усилия в достижении успеха, практичность, осторожность, автономность, интуитивность, находчивость, стрессоустойчивость, обладает развитым духом соперничества, высокая самооценка</p>	<p>индивидуалистичность, склонность полагаться на собственные усилия в достижении успеха, практичность, осторожность, автономность, интуитивность, находчивость, стрессоустойчивость</p>	<p>индивидуалистичность, склонность полагаться на собственные усилия в достижении успеха, практичность, осторожность, автономность, интуитивность, находчивость, стрессоустойчивость</p>	<p>эгоцентричность, желчность, подозрительность, яростность и коварство, вспыльчивость, циничность, раскрепощенность, амбициозность</p>
Трикстер	<p>Установка: деструктивная – предполагает деятельность, направленную на разрушение.</p> <p>Потребность: бунтовать.</p> <p>Временная характеристика индивидуального развития: молодость.</p> <p>Характеристики: экспрессивность, подверженность эмоциональным порывам, незаурядность, самобытность, изобретательность, личностное своеобразие, стремление выразить свои мысли и чувства необычно, неожиданно, парадоксально, нестандартно, эксцентричность</p>	<p>экспрессивность, подверженность эмоциональным порывам, незаурядность, самобытность, изобретательность, личностное своеобразие, эксцентричность</p>	<p>экспрессивность, подверженность эмоциональным порывам, незаурядность, самобытность, изобретательность, личностное своеобразие</p>	<p>сверхвозбудимость, импульсивность, хаотичность, непоследовательность действий, лукавство, изворотливость, конфликтность, безответственность, агрессивность, отсутствие согласия с общепринятыми моральными правилами и стандартами; беспринципность и склонность к асоциальному поведению</p>

Ролевая модель	Характеристики			
	выражены	умеренно выражены	слабо выражены	отрицаются
Девочка	<p>Установка: созидательная – предполагает деятельность, направленную на благо общества.</p> <p>Потребность: играть.</p> <p>Временная характеристика индивидуального развития: детство</p> <p>Характеристики: жизнерадостность, оптимистичная восторженность, фантазерство, спонтанность, эмоциональность, коммуникативность, скромность, широта интересов, искренность, наивность</p>	<p>жизнерадостность, оптимистичная восторженность, фантазерство, спонтанность, эмоциональность, коммуникативность, скромность, наивность</p>	<p>жизнерадостность, оптимистичная восторженность, фантазерство, спонтанность, эмоциональность, коммуникативность</p>	<p>застенчивость, стыдливость, хаотичность, активность, рассогласованность и размытость правил, инфантильность и зависимость, скрытность, тревожность, капризность</p>
Мальчик	<p>Установка: созидательная – предполагает деятельность, направленную на благо общества.</p> <p>Потребность: играть</p> <p>Временная характеристика индивидуального развития: детство.</p> <p>Характеристики: импульсивность, боевитость, смелость, фантазерство, поисковая активность, направленность на конкретную задачу, искренность, озорство</p>	<p>импульсивность, боевитость, смелость, фантазерство, искренность, озорство</p>	<p>импульсивность, боевитость, смелость, фантазерство, искренность, озорство</p>	<p>задиристость, хаотичность, активности, рассогласованность и размытость правил, инфантильность и зависимость, грубость, капризность, бесцеремонность</p>

Интерпретация мотивов методики «Калейдоскоп»

Цвет	ведущий	умеренно выражен	слабо выражен	отрицается
0 серый	в дистанции и незаметности	в дистанции и незаметности	в дистанции и незаметности	в дистанции и незаметности
1 синий	в покое, близости и любви	в покое, близости и любви	в покое, близости и любви	в покое, близости и любви
2 зеленый	в превосходстве и власти	в превосходстве и власти	в превосходстве и власти	в превосходстве и власти
3 красный	в успехе и возбуждении	в успехе и возбуждении	в успехе и возбуждении	в успехе и возбуждении
4 желтый	в переменах	в переменах	в переменах	в переменах
5 фиолетовый	в привлечении внимания	в привлечении внимания	в привлечении внимания	в привлечении внимания
6 коричневый	в физическом комфорте и чувственном удовольствии	в физическом комфорте и чувственном удовольствии	в физическом комфорте и чувственном удовольствии	в физическом комфорте и чувственном удовольствии
7 черный	в агрессии	в агрессии	в агрессии	в агрессии
8 белый	в освобождения от сопротивления	в освобождения от сопротивления	в освобождения от сопротивления	в освобождения от сопротивления

Таблица 3

Интерпретация способа достижения мотивов методики «Калейдоскоп»

через поисковую активность, самопознание оптимистичное эмоциональное отношение к миру	через саморазвитие, достижение успеха, преодоление преград
через единение и принятие, критический самоанализ	через достижение признания со стороны окружающих

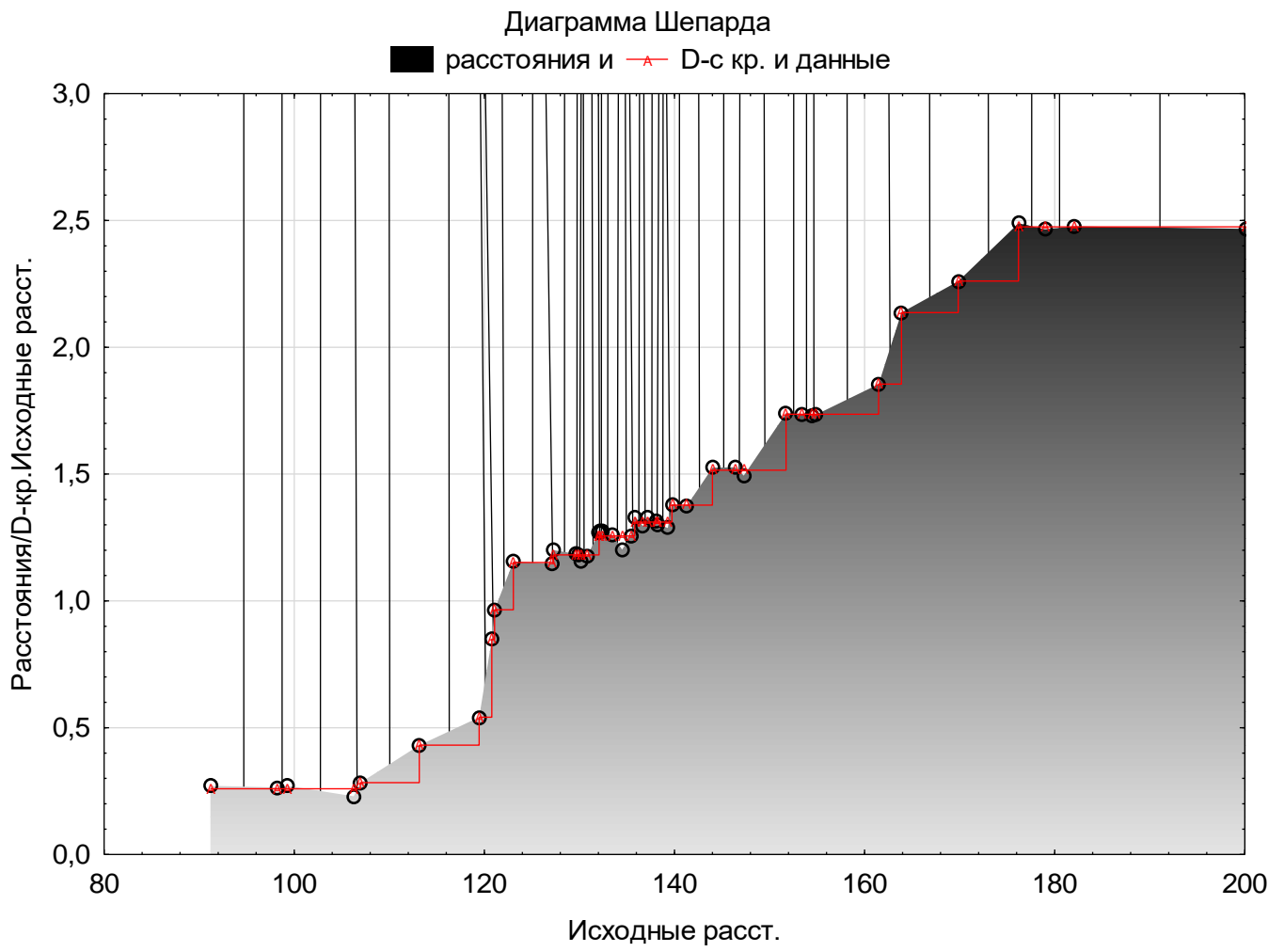

Рисунок 1. Диаграмма Шепорта

Таблица 1

Оценка вклада ролевых предикторов в семейной сфере в отклик
«Социальная активность» по всей эмпирической выборке

Ролевые предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t	p-знач.
Св.член			7,61	0,720	15,5	0,000
ЛРК	0,757	0,091	0,41	0,076	8,4	0,000
Мать	1,358	0,173	0,40	0,095	13,6	0,000
Отец	1,235	0,149	0,65	0,084	15,0	0,000
Герой	1,295	0,202	0,59	0,181	11,4	0,000
Трикстер	-0,388	0,102	-0,42	0,072	-3,8	0,000

Таблица 2

Оценка вклада ролевых предикторов в семейной сфере в отклик
«Психосоциальное принятие» по всей эмпирической выборке

Ролевые предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t	p-знач.
Св.член			1,01	1,190	7,8	0,000
Девочка	1,09	0,179	1,80	0,155	8,7	0,000
Мать	2,83	0,246	1,75	0,152	5,5	0,000
Дева	3,34	0,299	2,00	0,179	12,1	0,000
Ведьма	-0,45	0,296	-0,95	0,291	-4,6	0,000
Локус ролевого конфликта	-0,75	0,141	-0,52	0,098	-5,3	0,000

Таблица 3

Оценка вклада ролевых предикторов в семейной сфере в отклик
«Социальная удовлетворенность» по всей эмпирической выборке

Ролевые предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t	p-знач.
Св.член			0,563	0,125	4,49	0,000
Мать	0,324	0,114	0,097	0,034	2,84	0,006
Мальчик	0,263	0,131	0,066	0,033	2,00	0,049
Девочка	0,413	0,163	0,097	0,038	2,52	0,014
Трикстер	-0,285	0,129	-0,049	0,034	-2,43	0,050
Отец	0,265	0,137	0,057	0,029	1,93	0,051
Дева	0,267	0,156	0,052	0,031	2,71	0,042

Таблица 4

Оценка вклада ролевых предикторов в сфере неформальных контактов в отклик
«Социальная активность» по всей эмпирической выборке

Ролевые предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t	p-знач.
Св.член			10,48	2,858	3,67	0,000
Старуха	-1,08	0,285	-1,11	0,290	-3,81	0,000
Старик	-1,19	0,373	-0,91	0,285	-3,20	0,001
Отец	1,30	0,393	0,95	0,287	3,30	0,001
Дева	1,66	0,441	1,08	0,287	3,77	0,000
Герой	1,40	0,406	0,98	0,285	3,44	0,001
Ведьма	-1,57	0,437	-1,02	0,285	-3,59	0,000
Трикстер	-1,64	0,456	-1,02	0,285	-3,59	0,000
Локус ролевого конфликта	-0,18	0,027	-0,04	0,006	-6,45	0,000

Таблица 5

Оценка вклада ролевых предикторов в сфере неформальных контактов в отклик
«Психосоциальное принятие» по всей эмпирической выборке

Ролевые предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t	p-знач.
Св.член			7,13	0,888	8,02	0,000
Ведьма	-0,885	0,090	-0,50	0,459	-9,79	0,000
Дева	0,629	0,111	0,48	0,084	5,69	0,000
Мать	1,065	0,106	0,82	0,081	10,07	0,000

Таблица 6

Оценка вклада ролевых предикторов в сфере неформальных контактов в отклик
«Социальное удовлетворение» по всей эмпирической выборке

Ролевые предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t	p-знач.
Св.член			5,43	0,208	26,2	0,000
Дева	0,97	0,040	0,48	0,020	24,3	0,000
Старик	-0,67	0,032	-1,41	0,068	-20,7	0,000
Герой	1,30	0,056	0,57	0,025	23,1	0,000
Мальчик	0,65	0,038	0,26	0,015	17,1	0,000
Девочка	1,62	0,094	0,89	0,051	17,3	0,000
ЛРК	0,53	0,047	0,23	0,020	11,4	0,000

Таблица 7

Оценка вклада ролевых предикторов в профессиональной сфере в отклик
«Социальная активность» по всей эмпирической выборке

Ролевые предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t	p-знач.
Св.член			0,852	0,174	4,9	0,000
Отец	0,907	0,046	0,886	0,067	13,2	0,000
Трикстер	-0,477	0,046	-0,390	0,037	-10,5	0,000
Герой	0,786	0,045	0,536	0,033	4,1	0,000
Ведьма	0,205	0,052	0,137	0,035	3,9	0,000

Таблица 8

Оценка вклада ролевых предикторов в профессиональной сфере в отклик
«Психосоциальное принятие» по всей эмпирической выборке

Ролевые предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t	p-знач.
Св.член			0,168	0,054	2,3	0,020
Отец	0,714	0,036	0,361	0,018	19,9	0,000
Дева	0,210	0,037	0,190	0,034	5,7	0,000
Мать	0,874	0,036	0,512	0,015	7,5	0,000
Ведьма	-0,232	0,035	-0,095	0,014	-6,7	0,000

Таблица 9

Оценка вклада ролевых предикторов в профессиональной сфере в отклик
«Социальная удовлетворенность» по всей эмпирической выборке

Ролевые предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t	p-знач.
Св.член			1,44	0,205	7,04	0,000
Герой	0,597	0,060	0,43	0,044	9,86	0,000
Дева	0,298	0,067	0,34	0,076	4,42	0,000
Отец	1,423	0,081	0,33	0,064	5,22	0,000
Трикстер	-0,211	0,057	-0,33	0,091	-3,68	0,000

Таблица 10

Оценка вклада ролевых предикторов в интимно-сексуальной сфере в отклик
«Социальная активность» по всей эмпирической выборке

Ролевые предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t	p-знач.
Св.член			13,31	0,859	15,41	0,000
Ведьма	0,497	0,044	0,93	0,048	11,28	0,000
Герой	0,594	0,128	0,81	0,066	12,43	0,000
Трикстер	0,734	0,053	1,22	0,084	13,85	0,000
Локус ролевого конфликта	0,121	0,028	0,12	0,028	4,28	0,000

Таблица 11

Оценка вклада ролевых предикторов в интимно-сексуальной сфере
в отклик «Психосоциальное принятие» по всей эмпирической выборке

Ролевые предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t	p-знач.
Св.член			1,90	2,192	7,3	0,000
Старуха	-0,55	0,473	-0,70	0,485	-11,7	0,000
ЛРК	-1,25	0,358	-1,69	0,310	-11,9	0,000
Дева	2,18	0,121	2,50	0,139	18,0	0,000
Трикстер	-0,90	0,353	-0,50	0,302	-13,9	0,000

Таблица 12

Оценка вклада ролевых предикторов в интимно-сексуальной сфере в отклик
«Социальное удовлетворение» по всей эмпирической выборке

Ролевые предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t	p-знач.
Св.член			4,95	0,347	14,31	0,000
Ведьма	0,540	0,058	0,32	0,034	9,47	0,000
Герой	0,406	0,037	0,26	0,011	5,67	0,000
Дева	0,427	0,079	0,58	0,054	18,01	0,000
Старик	-0,161	0,064	-0,16	0,063	-2,55	0,013
Трикстер	0,218	0,035	0,15	0,025	6,23	0,000

Оценка мультиколлинеарности для переменных в семейной сфере

	Старуха	Старик	Мать	Отец	Дева	Герой	Ведьма	Трикстер	Девочка	Мальчик	ЛРК	СУ	СП	СА
С Старуха	1,00	0,55	-0,18	-0,07	-0,15	-0,24	-0,09	-0,05	-0,44	-0,38	0,09	0,02	-0,03	-0,04
С Старик	0,55	1,00	0,00	0,05	-0,27	-0,36	-0,13	0,07	-0,52	-0,33	0,23	0,02	0,06	-0,18
С Мать	-0,18	0,00	1,00	0,31	-0,36	-0,49	-0,26	-0,20	0,17	0,27	-0,13	0,23	0,05	0,08
С Отец	-0,07	0,05	0,31	1,00	-0,10	-0,57	-0,20	-0,15	0,06	0,04	-0,10	0,26	0,27	-0,22
С Дева	-0,15	-0,27	-0,36	-0,10	1,00	0,38	-0,51	-0,26	0,01	-0,13	-0,08	-0,07	-0,04	0,14
С Герой	-0,24	-0,36	-0,49	-0,57	0,38	1,00	-0,01	-0,14	0,08	-0,09	-0,03	-0,24	-0,21	0,20
С Ведьма	-0,09	-0,13	-0,26	-0,20	-0,51	-0,01	1,00	0,51	-0,03	-0,12	0,08	-0,17	0,05	-0,22
С Трикстер	-0,05	0,07	-0,20	-0,15	-0,26	-0,14	0,51	1,00	-0,16	-0,26	0,12	-0,12	-0,14	0,06
С Ребенок д	-0,44	-0,52	0,17	0,06	0,01	0,08	-0,03	-0,16	1,00	0,19	-0,01	0,14	-0,04	0,07
С Ребенок м	-0,38	-0,33	0,27	0,04	-0,13	-0,09	-0,12	-0,26	0,19	1,00	-0,10	0,10	0,15	-0,01
Локус ролевого конфликта	0,09	0,23	-0,13	-0,10	-0,08	-0,03	0,08	0,12	-0,01	-0,10	1,00	-0,01	0,01	-0,05
Социальная удовлетворенность	0,02	0,02	0,23	0,26	-0,07	-0,24	-0,17	-0,12	0,14	0,10	-0,01	1,00	0,53	0,27
Психосоциальное принятие	-0,03	0,06	0,05	0,27	-0,04	-0,21	0,05	-0,14	-0,04	0,15	0,01	0,53	1,00	-0,44
Социальная активность	-0,04	-0,18	0,08	-0,22	0,14	0,20	-0,22	0,06	0,07	-0,01	-0,05	0,27	-0,44	1,00

Оценка мультиколлинеарности для переменных в сфере неформальных контактов

	М Старуха	М Старик	М Мать	М Отец	М Дева	М Герой	М Ведьма	М Трикстер	М Ребенок д	М Ребенок м	Локус ролевого конфликта	Социальная удовлетворенность	Психосоциальное принятие	Социальная активность
М Старуха	1,00	0,21	0,21	-0,03	-0,10	-0,33	-0,13	-0,32	0,00	-0,15	0,07	0,05	0,20	-0,22
М Старик	0,21	1,00	-0,11	-0,03	-0,21	-0,16	-0,09	-0,31	0,01	-0,12	0,05	-0,02	0,03	-0,15
М Мать	0,21	-0,11	1,00	-0,08	0,04	-0,16	-0,26	-0,25	-0,02	-0,12	-0,12	-0,10	-0,01	-0,09
М Отец	-0,03	-0,03	-0,08	1,00	-0,04	0,00	-0,39	-0,23	-0,22	-0,08	0,20	-0,05	-0,07	0,04
М Дева	-0,10	-0,21	0,04	-0,04	1,00	-0,07	-0,14	-0,29	-0,05	-0,33	0,14	0,07	0,08	-0,06
М Герой	-0,33	-0,16	-0,16	0,00	-0,07	1,00	-0,11	-0,17	-0,19	0,02	0,11	-0,04	0,08	-0,07
М Ведьма	-0,13	-0,09	-0,26	-0,39	-0,14	-0,11	1,00	0,12	-0,13	-0,10	-0,12	-0,03	0,01	-0,14
М Трикстер	-0,32	-0,31	-0,25	-0,23	-0,29	-0,17	0,12	1,00	0,04	0,21	-0,23	0,07	-0,15	0,36
М Ребенок д	0,00	0,01	-0,02	-0,22	-0,05	-0,19	-0,13	0,04	1,00	-0,12	-0,11	-0,01	-0,02	-0,10
М Ребенок м	-0,15	-0,12	-0,12	-0,08	-0,33	0,02	-0,10	0,21	-0,12	1,00	-0,02	0,06	-0,11	0,39
Локус ролевого конфликта	0,07	0,05	-0,12	0,20	0,14	0,11	-0,12	-0,23	-0,11	-0,02	1,00	-0,05	-0,03	-0,05
Социальная удовлетворенность	0,05	-0,02	-0,10	-0,05	0,07	-0,04	-0,03	0,07	-0,01	0,06	-0,05	1,00	0,52	0,28
Психосоциальное принятие	0,20	0,03	-0,01	-0,07	0,08	0,08	0,01	-0,15	-0,02	-0,11	-0,03	0,52	1,00	-0,44
Социальная активность	-0,22	-0,15	-0,09	0,04	-0,06	-0,07	-0,14	0,36	-0,10	0,39	-0,05	0,28	-0,44	1,00

Оценка мультиколлинеарности для переменных в профессиональной сфере

	П Старуха	П Старик	П Мать	П Отец	П Дева	П Герой	П Ведьма	П Трикстер	П Ребенок д	П Ребенок м	Локус ролевого конфликта	Социальная удовлетворенность	Психосоциальное принятие	Социальная активность
П Старуха	1,00	0,16	0,01	-0,25	-0,09	-0,26	-0,02	-0,10	-0,03	0,05	0,04	-0,06	-0,11	-0,01
П Старик	0,16	1,00	-0,08	-0,11	-0,51	-0,35	-0,26	0,11	-0,08	-0,04	0,27	0,10	0,20	-0,13
П Мать	0,01	-0,08	1,00	-0,07	0,07	-0,21	-0,22	-0,39	-0,07	-0,16	-0,35	0,06	-0,13	0,13
П Отец	-0,25	-0,11	-0,07	1,00	0,01	0,19	-0,31	-0,42	-0,19	-0,20	-0,03	0,11	-0,02	0,23
П Дева	-0,09	-0,51	0,07	0,01	1,00	0,10	-0,08	-0,27	-0,08	-0,16	-0,18	-0,18	-0,16	0,10
П Герой	-0,26	-0,35	-0,21	0,19	0,10	1,00	-0,23	-0,20	-0,21	-0,12	0,03	0,03	0,06	0,13
П Ведьма	-0,02	-0,26	-0,22	-0,31	-0,08	-0,23	1,00	0,06	0,23	-0,08	-0,13	0,08	0,07	-0,15
П Трикстер	-0,10	0,11	-0,39	-0,42	-0,27	-0,20	0,06	1,00	0,17	0,21	0,32	-0,14	-0,01	-0,22
П Ребенок д	-0,03	-0,08	-0,07	-0,19	-0,08	-0,21	0,23	0,17	1,00	0,14	-0,05	-0,18	-0,12	-0,02
П Ребенок м	0,05	-0,04	-0,16	-0,20	-0,16	-0,12	-0,08	0,21	0,14	1,00	0,03	-0,07	0,02	-0,07
Локус ролевого конфликта	0,04	0,27	-0,35	-0,03	-0,18	0,03	-0,13	0,32	-0,05	0,03	1,00	-0,02	0,01	-0,06
Социальная удовлетворенность	-0,06	0,10	0,06	0,11	-0,18	0,03	0,08	-0,14	-0,18	-0,07	-0,02	1,00	0,56	0,24
Психосоциальное принятие	-0,11	0,20	-0,13	-0,02	-0,16	0,06	0,07	-0,01	-0,12	0,02	0,01	0,56	1,00	-0,44
Социальная активность	-0,01	-0,13	0,13	0,23	0,10	0,13	-0,15	-0,22	-0,02	-0,07	-0,06	0,24	-0,44	1,00

Оценка мультиколлинеарности для переменных в интимно-сексуальной сфере

	И Старуха	И Старик	И Мать	И Отец	И Дева	И Герой	И Ведьма	И Трикстер	И Ребенок д	И Ребенок м	Локус ролевого конфликта	Социальная удовлетворенность	Психосоциальное принятие	Социальная активность
И Старуха	1,00	-0,15	0,08	0,19	0,21	-0,13	-0,03	-0,21	-0,41	-0,15	0,22	0,06	-0,11	0,24
И Старик	-0,15	1,00	0,06	-0,22	-0,28	-0,09	-0,15	-0,19	-0,08	0,21	-0,10	-0,02	-0,14	0,10
И Мать	0,08	0,06	1,00	-0,08	-0,06	-0,20	0,03	-0,06	-0,11	-0,20	0,08	-0,06	0,07	-0,11
И Отец	0,19	-0,22	-0,08	1,00	0,00	-0,20	-0,15	-0,18	-0,09	-0,20	0,16	0,07	-0,13	0,08
И Дева	0,21	-0,28	-0,06	0,00	1,00	-0,19	-0,21	-0,16	-0,29	-0,17	-0,03	-0,26	-0,10	-0,16
И Герой	-0,13	-0,09	-0,20	-0,20	-0,19	1,00	-0,20	-0,41	0,22	-0,26	0,06	-0,03	0,08	-0,13
И Ведьма	-0,03	-0,15	0,03	-0,15	-0,21	-0,20	1,00	0,11	-0,07	-0,12	-0,20	0,05	-0,04	0,17
И Трикстер	-0,21	-0,19	-0,06	-0,18	-0,16	-0,41	0,11	1,00	-0,11	0,08	-0,21	0,23	0,14	0,04
И Ребенок д	-0,41	-0,08	-0,11	-0,09	-0,29	0,22	-0,07	-0,11	1,00	0,07	0,14	0,04	0,15	-0,12
И Ребенок м	-0,15	0,21	-0,20	-0,20	-0,17	-0,26	-0,12	0,08	0,07	1,00	0,14	-0,08	-0,06	0,05
Локус ролевого конфликта	0,22	-0,10	0,08	0,16	-0,03	0,06	-0,20	-0,21	0,14	0,14	1,00	-0,02	0,01	-0,06
Социальная удовлетворенность	0,06	-0,02	-0,06	0,07	-0,26	-0,03	0,05	0,23	0,04	-0,08	-0,02	1,00	0,56	0,24
Психосоциальное принятие	-0,11	-0,14	0,07	-0,13	-0,10	0,08	-0,04	0,14	0,15	-0,06	0,01	0,56	1,00	-0,44
Социальная активность	0,24	0,10	-0,11	0,08	-0,16	-0,13	0,17	0,04	-0,12	0,05	-0,06	0,24	-0,44	1,00

Таблица 1

Апостериорные сравнения влияние локуса ролевого конфликта и мотива на социальную активность

Мотив	Тип локуса ролевого конфликта	{1}	{2}	{3}	{4}	{5}	{6}	{7}	{8}	{9}	{10}	{11}	{12}
		4,33	5,29	4,24	4,07	5,29	4,67	4,06	5,92	4,92	2,86	3,92	4,33
Близости	экстернальный												
	интернальный	0,03											
	промежуточный	0,81	0,02										
Само-актуализации	экстернальный	0,50	0,01	0,68									
	интернальный	0,12	0,99	0,10	0,06								
	промежуточный	0,44	0,22	0,35	0,19	0,35							
Активности	экстернальный	0,44	0,01	0,63	0,96	0,05	0,16						
	интернальный	0,00	0,27	0,00	0,00	0,38	0,03	0,00					
	промежуточный	0,09	0,40	0,06	0,02	0,56	0,55	0,01	0,05				
Переменах	экстернальный	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00			
	интернальный	0,40	0,01	0,53	0,77	0,05	0,17	0,78	0,00	0,04	0,03		
	промежуточный	1,00	0,04	0,82	0,53	0,14	0,47	0,47	0,00	0,12	0,00	0,42	

Таблица 2

Апостериорные сравнения влияние локуса ролевого конфликта и мотива на психосоциальную удовлетворенность

		{1}	{2}	{3}	{4}	{5}	{6}	{7}	{8}	{9}	{10}	{11}	{12}
		4,50	3,12	3,97	4,67	2,71	4,33	4,46	2,17	3,95	3,79	2,62	4,70
синий	экстернальный												
синий	интернальный	0,00											
синий	промежуточный	0,15	0,06										
зеленый	экстернальный	0,66	0,00	0,07									
зеленый	интернальный	0,00	0,54	0,04	0,00								
зеленый	промежуточный	0,69	0,01	0,40	0,46	0,01							
красный	экстернальный	0,90	0,00	0,18	0,58	0,00	0,77						
красный	интернальный	0,00	0,09	0,00	0,00	0,43	0,00	0,00					
красный	промежуточный	0,10	0,05	0,96	0,05	0,04	0,36	0,14	0,00				
желтый	экстернальный	0,05	0,13	0,66	0,03	0,08	0,22	0,07	0,00	0,67			
желтый	интернальный	0,00	0,35	0,01	0,00	0,89	0,00	0,00	0,45	0,00	0,02		
желтый	промежуточный	0,59	0,00	0,06	0,93	0,00	0,41	0,51	0,00	0,04	0,02	0,00	

Таблица 3

Апостериорные сравнения влияние локуса ролевого конфликта и мотива на психосоциальное принятие

Психосоциальное принятие		{1}	{2}	{3}	{4}	{5}	{6}	{7}	{8}	{9}	{10}	{11}	{12}
		4,42	2,65	3,55	5,07	2,43	3,83	4,11	3,42	3,44	4,07	2,77	4,56
синий	экстернальный												
синий	интернальный	0,00											
синий	промежуточный	0,05	0,09										
зеленый	экстернальный	0,14	0,00	0,00									
зеленый	интернальный	0,01	0,78	0,13	0,00								
зеленый	промежуточный	0,25	0,04	0,59	0,02	0,07							
красный	экстернальный	0,46	0,00	0,20	0,03	0,02	0,58						
красный	интернальный	0,09	0,24	0,82	0,01	0,23	0,52	0,23					
красный	промежуточный	0,02	0,12	0,79	0,00	0,16	0,42	0,09	0,97				
желтый	экстернальный	0,42	0,01	0,26	0,03	0,03	0,65	0,92	0,28	0,14			
желтый	интернальный	0,00	0,85	0,18	0,00	0,68	0,09	0,02	0,35	0,23	0,03		
желтый	промежуточный	0,75	0,00	0,03	0,27	0,00	0,17	0,32	0,06	0,01	0,30	0,00	

Таблица 4

Апостериорные сравнения выраженности локуса ролевого конфликта
в зависимости от возрастного периода и ролевой когерентности с полом

Группы	{1} - M=11,591	{2} - M=11,685	{3} - M=9,9474	{4} - M=10,900
молодость нет {1}				
молодость да {2}	0,996			
подростки да {3}	0,000	0,004		
подростки нет {4}	0,377	0,457	0,269	

Таблица 5

Апостериорные сравнения выраженности эмоционального комфорта
в зависимости от возрастного периода и ролевой когерентности с полом

Группы	{1} - M=49,894	{2} - M=50,759	{3} - M=47,875	{4} - M=42,667
молодость да {1}				
молодость нет {2}	0,849			
подростки да {3}	0,001	0,082		
подростки нет {4}	0,000	0,001	0,541	

Таблица 6

Апостериорные сравнения выраженности принятия себя
в зависимости от возрастного периода и ролевой когерентности с полом

Группы	{1} - M=43,3655	{2} - M=45,6296	{3} - M=47,7895	{4} - M=43,7843
молодость да {1}				
молодость нет {2}	0,046			
подростки да {3}	0,000	0,000		
подростки нет {4}	0,000	0,000	1,000	

Таблица 7

Апостериорные сравнения выраженности принятия других
в зависимости от возрастного периода и ролевой когерентности с полом

Группы	{1} - M=40,0505	{2} - M=41,7778	{3} - M=41,9105	{4} - M=38,0196
молодость да {1}				
молодость нет {2}	0,707			
подростки да {3}	0,000	0,000		
подростки нет {4}	0,001	0,001	0,933	

Таблица 8

Апостериорные сравнения выраженности уверенности
в зависимости от возрастного диапазона и ролевой когерентности с полом

Группы	{1} - M=5, 040	{2} - M=2,7719	{3} - M=6,2856	{4} - M=7,1171
подростки да {1}				
подростки нет {2}	0,310			
молодость да {3}	0,000	0,000		
молодость нет {4}	0,000	0,000	0,161	

Таблица 9

Апостериорные сравнения выраженности независимости
в зависимости от возрастного диапазона и ролевой когерентности с полом

Группы	{1} - M=5,2589	{2} - M=2,1467	{3} - M=6,8193	{4} - M=8,1706
подростки да {1}				
подростки нет {2}	0,984			
молодость да {3}	0,000	0,000		
молодость нет {4}	0,000	0,000	0,864	

Таблица 10

Апостериорные сравнения выраженности зависимости
от возрастного диапазона и ролевой когерентности с полом

Группы	{1} - M=9,3354	{2} - M=12,1489	{3} - M=4,4193	{4} - M=5,8159
подростки да {1}				
подростки нет {2}	0,462			
молодость да {3}	0,000	0,000		
молодость нет {4}	0,000	0,000	0,643	

Таблица 11

Апостериорные сравнения выраженности неуверенности
в зависимости от возрастного диапазона и ролевой когерентности с полом

	{1} - M=13,0383	{2} - M=12,8715	{3} - M=5,8241	{4} - M=5,1731
подростки да {1}				
подростки нет {2}	0,900			
молодость да {3}	0,000	0,000		
молодость нет {4}	0,000	0,000	1,000	

Таблица 12

Апостериорные сравнения выраженности общительности
в зависимости от возрастного диапазона и ролевой когерентности с полом

Группы	{1} - M=5,7773	{2} - M=5,8000	{3} - M=6,5000	{4} - M=5,5556
подростки да {1}				
подростки нет {2}	0,801			
молодость да {3}	0,000	0,000		
молодость нет {4}	0,000	0,000	0,000	

Таблица 13

Апостериорные сравнения выраженности отзывчивости
в зависимости от возрастного диапазона и ролевой когерентности с полом

Группы	{1} - M=6,6535	{2} - M=5,0996	{3} - M=5,4281	{4} - M=2,2312
подростки да {1}				
подростки нет {2}	0,151			
молодость да {3}	0,101	0,223		
молодость нет {4}	0,000	0,000	0,000	

Корреляции между ролевыми параметрами в группе респондентов
с различным уровнем мотивации аффилиации

Таблица 1

Ранговые корреляции между ролями в группе респондентов
с низким уровнем стремление к принятию и низким уровнем страха отвержения
(бесконфликтно низкая мотивация аффилиации)

Взаимосвязанные переменные	Число - набл.	Спирмен а - R	р-уров.
Роль организатора развлечений & Организатор семейной субкультуры	200	-0,638	0,000
Ответственный за материальное обеспечение семьи & Роль психотерапевта	200	-0,603	0,001
Старик & Дева	200	-0,577	0,000
Ребенок (д) & Ребенок (м)	200	-0,553	0,000
Трикстер & Организатор семейной субкультуры	200	-0,542	0,004
Ответственный за материальное обеспечение семьи & Роль воспитателя	200	-0,540	0,004
Герой & Трикстер	200	-0,429	0,006
Старуха & Ведьма	200	-0,429	0,006
Отец & Дева	200	-0,417	0,007
Старуха & Роль организатора развлечений	200	-0,407	0,039
Старуха & Герой	200	-0,402	0,010
Мать & Хозяин-хозяйка	200	-0,395	0,046
Отец & Ведьма	200	-0,383	0,015
Старик & Организатор семейной субкультуры	200	-0,360	0,041
Хозяин-хозяйка & Роль сексуального партнера	200	-0,354	0,046
Дева & Ответственный за материальное обеспечение семьи	200	-0,342	0,047
Старик & Роль воспитателя	200	-0,339	0,040
Мать & Старуха	200	-0,328	0,039
Отец & Трикстер	200	-0,322	0,043
Трикстер & Роль сексуального партнера	200	0,407	0,039
Локус ролевого конфликта & Роль психотерапевта	200	0,432	0,028
Трикстер & Роль организатора развлечений	200	0,452	0,020
Старуха & Организатор семейной субкультуры	200	0,461	0,018
Старик & Роль организатора развлечений	200	0,464	0,017
Старуха & Хозяин-хозяйка	200	0,492	0,011
Ведьма & Роль воспитателя	200	0,617	0,001

Ранговые корреляции между ролями в группе респондентов
с высоким уровнем стремления к принятию и низким уровнем страха отвержения
(бесконфликтно высокая мотивация аффилиации)

Взаимосвязанные переменные	Число - набл.	Спирмена - R	p-уров.
Ведьма & Локус ролевого конфликта	200	-0,511	0,000
Ведьма & Организатор семейной субкультуры	200	-0,330	0,022
Ведьма & Роль психотерапевта	200	-0,315	0,029
Ведьма & Хозяин-хозяйка	200	-0,370	0,010
Герой & Ведьма	200	-0,275	0,014
Герой & Дева	200	-0,446	0,000
Герой & Ребенок (д)	200	-0,252	0,024
Герой & Локус ролевого конфликта	200	0,475	0,000
Герой & Роль психотерапевта	200	0,290	0,046
Герой & Хозяин-хозяйка	200	0,306	0,034
Дева & Ребенок (д)	200	0,232	0,039
Дева & Трикстер	200	-0,531	0,000
Дева & Организатор семейной субкультуры	200	0,663	0,000
Дева & Ответственный за материальное обеспечение семьи	200	0,705	0,000
Дева & Роль воспитателя	200	0,480	0,001
Дева & Роль организатора развлечений	200	0,693	0,000
Дева & Роль психотерапевта	200	0,473	0,001
Дева & Роль сексуального партнера	200	0,651	0,000
Дева & Хозяин-хозяйка	200	0,677	0,000
Мать & Герой	200	-0,286	0,010
Мать & Ребенок (м)	200	-0,249	0,026
Мать & Старуха	200	0,303	0,006
Отец & Герой	200	0,432	0,000
Отец & Трикстер	200	-0,321	0,004
Отец & Роль воспитателя	200	0,327	0,023
Отец & Роль психотерапевта	200	0,345	0,016
Ребенок (д) & Ребенок (м)	200	-0,859	0,000
Ребенок (д) & Роль психотерапевта	200	-0,319	0,027
Старик & Дева	200	-0,525	0,000
Старик & Трикстер	200	0,346	0,002
Старик & Организатор семейной субкультуры	200	-0,589	0,000
Старик & Ответственный за материальное обеспечение семьи	200	-0,612	0,000
Старик & Роль воспитателя	200	-0,430	0,002
Старик & Роль организатора развлечений	200	-0,618	0,000
Старик & Роль психотерапевта	200	-0,415	0,003
Старик & Роль сексуального партнера	200	-0,566	0,000
Старик & Хозяин-хозяйка	200	-0,633	0,000
Старуха & Локус ролевого конфликта	200	0,275	0,016

Взаимосвязанные переменные	Число - набл.	Спирмена - R	p-уров.
Старуха & Роль воспитателя	200	0,310	0,032
Старуха & Роль психотерапевта	200	0,343	0,017
Старуха & Хозяин-хозяйка	200	0,300	0,038
Трикстер & Локус ролевого конфликта	200	-0,330	0,004
Трикстер & Организатор семейной субкультуры	200	-0,440	0,002
Трикстер & Ответственный за материальное обеспечение семьи	200	-0,516	0,000
Трикстер & Роль воспитателя	200	-0,783	0,000
Трикстер & Роль организатора развлечений	200	-0,496	0,000
Трикстер & Роль психотерапевта	200	-0,768	0,000
Трикстер & Роль сексуального партнера	200	-0,762	0,000
Трикстер & Хозяин-хозяйка	200	-0,634	0,000
Локус ролевого конфликта & Организатор семейной субкультуры	200	0,712	0,000
Локус ролевого конфликта & Ответственный за материальное обеспечение семьи	200	0,686	0,000
Локус ролевого конфликта & Роль воспитателя	200	0,690	0,000
Локус ролевого конфликта & Роль организатора развлечений	200	0,675	0,000
Локус ролевого конфликта & Роль психотерапевта	200	0,708	0,000
Локус ролевого конфликта & Роль сексуального партнера	200	0,775	0,000
Локус ролевого конфликта & Хозяин-хозяйка	200	0,834	0,000
Ответственный за материальное обеспечение семьи & Организатор семейной субкультуры	200	0,976	0,000
Ответственный за материальное обеспечение семьи & Роль воспитателя	200	0,471	0,001
Ответственный за материальное обеспечение семьи & Роль организатора развлечений	200	0,987	0,000
Ответственный за материальное обеспечение семьи & Роль сексуального партнера	200	0,825	0,000
Ответственный за материальное обеспечение семьи & Хозяин-хозяйка	200	0,843	0,000
Роль воспитателя & Организатор семейной субкультуры	200	0,444	0,002
Роль воспитателя & Ответственный за материальное обеспечение семьи	200	0,471	0,001
Роль воспитателя & Роль организатора развлечений	200	0,466	0,001
Роль воспитателя & Роль психотерапевта	200	0,992	0,000
Роль воспитателя & Роль сексуального партнера	200	0,867	0,000
Роль организатора развлечений & Организатор семейной субкультуры	200	0,977	0,000
Роль организатора развлечений & Роль психотерапевта	200	0,451	0,001
Роль психотерапевта & Организатор семейной субкультуры	200	0,451	0,001
Роль психотерапевта & Ответственный	200	0,471	0,001

Взаимосвязанные переменные	Число - набл.	Спирмена - R	p-уров.
за материальное обеспечение семьи			
Роль психотерапевта & Роль организатора развлечений	200	0,451	0,001
Роль сексуального партнера & Организатор семейной субкультуры	200	0,798	0,000
Роль сексуального партнера & Роль организатора развлечений	200	0,832	0,000
Роль сексуального партнера & Роль психотерапевта	200	0,850	0,000
Хозяин-хозяйка & Организатор семейной субкультуры	200	0,871	0,000
Хозяин-хозяйка & Роль воспитателя	200	0,785	0,000
Хозяин-хозяйка & Роль организатора развлечений	200	0,846	0,000
Хозяин-хозяйка & Роль психотерапевта	200	0,794	0,000
Хозяин-хозяйка & Роль сексуального партнера	200	0,915	0,000

Таблица 3

Статистически значимые ранговые корреляции между ролями в группе респондентов с высоким уровнем страха отвержения и низким уровнем стремления к принятию (конфликтно низкая мотивация аффилиации)

Взаимосвязанные переменные	Число - набл.	Спирмена - R	p-уров.
Ведьма & Роль сексуального партнера	191	0,321	0,047
Дева & Локус ролевого конфликта	191	-0,329	0,041
Ответственный за материальное обеспечение семьи & Организатор семейной субкультуры	191	-0,404	0,011
Ответственный за материальное обеспечение семьи & Роль организатора развлечений	191	0,445	0,005
Ребенок (д) & Ребенок (м)	191	-0,859	0,000
Роль воспитателя & Организатор семейной субкультуры	191	-0,675	0,000
Роль воспитателя & Роль организатора развлечений	191	0,479	0,002
Роль организатора развлечений & Организатор семейной субкультуры	191	-0,564	0,000
Роль организатора развлечений & Роль психотерапевта	191	0,408	0,010
Роль психотерапевта & Хозяин-хозяйка	191	0,348	0,030
Роль сексуального партнера & Роль организатора развлечений	191	-0,431	0,006
Роль сексуального партнера & Роль психотерапевта	191	-0,707	0,000
Старик & Ведьма	191	-0,360	0,024
Хозяин-хозяйка & Организатор семейной субкультуры	191	0,473	0,002
Хозяин-хозяйка & Роль сексуального партнера	191	-0,625	0,000

Таблица 4

Статистически значимые ранговые корреляции между ролями в группе респондентов с высоким уровнем страха отвержения и высоким уровнем стремления к принятию (конфликтно высокая мотивация мотивации аффилиации)

Взаимосвязанные переменные	Число - набл.	Спирмена - R	р- уров.
Ведьма & Роль сексуального партнера	300	0,321	0,047
Дева & Локус ролевого конфликта	300	-0,329	0,041
Ребенок (д) & Ребенок (м)	300	-0,859	0,000
Старик & Ведьма	300	-0,360	0,024
Ответственный за материальное обеспечение семьи & Организатор семейной субкультуры	300	-0,404	0,011
Ответственный за материальное обеспечение семьи & Роль организатора развлечений	300	0,445	0,005
Роль воспитателя & Организатор семейной субкультуры	300	-0,675	0,000
Роль воспитателя & Роль организатора развлечений	300	0,479	0,002
Роль организатора развлечений & Организатор семейной субкультуры	300	-0,564	0,000
Роль организатора развлечений & Роль психотерапевта	300	0,408	0,010
Роль психотерапевта & Роль сексуального партнера	300	-0,707	0,000
Роль сексуального партнера & Роль организатора развлечений	300	-0,431	0,006
Хозяин-хозяйка & Организатор семейной субкультуры	300	0,473	0,002
Хозяин-хозяйка & Роль психотерапевта	300	0,348	0,030
Хозяин-хозяйка & Роль сексуального партнера	300	-0,625	0,000

Сопоставительный анализ интеркорреляций в подгруппах курсантов и студентов
с разным уровнем мотивации аффилиации

Таблица 1

Общие интеркорреляции в подгруппах курсантов и студентов с разным уровнем
мотивации аффилиации

Роли	Бесконфликтно низкий	Конфликтно низкий	Бесконфликтно высокий	Конфликтно высокий
Старик	Ведьма		Ведьма	Ведьма
	Дева	Дева		
	Организатор семейной субкультуры	Организатор семейной субкультуры		
	Роль воспитателя	Роль воспитателя		
	Роль организатора развлечений	Роль организатора развлечений		
Старуха	Хозяин–хозяйка	Хозяин–хозяйка		
Мать	Старуха	Старуха		
Отец	Трикстер	Трикстер		
Дева			Локус ролевого конфликта	Локус ролевого конфликта
	Ответственный за материальное обеспечение семьи	Ответственный за материальное обеспечение семьи		
Ведьма		Роль сексуального партнера	Роль сексуального партнера	Роль сексуального партнера
Трикстер	Роль сексуального партнера	Роль сексуального партнера		
	Организатор семейной субкультуры	Организатор семейной субкультуры		
	Роль организатора развлечений	Роль организатора развлечений		

Роли	Бесконфликтно низкий	Конфликтно низкий	Бесконфликтно высокий	Конфликтно высокий
Девочка	Мальчик	Мальчик	Мальчик	Мальчик
Организа тор семейной субкульт уры		Ответственный за материальное обеспечение семьи	Ответственный за материальное обеспечение семьи	Ответственный за материальное обеспечение семьи
		Хозяин-хозяйка	Хозяин- хозяйка	Хозяин-хозяйка
Роль организа тора развлечен ий		Ответственный за материальное обеспечение семьи	Ответственный за материальное обеспечение семьи	Ответственный за материальное обеспечение семьи
	Организатор семейной субкультуры	Организатор семейной субкультуры	Организатор семейной субкультуры	Организатор семейной субкультуры
		Роль сексуального партнера	Роль сексуального партнера	Роль сексуального партнера
		Роль психотерапевта	Роль психотерапевта	Роль психотерапевта
Роль воспита теля		Организатор семейной субкультуры	Организатор семейной субкультуры	Организатор семейной субкультуры
	Ответственный за материальное обеспечение семьи	Ответственный за материальное обеспечение семьи		
Хозяин- хозяйка	Роль сексуального партнера	Роль сексуального партнера	Роль сексуального партнера	Роль сексуального партнера
Роль психотер апевта		Роль сексуального партнера	Роль сексуального партнера	Роль сексуального партнера
	Ответственный за материальное обеспечение семьи	Ответственный за материальное обеспечение семьи		
		Хозяин-хозяйка	Хозяин- хозяйка	Хозяин-хозяйка
	Локус ролевого конфликта	Локус ролевого конфликта		

Частные интеркорреляции в подгруппах курсантов и студентов с разным уровнем мотивации аффилиации

Роли	Бесконфликтно низкий	Конфликтно низкий	Бесконфликтно высокий	Конфликтно высокий
Старуха	Организатор семейной субкультуры	Локус ролевого конflikта		
	Роль организатора развлечений	Роль воспитателя		
	Ведьма	Роль психотерапевта		
	Герой			
Старик		Трикстер		
		Ответственный за материальное обеспечение		
		Роль психотерапевта		
		Роль сексуального партнера		
		Хозяин-хозяйка		
Мать	Хозяин-хозяйка			
		Герой		
		Мальчик		
Отец	Дева	Герой		
	Ведьма	Роль воспитателя		
		Роль психотерапевта		
Дева		Девочка		
		Трикстер		
		Роль воспитателя		
		Организатор семейной субкультуры		
		Роль организатора развлечений		
		Роль психотерапевта		
		Роль сексуального партнера		
		Хозяин-хозяйка		

Герой	Трикстер	Ведьма		
		Дева		
		Девочка		
		Локус ролевого конфликта		
		Роль психотерапевта		
		Хозяин-хозяйка		
Ведьма		Локус ролевого конфликта		
		Организатор семейной субкультуры		
		Роль психотерапевта		
		Хозяин-хозяйка		
Трикстер		Локус ролевого конфликта		
		Ответственный за материальное обеспечение семьи		
		Роль воспитателя		
		Роль психотерапевта		
		Хозяин-хозяйка		
Локус ролевого конфликта		Организатор семейной субкультуры		
		Ответственный за материальное обеспечение семьи		
		Роль воспитателя		
		Роль организатора развлечений		
		Роль сексуального партнера		
		Хозяин-хозяйка		

Хозяин-хозяйка		Роль организатора развлечений		
		Роль воспитателя		
		Ответственный за материальное обеспечение семьи		
Роль сексуального партнера		Ответственный за материальное обеспечение семьи		
		Организатор семейной субкультуры		
Роль воспитателя		Ответственный за материальное обеспечение семьи		
		Организатор семейной субкультуры		
		Роль организатора развлечений		
		Роль психотерапевта		
		Роль сексуального партнера		
Роль психотерапевта		Роль организатора развлечений		
		Организатор семейной субкультуры		

Рисунок 1. Модель ролевой социализации

Содержание и специфика ролевой социализации личности

	Уровни	Содержание	Временные качества	Специфические качества	Системные качества	Механизмы	Конфликты	Принципы				
								Частные		Общие		
Значение критерия дискриминатора уровней дифференциации	Элементный	Социокультурный код	Атемпоральность	Стандартизованность форм	Чувствительность к ролевому пространству	Инкультурация (Я принадлежу)	Экспекционный конфликт		Одномоментности		Структурно-уровневый	
	Компонентный	Ролевые модели	Длительность (диахроничность)	Стереотипность	Регулятивная разнопорядковость	Имитация (Я умею)			Дополнительности Итеративности			Иерархичности
	Субсистемный	Социальные сферы	Опосредованное следование	Институциональность	Комплексирование ролей	Адаптация (Я как вы)	Конфликт ситуационной	Межролевой конфликт	Трансформирующейся дифференциации Консолидации		Кумуляции парциальных результатов Интегативности	
	Общесистемный	Личность	Целевое следование	Индивидуальность	Социальность (социальная активность)	Индивидуализация (Я есть)			Целевой детерминации			Интегрального единства
	Метасистемный	Взаимодействие	Синхроничность	Интегативность	Взаимодетерминация и супераддитивность	Интеграция (Я могу)			Мотивационно-ролевой конфликт	Масштабной инвариантности Обратимости Мультиплицирования целого в части Взаимодействия		